

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

59

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2017 Issue 59

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2017 Выпуск 59

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Упсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
(ответственный секретарь)
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 59

М.: ИВИ, 2017. — 400 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073–7564

Эл. № ФС 77-53624

DIALOGUE WITH TIME 59

Moscow: IWN, 2017. — 400 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс
в общероссийском каталоге «Роспечать»
36030

- © Общество интеллектуальной истории, 2017
- © Институт всеобщей истории, 2017
- © Журнал «Диалог со временем», 2017

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

К. В. ХВОСТОВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ*

Задача статьи состоит в изучении границ применения неклассической научной парадигмы в исторических исследованиях. Роль названной парадигмы выражается в применении математических методов при анализе пространственно-временных исторических тенденций. Специфические черты историописания – результат внимания, придаваемого единичным событиям.

Ключевые слова: неклассическая научная парадигма, математические методы, единичные события, единичная каузальность

Основу современного научного познания (естественнонаучного, экономического, частично социологического) составляет неклассическая научная парадигма. В соответствии с ней в центре исследовательского внимания находятся проблемы изменения во времени и пространстве сложных нелинейных динамических систем, именуемого «динамический хаос»¹. Иными словами, считается, что сложная система представляет собой взаимосвязь многих пространственно-временных вероятностных тенденций. Изменение подобных систем происходит в результате т.н. «малых, локальных возмущений», или локальных флуктуаций, возникающих в области слабой детерминированности системы. В первую очередь изменение претерпевает один элемент или подсистема, которые обозначаются «параметр порядка». Затем изменение в результате синергии и самоорганизации распространяется на всю систему². Основатель синергетики бельгийский ученый, нобелевский лауреат И. Пригожин проводит параллель между современной физикой с ее интересом к временным изменениям систем и нарративными науками, в частности, с историей, в центре внимания которой находятся проблемы длительности и временных перемен³. При этом он ссылается на концепции лидеров школы Анналов Ф. Броделя и М. Блока⁴. Однако полагаю, что заслуги названных ученых преувеличены. Представления о длительности в истории как совокупности изменчивых ситуаций, восходящее в европейской традиции к идеям Аристотеля о связи прошедшего, настоящего и будущего, отличает взгляды многих

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект №16-03-00281.

¹ Майнцер 2010. С. 86.

² Там же. С. 88. Кирьянов, Радзиховская 2014. С. 127, 128.

³ Пригожин 1989. С. 3-5; Пригожин 1991. С. 51.

⁴ Пригожин 1989. С. 5-6.

теоретиков. Подобные представления о преемственности времен характерны для Гегеля, Маркса, Шпенглера, Ясперса, Тойнби, Леви-Стросса, Вебера и многих других мыслителей. Выдающийся отечественный историк М.А. Барг посвятил свой известный труд «Эпохи и идеи» изучению становления европейского историзма, т.е. сложного сочетания преемственности и изменений в развитии исторической мысли, истоки которого исследователь обнаружил еще в античности⁵.

В современной эпистемологии и методологии истории существует мнение, согласно которому идеи синергетики значимы для общественных наук и особенно для истории⁶. Но распространена и противоположная точка зрения, выразители которой полагают, что синергетика неприменима для историописания⁷. Примечательно, что сторонники разных оценок значимости синергетики для изучения истории не приводят для обоснования своих взглядов подробной аргументации и конкретных проявлений исторических процессов, реконструируемых на основе исторических источников.

Автор данной статьи полагает, что проблема значимости и границ современной, основанной на синергетике научной парадигмы для изучения прошлого, заслуживает специального детального рассмотрения с привлечением материала исторических источников и их анализа под соответствующим углом зрения. Соответственно, в данной статье делается попытка определения значимости и пределов применения названной парадигмы для характеристики исторического развития прошлого.

Специфика методологии историописания особенно ярко проявляется при изучении отдаленного исторического прошлого, отличительная черта которого – слабые социальные коммуникации и плохая сохранность дошедших до нас памятников. При изучении новой и новейшей истории существует больше сходства с эпистемологией, методологией и в целом с научной стратегией, отличающимися социологию, политологию и экономическую науку.

Понятие отдаленного прошлого – условно, в первую очередь мы понимаем под этим понятием эпоху европейского средневековья, от которой (в отличие от античности) сохранились некоторые сведения, которые с оговорками можно рассматривать как «массовый» материал, позволяющий строить предположения о пространственно-временных тенденциях. При рассмотрении данной проблематики осуществляется иллюстрация полученных выводов на конкретном материале, относящемся к истории Византии, который составляет предмет собственных исследований автора статьи. Однако многие нижеследующие обобщения, полагаю, действительны для исторической науки в целом.

⁵ Барг 1967. С. 32.

⁶ Нехамкин 2015. С. 151.

⁷ Пелипенко 2008. С. 80; Гобозов 2015. С. 72.

В рамках названной парадигмы, как отмечалось, при изучении динамических систем акцентируется связь детерминизма с вероятностно-статистическими изменениями. При этом, как подчеркивает один из теоретиков синергетики К. Майнцер, единичные индивидуальные события, равно как и единичные каузальности, не являются предметом изучения при рассмотрении системы в период ее стабильного состояния. Только при характеристике периодов дестабилизации системы в сферу исследовательского интереса попадают отдельные события, вызвавшие соответствующую динамику⁸.

Трудно не заметить существенное различие предмета исследования, методики и в целом исследовательской стратегии, с одной стороны, естественных и экономических наук, находящихся в центре внимания современных аналитиков, а с другой – исторической науки. Каждому историку известна та роль, которая в рамках историописания придается единичным, индивидуальным событиям и их казуальным связям при изучении не только периодов общественных изменений, но и отличавшихся особым отношением стабильными состояниями. При этом, историк всегда особое внимание уделяет деятельности, мотивам и интересам исторических агентов. В этой связи уместно сослаться на высказывание М. Хайдеггера, рассматривавшего событие как сущность исторического бытия⁹. Хаос как предмет исторического анализа своей множественной качественно-событийной формой отличается от того вероятностно-статистического разнообразия, которое подразумевается под техническим обозначением синергетики «динамический хаос».

Сказанное, однако, не следует абсолютизировать в том смысле, будто вероятностно-статистические методики совсем неприменимы при изучении изменений, претерпеваемых тенденциями в отдаленном прошлом. Действительно, названные методики используются при изучении социально-экономической истории прошлого при условии наличия в источниках соответствующей информации. Это обстоятельство, безусловно, говорит об определенной значимости для историописания идей современной неклассической парадигмы. Однако применение таких методик при изучении отдаленных эпох отличается спецификой, обусловленной характером имеющейся информации. Дело в том, что сведения, содержащиеся в исторических источниках (особенно средневековых и раннего Нового времени), далеко не всегда отличаются той однородностью, которая является непременным условием применения статистических методов. Известно, например, что в Средние века в отдельных регионах Европы и даже в отдельных поселениях и вотчинах в пределах одного государства меры земельной площади и размеры

⁸ Майнцер 2010. С. 87, 90; Пригожин 1959. С. 11.

⁹ Хайдеггер 2006. С. 164.

уплачивавшихся крестьянами податей сильно различались. Отсутствовали единые обязательные критерии применения названных характеристик. Причем такая неоднородность данных сочетается с известным фактом недостаточности и неполноты имеющихся в распоряжении исследователя сведений.

Полагаю, что в подобных исследовательских ситуациях при обработке имеющейся в источниках количественной информации целесообразно образовывать малые совокупности, включающие заведомо однородный материал источников. При этом специфика подхода состоит в том, что каждая малая совокупность соответствующих данных в рамках подобных исследований трактуется не как малая выборка из некоторой, хотя и неизвестной, но предполагаемой генеральной совокупности, а как самостоятельная совокупность, отражающая положение вещей в отдельных вотчинах, поселениях и других ограниченных пространственно-временных диапазонах.

В таких ситуациях возникает вопрос относительно того, имеем ли мы дело с абсолютно уникальными явлениями или же, при всем своем разнообразии, они обладали общими чертами, так как являлись локальным вариантом некоторых региональных тенденций. В связи с отсутствием прямых данных исследователь вынужден обращаться к косвенным. Например, соответствующую информацию в известных исследовательских ситуациях можно получить на основе анализа законодательных памятников. Названную процедуру проиллюстрируем на материале, относящемся к имущественному расслоению поземельно-зависимых крестьян Византии XIII–XIV вв., сведения о котором содержатся в поземельно-налоговых описях отдельных поселений с зависимыми держателями, принадлежавших крупным монастырям. На данном материале были рассчитаны коэффициенты корреляции и регрессии, характеризующие зависимость податей, уплачиваемых крестьянами отдельных поселений, от размеров их земельных держаний.

Для оценки значимости показателей, вычисленных на материале малых совокупностей, для функционирования хронотопа, включавшего наряду с данными и другие совокупности со сходными экономическими характеристиками, сведения о которых не сохранились, обратимся к 162 новелле Юстиниана, применявшейся и в поздней Византии. Согласно этой новелле, признаком нормального имущественного благосостояния крестьян являлось наличие у них земельного надела такой величины, какую крестьянская семья могла обработать собственными силами. Иными словами, подобная ситуация может быть интерпретирована как наличие необходимых и оптимальных условий для длительного поступательного развития соответствующего экономического уклада. С помощью дифференцированных уравнений был разработан механизм сравнения показателей, относящихся к отдельным поселени-

ям, составляющим малые совокупности, с оптимальными условиями развития, зафиксированных в законодательном памятнике¹⁰.

Полагаю, что для получения знания об общей тенденции, характеризующей изучаемые отношения в пределах хронотопа, превосходящего по своим параметрам эмпирически изученные малые совокупности, в отдельных исследовательских ситуациях возможно применение статистического приема выравнивания эмпирического ряда. В результате этой процедуры можно на основе сведений о малых совокупностях получить значения соответствующих характеристик пространственно-временной тенденции в пределах, превосходящих те, которые присущи этим совокупностям. Следует добавить, что дифференцированные уравнения применимы в исторических исследованиях не только при анализе количественной, но и качественной информации. Подобная практика, осуществляемая в социологии, экономической науке и истории была обобщена уже в 1960-е гг.¹¹ Распространенность таких исследований говорит о роли в истории методологических стратегий, рекомендуемых в рамках неклассической научной парадигмы.

Однако нам представляется, что по отношению к историописанию приведенные выводы нуждаются в дополнении. А именно, следует специально подчеркнуть, что обязательным условием эффективного применения дифференциальных уравнений не только при изучении отдаленного прошлого, но и в исторической науке в целом, является аргументированное предположение о непрерывном характере развития рассматриваемых тенденций в рамках интересующего исследователя пространственно-временного диапазона. В приведенном выше примере, относящемся к византийским зависимым крестьянам, аргументированное суждение о непрерывности интересующих исследователя отношений в фиксированном пространственно-временном диапазоне имеет в своем основании известный в науке факт применения законодательства Юстиниана в поздней Византии.

Однако очевидно, что по отношению к информации отдаленного прошлого, а иногда и более поздних периодов, выполнимость подобного условия во многих исследовательских ситуациях проблематична. Действительно, свойственные отдаленным эпохам слабые социальные коммуникации, недостаточность у историка источниковедческой базы делают возможным предположение о том, что плавное непрерывное развитие некоторой тенденции, наблюдаемое в рамках определенного хронотопа, было нарушено при переходе процесса в сферу более широкого пространственно-временного диапазона. Это означает, что в некоторой пространственно-временной точке развитие перешло в свою но-

¹⁰ Хвостова 2008. С. 114-123.

¹¹ Boudon 1968. P. 22; Novak 1960. P. 25.

вую стадию. При этом, дефекты исторической информации часто затрудняют обнаружение стадиальности процессов и нахождения граней перехода из одного состояния в другое. Эти факторы, очевидно, во многом отличают исследовательскую ситуацию в историописании от таковых в экономической науке и социологии, изучающих современность или недалекое прошлое. Соответственно, в истории меньшую роль играют идеи современной синергетики о фазах развития тенденций и “бифуркации”, как форме перехода от одной фазы в другую.

Сказанное означает, что в работе с историческими источниками следует с особым вниманием относиться к предостережениям теоретиков современной неклассической парадигмы относительно необходимости обнаружения «начальных условий», свидетельствующих о возникновении новых фаз в развитии процесса¹². Эти предостережения очень важны, так как отражают ограничения, возникающие при прогнозах и ретропрогнозах в отношении процессов отдаленного прошлого. Но, по всей видимости, некоторые современные теоретики макро-моделирования глобальных исторических процессов, т.е. сторонники применения математических методов при изучении культур, эпох, государств, цивилизаций, эти предостережения недооценивают.

Далее, в рамках современных представлений о неклассической парадигме с ее синергетическими идеями динамического хаоса особое значение придается проблеме локальных возмущений; претерпеваемых «параметром порядка», т.е. одной подсистемой или элементом¹³. Такие изменения в итоге приводят к трансформации всей системы. Действительно, в историческом развитии отдельные факты, события, ситуации играют важную роль. Однако возникает вопрос: можно ли квалифицировать эти сложные социальные факторы, вызывающие изменения динамических систем – государств, культур, цивилизаций – и составляющие предмет изучения историка, интерпретирующего качественное разнообразие происходившего, как результат «локальных возмущений»? Такое определение представляется по меньшей мере упрощенным. Помимо этого, исторический подход, при всех выявляемых историком переменах, предполагает констатацию факта сохранения на протяжении столетий неизменными таких социальных факторов, как язык, религия, ментальность, традиции. Слова и вещи, кроме того, не всегда подчиняются закону соответствия, иногда слова живут собственной жизнью, образуя лингвистические традиции¹⁴.

Обращаясь вновь к примеру византийской культуры, государственности и цивилизации, отметим огромную роль взаимосвязи хри-

¹² Майнцер 2010. С. 86.

¹³ Кирьянов, Радзиховская 2013. С. 129.

¹⁴ Philips 1970. P. 132.

стианства и античных представлений в их развитии. Эта характерная особенность сохранялась на протяжении все сложной богатой событиями византийской истории. Процесс завоевания христианством лидирующих позиций растянулся на многие столетия и отличался сложностью неповторимых событий. В исторических исследованиях христианизация рассматривается не как результат «малых локальных возмущений», а как разворачивание нового качества, характеризующееся цепью событий, каждое из которых представляет исследовательский интерес и имеет свою предысторию.

Сложность исторических изменений допускает, как известно, неоднозначность их понимания. Рассмотрим с этой точки зрения некоторые факты византийской политической истории. Обратимся к такому судьбоносному фактору, как взятие в 1204 г. Константинополя крестоносцами. Это событие, с одной стороны, явилось следствием политического и военного ослабления Византии, происходившего на протяжении длительного времени. Вряд ли его целесообразно рассматривать как локальное и к тому же малое «возмущение», вызванное случайными малозначащими факторами. Во всяком случае, никто из историков этого не делает. Историки полагают, что это «возмущение» было немалым. Но, с другой стороны, именно это, с точки зрения историка крупное, событие явилось непосредственной причиной временного прекращения существования империи как единого политического образования. Византийский историк Никифор Григора писал, что завоевание Константинополя привело к распаду империи на ряд самостоятельных частей¹⁵. Возникли Никейская, Трапезундская империи, Эпирское царство. Однако, несмотря на то, что падение Константинополя явилось непосредственной причиной распада империи, известен тот факт, что это событие не привело к полному разрушению византийской политической и социальной структуры, а также культуры, продолжавших существовать в рамках новых государственных образований. Существенно также то, что после восстановления Византийской империи в 1261 г. ее государственно-бюрократическая организация, социальные отношения и культура продолжали развиваться в прежнем русле.

Завоевание Константинополя турками в 1453 г. и последующие завоевания других частей империи, положившие конец существованию Византийской империи, также оцениваются в исторической литературе как закономерный итог многих внутренних и внешних факторов¹⁶. Исследователи отмечают роль факторов, отражавших постепенный упадок империи. Большое значение имел экономический спад. Турки издавна проникали на территорию Византии так же, как это делали в свое

¹⁵ Nicephori Gregorae 1835, I. P. 13-14.

¹⁶ Удальцова 1967. С. 207-218.

время готы по отношению к Италии. В Византии было распространено туркофильство. Турецкому завоеванию предшествовали неудачные попытки заключения унии с Западом. Политическая жизнь империи отличалась нестабильностью, частыми дворцовыми переворотами.

Завоевание Константинополя – крупнейшее событие мировой истории, однако, само по себе не означало конец византийской культуры и цивилизации. Их центром стала Мистра – столица Мореи, позднее завоеванной турками. Очевидно именно в Мистре византийская культура, прежде всего философия, достигла вершины своего развития в творчестве Георгия Гемиста Плифона. Византийская культура и после падения империи сохранила, как известно, свою значимость для развития многих регионов, а также свою роль во всемирной истории.

Иными словами, подход историка к изучению прошлого обнаруживает научную стратегию, подразумевающую акцентирование сложного исторического качественно-содержательного разнообразия, несводимого к обнаружению тенденций и «малых локальных возмущений». Качественное разнообразие истории всегда связано с деятельностью исторических агентов, их мотивами и интересами. Историк не сводит изучаемые им обратные зависимости к процессам самоорганизации. Многие подобные проявления – результат целенаправленной деятельности исторических агентов.

Пристальное внимание исторической науки к деталям, к исследованиям на микроуровне всегда являлось и является сегодня ее неотъемлемой чертой. Именно эта особенность историописания повлияла на историко-философские представления постмодернистов, акцентирующих в произведениях классических философов не основные идеи авторов, а высказывания, которые ранее рассматривались как второстепенные¹⁷. Опыт постмодернистов, относящихся к исследованиям на микроуровне как приоритетным, придает стратегии историописания общенаучную значимость.

Однако если идея «малых локальных возмущений» не представляется плодотворной в историописании прошлого, то идея стохастических, т.е. статистических тенденций и их изменений, акцентируемая в современной неклассической научной парадигме, значима не только для изучения социально-экономической истории отдаленного прошлого, но и для характеристики некоторых проявлений культуры и ментальности отдаленных эпох. Сказанное вновь проиллюстрируем на примере византийской истории.

Влияние античных идей испытывала в Византии не только восточная христианская догматика, оно было характерно и для исторических сочинений и официальных документов. Византийской культуре и

¹⁷ Дьяков 2016. С. 180.

ментальности было свойственно античное представление о круговороте общественных ситуаций во времени. Эпохи стабильности и нестабильности, по мнению византийцев, чередовались во времени, а миссия императора заключалась в восстановлении стабильности. Считалось, что повтор ситуации обуславливает возможности их относительного предвидения социальными агентами, что обозначалось с помощью глагола *стохадзомай* – предполагаю, догадываюсь. Меры, принимаемые императором, способствовали возвращению дестабилизированной ситуации в стадию плавного равномерного развития. Выбор тех или иных мер уподоблялся результату бросания игральной кости¹⁸. Известно, что А. Эйнштейн в письме к М. Борну писал, имея в виду современные представления о вероятностно-стохастических процессах: «Ты веришь в играющего в кости бога»¹⁹.

Приведенные сведения позволяют высказать мнение о том, что византийцам на уровне здравого смысла и ориентации в повседневности было присуще упрощенное представление о вероятностно-стохастических процессах в обществе. Но не являются ли сделанные выводы неоправданной модернизацией прошлого? Полагаю, что эти соображения относительно византийской ментальности правомерны, так как они являются аргументом в системе эпистемологического и методологического обоснования и оправдания применения при постижении прошлого статистических методов и дифференциальных уравнений, т.е. инструментария, присущего методике изучения стохастических процессов в рамках современной неклассической парадигмы.

Возвращаясь к проблеме формальных особенностей исторического познания, специфики эпистемологии и методологии истории, отличающих историописание от естественных наук, экономического знания, а также частично от политологии и социологии, отметим особую роль индукции в исторических исследованиях. В современной философии познания и естественнонаучном знании индукция не рассматривается как метод, с помощью которого могут быть сформулированы общие законы в той или иной отрасли знания. Законы формулируются на теоретическом уровне научного исследования как результат научной интуиции²⁰, основанной на аргументированном предположении о стабильности, т.е. закономерной повторяемости в значительном пространственно-временном диапазоне выявленных с помощью индукции на конкретном и ограниченном материале особенностей воспроизводства явления во времени. Исследовательская ситуация в историописании выглядит иначе. Историк изучает явления всегда в фиксированном пространственно-временном диапазоне. Например, «Социальное разви-

¹⁸ Хвостова 2008. С. 86.

¹⁹ Борн 1963. С. 376.

²⁰ Поппер 1983. С. 62, 27, 288.

тие Византии в XIII–XIV вв.», «Внешняя политика Византии в X в.» В рамках выбранного диапазона индукция, которая, полагаю, может быть обозначена как «интервальная индукция», является основным методом, с помощью которого формулируется характер функционирования изучаемых тенденций в заданных пределах.

Итак, исследовательская ситуация в историческом знании не дает оснований для утверждения о первостепенной значимости «малых локальных возмущений» при изучении глобальных исторических систем. Она отражает историческую роль индивидуальных каузальных связей, образующих тенденции, которые изучаются с помощью интервальной индукции. Обращение в рамках неклассической парадигмы к вероятностно-статистическим методам значимо при изучении стохастических тенденций прошлого, осуществляемое как с помощью статистических методов, так и дифференциальных уравнений, а также содержательных методик выявления длительности и непрерывности процессов.

Основными содержательными понятиями, лежащими в основе историописания, являются понятия времени и пространства. Соответственно, для постижения функционирования различных исторических пространственно-временных диапазонов всегда значимы понятия культуры и цивилизации. Существует, как известно, множество определений этих двух основополагающих понятий изучения макроисторических процессов как отдаленного, так и более близкого прошлого, а также современного развития. Культуру, на наш взгляд, целесообразно рассматривать как трансляцию на протяжении веков из поколения в поколение духовного и интеллектуального опыта человечества в рамках определенного пространственно-временного диапазона. Можно согласиться с определением цивилизации, данным В.Ж. Келле и обобщающим опыт многих дефиниций, приведенных другими учеными. Цивилизация – понятие более широкое, чем культура. Оно означает социокультурное образование и его способ воспроизводства во времени и пространстве²¹. Нам представляется целесообразным расширить это понятие, включив в него природно-географический фактор.

Однако в таком обобщенном виде понятия культуры и цивилизации мало значимы при анализе конкретного материала. Для этого данные понятия слишком общи и нуждаются в уточнении, т.е. необходима процедура гипостазирования и реификации²². Она заключается в сопоставлении общих понятий с данными конкретных источников. В результате этих действий понятия приобретают инструменталистскую значимость. При изучении цивилизаций в историческом прошлом эти процедуры в своем первом приближении детализируют понятие.

²¹ Келле 2000. С. 14.

²² Микешина 2010. С. 46.

Нецелесообразно сводить понятие цивилизации к набору признаков, как это иногда делается. Рациональнее определить его как совокупность сложных динамических функциональных и корреляционных связей между социальными, экономическими, политико-правовыми, ценностно-культурологическими, религиозно-ментальными факторами, образующими тенденции, традиции, отношения, сохраняющие определенную стабильность в значительном пространственно-временном диапазоне. Подобные связи, воплощаясь в реальных социальных институтах, и отношениях, определяют мировоззрение, самосознание социума и этносов, реализуются в конкретных социальных действиях.

Длительность этих связей определяется для каждой цивилизации с учетом исторической конкретики, развития информационных процессов в обществе, социальных коммуникаций, специфики воспроизводства цивилизационных параметров во времени, особенностей развития, характеризующихся сочетанием цивилизационных факторов и событийной истории. Изменение функциональных и корреляционных связей, составляющих цивилизацию, или перераспределение ролей этих связей отражают темпы и характер развития цивилизации, их временные фазы, а также варианты их взаимодействия с событийными факторами и деятельностью людей²³. Дальнейшее уточнение понятия «цивилизация» предполагает выявление индивидуальных признаков, характеризующих отдельные пространственно-временные диапазоны. Примером подобных действий являются приведенные выше уточнения византийской культуры и ментальности путем акцентирования в них античного влияния. Последняя стадия уточнения выполняет одновременно и объяснительную функцию.

Известный отечественный логик В.К. Финн характеризует процедуру уточнения понятий в терминах современной логики. Расплывчатые общие понятия он называет идеями, которые в результате уточнения превращаются в понятия. Уточнение осуществляется путем углубленного исследования тех данных, которыми оперирует исследователь, и предполагает проведение ряда исследовательских процедур. В итоге, при прежнем экстенсionale, то есть объеме, инсенционал понятия, то есть его содержание расширяется. Полученный результат Финн определяет как неаристотелевское строение процедурных понятий, в которых, в отличие от аристотелевских, содержание и объем не находятся в обратной зависимости²⁴.

На основании вышеизложенного можно заключить, что современное историческое знание с точки зрения современной эпистемологии и методологии в терминах присущих им понятий правомерно охарактер-

²³ Хвостова 2016. С. 81.

²⁴ Финн 2015. С. 28.

ризовать как комплексное синтетическое исследование. Его стратегия сочетает присущие истории методы историзма, детализма, то есть изучения фактов и единичных событий и каузальностей с анализом стохастических процессов с помощью вероятностно-стохастических методов и дифференциальных уравнений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барг М.А.* Эпохи и идеи. М., 1987.
- Борн М.* Физика моего поколения. М., 1963.
- Гобозов И.А.* Историческая наука и реконструкция исторического прошлого // Проблемы исторического познания. Отв. ред. К.В. Хвостова. М., 2015.
- Дьяков А.В.* Постмодернистская история философии: pro et contra // Вопросы философии. 2016. № 6.
- Келле В.Ж.* Культура в системе цивилизационных процессов // Сравнительное изучение цивилизаций мира. Отв. ред. К.В. Хвостова. М., 2000.
- Кирьянов А.П., Радзиховская В.К.* Причинность и случайность альтернативы в сложной системе // Проблемы исторического познания. Отв. ред. К.В. Хвостова. М., 2014.
- Майнцер К.* Вызовы сложности в XXI веке. Междисциплинарное введение // Вопросы философии. 2010. № 10.
- Микешина Л.А.* Эпистемологическое оправдание гипостазирования и реификации // Вопросы философии. 2010. № 12.
- Нехамкин В.А.* Синергетика и современное историческое познание: возможности и пределы // Проблемы исторического познания. Отв. ред. К.В. Хвостова. М., 2015.
- Пелипенко А.А.* К проблеме межсистемных переходов в культуре. М., 2000.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
- Пригожин И.* Перелом времени // Вопросы философии. 1989. № 8.
- Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.
- Удальцова З.В.* Основные причины падения Византии и последствия турецкого завоевания // История Византии в 3 т. Т. 3. М.: Наука, 1967.
- Финн В.К.* Неаристотелевское строение процедурных понятий // Логические исследования. М., 2015. № 1(21).
- Хайдеггер М.* Очерки философии. О событии // Вопросы философии. 2006. № 11.
- Хвостова К.В.* Византийская цивилизация как историческая парадигма. М.: Алетеия, 2008.
- Хвостова К.В.* Методология истории и ее связи с конкретно-историческими исследованиями // Вопросы философии. 2016. № 7.
- Boudon R.* L'analyse mathématique des faits sociaux. Paris, 1968.
- Nicephori Gregorae.* Byzantina historia. Bonnae, 1835.
- Novak S.* Some problems of causal interpretation of statistical relationship // Philosophy of science. 1960. № 27.
- Philips D.Z.* Faith and Philosophical Enquiry. London, 1970.

REFERENCES

- Barg M.A.* Epokhi i idei. M., 1987.
- Born M.* Fizika moego pokoleniya. M., 1963.
- Boudon R.* L'analyse mathématique des faits sociaux. Paris, 1968.
- D'yakov A.V.* Postmodernistskaya istoria filosofii: pro et contra // Voprosy filosofii. 2016. No. 6.
- Finn V.K.* Nearistotelevskoe stroenie protsedurnyh ponyatij // Logicheskie issledovaniya. M., 2015. No 1 (21).
- Gobozov I.A.* Istoricheskaya nauka i rekonstruktsiya istoricheskogo proshlogo // Problemy istoricheskogo poznaniya. M., 2015.
- Heidegger M.* Ocherki filosofii. O sobytii // Voprosy filosofii. 2006. No. 11.
- Kelle V.Zh.* Kultura v sisteme tsivilizatsionnyh mehanizmov // Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsiy mira. M., 2000.

- Khostova K.V. Metodology istorii i ee svyaz' s konkretno-istoricheskimi issledovaniyami // Voprosy filosofii. 2016. No 7.
- Khostova K.V. Vizantijskaya tsivilizatsiya kak istoricheskaya paradigma. M.: Aletejya, 2008.
- Kir'yanov A.P., Radzikhovskaya V.K. Prichinnost' i sluchainost' alternativy v slozhnoy sisteme // Problemy istoricheskogo poznaniya. M., 2014.
- Mainzer K. Vyzovy slozhnosti v XXI veke. Mezhdistsiplinarnoe vvedenie // Voprosy filosofii. 2010. No 10.
- Mikeshina L.A. Epistemology opravdanie gipostazirovaniya i reifikatsii // Voprosy filosofii. 2010. No 12.
- Nekhamkin V.A. Sinergetika i sovremennoe istoricheskoe poznanie: vozmozhnosti i predely // Problemy istoricheskogo poznaniya. M., 2015.
- Nicephorè Gregorae. Byzantina historia. Bonnae, 1835.
- Novak S. Some problems of causal interpretation of statistical relationship // Philosophy of science. 1960. №27.
- Pelipenko A.A. K probleme mezhсистемных perekhodov v culture. M., 2000.
- Philips D.Z. Faith and Philosophical Enquiry. London, 1970.
- Popper K. Logika i rost nauchnogo znaniya. M.: Progress, 1983.
- Prigozhin I. Filosofiya nestabilnosti // Voprosy filosofii. 1991. No 6.
- Prigozhin I. Pereonkrytie vremeni // Voprosy filosofii. 1989. No 8.
- Udal'tsova Z.V. Osnovnye prichiny padeniya Vizantii i posledstviya turetskogo zavoevaniya // Istoria Vizantii. Vol. 3. M.: Nauka, 1967.

Хвостова Ксения Владимировна, доктор исторических наук главный научный сотрудник, руководитель Центра «Проблемы исторического познания» Института всеобщей истории РАН, hvks@mail.ru

Actual problems of contemporary epistemology and methodology of history

The article aims to study limits of the application of non-classical scientific paradigm in the historical science. Use of statistical methods and differential equations in historical studies demonstrates the role of non-classical paradigm in history. The author's attention is focused on the specific features of history due to the role of historical events. The attention is given to the specific meaning of induction in history.

Keywords: non-classical scientific paradigm, mathematical methods, individual events, individual causalities.

Kseniya Khvostova, Dr.Sc. (History), Chief Researcher, Head of the Center «Problems of Historical Knowledge», Institute of World History, RAS, hvks@mail.ru

НА СТЫКЕ ДРЕВНИХ МИР-СИСТЕМ: ПРОЛЕГОМЕНЫ*

В статье рассматривается соотношение таких понятий, как мир-система и цивилизация, каждая из которых живет самостоятельной жизнью, сосуществуя во времени и пространстве. Цивилизация – матричное поле и имеет духовную подоснову. Будучи явлением корневым, цивилизация является своего рода константой. Существование мир-системы обусловлено преимущественно социально-экономическими факторами. Между мир-системами существуют линии разлома, на которых происходят конфликты и столкновения. В то же время, на пограничье мир-систем имеются трансляционные узлы, или контактные зоны, вдоль которых селились или традиционно проживали группы людей или целые этносы, обеспечивающие посредническую, медиационную роль между мир-экономиками и мир-империями. Мир-системы и цивилизации могут насильственно объединяться в гиперсистемы – мир-империи, среди которых выделяются самодостаточный, милитаристско-паразитирующий и смешанный типы. Милитаристско-паразитирующие империи могут быть стационарными и кочевыми. Кочевые или бивуачные империи – это империи-армии, которые существуют только в движении. Остановка движения приводит либо к гибели империи-армии, либо к трансформации в одну или чаще несколько стационарных империй, как правило, тоже милитаристско-паразитирующих.

Ключевые слова: мир-система, цивилизация, стереопарная конструкция, разлом, фронтир, контактная зона, трансляционный узел, мир-империя, империя-армия.

Соотношение мир-системы и цивилизации

Приступая к рассмотрению заявленной темы, хотелось бы в общих чертах оговорить несколько исходных концептов. За последние два столетия историческая наука развивалась преимущественно в двух плоскостях – эволюционной и цивилизационной. В основе эволюционного восприятия исторического процесса лежит прогрессистская идея линейного поступательного исторического времени. Цивилизационная картина мира зиждется на циклическом восприятии исторического времени. Эволюционисты рассматривают мировую историю как континуальное, унитарно-стадиальное, поэтапное продвижение стран и народов в строго определенном направлении, по единому сценарию и практически всегда в фарватере Западной Европы. В отличие от них, сторонники цивилизационного подхода рассматривают цивилизации как основные единицы бытия, замкнутые на себе хронотопные монады, имеющие уникальный облик и неповторимую судьбу. Единственное, что объединяет все эти монады – дискретность, ограниченность во времени и пространстве и строго чередующиеся ментальные циклы. За последние полстолетия цивилизационная теория не претерпела суще-

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российско-Армянского (Славянского) Университета в рамках проекта «Развития РАУ».

ственных изменений, все попытки современных политологов ее модернизировать создавали лишь дополнительные «шумы» и «имитационные искажения», из чего можно сделать вывод о том, что теория Тойнби и в наши дни не потеряла своей феноменологической значимости, универсальности и методологической продуктивности.

По Тойнби, основополагающим в цивилизациях является культурно-религиозное и ментальное начало¹ и удаленность от того места, где данное общество первоначально возникло². Основными он считал двадцать одну локальную цивилизацию, добавляя к ним четыре «задержанные» цивилизации, которые «в отличие от примитивных обществ дают истинные примеры “народов, у которых нет истории”. Они оказались в этом состоянии, желая продолжить движение, но вынужденные пребывать в своем незавидном положении из-за того, что всякая попытка изменить ситуацию означает гибель. В конце концов, они гибнут либо потому, что отважились все-таки двинуться, либо потому, что окоченели, застыв в неудобной позе». Однако один тип цивилизаций, который Тойнби обходит своим вниманием – это так называемые субстантивные цивилизации. Некоторые исследователи их также называют субцивилизациями³. Как правило, эти общества проходят долгий исторический путь и достигают высокого уровня развития, оставляя после себя яркий след, однако им редко удается выйти за региональные или даже национальные рамки. Как и основные цивилизации, они относятся к так называемому третьему поколению цивилизаций, рождаются на основе церквей из вторичных цивилизаций. Типичным примером локальной цивилизации являются сирийская⁴, иудейская, армянская, эфиопская и др.⁵ Основные же цивилизации имеют универсальное значение и косвенно влияют (особенно религиозно и ментально) на другие. Характерными, но не единственными примерами основных цивилизаций, согласно нашему обозначению, являются эллинская олимпийская, византийская ортодоксальная, арабская мусульманская, индуистская, конфуцианская, средиземноморско-католическая, протестантская североевропейская и североамериканская цивилизации, русская православная и пр. В то же время цивилизационный подход подразумевает отсутствие единого исторического процесса.

¹ Тойнби 2001. С. 156. «Разбивая историю на отдельные, локальные цивилизации, Тойнби вместе с тем пытается восстановить идею единства мировой истории, придавая этому единству религиозный смысл. Через отдельные цивилизации история ведет от примитивных обществ к цивилизациям, порождающим высшие религии и приобщенного к ним человека, способного остро ощущать существование иного, небесного мира» (Ивин 2000. С. 20).

² Тойнби 2001. С. 156.

³ Флиер 1993.

⁴ Муравьев 2013; 2016.

⁵ Тойнби 2001. С. 188-216.

Что касается эволюционного подхода к истории, то, благодаря Ф. Броделю и его последователям из «новых левых» (А. Франк, И. Валлерстайн, С. Амин, Э. Вульф и др.), за последние 75 лет, он претерпел значительные изменения, не без влияния идей Тойнби. Мы считаем наиболее продуктивным номотетическим подходом макросоциологический мир-системный анализ исторической динамики⁶. Характерная черта мир-системного подхода – стадийное макроэволюционное⁷ восприятие исторического времени и экономического детерминизм.

Любопытно, что в сознании большинства историков понятие мир-система, напрямую увязывается с макросоциологией и политэкономией, цивилизации же приписывается идеологическая подоснова. Оба эти подхода – цивилизационный, циклический и эволюционный, макросоциологический, традиционно считаются гетерогенными и взаимоисключающими. И все же в последнее время (правда, не в очень

⁶ Маргарян 2016. С. 173-194.

⁷ Валлерстайн называл такой подход *девелопменталистской перспективой*, объединяя под этим термином как его марксистскую, так и либеральную версии. Подобно Броделю и Франку, Валлерстайн рьяно отрекся от понятия развития и идеи прогресса [Wallerstein 1991]. Но линейно-стадийный эволюционизм имплицитно присутствует в работах Броделя и Валлерстайна. Так, в «Материализм цивилизации, экономике и капитализме» Бродель пишет: «Каждый мир-экономика существовал очень долгое время, **он эволюционировал, он трансформировался** (выделено нами. – Е.М.) на той же территории по отношению к самому себе, и разные его “возрасты”, его сменявшие друг друга состояния тоже предполагают возможность сопоставления» [Бродель, 2006. С. 26.4]. То же можно сказать о Валлерстайне, который делит мировую историю на этапы, каждый из которых на порядок выше и сложнее предыдущего. Такой подход к мировой истории он называет *мир-системной перспективой*, считая ее более осмысленной и реалистичной [Wallerstein 1979. P. 153-155; 1975. P. 15-16]. Наивысшей стадией развития Валлерстайн считал мир-систему. «Я, как и Шумпетер, – признается он, – верю, что мы живем на ранних стадиях перехода от капитализма к социализму, который происходит “у нас на глазах”. Одна из причин, почему нам интересно анализировать “переход от феодализма к капитализму”, – это помогает нам понять, как реализуются такие сравнительно редкие преобразования. Имея это в виду, важно подчеркнуть, что подобные переходы переживают не “общества в национальных границах” и тому подобные конструкции. Их переживают миросистемы» [Валлерстайн 2001. С. 77]. И еще, характерная деталь – критика марксову теорию об определяющей роли тех или иных производственных отношений в историческом процессе, Валлерстайн, тем не менее, связывает возникновение мировой системы, как наивысшей стадии исторического развития, с зарождением капитализма в «долгом XVI веке». Современные российские макросоциологи, не отрицая своих эволюционистских взглядов, подобно западным коллегам, связывают их со становлением глобальных связей. Это проявилось, в частности, в предложенной А.Н. Чумаковым периодизации исторического процесса, согласно которой мир развивается поступательно по трехчленной схеме: 1) эпоха фрагментарных событий (завершается 5 тыс. лет назад); 2) эпоха региональных событий (завершается в XV в.); 3) эпоха глобальных событий (завершается в середине XX в.) [Чумаков 2011. С. 166–167]. Чумакову вторят Л.Е. Гринин и А.В. Коротаев [Гринин, Коротаев 2009; Гринин 2011. С. 80-94].

выраженной форме) наблюдается тенденция сближения этих двух подходов. Дальнейшее их сближение может оказаться весьма продуктивным. Каждый из упомянутых подходов, взятый по отдельности, на наш взгляд, недостаточен, но если попытаться объединить их по принципу взаимодополнительности⁸, можно сложить объемную и цельную картину исторического процесса, дать более убедительные ответы на вопросы, стоящие перед современными общественными науками. Поэтому мы постарались построить наше исследование на основе синергетического подхода, который объединяет как цивилизационные, так и макросоциологические номотетические методы исследования.

Для этого нами была предложена схема *стереопарного пространства*, сочетающего в себе одновременно цивилизационное и мир-системное измерения. Эта бинарная структура образует своего рода сингонию, сочетающую два скрещивающихся по вертикали и горизонтали разнохарактерных поля. При этом цивилизационное поле является матричным, корневым, а мир-системное – изменчивым, подвижным, эволюционирующим. Протекающие над поверхностью матричной цивилизации эволюционные волны изменений не затрагивают ее сути.

Мир-система может включать в себя две или несколько цивилизаций, объединенных в рамках общей мир-экономики⁹, т.е. в едином эко-

⁸ Wilkinson 1995. P. 46-74.

⁹ Используя терминологию мир-системников мы, тем не менее, вкладываем в нее несколько иной смысл, подобно тому, как сам Валлерстайн, Франк и др. вкладывали в терминологию Ф. Броделя свой смысл, отличный от броделевского. Так, по Валлерстайну, *мир-экономика (world-economy)* – это часть мира или весь мир, который является единым экономическим целым, где именно экономика становится главной сферой общественной деятельности. Она представлена независимыми государствами-нациями с капиталистическим способом производства – Европа от Нового времени до наших дней, США, Япония и др. Однако в отличие от мир-системников первого поколения (Валлерстайн, Арриги, Франк), мы не считаем, что мир-экономика появилась лишь в эпоху капитализма. Некоторые из современных макросоциологов время возникновения Мир-Системы датируют девятым тысячелетием до Р.Х., связывая его с неолитической революцией [Коротяев 2003; 2005; Бондаренко 2006, 2. С. 47–66]. Более того, сам термин «эпоха капитализма» нам кажется искусственным и некорректным. Так называемое капиталистическое производство существовало и в древности, причем, не только в Азии, но и в Европе. Об этом писал еще М.И. Ростовцев, который в своих обобщающих трудах по социально-экономической истории эллинизма и Рима, вслед за Эдуардом Майером, справедливо признавал существование в древности капитализма, предпринимчивой греческой и римской буржуазии, и даже пролетарских революций [См.: Ростовцев 1899; 1908; 1918; Rostovtseff 1910; 1926; 1927; 1938; 1926-27; 1941]. И хотя изложенная Ростовцевым общая концепция развития древних обществ долгое время считалась модернизаторской, поскольку противоречила не только марксистско-ленинской теории, но и устоявшимся представлениям западных антиковедов о природе эллинистического и древнеримского экономических укладов, на самом деле его подходы сегодня нам кажутся гораздо убедительней, нежели критика его оппонентов.

номическом пространстве, со своим центром, сверхгородом, полупериферией и периферией. При этом локальные, а в некоторых случаях и основные цивилизации, могут быть расколоты, так что одна их часть окажется в одной мир-системе, а вторая – в другой. В то же время, цивилизации и спаявшая их мир-экономика диспаратны (т.е. имеют сдвинутые контуры), интерферентны и хронологически могут не совпадать. Это объясняется тем, что субстанционально они отличаются – в основе мир-экономики лежат материальные, базисные явления, в то время как цивилизации определяются миром идей. История полна примеров, когда после крушения мир-экономики, некогда входившие в ее орбиту цивилизации, продолжали автономно существовать, порождая новую или втягиваясь в орбиту другой мир-экономики. Еще больше примеров того, как после гибели той или иной цивилизации, мир-экономика продолжала функционировать, правда, теперь, на основе новой цивилизации или цивилизаций, возникших на обломках прежней, погибшей.

Остается добавить, что зарождение новой цивилизации происходит по-разному. Одни, такие как египетская, китайская, месопотамская, крито-микенская, индская, месоамериканская и ряд других цивилизаций, не имеющие предшественников, возникают в результате внутренних флуктуаций. Другие цивилизации – фрактальные и возникают в результате бифуркации, разветвления матричной цивилизации и обретения дочерними цивилизациями новых качеств, в сочетании с фрактальными, образующими новую синкретическую цивилизацию или цивилизации. Ярким примером цивилизационной бифуркации является российская цивилизация, образовавшаяся на базе ортодоксальной византийской матричной цивилизации и перенявшая целый ряд фрактальных родовых качеств своей предшественницы¹⁰.

Мир-системы и межсистемные линии разлома

Между мир-экономиками издревле существовали линии разлома¹¹, имевшие, однако, трансляционные узлы (т.н. зоны контакта). Мы считаем неправомерным проводить линии разлома между цивилизациями, как это делает С.Ф. Хантингтон¹², точнее было бы их охарактери-

¹⁰ Так, согласно традиции, игумен одного из монастырей под Псковом – Филофей разработал теорию Третьего Рима, согласно которой Москва провозглашалась преемницей второго Рима – Константинополя. Подобным образом Цинская (маньчжурская) империя объявила себя правопреемницей своей предшественницы Минской империи, сделав Пекин своей столицей.

¹¹ Согласно Броделю, мирэкономика ограничена пределами, за которыми начинается другая мирэкономика, «вдоль некой линии или, вернее, некой зоны, пересекать которую как с той, так и с другой ее стороны бывало выгодно с экономической точки зрения лишь в исключительных случаях, для основной части торговли, и в обоих направлениях, «потеря на обмене превысила бы прибыль» [Бродель 2006. С. 24, 26. 4].

¹² Huntington 1993. С. 22-49.

зовать как разломы между мир-экономиками и, соответственно, между мир-системами, включающими в себя несколько цивилизаций. История полна примеров, когда части одного этноса, исповедующие одну или разные религии, оказавшись в разных мир-экономиках, по разные стороны линии разлома, превращались в непримиримых врагов и истребляли друг друга с невероятной жестокостью. Достаточно вспомнить войны Джучидов и Хулагуидов (ильханов). На первый взгляд, они могут показаться обычным междоусобным конфликтом внутри монгольской империи в XIII–XIV вв. за контроль над кавказскими и прикаспийскими территориями и особенно над проходящими по ним торговыми путями, однако, на самом деле – это типичный пример межсистемного столкновения на линии разлома между мир-экономиками.

Другой пример – войны между туркменскими племенными объединениями ак-коюнлу и кара-коюнлу. Оба произошли от единого корня (огузы), говорили на одном языке и исповедовали одну религию. Единственное их отличие заключалось в цвете папах и баранов, изображенных на знаменах¹³. Оказавшись в XIV в. по разные стороны Евфратского фронта, они начали борьбу за доминирование в регионе и истребляли друг друга, пока окончательно не обескровили себя и не сошли с исторической арены, уступив место происшедшим от тех же огузов кызыл-башам и османам, которые, подобно своим предшественникам, оказавшись по разные стороны Евфратского мир-системного разлома, также вели истребительные войны друг против друга, но теперь уже на протяжении нескольких столетий¹⁴. В то же время, как некогда туркоманы, кызыл-баши и османы давали значительные преференции христианам-армянам, проживавшим на подконтрольных им территориях, ведь именно на армянах держалась экономика обеих империй.

Еще один, не менее характерный пример являет русско-украинский разлом. Русские, украинцы и белорусы – родственные народы, говорящие на близкородственных языках, принадлежащие к единой конфессии и, по сути, являющиеся составными частями единой цивилизации. Однако, оказавшись по разные стороны разлома, не цивилизационного, а именно мир-системного, две части одной цивилизации вступили в противоборство, которое в наши дни перешло, пожалуй, в самую горячую фазу за всю свою историю. Этот разлом проходит приблизительно от северо-востока Приднепровья до Немана.

И наконец, последний пример – западная часть Армении. Искони населенная армянами, она включала в себя такие области, как Малая Армения, в римскую эпоху известные как Первая и Вторая Армения, а

¹³ На знаменах кара-коюнлу был изображен черный баран на белом поле, а на знаменах ак-коюнлу все было с точностью наоборот (Рыжов 2004).

¹⁴ Самые ожесточенные войны между Сефевидской державой и Османской империей происходили в XV – первой четверти XVI в.

также Высокую Армению, Тайк, Алдзник и Софену (Цопк). Эта территория оказалась на периферии одной мир-системы, в то время как большая часть Великой Армении оказалась в другой мир-системе, что привело к конфессиональному обособлению двух частей армянской нации. В некоторых областях Западной Армении преобладающим стал ортодоксальный халкидонизм (коренное армянское население этих областей со временем грецизировалось или огрузинилось), в то время как в Восточной Армении укреплялись позиции Армянской Апостольской церкви, противопоставившей себя халкидонской церкви и влиянию ромеев в целом. В 615 г. на Ктесифонском соборе Армянская Апостольская церковь при поддержке Сасанидов была объявлена главной среди восточных церквей, и все остальные церкви, в т.ч. некогда могущественная сирийская церковь, должны были признавать ее верховенство. Армения оказалась размежёвана на линии разлома двух мир-экономик, что предопределило судьбы страны и нации. Армяне были обречены играть медиационную роль между мир-системами. Когда же трансляционные узлы переставали функционировать (как это было, например, в период сельджукского нашествия и после него) или перемещались в другие регионы (как это произошло в период Великих географических открытий), привыкшая играть роль контактеров гибкая и подвижная часть армянства вынужденно покидала историческую родину и селилась в других мировых трансляционных узлах – Киликии, Венеции, Константинополе, Амстердаме, Калькутте, Мадрасе, Львове, Трапезунде, Ливорно, Крыму, Исфахане, Астрахани, Дербенте и т.д. Возможно, одна из причин того, что такая высокоразвитая, деятельная и, по большому счету, внутренне монолитная нация, как армяне, столь часто теряла свою государственность, состоит в том, что Армения с древнейших времен находилась на линии разлома двух мир-систем. Подобных примеров в истории – бесконечное множество.

Остается добавить, что линия разлома между мир-системами может быть достаточно обширной и занимать значительное пространство, поэтому в некоторых случаях их целесообразнее дефинировать не столько линиями, сколько зонами разлома. Такой зоной разлома может быть, например, территория между Евфратом и Тигром, а также территория многих известных в истории фронтиров.

В данной работе мы постараемся обозначить несколько базовых мир-систем и очертить линии разлома между ними, а также показать, какие цивилизации, вовлечены в эти мир-системы и мир-империи, и в какой мере границы матричных цивилизаций совпадают с границами мир-экономик, которые вкупе и составляют мир-систему.

Начнем с *евфратско-гндукушской мир-системы*. Начиная с мидийско-ахеменидского, а возможно, с урартийского периодов, эта мир-система включала в себя, по меньшей мере, три цивилизации – месопото-

тамскую (восточноеврейскую), армянскую и иранскую, которые почти всегда были составными частями единой мир-экономики. Границы мир-экономик подчас имеют размытую конфигурацию, но евфратско-гиндукушская мир-система отличалась весьма четкими границами. Южной ее границей неизменно был Персидский залив, северная граница проходила по Кавказскому хребту, западной границей был Евфрат, а восточной – Памир и Гиндукуш. Единая евфратско-гиндукушская мир-экономика сформировалась почти одновременно с левантийской и балканско-малоазийской мир-экономиками – в III тыс. до н.э.

Расположенная к западу от евфратско-гиндукушской *балканско-малоазийская мир-система* также пережила взлеты и падения разных цивилизаций и нескольких мир-экономик. С севера и юга, эта мир-система была ограничена Черным и Средиземным морями, на западе омывалась Адриатическим морем, на северо-западе ее граница проходила по Дунаю, Саве и Купе, а с восточной стороны порубежьем был Евфрат, Восточно-Понтийские горы и Сурамский хребет, т.е. территория, в древности называвшаяся Колхидой. Вплоть до конца XVIII в. частью этой мир-экономики (и мир-системы) был также Крым. Балканско-малоазийская мир-система также имеет тысячелетнюю историю. Малоазийская мир-система, скорее всего, зародилась в III тыс. до н.э., а возможно, и раньше. Ядро этой мир-системы находилось в центре Малой Азии, в Хаттушасе, а затем мировой город из центра Малой Азии переместился на периферию, на Запад, в Трою, ближе к Балканам. Бедная ресурсами, но имевшая сильный флот Балканская Греция еще с микенской эпохи стремилась колонизовать Малую Азию и Причерноморье, создав тем самым единую мир-экономику и, по сути, единую мир-систему, которая включала бы в себя территорию от Адриатики до Евфрата, от Антитавра до Крыма. Именно в результате взаимодействия малоазийской и греческой цивилизаций образовалась мир-система, которую мы назвали балканско-малоазийской, и которая, по сути, особенно после слияний двух мир-экономик, стала талассоцентристской.

Левантийская или восточно-средиземноморская мир-система охватывала территории южнее Антитавра (линия разлома проходила по Коммагене и Киликии) и распространялась вплоть до Набатеи на юге и Месопотамии – на востоке.

Конфликт между этими мир-системами имеет столь же древнюю историю, как и сами эти мир-системы. Самые первые примеры относятся к середине II тыс. до н.э.: речь о хеттско-ассирийских войнах. Уже тогда линия разлома находилась на стыке трех мир-систем и проходила по Евфрату и горам Тавра, где тогда существовало передовое и довольно сильное государство Митанни. На этой же территории происходили столкновения между ассирийцами и Северо-сирийским союзом городов-государств. Во второй половине VIII в. до н.э. в конфликт

вмешалось объединившее в своем составе все Армянское нагорье государство Урарту, а позднее он принял еще больший размах. Достаточно вспомнить мидийско-лидийские войны, закончившиеся битвой на реке Галис, после чего территория Каппадокии и Западной Армении отошли к Мидии¹⁵. После завоеваний Кира Великого Малая Азия полностью вошла в состав державы Ахеменидов, более того, персы чуть не захватили и Балканский полуостров. Однако в греко-персидских войнах эллины не только выстояли, но и задались целью вернуть под свой контроль Малую Азию и восстановить разломанную по Гелеспонту мир-систему. Это задача была осуществлена Александром Великим.

В основе всех этих конфликтов лежат не столько цивилизационные факторы, сколько экономические. Любопытно, что, согласно античной традиции, перед битвой при Гавгамелах Дарий III Кодоман прислал к Александру послов с предложением поделить свою державу: Александру предлагалось довольствоваться западной частью Ахеменидской державы, а граница между двумя империями должна была пройти по Евфрату [Plut. Alex.: 29, 4]. Александр отказался от предложения, так как мечтал о большем, но позднее, именно по обозначенному Дарием рубежу протянутся границы между Римом и Парфией, а позднее между Восточной Римской империей и державой Сасанидов, и затем между Халифатом и империей ромеев. Еще позднее по Евфрату проходила линия разлома между Османской империей и Сефевидским Ираном (Месопотамия, особенно Багдад, переходили из рук в руки, пока этот цветущий край не превратился в пустыню). Любопытно, что после падения Византии Османская империя совпала по территории с балканско-малоазийской мир-экономикой. Такие совпадения не могут быть случайными, ведь османы ничего общего не имеют ни с Византией, ни с предшествующими ей цивилизациями. Таким образом, они унаследовали не цивилизационные (говорить об османской цивилизации не приходится), а мир-системные наработки ромеев¹⁶.

¹⁵ Своего апогея Мидийская империя достигла при Астиаге (585–550 гг. до н.э.), который унаследовал от предшественников огромную, относительно централизованную державу (самую большую за всю предшествующую историю мира), с хорошо организованным государственным аппаратом, включая корпорацию государственных жрецов-магов. Большая часть присоединенных территорий перешла под прямую власть мидийского престола, ее разделили на наместничества-сатрапии; лишь немногие области (Армина, Персия и Элам) были оставлены на вассальном положении. В 613 г. до н.э. Киаксар изменил титул «царя Мидии» на «царя народов», выдвинув совершенно новую концепцию государства как мировой деспотии, где царская власть была принципиально неограниченна, универсальна, стояла над любыми национально-государственными традициями (включая традиции собственного народа) и претендовала на весь мир. Эту концепцию унаследовали Ахемениды.

¹⁶ Характерная деталь – османский султан Мехмет II после захвата Константинополя объявил себя преемником императора ромеев и принял титул Кайсар-и-

Точно так же, Пунические войны – это не столько столкновение цивилизаций, сколько борьба за доминирование двух средиземноморских мир-экономик. Появление нового мирового города – Рима стало импульсом для появления новой мир-системы – *западно-средиземноморской*, которая почти сразу вступила в борьбу за преобладание во всем Средиземноморском бассейне – вначале с Карфагеном, а затем на время подмяла под себя балканско-малоазийскую мир-экономику.

Особо оговоримся по поводу Рима, создавшего гигантскую империю, сочленившую в едином политическом и экономическом пространстве несколько основных и локальных цивилизаций. Вслед за большинством сторонников мир-системного подхода мы считаем, что Рим уместнее называть не столько мир-системой, сколько *мир-империей*, известной также под названием «Римский мир». В составе этой мир-империи продолжали существовать не только несколько локальных и основных цивилизаций, переживших империю, но и ряд мир-экономик. Не случайно, кроме самого Рима, в империи продолжали процветать и другие сверхгорода, такие как Александрия, Антиохия, Пергам, место которого, спустя некоторое время, займет Константинополь.

Мир-системы и мир-империи

Для осмысления феномена *мир-империя* (*world-empire*) нами были использованы некоторые концепты И. Валлерстайна, который еще в начале 1970-х гг. ввел в оборот это понятие и понятие *мир-экономика* (*world-economy*). *Мир-систему* (понятие разработано ранее Броделем), Валлерстайн определяет как общность «с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем. Отсюда логически следует, что могут существовать две разновидности такой мир-системы – с общей политической системой и без нее. Мы можем описать их, соответственно, как мир-империю и как мир-экономику»¹⁷. Согласно Валлерстайну, *мир-империи* состоят из нескольких локальных культур, присоединенных путем завоевания (например, Древний Египет, Древний Китай, Древний Рим, Россия эпохи крепостного права или Османская империя). Для мир-империй характерно преобладание сельскохозяйственного производства, наличие развитого военно-бюрократического правящего класса, перераспределительного способа производства. *Мир-экономики* – это часть мира или весь мир, который является единым экономическим целым, где именно экономика становится главной сферой общественной деятельности. Она представлена независимыми государствами-нациями с капиталистическим способом производства – Европа от Нового времени до наших дней, США, Япония и др.

Рум (Цезарь Рима), так же как некогда жители Восточной Римской империи называли себя ромеями, а свою страну – Βασιλεία τῶν Ῥωμαίων – царство римлян.

¹⁷ Валлерстайн 2001.

Мир-экономика имеет трехуровневую структуру. В ее *центре, или ядре (core)*, находятся высокоразвитые государства, доминирующие в экономических отношениях, извлекающие дополнительные прибыли из всемирного разделения труда, определяющие мировую политику (в современном мире – это высокоразвитые страны). *Ядро* состоит из нескольких государств, т.е. фактически социоисторических организмов. Но они не равноправны. Одно из них является гегемоном. История ядра – история борьбы за гегемонию между несколькими претендентами: победы одного из них, его господства над мир-экономикой и последующего его упадка. Но главное – отношения ядра и периферии. Суть их заключается в том, что государства ядра безвозмездно присваивают излишек, созданный в странах периферии. *Периферию* мир-экономики составляют страны, поставляющие сырье странам ядра и поэтому экономически и политически зависимые от последних. *Полупериферийные (semiperiphery)* страны единой мир-экономики занимают промежуточное положение между государствами ядра и периферии.

Разделяя в целом подходы Валлерстайна, мы, однако, не считаем мир-империи рхаическими образованиями, объединяющими несколько локальных культур, они могут быть гораздо сложнее и объединять также разные цивилизации, а в отдельных случаях и целые мир-экономики. При этом общим для всех мир-империй является стремление к экуменизму и мессианству. Мы выделяем три типа мир-империй – *самодостаточный, милитаристско-паразитирующий и смешанный*.

Самодостаточные мир-империи имеют стабильную экономику, процветающую преимущественно за счет эксплуатации местных ресурсов и местных производительных сил. Типичные примеры – экономики Древнего Египта, Китая, Индии, Парфянской и Сасанидской держав, Византии, Империи Ацтеков и Инков. Для этих мир-империй характерно отсутствие заморских колоний, незначительная роль внешнеэксплуататорских форм, несистемное применение нерентабельного рабского труда. Основными производителями материальных благ в таких мир-экономиках практически всегда были свободные земледельцы и商во-ремесленное население крупных городов (хотя в отдельные эпохи удельный вес рабского труда мог возрастать, как и завоз из сопредельных территорий драгметаллов и стратегического сырья, необходимых для эффективного функционирования имперской экономики).

Для успешного функционирования самодостаточные империи типа Египетской или Китайской стремились не столько обогатиться за счет соседних недоразвитых народов, сколько вовлечь их в структуру своей иерархии. Согласно исследованиям А.М. Решетова¹⁸, так называемая дань состояла из продуктов местного производства и особой

¹⁸ Решетов 1982.

ценности в экономическом плане для Китая не представляла; она имела авантажное значение и преимущественно использовалась в ритуальных целях. К тому же ответные подарки со стороны китайских правителей в несколько раз превышали ценность поднесенной дани. Все это делалось для того, чтобы показать величие Китая и с помощью аванажных пожалований и всякого рода подачек обезопасить ядро империи и создать буферную зону вокруг своих границ. Такая форма взаимополезного сожительства, когда присутствие партнера становится обязательным условием существования каждого из них, обычно называется мутуализмом. В отличие от симбиоза, который часто бывает паразитическим и выгодным лишь одной из сторон, мутуализм строится на партнерских отношениях, хотя и не всегда паритетных.

Яркий образец муталистических отношений являет собой египтоцентричный мир эпохи Среднего и Нового царств, в который издревле были вовлечены нубийцы, создавшие на окраине Верхнего Египта свое царство по типу Египетского. Чтобы усмирить беспокойные нубийские и кушитские племена и обезопасить караванные пути, египетские фараоны совершали частые походы в земли страны Куш. Известно, что Аменхотеп I и его сын Сенусерт I (основатель новой XII династии) организовали карательные походы против Нубии и развернули строительство фортов и крепостей, своего рода фронта в долине Нила. На время египтяне даже установили свою власть над самой Нубией для того, чтобы выкачивать из ее рудников золото. Вместе с тем, для защиты границ своего царства фараоны стали привлекать кушитских вождей на юге и нумидийских на западе, посылая им щедрые подарки и выдавая за них замуж принцесс и дочерей своих вельмож. Так фараоны постепенно раздвигали границы этой древнейшей мир-системы, превращая южную и западную периферию в полупериферию.

После падения Среднего царства и в переходный период к Новому царству, Нубия вновь обрела независимость. Подражая египтянам, нубийские (эфиопские) вожди основали XXV династию, или династию «черных фараонов». Цари Куша перенесли свою резиденцию в город Напат, очень напоминавший египетский Мемфис, и установили культ Амона в святилище Джебель-Баркала, важнейшем религиозном центре страны, а также в храмах Седеинги и Солеба. Во времена господства фараонов, проникшиеся египетским духом кушитские принцы, теперь, осознав свою силу, двинулись завоевывать растерзанный Египет, который к тому времени уже был почти захвачен ассирийцами. Первым «черным фараоном» Египта стал Пианхи (751–716 гг. до н. э.). Он покорил ливийские княжества на севере Египта и объединил всю страну под своей властью. С него началась нубийская (эфиопская) династия¹⁹.

¹⁹ После смерти Пианхи почти полвека в Египте царила нубийская династия. Правда, следующему царю – Шабакке (716–701 гг. до н.э.) вновь пришлось покорять

Шаг за шагом завоевывая Египет, кушиты вскоре закрепились в Элефантине, Фивах, Файуме, Среднем Египте, Мемфисе и Дельте Нила. После чего чернокожие цари вступили в борьбу с Ассирией, которая продолжалась вплоть до падения самой Нубии.

Характерно, что после завоевания Египта нубийцами и смены династий жизненный алгоритм страны остался прежним. Ассимиляционные способности Египта были столь велики, что все завоеватели Египетского царства, будь то гиксосы или нубийцы, в течение одного-двух поколений египтизировались. Более того, именно при черных фараонах Египет вновь (правда в последний раз и лишь на несколько десятилетий) пережил расцвет. Чернокожие завоеватели оказались ревностными блюстителями веры Амона, восстановили в стране «исконные» порядки. Насаждая старое благочестие, они реставрировали праздники, бытовавшие в старину, отстраивали по всей стране заброшенные и пришедшие в упадок храмы. Вновь попытались ввести в обиход давно забытое иероглифическое письмо времен Древнего царства. Укрепили управление страной с опорой в основном на египетских чиновников и жрецов. Приверженность к египетской старине выдают также их тронные имена и титулы, давно позабытые в самом Египте.

Аналогичным образом стратегию взаимоотношений с соседними северными племенами строили китайские императоры. «Стратегия в китайском понимании – это не противоборство двух систем. По сути дела, это способ взаимодействия более совершенной общности с менее совершенными составляющими, лишь “среда” стратегического действия. Между системой и средой существует глубинная преемственность, и знание этой преемственности, предстающей на поверхности явлений как различие, прерывность, противостояние, есть стратегическое знание... Внешние проявления стратегии есть перевернутый образ ее действительного содержания. Здесь всякое действие свидетельствует о не-действовании, образы не выявляют, а скрывают реальность. Старинная китайская поговорка гласит: “Уход – лучшая стратегия”. Уйти – не значит проиграть. Соображения же репутации и престижа несущественны там, где речь идет о жизни и смерти и о сохранении для себя возможности вернуться и победить»²⁰. Мир, как считают китайцы, насколько он длится, состоит в первую очередь из этого постоянного «приходит – уходит»²¹. Следуя этим принципам китайские правители, даже когда у них было достаточно сил, избегали фронтальных столкно-

Египет. Зато отныне Шабак, как и его преемники – Шабатака (701–689 гг. до н.э.), Тахарка (689–663 гг. до н.э.), Танутамон (663–656 гг. до н.э.) – правили из Мемфиса.

²⁰ Китайская военная стратегия. С. 101.

²¹ Жюльен 2005. С. 69. Принципы «стратегии непрямых действий» были разработаны еще в V в. до н.э. Создателем этой модели геополитического противоборства считается полководец и военный теоретик Сунь-цзы. – *Сунь-цзы* 2003.

вений с кочевниками, предпочитая обходной маневр, косвенное воздействие и обеспечивая возможность взаимоперехода стратегического потенциала²². С целью обезопасить Срединное государство, они посылали вождям номадов щедрые дары, выдавали замуж за их вождей принцесс императорского дома (хотя чаще это были дочери императорских наложниц или другие девушки, с раннего детства воспитанные при дворе). Китайские правители включали часть «варваров» в сферу своего влияния и в синоцентристскую модель «мира»²³, не путем завоевания (для этого у Китая просто не было сил), а задабривая их, в расчете на позднейшее их подчинение, «перекраивание» и «переваривание» более высокой ханьской культурой²⁴. Используя разные стратегические технологии, Китай вовлекал в свою систему иерархии одних варваров, чтобы с их помощью защищать империю от других²⁵. По этому принципу строились взаимоотношения между Срединной империей и сяньбинцами²⁶. Даже в тех случаях, когда номадическим племенам удавалось прорвать многократно эшелонированную линию обороны и захватить центральные области Поднебесной, по сути ничего не менялось. Современники и потомки подобные события воспринимали всего лишь как смену декораций. А наступившую эпоху – периодом правления новой династии, которая все равно считалась китайской, хоть и иностранного происхождения. Через какое-то время иноземцы растворялись среди своих цивилизованных подданных, становясь еще большими ревнителями китайских традиций, нежели сами ханьцы²⁷.

Подобная гибкость (мягкое и слабое побеждает твердое и сильное) коренится в разработанной много веков назад китайскими историками-конфуцианцами синоцентристской концепции истории, согласно которой Китай является единственным государством в своем роде, главным в мире, и поэтому не может быть частью никакого другого государства. Все остальные страны рассматривались (и сегодня мало что изменилось) лишь как вассалы императора, вовлеченные в *Rex Sinica*, занимающие определенное место в иерархии синской цивилизации, либо как варварские, еще не включенные в синоцентристский мир. Китай не мог вести разговор на равных с каким бы то ни было иным государством, так как в мире была лишь одна империя – Срединная (Китай). Конечно,

²² Липина 1985. С. 112-114.

²³ О синоцентризме см.: Кроль 1973. С. 13-29; Карпатянц 2000.

²⁴ Такую тактику по отношению к кочевым соседям В.Н. Никифоров назвал «линией Ши Цзинтана», не без оснований считая, что несколько веков спустя она станет путевой для господствующих классов Китая (Никифоров 1977). Любые отклонения от традиционной стратегии обходного маневра и попытки перехода к любовой атаке приносили китайцам одни потери и разочарования.

²⁵ Lattimore 1940; Barfield 1992.

²⁶ Barfield 1981. P. 45-61.

²⁷ Bacon 1958.

со временем правителям Срединного государства становилось сложнее сохранять реалистичность этой парадигмы, многие вассалы записывались в таковые лишь формально или вовсе без их ведома. Но в целом империям удавалось поддерживать имперскую концепцию неизменной вплоть до поражения Цин в «опиумных» войнах, когда экономически более развитые страны Запада заставили ее переходить от международных отношений по типу данничества к договорным.

Хрестоматийной считается история становления японо-китайских отношений. Желая укрепить международный статус Японии путем достижения равноправных отношений с Китаем, принц Сётоку в 607 г. отправил второе посольство к династии Суй. Посол Оно-но Имоко привез китайскому императору письмо, начинавшееся с фразы *«Сын Неба [страны], где солнце всходит, пишет Сыну Неба [страны], где солнце заходит. Как ваши дела?..»*. В документе оба монарха определялись как равные, и китайская сторона, которая традиционно выстраивала отношения с другими странами на основе превосходства Китая, сочла использование японским правителем китайского титула «Сын Неба» возмутительным. Лишь потребность иметь союзников в войне с корейским государством Когурё заставила китайцев принять японскую делегацию. В 608 г. Сётоку отправил очередную делегацию в Суй, но, несмотря на прошлогодний инцидент, использовал для имени своего правителя новый нейтральный титул «Небесный монарх». В китайской столице его восприняли с удовольствием, как признание японцами своей вины и китайского верховенства, однако японская сторона расценила реакцию китайцев как признание равноправия между правителями их стран. Впоследствии этот титул превратился в часть имени японских монархов, которое переводится сегодня как «Император Японии».

Европейская политика в Китае была не столь гибкой. Характерный пример – попытка британского правительства получить от императора Цянь-луна (1711–1799) торговые преференции для британских предпринимателей. Главе отправленного правительством в 1793 г. тщательно подготовленного посольства к богдыхану лорду Дж. Макартни было предписано установить дипломатические отношения и посулами или угрозами добиться открытия для англичан Кантона и ряда других портов, права на свободное передвижение в Китае, а также учреждения британского представительства в китайской столице. В Старом Летнем дворце Макартни приняли как посла далекого и маленького «варварского» государства – очередного «данника» императора, а его подарки были восприняты как преподношение дани. От Тяньцзиня до Пекина их везли в лодках с надписями «Посольство с данью от английского короля». Эта дипломатическая миссия провалилась. Цинский император так и не принял главу посольства. Последнему был вручен адресованный Георгу III эдикт императора Цянь-луна, в котором говорилось:

Король, ты живешь за многими морями и, несмотря на это, снедаемый смиренным желанием приобщиться к благам нашей цивилизации, отправил к нам посольство, почтительно доставившее к нам твою записку... Я внимательно изучил твою записку; серьезный тон изложения свидетельствует о почтительном смирении с твоей стороны, что в высшей степени похвально... Что касается твоей просьбы послать одного из твоих подданных, чтобы он был поверенным при моем Небесном Дворе и осуществлял надзор за торговлей твоей страны с Китаем, то это ходатайство противоречит обычаям моих Отцов и не может быть удовлетворено... Хотя ты заявляешь, что благоговение перед нашими Небесными Отцами переполняет тебя желанием приобщиться к нашей цивилизации, к нашим правилам и законам, они столь отличаются от твоих собственных, что, даже если твоему послу удалось бы познать начатки нашей цивилизации, ты не смог бы перенести наши нравы и обычаи к себе на чужую почву. Как бы твой посол ни старался, из этого ничего не может получиться... Властвуя во всем мире, я преследую одну-единственную цель, а именно: безупречно осуществлять власть и исполнять долг перед государством. Диковинки и драгоценности меня не интересуют. Если я распорядился принять даннические дары, отправленные тобой, о, король, то исключительно из уважения к тому духу, который побудил тебя послать их из такой далекой страны. Величие наших Отцов не обошло ни одной земли под Небесами, и цари всех народов шлют по морю и по суше драгоценную дань. Как мог убедиться твой посол, у меня есть все. Я не ценю искусных и диковинных вещей и не буду пользоваться изделиями твоей страны.

Западные историки с насмешкой повествуют о незадачливом, оторванном от реальности богдыхане и его раболепных придворных, не признавших в талассократической Британской империи могущественную силу, стремящуюся посредством торговли подмять под себя экономику Китая и колонизовать страну. Однако все было не так просто. Политическая элита Китая отлично осознавала угрозу, исходившую от Британии, и прибегала к хитрым маневрам, чтобы избежать открытого конфликта и сохранить лицо в сложной политической игре, где расклад сил был не в пользу Поднебесной²⁸.

Таким образом, египтоцентристские и синоцентристские мир-империи являются своего рода алгоритмом оформления единой и цельной матричной цивилизации, ее апогеем, а также механизмом сотрудничества военному и культурному натиску извне²⁹.

К *милитаристско-паразитирующему* типу, пожалуй, следует отнести Ассирийскую и Римскую державы, Спарту, Османскую империю, Империю испанских Габсбургов и ряд Евразийских кочевых империй. В них получили развитие внешнеэксплуататорские отношения, иначе говоря, получение прибавочного продукта извне: данничество, контрибуция, коррупция, неэквивалентная торговля, разграбление и эксплуатация колоний, системное рабовладельческое производство и другие внешние субсидии. Характерная деталь: в милитаристских им-

²⁸ Мартынов 1979. С. 27-39; Мартынов 1981. С. 3-12.

²⁹ Пиков 2010. С. 19.

периях эпика строится не вокруг культурных героев, а вокруг лидеров-харизматиков, тех, кто добывали богатства, а не создавали их.

Следует различать два типа милитаристско-паразитических мир-империй – цивилизованные и варварские. К цивилизованным относятся Ассирийская держава, империя Александра Великого, Римская и др. империи. К варварским исследователи относят преимущественно «кочевые» империи³⁰, существовавшие за счет своеобразного массового рэкета: данничества (выход), вымогания (подарков), похищения и продажи живого товара, в первую очередь детей, и открытых грабежей.

В милитаристско-паразитических мир-империях, будь то кочевые, «варварские», или оседлые, цивилизованные, ядро более развито в политическом и военном отношении, в то время как периферия – в социально-экономическом плане и потому поначалу богаче ядра. Но со временем паразитирующее за счет периферии ядро меняется. Так, например, хаотично застроенный, пыльный и полунищий Рим времен республики, где дома патрициев не слишком отличались от лачуг плебеев, стремительно богатеет в эпоху принципата и превращается в Мировой город, поражающий своим величием, красотой и размахом. Однако паразитирующие за счет ограбления провинций милитаристские империи, в терминах Ибн-Хальдуна, теряют свою *асабию*³¹ и вступают в фазу обскурации, становясь уязвимыми для новых пассионариев. Будучи не в состоянии защитить себя от давления варваров, империи вынуждены прибегать к испытанной стратегии: разными способами вовлекать в свою иерархию одних варваров, дабы они защищали границы империи от других. Как следствие, взаимоотношения между империей и варварами начинают строиться по принципу *quid pro quo*. Достаточно вспомнить взаимоотношения Хеттской империи с Хайасой, высокогорной страной, с суровым климатом и бедной почвой, искони населенной беспокойными племенами хайев-армян. По мере усиления Хайасского племенного союза и трансформации его в агрессивное государственное образование, или вожжество (*chiefdom*), хеттские цари Муршилис и Суппилулиумас были вынуждены откупаться от хайасских царьков-харизматиков Ании, Хукканаса и др. щедрыми «дарами» и выдавать за них своих дочерей. Аналогичным образом поступали римляне с местными вождями в Подунавье, в прирейнских землях и в Британии.

³⁰ Крадин 2000. С. 315.

³¹ Ибн-Хальдун, пожалуй, первым указал на то, что самообновление цивилизации происходит под благотворным воздействием периферии. Впрочем, с периферии приходит и гибель цивилизации, что, по Ибн-Хальдуну, тоже является благом, если цивилизация утратила креативное начало и способность к самовоспроизводству. Погибшая цивилизация может удобрить почву для зарождения новой цивилизации [Ибн Халдун 1990]. О цивилизационной теории Ибн-Хальдуна см.: Сорочкин 1992. С. 176; Бащева 1965. С. 117; Смирнов 2008. С. 159–186; Mahdi 1957; Григорян 1960; Григорян 1966; Кирабаев 1987; Фролова 1995; Irwin 1997. С. 461–479.

К смешанному типу империй следует отнести Ахеменидскую, Британскую и Российскую империи, США и ряд других. Все они в разной мере совмещают в себе характеристики самодостаточных и милитаристско-паразитирующих империй.

Особое место среди мир-империй занимают *кочевые или бивуачные мир-империи*. Наиболее характерные примеры бродячих бивуачных империй – держава Александра Великого, империя Хунну времен шаньюя Модэ (Маодун)³², варварская империя Аттилы³³, кочевое государство исянь-бийцев времен Таньшихуайя, каганаты VIII-X вв., Сельджукская империя XI в., империя киданей времен Абаоци и его жены неистойой Шаолюнь (IX–X вв.), монгольская империя Чингисхана. Мы не разделяем примененное Тойнби к такого рода кочевым сообществам обозначение *кочевая цивилизация*, оно не совсем точно отражает суть явлений; речь, скорее, должна идти именно о *кочевых мир-империях*, а в некоторых случаях – об *империях-армиях*.

Кочевые империи во многом сходны со стационарными, или, как их принято называть, *классическими*, а в ряде случаев – *земледельческими империями*. Но кочевые мир-империи имеют свои особенности: в отличие от стационарных империй, подвижные империи не имеют мирового города. Такие сообщества, будь то кочевые империи или империи-армии, образуются вокруг харизматических личностей и живут по древнему закону: «Империя там, где ее император!». Другим условием существования таких империй является непрерывное движение, кинетика. С остановкой движения кочевые империи, как и империи-армии, перестают существовать, либо трансформируются в стационарные империи, став частью древних мир-систем. Так, империя-армия Александра Великого, по сути, умерла вместе с ним. На обломках созданной им сверхдержавы возникло три империи, и все три стационарные. Это относится к таким эллинистическим державам, как Селевкидское царство, царство Птолемеев и царство Антигонидов на Балканах. Аналогичную империю-армию, оторванную от метрополии и действующую автономно, создал и Ганнибал. Он практически не получал поддержки от Карфагена, ни материальной, ни человеческими ресурсами. Армия Ганнибала кормила себя сама и пополняла свои ряды за счет наемников и союзников, которых Ганнибал находил среди врагов Рима. Однако его империя, державшаяся исключительно на таланте и харизме великого полководца, перестала существовать еще до его смерти. При-

³² Maenchen-Helfen 1973; Кычанов 2004. С. 631.

³³ Показательна в этом плане характеристика Н.Н. Крадиным империи Хунну: «На самом деле Хуннская империя была в сущности “племенной империей”, в которой новые военно-иерархические отношения не только не сменили сложную систему клановоплеменной генеалогии номадов, а сосуществовали и переплетались с ней» [Крадин 2002. С. 192].

чиной стало его единственное поражение в битве у Замы. Лидеры-харизматики не имеют право на поражение. В отличие от армий стационарных империй, подобно Антею, после каждой неудачи черпающих силу из родной земли, солдаты армии-империи не имеют родины и силу получают из совсем других источников. Само же поражение Ганнибала было вызвано остановкой военных действий его армии на территории врага и возвратом в Карфаген. В жестокой борьбе с Римом пала и *империя-флот* под командованием Секста Помпея. Возникшее в Киликии и Сицилии каперское государство почти столетие противостояло экспансии Рима в Средиземноморском бассейне³⁴. Сходная судьба была у создателя другой империи-армии – Джелал эд-Дина, который вел войну с другой империей-армией, кочевой державой Чингис-хана.

Вместе с тем, кочевые и стационарные империи всегда были взаимосвязаны, точно так же как были взаимообусловлены протекающие в них процессы. Трудно не согласиться с замечанием Н.Н. Крадина о взаимосвязи классических империй и номадов:

Степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации. С точки зрения мир-системного подхода кочевники всегда занимали место “полупериферии”, которая объединяла в единое пространство различные региональные экономики (локальные цивилизации, “мир-империи”). В каждой локальной региональной зоне политическая структурированность кочевой “полупериферии” была прямо пропорциональна размерам “ядра”. Кочевники Северной Африки и Передней Азии для того, чтобы торговать с оазисами или нападать на них, объединялись в племенные конфедерации или вождества; номады Восточноевропейских степей, существовавшие на окраинах античных государств Византии и Руси, создавали “квазиимперские” государствовподобные структуры, а в Центральной Азии, например, таким средством адаптации стала “кочевая империя”... Прослеживается синхронность процессов роста и упадка земледельческих “мир-империй” степной “полупериферии”. Империя Хань и держава Хунну появились в течение одного десятилетия. Тюркский каганат возник как раз в то время, когда Китай был объединен под властью династий Суй, а затем Тан. Аналогичным образом Степь и Китай вступали в периоды анархии в пределах небольшого промежутка времени один за другим. Когда в Китае начинались смуты и экономический кризис, система дистанционной эксплуатации кочевников переставала работать, и имперская конфедерация разваливалась на отдельные племена до тех пор, пока не восстанавливались мир и порядок на юге»³⁵.

Таким образом, паразитирующие империи не могут существовать без империи-доната, каковой на протяжении тысячелетий для большинства тюркских кочевых империй был Китай, точно так, как процветание хищных Средиземноморских государств древности в первом тысячелетии до н.э. было невозможно без ограбления предэллинистических и эллинистических государств Передней Азии.

³⁴ Подробнее об этом см.: *Маргарян* 2015. С. 5–91.

³⁵ *Крадин* 2000. С. 319.

Подведем итоги:

- Мир-системы и цивилизации могут жить самостоятельной жизнью, сосуществуя во времени и пространстве.
- Цивилизация – матричное поле и имеет духовную подоснову. Будучи явлением корневым, цивилизация является своего рода константой бытия, существование же мир-системы обусловлено прежде всего изменчивыми социально-экономическими факторами.
- На протяжении тысячелетий границы таких мир-систем, как индо-станская, тибетская, синоцентристская, центрально-азиатская, оставались практически неизменными.
- Между мир-системами существуют линии разлома, иногда четко очерченные, иногда же расплывчатые и подвижные. На этих линиях разлома происходят столкновения между мир-экономиками, но не между цивилизациями.
- В то же время на пограничье мир-систем имеются трансляционные узлы, или контактные зоны, вдоль которых селились или традиционно проживали группы людей или целые этносы, обеспечивающие посредническую между мир-экономиками и мир-империями.
- Мир-системы и цивилизации могут насильственно объединяться в гиперсистемы – мир-империи, среди которых выделяются три типа – самодостаточный, милитаристско-паразитирующий и смешанный.
- Среди милитаристско-паразитирующих империй можно выделить стационарные и кочевые или бивуачные; последние на начальном этапе – это империи-армии, которые существуют только в движении. Остановка движения приводит либо к гибели империи-армии, либо к трансформации в одну или чаще в несколько стационарных империй, как правило, тоже милитаристско-паразитирующих.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Ибн Халдун.* Книга назиданий и сборник начал и сообщений о деяниях арабов, персов и берберов и тех, кто были их современниками из числа носителей высшей власти / пер. Л.Е. Куббеля // История Африки в древних и средневековых источниках. М., 1990.
- Плутарх.* Сравнительные жизнеописания в двух томах / Изд. 2, испр. и доп. Т. II; пер. С.П. Маркиша, обработ. С.С. Аверинцева, прим. М.Л. Гаспарова; М.: Наука, 1994.
- Сунь-цзы.* Трактаты о военном искусстве // Сунь-цзы, У-цзы / пер. с кит., предисл. и коммент. Н.И. Конрада. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastika, 2003. 558 с.

Литература

- Баишева С.М.* Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М.: Наука, 1965.
- Бондаренко Е.С.* Информационное поле неолита Ближнего Востока // История и современность. М.: 2006, 2. С. 47–66.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. / 2-е изд., вступ. ст. и ред. Ю.Н.Афанасьева: в 3 тт. Т. 3. М.: Весь мир, 2006.
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001.
- Григорян С.* Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1966.

- Григорян С. Великие мыслители стран Арабского Востока. М.: Знание, 1960.
- Гришин Л.Е. История глобализации: мир-системный анализ // Век глобализации. 2011. 1 (7).
- Гришин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
- Дмитриев С.В., Кузьмин С.Л. Что такое Китай? Срединное государство в историческом мифе и реальной политике // Восток. 2012. № 3. С. 5-19.
- Жюльен Ф. О «времени». Элементы философии «жить». М., 2005.
- Ивин А. Философия истории. М.: Гардарики, 2000.
- История Османского государства, общества и цивилизации: В 2-х т. / Исслед. центр исламской истории, искусства и культуры (IRCICA); под ред. Э. Исханоглу, М.С. Мейера; пер. с тур. В.Б. Феоновой. М.: Восточная литература, 2006.
- Карапетьянц А.М. Китайская цивилизация как альтернатива средиземноморской // Общественные науки и современность. 2000. № 1.
- Кирабаев И. Социальная философия мусульманского Востока. М.: Изд-во УДН, 1987.
- Китайская военная стратегия / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. В.В. Малявина. М.: Астрель; АСТ, 2002. 432 с.
- Колобов О.А., Шамин И.В. Базовые принципы китайской стратегической культуры осуществления геополитического противоборства на межгосударственном уровне // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 1. С. 312-321.
- Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: Восточная литература, 2003, 283 с.
- Коротаев А.В. Ближневосточный мир в мировой цивилизации (X-I тыс. до н.э.) // Исторические источники Евроазиатских и Северо-Африканских цивилизаций. М.: Институт востоковедения РАН, 2005.
- Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. Колл. монограф. / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М.: Логос, 2000.
- Крадин Н.Н. Империя Хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2001-2002. 312 с.
- Кроль Ю.Л. О концепции «Китай-варвары» // Китай: общество и государство. М., 1973. С. 13-29.
- Кычанов Е.И. Властители Азии. М.: Восточная литература, 2004.
- Лалина З.Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М.: Наука, 1985. 388 с.
- Маргарян Е.Г. «Деколонизальный поворот» в современном историческом сознании. «Что там за поворотом?» // Сб. ст. Материалы 2-ой японоведческой междунаrodn. научно-практической конференции: «Ех Orient Lux. Изменение мировоззренческой парадигмы от европоцентризма к универсализму» / РАУ. Ереван: Изд-во РАУ, 2016. С. 5-13.
- Маргарян Е.Г. Современные номотетические подходы к анализу динамики всемирной истории «переОРИЕНТация» или «ориентализация» исторического сознания? // Диалог со временем. 2016. Вып. 55. С. 173-194.
- Маргарян Е.Г. Восточно-средиземноморский фронтир в контексте трансформационных процессов в эпоху перехода от республики к принципату // Сб. науч. статей международной научно-практической конференции «Трансформационные процессы в эпоху Принципата. Включение Рима в осевое время». Ереван: Вестник РАУ, 2015. С. 5-91.
- Маргарян Е.Г. Поднебесная как мир-империя: особенности и средотвѣ с другими мир-империями древности и нового времени // Сборник научных статей. По материалам 2-ой международной научно-практической конференции «Конфуцианские чтения» (26-27 апреля 2016 г.) / РАУ. Ереван: Изд-во РАУ, 2016. С. 15-27.
- Мартынов А.С. Значение приезда послов в императорском Китае // НАА. 1979. № 1. С. 27-39.
- Мартынов А.С. О различных подходах к проблеме взаимоотношения императорского Китая с внешним миром // XII НКОГК. 1981. Ч. 1. С. 3-12.
- Муравьев А. Сирийская цивилизация: история медиация // Полит.ру. 12 апреля, 2013. URL: <http://archive.is/UqRBs>

- Муравьев А. Сирийская субцивилизация «моста» // КАТЕХОН. Аналитический центр Катехон. Геополитика и Традиция. 2016. URL: <http://katehon.com/ru/article/siriyskaya-subcivilizaciya-mosta>
- Никифоров В.Н. Восток и всемирная История. М.: Наука, 1977.
- Пиков Г.Г. О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». Статья вторая: «Кочевая империя» // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 1.
- Решетов А.М. Этнографические и исторические параллели к объяснению истоков и характера дань китайцев // XIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1982.
- Ростовцев М.И. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). С. Петербург, 1899.
- Ростовцев М.И. Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж. С. Петербург, 1908.
- Ростовцев М.И. Рождение римской империи. С. Петербург, 1918.
- Рыжов К.В. Все монархи мира. Мусульманский Восток VII–XV вв. М.: Вече, 2004. 544 с.
- Смирнов А.В. Ибн Халдун и его «новая наука» // Историко-философский ежегодник 2007. М.: Наука, 2008.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992.
- Тойнби А.Дж. Постигание истории / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001. 640 с.
- Флиер А. Цивилизация и субцивилизации России // Общественные науки и современность. 1993. № 6. URL: <http://www.dissercat.com/content/rol-ortodoksii-i-geterodoksii-v-protseesse-legitimatitsii-sotsialnogo-poryadka#ixzz46YXYaSfD>
- Фролова Е. История средневековой арабо-исламской философии. М.: ИФ РАН, 1995. 175 с.
- Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 2-е изд. М.: Проспект, 2011.
- Vascon E. Obok. A Study of Social Structure of Eurasia. N.Y., 1958.
- Barfield T. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy // Journal of Asian Studies. 1981. Vol. 41. № 1. P. 45-61.
- Barfield T. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge: Blackwell (First published in 1989), 1992
- Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Summer 1993. Vol. 72. № 3, pp. 22-49 / Пер. на рус. яз. подготовлен журналом «Полис», № 1, 1994. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>
- Irwin R. Toynbee and Ibn Khaldun. Middle Eastern Studies. Iss. 33, 1997.
- Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. N. Y.-L., 1940.
- Maenchen-Helfen O. The World of the Huns. Los Angeles and London, 1973.
- Mahdi M. Ibn Khaldun's philosophy of history. London: Allen & Unwin, 1957.
- Margaryan E. Contemporary nomothetic approaches to the analysis of world history dynamics // From Christianisations and Islamisations to (Hétéro)Europeanisations: Transformation of cultural-historical heritage on the European margins. Sofia, 2016, March 31 – April 2.
- Rostovtseff M. A history of the ancient world. Vol. 1-2. Oxford, 1926-27.
- Rostovtseff M. Dura-Europos and its art. Oxford, 1938.
- Rostovtseff M. Mystic Italy. N.Y., 1927.
- Rostovtseff M. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Berlin; Leipzig, 1910.
- Rostovtseff M. The social and economic history of the hellenistic world. 3 vs. Oxford, 1941.
- Rostovtseff M. The social and economic history of the Roman Empire. Oxford, 1926.
- Wallerstein I. The Present State of the Debate on World Inequality // World Inequality. Origins and Perspective of World Systems. Montreal, 1975.
- Wallerstein I. World-System Perspective on the Social Sciences // Wallerstein I. The Capitalist World-System. Essays. Cambridge etc. Paris, 1979.
- Wallerstein I. Unthinking Social Science: The Limits of nineteenth Century Paradigms. Cambridge: Polity press, 1991.
- Wilkinson D. Central civilization // Civilizations and world systems; studying world historical change. Altamira, Walnut Creek, California, USA. 1995. P. 46-74.
- Wilkinson D. Civilizations are world systems! // Comparative Civilizations Review. 1994. № 30. P. 59-71.

REFERENCES

- Batsieva S.M. Istoriko-sotsiologicheskii traktat Ibn Khalduna «Mukaddima». M., 1965.
- Bondarenko E.S. Informatsionnoe pole neolita Blizhnego Vostoka // Istoriya i sovremennost'. M.: 2006, 2. S. 47–66.
- Brodell F. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. 2-e izd. / vstup. st. i red. Yu.N.Afanasyeva: v 3 tt. T. 3. M.: Ves' mir, 2006.
- Vallerstein I. Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire. SPb., 2001.
- Grigoryan S. Srednevekovaya filosofiya narodov Blizhnego i Srednego Vostoka. M., 1966.
- Grigoryan S. Velikie mysliteli stran Arabskogo Vostoka. M.: Znanie, 1960.
- Grinin L.E. Istoriya globalizatsii: mir-sistemnyi analiz // Vek globalizatsii. 2011. 1 (7).
- Grinin L.E., Korotaev A.V. Sotsial'naya makroevolyutsiya: Genezis i transformatsii Mir-Sistemy. M.: LIBROKOM, 2009.
- Dmitriev S.V., Kuz'min S.L. Chto takoe Kitai? Sredinnoe gosudarstvo v istoricheskom mife i real'noi politike // Vostok. 2012. № 3. S. 5-19.
- Zhyul'en F. O «vremeni». Elementy filosofii «zhit'». M., 2005.
- Ivin A. Filosofiya istorii. M.: Gardariki, 2000.
- Istoriya Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i tsivilizatsii: V 2-kh t. / Issled. tsentr islamskoi istorii, iskusstva i kul'tury (IRCICA); pod red. E. Iskhanoglu, M.S. Meiera; M., 2006.
- Karapetyants A.M. Kitaiskaya tsivilizatsiya kak al'ternativa sredizemnomorskoi // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2000. № 1.
- Kirabaev I. Sotsial'naya filosofiya musul'manskogo Vostoka. M.: Izd-vo UDN, 1987.
- Kitaiskaya voennaya strategiya / Sost., per., vstup. st. i komment. V.V. Malyavina. M., 2002.
- Kolobov O.A., Shamin I.V. Bazovye printsipy kitaiskoi strategicheskoi kul'tury oshchestvleniya geopoliticheskogo protivoborstva na mezhdunarstvennom urovne // Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N.I. Lobachevskogo. 2011. № 1. S. 312-321.
- Korotaev A.V. Sotsial'naya evolyutsiya: faktory, zakonovernosti, tendentsii. M., 2003. 283 s.
- Korotaev A.V. Blizhnévostochnyi mir v mirovoi tsivilizatsii (X-I tys. do n.e.) // Istoricheskie istochniki Evroaziatskikh i Severo-Afrikanskikh tsivilizatsii. M.: IV RAN, 2005.
- Kradin N.N. Kochevniki, mir-imperii i sotsial'naya evolyutsiya // Al'ternativnye puti k tsivilizatsii. Koll. monograf. / Pod red. N.N. Kradina, A.V. Korotaeva, D.M. Bondarenko, V.A. Lynshi. M.: Logos, 2000.
- Kradin N.N. Imperiya Khunnu. Izd. 2-e, pererab. i dop. M.: Logos, 2001–2002. 312 s.
- Krol' Yu.L. O kontseptsii «Kitai-varvary» // Kitai: obshchestvo i gosudarstvo. M., 1973. С. 13-29.
- Kychanov E.I. Vlastiteli Azii. M.: Vostochnaya literatura, 2004.
- Lapina Z.G. Uchenie ob upravlenii gosudarstvom v srednevekovom Kitae. M., 1985. 388 s.
- Margaryan E.G. «Dekolonialnyi povorot» v sovremennom istoricheskom soznanii. «Chto tam za povorotom?» // Sb. st. Materialy 2-oi yaponovedcheskoi mezhduna-rodn. nauchno-prakticheskoi konferentsii: «Ex Orient Lux. Izmnenie mirovoz-zrencheskoi paradigmy ot evropotsentrizma k universalizmu» / RAU. Erevan: Izd-vo RAU, 2016. S. 5-13.
- Margaryan E.G. Sovremennye nomoteticheskie podkhody k analizu dinamiki vseirnnoi istorii «pereORIENTatsiya» ili «orientalizatsiya» istoricheskogo soznaniya? // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 55. S. 173-194.
- Margaryan E.G. Vostochno-sredizemnomorskii frontir v kontekste transformatsionnykh protsessov v epokhu perekhoda ot respubliki k printsipatu // Sb. nauch. statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Transformatsionnye pro-tsessy v epokhu Printsipata. Vklyuchenie Rima v osevoe vremya». Erevan: Vestnik RAU, 2015. S. 5–91.
- Margaryan E.G. Podnebesnaya kak mir-imperiya: osobennosti i srodstvo s drugimi mir-imperiymi drevnosti i novogo vremeni // Sbornik nauchnykh statei. Po ma-terialam 2-oi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Konfutsian-skie chteniya» (26-27 aprelya 2016 g.) / RAU. Erevan: Izd-vo RAU, 2016. S. 15-27.
- Martynov A.S. Znachenie priezda poslov v imperatorskom Kitae // NAA. 1979. № 1. S. 27-39.
- Martynov A.S. O razlichnykh podkhodakh k probleme vzaimootnosheniya imperatorsko-go Kitaya s vneshnim mirom // XII NKOOGK. 1981. Ch. 1. S. 3-12.
- Murav'ev A. Siriiskaya tsivilizatsiya: istoriya mediatsiya // Polit.ru. 12 aprelya, 2013. URL: <http://archive.is/UqRBs>

- Murav'ev A. Siriiskaya subtsivilizatsiya «mosta» // KATEHON. Analiticheskii tsentr Katehon. Geopolitika i Traditsiya. 2016. URL: <http://katehon.com/ru/article/siriyskaya-subcivilizaciya-mosta>
- Nikiforov V.N. Vostok i vseмирnaya Istoriya. M.: Nauka, 1977.
- Pikov G.G. O «kochevoi tsivilizatsii» i «kochevoi imperii». Stat'ya vtoraya: «Kochevaya imperiya» // Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya. 2010. T. 9, vyp. 1.
- Reshetov A.M. Etnograficheskie i istoricheskie paralleli k ob'yasneniyu istokov i kharaktera dani u kitaitsev // XIII nauchnaya konferentsiya «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae». Ch. 2. M., 1982.
- Rostovtsev M.I. Istoriya gosudarstvennogo otkupa v Rimskoi imperii (ot Avgusta do Diokletiana). S. Peterburg, 1899.
- Rostovtsev M.I. Ellinisticheskoro-rimskii arkhitekturnyi peizazh. S. Peterburg, 1908.
- Rostovtsev M.I. Rozhdenie rimskoi imperii. S. Peterburg, 1918.
- Ryzhov K.V. Vse monarkhi mira. Musul'manskii Vostok VII–XV vv. M.: Veche, 2004. 544 s.
- Smirnov A.V. Ibn Khaldun i ego «novaya nauka» // Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2007. M.: Nauka, 2008.
- Sorokin P.A. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo / red., sost. i predisl. A.Yu. Sogomonov; per. s angl. M.: Politizdat, 1992.
- Toinbi A.Dzh. Postizhenie istorii / Per. s angl. E.D. Zharkova. M.: Rol'f, 2001. 640 s.
- Flier A. Tsivilizatsiya i subtsivilizatsii Rossii // Obshchestvennyye nauki i sovremen-nost'. 1993. № 6. URL: <http://www.dissercat.com/content/rol-ortodoksii-i-geterodoksii-v-protsesse-legitimatitsii-sotsialnogo-poryadka#ixzz46YXYaSiD>
- Frolova E. Istoriya srednevekovoi arabo-islamskoi filosofii. M.: IF RAN, 1995. 175 s.
- Chumakov A.N. Globalizatsiya. Kontury tselostnogo mira. 2-e izd. M.: Prospekt, 2011.
- Bacon E. Obok. A Study of Social Structure of Eurasia. N.Y., 1958.
- Barfield T. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy // Journal of Asian Studies. 1981. Vol. 41. № 1. P. 45-61.
- Barfield T. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 VS to AD 1757. Cambridge: Blackwell (First published in 1989), 1992
- Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Summer 1993. Vol. 72. № 3, pp. 22-49 / «Polis», № 1, 1994. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>
- Irwin R. Toynbee and Ibn Khaldun. Middle Eastern Studies. Iss. 33, 1997.
- Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. N. Y.-L., 1940.
- Maenchen-Helfen O. The World of the Huns. Los Angeles and London, 1973.
- Mahdi M. Ibn Khaldun's philosophy of history. London: Allen & Unwin, 1957.
- Margaryan E. Contemporary nomothetic approaches to the analysis of world history dynamics // From Christianiserions and Islamisations to (Hétéro)Europeanisations: Transformation of cultural-historical heritage on the European margins. Sofia, 2016, March 31 – April 2.
- Rostovtseff M. A history of the ancient world. Vol. 1-2. Oxford, 1926-27.
- Rostovtseff M. Dura-Europos and its art. Oxford, 1938.
- Rostovtseff M. Mystic Italy. N.Y., 1927.
- Rostovtseff M. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Berlin; Leipzig, 1910.
- Rostovtseff M. The social and economic history of the hellenistic world. 3 vs. Oxford, 1941.
- Rostovtseff M. The social and economic history of the Roman Empire. Oxford, 1926.
- Wallerstein I. The Present State of the Debate on World Inequality // World Inequality. Origins and Perspective of World Systems. Montreal, 1975.
- Wallerstein I. World-System Perspective on the Social Sciences // Wallerstein I. The Capitalist World-System. Essays. Cambridge etc. Paris, 1979.
- Wallerstein I. Unthinking Social Science: The Limits of nineteenth Century Paradigms. Cambridge: Polity press, 1991.
- Wilkinson D. Central civilization // Civilizations and world systems; studying world historical change. Altamira, Walnut Greek, California, USA. 1995. P. 46-74.
- Wilkinson D. Civilizations are world systems! // Comparatitive Civilizations Review. 1994. № 30. P. 59-71.

Маргарян Ерванд Грантович, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всемирной истории и зарубежного регионоведения Российско-Армянского (Славянского) университета; ведущий научный сотрудник Института истории НАНА; margar.erv@mail.ru

At the crossroads of the ancient world-systems: a prolegomenon

The article deals with relation of such concepts as the world-system and civilization, each of whom lives an independent life, co-existing in time and space. Civilization is the matrix field and has a spiritual subbase. As a phenomenon of root, civilization is a kind of constant existence of the world-system is mainly due to socio-economic factors. Between the world-system, there is a fault line, where there are conflicts and clashes. At the same time, on the border-world systems are components of transmitters, or contact zones, along which traditionally settled or lived a group of people or entire ethnic groups that provide mediation, mediation role between the economies of the world-and the world-empires. World-systems and civilizations are forced to unite in hyper – a world-empire, among which are – self-sufficient, militarist-parasitic, and mixed types. Militarist empire-parasites can be fixed and nomadic. Nomadic or bivouac empire – an empire-the army, which exist only in movement. Stopping leads either to the death of the empire-the army, or in the transformation of one or several stationary most empires usually too militarist-parasitic.

Keywords: *world-system, civilization, stereo pair design fault, frontier, contact area, translational unit, world empire, empire-army.*

Yervand Margaryan, Sc. Dr. (History), Associate Professor, Head of the Department of World History and Area Studies Abroad of the Institute for Human Sciences RAU; Leading Researcher of Institute of History NA, margar.erv@mail.ru

А. О. ЧУБАРЬЯН

РОССИЯ И ЕВРОПА: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО¹

9-11 ноября 2016 г. в Институте всеобщей истории РАН была проведена Международная научная конференция «Россия и Европа: исторический опыт взаимодействия и взаимопонимания. XVIII–XX вв.»² В работе конференции были выделены следующие тематические направления: Россия и Европа век совместной истории, ментальная география европейского пространства; Конфликты – конкуренция – союзы в международных отношениях: исторический опыт преодоления кризисов в XVIII–XX вв.; Россия в европейских дискурсах и Европа в российских дискурсах, образы России в Европе и их эволюция; Русский европеец: проблема русской идентичности в контексте отношений с Европой; Россия и Европа: пространство образования, науки и культуры. В процессе широких и многоплановых дискуссий выявились новые подходы, намечены пути «общих интересов» в политике, экономике и культуре. Публикуемая ниже статья представляет собой расширенный текст пленарного доклада научного руководителя ИВИ РАН А.О. Чубарьяна.

Ключевые слова: *Россия, Европа, идентичность, образ Другого, диалог культур*

Тема «Россия и Европа» снова, как и почти 200 лет назад, находится в центре внимания политиков и дипломатов, ученых и журналистов³. В XIX в. споры по этой теме раскалывали российское общество. В наше время обострение дискуссий и даже конфронтации объясняются политическими разногласиями между Россией и Европейским Союзом. Текущие споры дали новый всплеск интереса к историческим сюжетам. И в связи с этим снова вернулся интерес к теме – что же такое «российская идентичность» и как она соотносится с европейскими ценностями, т.е. фактически речь идет о «новых спорах о старом»⁴.

Как и ранее, эти споры ведутся учеными в странах Европы и в самой России. Следует признать, что накал подобных дискуссий в

¹ Статья выполнена в рамках проекта № 33.4122.2017/ПЧ, поддержанного Министерством образования и науки РФ.

² В конференции приняли участие учёные из Москвы, Санкт-Петербурга и многих регионов России, а также большая группа известных специалистов из стран Европы: иностранный член РАН М. Эмар (Франция), Р. Торстендаль (Швеция), Р. Саква (Великобритания), М. Филиппович (Польша), М. Ильмярв (Эстония) и др.

³ Только за последние годы вышли многие десятки трудов по этой проблематике: Neumann 1996; 1999; Кантор 2001; Чубарьян 2006; Европа и Россия: проблемы южного направления. 1999; Европа в многополярном мире. 2000.; Европа. Вчера, сегодня, завтра. 2002; Россия и Европа: Дипломатия и культура. 2002; Entry into International Society. 2016; Honneland 2003; Thorun 2009.

⁴ См. об этом, в частности: Тишков 2013; 2016.

России порой превышает те, которые ведутся в странах Европы. В значительной мере они отражают настроения и позиции различных политических партий и сил в современной России. Но активизировавшиеся дискуссии делают актуальным вновь обратиться к истории отношений России с европейскими странами, к особенностям формирования российской идентичности.

Проблема взаимодействия и взаимоотношений России с европейскими странами имеет много оттенков и разнообразных трактовок. Прежде всего укажем некоторые объективные факторы. Россия формировалась как страна, находившаяся и в Европе, и в Азии. Сейчас некоторые исследователи употребляют в отношении России термин «моста между двумя великими цивилизациями – Европейской и Азиатской», причем речь идет не только о «географии», но и о культурно-исторической составляющей евразийской территориальной особенности России. Эта особенность влияла на формирование российской государственности с глубокой древности.

Киевская Русь складывалась в борьбе и во взаимодействии с многочисленными кочевническими племенами. В исторической литературе этот процесс иногда определяют как «Древняя Русь и Степь»⁵. Наиболее сильно и по времени, и по влиянию этот фактор существовал во взаимоотношениях Руси с Золотой Ордой. В течение нескольких столетий русские княжества испытывали воздействие Золотой Орды и в экономическом плане, и в повседневной жизни. Общеизвестно и то, что истощившиеся в противостоянии и в борьбе с Русью отряды Золотой Орды не смогли вторгнуться вглубь Центральной и Западной Европы. Об этой «миссии» Древней Руси для Европы писали многие историки, литераторы, государственные и общественные деятели России и других стран. В исследованиях истории взаимоотношений Золотой Орды и русских княжеств особенно активны учёные Татарстана⁶.

В многовековой истории России постоянно шел процесс завоеваний и приращения России в отношении многих азиатских народов. В результате в состав России включились народы мусульманского Поволжья и Средней Азии, а также Сибири и Дальнего Востока, в том числе и территории с буддийской культурой. Все это придавало российскому государству неповторимое своеобразие и особенность. В этом контексте частые утверждения об «азиатчине» России сегодня звучат особенно неубедительно, когда вся Европа переживает период массовой исламизации и так называемого мультикультурализма. Для многих европейских стран пример России с ее адаптацией и взаимо-

⁵ Термин «Степь» все более активно входит в историческую литературу.

⁶ Особенно острые дискуссии возникли после выхода в свет историко-культурного стандарта для средней школы, где термин «татаро-монгольское иго» был заменен «системой зависимости русских земель от ордынских ханов».

действием христианской и мусульманской культур в наше время кажется весьма поучительным и полезным.

И все же несмотря на эти особенности Россия с древности формировалась как европейская держава. Отметим некоторые моменты.

В течение многих столетий в России шли споры, причем порой весьма острые, о т.н. «норманизме» и норманнском факторе в возникновении древнерусского государства. Отголоски этих жарких споров слышны и сегодня. Но все-таки между российскими историками сложился некий консенсус, состоящий в том, что Рюрик пришел в Новгород и застал там не «пустыню», а общество, включающее разные племена с развитой структурой, с определенной системой хозяйств, и далее шла адаптация пришедших с тем, что уже было. На основе синтеза и шло формирование древнерусской государственности.

Фактор этот был не только в Древней Руси. Норманны приходили и в Англию, и во Францию; так что и в этом плане Древняя Русь шла в русле общеевропейских процессов. Важно подчеркнуть, что династия Рюриковичей пришла на Русь из Европы⁷.

Существенным элементом были оживленные династические связи Руси с Европой. Европейские правители в те времена проявляли большой интерес к бракам своих принцесс с русскими князьями. Примеры этого были и во времена правления Ярослава Мудрого и др. Русская княжна Анна, как известно, была королевой Франции.

Интерес к загадочной Руси или Московии был очень велик в Европе. Европейская публицистика и историография полны различными мемуарами и записками путешественников, торговцев, деятелей церкви, представителями правящих кругов Европы, посещавших древнюю и феодальную Россию в течение XIII–XVIII вв. Эти воспоминания составили существенную часть т.н. «Россики». Они носили разноплановый характер и в целом давали противоречивые оценки состояния России или Московии. Многие из авторов этих записок давали негативные оценки жизни и нравов тогдашней российской жизни.

В перечне этих воспоминаний, несомненно, должны быть отмечены записки австрийца барона Сигизмунда фон Герберштейна, 500-летие дипломатической миссии которого отмечается в наши дни и в России, и в Австрии. Записки Герберштейна закладывали линию объективного и доброжелательного описания российской жизни; его сочинения служили неким ориентиром для всех тех, кто приезжал в Россию без тенденциозных предубеждений. Для зарубежной «Россики» имя Герберштейна составляет антитезу сочинениям французского путешественника маркиза де Кюстина, который в XIX в. служил ориен-

⁷ Подробно об этом см.: Мельникова 2011; Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. 2014.

тиром противоположной тенденции, при которой превалировал крайний негатив в описаниях российской жизни⁸.

Говоря о зарубежных записках и воспоминаниях, следует упомянуть французского аббата Шаппа д'Отероша, опубликовавшего свои впечатления о России, которые возмутили российскую императрицу Екатерину II. Особенно ее заделали весьма пренебрежительные отзывы автора о русских женщинах. Тогда же, в конце XVIII в., на французском языке была опубликована известная книга под названием «Антидот», в которой давалась отповедь французскому аббату. Долгое время автор «Антидота» был неизвестен, но затем было установлено, что автором была сама российская императрица⁹.

Отмечая различные тенденции в зарубежной «Россике», подчеркнем, что большинство авторов не ставили под сомнение принадлежность России к Европе, и все они в совокупности входят в тот комплекс зарубежных воспоминаний, которые составляли общую историческую традицию в подходе зарубежных авторов к России.

В Институте всеобщей истории РАН начат большой проект под названием «Россия в мире», который включает публикацию ранее неизданных записок и воспоминаний иностранцев, посещавших Россию.

Значительное место в истории взаимоотношений России со странами Европы занимает XVIII столетие. И в эту эпоху Провещения также проявилось своеобразие внутреннего развития России¹⁰.

В России не было Реформации или Контрреформации в европейском объеме, т.е. того, на чем зиждется западноевропейская цивилизация, но тем не менее Россия двигалась по тому же пути, по которому ранее развивались все европейские государства. Именно XVIII век внес в этот процесс два важнейших фактора. Первый связан с экономикой и торговлей. Главное, что привело Петра I к его «великим посольством» в Европу, было желание активизировать торговые связи и привезти в Россию, говоря современным языком, новые «технологии» и новые формы поощрения и организации экономического развития: модернизация экономики и привлечение европейских специалистов, а также посылка российских молодых людей на учебу в Европу. В этом плане продолжают дискуссии о цене т.н. «вестернизации» России в петровскую эпоху. Следующим вкладом Петра I по сближе-

⁸ Сигизмунд Герберштейн – воин, государственный деятель, дипломат и миротворец. 2000; Сигизмунд Герберштейн и его "Записки о Московии. 2010; Кудрявцев 2003. В связи 500-летием со времени написания главных записок Герберштейна в 2017 г. намечаются конференции в Австрии и в России.

⁹ Большой вклад в изучение этой проблемы внесен известным французским историком Э. Каррер д'Анкокс. см.: Каррер д'Анкокс 2004.

¹⁰ Об особенностях Просвещения в России см. Век Просвещения. Вып. 5. 2015; Европейское Просвещение и цивилизация России. 2003.

нию с Европой стало строительство новой столицы в Санкт-Петербурге, который и по своему географическому положению, и по своей архитектуре вошел в элиту европейских столиц.

Второй фактор XVIII – качественное возрастание интеллектуальных связей России и «просветительской» Европы. Процесс этот начался в царствование Елизаветы Петровны¹¹, а наиболее яркое воплощение получил при Екатерине II. Уже стала хрестоматийным примером переписка российской императрицы с Вольтером и ее связи с другими деятелями французского Просвещения. Эти и другие примеры закладывали серьезные интеллектуальные связи России с Европой. Они как бы закрепляли особую роль Франции, ее культуры и языка в интеллектуальной и в повседневной жизни России того времени.

В значительной мере именно европейские идеи XVIII века влияли на настроения российской элиты, на те идеи, которые легли в основу движения декабристов.

Россия была наиболее важным и активным членом антинаполеоновской коалиции. Большую часть XIX века главенствующую роль играл Священный Союз, в котором России принадлежало ведущее место. Объединяющим фактором Священного Союза был т.н. «легитимизм», целью которого была борьба против революционного движения в Европе. Россия, вместе с Австрией, Пруссией и позднее с Францией, была инициатором венской международно-политической системы. В те времена никто даже не ставил под сомнение ведущую геополитическую роль России в международных и прежде всего европейских делах.

Конечно, не будем забывать, что была и Крымская война, в которой европейские гранды – Англия, Франция и Россия – оказались по разную сторону баррикад. Россия была в изоляции, но уже очень скоро ситуация изменилась, и на рубеже XIX и XX вв. была сформирована Антанта, соединившая бывших противников.

Вообще же именно в Европе сложился т.н. «европейский» баланс. Творцы венской системы сформировали то равновесие, которое сохранилось до Крымской войны, а затем и до новых блоков и коалиций в конце XIX в. Венская международная система привлекает сегодня особое внимание в контексте изучения эволюции международно-политических систем в целом в XIX–XX вв.

В современной западной историографии в российском XIX веке ищут корни «русской идентичности», цитируя уваровскую триаду «православие, самодержавие, народность». Но российский XIX век – это и Чаадаев, и Белинский. Да и сами славянофилы (почвенники) не так однозначны, как считалось ранее. И западники, и славянофилы были противниками крепостного права и были патриотически настроен-

¹¹ Из работ о времени Елизаветы Петровны отметим книгу: Лиштенан 2012.

ными людьми. Типичный западник В.Г. Белинский писал, что «мы не должны быть немцами, не должны быть французами или англичанами, мы должны быть русскими, но в европейском духе»¹².

Важным аргументом противопоставления России и Европы служит XX век, когда после революции 1917 года на долгие 70 с лишним лет Россия (тогда Советский Союз) противопоставляла себя западному миру. Но и в XX в. Россия (тогда Советский Союз) геополитически была органической частью Европы, участвуя на равных в определении судеб Европы вместе с другими европейскими странами.

Конечно, идея мировой революции, идейно-политическая и социально-экономическая сущность советского строя надолго и принципиально отделяли Советский Союз от Запада (в том числе и Европы).¹³ Но жизнь оказывается сложной и часто непредсказуемой. Не будем забывать, что и марксизм пришел в Россию из Европы. Россия оказалась экспериментальной площадкой для реализации марксистских идей. Лидер большевиков Ленин был по большому счету деятелем с европейским менталитетом и с европейским воспитанием.

Наиболее ярким проявлением сотрудничества Советского Союза с Европой и с западным миром в целом был период Великой Отечественной войны и в первые месяцы после войны, когда Советский Союз был ключевой фигурой в установлении и в реализации Хельсинского Заключительного Акта.

Пожалуй, самым ярким свидетельством связей России с Европой служит сфера культуры. В XIX–XX вв. европейская культура и интеллектуальная жизнь опирались и на Достоевского, Чехова и Толстого. И дело не только в интересе европейцев к этим корифеям культуры, а также в том, что великие достижения российской культуры, искусства, литературы и науки воспринимались как составная часть европейской идентичности и культуры. Идеи Достоевского, философия Бердяева и Соловьева – это величие и вклад не только российской, но и всей европейской культуры. Европеизм, как явление российской и европейской жизни, неразрывно связан с эволюцией общественного сознания, и обращение к его исследованию предполагает выход за пределы экономических, географических и геополитических концепций. Это же относится и к XX столетию, где Пастернак, Ахматова и Бродский олицетворяют Россию, всю Европу, да и весь мир.

В общую схему отношений России с Европой входит комплекс взаимных представлений, т.н. «образы Другого». Многочисленные события прошлого, нынешние опросы и мониторинги показывают, что Россия и жители России позитивно, а часто и дружелюбно восприни-

¹² Белинский В.Г. Собрание сочинений. Т. 4. стр. 57.

¹³ Из изданий последних лет: Коминтерн и вторая мировая война. 1994–1998.

маются в большинстве стран Европы – от Скандинавии до Средиземноморья и Балкан. С целым рядом стран, главным образом соседей, у России столетиями накапливались непростые отношения. И главная проблема современности состоит в преодолении исторических стереотипов. Они часто усиливают напряженность, вызванную политическими разногласиями, но они в своей совокупности не отменяют того непреложного факта, что Россия – неотъемлемая часть европейской политики, культуры и истории, повышают интерес и к истории связей стран Европы и России.

Говоря о сегодняшних трудностях, вызванных геополитической ситуацией, следует помнить, что в истории было немало периодов и событий, когда подъемы сменялись спадами и наоборот, что отражалось на отношении политической элиты Европы к России и Советскому Союзу. В этом контексте следует упомянуть Бисмарка, который считал, что без России нельзя решать европейские проблемы¹⁴. В 1893 г. в Париже пошли на широкий международно-политический союз с Александром III. После революции 1917 г., полной изоляции и отторжения России европейские страны в 1921–1924 гг. восстановили отношения с Советским Союзом и пошли на признание советского режима.

В Европе (Англии) был Чемберлен, который отрицал существовавший тогда в России режим. Был и Черчилль, который сильно критиковал Россию. Но была и антигитлеровская коалиция с участием того же Черчилля, которая пошла на великий союз с Советским Союзом.

Если обратиться к более поздним временам, то увидим те же столкновения по поводу отношения к России. У нас была борьба с космополитизмом. Но в это же время развивались настроения по сохранению отношений в области культуры со странами Запада.

То же самое было и с западной стороны. 1968 год – советские танки в Чехословакии, но в 1970 г. германский канцлер в Москве реализует новую восточную политику. Идеологический контекст всегда присутствовал, но все-таки и он часто размывался. Безусловно, были в то время острые критики Советского Союза, настроенные на конфронтацию, но все-таки и в те тяжелые годы «холодной войны» был и Шарль де Голль, который приезжал в Москву, был Миттеран, были и другие видные деятели, которые, несмотря на все сложности и обстоятельства, продолжали видеть в России союзника и партнера.

Возвращаясь к истории, вспомним, что многие старые европейские проекты начинаются с XIV–XVI вв., когда по-разному относились к России, но многие включали ее в т.н. «европейское пространство». Концепция Европы от Бреста и до Бреста также родилась еще в

¹⁴ Эпоха Бисмарка и его роль вновь привлекли внимание учёных. См.: Haffer 2011; Kraus 2015; Lappenküper, Thiemeyer 2013.

те далекие времена. Но все-таки именно в Европе родилась концепция Европы «от Атлантики до Урала». И эта концепция предусматривает не просто какие-то связи с Россией, а органические отношения с ней.

Добавим, что и в религиозном плане нет больших оснований для противопоставления католицизма православию. Все-таки это части одной религии. И это непростой процесс. Сегодня Западная Европа ищет пути взаимодействия с исламом. Но ислам все-таки дальше от христианства (католицизма), чем православие. В этой связи российский собственный ислам – хороший пример такого взаимодействия. Россия – часть большого христианского мира, поэтому здесь нет оснований для глубоких разграничений. Этот процесс тесно связан и с особенностями внутреннего развития самой России.

Часто звучит тезис о том, что Россия подвержена авторитаризму, но это наша история, наблюдаемая с самой древности. В России идея государства была выше, чем идея конкретной личности, превалирующая в Европе. Но это совсем не основание для того, чтобы не видеть в нас партнера и часть того мира, той цивилизации, в которой мы живем. Конечно, хотя Британия и часть Европы, и это очевидно, но «Брекзит» случился, что имеет под собой не только экономические основания, но и исторические корни. Англия всегда была частью Европы, но весьма своеобразной. Когда мы говорим о будущем Европы с учетом оценки прошлого, надо иметь это в виду.

Главное, опыт показывает, что не надо драматизировать ситуацию. Взаимодействие России с Западом не было постоянным и не было какой-то одной константы, оно часто менялось в зависимости от конкретной ситуации, от политических и иных факторов, и сейчас мы как раз стоим перед необходимостью поиска новой парадигмы отношений России с остальной частью Европы, которая должна быть продиктована и общностью культуры, цивилизации и единой христианской религией, но должна учитывать и происходящие изменения. Уже более 25 лет назад исчезло то идеологическое противоречие, которое было между СССР и Западом во времена «холодной войны». Тогда, в центре идеологического противостояния социалистического государства и западных ценностей, связанных с рыночной экономикой, проходили сотни встреч. Но сейчас этого нет. Мы можем дискутировать, но мы развиваемся по схожему пути. Цитируя наших западных коллег, следует констатировать, что экономическое развитие России идет в довольно либеральном духе, в том же, что и Запад.

И в этом смысле большая роль принадлежит людям гражданского общества, представителям науки, образования, культуры. Опыт последних лет показал, что, несмотря на существующие ныне трудности, ни наука, ни культура, ни искусство, ни образование не оказались, за исключением отдельных случаев, в т.н. «санкционном» противостоя-

нии. Потому что они наднациональны по своей сути. И они составляют основу наших общих ценностей. Поэтому задача историков состоит в том, чтобы вносить свой вклад в понимание того, что наука интернациональна. Диалог и культура диалога должны быть в центре российских связей с учёными других стран и мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Век Просвещения / Отв. ред. С.Я. Карп, сост. Г.А. Космолинская. Вып. 5: География эпохи Просвещения: между воображением и реальностью. М.: Наука, 2015. 598 с.
- География эпохи Просвещения: между воображением и реальностью. С. Карп. Век Просвещения. Вып. 5. 2015
- Герберштейн и его «Записки о Московии» / Ред. Ю. Ругел. СПб.: Алетейя, 2010. 204 с.
- Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия / Под общ. ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. 992 с.
- Европа. Вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. Н.П. Шмелев и др. М.: Экономика, 2002. 822 с.
- Европа и Россия: проблемы Южного направления. Средиземноморье Черноморье Каспий / Ред.: В.В. Журкин и др. М.: Интердиалект, 1999. 659 с.
- Европейское просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М.: Наука, 2004. 356 с.
- Кантор В. Русский европеец как явление культуры. М.: РОССПЭН, 2001. 697 с.
- Каррер д'Анкокс Э. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005, 463 с.
- Коминтерн и вторая мировая война. Сб. док. В 2 ч. / Сост. авт. коммент. Н.С. Лебедева, М.М. Наринский. М. Памятники исторической мысли, 1994-1998.
- Кудрявцев О.Ф. Двойкий образ России: Сигизмунд Герберштейн и его предшественники // От Средних веков к Возрождению. СПб.: Алетейя. 2003. С. 186-215.
- Лштенан Ф.-Д. Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других. М.: Астрель, 2012. 644 с.
- Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия / Ред. Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон. М.: Университет Дмитрия Пожарского 2011. 476 с.
- Россия и Европа: Дипломатия и культура / Отв. ред. А.С. Намазова. М.: Наука, 2002. 237 с.
- Сигизмунд Герберштейн – воин, государственный деятель, дипломат и миротворец / Сост. и ред. Ю. Ругел. М.: Белые альвы, 2000. 206 с.
- Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.
- Тишков В.А. Нация и национальная идентичность // Вестник российской нации. Спецвыпуск 2008-2016. С. 7-15.
- Чубарьян А.О. Российский европеизм. М.: Олма-Пресс, 2006. 415 с.
- Entry into International Society: The View from the European Periphery / Ed. by F. Ejds. London: Routledge, 2016. 170 с.
- Haffer D. Europa in den Augen Bismarcks. Bismarcks Vorstellungen von der Politik der europäischen der europäischen Mächte und vom europäischen Staatensystem. Paderborn, 2011.
- Honneland G. Russia and the West. Environmental Co-operation and Conflict. London and New York: Routledge, 2003. XII+169 p.
- Kraus H-Ch. Bismarck: Größe, Grenzen, Leistungen. Stuttgart, 2015.
- Lappenküper U, Thiemeyer Guido. Europäische Einigung im 19. und 20. Jahrhundert. Akteure und Antriebskräfte. Paderborn, 2013.
- Neumann, Iver B. Russia and the Idea of Europe: A Study of Identity and International Relations. London and New York: Routledge, 1996. 253 p.
- Neumann, Iver B. Uses of the Other. The 'East' in European Identity Formation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. 304 p.
- Thorun, Christian. Explaining Change in Russian Foreign Policy: The Role of Ideas in Post-Soviet Russia's Conduct towards the West. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2009. 272 с.

REFERENCES

- Vek Prosveshcheniya / Otv. red. S.Ya. Karp, sost. G.A. Kosmolinskaya. Vyp. 5: Geografiya epokhi Prosveshcheniya: mezhdu voobrazheniem i real'nost'yu. M.: Nauka, 2015. 598 s.
- Geografiya epokhi Prosveshcheniya: mezhdu voobrazheniem i real'nost'yu. S. Karp. Vek Prosveshcheniya. Vyp. 5. 2015
- Gerbershtein i ego «Zapiski o Moskovii» / Red. Yu. Rugel. SPb.: Aleteiya, 2010. 204 s.
- Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya / Pod obshch. red. E.A. Mel'nikovoi, V.Ya. Petrukhina. M.: Ladomir, 2014. 992 s.
- Evropa. Vchera, segodnya, zavtra / Otv. red. N.P. Shmelev i dr. M.: Ekonomika, 2002. 822 s.
- Evropa i Rossiya: problemy Yuzhnogo napravleniya. Sredizemnomor'e Chernomor'e Kaspii / Red.: V.V. Zhurkin i dr. M.: Interdialekt, 1999. 659 s.
- Evropeiskoe prosveshchenie i tsivilizatsiya Rossii / Otv. red. S.Ya. Karp, S.A. Mezin. M.: Nauka, 2004. 356 s.
- Kantor V. Russkii evropeets kak yavlenie kul'tury. M.: ROSSPEN, 2001. 697 s.
- Karrer d'Ankoss E. Imperatritsa i abbat. Neizdannaya literaturnaya duel' Ekateriny II i abbata Shappa d'Oterosha. M.: OLMA-PRESS, 2005, 463 s.
- Komintern i vtoraya mirovaya voyna. Sb. dok. V 2 ch. / Sost, avt. komment. N.S. Lebedeva, M.M. Narinskii. M. Pamyatniki istoricheskoi mysli, 1994-1998.
- Kudryavtsev O.F. Dvoyakii obraz Rossii: Sigizmund Gerbershtein i ego predshestvenniki // Ot Srednikh vekov k Vozrozhdeniyu. SPb.: Aleteiya. 2003. S. 186-215.
- Lishtenan F.-D. Elizaveta Petrovna. Imperatritsa, ne pokhzhaya na drugikh. M.: Ast-rel', 2012. 644 s.
- Mel'nikova E.A. Drevnyaya Rus' i Skandinaviya / Red. G.V. Glazyrina, T.N. Dzhakson. M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo 2011. 476 s.
- Rossiia i Evropa: Diplomatiya i kul'tura / Otv. red. A.S. Namazova. M.: Nauka, 2002. 237 c.
- Sigizmund Gerbershtein – voin, gosudarstvennyi deyatel', diplomat i mirovtvorets / Sost. i red. Yu. Rugel. M.: Belye al'vy, 2000. 206 s.
- Tishkov V.A. Rossiiskii narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya. M.: Nauka, 2013. 649 s.
- Tishkov V.A. Natsiya i natsional'naya identichnost' // Vestnik rossiiskoi natsii. Spsvypusk 2008-2016. C. 7-15.
- Chubar'yan A.O. Rossiiskii evropeizm. M.: Olma-Press, 2006. 415 s.
- Entry into International Society: The View from the European Periphery / Ed. by F. Ejds. London: Routledge, 2016. 170 s.
- Haffer D. Europa in den Augen Bismarcks. Bismarcks Vorstellungen von der Politik der europäischen der europäischen Mächte und vom europäischen Staatensystem. Paderborn, 2011.
- Honneland G. Russia and the West. Environmental Co-operation and Conflict. London and New York: Routledge, 2003. XII+169 p.
- Kraus H-Ch. Bismarck: Größe, Grenzen, Leistungen. Stuttgart, 2015.
- Lappenküper U, Thieme Guido. Europäische Einigung im 19. und 20. Jahrhundert. Akteure und Antriebskräfte. Paderborn, 2013.
- Neumann, Iver B. Russia and the Idea of Europe: A Study of Identity and International Relations. London and New York: Routledge, 1996. 253 p.
- Neumann, Iver B. Uses of the Other. The 'East' in European Identity Formation. Minne-apolis: University of Minnesota Press, 1999. 304 p.
- Thorun, Christian. Explaining Change in Russian Foreign Policy: The Role of Ideas in Post-Soviet Russia's Conduct towards the West. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2009. 272 c.

Чубарьян Александр Оганович, академик РАН, доктор исторических наук, научный руководитель Института всеобщей истории РАН, президент Государственного академического университета гуманитарных наук

**Russia and Europe:
a view to the future in the context of the past and the present**

9-11 November 2016, the Institute of World History, RAS, held an international conference “Russia and Europe: historical interaction and mutual understanding, 18th – 20th cc.” The following themes were discussed: Russia and Europe, a century of shared history, mental geography of European space; conflicts – competition – alliances in international relations: historical legacy of overcoming crises in the 18th – 20th cc.; Russia in European discourses and Europe in Russian discourses, images of Russia in Europe and their evolution; a Russian European: the problem of Russian identity in the context with Russo-European relations; Russia and Europe: the space of education, science and culture. Wide-ranging and multi-layered discussions revealed new approaches, “shared interests” in politics, economics and culture. The present article is an enlarged text of the plenary address by A.O. Chubaryan, the academic supervisor of the Institute of World History.

Keywords: Russia, Europe, identity, image of the Other, dialogue of cultures

Alexander Chubaryan, academician, RAS, Dr. Sc. (history), academic supervisor, Institute of World History, President, State Academic University of Humanities

З. А. ЧЕКАНЦЕВА

ПАМЯТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ФРАНЦИИ*

В статье осмысливается проблема формирования и трансформации научного подхода к изучению национальной истории во Франции сквозь призму взаимоотношений коллективной памяти и исторической мысли, ищущей профессиональной ясности и научности. Показано, как «работает» память в историографической операции; каким образом исторический нарратив взаимодействует с социальной памятью в национальной исторической памяти. Обсуждается вопрос о роли памяти в формировании национальной идентичности французов в режиме *longue durée* и в контексте изменяющихся отношений с социальным временем.

Ключевые слова: коллективная память, национальная идентичность, мемориальная структура, бриколаж, история Франции, национальный роман

История, память и современный режим историчности

Во Франции рождение истории как научной дисциплины прочно связано со становлением государства-нации. Возможно, это обстоятельство объясняет традиционно высокий статус исторического знания в этой стране. Однако в XXI в. престиж истории как науки явно снижается¹. Спрос на историю во французском социуме остается очень высоким, и у историков появилось значительно больше возможностей для того, чтобы знакомить публику со своими трудами, но термин «прошлое» стал более важным, чем термин «история». «Повсюду только прошлое, – пишет П. Нора, – истории больше нет нигде. История, т.е. организация прошлого в единый ансамбль, включение его в рассказ, динамичное выявление (*rassemblement*) его смысла, спорного в своей направленности, но бесспорного в наличии, такая история явно уходит на второй план; и это удаление особенно ясно ощущается в образовании»². Сегодня «больше говорят об использовании прошлого, чем об использовании истории, скорее о памяти, чем об истории, и оба эти понятия – история и память – идут рука об руку», – уточняет Ф. Артог³.

Историческая наука «становится бедной родственницей когнитивных наук», считает Нора. Ее вытесняет «прошлое», которое сегодня ассоциируется не с дисциплинарным историческим знанием, а с памя-

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, по проекту № 14-01-00357а, а также гранта РНФ № 15-18-00135 «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности».

¹ См, напр.: Prochasson 2008.

² Nora 2013/5. P. 3. См. также Rousso 1998; Nora P. 2011.

³ Entretien avec François Hartog, réalisé par Julien Tassel...

тью. Иначе говоря, если в эпоху классического познания история понималась как наука о «прошлом», то сегодня людей интересует только само это «прошлое», которое историки не могут объяснить. Они могут лишь показать, как репрезентации о прошлом формируются в настоящем. В этой связи во Франции уже несколько десятилетий обсуждается идентичность современного историка, эпистемологическое содержание исторического знания⁴ и состояние исторического образования⁵.

В одном из интервью П. Нора напомнил, что О. Конт различал эпохи позитивные и критические. «Первые были охвачены творческим порывом конструирования будущего, вторые целиком заполнены пережевыванием прошлого. Мы живем в эпоху второго типа. Поскольку прошлое больше не говорит о себе, каждый может заставить его говорить то, что ему хочется. По привычке и для простоты такое новое отношение к прошлому называют “историей”. Но то, что раньше по определению означало создание коллективной связи, стало индивидуальной принадлежностью, где доминируют этические, игровые, проективные, аффективные измерения. Речь больше не идет о том, чтобы вписать свой опыт в опыт коллективный, но об игре с имеющимся капиталом... История, которая по определению была фундаментом реальности, стала областью воображаемого...»⁶.

Глубинной основой этих перемен является не только многоплановая трансформация мира⁷, но изменение «порядка времени» (К. Помьян). В последние десятилетия все три модуса времени (прошлое, настоящее, будущее) переживаются не как последовательные, а как одновременные составляющие современности⁸. «Каждый, кто задумывался о современности, – пишет известный философ, – знает, что рассмотреть ее можно, только расколов на множество времен, привнеся во время ощутимую неоднородность»⁹. Хорошей иллюстрацией такого восприятия времени является мода. Она способна «внедрять во время особенную прерывистость, разделяя его в соответствии с его актуальностью или неактуальностью, его следованием или не следованием моде (следовать моде не то же самое, что быть модным, так как последнее относится только к вещам). Эта цезура едва уловима, но все же очевидна, поскольку те, кому суждено ее почувствовать, непременно чувствуют ее, подтверждая тем самым свою принадлежность к моде, но стоит только попытаться конкретизировать и закрепить ее во временной хронологии, как она тотчас же ускользает от нас. Прежде всего, определить

⁴ Чеканцева 2014.

⁵ Badré 2013/5.

⁶ Nora 2013/5. P. 3-5.

⁷ См., напр., Бауман. Текущая модерность...

⁸ Кондратьева 2015.

⁹ Агамбен. 2014. С. 36.

“сейчас” моды, то мгновение, когда она осуществляется, нельзя ни по какому хронометру. Быть может, “сейчас” – это миг, когда дизайнер создает штрих, оттенок, который обусловит новую тенденцию в одежде? Или же миг, когда он передает идею художнику-модельеру, или позже, когда рисунок отправляется в пошив, где из выкройки сделают прототип? Или же минуты показа, когда одежду демонстрируют манекенщицы – единственные люди, всегда и везде следующие моде, но именно поэтому никогда не следующие ей по-настоящему? Ведь в конечном итоге следование моде “стилей” и “форм” возможно только в том случае, если люди из плоти и крови, не такие как манекенщицы – эти самоотверженные жертвы безликого божества, признают моду и возьмут ее на вооружение в собственном гардеробе. Таким образом, время моды по своей структуре опережает само себя и, собственно, постоянно опаздывает, приобретая форму смутной границы между “еще нет” и “больше нет”»¹⁰. Во Франции понятие режима историчности ввел в науку и представил в качестве идеального типа Ф. Артог¹¹.

Особенность этой историчности – возвышение памяти, чрезмерное внимание к прошлому (недавнему, травматическому, трагическому, не уходящему). Пропитанная ностальгией память стала выражением стремления преодолеть силу забвения, вернуть искаженное, отвергнутое, стертное – в сочетании с крайней неопределенностью в отношении будущего, порожденной утратой веры в прогресс и недоверием к официальной историографии. На этой волне изменилось отношение к культурному наследию. Его, по сути, «изобрели» заново, поставив в центр антропологическое восприятие культуры как мира символов, следов, знаков, которые необходимо сохранить для настоящего¹². Историки в этих условиях «совершая историографическое и мемориальное обновление, расстаются с прошлым в себе и вносят свой вклад в дело рефлексии и интерпретации, которому служат гуманитарные науки»¹³.

Воспоминание и забвение воспринимаются как важнейшие факторы общественной жизни и политики. Историческая политика и мемориальная культура, характеризующие уровень обращения к прошлому, стали объектом пристального внимания ученых¹⁴. Под мемориальной культурой понимается совокупность средств, с помощью которых отдельные индивиды, группы и культуры выстраивают свою идентичность. Причем злоупотребление воспоминаниями в политике и практиках повседневности не всегда можно назвать инструментализацией

¹⁰ Там же. С. 31-33.

¹¹ Hartog 2003.

¹² Pomian 2010/2.

¹³ Досс 2013. С. 40-41.

¹⁴ Bertrand 2006; Империя и нация...; Историческая политика в XXI веке...

истории: «Понятие “инструментализации” внушает мысль, будто прошлое надежно контролируется настоящим, но на самом деле именно прошлое, особенно травматическое, не выпускает будущее из своей хватки. Не мы владеем прошлым – это оно владеет нами»¹⁵.

Такие понятия как *родина, нация, идентичность, наследие* пропускаются сквозь фильтры памяти. Линза памяти позволяет увеличить, уменьшить, сфокусировать или переместить внимание на новые темы и аргументы, изменяя взгляд на вещи и людей. Созданные с помощью памяти сетки анализа помогают пониманию социальной и политической реальности, видоизменяя способы размышления или описания.

В трудах, посвященных важнейшим событиям в истории Франции¹⁶, показано, как историческая память участвует в социальном конструировании преемственности или разрывов. Приоритетной темой исторических исследований являются различные аспекты «использования прошлого»¹⁷, а историческая память изучается преимущественно в связи с «политикой памяти» или «исторической политикой», с анализом значения политического заказа в формировании исторических знаний при решении конкретных политических задач. Не удивительно, что память вовлечена в политическую борьбу¹⁸. Коллективная память и идентичность – концептуальные инструменты в бесчисленных «войнах памяти», охвативших Францию в конце 1990-х гг.¹⁹ В них исторический дискурс о памяти смешивается с дискурсом политическим, философским, этическим, юридическим, медиальным. Конфликты памяти нуждаются не только в прошлом, но и в настоящем, причем очень важны контексты возникновения таких конфликтов. В то же время память порой становится составляющей в процессе деформирования реальности, превращаясь в сфере коммуникаций в объект манипуляций.

Образно и точно характеризует ситуацию Ф. Артог: современная история/историография стремительно меняется в сопровождении «квартета в составе памяти, коммеморации, наследия и идентичности, а также тех, кто им аккомпанирует. В роли руководителя оркестра выступает наше настоящее»²⁰. Однако вопрос о том, что такое коллективная память, остается открытым. Введенное в науку А. Бергсоном и М. Хальбваксом, это понятие до сих пор нередко воспринимается как метафора. Остановимся на этом подробнее.

¹⁵ Ассман 2014. С. 303.

¹⁶ См.: Dosse 2010; Joutard 1985; Rousso 1990; 1999; 2001.

¹⁷ Les usages politiques du passé...; Concurrence des passés... Резко возросла роль коммеморативных практик. Namer 1987; Les usages politiques de la fête...; La mémoire des Français...; Garcia 2000.

¹⁸ Тьесс 2010; Вельцер 2005.

¹⁹ См.: Blanchard, Veyrat-Masson 2008.

²⁰ Hartog 2010/1.

Мысль о том, что человек, будучи существом социальным, не является хозяином своих воспоминаний на интуитивном уровне, вызывает отторжение. Но аналитики коллективной памяти убедительно показали, что такие воспоминания во многом зависят от бесчисленных репрезентаций, окружающих индивида в коммуникации с другими людьми в различных группах (семья, школа, университет, трудовой коллектив и пр.) или в непрерывно обновляющихся информационных потоках, сопровождающих процесс социализации и живого общения.

В незаконченной работе «Коллективная память», опубликованной уже после смерти М. Хальбвакса в 1950 г., содержится несколько идей, касающихся исторической памяти²¹. Индивидуальная память – память кратковременная, она умирает вместе с человеком. Историческая память, как и другие виды коллективной памяти (социальная, культурная, политическая, официальная, семейная и пр.), является памятью долговременной. Она продолжает жить в поколениях людей, непрерывно трансформируясь, благодаря специальным практикам и институтам, при поддержке социума и государства. Различаются память внутренняя (автобиографическая) и внешняя (историческая). Обе функционируют примерно одинаково. Первая является более точной, поскольку связана с реальной жизнью человека. Вторая во многом зависит от «всеобщей истории». Историческая память не исчерпывается той историей, которую можно найти в исторических книгах или школьных учебниках. Скорее она соответствует «живой истории», разлитой в пространстве здравого смысла. Такую память Хальбвакс представлял как то, что другие оставили нам в наследство, что не всегда присутствует в книгах.

Объясняя связь индивидуальной и коллективной исторической памяти, он приводит пример из собственной жизни: «Что произошло в мире в 1877 году, когда я родился? Это год 16 мая, когда политическая ситуация менялась со дня на день, год истинного рождения Республики. У власти был министр де Брольи. Гамбетта в том году объявил (президенту Франции Мак-Магону, – примеч. пер.): «Вы должны подчиниться или сложить с себя полномочия». В том же году умирает художник Курбе. Виктор Гюго публикует второй том “*Легенды веков*”. В Париже достраивают бульвар Сен-Жермен и начинают прокладывать авеню Республики. В Европе все внимание сосредоточено на русско-турецкой войне. Осман-паша после долгой и героической обороны вынужден сдать Плевну. Таким образом, я восстанавливаю обстановку, но это очень широкие рамки, в которых я ощущаю себя крайне затерянным. Несомненно, с этого момента меня подхватил поток жизни нации, но я едва ощущал, что меня несет этот поток. Я был словно пассажир

²¹ Halbwachs 1981 (1950, 1968).

на корабле. Перед его глазами проплывают берега, его поездка проходит внутри этого пейзажа, но предположим, что он погружен в размышления или в разговор с попутчиками: тогда он лишь время от времени станет обращать внимание на то, что происходит на берегу; позже он вспомнит поездку, не вдумываясь в подробности пейзажа, или же он проследит ее маршрут на карте и в таком случае, возможно, что-то вспомнит, а что-то уточнит. Но между путешественником и той страной, мимо которой он проплывал, не было настоящего контакта»²². Получается, что индивидуальные жизни в чем-то повторяют движения групп и сообществ, в которые они включены и испытывают на себе последствия их потрясений. Однако люди способны привязать свои жизни к событиям национального масштаба лишь задним числом.

Социальное окружение индивида, среда, в которой он живет, наполнена референциями к такой диффузной, неорганизованной памяти, которую национальная история преобразовывает в нечто цельное и связанное. Национальная история отличается от локальных, провинциальных, городских историй тем, что в ней имеют значение лишь факты, интересующие всех граждан, или всех тех, кто считает себя членами конкретного национального сообщества. Бенедикт Андерсон представил нацию как «воображаемое сообщество». Несколько десятилетий это понятие вдохновляло исследователей, принимающих конструктивистскую установку в понимании природы познания. Сегодня в связи с исследованием механизмов работы памяти в социуме есть основания говорить о нациях как «мнемонических сообществах»²³. Преодолевая представление о противоположности коллективной и индивидуальной памяти, А. Ассман детально проанализировала четыре формата памяти, определяемых размером и характером группы, а также ее пространственными и временными особенностями: память индивида, социальной группы, политических сообществ и память культур. Исследовательница показала также связь форматов памяти с процессами идентификации на разных уровнях, дифференцируя компоненты памяти (носитель, среда, опора) и ее измерения (нейронное, социальное, культурное). Национальную память она считает разновидностью памяти политической и официальной. Это лишь один из возможных видов коллективной памяти, связанный с императивами лояльности и «мы» идентичностью. В отличие от многоголосой социальной памяти, изменяющейся стихийно, национальная память представляет собой более унифицированную конструкцию, которая закрепляется политическими институтами. «При формировании коллективной самоидентификации, – пишет А. Ассман, – решающее значение имеет не онтологиче-

²² Хальбвакс 2005.

²³ Zerubavel 2003.

ский статус, а потенциал воздействия исторического опыта, который передается и обогащается новыми толкованиями»²⁴. В этой связи большое значение приобретает вопрос о том «как именно мы вспоминаем?» и «каким образом мы узнаем об историческом событии?». Иными словами, это вопрос о взаимоотношениях памяти и истории.

Память и история

История и память были связаны всегда: не случайно в греческой мифологии Клио – дочь Мнемозины. Впрочем, еще в глубокой древности человеческий опыт стал воплощаться не только в теле индивида, но и в других материальных формах: камень, папирус, бумага, рисунки, маски, картины, одежда, жесткий диск и пр. В текстах отцов-основателей истории – Геродота и Фукидида память присутствует постоянно. В средние века история оказалась подчинена памяти: она была включена в мнемонические техники. Но в конце XIX века не без помощи государства-нации память ушла в тень, передав истории целый ряд проблем, связанных с припоминанием-распознаванием, воображением, образами. Понятие коллективной памяти, введенное в науку в начале прошлого века, способствовало трансформации исторического знания, в котором память стала одним из объектов анализа в качестве исторической репрезентации²⁵. А. Ассман на материале XX века выделила три момента, в которых историческое исследование может быть дополнено мемориальной перспективой: выявление эмоциональной составляющей и индивидуального переживания; изучение мемориальной функции истории как памяти; осмысление этической ориентации²⁶. Все эти и другие аспекты истории памяти сегодня интенсивно изучаются в мировой науке, в том числе в отечественной историографии²⁷.

Различия между историей и памятью хорошо объяснил П. Нора: «Память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого. Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны. Она питается туманными, многоплановыми, глобальными и текучими, частичными или символическими воспоминаниями, она чувствительна ко всем транс-

²⁴ Ассман 2014. С. 33-39.

²⁵ Rotian 1998; Чеканцева 2015.

²⁶ Ассман 2014. С. 49.

²⁷ Леонтьева, Репина 2015.

ферам, отображениям, запретам или проекциям. История как интеллектуальная и светская операция вызывает к анализу и критическому дискурсу. Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим. Память порождается той социальной группой, которую она сплачивает, это возвращает нас к тому, что, по словам Хальбвакса, существует столько же памятей, сколько и социальных групп, к идее о том, что память по своей природе множественна и неделима, коллективна и индивидуальна. Напротив, история принадлежит всем и никому, что делает универсальность ее призванием. Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей. Память – это абсолют, а история знает только относительное»²⁸.

Но одновременно память – это матрица истории и она остается ею даже тогда, когда становится предметом историографии²⁹. Получается, что память, учитывая всю полисемию понятия, всегда «сопряжена с прошлым». При этом «время остается общей ставкой» (П. Рикёр) как для памяти-чувства (*мнеме*), работающей в процессе простого вызывания в памяти, так и для памяти – действия (*анамнезис*), предполагающей усилие по вызыванию воспоминания. Кроме того, время обеспечивает нерасторжимую связь истории и памяти: обе оформляются в настоящем, но предполагают воскрешение прошедшего.

В классической науке темпоральная дистанция между прошлым и настоящим считалась одним из важнейших атрибутов научности. «В прошлых двух столетиях, – пишет Ф. Анкерсмит, – историки создали ряд сложных интеллектуальных конструкций, в форме таких понятий как *народ, государство, нация, социальный класс, социальная структура* (их число можно умножить), чтобы укрепить существующее расстояние между прошлым и настоящим. С точки зрения этих и других понятий прошлое анализировалось в его качестве быть отличным от настоящего. Факт, что мы всегда говорим об истории определенного народа, некоторой нации, социального класса и так далее (что, несомненно, предполагает непрерывность между прошлым и настоящим) заставляет забыть, что прошлое было разведено с настоящим именно в связи с этими понятиями»³⁰. В новом режиме историчности этот постулат проблематизирован. Кроме того, в критической модели истории было реабилитировано «эксплицитное и обдуманное действие», что вывело на первый план историческую идентичность³¹.

²⁸ Франция-память... С. 20. В этом же тексте П. Нора объясняет необходимость изучения не только истории, но и памяти, в т.ч. потому, что «интегральная психологизация современной памяти ввела совершенно новую экономию идентичности Я, механизмов памяти и отношений с прошлым».

²⁹ Рикёр 2004. С. 45.

³⁰ Анкерсмит 2003. С. 307.

³¹ Gauchet 1998. P. 166.

Проблема заключается в том, что индивидуальная историческая память, как и идентичность, имеет многоуровневый характер. В ней переплетаются в специфических формах присвоения и адаптации к экзистенциальным потребностям конкретного человека, личный жизненный опыт индивида и социокультурный опыт различных групп. Роль исторической памяти в формировании личной и групповой идентичности сложно переоценить. Но выявление этой роли затруднено недостаточным пониманием механизмов связей индивидуальной и коллективной памяти с профессиональной историографией³². Размышления М. де Серто и П. Рикёра о судьбе памяти в деятельности историка позволяют прояснить специфику работы памяти в историческом исследовании.

Прежде всего, память неотделима от загадочной природы репрезентации³³. Воспоминание спонтанно возникает как образ, знак того, что уже отсутствует. Это *образ-воспоминание*, в котором, по мысли Рикёра, одновременно сосуществуют *присутствующее*, *отсутствующее* и *предшествующее*. Связанную с этими терминами проблематику хорошо иллюстрирует метафора следа, оставленного печатью на воске: след сохраняется, но удара печати больше нет. Иными словами, образ-воспоминание частично утрачивает свою составляющую, связанную с действием. *Присутствующее* – это сам образ как след, отпечаток, знак канувшей в лету вещи или явления. *Отсутствующим* может быть все что угодно: фантазия, галлюцинация или реальное событие. Здесь возникает проблема соотношения памяти и воображения, воспоминания и фикции, изучением которой занимается риторика. Третья составляющая загадки репрезентации, это наличие темпоральной дистанции, которая в языке выражается с помощью глагольных форм или наречий. В данном случае историк имеет дело с загадкой в квадрате: *предшествующее* присутствует в образе как знак такого *отсутствующего*, которое все-таки имело место. Именно это обстоятельство заверяет память. Она же предлагает промежуточную отгадку для этой головоломки, которая выглядит как возвращение прошлого. Рикёр называет это *узнаванием* или «маленьким чудом». История как наука лишена способности на такое чудо, но обречена на его поиск. «Узнавание вписано в структуры уверенности: его можно оспаривать, подозревать, опровергать с помощью документов, но никакой другой опыт не может его заменить». Узнавание предстает как обработка, согласование, поиск соответствия образа вещи или явлению, след которых сохранила память.

Какова роль в этом человеческого мозга не совсем ясно, ибо когнитивные науки не понимают до конца природу сознания. Но каким

³² Lavabre 1994.

³³ Рикёр 2002; 2004; Ricœur 1996. См. о понятии *репрезентация*: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. 2016. С. 413-415.

бы сомнительным не было воспоминание в момент узнавания, у человека нет ничего лучшего для того, чтобы говорить, писать и рассказывать о том, что имело место до того, как он об этом вспомнил. Память не только предлагает определенное видение события или явления прошлого, оставившего в нас свой след, у нее есть носитель (индивид, персона, субъект). Вспоминая всегда уверен, что это его память, но это иллюзия: воспоминания принадлежат не только ему, они живут в пространстве коммуникации с другими людьми, наполненном непрерывным процессом трансфера воспоминаний. Это «множественное присвоение» в бесчисленных коммуникациях и позволяет говорить о наличии коллективной памяти. Индивидуальные памяти людей переплетены друг с другом, как рассказы или тексты, которые, как им кажется, они сочиняют сами. Судьба памяти, полагает Рикёр, быть «вплетенной в историю»; эта переплетенность обеспечивает связность истории, и она же ответственна за разрывы в ней. Получается, что работа памяти осуществляется как внутри, так и вне ее носителя, не только на уровне отдельного человека, но и на уровне групп и социума в целом.

«Работа» памяти в историографической операции

Мишель де Серто выделяет три основных стадии в структуре историографической практики: стадия документальная, стадия понимания/объяснения и стадия письма в точном смысле слова³⁴. На каждой из этих стадий между памятью и историей существует одновременно «тесная связь и невидимый барьер» (П. Рикёр).

Свидетельство начинается с памяти, полагает Рикёр. В нем высказывается и рассказывает именно память. Свидетель дает показания перед Другим: «я там был, верьте мне!». В самой процедуре свидетельства происходит нечто похожее на распознавание воспоминания, которое предполагает оформление некоторого образа. Но к уверенности свидетеля «я» прибавляется недоверие к «другому». В этой связи нормой становится обращение к письменному свидетельству. Ценность свидетельства, подписанного и заверенного, возрастает: подпись обязывает говорить правду. Кроме того, приобретая бумажную форму, свидетельство входит в зону критики и сравнения. Из свидетельств, собранных в «архивах», рождается «документ», который приобретает большее значение, чем просто след памяти. Он покрывает все материальные следы, оставленные активностью человека и способные быть утраченными, что вызывает к их ответственному хранению.

На стадии объяснения/понимания история отделяется от памяти, включая в исследовательский процесс ресурсы рассуждения и аргументации, которые обычно отсутствуют в простом свидетельстве. Это проявляется в попытках установить причины, выявить качество происхо-

³⁴ Certeau 1973.

дящего, отыскать в установленном наборе сведений повторяющиеся явления, выявить их темпоральные характеристики; распределить по разным «этажам» (экономическое, социальное, политическое, культурное), осмыслить связи между ними; использовать масштаб в качестве методического инструмента и пр. Все эти приемы исторического исследования недоступны памяти.

Когда историк переходит от истории рассказанной, которая всегда отчасти легендарна, к истории, которая имела место, его «труд становится событием» писал де Серто. В своей практике историк «не повторяет» (свидетельство, источник, документ – *З.Ч.*), его задача заключается в том, чтобы «превратить историю-легенду в историю-труд»³⁵. В этом замечании важна мысль о неизбежной воображаемой установке в историческом исследовании, наличие которой позволяет понять, почему в истории историографии присутствует мифопоэтическая составляющая. Посредником в работе историка с источниками выступает культура, составной частью которой является коллективная память.

Наряду с документальными следами и архивами перед лицом наук о природе постепенно оформляется автономия истории. У истории есть своя парадигма, которую К. Гинзбург назвал «парадигмой улики». Эта семиотическая модель позволяет выявлять документ, интерпретировать его, проверять в экспертном сообществе профессионалов. Индикативный, поисковый характер работы историка определяет специфику объективности в исторической науке. Она заключается в «документальной истине», соответствующей вероятностной природе исторического познания, проявляющейся в полноте улики, их связности, значимости и проверяется посредством сравнения и дискуссии. Благодаря архиву и документу истина в истории отличается по степени достоверности и содержанию от «подлинности» памяти. В этой связи Рикёр предлагал заменить термин *репрезентация* на *репрезентирование* для того, чтобы подчеркнуть процессуальный характер формирования исторической истины. «Беспокоящая странность» истории при этом сохраняется, но она не совпадает со скептицизмом риторической школы³⁶.

В этом беспокойстве присутствуют не только рациональные, но и моральные, юридические и политические аспекты, важность которых возрастает в связи с проблемой «долга памяти». Речь идет о памяти под пристальным контролем истории: поле воспоминаний приобретает смысл и значение только вместе с историей, когда в нем возможно использование подходов и приемов анализа, разработанных историей-наукой. Кроме того, историографическая направленность на понима-

³⁵ Ibid. P. 292.

³⁶ Рикёр 2002.

ние, по мысли Рикёра, затрудняет применять при осмыслении сложных исторических явлений установки судей и обвинителей. Историк работает в пространстве понимания, дискуссии и спора и не стремится к вынесению осуждающих или ободряющих вердиктов. В то же время тексты историка вплетаются в атмосферу коллективной памяти, посредством которой в самого историка и его труды проникают заботы творящего историю гражданина.

Какая именно память составляет «матрицу» истории применительно к определенному историческому нарративу, в частности, к нарративу национальному? Во-первых, это индивидуальная социокультурная память историка, полученная от семьи и институтов социализации, где он сформировался как личность и профессионал. Из образного мира этой памяти рационально и эмоционально выстраивается в тексте репрезентация определенного аспекта исторической реальности. Во-вторых, это социальная память, обеспечивающая «набор категорий, посредством которых члены данной группы неосознанно ориентируются в своем окружении». Одновременно такая коллективная память предоставляет «материал для сознательной рефлексии и интерпретации транслируемых образов прошлого в исторической мысли и профессиональном историческом знании»³⁷. В-третьих, это память следов прошлого, сохраненная в свидетельствах, с которыми работает историк. В эти остатки импутирована культурная память той эпохи, в которой жили люди, оставившие свои свидетельства в текстах, изображениях, памятниках материальной культуры³⁸.

Историческая память и национальная идентичность

Тема «самости» или идентичности родилась вместе с человеческой мыслью, но то, что наряду с историей «именно сила памяти определяет черты идентичности и делает прошлое проекцией будущего»³⁹, исследуется в междисциплинарном пространстве гуманитарного знания лишь в последние десятилетия. Ж. Нуарьель пишет о «гипнотическом воздействии» на французских историков от Мишле до Броделя размышлений о национальной идентичности⁴⁰. Однако использование понятия *идентичность* в научном дискурсе было и остается проблематичным. Если Клод Леви-Стросс видел в идентичности «виртуальную страну», обращение к которой помогает понять некоторые вещи, то Ф. Бродель, в незавершенной книге о Франции предложил, по мнению критиков, чрезмерно эссенциалистский образ французской идентичности. Многим специалистам смысл слова *идентичность* представляется

³⁷ Репина 2016. С. 94.

³⁸ Вжосек 2012.

³⁹ Рюзен 2005.

⁴⁰ Noiriel 1994.

слишком «туманным» для использования в качестве операционального понятия в научном анализе, и от него предлагают отказаться⁴¹.

Однако начиная с 1980-х гг. тема национальной идентичности в политическом дискурсе французов и европейцев в целом, тесно переплетающаяся с проблематикой иммиграции, оказалась в эпицентре общественной жизни. Особую значимость она приобрела в период президентства Н. Саркози, который уже на следующий день после своего избрания принял решение о создании Министерства иммиграции и поставил вопрос о необходимости укрепления национальной идентичности. В течение двух лет шла дискуссия на эту тему, в которую включились многие французские интеллектуалы, но, по мнению экспертов, она оказалась бесплодной⁴². Ученые еще увереннее заговорили о том, что национальная идентичность – понятие политическое и в научной работе его следует использовать осторожно. «Каждый индивид, – пишет, например, Ж. Нуарьель, – имеет множество идентичностей, поскольку он принадлежит к определенной социальной группе, имеет конкретную профессию, может быть членом партии и профсоюза. В то же время у такой индивидуальной идентичности всегда есть гендерные, семейные, лингвистические, региональные, религиозные аспекты. Спектр таких аспектов бесконечно разнообразен. В разные моменты жизни какой-то из этих аспектов или какая-то из этих идентичностей играет доминирующую роль, отодвигая другие на второй план»⁴³. Иными словами, идентичность – это всегда подвижное, процессуальное, многозначное явление, включенное в конкретный социокультурный и политический контекст. Значение данной символической конструкции в современной жизни заставляет искать ответ на вопрос, каким образом и почему этот процесс совершается, в т.ч. в связи с изучением национальных аспектов исторических явлений.

В современном дискурсе о нации сохраняет свое значение самая общая ее характеристика: нация – это исторически складывающаяся общность людей. Иными словами, анализ нации предполагает изучение ее истории: «Нация – это не сущность, возникшая в глубине веков. Рассказ о ней в республиканской школе не является священным текстом, неприкасаемым табу. Нация – это конструкция, становление, динамика, результат взаимодействий. Для того, чтобы оставаться живой, она требует постоянного переосмысления своего нарратива и актуализации (*aggiornamento*) его преподавания»⁴⁴. Тема «национального» всегда насыщена идеологическими и политическими смыслами, предполага-

⁴¹ Avanza, Laferté 2005.

⁴² Koukoutsaki-Monnier 2010.

⁴³ Noiriél 2007.

⁴⁴ Citron S. Identité nationale... // <http://aggiornamento.hypotheses.org/58>

ющими использование исторического знания носителями исторического действия (государством, региональным сообществом, политической партией, другими группами, личностью). Даже если сами историки отказываются от идеологизированного подхода, их работы могут использоваться различными националистическими идеологиями⁴⁵. Как справедливо заметил Э. Хобсбоум, «...историки для национализма – это то же самое, что сеятели мака в Пакистане для потребителей героина: мы обеспечиваем рынок важнейшим сырьем... Прошлое и есть то, что создает нацию; именно прошлое нации оправдывает ее в глазах других, а историки – это люди, которые “производят” это прошлое»⁴⁶. В этой связи идентификация с нацией, по мнению французских историков, требует релятивизации. Фундаментальный вопрос, по словам Нуарьеля, «заключается не в том, чтобы знать “существует” ли “чувство принадлежности” к нации (по сути недоказуемое). Важно понять, как и почему среди всех латентных идентичностей, одна или несколько становятся видимыми в общественном пространстве»⁴⁷. Иными словами, не стоит искать в идентичности некую онтологическую целостность, которую можно реконструировать как общенациональную «самость», сформировавшуюся в процессе длительного исторического развития. Например, «персону» по имени Франция.

В последние десятилетия появились конкретно-исторические исследования, в которых предлагаются новые подходы к проблематике идентичности, имеющие междисциплинарный комбинаторный характер⁴⁸. Авторы таких работ стремятся совместить детальное изучение дискурсов и практик их присвоения, и на основании разных источников проследить бытование идей-образов и их роль в конституировании социальной идентичности на разных уровнях. В качестве примера можно привести работы Деборы Коэн о социальном воображаемом, т.е. идеях-образах, с помощью которых социокультурная общность осмысливает собственное бытование и выстраивает репрезентации Другого⁴⁹. Такие сложные, насыщенные рефлексией исторические исследования позволяют уйти от привычной эссенциализации и натурализации идентичностей. Созданы также десятки конкретно-исторических и историографических исследований о нации и регионах, в которых, не без помощи этого концепта, удалось денатурализовать все, что раньше воспринималось как аисторическая, находящаяся вне времени реальность (нация, народ, традиция, культурное наследие)⁵⁰. При этом в историографии

⁴⁵ Подробнее см.: Савицкий 2012.

⁴⁶ Хобсбоум 2002. С. 332.

⁴⁷ Noiriel 2007.

⁴⁸ Weil 2009; Détienne 2010; Thiesse 2010; Reynaud-Paligot 2011; Citron 2008.

⁴⁹ Cohen 2010.

⁵⁰ Charle 1980; Bertho 1980.

присутствует проблематика «нарративной идентичности» исследователя, предполагающая рефлексивное отношение к теме нарратива и аналитическому инструментарию историка⁵¹. Кроме того, французские историки в поисках ответа на вопросы «что значит быть французом?» и «что такое Франция?» сумели предложить убедительный ответ мемориальной лихорадке, охватившей многие страны.

«Места памяти» (1984–1993) – главный проект, позволивший французским историкам объективировать память. Этот объемный труд стал важным шагом в открытии новой эпистемологической перспективы для рефлексивной историографии, учитывающей мемориальную сложность объекта изучения⁵². Определение этого объекта оказалось сложной методологической задачей, поскольку надо было выйти из замкнутого круга предыдущей историографической традиции, пытавшейся «объяснять нацию нацией». По мысли Нора, стержнем всех базовых моделей истории страны была идея о том, что в основе целостности Франции лежит совокупность реальностей, которую историк должен реконструировать, проанализировать, связать воедино в телеологической перспективе. Цель проекта заключалась в том, чтобы вернуть памяти ее место, показав, что «прошлое постоянно участвует в решении проблем настоящего». Заголовок последнего тома стал маркером нового типа истории Франции: том называется “Les France”. Использование существительного в единственном числе и артикля во множественном – вербальное выражение кризисов и разломов, пережитых французами в отношениях с прошлым. Данный демарш направлен против характерной для классической науки иллюзии целостности. Кроме того, проект пронизан «историографической заботой». В этом смысле он внес свой вклад в становление «истории истории», которая учитывает присутствие коллективной памяти⁵³. По мнению Нора,

«только те книги по истории являются местами памяти, основу которых составляет переработка памяти, или те, что представляют собой педагогические брeвиарии. Важные моменты фиксации новой исторической памяти во Франции не так уж многочисленны. В XIII в. – это “Великие французские хроники”, сконденсировавшие династическую память и создавшие модель историографической работы на многие века. В XVI в., в эпоху Религиозных войн, это так называемая школа “совершенной истории” (*histoire parfaite*), которая разрушила легенду о троянском происхождении монархии и восстановила галльскую древность. “Изучение Франции” Этьена Паскье (1599) представляет собой, уже своим современным названием, эмблематическую иллюстрацию этого. Историография конца Реставрации создает современную концепцию истории: «Письма об истории Франции»

⁵¹ Ricoeur 1990.

⁵² Gauchet 1999. P. 137.

⁵³ Valensi 1995.

Огюстена Тьерри (1820) являют собой первый толчок в этом направлении. Их полная публикация в 1827 г. практически с точностью до нескольких месяцев совпадает с появлением по-настоящему первой работы такого рода, принадлежащей перу выдающегося дебютанта Мишле, – «Новой истории в кратком изложении», и с началом чтения Гизо курса «История цивилизации Европы и Франции». Наконец, это национальная позитивистская история, манифест которой – «Исторический журнал» (1876), а памятник – «История Франции» Лависса в 27 томах⁵⁴.

Значение государства и идеологии в формировании национальной идентичности сегодня хорошо изучено⁵⁵. Эту проблематику исследуют не только историки, но и социологи, антропологи, юристы, лингвисты и множество разнообразных институтов культуры⁵⁶. Однако вопрос о роли исторической памяти в формировании такой идентичности требует дополнительных теоретических и конкретно-исторических исследований. Ф. Досс, изучив производство исторического письма, пришел к выводу, что «работа историка совершается в полном соответствии со структурой общества, определяющей условия высказывания, которое должно быть достоверным, уместным и не лишенным смысла»⁵⁷. Поэтому «прежде чем изучать, что история говорит об обществе, надо проанализировать, как она функционирует в обществе»⁵⁸.

Национальная история, историческая память и социум

В логике воспоминаний, которые, согласно П. Рикёру, являются основой любой попытки научно представить картину прошедшего, длительное время центральной являлась идея «самовозвышения», создание идеального образа своей страны и ее народа. В такой логике в историческом познании постепенно закреплялось линейное время, идеи связности и континуитета, вера в прогресс. В национальном нарративе присутствовало мифическое начало, героическое прошлое, светлое будущее; нивелировались разрывы и культурные различия. Неудобные сюжеты замалчивались или представлялись в искаженном виде. Разумеется, все это формировалось постепенно и отнюдь не ли-

⁵⁴ Нора 1999. Эрнст Лависс с конца 1870-х гг. являлся официальным историографом Республики вплоть до своей кончины в 1922 г. История Франции, созданная под руководством Лависса и опубликованная в начале XX в., стала воплощением «национального республиканского романа». 18 томов, изданные в период с 1901 по 1911 гг., посвящены истории Франции от истоков до Французской революции. Современная история Франции состояла из 9-ти томов и включала историю страны от Французской революции до Версальского мира 1919 г. П. Нора дважды включил труд Лависса в знаменитый пантеон памяти. О «малом Лависсе» написано в томе, посвященном Республике. «Большой Лависс» присутствует в томе о Нации.

⁵⁵ Тьесс 2010.

⁵⁶ Проблематика национальной идентичности во Франции – горячий сюжет не только в среде интеллектуалов, но и в СМИ. См. об этом: Harzoune 2010.

⁵⁷ Досс 2013. С. 29.

⁵⁸ Certeau 1973. P. 78.

нейно. Ф. Бродель сравнивал динамику истории с испанской процессией: каждый шаг вперед сопровождают два шага назад. То же самое можно сказать и о национальной историографии.

Начиная с глубокой древности и вплоть до XVIII в., в структурах темпоральной организации памяти о Франции доминировало «легендарное» и «антикварное» отношение к прошедшему (собственно историческое мышление стало формироваться лишь в XIX веке)⁵⁹ В эпоху классицизма репрезентация – это мимезис или подражание, с переходом от реального к условному. Критерием этого процесса является подобие, а не истина⁶⁰. Историописанием в эпоху Просвещения занимались политики, ученые, журналисты, антропологи, писатели⁶¹. В XVIII столетии был создан политико-литературный миф о войне двух народностей как источнике французской государственности. Объясняя происхождение дворянства и основания его привилегий, миф в разных интерпретациях представляется и как способ легитимации абсолютной монархии, и как ее критика с целью сохранения привилегированных сословий. Граф Анри де Буленвилье, затем аббат Мабли легитимировали существование двух сословий наличием двух народностей, которые стояли у истоков французской государственности: франков, германцев по происхождению, предков знати, и галло-римлян, предков третьего сословия. Эта контрверза сохранялась до середины XIX века. В ее обсуждении участвовали знаменитые историки эпохи Реставрации Ф. Гизо и О. Тьерри⁶². Для историографического пейзажа этого века характерно преобладание «истории-памяти». Ж. Нуарьель пишет:

«В период июльской монархии Огюстен Тьерри и Жюль Мишле защищали третье сословие от дворянства. Брат Огюстена Тьерри Амадей, который тоже был историком, изобрел формулу: «наши предки галлы». Что касается Мишле, то он говорил о своем «июльском просветлении» (июль 1830 г.), когда он понял, что Германия это раса, Англия – империя, Франция – персона. В эту эпоху «я» историка смешивалось с национальным «мы». Не было, впрочем, ясного различия между работой историка, философа и писателя. Мишле, например, преподавал одновременно историю и философию. Это была также эпоха «hommes complets», подобных Ф. Гизо, который был историком и одновременно министром Луи Филиппа. Такие люди переходили из одного мира в другой, сохраняя легитимность в каждой из этих сред. Но четыре пятых исторической продукции создавали любители: дворяне, журналисты, медики, кюре... Университетская продукция оставалась маргинальной»⁶³.

⁵⁹ Ариес 2011.

⁶⁰ Бенн 2011. С. 77.

⁶¹ Иногда их называют «полиграфами», т.е. «разносторонними авторами».

⁶² Thiesse 1999.

⁶³ Noiriel 2009.

В истории долгого XIX века во Франции было два ключевых события, влияние которых на развитие национальной памяти и национальной исторической науки трудно переоценить: революция конца XVIII в. и франко-прусская война 1870–71 г. Именно тогда оформляется понятие *государство-нация*. После прихода к власти республиканцев в 1880 г. была проведена университетская реформа, благодаря которой история, отделившись от философии и литературы, стала автономной дисциплиной. Автономией и научность усилили введением диссертации⁶⁴, а также разработкой строго научного метода и стиля в русле методической школы. Реальное в этой истории утверждается в качестве референциального, облаченного в понятный одежды и обязательные технические процедуры. Историки, возведенные Республикой до уровня элиты, были очень признательны ей за это. В Сорбонне создали кафедры учебные, а не исследовательские. И хотя аполитичность историков стала модой, Республика использовала историю в политических и воспитательных целях, прежде всего на уровне образования.

«История страны в последней трети XIX века получила статус дисциплины-королевы и стала основой иерархически организованного образования, – пишет Нора. – Задача заключалась в том, чтобы формировать граждан и солдат. Образование было направлено на аккумуляцию не слишком грамотного народа, аккумуляцию коллективной и публичной жизни Франции, история которой преподносилась как исключительно достоверная. После франко-прусской войны такая миссия образования была связана также с идеей реванша. В пределе абсолютный культ Родины вместе с идеей Нации стал воплощением сакрального чувства, теснившего религиозную веру. Вся история Франции зывала к самопожертвованию конкретного человека, т.е. к отказу от собственного “Я” в пользу священной Республики»⁶⁵. Можно сказать, что элита республики формировала национальное сообщество и национальный роман одновременно. В школе изучали национальную историю начиная с Верцингеторинга до современности, национальную территорию, состоящую из множества других, но всегда в рамках целого, красоту французского языка (произведения классиков и выдающихся писателей) и символы нации (Марсельеза, праздник 14 июля).

Сегодня французские историки, деконструируя эти репрезентации, убедительно показали, что с XIII в. французское «воображаемое сообщество» формировалось как многоязычная и мультикультурная общность, в создании которой большую роль играло присоединение новых территорий, включая завоевания Капетингов и колониальные захваты, начатые в XVI в. Французская революция, игнорируя эти гео-

⁶⁴ Диссертация Мишле состояла всего из 20 страниц, тогда как Л. Февр накануне Первой мировой войны уже защищал труд более чем в 600 страниц.

⁶⁵ Colliot-Thélène, Malbert, Nora 1997. URL: <http://ries.revues.org/3243>

политические реальности, создала культ единого французского языка, закрепленный национальной и националистической историографией. Система образования Третьей республики сделала этот собирательный образ стержнем коллективной памяти нескольких поколений французов⁶⁶. Включенность этого образа в то, что назвали французским национальным романом, воплощено в метафоре «история-память», ставшей эпистемологическим маркером такой историографии⁶⁷.

Любой процесс идентификации, в т.ч. идентификации национальной, связан не только с историей, но и с работой коллективной памяти. Например, «низложение моралей и религий» (Я. Бурхардт) в период Революции XVIII века породило «страх пустоты», который ясно почувствовали французские революционеры. После «изгнания чудесного» вместе с упраздненными обычаями и нормами они попытались заполнить измученное преобразованиями пространство традиции, изобретая новые обряды и религию⁶⁸. Грандиозные шествия и исторические инсценировки, оформляя вновь вводимые ритуалы и праздники, задавали новую нормативную символику, которая легитимировалась присвоением традиционных аллегорий, костюмов, правил праздничных процессий, персонификаций. Революция использовала историческую память, включая ее мифологические компоненты, для обоснования политических потребностей и решений современности.

При этом существенное значение имеет не столько само сообщество и его субстанциональные особенности⁶⁹, сколько характер его организации, структура. Эта мысль была обоснована французским антропологом и социологом Р. Бастидом⁷⁰, который соединил теорию коллективной памяти М. Хальбвакса с идеей бриколажа К. Леви-Стросса. В соответствии с этой идеей традиционная культура строит свои представления из обломков, остатков старых воспоминаний, как своих, так и чужих. Другими словами, из образного мира, сформированного как профессиональной исторической мыслью, так и социальной памятью социума. Бастид на конкретном материале показал, что бриколаж, как правило, порождается ощущением некоторой нехватки. Это проявляется и в мифе, и в ритуализованных действиях. Бриколаж – это не изобретение и не просто логика воображения: это процесс, содержание которого заключается в замещении некогда существовавшего, но теперь отсутствующего объекта. При таком понимании, практика бриколажа

⁶⁶ Garcia, Jean 2003.

⁶⁷ Ферро 2015.

⁶⁸ Озуф 2003; Эксле 2001.

⁶⁹ Современная социология проблематизирует научный статус категории общество/сообщество. См. Урри 2012.

⁷⁰ Bastide 1970.

определенно переплетается и с памятью, и с историей, однако нацелена она не на обновление понимания уже прошедшего, а главным образом на то, чтобы «получить группу для трансформации».

Бастид поддержал идею структуралистов о наличии двух типов воображения: репродуктивного, характерного для коллективов, и творческого, присущего умственной деятельности писателя, ученого, художника. Критикуя вслед за М. Блоком эссенциализм в толковании коллективной памяти, он показал, что ее рамки задает структура группы, воспринимаемая не как коллективное сознание, а как совокупность «межиндивидуальных взаимоотношений», или коммуникация. Получается, что память социума, состоящего из иерархически подчиненных и конкурирующих групп, складывается не в однородном пространстве разума/сознания, а в пространстве социального опыта. Коллективная память (социальная, историческая, культурная) при этом одновременно формируется и деформируется, что оказывает дополнительное искажающее воздействие на социальные процессы и их научное осмысление⁷¹.

«Бессознательная организация коллективной памяти, которой мы позволяем осознать самое себя», ясно проявляется в «Местах памяти», обеспечивая невидимую связь разнородных пространств памяти. Этот труд представляет особый тип историописания, поскольку места памяти не имеют референции в реальности. Точнее «они сами являются своей собственной референцией, знаками, которые не отсылают ни к чему, кроме самих себя, знаками в чистом виде. Это не значит, что у них нет содержания, физического существования и истории, совсем напротив. Но местами памяти их делает как раз то, благодаря чему они ускользают от истории – коллективная историческая память». Место памяти – это «место, закрытое в себе самом, замкнутое в своей идентичности и собранное своим именем, но постоянно открытое расширению своих значений». В данном проекте «историческая критика целиком обернулась критической историей, а не только инструментом ее работы, возрождающейся из самой себя, чтобы жить во второй степени (au second degré)». Подобная историография не может выразить себя в категориях традиционной истории, поскольку «она соткана из хрупкой удачи отношений между восстановленным в памяти предметом и увлеченностью историка своим сюжетом»⁷². В то же время, такая история, включающая в себя память, ближе к спонтанному опыту людей и к опыту гражданскому, поскольку речь идет о том, что всем хорошо известно: Эйфелева башня, 14 июля, девиз «Свобода, равенство, братство».

Импутация культуры в историческое исследование (в виде ментальностей, репрезентаций, гендерных различий, коллективной памяти

⁷¹ См. также Lavabre 2000.

⁷² Франция-память... С. 48-49.

и пр.), учет подвижных идентификационных процессов приводит к тому, что «защитный слой исторического исчезает». «Мы поражены удивительной прямоотой, с которой проявляется прошлое» (Ф. Анкерсмит). Возможно, это и объясняет популярность новых типов историописания у читающей аудитории. В новых его формах, включающих в себя антропологически понимаемую культуру, а вместе с ней и людей, проявляется сильное релятивизирующее начало. Уже само понятие репрезентации проблематизирует вопрос о доступности прошлого для изучения. Не случайно историю репрезентаций во Франции называют культурной историей социального или «эмансипированной дочерью истории ментальностей». Именно поэтому история репрезентаций продолжает вызывать критику историков-эмпириков, уверенных в том, что настоящий историк реконструирует прошлую реальность и нормы/правила профессии позволяют ему это сделать. Впрочем, П. Гарсия утверждает, что во Франции «осталось совсем немного историков, которые все еще верят, что можно восстановить прошлое таким, каким оно было», но данных, подтверждающих эту интуицию, он не приводит⁷³.

Вторжение памяти в пространство науки отчасти объясняет ниспровержение специализированного знания, в т.ч. знания исторического, с пьедестала эпохи Просвещения. Современная философия и история науки убеждают в том, что тенденцию к сближению научного и обычного уже не переломить. Ее можно лишь объяснять и искать приемы, позволяющие науке сохранять свое право на компетенцию.

В историческом знании наряду с «обезличивающей рациональностью» присутствуют «распространенные или расхожие верования». Они создают и определяют ментальную атмосферу конкретного социума. Важнейшим компонентом такой ментальности является коллективная память, которая в черед поколений формирует эти верования. М. де Серто, размышляя о том, что делает Фрейд с историей, пишет: «Ироническое и мудрое безумие связано с фактом потери единичности собственной компетенции и обнаружения себя, “кого угодно” или “никого”, в общей истории»⁷⁴. В философской сказке Фрейда под названием «Неудобства культуры», которую анализирует Серто, обычный человек – тот, кто говорит. Он занимает то место в дискурсе, в котором соединяются ученый и обычный человек, это возвращение *другого* (т.е. «всех» и «никого») в то место, которое так тщательно оберегалось от него. Фрейд еще раз объясняет здесь, каким образом банальность заполняет специализированное знание и возвращает знание к его общей предпосылке: «если серьезно, я ничего не знаю»; я как все. А «каждый»

⁷³ Garcia 2014.

⁷⁴ Серто 2007.

или «кто угодно», по мнению Серто, это классический вариант имени того, кого не существует.

Иными словами, не существует идентичности универсального «каждого». Именно такой персонаж является главным объектом манипуляции со стороны политиков. В то же время получается, что изучение культуры оказывается возможным тогда, когда обычный человек становится рассказчиком, когда он определяет место дискурса (общее) и пространство его развертывания (анонимное). Это обстоятельство делает чрезвычайно актуальной проблему социальной функции истории в современном мире⁷⁵. Переосмысление содержания и общественной значимости истории – важная гуманитарная задача XXI века.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агамбен Д. Нагота. М.: ООО «Изд-во Грюндриссе». 2014. 204 с.
- Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. М. 2003. 496 с.
- Ариес Ф. Время истории. М.: ОГИ, 2011. 304 с.
- Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: НЛЮ, 2014. 328 с.
- Бауман З. Текущая модерность: взгляд из 2011 года. <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>
- Бенн С. Одежды Клио. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2011. 304 с.
- Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3 (40–41). С. 28–35.
- Вжосек В. Культура и историческая истина. М.: «Кругъ», 2012. 336 с.
- Досс Ф. Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны // *Как мы пишем историю?* М.: РОССПЭН, 2013. С. 9–56.
- Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сб. статей / ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Новое издательство, 2011. 416 с.
- Историческая политика в XXI веке / ред. А. Миллер, М. Липман. М.: НЛЮ, 2012. 648 с.
- Кондратьева Т. Современность и историческое время // *ЭНОЖ «История»*. Новый образ исторической науки и исследовательский инструментарий историка. 2015. Вып. 9 (42). Т. 6 / З.А. Чеканцева, О.В. Воробьева. <http://history.jes.su/s207987840001248-1-1>
- Леонтьева О.Б., Репина Л.П. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // *ЭНОЖ «История»*. 2015. Вып. 9 (42). Т. 6 / З.А. Чеканцева, О.В. Воробьева. <http://history.jes.su/s207987840001259-3-1>
- Нора П. Проблематика мест памяти // П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуоимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 1999. <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>
- Озуф М. Революционный праздник: 1789–1799. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Репина Л.П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки*. 2015. Т. 157, кн. 3. С. 55–67.
- Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // *Новое Прошлое / The New Past*. 2016. № 1. С. 82–99.
- Рикёр П. Историческое и репрезентация прошлого // «Анналы» на рубеже веков. Антология. М.: XXI век. Согласие, 2002. С. 23–41.
- Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
- Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 38–62.
- Савицкий Е.Е. Национализм – последняя угроза демократии? Европейские исследования национализма и их постколониальная критика в 1980–1990-е гг. // *Диалог со временем*. 2012. Вып. 39. С. 256–270.

⁷⁵ См. подробнее: Репина 2015.

- Серто М. де. Общее место: обыденный язык // Неприкосновенный запас. 2007. № 4/54.
- Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2016. 544 с.
- Тьесс А.-М. Использование национальной истории в политических целях: на примере современной Франции // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 92-103.
- Урри Дж. Социология за пределами общества: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: изд. дом ВШЭ, 2012. 576 с.
- Ферро М. История Франции. М.: Весь мир. 2015. 832 с.
- Франция-память / П. Нора, М. Озуф и др. М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 1999.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 8-27.
- Хобсбоум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм / Ред. Б. Андерсон и др. М.: Праксис, 2002.
- Чечанцева З.А. Историк, история и память в современной Франции // Мир историка. Историографический сборник / Отв. ред. В.П. Корзун, С.П. Бычков. Вып. 9. Омск: Изд. Омского гос. ун-та, 2014. С. 253-267.
- Чечанцева З.А. Коллективная память и история // Преподаватель XXI век. 2015. № 4. Ч. 2. С. 229-239.
- Эксле О.Г. Культурная память под воздействием историзма // Одиссей. Человек в истории – 2001. М.: Наука, 2001. С. 176-198.
- Avanza M. et Laferté G. Dépasser la «construction des identités»? Identification, image sociale, appartenance // Genèses, décembre 2005. № 61. P. 134-152.
- Badré V. De l'histoire champ de bataille à une mémoire pluraliste. Le miroir des manuels // Le Débat 2013/5 (n.°177). P. 23-29.
- Bastide R. Mémoire collective et sociologie du bricolage // L'année sociologique 1970. P. 65-108.
- Bertho C. L'invention de la Bretagne // Actes de la recherche en sciences sociales. 1980. Vol. 35. P. 45-62.
- Bertrand R. Mémoires d'empire. La controverse autour du «fait colonial». Bellecombe-en-Bauges: Éditions du Croquant, 2006. 219 p.
- Blanchard P., Veyrat-Masson I. Les guerres des mémoires. La France et son histoire. Enjeux politiques, controverses historiques, stratégies médiatiques. Paris: La Découverte, 2008.
- Certeau M. de. L'Écriture de l'histoire. Paris: Gallimard, 1973.
- Charle Ch. Régions et conscience régionale en France // Actes de la recherche en sciences sociales. 1980. Vol. 35. P. 37-43.
- Citron S. Le Mythe national, l'histoire de France revisitée. Paris, éd. de l'Atelier, 2008. 351 p.
- Citron S. Identité nationale et histoire de France // <http://aggiornamento.hypotheses.org/58>
- Cohen D. La Nature du peuple. Les formes de l'imaginaire social (XVIII – XXIe siècles). Paris: Champ Vallon, 2010. 442 p.
- Colliot-Thélène C., Malbert D. et Nora P. Entretien avec Pierre Nora // Revue internationale d'éducation de Sèvres [En ligne], 13 | 1997. URL: <http://ries.revues.org/3243>
- Concurrence des passés. Usages politiques du passé dans la France contemporaine / Crivello M., Garcia P., Offenstadt N. (dir.). Publ. de l'Université de Provence. 2006. 298 p.
- Détienne M. L'identité nationale, une énigme. Paris: Gallimard, 2010. 192 p.
- Dosse F. Renaissance de l'événement. Un défi pour l'historien: entre sphinx et phénix. Paris: PUF, 2010. 352 p.
- Entretien avec François Hartog, réalisé par Julien Tassel. Les usages publics du passé en temps de présentisme // Sociologies pratiques. 2014/2 (n. 29). P. 11-17.
- Garcia P. Le bicentenaire de la Révolution française. Pratiques sociales d'une commémoration. Paris: CNRS-éditions. 2000. 355 p.
- Garcia P. Le futur est le temps caché de notre histoire // Marianne. N°904. 15-21 août 2014.
- Garcia P. et Jean L. L'enseignement de l'histoire en France de l'Ancien Régime à nos jours. Paris: Armand Colin, 2003. 320 p.
- Gauchet M. Changement de paradigme en sciences sociales? // Le Débat. 1998. No. 50.
- Gauchet M. L'élargissement de l'objet historique // Le Débat. 1999. No. 103.

- Halbwachs M. La Mémoire collective. Paris: PUF, 1981 (1950, 1968). 204 p.
- Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris: Seuil, 2003. 272 p.
- Hartog F. Le présent de l'historien // *Le Débat* 2010/1 (n.°158). P. 18-31.
- Harzoun M. Le chiffon rouge // *Hommes et migrations*. 2010. № 1283. P. 180-188.
- Joutard Ph. La Légende des Camisards. Paris. Gallimard, 1985. 442 p.
- Koukoutsaki-Monnier A. La construction symbolique de l'identité nationale française dans les discours de la campagne présidentielle de Nicolas Sarkozy // *Communication*. 2010. N 28 (1). P. 9-36.
- Lavabre M.-C. Usages du passé, usages de la mémoire // *Revue française de science politique*. Vol. 44. N 3, juin 1994.
- Lavabre M.-C. Usages et mésusages de la notion de mémoire // *Critique internationale*, vol. 7. 2000. P. 48-57.
- La mémoire des Français. Quarante années de commémorations de la Seconde guerre mondiale / Bédarida F. (dir.). Paris: Editions du CNRS. 1986. 400 p.
- Namer G. La commémoration en France de 1945 à nos jours. Paris: L'Harmattan, 1987. 224 p.
- Noiriel G. « L'identité nationale » dans l'historiographie française. Note sur un problème // *L'identité politique* / Chevallier J. (dir.). Paris: PUF, 1994. P. 294-305.
- Noiriel G. À quoi sert «l'identité nationale»? Marseille: éditions Agone, 2007. 154 p.
- Noiriel G. De quelques usages publics de l'histoire // *Tracés*. Revue de Sciences humaines [En ligne], #09 | 2009. URL: <http://traces.revues.org/4399>.
- Nora P. Présent, nation, mémoire. Paris: Gallimard, 2011. 420 p.
- Nora P. Présentation. *Le Débat*. 2013/5. № 177. P. 3.
- Pomian K. De l'histoire, partie de la mémoire, à la mémoire, objet de l'histoire // *Revue de Métaphysique et de Morale*. 1998. N 103/1. P. 63-110.
- Pomian K. Patrimoine et identité nationale // *Le Débat*. 2010/2. № 159. P. 45-56.
- Prochasson C. L'Empire des émotions. Les historiens dans la mêlée. Paris: Demopolis, 2008.
- Reynaud-Paligot C. De l'identité nationale. Science, race et politique en Europe et aux Etats-Unis. XIX-XX siècles. Paris: PUF, 2011. 268 p.
- Ricoeur P. Soi-même comme un autre. Paris: Seuil, 1990. 424 p.
- Ricoeur P. Entre mémoire et histoire. *Projet* // *Mémoires des peuples*. 1996. № 248. P. 7-16.
- Rouso H. Le Syndrome de Vichy de 1944 à nos jours. Paris: Seuil, 1990. 378 p.
- Rouso H. La hantise du passé: entretien avec Ph. Petit. Paris: Textuel, 1998. 98 p.
- Rouso H., Connan E. Vichy, un passé qui ne passe pas. Paris: Gallimard, 1999. 327 p.
- Thiesse A.-M. La Création des identités nationales. Europe XVIIIe – XXe siècle. Paris: Le Seuil, 1999. 302 p.
- Thiesse A.-M. Faire des Français. Quelle identité nationale? Paris: Stock, 2010. 194 p.
- Les usages politiques de la fête aux XIXe – XXe siècles / Corbin A., Gêrôme N. et Danielle T. (dir.). Paris: Publications de la Sorbonne, 1994.
- Les usages politiques du passé / F. Hartog, J. Revel (dir.). Paris: Ed. de l'EHESS. 2001. 206 p.
- Valensi L. Histoire nationale, histoire monumentale. Les Lieux de mémoire (note critique) // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 1995. V. 50. N 6. P. 1271-1277.
- Weil P. Liberté, Égalité, Discriminations. L'«identité nationale» au regard de l'histoire. Paris: Gallimard, 2009. 205 p.
- Zerubavel E. Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 187 p.

REFERENCES

- Agamben D. Nagota. M.: OOO «Izd-vo Gryudriss». 2014. 204 s.
- Ankersmit F. Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory. M. 2003. 496 s.
- Aries F. Vremya istorii. M.: OGI, 2011. 304 s.
- Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika / per. s nem. B. Khlebnikova. M.: NLO, 2014. 328 s.
- Bauman Z. Tekuchaya modernost': vzglyad iz 2011 g. <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>
- Benn S. Odezhdz Klio. M.: Kanon + ROOI «Reabilitatsiya», 2011. 304 s.

- Vel'tser Kh. Istoriya, pamyat' i sovremennost' proshlogo. Pamyat' kak arena politicheskoi bor'by // Neprikosnovennyi zapas. 2005. № 2–3 (40–41). S. 28–35.
- Vzhosek V. Kul'tura i istoricheskaya istina. M.: «Krug'», 2012. 336 s.
- Doss F. Kak segodnya pishetsya istoriya: vzglyad s frantsuzskoi storony // Kak my pishem istoriyu? M.: ROSSPEN, 2013. C. 9–56.
- Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoi pamyati: Sb. statei / red.-sost. I. Gerasimov, M. Mogil'ner, A. Semenov. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011. 416 c.
- Istoricheskaya politika v XXI veke / red. A. Miller, M. Lipman. M.: NLO, 2012. 648 c.
- Kondrat'eva T. Sovremennost' i istoricheskoe vremya // ENOZh «Istoriya». Novyi obraz istoricheskoi nauki i issledovatel'skii instrumentarii istorika. 2015. Vyp. 9 (42). T. 6 / Z.A. Chekantseva, O.V. Vorob'eva. <http://history.jes.su/s207987840001248-1-1>
- Leont'eva O.B., Repina L.P. Obrazy proshlogo, memorial'naya paradigma i «istorio-grafiya pamyati» v sovremennoi Rossii // ENOZh «Istoriya». 2015. Vyp. 9 (42). T. 6 / Z.A. Chekantseva, O.V. Vorob'eva. <http://history.jes.su/s207987840001259-3-1>
- Nora P. Problematika mest pamyati // P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 1999. <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>
- Ozuf M. Revolyutsionnyi prazdnik: 1789–1799. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003.
- Repina L.P. Nauka i obshchestvo: publichnaya istoriya v kontekste istoricheskoi kul'tury epokhi globalizatsii // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2015. T. 157, kn. 3. S. 55–67.
- Repina L.P. Sobytiya i obrazy proshlogo v istoricheskoi i kul'turnoi pamyati // Novoe Proshloe / The New Past. 2016. № 1. S. 82–99.
- Riker P. Istoriopisanie i reprezentatsiya proshlogo // «Annaly» na rubezhe vekov. Antologiya. M.: XXI vek. Soglasie, 2002. S. 23–41.
- Riker P. Pamyat', istoriya, zabvenie. M.: Izd-vo gumanitarnoi literatury, 2004. 728 c.
- Ryuzen I. Krizis, travma i identichnost' // “Tsep' vremen”: problemy istoricheskogo soznaniya / Otv. red. L. P. Repina. M.: IVI RAN, 2005. C. 38–62.
- Savitskii E.E. Natsionalizm – poslednyaya ugroza demokratii? Evropeiskie issledovaniya natsionalizma i ikh postkolonial'naya kritika v 1980–1990-e gg. // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 39. S. 256–270.
- Serto M. de. Obshchee mesto: obydennyi yazyk // Neprikosnovennyi zapas. 2002. № 4/54.
- Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki. Terminologicheskii slovar'. 2-e izd., ispr. i dop. / otv. red. A.O. Chubar'yan, L.P. Repina. M.: Akvilon, 2016. 544 s.
- Tess A.-M. Ispol'zovanie natsional'noi istorii v politicheskikh tselyakh: na primere sovremennoi Frantsii // Sotsiologicheskii zhurnal. 2010. № 1. S. 92–103.
- Urri Dzh. Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya / per. s angl. D. Kralechkina. M.: izd. dom VShE, 2012. 576 c.
- Ferro M. Istoriya Frantsii. M.: Ves' mir. 2015. 832 c.
- Frantsiya-pamyat' / P. Nora, M. Ozuf i dr. M. Vinok. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 1999.
- Khal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' // Neprikosnovennyi zapas. 2005. № 2-3. S. 8–27.
- Khobsboum E. Printsip etnicheskoi prinadlezhnosti i natsionalizm v sovremennoi Evrope // Natsii i natsionalizm / Red. B. Anderson i dr. M.: Praxis, 2002.
- Chekantseva Z.A. Istoriki, istoriya i pamyat' v sovremennoi Frantsii // Mir istorika. Istoriograficheskii sbornik / Otv. red. V.P. Korzun, S.P. Bychkov. Vyp. 9. Omsk: Izd. Omskogo gos. un-ta, 2014. S. 253–267.
- Chekantseva Z.A. Kollektivnaya pamyat' i istoriya // Prepodavatel' XXI vek. 2015. № 4. Ch. 2. S. 229–239.
- Eksle O.G. Kul'turnaya pamyat' pod vozdeistviem istorizma // Odissei. Chelovek v istorii – 2001. M.: Nauka, 2001. S. 176–198.
- Avanza M. et Laferté G. Dépassez la «construction des identités»? Identification, image sociale, appartenance // Genèses, décembre 2005. № 61. P. 134–152.
- Badré V. De l'histoire champ de bataille à une mémoire pluraliste. Le miroir des manuels // Le Débat 2013/5 (n.°177). P. 23–29.

- Bastide R. Mémoire collective et sociologie du bricolage // L'année sociologique 1970. P. 65-108.
- Bertho C. L'invention de la Bretagne // Actes de la recherche en sciences sociales. 1980. Vol. 35. P. 45-62.
- Bertrand R. Mémoires d'empire. La controverse autour du «fait colonial». Bellecombe-en-Bauges: Éditions du Croquant, 2006. 219 p.
- Blanchard P., Veyrat-Masson I. Les guerres des mémoires. La France et son histoire. Enjeux politiques, controverses historiques, stratégies médiatiques. Paris: La Découverte, 2008.
- Certeau M. de. L'Écriture de l'histoire. Paris: Gallimard, 1973.
- Charle Ch. Régions et conscience régionale en France // Actes de la recherche en sciences sociales. 1980. Vol. 35. P. 37-43.
- Citron S. Le Mythe national, l'histoire de France revisitée. Paris, éd. de l'Atelier, 2008. 351 p.
- Citron S. Identité nationale et histoire de France // <http://aggiornamento.hypotheses.org/58>
- Cohen D. La Nature du peuple. Les formes de l'imaginaire social (XVIIIe – XXIe siècles). Paris: Champ Vallon, 2010. 442 p.
- Colliot-Thélène C., Malbert D. et Nora P. Entretien avec Pierre Nora // Revue internationale d'éducation de Sèvres [En ligne], 13 | 1997. URL: <http://ries.revues.org/3243>
- Concurrence des passés. Usages politiques du passé dans la France contemporaine / Crivello M., Garcia P., Offenstadt N. (dir.). Publ. de l'Université de Provence. 2006. 298 p.
- Détienne M. L'identité nationale, une énigme. Paris: Gallimard, 2010. 192 p.
- Dosse F. Renaissance de l'événement. Un défi pour l'historien: entre sphinx et phénix. Paris: PUF, 2010. 352 p.
- Entretien avec François Hartog, réalisé par Julien Tassel. Les usages publics du passé en temps de présentisme // Sociologies pratiques. 2014/2 (n. 29). P. 11-17.
- Garcia P. Le bicentenaire de la Révolution française. Pratiques sociales d'une commémoration. Paris: CNRS-éditions. 2000. 355 p.
- Garcia P. Le futur est le temps caché de notre histoire // Marianne. N°904. 15-21 août 2014.
- Garcia P. et Jean L. L'enseignement de l'histoire en France de l'Ancien Régime à nos jours. Paris: Armand Colin, 2003. 320 p.
- Gauchet M. Changement de paradigme en sciences sociales? // Le Débat. 1998. No. 50.
- Gauchet M. L'élargissement de l'objet historique // Le Débat. 1999. No. 103.
- Halbwachs M. La Mémoire collective. Paris: PUF, 1981 (1950, 1968). 204 p.
- Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris: Seuil, 2003. 272 p.
- Hartog F. Le présent de l'historien // Le Débat 2010/1 (n.°158). P. 18-31.
- Harzoune M. Le chiffon rouge // Hommes et migrations. 2010. № 1283. P. 180-188.
- Joutard Ph. La Légende des Camisards. Paris. Gallimard, 1985. 442 p.
- Koukoutsaki-Monnier A. La construction symbolique de l'identité nationale française dans les discours de la campagne présidentielle de Nicolas Sarkozy // Communication. 2010. N 28 (1). P. 9-36.
- Lavabre M.-C. Usages du passé, usages de la mémoire // Revue française de science politique. Vol. 44. N 3, juin 1994.
- Lavabre M.-C. Usages et mésusages de la notion de mémoire // Critique internationale, vol. 7. 2000. P. 48-57.
- La mémoire des Français. Quarante années de commémorations de la Seconde guerre mondiale / Bédarida F. (dir.). Paris: Editions du CNRS. 1986. 400 p.
- Namer G. La commémoration en France de 1945 à nos jours. Paris: L'Harmattan, 1987. 224 p.
- Noiriel G. « L'identité national » dans l'historiographie française. Note sur un problème // L'identité politique / Chevallier J. (dir.). Paris: PUF, 1994. P. 294-305.
- Noiriel G. À quoi sert «l'identité nationale»? Marseille: éditions Agone, 2007. 154 p.
- Noiriel G. De quelques usages publics de l'histoire // Tracés. Revue de Sciences humaines [En ligne], #09 | 2009. URL: <http://traces.revues.org/4399>.
- Nora P. Présent, nation, mémoire. Paris: Gallimard, 2011. 420 p.
- Nora P. Présentation. Le Débat. 2013/5. № 177. P. 3.
- Pomian K. De l'histoire, partie de la mémoire, à la mémoire, objet de l'histoire // Revue de Métaphysique et de Morale. 1998. N 103/1. P. 63-110.
- Pomian K. Patrimoine et identité nationale // Le Débat. 2010/2. № 159. P. 45-56.

- Prochasson C. L'Empire des émotions. Les historiens dans la mêlée. Paris: Demopolis, 2008.
- Reynaud-Paligot C. De l'identité nationale. Science, race et politique en Europe et aux Etats-Unis. XIX-XX siècles. Paris: PUF, 2011. 268 p.
- Ricoeur P. Soi-même comme un autre. Paris: Seuil, 1990. 424 p.
- Ricœur P. Entre mémoire et histoire. *Projet // Mémoires des peuples*. 1996. № 248. P. 7-16.
- Rouso H. Le Syndrome de Vichy de 1944 à nos jours. Paris: Seuil, 1990. 378 p.
- Rouso H. La hantise du passé: entretien avec Ph. Petit. Paris: Textuel, 1998. 98 p.
- Rouso H., Connan E. Vichy, un passé qui ne passe pas. Paris: Gallimard, 1999. 327 p.
- Thiesse A.-M. La Création des identités nationales. Europe XVIIIe – XXe siècle. Paris: Le Seuil, 1999. 302 p.
- Thiesse A.-M. Faire des Français. Quelle identité nationale? Paris: Stock, 2010. 194 p.
- Les usages politiques de la fête aux XIXe – XXe siècles / Corbin A., Gêrôme N. et Danielle T. (dir.). Paris: Publications de la Sorbonne, 1994.
- Les usages politiques du passé / F. Hartog, J. Revel (dir.). Paris: Ed. de l'EHESS. 2001. 206 p.
- Valensi L. Histoire nationale, histoire monumentale. Les Lieux de mémoire (note critique) // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 1995. V. 50. N 6. P. 1271-1277.
- Weil P. Liberté, Égalité, Discriminations. L'«identité nationale» au regard de l'histoire. Paris: Gallimard, 2009. 205 p.
- Zerubavel E. Time Maps. *Collective Memory and the Social Shape of the Past*. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 187 p.

Чеканцева Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; achekantzev@mail.ru

Memory and national identity in the historical culture of France

The article discusses formation and transformation of research approaches to the study of national history in France in the context of relation between collective memory and historical thought seeking professional clarity and academic quality. It shown how memory “works” in historiography; how historical narrative interacts with social memory within national historical memory. The article also presents an analysis of the role of memory in shaping of the French national identity in longue durée and in the context of changing relations with social time.

Keywords: collective memory, national identity, memorial structure, bricolage, history of France, national novel

Zinaida Chekantseva, Dr.Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Science; achekantzev@mail.ru

Е. В. БАРЫШЕВА

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА СОВЕТСКОГО ПРАЗДНИКА 1920–30-х ГОДОВ 7 НОЯБРЯ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

В статье рассматривается отношение населения России в первые десятилетия советской власти к попыткам власти создать унифицированную эмоциональную атмосферу путем вовлечения его в государственные праздничные торжества. Анализ архивных материалов позволяет выявить широкий спектр отношения масс к внедряемой потестарной идеологии. Донесения осведомителей и сотрудников ОГПУ, информационные сводки о политических настроениях в обществе представляют картину сложного характера диалога власти и общества. Большинство представленных в статье архивных материалов публикуется впервые.

Ключевые слова: советская власть, государственные праздники, демонстрация, 7 ноября, политические настроения, информация ОГПУ

В эпоху становления и торжества идеологии большевистской власти большинство «простых людей» приняли эту власть на уровне повседневной жизни. Но, было ли восприятие новой власти безоговорочным, трудно понять только на основании официальных пропагандистских материалов. Обращение исследователей к иного рода источникам – обращениям и письмам «во власть» – дает понимание тех политических настроений, которые бытовали в среде рабочих и крестьян¹.

Донесения осведомителей и агентов ОГПУ, информационные сводки для служебного пользования и т.д. позволяют высветить ответную реакцию населения на давление идеологии режима. Здесь было место и критике, и недовольству, и разочарованию, и внутреннему протесту. Особенно наглядно это проявляется в отношении разных слоев общества к праздничному бравуру. Советская пресса, кинематограф, фотографии запечатлели в памяти улыбающиеся лица советских людей на октябрьских и первомайских демонстрациях, цветы, плакаты, лозунги на красных полотнищах и портреты вождей. Приподнятое настроение, коллективная радость, особенно в дни государственных празднеств создавали впечатление благополучной счастливой жизни и прекрасного будущего. Но документы того времени говорят голосами современников о совсем другом отношении советских граждан к праздничной эйфории:

– «Вот завтра нас погонят, похлебаем пыль то. Уж 13 лет живем при Советской власти, и каждый год гоняют»² (1930 г.).

¹ Лившин 2010; Лившин, Орлов 2002; Письма во власть...; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД...; Суrowцева 2008 и др.

² Центральный архив ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 837. Л. 158.

– «Кругом кажется весело, а на самом деле это все дутое настроение, а не искреннее»³;

– «На демонстрацию идешь и душа выворачивается, начальство качают, дурной русский народ за кусок хлеба, флажок и карточку дает с себя шкуру драть и думает, что стал хозяином»⁴ (1934 г.).

Эти голоса оказались доступны в результате отложившейся в архиве скрупулезно собираемой органами госбезопасности информации о положении дел в стране в целом и о настроениях населения. Специально созданное информационное отделение ОГПУ ежедневно составляло сводки о настроениях населения, а ежемесячно делало обобщающие обзоры положения в стране. Государственная машина проникала во все сферы жизни, фиксируя проявления недовольства и даже сомнения граждан по отношению к политике партии и правительства и к руководству страны⁵.

К сожалению, нет возможности проследить по документам в полной мере динамику изменения отношения к празднествам. Однако и тот материал, который стал доступен, дает представление о неоднозначности этих мероприятий для советского населения. Многочисленные публикации в средствах массовой информации того времени свидетельствуют о том, что празднование годовщин революции год от года приобретало все более организованный характер. При этом настроения на предприятиях и в селах находились под пристальным вниманием и не всегда соответствовали благополучным реляциям на страницах официальной прессы. Анализ информационных сводок о настроениях на предприятиях в связи с празднованием годовщин Октябрьской революции и участием населения в первомайских демонстрациях дает представление об отношении населения к этим праздникам в 1920–30-е годы.

Праздники 1 мая и 7 ноября находились в поле особого внимания как главные праздники, призванные решать идеологические и политические задачи. Функции праздников национальных в дореволюционной России выполняли православные праздники (прежде всего Пасха и Рождество), коронации императоров и празднование тысячелетия государственности, 300-летие дома Романовых, которые не были ежегодными. После 1917 года их место стали занимать празднества с подчеркнуто политической составляющей, постепенно вытесняя религиозные праздники из государственного календаря.

Празднование годовщин Октябрьской революции власти считали самым главным и значительным праздником. Готовиться к нему начинали заранее. А к юбилейным датам 10-летия и 15-летия Октября подготовка велась в течение года. Особое внимание уделялось явке.

³ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 716. Л. 45.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 716. Л. 45.

⁵ См.: Севостьянов 2001. С. 17.

С первых лет своего существования советская власть создавала атмосферу большого подъема, с которым проходили праздничные мероприятия. В 1922 г. сообщения с мест пестрели жизнерадостными рапортами: «Празднование пятилетия Октябрьской революции прошло с большим революционным подъемом» (Чувашская область)⁶, (Саратовская и Марийская губернии); «Воодушевление заметно было среди всех групп населения»⁷ (Владимирская губерния). Сводки, более умеренные в оценке, гласили, что празднование Октябрьской революции в этот год прошло «удовлетворительно» или «спокойно» (Калужская, Тульская, Рязанская, Киевская, Смоленская, Рыбинская, Новгородская, Архангельская, Северо-Двинская губернии, Марийская область)⁸.

В тот же год, несмотря на отмечавшийся «большой революционный подъем», в ряде губерний (например, Орловской) отмечалось безразличное «отношение обывателей к празднику»⁹. Об этом свидетельствует и многочисленность участников. Информационная справка ОГПУ сообщала, что в Смоленской губернии из рабочих Пивоваренного завода в октябрьской манифестации участвовало только 70 человек¹⁰.

Во многом отношение граждан к государственным праздникам определялось экономической ситуацией. С мест приходили тревожные сообщения: голод в деревне и вследствие этого «неудовлетворительное» настроение крестьян, безработица в городах, отрицательное отношение к советской власти и компартии, уголовный бандитизм, случаи голодной смерти, людоедства. Это закономерно сказывалось на настроении населения. Рабочие прекращали работу, требуя выдачи продовольствия, как это было, например, на станции Морозовской в Приволжье¹¹, отказывались принимать участие в шествии 7 ноября «под влиянием агитации некоторых лиц»¹². В тех случаях, когда задолженность по зарплате успевали ликвидировать к праздничным дням, отмечалось, что праздник прошел «оживленно» (Вотская область)¹³.

Как создавалась многотысячная демонстрация? Подготовительная работа по сбору участников на демонстрацию проводилась заранее. На предприятиях организовывались митинги и собрания, на которых руководители предприятий, фабзавкомы убеждали рабочих выйти в день праздника на демонстрацию. Создавая соответствующую атмосферу революционного праздника, организаторам удавалось достичь высокого

⁶ «Совершенно секретно» 2001.

⁷ Там же. С. 348.

⁸ Там же. С. 349, 350, 357, 361, 362, 373, 401, 405, 424, 431, 434.

⁹ См.: там же. С. 348.

¹⁰ Там же. С. 401.

¹¹ См.: «Совершенно секретно». С. 100.

¹² См.: там же. С. 342.

¹³ См.: там же. С. 357.

процента явки рабочих и служащих на праздничную демонстрацию. Об этом свидетельствуют информационные сводки ОГПУ с мест. Так, в Москве по сводке Комиссии ОГПУ в связи с празднованием годовщины Октябрьской революции 7 ноября 1925 г. на демонстрацию вышло 370 тыс. москвичей¹⁴, а в 1926 г. в демонстрации «по приблизительному подсчету колонн» принимало участие только 202 тыс. чел.¹⁵, а по более поздним подсчетам – 208,5 тыс. чел.¹⁶ Празднование 10-й годовщины Октябрьской революции в 1927 г. по ряду крупных промышленных центров прошло при участии 70-80% (а иногда и 100%) рабочих¹⁷.

В других городах Союза статистика участников свидетельствовала также об активном участии населения в праздничных демонстрациях. Так, в Харькове общегородская демонстрация 7 ноября 1929 г., как отмечалось в спецсводке ГПУ УССР, «прошла при большом количестве участников». Процент явок на сборные пункты составил по крупнейшим предприятиям до 80%, а по более мелким предприятиям явка рабочих доходила до 100%¹⁸.

В 1934 г. в соответствии со справкой секретно-политического отдела Главного управления государственной безопасности об итогах проведения Октябрьских празднеств по всему Советскому Союзу, адресованной Народному комиссару внутренних дел Ягоде, явка была уже более масштабной: на улицы Москвы в этот год для участия вышло 1 310 000 чел., Ленинграда – 1 500 000 чел. По другим городам также приводились сведения о высокой численности участников демонстраций (см. табл. 1). При этом надо учитывать, что 1933–1934 годы были годами демографического кризиса.

Доскональный подсчет числа участников свидетельствует о том, что власти важно было 100% участие как доказательство своей легитимности и поддержки населения. Добивались этого различными способами. Многие рабочие искренне верили, что это их праздник, а разрядка после большого числа рабочих дней давала им иллюзию отдыха. В связи с этим в 1926 г. негативную реакцию вызвало решение правительства проводить празднование Октябрьской революции только один день вместо обычных двух. В связи с этим на предприятиях Москвы рабочие говорили: «Мало кто пойдет на демонстрацию, т.к. на ней устанешь и отдохнуть некогда, потому что в понедельник надо выходить на работу» (завод «Серп и Молот», 4323 рабочих). А те, кто собирался выйти на демонстрацию, не хотел выходить на работу 8 ноября, указывая, что «один из пролетарских праздников не дают возможности праздновать, т.к. 7-го

¹⁴ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 81. Л. 9.

¹⁵ Там же. Л. 7.

¹⁶ Там же. Л. 9.

¹⁷ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 88. Л. 144.

¹⁸ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 831. Л. 31.

все будут на демонстрации, не будет времени, когда отдохнуть» (фабрики Москвошвей № 4 и № 8, соответственно 900 и 450 рабочих; Фармацевтический завод «8 марта» – 400). Согласно сводкам, недовольные рабочие считали, что у них отнимают их революционный праздник: «от своего праздника отступаем», «зачем отнимают у нас праздник», «пойдем на демонстрацию, устанем, а в понедельник идти на работу», «за что боролись», «а теперь праздновать, в связи с режимом экономии, нельзя». Слухи о том, что 7 ноября театры будут работать за плату, тоже вызывали возмущение рабочих (заводы «АМО», 1300 рабочих; «Динамо», 1242 рабочих; «Тресоединение» – 346 рабочих; «Парострой» – 386).

Зачастую недовольство отменой одного дня празднования увязывалось с общим недовольством устройством праздничного календаря. К середине 1920-х, когда большинство церковных праздников было упразднено, среди рабочих распространилось мнение, что продолжительность рабочего времени по сравнению с дореволюционным периодом увеличилась: «т.к. в настоящее время хотя и 8-часовой рабочий день, но по количеству рабочих дней гораздо больше: если проработанные в год человекочасы сравнить с человекочасами за тот же срок старого времени, то получится не 8-часовой, а 10-часовой рабочий день». Рабочие говорили, что «Соввласть с каждым годом урезает, как религиозные, так и революционные праздники, и в скором времени рабочим совершенно не будет предоставляться дня отдыха». Высказывались опасения, что после того как отменили («отняли») религиозные праздники, стали отнимать и революционные: «Большая половина церковных праздников не празднуется, постепенно отнимают и революционные дни... Когда работали у частных, праздновали все церковные праздники, а теперь нет»¹⁹ (1-ая ф-ка «Москвошвей» имени Коминтерна, 810 ч.). Среди рабочих Орехово-Зуевского уезда в связи с празднованием Октября только один день наблюдались разговоры, что «постепенно отнимают все завоевания Октября (Ткацкая ф-ка № 2)», «ужуливают праздничные дни» (Ткацкая ф-ка № 1)», «раньше праздников было больше и жилось лучше (Красильно-Набивная ф-ка)»²⁰. Это вызывало и более решительные настроения. Так рабочие заявляли: «Не пойдем на демонстрацию, пусть идут те, кто отдает такие распоряжения». (машиностроительный завод имени Владимира Ильича, 670 ч.); «Не пойдем на демонстрацию, а будем отдыхать, как воскресный день» (автономная меховая ф-ка «Пролетарский труд», 570 ч.). На заводе «Красный кожевник» (450 чел.) рабочие возмущенные тем, что отменяют объявленные ранее праздничные дни, говорили о стремлении властей сэкономить, «срежимить за счет отдыха рабочих», связывая празднование одного дня с режимом экономии, говорили:

¹⁹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 81. Л. 5.

²⁰ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 81. Л. 3-4.

«Если бы праздновали два дня, то рабочий мог бы сходить на демонстрацию, на собрание, а на другой день отдохнуть, теперь же на демонстрацию не пойдем, пусть идут сами и несут флаги, а мы будем отдыхать... Воскресение является днем отдыха... Коммунисты заставляют им не верить, ибо сегодня пишут одно, а делают другое»²¹. Так же были настроены и работники типографий «АОМС» (220 ч.), 39-ой Интернациональной (420 чел.), парфюмерной фабрики «Свобода» (1680 ч.): «Хотя срежимить на одном дне, лучше бы дали рабочим за два дня отдохнуть... Воскресение является днем отдыха, а тут погонят на демонстрацию, получится не празднование и не отдых»²².

Из высказываний рабочих видно, что для многих участие в демонстрации и праздничных мероприятиях было дополнительной нагрузкой к тяжелому труду и рассматривалось ими как неприятная необходимость. Хотя среди рабочих были и сторонники сокращения праздничных дней. Желание заработать, но при этом не ходить на демонстрацию, выразили работники Галантерейно-шорно-седельной фабрики «Пролетарий» (450 чел.): «Это хорошо сделали, что праздновать будут лишь один день, мы побольше заработаем, а на демонстрацию можно и не ходить».

Множество донесений с мест показало негативное отношение рабочих к решению сократить число праздников и заставило власть уже в следующем году отказаться от такой непопулярной меры экономии.

При проведении праздничных мероприятий последующих лет также имел место ряд негативных моментов. Например, несмотря на то, что спецсводка о праздновании XII годовщины в Харькове в 1929 г. сообщает, что оно «прошло вполне удовлетворительно, при благоприятном отношении к нему трудовых масс населения», с особым подъемом в настроении рабочих, сотрудник ОГПУ упоминает и об имевшихся до праздника «отрицательных настроениях на почве продовольственных затруднений», которые почти стухевались непосредственно ко дню праздника. Несмотря на то, что часть рабочих к моменту демонстрации отсеклась, «уйдя неорганизованным порядком ввиду затянувшегося выступления со сборных пунктов», во время демонстрации в трехтысячной колонне ГЭЗ вместе с рабочими шли их жены и дети, «подшефники», красноармейцы и студенты Харьковского технологического института: «Всю дорогу до самой пл. им. Гевелева велись оживленные разговоры, пели песни, и вообще чувствовалось праздничное настроение. Среди рабочих велись разговоры: “Хоть мы и переживаем экономические трудности в стране, однако, мы знаем, что впереди нас ждет лучшее, лишь бы нам удалось осуществить пятилетку, а там у нас будет другая жизнь”»²³.

²¹ Там же. Л. 3.

²² Там же. Л. 5.

²³ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 831. Л. 31.

Продовольственные и финансовые трудности (отсутствие заработной платы) оказывали значительное влияние на настроения отдельных групп рабочих. Особую роль сыграли перебои в снабжении продуктами (Тверь, Кострома, Иваново-Вознесенск, Тула). Так, в 1927 г. на Вышневолоцкой мануфактуре (Тверская губ.) некоторые рабочие заявляли: «Мы на демонстрацию десятилетия Октября пойдем с флагом “дайте хлеба”». На собраниях, посвященных X годовщине Октября, задавались вопросы о недостатке продуктов питания. На костромских текстильных фабриках поговаривали, как сообщают осведомители: «У самих продуктов не хватает, а расходуют средства на украшения, делегации и вечера», «продукты сплывили за границу в уплату царских долгов, чтобы откупиться от войны. Готовятся к войне, делают запасы», «попрятали запасы на угощения делегации и банкеты для них, чтобы не опозориться перед иностранцами». Ходили слухи, что нормируют выдачи через кооператив, чтобы заставить вступать всех в кооперацию²⁴.

Запрет на продажу водки с 2 по 8 ноября вызывал особое недовольство рабочих. Так, на ряде фабрик Иваново-Вознесенской губернии рабочие выбрали делегации для предъявления Горсовету требования продажи водки (объединенная Сосневская мануфактура Ивтекстиля), рабочие Петрищевской мануфактуры послали члена Горсовета рабочего Молодина в Губисполком с требованием открытия винной торговли, предупреждая: «Если не дадут вина, мы не пойдем на демонстрацию, пусть идут одни коммунисты». Рабочие Механического завода № 1 заявляли: «если разрешения на продажу спиртных напитков не будет, не пойдем на демонстрацию и 7 ноября выйдем на работу» (Механический завод № 1). А на Прядильной фабрике № 2 Гостреста столяр Рыжов агитировал среди рабочих: «Коммунисты так же, как и старое царское правительство, начинают бояться рабочих, на свои праздники, а также и во все тревожные моменты закрывают торговлю спиртными напитками. Они, видно, чувствуют, что гнев народа за их проделки, эксплуатацию и обман доходит до пределов и может вылиться наружу. Сами они устраивают праздник, агитируют и кричат нам, чтобы мы вместе с ними приняли в праздновании горячее участие, а нас в то же время лишают последнего удовольствия, от которого мы, рабочие, могли бы забыть все недостатки и тяжесть». Рыжов призывал рабочих отказаться от празднования в эти дни, «“пусть коммунисты одни проводят свой праздник”». Часть присутствовавших при этом поддерживали Рыжова»²⁵. В 1929 г. в среде харьковских рабочих сотрудниками ОГПУ были зафиксированы «отрицательные настроения», которые главным образом были вызваны тяжелым экономическим положением на селе и продовольственными затруднениями, так как большинство рабочих были выходцами из сел и

²⁴ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 88. Л. 145.

²⁵ Там же. Л. 146.

оставались тесно связанными с селом. На фабрике им. Тинякова в группе рабочих рабочий Пирогов по поводу празднования XII годовщины высказывался: «Хвалиться за 12 лет революции нечем. Рабочие голодают и мучаются. Советская власть только для коммунистов. Крестьян разорили и сделали их нищими. Власть только кричит о достижениях, но эти достижения боком выходят рабочему и крестьянину. Бухарин правильно говорил, что не нужно жать кулака, тогда будет лучше». Квинтэссенцией подобных высказываний могут служить слова наборщика типографии «Украинский рабочий» Козлова, зафиксированные в информационной справке ОГПУ: «В общем, везде хорошо, а жрать нечего. Вот какие у нас достижения к 12-й годовщине Октября»²⁶.

Еще острее ощущали трудности роста промышленности, страдали от продовольственных затруднений и испытывали большие перебои в получении зарплаты рабочие непромышленных районов. Информаторы сообщали в 1930 г. о ходивших среди рабочих Одессы разговорах: «Кому нужно праздновать Октябрьскую годовщину, кому нужна демонстрация? Я голоден и жрать хочу, а праздник меня не накормит. Пусть празднуют коммунисты» (рабочий завода "Октябрьской революции" Живалевский); «Раньше не было праздников и было лучше – работали или не работали, а деньги платили. А теперь работаешь 8 часов, получаешь гроши, да и тех не платят – вот вам и годовщина Октября» (кузнец Январьского завода Запрувальный)²⁷.

В сельской местности не единичны были случаи, когда члены сельсоветов и активисты отказывались от явки на торжественные собрания и демонстрации, мотивируя это отсутствием обуви и одежды²⁸.

Вызывали возмущение и лишние расходы на организацию и проведение праздников. В деревнях выступавшие на собраниях зачастую говорили о бессмысленных тратах на празднования и предлагали отметить революционную дату конкретным, приносящим пользу делом. Так, в деревне Приведено Гарской волости Ленинского уезда крестьянин-средняк выступил с критикой Советской власти, которая на свою 9-ю годовщину «тратит громадные деньги на проведение празднества, что хотя то и делают, не спрашивая мужика, а спрашивают только тогда, когда собирают налог». Это выступление вызвало дискуссию среди присутствующих, которые предложили: «Лучше было бы построить больницу, назвать ее в честь этого праздника, и пользы было бы больше»²⁹. Экономическое положение страны и в 1927 г. по-прежнему оставляло желать лучшего, и в связи с этим рабочие (в первую очередь малооплачиваемые низкоразрядники и связанные с деревней) высказывались против затрат

²⁶ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 831. Л. 32.

²⁷ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 831. Л. 818.

²⁸ Там же. Л. 823.

²⁹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 81. Л. 3.

на украшения к празднику, мотивируя это тем, что «у нас много беспризорных и безработных», «не хватает школ», «лучше бы эти деньги передать на улучшение рабочего быта», «построить дом для рабочих». Эта тема звучала и в разговорах рабочих на Ярославских фабриках: «Наше правительство только и знает, что кидает деньги на пустяки. Эти деньги они лучше бы использовали на улучшение быта рабочих и на постройку жилых домов», «На одни украшения к празднику 10-й годовщины ухлопали 14 тыс. руб., а безработные и некоторые рабочие голодают и живут в сараях, где же тут справедливость». На сталинградском заводе «Красный Октябрь» рабочие, указывая на то, что на проведение Октябрьского праздника было израсходовано 12000 руб, говорили: «тратят напрасно такую уйму денег, лучше употребить их на какое-нибудь полезное дело – на детдома, беспризорных и т.д.»³⁰ В стране царил безработица, поэтому крупные суммы, выделяемые на проведение праздничных мероприятий, вызывали недоумение: «На эти деньги можно было бы многих накормить, зря устроили такие украшения» (Краснодарский обозный завод); «Напрасно делают всякие угощения и украшения, убивая на это бесполезно много средств, лучше бы эти средства обратить на помощь беспризорным или наиболее нуждающимся безработным» (Самарский Водосвет). Безработные, особенно малоквалифицированные и имеющие родственников в деревне, высказывались против затрат на украшения к празднику: «Чем убивать десятки тысяч на украшения – следует улучшить положение рабочих»; «Мы ждем с нетерпением постройки новых фабрик и заводов, а они тратят деньги на разные праздники»³¹.

Высказывались и конкретные предложения: «Не следовало бы тратить средства на украшения, а лучше было бы перебросить их на реализацию займа. Мы не настолько богаты, чтобы раскидывать деньги. Если подсчитать по всему Союзу средства, ассигнованные на проведение праздника, то получится круглая сумма. Целесообразный расход этих средств принес больше бы пользы, нежели украшения. Комиссия по режиму экономии с этими расходами как-то не вяжется» (Оренбургская электростанция). Рабочие завода «Красное Сормово» (Нижний Новгород) критиковали руководство завода за установку памятника Ленину, так как затраченные на него средства можно было бы употребить на постройку жилищ для рабочих. А рабочие Шуйских текстильных фабрик (Иваново-Вознесенская губерния) говорили: «В.И. Ленин был против памятников, он говорил – нужно строить больше школ, больниц, а не памятников, хороших людей мы и так будем помнить... Лучше бы на эти 17 тыс. руб., которые потратили на памятник, начали строить казармы для рабочих, или другое полезное дело. Все эти украшения есть куколь-

³⁰ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 88. Л. 144.

³¹ Там же. Л. 147.

ная комедия, ведь сколько тратят средств, а все – для какой-то кричащей рекламы, лучше бы за эти деньги построить дом для рабочих»³².

Столичные жители, которые наблюдали картину пышных торжеств в еще большем масштабе, чем все остальные, указывали: «Сколько стоит прокормить этих заграничных делегатов, помимо этого устраиваются банкеты, на которые затрачивают большие деньги, а с нас, безработных, вытягивают последние соки – когда пошлют работать, норовят заплатить по 1 р. 60 к.... Если все средства на содержание иностранных делегатов сложить в общую сумму, то их можно было выдать безработным сверх пособия. Сейчас расходуется большие деньги на украшение клубов и зданий, а также и на выписку иностранных делегаций, идейным бы коммунистам нужно было бы протестовать против траты денег, но их (идейных коммунистов) сейчас нет...»³³.

Безработные Новосибирска и Харькова также высказывали свое недовольство расходом денег на украшения в день Октябрьской годовщины: «Советская власть вместо улучшения положения безработных убивает десятки тысяч на украшение города», «Для чего нам нужен этот праздник, когда нам сейчас нечего жрать. Мы сидим по 2 года на бирже, у нас абсолютно нет средств к существованию, а они тратят деньги на разные праздники – прием делегаций, украшения и т.д. Лучше бы эти деньги распределили между безработными, дали по 10 руб. каждому, чтобы безработные могли в эти дни поесть лучше. Они тратят деньги на разные украшения, а безработица при этом все увеличивается. Подумали бы лучше о безработных, а не о шикарных празднествах»³⁴.

Рабочие справедливо опасались, что праздничные расходы неизбежно отразятся на их положении: «Сколько сот тысяч вылетит в нашем городе, да и вообще в СССР на проведение праздника, но это ничего, говорят из расходов, не предусмотренных сметой, да из культфонда, а сейчас же после праздника глядь – перерасход, что делать, давай рабочих сокращать, так оно у нас и делается» (Краснодар)³⁵.

Большинство разговоров рабочих сводилось к тому, что средства, потраченные на проведение праздника, нужно было бы израсходовать на нужды строительства. На харьковском заводе «Серп и Молот» рабочий модельного цеха Михайлов (по донесению агента ОГПУ) говорил: «Зачем это государство расходует такие колоссальные средства на торжества и украшение города? Лучше было бы эти средства использовать на покупку мешков, а то вот государство побирается, у рабочих просит мешки, а деньги тратит, не зная на что, в то время как по станциям хлеб валяется без мешков». Ему ответил на это рабочий с 20-летним произ-

³² ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 88. Л. 145.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 147.

водственным стажем Колинов: «Неужели мы не имеем права отметить свои завоевания, отпраздновать октябрьские торжества украшениями улиц, зданий и предприятий? Ведь ты, Михайлов, к празднику Пасхи всегда убираешь комнату и готовишься к празднику, а мы, наоборот, украшаем красный уголок, в котором ты сидишь, украшаем картинами, лозунгами, плакатами и т.д. Это есть воспоминание наших завоеваний. А ты все бузу трешь, тебе все не так. Мы не допотопные люди, мы люди культурные и культурно украшаем свои здания»³⁶ (1929 г. Харьков).

Информаторы ОГПУ приводят слова экономиста фабрики «Сетка» (Москва, 1934 г.) Ю.В. Волкова: «18 Октябрей, 18 маев, много МЮДов (МЮД – Международный юношеский день, отмечавшийся ежегодно в СССР), плюс встречи, похороны. Если подсчитать расходы на все это, в год выйдет сотни миллионов, бросаемых на ветер. На эти деньги можно было бы увеличить оклад жалования и выстроить несколько заводов. Власть же нас, как батраков гонит, подстегивая, по Красной площади»³⁷.

Хотя в сводках и подчеркивалось, что массового характера подобные настроения не имели³⁸, тем не менее, такие выступления были достаточно частыми, как это видно из материалов, хранящихся в архиве.

Негативное отношение к праздничным мероприятиям и критику со стороны как городского, так и сельского населения вызывала и организация мероприятия, и форма подготовки к нему. За несколько дней перед праздниками на предприятиях проводились собрания, на которых разъяснялось значение революции и те лозунги «текущего момента», с которыми демонстранты должны были выйти на улицы и площади советских городов. Однако зачастую в низовых профессиональных и партийных организациях подготовка была слабой, а в некоторых случаях и совсем не проводилась. В докладной записке о реагировании рабочих и крестьян на празднование XIII годовщины Октябрьской революции в Харькове в 1930 г. отмечалось, что «значительная часть низовых профессиональных и партийных организаций не проявила достаточной энергии в подготовке и проведении празднования XIII годовщины Октября. Комиссии по проведению в ряде случаев были выделены с большим опозданием и не сумели развернуть широкой работы, целиком охватывающей рабочих данного предприятия. Следствием такой постановки дела явились недостаточность, а кое-где и полное отсутствие подготовительной массовой работы, посвященной Октябрю, несвоевременная заготовка лозунгов и плакатов, несвоевременное оповещение рабочих о порядке празднования и ряд других организационных недочетов, отразившихся на участии рабочих в торжествах и прохождении праздника»³⁹.

³⁶ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 831. Л. 33.

³⁷ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 70. Л. 71.

³⁸ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 88. Л. 144.

³⁹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 831. Л. 810.

Особенно плохо была поставлена работа в неиндустриальных районах и среди сезонных рабочих. Например, на Крюковских гранитных карьерах «подготовка к празднованию проходила чрезвычайно вяло, никакой культработы среди рабочих не проводилось, в результате чего рабочие каменоломни решили в дни Октябрьских торжеств устроить коллективную выпивку. В демонстрации почти никто из рабочих участия не принимал, так как многие ушли домой – в село, многие же пьянствовали» (Кременчугский район). Отмечались и случаи, дискредитирующие самих организаторов – профессиональных и партийных работников: так, председатель объединенного шахткома 19-го шахтоуправления явился на торжественное собрание пьяным, доклада сделать не мог и был выведен милицией (Сорокинский район); на вечере, организованном на заводе «Б», вся профессиональная и партийная верхушка оказалась совершенно пьяной и руководить вечером не смогла. (Луганск)⁴⁰.

Имеются интересные сведения за тот же 1930 год и о проведении празднования XIII годовщины Октябрьской революции по району БССР. Докладывая об отрицательных моментах как в подготовительной работе, так и в проведении праздника, сотрудники ОГПУ сообщали о провале собраний, митингов и демонстраций по ряду местечек и сельсоветов; слабой увязке празднования с привлечением населения в колхозы, красных обозов, суботников, выполнением хлебозаготовок, мобилизацией средств населения и т.д. Отмечался также ряд организационных неувязок и шероховатостей в техническом оформлении праздника. Такая неподготовленность отразилась на снижении активности крестьян (особенно крестьян-единоличников) в праздничных мероприятиях, по сравнению с предыдущим периодом. Несмотря на то, что во всех районах были выделены специальные комиссии, в большинстве случаев последние ограничились составлением плана и рассылкой его на места, да и то не все комиссии проделали эту работу своевременно, и планы эти были непродуманными, к их недостаткам относили отсутствие работы по активизации массового участия населения в праздновании и преувеличенное внимание к художественной и торжественной части⁴¹. В самом проведении праздника на основании материалов, собранных по 32 районам Белорусской ССР сотрудниками Информационного отдела ОГПУ, среди недочетов в праздновании XIII годовщины Октябрьской революции в 1930 г. подчеркивались: бездеятельность, недооценка политической важности, немногочисленность или непроведение митингов и демонстраций в дни Октябрьских торжеств и отсутствие на них взрослого населения, «узкое культурничество в содержании празднования, без увязки его с выполнением важнейших хозяйственно-политических кампаний», недо-

⁴⁰ Там же. Л. 811-812.

⁴¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 713. Л. 624-625.

статочная работа шефствующих организаций по закреплению связи с подшефными деревнями и колхозами и недостаточная мобилизация активности колхозников, бедноты и середнячества⁴².

Подготовка и проведение праздника 7 ноября находились под пристальным вниманием НКВД, в его оперативный штаб поступали ежегодные сводки и спецсообщения о недостатках. В ходе подготовки к празднованию XVII годовщины Октября в 1934 г. отмечалось, что на ряде предприятий, учреждений, вузов Московской области, Ивановской промышленной области (ИПО), Западной области, Средней Азии и др. до 5 ноября подготовка к Октябрьским праздникам в должной степени не была развернута. На ряде предприятий не было принято достаточных мер к художественному оформлению помещений, к изготовлению лозунгов, плакатов и т.д. На некоторых предприятиях и в учреждениях отмечалось наличие задолженности по заработной плате и отсутствие предпраздничных фондов (Москва, Ташкент, Минск, Киев и др.). Среди организационных недочетов по подготовке к параду указывалось на недостаточное комплектование рабочих полков, низкий процент явки на репетиции. Наряду с этим выявлены факты неудовлетворительного хранения оружия, необеспеченности снаряжением и обмундированием. Задолженность по зарплате и недочеты в предпраздничном снабжении отмечались в Москве, Семипалатинске, Горьковском крае⁴³.

Собрать большое количество желающих выйти в праздничные дни на демонстрации было задачей нелегкой, но чрезвычайно важной для советских государственных и партийных чиновников. Многочисленная явка трудящихся на демонстрацию призвана была демонстрировать активную поддержку населением советской власти. Для ее обеспечения велась большая подготовительная работа. Среди причин неявки на демонстрацию рабочих наиболее частым было желание провести праздничные дни дома, в деревне (что было характерно для сезонников, чернорабочих и малоквалифицированных рабочих (1927 г.)⁴⁴ В связи с этим предпринимались разнообразные меры для привлечения рабочих: дополнительные пайки и питание во время демонстрации, организация буфета, продажа дефицитных товаров, за которыми выстраивались очереди.

Тем не менее, всегда находились поводы, которые рабочие использовали в оправдание своего нежелания выходить на демонстрацию, а зачастую под этим предлогом пытались добиться от властей решения своих бытовых проблем. 7 ноября 1934 г. совершенно секретно сообщалось в оперативный штаб НКВД, что по состоянию на 11 час. дня в Краснопресненском районе столицы рабочие силикатного завода явились на демонстрацию в количестве 600 чел. из 1500. Оставшаяся часть рабочих

⁴² ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 713. Л. 870.

⁴³ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 146. Л. 268-270.

⁴⁴ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 88. Л. 144.

идти на демонстрацию отказалась, заявив, что у них нет обуви. Кроме того, отрицательно сказывалось на явке отсутствие детской комнаты, где можно было оставить детей на время демонстрации. В организованном буфете цены на продукты оказались слишком высокими (завтрак стоил больше рубля, бутерброды 60-70 коп.) Никакой «культурной работы» среди рабочих не велось. На фабрике «Трехгорка» всем работницам выдали красные платки, упустив из виду 180 работниц, находившихся на социальном обеспечении. В результате последние, явившись на демонстрацию, выражали свое недовольство: «Мы сорок лет проработали, а нам платки не дают»⁴⁵.

Недовольство рабочих наблюдалось и по поводу недостаточного порядка при шествии. Так, в 1929 г. в Харькове из-за нераспорядительности руководителей некоторых колонн, не давшей возможности милиции сдержать напор неорганизованного населения, не доходя до площади, колонны разрывались, смешивались с другими, при этом мощность и целостность колонн крупных предприятий терялась⁴⁶.

Были и проблемы другого порядка. В Ульском районе Белоруссии было запланировано шествие на «площадь РИКа, но не пошли и, таким образом бывшие на площади человек 100 допризывников и некоторая часть населения ничего не дождалась. В районе целый день и вечер никого из руководителей района не было и Нардом был закрыт на замок»⁴⁷.

Вызывало раздражение обилие портретов вождей. В 1934 г. Я. Кондрунин – возчик фабрики «Сокольнический обойщик» – заявил, как это видно из сводки НКВД: «На Красную площадь я не пойду, нечего мне из себя разыгрывать дурака. Смотреть на живого С... не желаю, насмотрелся и на портреты, а их больше, чем в старое время в домах икон»⁴⁸. Зафиксировано было и высказывание профессора математики института хлебопечения А.В. Смирнова: «Когда же наконец кончатся эти перманентные, казенные манифестации. Советская демонстрация – это именно манифестация верноподданнических чувств, совершенно то же самое, что имело нередко место при Николае. Тогда эти манифестации устраивал “Союз Михаила Архангела”, носили портреты царя, а теперь устраивают то же, но носят портреты С. и др.»⁴⁹

Отмечались и случаи выражения открытого протеста: «Бауманский район. ... В школе № 1 БОНО из 135 чел. собрались на демонстрацию 18. Часть знамен и лозунгов бросили, так как они были написаны на желтом фоне. Директор школы на демонстрацию не явился... Учащийся школы Ерохин, 15-ти лет, отказался нести портрет т. Сталина, указав “Такой

⁴⁵ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 146. Л. 251.

⁴⁶ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 831. Л. 33.

⁴⁷ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 713. Л. 872.

⁴⁸ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 710. Л. 78.

⁴⁹ Там же. Л. 82.

портрет не понесу” (Устанавливаются родители Ерохина)»⁵⁰. Находящийся в колонне демонстрантов фабрики «Парижская коммуна» разрабатываемый УНКВД МО Фукс, указывая на плакат ОРСа, отображающий количество поголовья скота, сказал: “Произошла ошибка, ОРС /п/оказывает, что у него 200 голов скота, а на самом деле этого скота 6000 голов и этот скот гонят на демонстрацию”. За Фуксом установлено усиленное наблюдение»⁵¹.

Особое внимание осведомители ОГПУ уделяли высказываниям, отражавшим отношение граждан к коммунистам и Сталину. Накануне праздничных мероприятий, 29 октября 1934 г., в оперативный отдел НКВДГУГБ поступило сообщение об антисоветских высказываниях инженера химзавода на ст. Кусково Кочеткова, который в тесном кругу друзей-сослуживцев заявлял: «Подходит очередное мученье – день 7 ноября, и на этот раз, очевидно, не найдется человека, из числа идущих на Красную площадь, который бы мог хлопнуть по голове одного из вождей, а ведь стоят они так близко»⁵².

В сводках ОГПУ упоминаются случаи выражения недоверия власти, неприятие демонстрации. Так, например, в сводке № 2 об антисоветских настроениях и высказываниях на 29 октября 1934 г. по Москве приводятся слова служащего И. Рубинштейна: «Наступает праздник Октября, а правительство и не думает об усилении снабжения рабочих. На Красной площади нас заставят кричать “ура”. Это нужно не нам, а главному». А старший консультант НКФ СССР Тулов Сергей Андреевич рассказывал сослуживцам: «На демонстрацию я хожу по принуждению. Соввласть поставила народ в условия, сходные с положением пассажиров на пароходе, хотел бы прыгнуть за борт – вода, тошнит, некуда деваться. Вот поэтому-то и идут на демонстрацию»⁵³. В сводке приводятся слова заведующего производственным отделом 16 московской типографии Ф.С. Иванова-Гаранина, который говорил: «Снова проводят подготовку к Октябрю и перевыборов в Совет. Ведь все равно, хочет или не хочет рабочий, а его заставят насильно пойти на демонстрацию, насильно же заставят поднимать руку на выборах. Провели бы лучше подготовку своевременной выдачи жалованья и продуктов рабочим»⁵⁴.

Информации такого рода много. Одна из сводок об антисоветских высказываниях по состоянию на 31 октября 1934 г. приводит слова сына подрядчика, без определенных занятий Г.С. Баранова: «Противно смотреть на эту подготовку. Настроят украшений, погонят на Красную площадь, и все это для того, чтобы втереть очки иностранцам. Вот мол,

⁵⁰ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 146. Л. 252.

⁵¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 146. Л. 253.

⁵² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 710. Л. 70.

⁵³ Там же.

⁵⁴ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 710. Л. 71.

смотрите, как граждане Советского Союза любят свою власть. Наши ослы – руководители страны не знают, что народ голодает и что он ненавидит их. Николай II был ближе к народу»⁵⁵.

В другой сводке упоминается Т.Н. Коробовская, без определенных занятий, проживающая по Марксистской ул., д. № 2/30, кв. 5, которая говорила посетившему ее иностранцу: «Праздник устраивается не для нас, а для баранов. Что это за праздник, когда рабочих насильно заставляют идти на демонстрацию. Рабочие, боясь остаться без работы, поневоле идут. Все эти праздники устраиваются только для показа: “Смотрите, мол, Европа, как мы мощны, как все довольны”. А разве на деле все обстоит так?». А рабочий московского завода «Серп и Молот» В.Г. Барков, сын торговца-домовладельца, высказывался: «Везде насилие и полное бесправие. Перед всем миром большевики хвастаются – “у нас мол свобода”, а на деле хуже крепостного права. Разве не об этом будет свидетельствовать демонстрация в день 7 ноября? Заставят – всем поневоле придется идти на демонстрацию»⁵⁶.

В информационных сводках отмечается пассивность и усталость граждан, обыденность восприятия праздничных мероприятий власти. Сведения, поступавшие из Харькова в 1929 г., свидетельствовали о жалобах некоторых рабочих на продовольственные и финансовые затруднения с вытекающим отсюда пассивным отношением к празднику, но при этом они нередко встречали отпор со стороны массы. В киевской столярной мастерской Индустрия рабочий Савочкин, известный как антисоветский элемент, говорил о том, что годовщина Октября является не рабочим праздником, и что «лучше было бы получить деньги и наесться вдоволь, чем участвовать в демонстрации». Присутствовавшие при этом рабочие ему возразили: «Так, как рассуждаешь, – это не по-рабочему. Мы, рабочие, должны участвовать в демонстрации и показать свои силы международной буржуазии». Забойщик рудника «Красный Профинтерн» Фролов заявил после демонстрации: «Если бы дали закуску и выпивку, то я бы почувствовал праздник, а так только набил ноги, шляясь на демонстрацию». На это старый забойщик Нелидич возразил: «Довольно тебе бузить. Ты хочешь, чтобы был мед, да еще и ложка. Я думаю, что вряд ли среди нас найдутся такие, какие были бы недовольны демонстрацией. Я лично очень доволен праздником. Как он торжественно и радостно прошел. А как вспомнишь эти дни в старое время, так просто не веришь, тому, что произошло» (Рыково)⁵⁷.

В то же время отмечалось пассивное отношение жителей к проведению праздника. Так, в 1929 г. в сводках из Харькова читаем, что «на

⁵⁵ Там же. Л. 74.

⁵⁶ Там же. Л. 78.

⁵⁷ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 831. Л. 813.

вечерах, посвященных Октябрю преобладала молодежь, несмотря на то, что были организованы специальные вечера старых рабочих» (Харьков – Харьковский паровозостроительный завод, Мариуполь – клуб Металлистов, Сумы – завод им. Фрунзе, и др.). Преобладала молодежь и на демонстрациях. Отказ от участия в демонстрации некоторые старые рабочие нередко объясняли тем, что такая форма празднования сделалась слишком обыденной, и требуется иная организация участия в торжествах. А в Киеве рабочие завода «Красный Пахарь» высказывались, что «хождение по улицам уже надоело, демонстрации приелись. Неудобно быть не в рядах демонстрантов, но и демонстрации ничего хорошего не дают»⁵⁸. И в деревне были недовольны такой формой проведения праздника. Свою пассивность крестьяне объясняли тем, что им «надоело ежегодно демонстрировать, нового ничего в этом нет» (1930 г.)⁵⁹

Информаторы обращали внимание на социальный состав участников праздника, отмечая негативную роль во многих случаях администрации и руководства предприятий, а в некоторых случаях – партийных и профсоюзных деятелей. Вот сводка по материалам ИНФО ОГПУ на 10 декабря 1927 г., в которой говорится: «Административно-технический персонал и служащие советских учреждений в праздновании 10-й годовщины принимали слабое участие. В ряде мест на демонстрации присутствовало не более 20-25% служащих совучреждений и адм.-технич. работников (Тула, Ростов, Харьков, Калуга). Исключение составляют студенчество и учительство. Эти группы интеллигенции принимали активное участие как в подготовительной работе к октябрьским торжествам, так и в демонстрации»⁶⁰. Крестьяне-единоличники тоже не участвовали в праздничных мероприятиях, «хотя и не работали под страхом, чтобы не оштрафовали». В сводках по Белоруссии за 1930 г. называется имя середняка Ефима Карамзина из дер. Лесенки Немойтянского сельсовета, который приготовился молотить, но не стал, говоря: «пусть будет не молочено, только бы не попасть под штраф». Хотя многие середняки в этот день работали в скрытом виде⁶¹.

Итак, среди проблем, которые вызывали негативное отношение населения в связи с советскими государственными праздниками в 1920–1930-е годы, можно выделить ряд повторяющихся, общих для рассматриваемого периода: плохая явка на демонстрацию и ее причины; недостатки организационных мероприятий, дополнительные пайки и питание во время демонстрации, участие партийных и советских руководителей в организации и проведении демонстраций, критика праздничного

⁵⁸ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 831. Л. 817.

⁵⁹ Там же. Л. 824-825.

⁶⁰ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 88. Л. 148.

⁶¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 713. Л. 872.

оформления, в т.ч. и обилие портретов вождей. Собирая информацию о настроении советских граждан, агенты Информационных отделов ОГПУ особое внимание обращали на отношение к коммунистам и Сталину, на оценку дореволюционного периода. В разговорах рабочих и крестьян отмечалось недоверие к власти, случаи неприятия демонстрации в целом, обыденность мероприятий праздника, а также пассивность и усталость населения.

Приложение: Таблица 1. Численность участников демонстрации 7 ноября 1934 года по городам Советского Союза⁶².

Москва	свыше 1 310 000 чел.
Ленинград	1 500 000 чел.
Киев	330 000 чел.
Одесса	225 000 чел.
Днепропетровск	122 000 чел.
Сталино и др. районы Донбасса	300 000 чел.
Челябинск	50 000 чел.
Магнитогорск	45 000 чел.
Златоуст	30 000 чел.
Баку	свыше 10 0000 чел.
Тифлис	120 000 чел.
Эривань	20 000 чел.
Сталинград	100 000 чел.
Ташкент	150 000 чел.
Минск	60 000 чел.
Иркутск	35 000 чел.
Красноярск	80 000 чел.
Чита	20 000 чел.
Иваново	90 000 чел.
Курск	20 000 чел.
Орел	52 000 чел.
Воронеж	60 000 чел.
Новосибирск	133 000 чел.
Томск	6 000 чел.
Омск	45 000 чел.
Барнаул	25 000 чел.
Саратов	100 000 чел.
Балашов	20 000 чел.
Казань	80 000 чел.

⁶² Составлено по материалам: ЦА ФСБ. Ф.3. Оп. 1. Д. 710. Л.40.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Лившин А. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932. М.: РОССПЭН, 2010. 344 с.
- Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. 208 с.
- Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2002. 524 с.
- Севостьянов Г.Н. Предисловие // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. (1922–1934). Т. 1. Ч. 1. М.: ИРИ РАН, 2001.
- Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД: 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000.
- Суровцева Е.В. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). М.: АИРО-XXI, 2008. 156 с.

REFERENCES

- Livshin A. Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoy Rossii: 1917 – 1932. M.: ROSSPEN, 2010. 344 s.
- Livshin A.Ya., Orlov I.B. Vlast i obschestvo: dialog v pismah. M.: ROSSPEN, 2002. 208 s.
- Pisma vo vlast. 1928 – 1939: Zayavleniya, zhalobyi, donosyi, pisma v gosudarstvennyie strukturyi i sovetskim vozhdym / Sost. A.Ya. Livshin, I.B. Orlov, O.V. Hlevnyuk. M.: ROSSPEN, 2002. 524 s.
- Sevostyanov G.N. Predislovie // Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane. (1922 – 1934). T. 1. Ch. 1. M.: IRI RAN, 2001.
- Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD: 1918 – 1939. Dokumenty i materialy: V 4 t. / Pod red. A. Berelovicha, V. Danilova. M.: ROSSPEN, 2000.
- Surovtseva E.V. Zhanr «pisma vozhdyu» v totalitarnuyu epohu (1920-e – 1950-e gg.). M.: AIRO-XXI, 2008. 156 s.

Барышева Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и теории исторической науки, Российский государственный гуманитарный университет; barysheva.ev@gmail.com

Reverse Side of the Soviet Bank Holiday of the 1920s–1930s November 7 in the Eyes of Contemporaries

The article deals with the problem of attitude of the population in Russia during the first decades of the Soviet power to the authorities' attempts to create the unified emotional atmosphere through public celebrations the public holiday. Archival materials reveal a diverse range of mass ratio to the introduced potestarian ideology. Reports of informers and OGPU personnel, information bulletins about the political mood in society submit a picture of a much more complex dialogue between the authorities and society. Most of the archival materials in this article published for the first time.

Keywords: power, public holidays, demonstration, November 7, the political mood of the population, information bulletins

Elena Barysheva, PhD (History), Head of the Chair of History and Theory of Historical Science, Russian State University for the Humanities, barysheva.ev@gmail.com

**«ЕСЛИ БЫ НЕ ВОЙНА, СОВЕТСКИЙ НАРОД УШЕЛ БЫ
ТЕПЕРЬ ДАЛЕКО ВПЕРЕД...»: СОВЕТСКАЯ МЕМОРИАЛЬНАЯ
ДИПЛОМАТИЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ЛАГЕРЕ (1949-1989)¹**

На материалах разножанровых источников в данной статье анализируется один из сегментов советской послевоенной культурной дипломатии в европейских странах социалистического лагеря, который условно обозначается автором как «мемориальная дипломатия». В центре исследования находятся концепции конструирования и использования исторической памяти в целях формирования внутриблоковой идентичности, оказания влияния на межгосударственные отношения, преодоления различий во взглядах на события прошлого. Особое внимание уделяется коммуникационным процессам вокруг исторических нарративов социалистического лагеря, а также юбилейной риторике, праздничным ритуалам, мемориалам.

Ключевые слова: транснациональная история, социалистический лагерь, культурная дипломатия, историческая память, внутриблоковая коммуникация

Наблюдаемая сегодня трансформация системы международных отношений, обозначаемая аналитиками как «новая холодная война», поставила на повестку дня задачу изучения различных измерений глобального противостояния второй половины XX в. как конфликта, который создал «для многих... участников приемлемые смысловые структуры, индивидуальный и коллективный порядок»², в т.ч. на коммуникативном и символическом уровне. Актуальные исследования нацелены на контекстуализацию социалистической модерности в рамках общемировых трендов³, создание дисперсного представления о механизмах функционирования т.н. «восточного блока», на отказ от монолитного образа «советской империи», основанной исключительно на насильственных методах, в пользу более гибких объяснительных моделей ее относительной стабильности⁴. Данная статья посвящена одному из сегментов советской послевоенной культурной дипломатии в европейских странах социалистического лагеря: концепциям, механизмам, каналам конструирования и использования исторической памяти в целях поддержания системы внутриблоковой коммуникации, оказания влияния на межгосударственные отношения, преодоления различий во взглядах на события прошлого. Данное направление усилий советской стороны можно условно обозначить понятием «мемориальная дипломатия».

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10213).

² Stoeber 2007.

³ Rowell 2007. S. 26–34; David-Fox 2015.

⁴ Boskovska, Strobel, Ursprung 2016.

Отдельные проявления транснациональной коммуникации вокруг исторической памяти в социалистическом лагере попали в объектив исторических исследований сравнительно недавно, и пока единичные описания не позволяют представить всю многомерность картины. Наиболее разработанным тематическим полем остается специфика переработки военного прошлого в Восточной Германии под влиянием советской стороны. На материалах делопроизводственных документов и визуальных источников А. Тихомиров реконструировал особенности использования двух образов Сталина в ранней ГДР: победителя (символа морального унижения немцев) и всепрощающего друга, благодарного которому, по мнению автора, освободила от тяжкого исторического бремени все население Восточной Германии⁵. С. Сатюков призывает осторожно обращаться с подобными упрощенными конструкциями одномоментного освобождения и ставит вопрос о том, каким образом предложение освобождения восточных немцев от коллективного чувства вины было реализовано различными поколениями и социальными группами⁶. Длительность формирования мемориального консенсуса по отношению к восточногерманским ветеранам войны подчеркивает К. Дитрих. По его мнению, инструментализация образа Сталинграда как общего советского и немецкого места памяти постепенно позволила создать в ГДР собственный мемориальный нарратив о «чистом вермахте». При этом, литературные и кинематографические произведения, стилизующие процесс перевоспитания офицеров вермахта в антифашистов через поражение под Сталинградом и советский плен, не только воспринимались самими протагонистами как истинное описание их жизненного пути, но и широко реципировались как идентификационное предложение носителями негативного военного опыта. Причем финальным этапом и символическим знаком «очищения от бремени прошлого» признавалось вступление в общество германо-советской дружбы⁷. Л. Карл проанализировал советские фильмы о войне, демонстрировавшиеся на территории ГДР. Он пришел к выводу, что реакцию отторжения населением Восточной Германии навязываемых советской стороной монументальных кинообразов войны лишь отчасти удалось ослабить в период оттепели путем обращения к страданиям «маленького человека»⁸. В целом, в данном тематическом поле открытым остается вопрос: в каких мемориальных пространствах и с какими целями дискурс вины восточных немцев продолжал поддерживаться в целях стабилизации внутриблоковых структур?

⁵ Тихомиров 2014.

⁶ Satjukow 2012. S. 220–221. О поколенческой специфике см.: Нагорная 2014. С. 200–210.

⁷ Dietrich 2016. S. 67–83.

⁸ См.: Карл 2011.

Один из аспектов исторической политики в социалистическом лагере, а именно использование поездок в «страны народной демократии» для укрепления риторических фигур советского исторического нарратива в сознании собственных граждан представлен в работах А. Попова. Автор демонстрирует, как планомерно и настойчиво интегрировались в различные проявления советского выездного туризма места памяти о Второй мировой войне в Восточной Европе, как выстраивались интеракции между принимающей стороной (работниками музеев, гидами) и организованными в группы посетителями мемориалов⁹. Неизученной пока остается сама специфика конструирования мест памяти в социалистическом лагере, роль в этом процессе советской стороны и восприятие мемориальных посланий институциями и населением стран Восточной Европы. На необходимость реконструкции культурной топографии Восточного блока для более глубокого понимания механизмов функционирования «социалистической ответственности» указывает в одной из недавних публикаций Ю. Рихерс¹⁰.

В статье речь пойдет о коммуникационных процессах вокруг исторических нарративов социалистического лагеря и об отдельных инструментах «мемориальной дипломатии»: юбилейной риторике, праздничных ритуалах, мемориалах. Привлечен широкий круг источников. Прежде всего, это делопроизводственные документы и переписка институций социалистических стран, которые определяли направления развития и конкретные мероприятия в сфере культурной дипломатии. Описывая концепции и итоги организованных событий, авторы документов уделяли особое внимание недостаткам планирования, конфликтам, перспективным рекомендациям. Часто эти источники содержат полные тексты или выдержки публичных выступлений ведущих и рядовых послдов культурной дипломатии, в которых отражены ключевые риторические фигуры «совместной» исторической памяти. Материалы периодики, в частности газет ГДР, позволяют зарегистрировать периодичность и частотность упоминания определенных событий прошлого и контексты современности, в которые они помещались. Информативны для реконструкции процессов формирования совместной памяти в социалистическом лагере туристические путеводители, их текстовый и визуальный материал не только «отражает, что в конкретные периоды считалось особенным, обыденным и чуждым», и тем самым «обуславливает восприятие путешественника»¹¹, но и может быть проанализирован как средство формирования общих мест памяти. Структура советских путеводителей по социалистическим странам, выпущенных Главным управлением по иностранному туризму при Совмине СССР

⁹ Попов 2011 (а); 2011 (б).

¹⁰ Richers 2016. S. 237–265.

¹¹ Görlich 2007. S. 408–421.

в конце 1970-х гг., выстраивалась по принципу описания отдельных городов, практически идентичный текст переходил из издания в издание и дополнялся в зависимости от каких-либо значимых событий или изменений численности населения¹². Можно предположить, что, выделяя конкретные точки в неизвестном пока ландшафте, составители брошюр определяли, что останется в памяти посетителя, какие образы и идеологически нагруженные послания он увезет с собой на родину и, возможно, передаст в рассказах и визуальных образах (фотографиях) своему окружению. Весьма вероятно, что путеводители изучались и теми лицами, которые по каким-то причинам не поехали в путешествие, но тем не менее совершили своеобразный «умозрительный тур», запечатлев на эмоциональном и визуальном уровне определенные места памяти, связанные с конкретной страной.

Управляемый мемориальный нарратив:

коммуникативная память в публичных пространствах соцлагеря

Пространство коммуникации вокруг подлежавшего конструированию совместного прошлого формировали многочисленные государственные и квазиобщественные институции: партийные органы разного уровня, постоянно действующие академические структуры и временные международные исследовательские группы, интернациональные комиссии по ревизии школьных учебников¹³, общества дружбы и курирующие их органы (Всероссийское общество культурных связей с зарубежными странами, Союз советских обществ дружбы), комитеты ветеранов. Свой вклад в структурирование и символическое наполнение данного поля вносили и неформальные сообщества – участники событий, которые либо встраивались в господствующий нарратив, либо отвергали его. Однозначные и прямолинейные советские концепции далекого и недавнего прошлого, транслируемые на включенные после Второй мировой войны в зону советского влияния восточноевропейские территории, реципировались «принимающими» сторонами не без конфликтов. Противоречия национальных нарративов проявлялись в течение всего периода существования социалистического лагеря не только на уровне обывателей, но и в контролируемых сверху научной и образовательной средах, где регулярно вспыхивали «политически неудобные» диспуты, в которых представители стран народной демократии ставили под сомнение советские подходы к истории в целом и трактовку отдельных событий¹⁴.

¹² Посетите Германскую демократическую республику... № 17029, 17128, 17323; Посетите Югославию... № 17214; Посетите Румынию... № 17329.

¹³ Faure 2015.

¹⁴ Bundesarchiv-Lichterfelde (далее – Barch), DR 3, Nr.3486; Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 28. Д. 483.

Именно массовый опыт поколения, прошедшего Вторую мировую войну, выступал основой управляемой трансграничной коммуникации граждан стран социалистического лагеря. При этом фиксируются не только попытки создать и контролировать сверху безопасное для интеграционных процессов мемориальное пространство, но и индивидуальные претензии на роль послов дружбы и взаимопонимания народов. Старшее советское поколение объясняло свое желание наладить и поддерживать контакты с представителями социалистических стран, в т.ч. бывшими противниками, актуальностью военного опыта, инструментализуя пропагандистские пароли о бремени ответственности за подержание мира: «Я окончил войну в Германии, во время войны спас от смерти немецкую девочку... очень хочется наладить связь с немецкими друзьями и вновь побывать в Берлине – по дорогам боевой славы»¹⁵; «Во время Великой Отечественной войны принимал участие в Дукельской операции, где плечом к плечу сражались с фашистскими захватчиками советские и чехословацкие части... После войны мне пришлось бывать в Чехословакии. Эти поездки укрепили во мне чувство глубокой симпатии к трудолюбивому, скромному и в высшей степени благородному народу дружественной страны... приветствую создание общества дружбы и хочу в него вступить»¹⁶. Встречные инициативы исходили от граждан восточноевропейских стран: бывшие боевые товарищи приглашали друг друга на связанные с победой или освобождением страны публичные мероприятия: «...обращаемся к Вам с просьбой дать разрешение на выезд в ЧССР Степану Г. ...был членом партизанского отряда, который вел борьбу с германскими захватчиками в нашем районе... приглашает Франтишек Ч., член партизанского отряда, которые работает в райисполкоме нашего города... ждут с нетерпением наши жители и готовят ему теплую, сердечную встречу, чтобы хотя бы этим поблагодарить за освобождение нашей Родины советскими людьми и за повседневную помощь при строительстве социализма в нашей стране»¹⁷. Поколение, не затронутое войной, включаясь в процесс иницилируемой сверху внутриблоковой коммуникации, усваивало транслируемые сверху коды советского миролюбия¹⁸: «Россия и Германия много раз встречались на поле брани, но теперь эти времена прошли, теперь мы встречаемся на поле мирного труда. Но еще живет в сердцах людей

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р9576. Оп. 4. Д. 288. Л. 9. 14.11.1966.

¹⁶ Данное письмо является типичным для массового потока просьб о вступлении в организуемые общества дружбы с социалистическими странами. См., напр.: ГАРФ. Ф. Р9576. Оп. 4. Д. 38.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р9518. Оп. 1а. Д. 18. Л. 135. Письмо из Чехии. 3.3.1959.

¹⁸ Об усвоении паролей интернационализма и пацифизма в более поздний период и о сохранении их действенности в постсоветское время см.: Орлова 2007.

какое-то недоверие, посеянное многолетней враждой, и рассеять это недоверие – благородная задача общества»¹⁹.

Поощряя подобные инициативы снизу, ответственные органы не оставляли публичное пространство без контроля. Идеальным видением организации переписки с представителями социалистических стран со стороны властных структур являлось централизованное распределение адресов среди советских граждан, семейный характер коммуникации (в случае переписки детей, родители также мотивировались к отправке писем зарубежным друзьям), регулярное информирование о характере письменных контактов («в ходе переписки просим держать нас в курсе дела»²⁰). Нежелательный для установленных мемориальных рамок характер контактов подвергался настоящей коррекции: к примеру, на просьбу школьного КИД в Куйбышевской области предоставить адрес польской организации бывших узников лагеря Бухенвальд-Дора, обществу дружбы в Москве откликнулось однозначной рекомендацией «создавать в школе музей сопротивления, а не клуб бывших узников Бухенвальда» и готовностью выслать «нужные для этого материалы»²¹. Напротив, позитивно была оценена деятельность учащихся ростовской школы, наладивших контакты с заключенным Бухенвальда из г. Ворбис, позиционированным в ГДР как «пламенный антифашист»²².

Взаимные интересы институций, коллективных и индивидуальных акторов, действовавших в символическом поле внутриблоковой мемориальной дипломатии, прослеживаются на типичном примере контактов учебного коллектива эрфуртского универмага и матери известной советской партизанки Зои Космодемьянской. Если представители Восточной Германии использовали имя и образ признанной героини для участия в соревновании между учебными комбинатами (они одержали в нем победу)²³, то Л. Космодемьянская благодаря подобному интересу превратилась в значимую медийную фигуру социалистического лагеря, активно участвуя в работе интернациональных общественных структур и используя символический капитал дочери в рамках публичных мероприятий. Через принятие транслируемых сверху элементов социалистического метарассказа и «корректирование» индивидуальных воспоминаний представители старших поколений получали возможность сохранять значимые социальные позиции. Так, например, в 1967 г. «Берлинская газета» чествовала как знаковую фигуру

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 22а. Л. 112. Москва 21.2.1958. Письмо К. Федину.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 288. Л. 9. 14.11.1966

²¹ ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 288. Л.80-82. 24.1.1967. Школа-интернат Куйбышевской области...

²² ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 288. Л. 125. 19.9.1966.

²³ ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 12. Л. 37. Космодемьянской Л.Т. Эрфурт. 22.11.1957.

Якоба В., рядового участника рабочих стачек в Берлине, праздновавшего свое 75-летие одновременно с юбилеем Октябрьской революции и вспоминавшего воодушевление своих товарищей при получении известий о событиях в России, а также выражаемое уже тогда признание безусловного лидерства большевиков в деле революционной борьбы²⁴. В данном случае мы явно наблюдаем коррекцию индивидуальных воспоминаний под влиянием господствующего дискурса.

***Время побежденного: вина и покаяние
во внешнеполитических репрезентациях ГДР***

Образы коллективной вины немцев за последствия Второй мировой войны и нанесенный Советскому Союзу хозяйственный и демографический ущерб превратились в один из основных инструментов пропаганды Советского Союза (в ранний период – культа вождя) в Восточной Германии. Пространства внутриблоковой коммуникации свидетельствуют не столько об одномоментном освобождении, сколько о культивировании чувства вины и его компенсации через публичное покаяние, особенно в тех сообществах, которые имели опыт непосредственного общения с гражданами социалистических стран. Таковы, к примеру, установки восточногерманских органов в адрес первых студентов, отправляемых в вузы СССР: «Вы должны помнить, что вы – представители ГДР за границей. Представители Германии в той стране, в которой мы от широких народных масс не можем ожидать хорошего мнения о немцах, ибо мы должны всегда помнить о том, что Германия начала вторую мировую войну... Мы не можем отговариваться, что это были фашисты. Для обычного человека это были немцы». Предлагая студентам пропагандировать лучшие образцы «национального культурного наследия» и позитивные образы исторического прошлого, партийные идеологи, тем не менее, осознавали сложность стоящей перед студентами задачи по изменению образа врага в сознании советского населения: «...Вы едете в дружественную страну как немецкие студенты, как представители немецкого народа, как представители Германии Гете и Шиллера, Маркса и Энгельса, Эрнста Тельмана и Вильгельма Пика. Но вы едете в эту страну и как представители народа, который следовал за гитлеровским фашизмом до развалин в Берлине, который до этого превратил в прах и пепел цветущие города Сталинград, Киев, Варшаву...»²⁵. На корректировку восприятия немцев в странах Восточной Европы было нацелено огромное количество публичных мероприятий, проводимых студентами из ГДР (докладов, выставок, радио- и телепередач). Тем не менее, прилагаемые усилия далеко не сразу дали

²⁴ Berliner Zeitung. 13. Jan. 1967. S. 9. <http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/ddr-presse/ergebnisanzeige/?purl=SNP26120215-19670113-0-9-336-0>

²⁵ Barch, DR 3, Schicht I, 460, Festrede eines Regierungsvertreters bei dem Abschlussfeier der ABF 1954/55.

должный эффект: в странах Восточной Европы члены ГДР-овских делегаций подвергались нападкам и даже избиениям, в провинциальных советских городах студентов отказывались обслуживать в предприятиях общепита как «фашистов».

О том, что посольство ГДР в Москве ревностно следило за позиционированием своего государства в социалистическом лагере как единственного центра немецкого антифашизма и пыталось пресекать любые отклонения, свидетельствуют многие факты, к примеру, протест против наименования студентов ГДР в советских вузах негативно нагруженным в национал-социалистический период понятием «землячество», а также указание советским органам на возможную ошибку в планируемом в 1961 г. к печати сборнике сатирических стихов Ю. Благова «Между нами говоря». Советник посольства ссылался на полученную им информацию о том, что «в одном из стихотворений... припев взят из припева гитлеровской песни... восклицания, которые в стихотворениях приписываются спортсменам ГДР, были характерны для поведения фашистов на гитлеровских сборищах»²⁶, и настоятельно просил внести необходимые коррективы в публикацию.

Дискурс вины восточных немцев и образ разрушительных последствий войны использовался во внутриблоковом публичном пространстве для ответа на критические замечания визитеров в СССР о низком жизненном уровне населения и состоянии инфраструктуры. После июньских протестов 1953 г. в Восточной Германии именно данный образ употреблялся в целях восстановления доминирующего статуса СССР, поставленного населением Берлина под сомнение. При этом он транслировался именно через низовых послов культурной дипломатии. Так, советский рабочий-передовик, посещавший предприятия Восточного Берлина в составе одной из многих рабочих делегаций, которые массово и в срочном порядке организовал ВОКС летом 1953 г., заявил: «Немецкие рабочие должны знать, с какими трудностями столкнулись мы после навязанной нам Второй мировой войны, когда нам пришлось залечивать тяжелые раны, возрождать буквально из пепла и руин тысячи заводов, городов и сел, разрушенных гитлеровскими фашистами. Если бы не война, советский народ ушел бы теперь далеко вперед»²⁷.

На международных мероприятиях, имевших общеклассовое медийное значение, ведущие культурные деятели ГДР в обязательном порядке использовали риторику покаяния, пытаясь при этом компенсировать нацистское прошлое позитивным вкладом немецкой классики в мировую культуру. В речи писательницы А. Зегерс, которой была

²⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 136. Л. 102. Запись беседы с советником посольства ГДР Шнейдером. 19.6.1961.

²⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 2. Л. 95-100. Выступления советских рабочих делегаций, выезжающих в ГДР.

предоставлена честь выступления в Москве в 1959 г. при вручении Н. Хрущеву Ленинской премии мира, данные риторические фигуры проявляются достаточно иллюстративно: «...Я обращаюсь к Вам на языке, на котором отдавались преступные приказы, распространялась ложь, клевета и измышления. Но в то же время — это язык Маркса, Гете, Гейне, язык разума и любви к человеку...»²⁸. Уже само включение выступления представителей восточногерманской интеллигенции в тщательно инсценированный спектакль наряду с речами делегатов дружественных капиталистических стран (Франции) и не примкнувших к военным блокам бывших колоний (Индия), несомненно, является отражением советских усилий по поддержанию нужного имиджа ГДР внутри социалистического лагеря.

***Конструирование и поддержание общих мест памяти:
юбилей и мемориалы***

Иницируемая советской стороной ритуализация избранных событий прошлого становилась поводом для «праздничной мобилизации общности» (М. Рольф)²⁹ в целях поддержания внутриблоковой идентичности. Стремясь к нивелированию разности исторического пути стран соцлагеря, заглушевыванию вековых и недавних конфликтов между отдельными государствами, нарратив общеплоковой публичной истории базировался на трех ключевых мемориальных «брендах»: Октябрьской революции, Второй мировой войне и истории успеха социалистической интеграции. При этом в отношении отдельных стран эти мемориальные рамки наполнялись различным содержанием.

По мере отдаления Октябрьской революции – ключевого события, сформировавшего социалистическую исключительность и раскол мира на два лагеря, память о ней привязывалась и к объектам, олицетворявшим разные достижения социализма (СССР) – победу во Второй мировой войне, освоение космоса, крупнейшие индустриальные стройки. Важно подчеркнуть, что актуализация памяти о революции носила ярко выраженный юбилейный характер. В целом, к круглым датам было принято обмениваться приветственными посланиями между предприятиями-партнерами, городами-побратимами социалистических стран. Всероссийское общество культурных связей с заграницей старалось следить за взаимностью подобных обменов, ссылаясь в инструкторных письмах на излишнюю чувствительность зарубежных партнеров к отсутствию внимания и необходимость отправления им благодарностей за присланные поздравительные адреса, символические подарки, коллективные письма³⁰.

²⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 21. Л. 128. Речь Зегерс при вручении премии мира Хрущеву. Май 1959 г.

²⁹ Leere 2016. S. 83–109.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р9576. Оп. 4. Д. 12. Л. 44.

О влиянии круглых дат на коммеморативную активность свидетельствует, например, статистика упоминаний понятия Октябрьская революция в прессе ГДР: если в 1946 г. оно встречалось в газетных статьях лишь 81 раз, то уже в 1947 г. мы найдем 279 упоминаний, в 1957 г. – 1970, в 1967 г. – 4566, в 1977 г. – 4524. И лишь в период максимального перестроенного охлаждения отношений с Советским Союзом, в 1987 г., наблюдается среднегодовое число публикаций в неюбилейные года в несколько раз. В случае Восточной Германии актуализация образа революции служила поводом продемонстрировать поддержку, оказываемую советской стороной для достижения равноправных позиций ГДР на международной арене.

Юбилеи революции становились поводом для продвижения сопутствующего мемориального бренда – образа Ленина. В дни празднования 50-й годовщины Октября в Праге была открыта не только новая экспозиция музея Ленина, но и широко освещалось в прессе присвоение одному из новых проспектов чехословацкой столицы имени вождя мировой революции³². К 100-летию Ленина, которое праздновало в 1970 г. «все прогрессивное человечество», в ГДР по проекту советского скульптора Томского был возведен монументальный памятник, превращенный в одну из ключевых туристических достопримечательностей Восточного Берлина.

В качестве дополнительного связующего звена в истории СССР и Восточной Германии использовался образ общих социал-демократических корней рабочего движения и международного характера революционных событий. В текстах путеводителей для советских туристов в качестве важных достопримечательностей отмечались города, связанные с основателями марксизма, редакция «Искры» в Лейпциге, место основания СДПГ в Эйзенахе. Любопытно, что подчеркивание общих корней социалистической идеологии привело к неоднозначному эффекту, а именно к попытке «присвоения» немецкой стороной права приоритетного использования марксистских истоков.

В ситуации кризисов социалистического лагеря инструментализация мемориальных образов приобретала ярко выраженный политический характер. Так в Венгрии, где после жестокого подавления восстания 1956 г. пропаганда любых советских символов была обречена на провал, к 40-летию Октябрьской революции советская сторона планировала создать фильм о роли венгерских военнопленных в революционных событиях³³ и апеллировать тем самым не только к совместному

³¹Суммировано по данным каталога «Пресса ГДР». <http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/ddr-presse>

³² ГАРФ. Ф. Р9576. Оп. 4. Д. 298. Л.15.

³³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 505. Л. 162. Посольство СССР в Венгрии. 24.1.1957.

историческому прошлому, но и к причастности венгров к сотворению социалистического проекта. Тогда же планировалось безвозмездно передать ряд исторических ценностей: архивных документов, памятников культуры³⁴ и широко осветить эти мероприятия в местной прессе.

Образ СССР как хранителя исторического наследия восточноевропейских стран использовался впоследствии достаточно интенсивно и эффективно. Так, в мероприятиях, посвященных 20-й годовщине освобождения от фашизма, в Германию выезжали московские художники, участвовавшие в спасении Дрезденской картинной галереи. Встречи с немецкой публикой, где подробно освещался ход работ по сохранению шедевров, проходили на базе персональной выставки художников³⁵. В подобном сочетании советская живопись, обычно неоднозначно воспринимаемая в странах Восточной Европы за консерватизм и приверженность канонам соцреализма, пользовалась большим успехом.

С усложнением медийной среды соцлагеря набор event-инструментов с течением времени становился более разнообразным, этому способствовало и развитие средств массовой информации: в памятные мероприятия все чаще включались массовые зрелищные эффекты, например, набиравшие популярность элементы спортивных состязаний. К юбилею Октябрьской революции в 1967 г. планировались встречи спортсменов СССР и ГДР в 30-ти видах спорта³⁶, которые активно освещались в прессе. В рамках празднования 25-й годовщины одного из сражений на территории УССР, в котором вместе с советской армией участие принимало чехословацкое военное подразделение, был организован марафонский забег по территории трех соседних стран: Советского Союза, Польши, Чехословакии. Масштаб и политическое значение мероприятия, которое рассматривалось советской стороной как «новая форма пропаганды Советского Союза в ЧССР», подчеркивались участием в финальных мероприятиях ведущих деятелей Чехословакии, включая президента страны Людвика Свободу³⁷.

Одно из центральных мест во внутриблоковой мемориальной дипломатии занимала память о недавно завершившейся войне, ибо именно этот образ позволял закреплять совместный характер исторического прошлого и решающую роль в нем Советского Союза. Все без исключения путеводители по ГДР включали описание памятника в Трептове, и фотографии мемориала на первых страницах изданий. Кроме того, туристам рекомендовалось посетить дворец Цецилиенхоф, где состоя-

³⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 504. Л. 17.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-9518. Оп. 1а. Д. 37. Л. 206. В ГККС от Союза художников. Отчет за 1965 г.

³⁶ Neues Deutschland. 1. Jan. 1967. S. 8.

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 298. Л. 74. Из дневника Журавлева Ю.Н. Запись беседы с главным редактором журнала ЦК КПЧ «Цветы». 6.2.1968 г.

лась Потсдамская конференция, место подписания договора о безоговорочной капитуляции Карлсхорст, Бухенвальд, Равенсбрюк, Заксенхаузен. Несмотря на максимальную сжатость текстов про отдельные города, в описании Дрездена особым сюжетом стали бомбардировки города западной авиацией, а также спасение памятников Дрезденской картинной галереи советской армией и последовавшая передача их правительству ГДР. По понятным причинам в меньшей степени совместные места памяти о войне использовались в путеводителях по Югославии. Однако и здесь Вторая мировая война оставалась ключевым объединяющим моментом: в изданиях 1970-х гг. в первую очередь упомянуто мемориальное кладбище освободителей Белграда – «место, где захоронено более 2000 советских солдат и офицеров и бойцов Народно-освободительной армии Югославии, отдавших свою жизнь за освобождение Белграда во время второй мировой войны...»³⁸.

В связи с огромным числом братских могил павших в минувшую войну во всех восточноевропейских странах, они также инструментализировались как совместные места памяти, вокруг которых складывалась своя ритуальная традиция, позволяющая регулярно мобилизовать общественность. К примеру, в феврале 1968 г. в Москве состоялся митинг в честь установления на братской могиле советских воинов на Преображенском кладбище урны с землей, взятой с мест боев за г. Познань и присланной для этой цели представителями польского городского самоуправления. В ответ исполком Моссовета направил в адрес городских властей г. Познани урну с землей, взятой с братской могилы советских воинов, для торжественного захоронения в польском парке братства по оружию³⁹. Постоянной активизации мест памяти служили не только организованные туристические экскурсии, но и элементы «детской дипломатии»: посещающие международные лагеря социалистических стран детские и молодежные делегации совершали обязательные визиты к памятникам советским воинам, часто вместе с местной партийной делегацией и общественностью, что становилось важным информационным поводом и отражалось в местной прессе⁴⁰.

Изданные в соцстранах путеводители для советских туристов, иногда нарушавшие популярные рамки «городского принципа» построения и структурированные вокруг тематических пунктов, позволяют проанализировать, насколько востребованным оказывалось советское видение совместных мест памяти. Пункты «светлая память», «навечно в памяти», «памятные места» в восточногерманских путеводителях содержат практически тот же обязательный перечень револю-

³⁸ Посетите Югославию... № 17214.

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 19. Д. 36. Л. 99.

⁴⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 364. Л. 66. Отчет о поездке группы советских пионеров в Болгарию в международный пионерский лагерь. 17.9.1955.

ционных и военных мемориалов⁴¹, центральное место в них занимал Трептов-парк, и даже однодневное посещение Берлина западными туристами включало советский мемориал как обязательный пункт посещения⁴². Вторая мировая война, роль советской армии как освободительницы, связь с социалистическими странами выступают ключевыми пунктами в путеводителях по Болгарии, здесь был удачно использован и еще один позитивный интеграционный мемориальный символ – роль русской армии в освобождении страны от турецкого ига⁴³.

Сравнение путеводителей разных лет и выявление дополнений к практически идентичным текстам позволяет выделить новые мемориальные послания, нацеленные на формирование общеблоковой идентичности. Относительно недавнее прошлое также играло значимую роль в создании нарратива социалистической интеграции – проекты эпохи социализма занимали равное, если не приоритетное место с описанием памятников средневековой культуры, с их помощью конструировался образ братских отношений стран-соседей, затушевывались существовавшие противоречия (например, дискуссия о послевоенных границах Польши и ГДР). После 1978 г. в путеводителях по Восточной Германии появилась вставка о полете в космос международного экипажа В. Быковского (СССР) и З. Йена (ГДР). Подчеркивалось, что «запуск, осуществленный в период подготовки к историческому событию – 30-летию образования первого немецкого социалистического государства, является еще одним ярким примером дальнейшего укрепления братской дружбы и тесного сотрудничества между народами СССР и ГДР»⁴⁴. Аналогичное дополнение с идентичной формулировкой про «дружбу и сотрудничество» появилось и в путеводителях по Румынии после запуска в 1981 г. совместного экипажа Л. Попова и Д. Прунариу⁴⁵. По мнению Ю. Рихерс, именно тема советских космических достижений, отраженная в том числе в потребительской культуре, моде, эстетике, была воспринята во всем мире, а для государств Варшавского договора превратилась в трансграничный «социальный цемент»⁴⁶. Изучение путеводителей позволяет развить этот тезис – приобщение к советским космическим достижениям представителей братских социалистических стран создавало эмоционально заряженные и разделяемые совместные места общеблоковой памяти, которые могли быть восприняты как интеграционное предложение всеми социальными, возрастными и гендерными группами.

⁴¹ Берлин, столица ГДР... Б.м., б.г.

⁴² Görlich S. 408-421.

⁴³ Болгария... Б.м., б.г.

⁴⁴ Посетите Германскую демократическую республику. № 17323.

⁴⁵ Посетите Румынию № 17329.

⁴⁶ Richers 2016.

Таким образом, использование исторической памяти в целях инсценирования общей социалистической идентичности превратилось в сферу приложения постоянных усилий советской культурной дипломатии, которые, с одной стороны, оставались спорадическими и несистемными, не сумев полностью снять существовавших мемориальных конфликтов, с другой, имели определенный временный, а иногда и долгосрочный эффект. Интенсивность обращения к представляемым в качестве общих «местам памяти» (среди них выделялись Октябрьская революция, Вторая мировая война и история социалистической интеграции) стремительно повышалась в годы юбилеев отдельных событий и лиц, росла в ситуациях кризисов восточного блока. Успехи внутриблоковой интеграции (совместные полеты в космос, реализация крупных проектов) представлялись как логическое продолжение заложенных революцией и отвоєванных в ходе войны социалистических основ, обеспечивая континуитет развития восточноевропейских стран.

При этом, вокруг создававшихся в социалистических странах мемориалов целенаправленно имитировалась постоянная общественная активность: они включались в туристические маршруты, праздничные мероприятия, программы визитов. С развитием медийной среды социалистического лагеря эволюционировали и инструменты «мемориальной дипломатии»: постепенно все явственнее становились попытки достичь эффекта массовости и зрелищности. Возникавшие под влиянием пропагандистских паролей об интернационализме, антифашизме и миролюбии социалистического лагеря общественные инициативы по установлению трансграничных контактов прямо или косвенно корректировались ответственными органами, в т.ч. через предоставление необходимых материалов и ресурсов. Исследование подтверждает взаимовыгодное использование одобренных сверху мемориальных нарративов отдельными акторами (носителями конкретного исторического опыта) для приобретения или сохранения символического капитала.

Важно констатировать, что инструменты мемориальной дипломатии нередко переходили из символического поля в другие поля: к примеру, плакаты с изображениями событий освобождения Красной Армией конкретной страны от оккупации размещались в советских выставочных павильонах в социалистических странах⁴⁷. Предваряя саму экспозицию достижений народного хозяйства СССР, они должны были способствовать созданию у посетителей правильного эмоционального фона для позитивного восприятия советских достижений, экспонирующихся в данный момент; подчеркивать разницу между картинами послевоенных разрушений и изобилия «на социалистический лад».

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-9518. Оп. 1а. Д. 36. Л. 135; Ф. Р-9518. Оп. 1а. Д. 33. Л. 21.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Берлин, столица ГДР. Reisebuero der DDR; Поездки Дружбы. Германская демократическая республика. Reisebuero der DDR. Б.м., б.г.
- Болгария. Государственный комитет по туризму НР Болгарии. Б.м., б.г.
- Карл Л. "О героях и людях..." Советское кино о войне: взгляд из ГДР. М., 2011.
- Нагорная О. «Поколение» и «память» в транснациональном пространстве советских вузов: восточногерманские студенты в СССР // «Работа над прошлым»: XX век в коммуникации и памяти послевоенных поколений Германии и России: сборник статей / под ред. О. С. Нагорной и др. Челябинск, 2014. С. 200–210.
- Орлова Г. "Трактор в поле дыр-дыр-дыр, / Все мы боремся за мир": советское миролюбие в брежневскую эпоху // Неприкосновенный запас. 2007. № 4 (54). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/or6.html>.
- Попов А. «Памятник горя, мучений и борьбы...»: мемориальный комплекс Бухенвальд и советский дискурс исторической памяти // Гелея. 2011 (а). Вып. 55. С. 149–155.
- Попов А. Д. Народная республика Болгария как объект зарубежного (выездного) туризма советских граждан // Дриновский збірник. 2011 (б). Т. IV. С. 302–309.
- Посетите Германскую демократическую республику. Главное управление по иностранному туризму при Совете Министров СССР. Внешторгиздат № 17029, 17128, 17323. Б.м., б.г.
- Посетите Румынию. Главное управление по иностранному туризму при Совете Министров СССР. Внешторгиздат № 17329. Б.м., б.г.
- Посетите Югославию. Главное управление по иностранному туризму при Совете Министров СССР. Внешторгиздат № 17214. Б.м., б.г.
- Тихомиров А. «Лучший друг немецкого народа»: культ Сталина в Восточной Германии (1945–1961 гг.). М., 2014.
- Boskovska N., Strobel A., Ursprung D. (Hg.). "Entwickelter Sozialismus" in Osteuropa. Arbeit, Konsum und Öffentlichkeit, Berlin 2016.
- David-Fox M. Crossing borders. Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union. Pittsburgh Press 2015.
- Dietrich Chr. Die Erfahrung in Stalingrad und das friedliche Kriegsende. Das Narrativ von der Lehre aus der Vergangenheit in Rudolf Petershagens autobiographisches Roman „Gewissen im Aufruhr“ // Gedächtnis und Gewalt. Nationale und transnationale Erinnerungsräume im östlichen Europa, Schoor K., Schüler-Springorum (Hg.). Göttingen, 2016. S. 67–83.
- Faure R. Netzwerke der Kulturdiplomatie. Die internationale Schulbuchrevision in Europa, 1945–1989. Berlin / München / Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2015.
- Görlich Chr. Berlin, die geteilte Stadt: Ein Topos in deutschen Reiseführern des 20. Jahrhunderts // Zeithistorische Forschungen/Studies in Contemporary History 4 (2007), S. 408–421.
- Richers Ju. Die Ambivalenz der sechziger Jahre: Ungarn zwischen Repression und „Gulaschkommunismus“ // Boskovska, Strobel, Ursprung 2016. S. 237–265.
- Rolf M. Leere „Räume des Jubels“: Zur Erosion der Kampagneöffentlichkeit in der späten Sowjetunion // Boskovska, Strobel, Ursprung 2016. S. 83–109.
- Rowell J. Socio-Historie der Herrschaft. Einführung // Die ostdeutsche Gesellschaft. Eine transnationale Perspektive / S. Kott, E. Droit (Hg.). Berlin, 2007. S. 26–34.
- Satjukow S. Zeitzeugen "der ersten Stunde". Erinnerungen an den Nationalsozialismus in der DDR // Sabrow M., Frei N. (Hg.) Die Geburt der Zeitzeugen nach 1945. Berlin 2012. S. 220–22.
- Stoever B. Der Kalte Krieg. Geschichte eines radikalen Zeitalters 1947–1991. München, 2007.

REFERENCES

- Berlin, stolitsa GDR. Reisebuero der DDR; Pоеzdki Druzhyby. Germanskaya demokraticeskaya respublika. Reisebuero der DDR. B.m., b.g.
- Bolgariya. Gosudarstvennyy komitet po turizmu NR Bolgarii. B.m., b.g.
- Karl L. "O geroyakh i lyudyakh..." Sovetskoe kino o voyne: vzglyad iz GDR. M., 2011.
- Nagornaya O. «Pokolenie» i «pamyat'» v transnatsional'nom prostranstve sovetskikh vuzov: vostochnogermskie studenty v SSSR // «Rabota nad proshlym»: XX vek v kommunikatsii i pamyati poslevoennykh pokoleniy Germanii i Rossii : sbornik statey / pod red. O. S. Nagornoy i dr. Chelyabinsk, 2014. S. 200–210.

- Orlova G. "Traktor v pole dyr-dyr-dyr, / Vse my boremsya za mir": sovetskoe mirolyubie v brezhnevskuyu epokhu // Neprikosnovennyi zapas. 2007. №4 (54). <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/or6.html>.
- Popov A. «Pamyatnik gorya, mucheniy i bor'by...»: memorial'nyy kompleks Bukhenval'd i sovetskij diskurs istoricheskoy pamyati // Geleya. Vyp. 55. 2011 (a). S. 149–155.
- Popov A.D. Narodnaya respublika Bolgariya kak ob'ekt zarubezhnogo (vyezdnogo) turizma sovetskikh grazhdan // Drinovskiy zbornik. 2011 (6). T. IV. S. 302–309.
- Posetite Germanskuyu demokraticheskuyu respubliku. Glavnoe upravlenie po inostrannomu turizmu pri Sovete Ministrov SSSR. Vneshtorgizdat № 17029, 17128, 17323. B.m., b.g.;
- Posetite Rumyniyu Glavnoe upravlenie po inostrannomu turizmu pri Sovete Ministrov SSSR. Vneshtorgizdat № 17329. B.m., b.g.
- Posetite Yugoslaviyu. Glavnoe upravlenie po inostrannomu turizmu pri Sovete Ministrov SSSR. Vneshtorgizdat № 17214. B.m., b.g.
- Tikhomirov A. «Luchshiy drug nemetskogo naroda»: kul't Stalina v Vostochnoy Germanii (1945-1961 gg.). M., 2014.
- Boskovska N., Strobel A., Ursprung D. (Hg.). "Entwickelter Sozialismus" in Osteuropa. Arbeit, Konsum und Öffentlichkeit, Berlin 2016.
- David-Fox M. Crossing borders. Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union. Pittsburgh Press 2015.
- Dietrich Chr. Die Erfahrung in Stalingrad und das friedliche Kriegsende. Das Narrativ von der Lehre aus der Vergangenheit in Rudolf Petershagens autobiographisches Roman „Gewissen in Aufruhr“ // Gedächtnis und Gewalt. Nationale und transnationale Erinnerungsräume im östlichen Europa, Schoor K., Schüler-Springorum (Hg.). Göttingen, 2016. S. 67–83.
- Faure R. Netzwerke der Kulturdiplomatie. Die internationale Schulbuchrevision in Europa, 1945-1989. Berlin / München / Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2015.
- Görlich Chr. Berlin, die geteilte Stadt: Ein Topos in deutschen Reiseführern des 20. Jahrhunderts // Zeithistorische Forschungen/Studies in Contemporary History 4 (2007), S. 408–421.
- Richers Ju. Die Ambivalenz der sechziger Jahre: Ungarn zwischen Repression und „Gulaskommunismus“ // Boskovska, Strobel, Ursprung 2016. S. 237–265. S. 237–265.
- Rolf M. Leere „Räume des Jubels“: Zur Erosion der Kampagneöffentlichkeit in der späten Sowjetunion // Boskovska, Strobel, Ursprung 2016. S. 83–109.
- Rowell J. Socio-Historie der Herrschaft. Einfuehrung // Die ostdeutsche Gesellschaft. Eine transnationale Perspektive / S. Kott, E. Droit (Hg.). Berlin, 2007. S. 26–34.
- Satjukow S. Zeitzeugen "der ersten Stunde". Erinnerungen an den Nationalsozialismus in der DDR // Sabrow M., Frei N. (Hg.) Die Geburt der Zeitzeugen nach 1945. Berlin 2012. S. 220–22.
- Stoeber V. Der Kalte Krieg. Geschichte eines radikalen Zeitalters 1947–1991. München, 2007.

Нагорная Оксана Сергеевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского государственного университета; nagornja.oxana@mail.ru

**"If it was not for the war, the Soviet people would now go far ahead..."
Soviet memorial diplomacy in the socialist camp (1949-1989)**

The article examines one of the areas of postwar Soviet cultural diplomacy in the East European countries. This area conditionally called by the author as "a memorial diplomacy". In the center of the research are the construction and use of the historical memory to form bloc-identity, to influence on international relations, to overcome the differences in views on the events of the past. The text analyzed the communicative processes around the historical narratives in the socialist camp, as well as commemorative rhetoric, festive rituals, memorials.

Keywords: transnational history, socialist camp, cultural diplomacy, cultural diplomacy, international relations, eastern bloc

Oksana Nagornaya, PhD., South Ural State University (Chelyabinsk), head of the research project "Soviet cultural diplomacy during the Cold War", performed by a grant from the Russian Science Foundation, project Nr. 16-18-10213, nagornja.oxana@mail.ru

А.А. ЛИНЧЕНКО, А.Г. ИВАНОВ

**«ЖИВИТЕ ТЫЩУ ЛЕТ, ТОВАРИЩ СТАЛИН...»
ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФОЛОГИИ ОБРАЗОВ И. В. СТАЛИНА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ¹**

В статье рассматривается эволюция мифологии образов Сталина в российской исторической памяти в 2000-е гг. Образы Сталина анализируются в контексте трансформации мифов о герое. Метаморфозы мифологемы «Сталин» осмысливаются в контексте трех базовых аспектов анализа исторической памяти: как информационно-коммуникационной системы, как институциональной системы, как системы общественных ценностей и идентичностей. Отдельное внимание уделяется фрагментаризации, рационализации и коммерциализации образов Сталина в политическом, религиозном и экономическом контекстах. Показана роль мифологии Победы и памяти о Великой Отечественной войне в реактуализации образов Сталина.

Ключевые слова: историческая память, социальная мифология, И. Сталин, историческая идентичность

«Живите тыщу лет, товарищ Сталин,
И пусть в тайге придется сдохнуть мне,
Я верю – будет чугуна и стали
На душу населения вполне!»

Ю. Алешковский

Май 2015 года выдался в городе Липецке жарким и солнечным. Однако готовящиеся мероприятия по празднованию юбилея Дня Победы были омрачены нашумевшим на всю Россию осквернением памятника Сталину в ночь с 8 на 9 мая. И несмотря на то, что и не памятник это был, а бюст, и что установлен он был по инициативе местных коммунистов, а не властей – общественный резонанс событию, а заодно и очередной актуализации споров вокруг личности «вождя всех времен и народов», был обеспечен. Впрочем, в мае 2016 года, липчане опять удивили страну. На лобовом стекле одного из частных маршрутных автобусов почти неделю висел портрет генералиссимуса Сталина, окруженный георгиевской ленточкой. События эти можно было бы посчитать частным делом провинциального города в Центральной России, если бы не более широкий общероссийский контекст, в котором фигура Сталина, а вернее его мифологизированные образы приобретают все большую популярность. Однако насколько

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке грантов РФФИ № 16-33-01019 «Государственная политика памяти в Российской Федерации: философские основания и стратегии реализации» и № 15-33-01003 «Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности».

это распространенное утверждение можно считать верным применительно ко всему пространству современной российской исторической памяти? Какие метаморфозы претерпела мифология образов И.В. Сталина в период с 2000 по 2015 г.? Наконец, насколько мифология образа Сталина подвержена сегодня процессам фрагментаризации, рационализации и коммерциализации?

Социальная мифология сегодня

Тема мифологизации образов Сталина уже неоднократно рассматривалась в отечественной и зарубежной литературе. Более того, по своему масштабу, тема осмысления сталинизма продолжает оставаться одним из тех наиболее важных исследовательских полей, посредством которых современное российское общество могло бы двигаться по пути развития гражданского общества, преодоления «имперского синдрома», формирования нового общественного самосознания. И вместе с тем, исследователи обращали внимание преимущественно на отдельные стороны мифологизации образов вождя², рассматривали данную проблему на примере трансформации ценностей массового исторического сознания³ или исторической политики в России⁴.

Сразу оговоримся, что из всего богатейшего наследия исследований мифологии мы будем опираться преимущественно на выводы Ролана Барта, который отмечал, что «...миф представляет собой коммуникативную систему, некоторое сообщение. Отсюда явствует, что это не может быть ни вещь, ни понятие или идея: это форма, способ обозначения... миф ничего не скрывает и ничего не демонстрирует – он деформирует; его тактика – не правда и не ложь, а отклонение»⁵. Если миф вообще замещает действительность в эмоционально-образной форме, то социальный миф, с одной стороны компенсирует недостаток информации о социальной действительности и тем самым неизбежно искажает ее, а с другой стороны – выступает средством согласования и сближения позиций различных компонентов социальной сферы. Можно также сказать, что конструктивное в социальной мифологии есть оборотная сторона деструктивного, а вернее обе стороны постоянно присутствуют в едином процессе мифотворчества или мифологизации. Более того, в каждом конкретном случае исторической мифологии, в каждом институте памяти мы наблюдаем подобную двойственность функции мифологии. При этом дополнительной проблемой является то, что мифология как слово, как форма «миф – система двойная; он как бы вездесущ – где кончается смысл, там сразу начинается миф»⁶.

² Игрицкий 2013.

³ Орлов, Чернышков 2011; Святославский 2012; Римский 2011.

⁴ Smith 2002; Копосов 2011.

⁵ Барт 2014.

⁶ Барт 2014. С. 281-282.

Термин «социальная мифология» также требует прояснения, что связано с его неоднозначными интерпретациями. Известно определение П.С. Гуревича, который считал, что социальная мифология представляет собой «особый тип идеологического сознания»⁷. Согласно другому распространенному определению, «социальная мифология представляет собой феномен идеологической практики, конституировавшийся в зрелом виде в XIX–XX вв. и представляющий собой целенаправленную деятельность по манипулированию массовым сознанием посредством специально сформированных для этой цели социальных мифов. Социальная мифология включает в себя, таким образом, два необходимых компонента: социальное мифотворчество и адаптацию созданных идеологических мифологем в массовом сознании»⁸.

Белорусский исследователь Г.П. Коршунов под социальной мифологией понимает «самоорганизующую систему семантически фиксированных нарративов (описаний должного положения вещей), закрепляющих, транслирующих и описывающих “само собой разумеющиеся” феномены общественного бытия. Эта система функционирует на уровне коллективного сознания главным образом в его повседневном измерении, субъектами воспринимается некритично и функционирует в рамках особой логики. При этом в сознании единичного субъекта социальная мифология представлена фрагментарно»⁹. И.В. Чиндин усматривает в социальной мифологии область, где происходит взаимодействие между повседневной жизнью общества и идеологией, и полагает, что присущая современности социальная мифология представляет собой совокупность мифологем современного массового общества¹⁰. На наш взгляд, социальная мифология в определенной мере присутствует и на идеологическом уровне общественного сознания, и на обыденном. В современной социальной мифологии имеются качественные отличия между повседневной мифологией, представленной на уровне социальной психологии, обыденного сознания, и предельно рационализированной мифологией, содержащейся в идеологических построениях. Назовем эти два уровня, соответственно, «архаическим» и «оперативным». Если первый уровень отражает представления, восходящие к архаике; то второй уровень есть воплощение в мифе результатов целенаправленных разработок, осуществляемых определенными социальными группами – «мифотворцами».

Социальную мифологию можно определить также и как систему представлений о социальной реальности. В сравнении с классическим мифом в социальной мифологии происходит перенос акцентов из сфе-

⁷ Гуревич 1983. С. 6.

⁸ Можейко 2003. С. 637.

⁹ Коршунов 2009. С. 63-64.

¹⁰ Чиндин 2013. С. 158.

ры сверхъестественного в область интерпретации социальных отношений. Особенность социальной мифологии заключается в том, что в ней делается акцент в основном на осмыслении социальной реальности с учетом интересов конкретных социальных групп. В социальной мифологии значительное место занимает идеология, что сближает ее с любой из современных форм общественного сознания и, особенно, с политикой. Таким образом, современная социальная мифология является, прежде всего, мифологией идей, а не реальных вещей. В этом смысле определение социальной мифологии совершенно расходится с пониманием мифологии классической, где идея вещи и сама вещь находились в синкретичном единстве.

Говоря о понятии «мифологема», следует вспомнить о той популярности, которую на Западе сегодня приобрело психоаналитическое изучение мифа. Так, известный юнгианский аналитик Д. Холлис следующим образом определяет мифологема: «Мифологема – это мифическая идея или мотив. Несколько мифологем, соединенных в единое повествование, создают миф»¹¹; и далее – «“Мифологема” – это отдельный фундаментальный элемент или мотив любого мифа. Мотивы вознесения или погружения являются мифологемами. Странствие героя воплощает две мифологема: героя и странствия, каждая из которых имеет свое характерное происхождение и отдельное значение, и вместе с тем, взаимодействуя синергетически, они увеличивают масштабность друг друга»¹². Существуют и другое мнение: «Фактически мифологема – это искусственно сконструированный миф, созданный определенными социальными силами или даже лицами ради определенных социальных целей. Это не значит, что она не опирается на какую-либо значимую историю; это значит, что мифологема создает ремейк истории, этакий голливудский образ, выдавая его за реальную историю»¹³. Такое определение практически ставит знак равенства между мифологемой и идеологемой и обедняет содержание мифологема.

Мифологема, безусловно, является структурной единицей мифа, в том числе она может быть и составляющей социального мифа, социальной мифологии в целом. Однако, как и миф, мифологема заключает в себе известную двойственность: отсылает к фундаментальным, лежащим в основе человеческого мышления, образам, архетипам, и, одновременно представляет собой определенный логически измеряемый, возможно даже искусственно созданный, конструкт. В любом случае, мифологема всегда является компонентом определенной социальной мифологии.

¹¹ Холлис 2010. С. 10.

¹² Холлис 2010. С. 16.

¹³ Пиллюгина 2015. С. 81.

Мифологема «Сталин» в пространстве российской социальной мифологии

Мифологема «Сталин», по крайней мере в пространстве современной российской социальной мифологии, является важнейшей составляющей мифа о герое. Здесь нужно отдельно подчеркнуть значение именно мифа о герое. Дело в том, что в настоящее время можно выделить «глобальные» мифы, являющиеся предметом глубокого философского анализа (миф Просвещения, миф о вечном возвращении, миф о герое). Такие мифы воздействуют на личность и общество как бы на двух уровнях: и на архаическом, и на оперативном; восходят к древней архаике и могут умело использоваться правящей элитой. «Глобальные» мифы повторяются вновь и вновь, оказывая существенное влияние как на развитие человека и общества, так и на их объяснение. Ярким примером «глобального» мифа является миф о герое, представляющий собой неустрашимый, необходимый, преимущественно созидательный компонент общественного развития. Не случайно фигура героя сопровождает процессы мифологизации и мифотворчества в истории общественного развития. Фигуру героя можно и сегодня определить как зеркало мифа и мифологии.

И.М. Суравнева и В.В. Федоров в работе «Феномен героизма» отмечали, что героический миф постоянно порождается архетипом героя, спроецированным в сферу самоорганизации общества. «Героический миф – миф о рождении, смерти и возрождении героя, в котором воплощены чаяния поколений и сплетены высшая форма коллективности и высшая форма индивидуальности – постоянно циркулирует в любом обществе. Это мифы о власти, стоящей на страже Правды, о добром царе-герое или царе-мученике, о герое-избавителе (миф о сильной руке) и пр. Фигура героя является стержневым элементом многих социальных процессов в современном обществе, поскольку является средством представления сути происходящего. В частности, с помощью представлений о герое массам вновь и вновь транслируется духовно-нравственное измерение политики»¹⁴.

В мифе о герое можно четко выделить, с одной стороны, ядро архетипического образа (происхождение героя, качества героя, предназначение героя, взаимодействие героя со сверхъестественными силами, борьба героя с врагами, испытания героя и т.п.), относящегося к «архаическому» уровню социальной мифологии; и, с другой стороны, конкретные коннотации образа героя, продиктованные текущими общественными процессами. В частности, отмечается, что в российском общественном сознании миф о герое имеет ряд поправок, среди которых показательна следующая: «герой – это всегда лидер протеста про-

¹⁴ Суравнева, Федоров 2008. С. 83.

тив бездушной государственной машины, которую он ради общего блага призван победить и подчинить своей воле»¹⁵.

Понимание мифологема «Сталин» как ключевой составляющей «глобального» мифа о герое, во многом объясняет, так сказать, «одиозность» данной мифологема для российского общества. У мифологема «Сталин» – два лица. Одно – официально-культовое, созданное идеологией 1930–1950-х гг., а затем идеологией в эпоху Брежнева. Другое – народные образы вождя. Любопытно, что и официальные, и народные образы вождя по-своему возрождают уже упоминавшийся миф о герое. Мифологема «Сталин» не стоит особняком, она вписана в структуры советской мифологии, восходит к мифу о Ленине, мифу о революции, мифам о стране рабочих и крестьян. Наконец, есть версия об использовании кавказского эпоса. Анализируя имя «Сталин» и образ биографии вождя, преподносимый народу, Михаил Вайскопф пишет о существенном влиянии кавказских традиций и легенд. Проведя параллели между эпическим нарским героем Сосланом и происхождением псевдонима «Сталин», он отметил: «Имя Сталин было идеальным совмещением Сослана со сталью как его психологической и “большевистско-индустриальной сущностью” (и в придачу обладало тем известным преимуществом, что преприказалось с именем основателя большевизма)»¹⁶.

Мифологема «Сталин» претерпевает изменения в контексте общей трансформации российской социальной мифологии. В данном случае, источниками трансформации вне всяких сомнений, выступают радикальные перемены, произошедшие в последней четверти XX и начале XXI в. Крушение Советского Союза, разочарование в демократических переменах, наконец, противоречия политического и социально-экономического развития страны в 2000-е гг. стали источником роста социального пессимизма. Как следствие, неоднократно отмечаемый в литературе рост кризисного сознания, социальных страхов, социальных иллюзий и общественной ностальгии. Причем, последняя, как отмечают многие исследователи, характерна не только для широких масс россиян, но и для политической элиты страны. По меткому замечанию Э. Паина, формирование в современной России новых форм политического порядка можно было бы обозначить термином «империя для себя». Он считает, что «как Советский Союз не рождался империей, а постепенно превращался в нее, так и современная Россия постепенно преобразовывается из несовершенной федерации времен Б. Ельцина в нечто похожее на государство имперского типа <...> Власти России, так же как в свое время советские лидеры, не ставили своей целью воссоздание империи, но она воспроизводится по сути, а не по названию,

¹⁵ Орлов, Чернышков 2011. С.98.

¹⁶ Вайскопф 2002. С.196.

как побочный продукт иных политических задач и стратегий»¹⁷. В своей статье, автор показывает, что несмотря на использование инструментов воспроизводства имперского порядка в современной России нет предпосылок для формирования империи. Заметим, что для выводов нашего исследования – это означает размывание самого поля имперской мифологии, выражением чего как раз и являются метаморфозы мифологемы «Сталин».

Несмотря на то, что социальная мифология – явление изменяющееся, выходящее на первый план, как известно, в эпохи катастроф и кризисов, есть основания полагать, что в современных условиях мы можем говорить о кризисе социальной мифологии, выражающейся во фрагментаризации ее мифообразов, замедлении процесса рационализации мифологем, росте конфликтности между мифологемами, коммерциализации наиболее узнаваемых мифологем и пр. Можно выделить и еще более глубинные причины. Так, И.Н. Ионов указывал на обоснованное немецким философом О. Шпенглером понятие «псевдоморфоза», как одной из важнейших характеристик российского исторического сознания. В данном случае псевдоморфоз – это разрушающее влияние заимствованной культуры на культуру-реципиент, связанное с неспособностью последней творчески освоить приобретенный духовный опыт. Результатом этого становится неспособность общества самостоятельно перейти от одной исторической эпохи к другой. «Раздвоенность, точнее, «дробность», дискретность российского исторического сознания – универсальный для нас феномен. Болезненным разрывом в истории страны были не только петровская реформа, но и принятие христианства, церковная реформа патриарха Никона, Октябрьская революция (или переворот – как угодно). Проблема русского исторического самосознания в том, что эти разрывы не зарастают со временем. Они слегка затягиваются на тот период, когда народ вдохновляет какая-нибудь грандиозная цель в будущем и он объединяет силы для ее достижения. Но когда эта цель в очередной раз оказывается утопической, раны российской истории вновь раскрываются и кровоточат»¹⁸. Именно эта особенность российской исторической памяти и шире, исторической культуры, будет определять в дальнейшем ход наших размышлений.

Историческая память как среда воспроизводства и трансформации исторических мифологий

Общей методологической установкой современных исследователей, работающих в русле *memory studies* является конструктивистский подход, рассматривающий прошлое не в качестве некоего статичного объекта, но зависящего от перипетий настоящего, его оценок, новых

¹⁷ Паин 2006. С.300-302.

¹⁸ Ионов 1994. С.90.

моделей поведения и деятельности¹⁹. Это означает, что прошлое постоянно изменяется, вслед за потребностями настоящего. Именно этот мотив лежит за большинством определений исторической памяти, которая, по мнению Л.П. Репиной, является одним из измерений индивидуальной и коллективной (социальной) памяти, направленной на репрезентацию исторического прошлого: «историческая память – это совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом»²⁰. Как видно, столь широкое определение исторической памяти открывает ее для мифологии, а вернее исторических мифов как одной из форм проекции социальной мифологии в коммеморативном пространстве. Сами исторические мифы, не тождественные историческим фальсификациям, при этом трактуются как «представления о прошлом, воспринимаемые в данном социуме как достоверные “воспоминания” (как “история”», составляющие значимую часть картины мира и играющие важную роль как в ориентации, самоидентификации и поведении индивида, так и в формировании и поддержании коллективной идентичности и трансляции этических ценностей»²¹. Практический поворот в современном социально-гуманитарном знании видоизменяет понимание исторической памяти и идентичности. Сегодня пишут о том, что память зависит от коммуникативных практик, повседневных форм коммеморации, ритуалов, представляя собой определенную подвижную конструкцию воспоминаний, актуализируемых в современном социальном контексте.

В этой связи еще одной отправной точкой для нас является подход Р. Брубейкера к феномену коллективной идентичности. Как показывает Брубейкер, более уместным представляется говорить не об идентичности, а об идентификации: «она призывает нас определить агентов, которые производят идентифицирование... то как человек идентифицирует себя – и как он идентифицируется другими, – может чрезвычайно различаться в зависимости от контекста; самоидентификации и идентификации другими являются в основе своей ситуативными и контекстуальными»²². Он резюмирует: «...идентификация привлекает внимание к сложным (и часто амбивалентным) процессам, тогда как термин «идентичность», обозначающий скорее *положение*, чем процесс, с излишней легкостью предполагает соответствие между индивидуальным и социальным»²³. Важной в нашем анализе является идея Дж. Олика о динамическом характере социальной памяти. Он предлагает рассматривать социальную память как некую совокупность различных соци-

¹⁹ Olick, Robbins. 1998. P. 106.

²⁰ Репина 2005. С.133.

²¹ Репина 2011. С.453.

²² Брубейкер 2012. С.90.

²³ Брубейкер 2012 С.94.

альных форм, пространств и практик – от обычных воспоминаний до общих форм поддержания образца. Память для него – это социальная деятельность, процесс, а не статичный объект²⁴. Указанные особенности памяти и идентичности в современный период не могли не сказаться и на трансформациях социальной мифологии.

Процессы универсализации интенций социальной мифологии происходят наряду с процессами дифференциации. Так, современная социальная мифология постепенно охватывает все больше областей, ее поле воздействия постоянно расширяется. Можно говорить о мифологии элит, политической мифологии, даже мифологии науки, и т.п. Именно поэтому в настоящее время наиболее динамично развивающимися ответвлениями социальной мифологии выступают политическая мифология, мифология средств массовой коммуникации. Все это свидетельствует, с одной стороны, об универсализации социальной мифологии, но, с другой стороны, о ее фрагментаризации. Практические проявления социальной мифологии – «мифо-ритуальные» практики – постепенно утрачивают связь с традицией, растворяясь в контексте современного общества, превращаясь в некоторую рационализированную, регламентированную форму общественного поведения. Более того, «мифо-ритуальные» практики успешно коммерциализируются, о чем свидетельствует бурно развивающаяся «индустрия памяти». Изменения происходят и в структуре самой социальной мифологии: представления о причинно-следственной связи и о соотношении части и целого смещаются на более глубокий, «архаический» уровень (на примере мифологии Сталина это проявляется в объяснении его поступков высшей волей), в то время как представления о пространстве и времени – на оперативный уровень социальной мифологии.

Заметим, что традиционные исследования представлений о Сталине в массовой исторической памяти представляют собой только одно из измерений анализа. В исследовательской литературе последних лет²⁵ принято говорить о следующих уровнях исторической памяти: коммуникационном, институциональном и ценностном. Можно ли сказать, что все они в равной степени отражают те метаморфозы, которые происходят с мифологемой «Сталин» в современный период?

Мифологема «Сталин» в контексте коммуникативного измерения исторической памяти

Как известно, язык является одним из наиболее важных контекстов, структурирующих историческую память. Мысль эта не нова, и в свое время была фундаментально обоснована в работах Ю.М. Лотмана, Я. Ассмана, Н.Г. Брагиной. Представляется, что коммуникативное

²⁴ Олик 2012. С.57.

²⁵ Аникин 2011. С.113.

измерение исторической памяти могло бы стать первым контекстом, позволяющим очертить метаморфозы мифологии образов И.В. Сталина. В данном случае источниками нашего контент-анализа будут образы Сталина в литературе, кинематографе, телевидении, высказываниях современных российских политиков.

Контент-анализ продукции отечественной кинематографии и пространства масс-медиа показывает, что фигура Сталина в 2000-е гг. претерпела некоторые изменения. По сравнению с однозначно негативными оценками личности Сталина в 1990-е гг., телепередачи, исторические фильмы 2000-х рисуют нам образ противоречивого человека, стоящего у власти в стране. Нельзя сказать, что оценки личности Сталина 2000-х демонстрируют тенденцию к усилению положительного взгляда. Скорее, имеет место некая «нейтральная» подача его образа и образа его эпохи, где переплетенными оказываются как славные, так и трагические страницы истории России. Однако данная «нейтральная» оценка во многом базируется не на определенной рефлексивной позиции, а скорее на приоритете фактографии. Информация подается как лишенный эмоций телевизионный и газетный текст. Более того, в поступках Сталина журналисты находят даже высшую волю, как это сделал А. Пушков в своей передаче «Постскриптум» 20 апреля 2013 года, отметив, что «сталинский ледоруб, вонзившись в череп Троцкого, был орудием божественного возмездия»²⁶.

Ключевым историческим событием, выступающим наиболее фундаментальным и положительным символом идентификации в историческом сознании россиян, продолжает оставаться Великая Отечественная война. Причем, в массовом историческом сознании ценность войны состоит в триумфе Победы, и в меньшей степени – в горечи колоссальных потерь, трагической повседневности войны. Справедлив в своей оценке Лев Гудков, отмечающий, что дискурс Великой Отечественной войны представляет собой центральный элемент всей существующей культуры исторической памяти в России. Именно это формирует тот контекст, в котором интерпретируется фигура и личность И.В. Сталина в современном российском кинематографе – суровый, но справедливый правитель, уверенно ведущий СССР к Победе. Таков образ Сталина в киноэпопее Юрия Озерова в 1970-х и в исторических фильмах последних лет («Товарищ Сталин» 2011 г., «Жена Сталина» 2004 г., «Сталин Live» 2006 г., «Подарок Сталину» 2008 г.). Более того, зачастую фигура Сталина присутствует только как некий фон разворачивающихся событий («В августе 44-го» 2001 г.). Война – пожалуй, наиболее благоприятная среда для распространения героического мифа. В этой связи вполне понятным представляется совмещение мифологии образа

²⁶ Постскриптум 20 апреля 2013.

Сталина и сакрального значения Победы в российском массовом историческом сознании. Но, быть может, художественная и научно-популярная литература позволит нам увидеть другие образы вождя?

Количество книг о Сталине, написанных в разных жанрах, за последние 15 лет существенно возросло, и это не только публицистическая, но и научная литература. Так, например, в издательстве «РОС-СПЭН» только за период с 2008 по 2016 год вышли 159 книг в серии «История сталинизма», представляющие собой исследования отдельных сторон советского общества в 1930–1950-х гг. Не отстает и научно-популярная литература. Причем лидирует не художественная литература о Сталине, а именно научно-популярная. Ее общий лейтмотив – величие страны в период сталинизма, честность и неподкупность вождя, патриотизм Сталина, его аскетизм, наконец, интернациональность мышления и его доброжелательное отношение к Церкви. Таковы книги С. Аксёненко «Зачем нужен Сталин (Загадка 1937 года)» (2010), Л.А. Балаян «Вернуть Сталина! (Загадка 1937 года)» (2010), В.В. Галина «Ответный сталинский удар (Загадка 1937 года)» (2008), А. Голенкова «Предлагаю “объяснить” Сталина» (2005), И.А. Дамаскина «Сталин и разведка» (2004), А.В. Елисеева «1937. Сталин против заговора “глобалистов” (1937. Большой террор)» (2009), Ю.И. Жукова «Народная империя Сталина (Загадка 1937 года)» (2009). А еще книги Н. Старикова, М. Ошлакова, А. Кофанова, Ю. Мухина, В. Карпова, Р. Косолапова и многих других. Более 120 книг... Отдельной темой при этом продолжает оставаться тема предательства и убийства вождя. Список можно продолжать: А. Бюкар, Р. Паркер «Подлость союзников: Как Запад предавал Сталина (Загадка 1937 года)» (2011), Н.Т. Великанова «Измена маршалов (Загадка 1937 года)» (2008), С. Кремлёв «Зачем убили Сталина. Преступление века» (2008). Более того, научно-популярная литература, апологетически оценивающая вождя, во многом выполнена в духе развенчания мифов о Сталине, представляет собой попытку критической оценки общеизвестных трагических фактов сталинской эпохи. Напомним читателю и нашу мемуарную в свое время характеристику Сталина как «эффективного менеджера». В данном случае Сталин предстает как прагматик до «мозга костей», не выделяющийся из среды политиков своего времени, а в иных интерпретациях – даже и переигравший политиков Запада. Таков образ Сталина в недавней работе В. Мединского. Книга написана как попытка преодоления мифов об СССР, разрушающих наше историческое сознание. Здесь мы видим противоречивый и многомерный образ вождя²⁷. Автор книги не хвалит и не оправдывает Сталина, он показывает его прагматиком, делающим ошибки. В сравнении Гитлера и Сталина последнему принадлежит сле-

²⁷ Мединский 2016.

дующая характеристика: «Но все равно цена этим двум дерущимся насмерть совершенно различна. Потому, что один из них хочет установить свой новый миропорядок – и усыновить чужих детей. Он будет обращаться с ними так же сурово, как со своими, деспотически требуя признания и послушания. Но не истребит, а примет в свою семью и не будет различать, кто они – русские, немцы, грузины, евреи»²⁸.

Не менее интересна мифология образов Сталина в общественных выступлениях политиков. В данном случае фигура вождя также получает в большей степени апологетические оценки. Причем, различные стороны образа вождя оказываются востребованы в современно различных политических контекстах. Вот лишь несколько примеров. Так, Борис Грызлов, возлагая 21 декабря 2004 года цветы к памятнику Сталина на Красной площади, высказался за необходимость пересмотра оценок деятельности вождя. По его словам, «перегибы» в его деятельности не должны закрывать от нас его «незаурядность», он как лидер страны «многое сделал для Победы в Великой Отечественной войне», «пользовался уважением и у союзников». Как ни парадоксально, но мифология образа Сталина-государственника оказывается востребована сегодня не только в среде правых, но и левых. Причем, один и тот же миф используется как сторонниками действующей власти, так и ее противниками. Вот еще несколько высказываний. Секретарь ЦК ВКП (б) Александр Куваев, назвав Сталина «выдающимся государственным», «политиком которого сегодня не хватает России», заявил, что «сегодня Россия в плачевном состоянии», а потому ей «нужен новый Сталин»²⁹. И конечно, коммунисты... Мифологизация образа вождя вообще составляет один из центральных элементов политической программы КПРФ. При этом, однозначно положительно оценивается вся эпоха Сталина, даже репрессии: «Конечно, среди большого числа заключенных были и невинные. Но в этот предвоенный, военный и послевоенный периоды, в беспрецедентной по накалу борьбе, у Сталина не было иного выбора, кроме как проводить жесткую, направленную на укрепление порядка и дисциплины политику, твердо и решительно пресекать все действия, расшатывающие государство»³⁰.

Мифологема «Сталин» в контексте ценностного измерения исторической памяти

Историческая память представляет собой и определенную систему ценностей и идентичностей. Надо отметить, что ценностное измерение исторической памяти оказалось в нашем случае наиболее изученным. Социологические исследования исторического сознания и

²⁸ Мединский 2016. С. 122.

²⁹ Цит. по: Гудков 2005. С. 96.

³⁰ Зюганов 2010. С. 53.

исторической памяти в нашей стране начали проводиться с начала 1990-х, что дает богатейший материал для сопоставления и анализа.

По данным всех проведенных опросов, за последние четверть века доля людей, положительно оценивающих деятельность Сталина, неуклонно росла. О возрастании популярности Сталина в российском обществе свидетельствует тот факт, что в 1994 г., по данным Всероссийского центра исследований общественного мнения, положительную оценку деятелю давали 25% опрошенных, при том, что негативное мнение высказали вдвое большее число респондентов³¹. Однако, уже в 2002 г. Владимир Бойков, отмечал, что количество респондентов, высоко оценивающих роль Сталина, возросло с 6% в 1990 г. до 32,6% в 2002 г.³² В 2003 г., по данным того же источника, положительной оценки придерживались 34,7% опрошенных. Чуть ранее, в 2000 г., исследователи из Московского государственного открытого педагогического университета установили, что около 37% студентов говорят о наибольшем влиянии Сталина на развитие нашей страны в XX в.³³ Показательным, с этой точки зрения, стал реализованный в 2008 г. проект «Имя Россия», где жителям нашей страны предлагалось выбрать посредством голосования исторического деятеля на звание «Имя Россия». Иосиф Сталин занял в этом конкурсе третье место, уступив Александру Невскому и Петру Столыпину. За советского лидера отдали свои голоса 298 882 чел. В массовом историческом сознании доминирует образ мудрого, жесткого, карающего и бескомпромиссного политика. Исследование в Белгородском ГУ (2007) выявило высокий рейтинг И.В. Сталина, правда уступившего Николаю II и В.И. Ленину, но обошедшего Л.И. Брежнева и Н.С. Хрущева³⁴.

Любопытны и результаты полномасштабного исследования исторического сознания молодежи, проводившегося Институтом социологии РАН весной 2009 года в 21 субъекте РФ и охватившего 2000 чел. По оценке М.К. Горшкова можно с уверенностью говорить о двух эпохах XX века, оставивших наиболее положительные образы и имеющих высокий ценностный потенциал для молодых россиян – эпохи Сталина и превзошедшей ее эпохи Брежнева. При этом, выделяя положительные характеристики эпохи Сталина (любовь к Отечеству, быстрое экономическое развитие, авторитет в мире), респонденты отмечали и негативные черты и в первую очередь – страх³⁵. Заслуживают внимания выводы отечественных исследователей о роли мифологемы «Сталин» в российском историческом сознании: «Дело не в том, плох Сталин или

³¹ Левада 2000. С. 397.

³² Бойков 2002. С. 85-89.

³³ Утенков, Закалин 2000. С. 119-122.

³⁴ Пуяткина 2007. С. 105-111.

³⁵ Горшков, Шереги 2009. С. 31.

хорош (решение этой дилеммы остается личным делом каждого и, похоже, вообще лежит вне аксиологических оценок), – дело в том, что он, вне зависимости от чьего-либо (не)желания, уже стал неотъемлемой, неотторжимой частью российского общественного сознания»³⁶. С этим утверждением трудно спорить. Вопрос только в том, насколько долго и в каком качестве образы И.В. Сталина будут актуализированы в российском коммеморативном пространстве?

***Мифологема «Сталин» в контексте
институционального измерения исторической памяти***

Еще одним измерением исторической памяти, позволяющим глубже оценить метаморфозы мифологии «вождя всех времен и народов», является институциональная сфера. В данном случае мы ограничим себя контент-анализом учебников истории, общественных коммемораций и музейных экспозиций.

Характеризуя учебники истории 2000-х гг. отметим уход авторов от эмоциональных оценок фигуры Сталина и его эпохи. Речь идет о фактографическом подходе и нейтральной позиции при интерпретации фактов. Таковы учебники А. Данилова, В. Шестакова, А. Левандовского. Темы репрессий, голода, стратегических ошибок обсуждаются вместе с вопросами экономических успехов, Победы в Великой Отечественной войне, культурной жизнью этого времени. Таков, например, учебник для 11 класса «История России XX – начало XXI века», подготовленный коллективом авторов под редакцией Н.В. Загладина³⁷. Предельно важно, что авторы показывают противоречия образа Сталина на фоне советской действительности, связывают культ личности и усиление роли бюрократического аппарата. Вместе с тем, косвенно вина за репрессии возлагается преимущественно на Сталина лично, что формирует элементы иной мифологии вождя, демонизируя его.

Иная ситуация складывается в сфере общественных коммемораций. Прежде всего речь идет об открытии мемориалов Сталина в разных городах России в последнее время (Владикавказ, поселок Шелангер, Севастополь, Липецк, Якутск, Ялта и др.). В основном инициаторами установки памятников и бюстов выступают различные политические организации регионов, и в первую очередь – коммунисты. Более того, большинство памятников явно или косвенно связывают Сталина исключительно с темой Великой Отечественной войны. Несмотря на то, что отдельные губернаторы симпатизируют подобным коммеморативным акциям, в целом, федеральная и региональная власть публично сохраняет нейтралитет по данному вопросу³⁸.

³⁶ Орлов, Чернышков 2011. С. 102.

³⁷ Загладин и др. 2013.

³⁸ Римский 2011. С. 97-105.

В музейном пространстве России также наблюдается рост интереса к фигуре вождя. В 1990–2000-х гг. появилось пять новых музеев, посвященных И.В. Сталину. Примечательно, что все музеи – небольшие и открыты на частные деньги. Всего же на территории России и бывшего СССР существует около 12 музеев, посвященных Сталину с постоянными экспозициями. В основном они репрезентируют повседневную жизнь вождя в годы ссылки (Вологда, Сольвычегодск, Уфа), годы Великой Отечественной войны (Самара, Москва, Волгоград, Ржев), в годы руководства страной (Сочи, Нальчик, Махачкала). И конечно, музеи Сталина в Гори и Батуми...

***Мифология образов И.В. Сталина
фрагментаризация, рационализация, коммерциализация***

Немецкому египтологу Я. Ассману принадлежит одна из наиболее известных концепций трансформации исторической памяти из памяти коммуникативной в память культурную. По его мысли, коммуникативная память «охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым. Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками. Типичный случай – память поколения <...> Эта память возникает во времени и проходит вместе с ним, точнее, со своими носителями». В отличие от нее культурная память «есть дело мнемотехники, для которой в обществе существуют специальные институты. Культурная память направлена на фиксированные моменты в прошлом. В ней прошлое также не может сохраняться как таковое. Прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание»³⁹.

Теоретическая модель немецкого ученого важна для нас, ведь мы являемся свидетелями молчаливого процесса смены поколений, ухода из жизни большинства свидетелей и носителей информации о событиях полувековой давности. Переход от коммуникативной памяти к памяти культурной представляет собой еще один важнейший фактор трансформации мифологии образов Сталина в современной России.

Как видно из проведенного анализа, в отношении образов Сталина в российской исторической памяти 2000-х наблюдаются противоречивые тенденции. С одной стороны, на институциональном уровне исторической памяти не выявлено однозначной тенденции к положительной оценке Сталина. Имеют место осторожные оценки его деятельности, или же личность Сталина и сталинской эпохи описывается критически. С другой стороны, на коммуникационном и ценностном уровнях наблюдается рост популярности личности вождя и его эпохи, ассоциирующейся в массовом сознании с периодом социальной стабильности, порядка, величия и воинской славы России. Причиной это-

³⁹ Ассман 2004. С. 52, 54.

му выступают рост неконсервативных настроений, ностальгия, высокий уровень социальной инертности россиян.

Несмотря на рост научных знаний об эпохе сталинизма и существенные изменения в преподавании истории в школах и ВУЗах, народная память о Сталине и свойственная ей мифологизация его образа продолжают сохранять свое значение, что связывается исследователями с сохранением советских моделей поведения и схем мышления в общественной практике, а также усилением разрыва между массовым историческим сознанием и научно-академическим историческим сознанием. Более того, народные образы Сталина противостоят научным историческим знаниям. То же можно сказать относительно репрезентации образов Сталина в кругу политической элиты и части консервативно настроенной интеллигенции.

Несмотря на активно формирующуюся сегодня государственную политику памяти, рационализация мифов о Сталине замедлилась и в основном идет стихийно, что подтверждает тезис о кризисе траектории антисталинизма в России⁴⁰. Более того, контент-анализ выступлений российских политиков и представителей действующей власти показывает нежелание направлять государственную политику памяти по пути рационализации традиционных мифов о Сталине или их ослабленных версий, получивших развитие в 2000-е гг. (сталинская забота о человеке, великий полководец, мудрый государственный деятель, бессребрянник, сильный государственный).

Образы Сталина в современной российской исторической культуре сильно фрагментизированы и в основном воспроизводятся в контексте развернутых общественных коммемораций вокруг Дня Победы. Именно контекст Победы в Великой Отечественной войне способствует сакрализации образа вождя и заслоняет в массовом историческом сознании другие, менее привлекательные стороны образа Сталина.

Фрагментаризация мифообразов Сталина позволяет использовать их в совершенно разных контекстах. В политической среде различные стороны образа Сталина оказываются востребованными как лицами критически настроенными по отношению к действующему режиму, так и видящими в Сталине сильного государственника. Выражаясь языком теории социальной мифологии, миф о Сталине оказывается как динамическим, так и охранительным, как созидательным мифом, так и контрмифом. Также имеет место противостояние различных мифологизированных образов Сталина, наиболее заметное в политической сфере. Более того, мифологизированные образы Сталина в силу их узнаваемости оказываются востребованными не только в политическом, но и в экономическом, культурном и даже религиозном контекстах. В каче-

⁴⁰ Smith 2002. P.89.

стве примера, приведем распространившуюся в последнее время маркетинговую кампанию, использующую протестные настроения россиян и предлагающую серию кружек, маек, футболок и прочей одежды со стилизованным изображением Сталина и надписью: «Сталина на вас нет, а на мне есть». Еще один пример использования фрагментов мифологии образа вождя – это религиозный контекст. В Храме Святого Николая, недалеко от Кремля давно уже имеется икона, на которой изображена Святая матрона Московская, а рядом с ней Сталин, стоящий в полный рост в военной шинели. Матрона Московская говорит Сталину и благословляет его. Еще один пример. 28 мая 2015 года на Прохоровском поле в Белгородской области прошла церковная служба с иконой «Богоматерь Державная», на которой изображен Иосиф Сталин в окружении советских маршалов. Молебен был заказан «Изборским клубом», а его глава – Александр Проханов в интервью российской радиостанции «Говорит Москва» вообще предложил причислить вождя к лику святых. Он заявил «Победа в войне 1941–1945 годов считается священной. Потому что в этой войне схлестнулись адовы силы и райские силы. Адовы силы – это Гитлер и фашизм. Райские силы – это Советский Союз. А Иосиф Виссарионович же является лидером священной христовой победы»⁴¹. К слову, не отстает и западный кинематограф. Так, в 2017 г. британский режиссер Армандо Ианнуччи планирует выпустить комедийный фильм «Смерть Сталина».

Что же делать с мифологемой «Сталин»? Каковы пределы ее рационализации? Где проходит граница между конструктивным и деструктивным значением мифологии образов Сталина для современной российской исторической культуры? Насколько это возможно в рамках постсоветского исторического опыта? Ответы на эти вопросы выходят за рамки настоящей статьи.

Итак, социокультурные и экономические проблемы современного российского общества усиливают рост ностальгических настроений, в которых негативные и противоречивые образы прошлого получают новые смыслы и оценки. Коммуникационная и ценностная стороны исторической памяти демонстрируют нам рост популярности личности вождя и его эпохи, ассоциирующиеся в массовом сознании с периодом социальной стабильности, порядка, величия и воинской славы России. Именно в этих контекстах мифология образов Сталина, как и мифология героического, переживает сегодня заметный ренессанс. Вместе с тем, мифология образов Сталина в наши дни совсем не похожа на идеологемы и мифологемы полувековой давности. Вслед за социальной мифологией вообще, мифология образов Сталина фрагментаризируется и коммерциализируется, превращаясь в предмет по-

⁴¹ Проханов призвал причислить Сталина к лику святых...

литического и экономического торга. Замедляется рационализация мифов о вожде, мифы о Сталине все более переплетаются с мифологией Победы, закрывая темные страницы российской истории.

Новое тысячелетие формирует новые вызовы перед российским историческим сознанием, в котором образам Сталина и мифологемам, окружающим его эпоху, суждено занять далеко уже не первое, но и не последнее место.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аникин Д.А. Топосы социальной памяти в обществе риска. Саратов: Изд-во СГУ, 2011.
- Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2014.
- Бойков В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 85-89.
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.
- Вайскопф М. Писатели Сталин. М.: НЛЮ, 2002.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: демографические тенденции и историческое сознание // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 6. С. 5-50.
- Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / под ред. М. Габовича. М.: НЛЮ, 2005. С. 83-104.
- Гуревич П.С. Социальная мифология (критика буржуазной идеологии и ревизионизма). Москва, Мысль, 1983.
- Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А. История России XX–XXI века: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. 13-е изд. М.: Русское слово, 2013.
- Зюганов Г.А. Эпоха Сталина: цифры, факты, выводы. М.: Изд-во ИТРК, 2010.
- Игрицкий Ю.И. Ленин и Сталин сегодня // Россия и современный мир. 2013. №3 (80). С. 6-28.
- Ионов И.Н. Кризис исторического сознания в России и пути его преодоления // Ответственные науки и современность. 1994. № 6. С.89-102.
- Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. М.: НЛЮ, 2011.
- Коршунов Г.П. Место и роль социальной мифологии в структуре массового сознания. Минск: Беларуская навука, 2009.
- Левада Ю.А. От мнений к пониманию: Социологические очерки. 1993–2000. Москва, Московская школа политических исследований, 2000.
- Мединский В.Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. Москва, ОЛМА Медиа Групп, 2016.
- Можейко М.А. Мифология // Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом, 2003.
- Олик Д. Фигурации памяти: процессно-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 50-74.
- Орлов С.Б., Чернышков Д.В. Мифологема «Сталин». Образ вождя как системообразующий фактор российского общественного сознания // Свободная мысль. 2011. № 12. С. 95-102.
- Паин Э. Империя в себе. О механизмах возвратных процессов в современной российской политике // Ab imperio. 2006. № 1. С. 300-302.
- Пилюгина Е.Н. Мифы, мифологемы и идеология как инструменты влияния на социальную действительность в условиях информационной войны // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 4. С. 76-88.
- Постскриптум 20 апреля 2013 г.: <https://www.youtube.com/watch?v=ABp5QEPLTQQ>
- Проханов призвал причислить Сталина к лику святых: <http://govoritmoskva.ru/news/42838/>
- Пуяткина Т.П. Состояние исторического сознания современных школьников // Социология власти. Журнал Социологического центра РАГС. 2007. № 5. С. 105-111.

- Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 105-144.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. Москва, Кругъ, 2011.
- Римский В.Л. Мифы о Сталине и культ личности в сознании российских граждан и элиты // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С.97-105.
- Святославский А.В. Трансформация образа И. Сталина в коллективной памяти с 1930-х годов до современности // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / сб. трудов под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 288-313.
- Суравнева И.М., Федоров В.В. Феномен героизма. М.: ЛКИ, 2008. 152 с.
- Утенков В.М., Закалин А.С. Об историческом сознании студенческой молодежи // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 119-122.
- Холлис Д. Мифологемы: Воплощения невидимого мира. М.: «Класс», 2010.
- Чиндин И.В. Миф: реконструкция архаической ментальности. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2013.
- Olick J.K., Robbins J. Social Memory Studies: From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 105-140.
- Smith K. E. Mythmaking in the New Russia. Politics and Memory during the Yeltsin Era. Ithaca; London: Cornell University Press, 2002.

REFERENCES

- Anikin D.A. Toposy social'noj pamjati v obshhestve riska. Saratov, Izdatel'stvo SGU, 2011.
- Assman Ja. Kul'turnaja pamjat': pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti. Moskva, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004.
- Bart R. Mifologii. Moskva, Akademicheskij proekt, 2014.
- Bojkov V.Е. Sostojanie i problemy formirovanija istoricheskoy pamjati // Sociologicheskie issledovanija. 2002. № 8. S. 85-89.
- Brubejker R. Jetnichnost' bez grupp. Moskva, Izdatel'skij dom VShJe, 2012.
- Vajskopf M. Pisatel' Stalin. Moskva, Novoe literaturnoe obozrenie, 2002.
- Gorshkov M.K., Sheregi F.Е. Molodezh' Rossii: demograficheskie tendencii i istoricheskoe soznanie // Monitoring obshhestvennogo mnenija. 2009. № 6. S. 5-50.
- Gudkov L. «Pamjat'» o vojne i massovaja identichnost' rossijan // Pamjat' o vojne 60 let spustja: Rossiya, Germanija, Evropa / Pod red. M. Gabovicha. Moskva, NLO, 2005. S. 83-104.
- Gurevich P.S. Social'naja mifologija (kritika burzhuaznoj ideologii i revizionizma). Moskva, Mysl', 1983.
- Zagladin N.V., Kozlenko S.I., Minakov S.T., Petrov Ju.A. Istorija Rossii XX-XXI veka: uchebnik dlja 11 klassa obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij. 13-e izd. M.: Russkoe slovo, 2013.
- Zjuganov G.A. Jepoha Stalina: cifry, fakty, vyvody. Moskva, Izdatel'stvo ITRK, 2010.
- Igrickij Ju.I. Lenin i Stalin segodnja // Rossiya i sovremennij mir. 2013. №3 (80). S. 6-28.
- Ionov I.N. Krizis istoricheskogo soznaniya v Rossii i puti ego preodolenija // Obshhestvennyye nauki i sovremennost'. 1994. № 6. S. 89-102.
- Koposov N.E. Pamjat' strogogo rezhima. Istorija i politika v Rossii. M.: NLO, 2011.
- Korshunov G.P. Mesto i rol' social'noj mifologii v strukture massovogo soznaniya. Minsk, Belaruskaja navuka, 2009.
- Levada Ju.A. Ot mnenij k ponimaniyu: Sociologicheskie ocherki. 1993–2000. Moskva, Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij, 2000.
- Medinskij V.R. Vojna. Mify SSSR. 1939–1945. Moskva, OLMA Media Grupp, 2016.
- Mozhejko M.A. Mifologija // Novejšij filosofskij slovar'. Minsk, Knizhnyj Dom, 2003.
- Olik D. Figuracii pamjati: processno-reljacionnaja metodologija, illjustriruemaja na primere Germanii // Sociologicheskoe obozrenie. 2012. T. 11. № 1. S. 50-74.
- Orlov S.B., Chernyshkov D.V. Mifologema «Stalin». Obraz vozhdja kak sistemoobrazujushhij faktor rossijskogo obshhestvennogo soznaniya // Svobodnaja mysl'. 2011. № 12. S. 95-102.
- Pain Je. Imperija v sebe. O mehanizmah vozvratnyh processov v sovremennoj rossijskoj politike // Ab imperio. 2006. № 1. S. 300-302.

- Piljugina E.N. Mify, mifologemy i ideologija kak instrumenty vlijaniya na social'nuju dejstvitel'nost' v uslovijah informacionnoj vojny // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. 2015. № 4. S. 76-88.
- Postskriptum 20 aprlja 2013 g.: <https://www.youtube.com/watch?v=ABp5QEPLTQQ>.
- Prohanov prizval prichislit' Stalina k liku svjatyh: <http://govoritmoskva.ru/news/42838/>
- Putjatina T.P. Sostojanie istoricheskogo soznaniya sovremennyh shkol'nikov // Sociologija vlasti. Zhurnal Sociologicheskogo centra RAGS. 2007. № 5. S.105-111.
- Repina L.P. Konceptii social'noj i kul'turnoj pamjati v sovremennoj istoriografii // Fenomen proshlogo / pod red. I.M. Savel'evoj, A.V. Poletaeva. Moskva, Izd. Dom GU VShJe, 2005. S. 105-144.
- Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX-XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaja praktika. Moskva, Krug#, 2011.
- Rimskij V.L. Mify o Staline i kul'te lichnosti v soznanii rossijskih grazhdan i jelity // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2011. № 1. S.97-105.
- Svjatoslavskij A.V. Transformacija obraza I. Stalina v kollektivnoj pamjati s 1930-h godov do sovremennosti // Krizisy perelomnyh jepoh v istoricheskoy pamjati / pod red. L.P. Repinoj. Moskva, IVIRAN, 2012. S.288-313.
- Suravneva I.M., Fedorov V.V. Fenomen geroizma. Moskva, Izd-vo LKI, 2008. 152 s.
- Utenkov V.M., Zakalin A.S. Ob istoricheskom soznanii studencheskoj molodezhi // Sociologicheskie issledovanija. 2000. № 6. S.119-122.
- Hollis D. Mifologemy: Voploshhenija nevidimogo mira. Moskva, «Klass», 2010.
- Chindin I.V. Mif: rekonstrukcija arhaicheskoy mental'nosti. M.: MGI im. E.R. Dashkovej, 2013.
- Olick J.K., Robbins J. Social Memory Studies: From "Collective Memory" to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 105-140.
- Smith K. E. Mythmaking in the New Russia. Politics and Memory during the Yeltsin Era. Ithaca; London: Cornell University Press, 2002.

Линченко Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник, Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; linchenko1@mail.ru

Иванов Андрей Геннадиевич, кандидат философских наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецк); agivanov2@yandex.ru

“«Live a thousand years, comrade Stalin...»: transformation of mythology of I.V. Stalin's images in the contemporary Russian historical memory

The article describes the evolution of the mythology of I.V. Stalin's images in the Russian historical memory in the 2000s. The mythology of I.V. Stalin's images is analysed in the context of the transformation of modern Russian social mythology, and in particular hero myths. The metamorphosis of perception of Stalin's mythology and Stalinism are comprehended in the context of the three basic aspects of historical memory analysis in current researches: memory as the information and communication system; memory as the institutional system; memory as a system of social values and identities. Special attention is paid to the study of the issues of fragmenting, rationalization and commercialization of the mythology of Stalin's images in political, religious and economic contexts. It is shown that the mythology of the Victory and the memory of the Great Patriotic War is the context in which the mythology of Stalin's images is reactualised.

Keywords: *historical memory, social mythology, J. Stalin, historical identity*

Andrei Linchenko, PhD (Philosophy), Researcher at the Federal State Funded Educational Institution of Higher Professional Education "Financial University under the Government of the Russian Federation", Lipetsk branch; linchenko1@mail.ru

Andrei Ivanov, PhD (Philosophy), Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk); agivanov2@yandex.ru

А. В. ГЛАДЫШЕВ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ¹

Антропологический поворот отразился и на военной истории, из которой выделяется военно-историческая антропология. В историографии о человеческом измерении в военной истории заговорили в 1994–1995 гг. Поворот в антропологизации истории наполеоновских войн (и вообще войн XIX в.) произошел лет на пять-семь позднее, чем в истории войн XX в. Внимание исследователей теперь концентрируется на культурных и социальных аспектах войны как исторического феномена. При этом «поворот» носит условный характер: сюжеты, которые сегодня считаются визитной карточкой военно-исторической антропологии, зачастую становились объектом внимания раньше всех объявлений о повороте. В конечном итоге, поворот – констатация свершившегося, а не декларация о намерениях.

Ключевые слова: *антропологический поворот, военная история, история Франции, наполеоновские войны, микроанализ, кросскультурный синтез, наноистория*

Лет 25 назад в такой довольно консервативной, слабо подверженной «методологическим веяниям» области историографии как военная история наметились радикальные сдвиги, позволяющие заговорить даже о методологическом повороте, о смене «исследовательских парадигм» и т.п. Этот поворот определили как антропологический, в чем не было ничего уникального – аналогичные «повороты» происходили и в других областях историографии: на смену обезличенной структуре приходит лик индивида. Постепенно выкристаллизовываются новые дисциплины или (более скромно) дисциплинарные направления, которым, естественно, для независимого существования необходимо как минимум застолбить свои собственные предмет и объект исследования.

Попытки определить предмет и объект нового дисциплинарного направления всегда наталкиваются на необходимость четких дефиниций. Как следствие мы отличаем физическую антропологию, философскую антропологию, социокультурную антропологию. Но нас призывают еще отличать «военную антропологию». И не просто отличать, а отличать от «военно-исторической антропологии»², предмет которой обозначается как человек, культура и общество, до войны, в ходе войны, после войны³. Фактически в качестве предмета военно-историчес-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041).

² Бажуков 2008.

³ Сенявская 2002. С. 13.

кой антропологии выступают не только сами войны, и не только сами военные, а все то, что так или иначе связано с армией и военными. И главное отличие здесь от традиционной военной истории даже не в расширении предметного поля исследования за счет включения в него гражданского населения, а в акцентировании человеческого измерения.

Сегодня мы пытаемся не только констатировать, но и осмыслить, оценить эти новые «измерения» и «направления» в военной истории. Видимо, уже можно говорить не просто о «новых веяниях» или «поворотках», а о формировании в военной истории научного мейнстрима «с человеческим лицом». Свидетельство тому – тематика докладов конференций, посвященных крупным мировым конфликтам.

Международный центр истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» 17 марта 2016 г. провел в Москве международную научную конференцию «Осмысливая прошлое, глядя в будущее: новые направления в изучении истории второй мировой войны». В центре внимания докладчиков были «образ союзника», «образ антифашиста», формирование «пространства памяти», «женщины и война» и т.п. Другой пример. В октябре 2014 г. в Ставрополе прошла международная конференция «Культурное измерение войны: Первая мировая война в образах, в памяти и истории». Из четырех направлений работы конференции наиболее представительными стали «Образы войн в исторической памяти и национальных нарративах» и «Мир человека во время Первой мировой войны», в то время как в направлении «Военно-политические аспекты Первой мировой войны», напротив, представлено примерно 13% от общего числа докладов. Мы видим, как антропологический подход проникает в военную историю через историю повседневности (военного быта), историю исторической памяти, империологию, историю реакции «общества» на войну.

Когда начался этот переход от военно-операционной к антропоориентированной истории? Увлечение антропологическим измерением – общая тенденция историографии, начиная с 1980-х гг. Что касается военной истории, то антропологический поворот в ее изучении можно датировать примерно серединой 1990-х. По крайней мере, уже к 1994–1995 г. в ряде зарубежных журналов, специализирующихся на военной истории, появились статьи-манифесты, статьи-призывы антропологизировать это направление в историографии⁴.

Что касается отечественной историографии, то в 2002 г. специалист по военной истории России XX в. Е.С. Сенявская (Институт российской истории РАН) приступила к изданию сборника «Военно-историческая антропология», став, как значится на ее личной странице

⁴ Ср.: Бекер 1999.

на сайте ИРИ РАН, «основателем и лидером нового научного направления «Военно-историческая антропология и психология». Но еще до этого сборника выходили монографии Сенявской по психологии войны⁵. Были и исследования других авторов, и конференции⁶, свидетельствующие, как выразился В.Н. Земцов, об осознании военными историками «ограниченности позитивистского восприятия прошлого» и переключении их на «мысли, чувства, коды поведения и отклонения от них людей разных общественных горизонтов: <...> сегодняшних исследователей интересуют, прежде всего, психологические, гендерные, антропологические, ментальные аспекты военного прошлого. Большое внимание уделяется эволюции представлений о противнике, о себе самих, различным аспектам исторической памяти и т. д.»⁷.

Антропологический поворот в военной истории, как и любой «поворот» в историографии, естественно, носит условный характер: историки (в мировом масштабе) никогда не ходили шеренгами и по команде не поворачивались. И дело даже не в том, что кто-то остался на прежних позициях. Дело в том, что те сюжеты, которые сегодня считаются визитной карточкой военно-исторической антропологии, становились объектом внимания раньше всех объявлений о повороте. В конечном итоге, поворот – констатация свершившегося, а не декларация о намерениях; те постановки проблем, что вчера смотрелись как оригинальные и даже маргинальные, сегодня стали историографической модой.

В чем конкретно состоит этот «поворот», с точки зрения исследователей, занимающихся наполеоновскими войнами, просто и понятно констатировал Э. Вовси, выступая на «круглом столе», организованным Институтом всеобщей истории РАН и Российско-французским центром исторической антропологии им. Марка Блока РГГУ в преддверии 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г.: «До недавнего времени специалисты изучали в основном оперативные планы противоборствующих сторон, накопление и использование ими военного потенциала и, наконец, стратегические операции и выполнение тактических решений в отдельно взятых сражениях»⁸. Теперь же «одной из задач историка видится познание того, как жизненный опыт, приобретенный в разных условиях, наложил отпечаток на восприятие пережитого участниками событий либо немедленно, либо по прошествии лет. Медленно, но верно ему (историку – А.Г.) приходится отходить от «наблюдения» за полями сражений, от традиционных описаний фланговых маневров, количества захваченных орудий и оценок целесообразности тех или иных элементов военной формы, все более концентрируясь на культурных и

⁵ Сенявская 1995; 1997.

⁶ Поршнева 2000; Человек и война... 2001.

⁷ Земцов 2012. С. 122.

⁸ Вовси 2011. С. 357.

социальных аспектах войны как исторического феномена, являющегося результатом многих и многих вовлеченных в войну людей»⁹.

Что касается антропологизации изучения наполеоновских войн, то, кажется, их исследователи несколько отстали от своих коллег, занимающихся мировыми войнами. Французы констатируют, что поворот в истории наполеоновских войн произошел лет на пять-семь позднее, чем антропологизация войн XX века. Получается, что до начала 2000-х гг. история наполеоновских войн оставалась в стороне от новых подходов, пока Алан Форрест в 2002 г., а Натали Петито в 2003 г. не издали свои труды о солдатах Наполеона¹⁰. И, как считает сама Петито, с этого момента «история войн Империи стала составной частью исторической антропологии войны»¹¹. В список своих предтеч в деле изучения личности перед лицом войны и систем репрезентаций Петито помимо Форреста включила Гюнтера Ротенберга (1978) и Рори Мюира (1998)¹². Но все же, заметим, что у нее речь идет о вполне конкретном сюжете – восприятии солдатами Великой армии своего опыта, а главным источником для нее являются солдатские письма и мемуары. Если же иметь в виду, что антропологический поворот в военной истории не ограничивается исключительно солдатскими перцепциями, то список авторов, которые и до Форреста с Петито не ограничивали свой интерес военно-операционными сюжетами, можно расширить¹³.

За редкими исключениями вся «антропология» сводилась к описанию реалий повседневной жизни на маршах и во время битв, да отношения населения к призыву на военную службу. Но надо помнить, что «наполеонистика» гораздо шире, чем «военная история наполеоновских войн». Естественно, французы время от времени обращались

⁹ Вовси 2011. С. 349.

¹⁰ Forrest 2002; Petiteau 2003.

¹¹ Petiteau 2005; 2012.

¹² Petiteau 2005. При том, что книга Р. Мюира посвящена вопросам тактики и стратегии, автор уделяет большое внимание личному восприятию войны солдатами, на основе писем и дневников описывая их чувства в ночь перед боем, ощущения пехотинца при атаке кавалерии и т.п. (Muir 1998). Г. Ротенберг предпринял комплексное, «синтезное» исследование: он описывает организацию, методы обучения, оборудование, тактику и стратегию французских войск и войск союзников, но также исследует системы материально-технического обеспечения, фортификационные сооружения, медицинские услуги, борьбу с повстанцами и т.п. (Rothenberg 1978).

¹³ Популяризаторы истории наполеоновских войн давно этим занимались. Повседневной жизни наполеоновской армии уделил внимание преподаватель лицея А. Пижар: Pigeard 2000. См. научно-популярные книги о кампании 1812 г.: Hourtoulle 2000; Damamme 2009. Отдельные французские сайты относят к «новым веяниям» работу, изданную на французском в 2000 и 2006 г., а написанную еще в 1987 г., американца К. Кейта (Cate 2000), который изучал историю в Гарварде, а русский и польский в Школе восточных языков и долгое время работал журналистом: <http://www.histoire.presse.fr/actualite/infos/campagnes-russie-savoir-plus-23-02-2012-43693>

к изучению того следа, что оставил Наполеон в сердцах, умах и памяти соотечественников. Легенда о Наполеоне, отражение образа Наполеона в изобразительном искусстве, литературе, музыке, кинематографе и, наконец, французской историографии – одна из излюбленных тем для обсуждения: недаром XIX в., по выражению Арагона, «продолжал дышать пьянящим запахом наполеоновского пороха». И в XX в. и XXI в. Наполеон, несмотря на все дебаты о его наследии, еще остается в коллективном сознании французов принципиальной точкой отсчета¹⁴.

Общий пафос спецвыпуска 2005 г. «Revue d'histoire du XIXe siècle», который носит подзаголовок «За культурную историю войн XIX века», и в котором опубликована цитируемая статья Н. Петито, заключается в том, что, ставя в пример специалистов по истории Первой мировой войны, историки, занимающиеся XIX в., призывают друг друга к «антропологическому измерению». Одиль Руанет из университета Франш-Конте, автор книги «Слова солдат»¹⁵, призвала своих коллег из «Общества изучения истории революции 1848 года и революций XIX века», издающих «Revue d'histoire du XIXe siècle», обратить внимание на проблематику войны: удивительно, но в этом издании с 1994 по 2004 г. непосредственно наполеоновским войнам посвящена только одна статья¹⁶. Парадоксально также, отмечает О. Руанет, что если понятие «культура войны» распространилось с 1994 г. среди специалистов по войнам XX столетия¹⁷, то ничего подобного не произошло в силу ряда причин со специалистами по войнам XIX века¹⁸.

Эти призывы и укоры, видимо, надо отнести к редакционной политике «Revue d'histoire du XIXe siècle», сообщество же наполеоноведов довольно уверенно приступило к освоению тематики «человека военного» и «человеческого измерения войны». Среди работ этого

¹⁴ См., например: Gonnard 1906; Perivier 1918; Driault 1927. Подборку текстов французских писателей об императоре к столетию его смерти сделали Р. Бюрнан и Ф. Буше. См.: L'histoire de Napoléon... 1921. Затем писали об этом Dechamps 1931; Descotes 1967. Индиец, рожденный на Маврикии, оксфордский профессор политических наук Судхир Хазаресингх, порывшись во Французских архивах, выпустил в свет исследование о генезисе и эволюции наполеоновской легенды в коллективном сознании французов (Hazareesingh 2005, обзор этой работы сделала Н. Петито: Petiteau 2006). См. также: Собуль 1970; Вольперт 1990; Стерликов 2007.

¹⁵ Roynette 2004. По признанию самого автора, в этой книге предпринята попытка показать «социальное воображение» солдат Третьей республики через их специфический словарь и сленг.

¹⁶ Largeaud 2002.

¹⁷ См., например: Guerres et Cultures... 1994.

¹⁸ Roynette 2005. № 30. Одиль Руанет пытается выделить в современной историографии три темы военно-антропологических исследований, которые я бы назвал так: «Женщины во французской армии XIX в.», «Горизонтальные связи между солдатами: между малой родиной и великой Nation», «Личный опыт сражающихся: насилие и катарсис».

направления можно назвать монографию известного специалиста по проблемам взаимодействия армии и общества, взаимовосприимчивости военных и гражданских Ж.-П. Берто «Когда дети говорят о славе. Армия в сердце наполеоновской Франции». В ней анализируется социальный облик наполеоновского солдата, его чаяния, надежды и мотивы поведения¹⁹. Не без влияния антропологии написаны работы Ж.-П. Мира, М.-П. Рей и др.²⁰ Продолжил изучение сознания солдат наполеоновских армий А. Форрест, организовав издательский проект «Война, культура и общество, 1750–1850», в рамках которого увидел свет ряд монографий²¹. Внутренний мир людей на войне раскрывает в своей монографии «Боевое братство, дружба и сексуальность в Наполеоновскую эпоху» Брайан Мартин²². Изучив дневники и письма немецких солдат – ветеранов наполеоновских армий, посвятил книгу повседневной жизни Великой армии Наполеона Карл Й. Майер: марши, бивуаки, ранения, болезни, голод, мародерство и грабежи сменяют друг друга нескончаемой чередой²³. Занимающийся историей оккупированной Франции Ж. Антрэ (Университет Пари-И, Центр исторических исследований XIX века) в своей книге «Казачи на Елисейских полях»²⁴ уделит внимание не только периоду мирной оккупации 1815–1818 гг. (что стоит как бы за рамками истории собственно наполеоновских войн), но и кампании 1814 г. Автор акцентирует вопросы «военного насилия», повседневной жизни гражданского населения и следов присутствия оккупантов во французском обществе.

200-летние юбилеи русской и последующих кампаний вызвали разноплановый коммеморативный подъем, подробная характеристика которого заслуживает отдельного разговора, но бросается в глаза стремление организаторов и докладчиков подойти к истории наполеоновских войн с позиций военно-исторической антропологии. В 2012 г. в ходе Девятых «Дней истории Европы», посвященных теме «Франция и Россия в XIX–XX вв», М.-П. Рей сделала доклад, четко указывающий на смещение исследовательских интересов от событийной истории к истории сознания: «Репрезентации русской кампании в живописи, литературе и русско-французской историографии». Третья часть программы 9-го международного коллоквиума «Европейцы в наполеонов-

¹⁹ Bertaud 2006.

²⁰ Mir 2007; Rey 2012.

²¹ Linch 2011; War memories... 2012; Soldiering in Britain... 2012; Daly 2013; Wishon 2013; Kennedy 2013; James 2013; Esdaile, Freeman 2014; Russia and the Napoleonic Wars... 2015; War, Demobilization and Memory... 2016; Britain's soldiers... 2014.

²² Martin 2011.

²³ Mayer 2008. S. 37.

²⁴ Hantraye 2005. Конечно, название книги Антрэ – уловка, чтобы привлечь внимание. По содержанию ей больше подходит заголовок: «Казачи в департаменте Сены-и-Уазы». См.: Гладышев 2012.

ских войнах», который проходил 4-5 июня 2012 г. в Каркассоне, целиком посвящена эпизодам конфронтации гражданских лиц с военными²⁵. В рамках 200-летия кампании 1814 г. во Франции в апреле 2014 г. в Реймсе Французское общество истории медицины провело под председательством Жана Тюлара коллоквиум «Медики и солдаты в ходе кампаний времен Революции и Империи». Наконец, появляются диссертационные исследования, посвященные не собственно военным действиям, а жизни гражданского населения в условиях ведения военных действий, в условиях интервенции и оккупации. Так, Б. Блондо главное внимание уделяет даже не тому, как управлялась территория, занятая войсками победителей, а как на ней ощущалось присутствие войск: акцент исследователя смещается от событийной истории – истории «управления территорией» к истории ощущений, восприятий, сознания населения этой территории²⁶. По-видимому, уже наступает время осмыслить итоги этого поворота в истории наполеоновских войн. Как заявила об этом Н. Петито, «представляется интересным рассмотреть те новации, которые произошли в историографии под влиянием исторической антропологии войны применительно к изучению этого первого конфликта мирового масштаба»²⁷.

Как обстоят дела с антропологизацией изучения наполеоновских войн в отечественной историографии? Д. Ливен как-то указал на то, что российские историки замкнуты на описании военных действий и исключительно русско-французских. Но это не совсем справедливо. Антропологический поворот происходит и в отечественной историографии наполеоновских войн. В.Н. Земцов констатировал его на примере изучения Отечественной войны 1812 года: «от разбора чисто военных действий, вклада промышленности, мы всё более перемещаемся в «человеческое» измерение». В заключение своей методологической статьи В.Н. Земцов, развивая идею Ф. Броделя о трех измерениях исторического времени, дал прогноз: «значительно расширится привычная тематика – историки будут переключаться на изучение историко-антропологических, ментальных процессов и процессов межкультурного взаимодействия»²⁸. Когда же этот поворот начался?

²⁵ См.: Les Européens dans les guerres napoléoniennes... 2012.

²⁶ Blondeau 2013.

²⁷ См.: Петито 2013. С. 310.

²⁸ Земцов 2012. С. 122. Искать современные методологические новации в сочетании макроисторического и микроисторического подходов (что само по себе, на мой взгляд, еще не означает «бегства от баталии») готов и Э. Вовси, который призывает выяснить, «что, собственно, война 1812 г. значила для общества в целом и для отдельно взятого маленького человека, оказавшегося в гуще тех памятных и трагических событий» (Вовси 2011. С. 349).

Мы привыкли слышать, что критической точкой для отечественной историографии стало начало 1990-х, ознаменовавшееся «крахом привычных идеологических ориентиров», «методологическим плюрализмом», «эпистемологическим хаосом» и т.п. Иногда этот тезис победившего либерализма пытаются механически транслировать на изучение наполеоновских войн. «С 1992 г. в историографии Отечественной войны 1812 г. начался новый, современный этап ее развития, который продолжается и в настоящее время», – писал в 2012 г. И.А. Шеин Историк считает, что с 1992 г. «историография темы окончательно перешла в стадию обновления господствовавшей в течение нескольких десятилетий официально-патриотической концепции». При этом работы последнего десятилетия «по этическим соображениям» автор осознанно оставил вне поля своего внимания, а в чем же конкретно состоит в данном случае борьба нового со старым, так и не уточнил, лишь туманно намекнув на некие «новые методологические подходы»²⁹.

В. Земцов, выявляя современные тенденции в зарубежной историографии (применительно к изучению войны 1812 года), констатировал начало «постепенного преодоления» позитивистского и постмодернистского подхода к источникам, а также начало исследований «проблем историко-социального характера и исторической памяти»³⁰. При этом он отмечал, что «отход от чисто военной тематики в изучении 1812 г. и процесс обновления методологического инструментария происходили и происходят в России значительно медленнее, чем на Западе. Только в самом конце XX – начале XXI в. исследователи стали касаться проблем, изучаемых в рамках социальной истории, исторической психологии, истории ментальностей, исторической памяти и других сфер современного гуманитарного знания»³¹.

Акцентируя не столько темпы и насыщенность обновления методологического инструментария у отечественных специалистов по наполеоновским войнам, сколько сам факт такого обновления, все же отметим, что еще в 1998 г. в статье С.А. Малышкина было заявлено об «опыте историко-антропологического исследования»³². Да и традиционные еще с дореволюционной историографии темы «Отечественная война и русское общество» или «Военнопленные Великой армии в России» обречены были приобрести антропологический уклон³³. Так что антропологизация истории наполеоновских войн началась, конеч-

²⁹ Шеин 2012. С. 23-24. Беглый обзор историографии первого десятилетия 2000-х гг., чтобы подчеркнуть «разнообразие новых сюжетов исследований», сделал в этом же сборнике Э. Вовси (С. 33).

³⁰ Земцов 2011. С. 360.

³¹ Там же. С. 361.

³² Малышкин 1998.

³³ Ср.: Сироткин 1974; Бессонов 2000; Белоусов 2006; Гладышев, Тотфалушин 2006.

но, не с распадом СССР, а с конца 1990-х и практически одновременно с аналогичным процессом во французской историографии.

Зародившейся у отечественных ученых во второй половине 1990-х и утвердившийся в 2000-х гг. научный интерес к имагологическим исследованиям затронул со временем и историю наполеоновских войн. В принципе, внимание к изучению образа «Другого» в эпоху наполеоновских войн появилось еще до того, как имагология попыталась добиться самостоятельности в строю исторических дисциплин³⁴. Другое дело, что в отечественной историографии имагологические штудии могли вызвать порой открытую неприязнь у историков наполеоновских войн. Едва ли не первой к изучению образа России и русских в сознании военных и гражданских французов и образа Франции в сознании русских в рассматриваемый период обратилась М.В. Губина³⁵. Вехой на этом пути стала реализация русско-французского проекта под руководством А.В. Чудинова по имагологии русских и французов в эпоху наполеоновских войн³⁶. В духе военно-исторической антропологии (истории повседневности, имагологии или исторической памяти) пишут сегодня о наполеоновских войнах Л.Л. Ивченко, С.В. Белоусов, Л.В. Мельникова, Н.П. Таньшина, Т.А. Третьякова, Н.А. Могилевский, А.А. Митрофанов, Н.В. Промыслов, Е.А. Прусская. В том, что касается русско-французских взаимных восприятий в эпоху наполеоновских войн, современная российская историография не только не уступает французской, но и превосходит ее, как минимум, по «темпам роста».

Осознание историками антропологического поворота в военной истории вынуждает их как-то определиться в отношении господствовавшей ранее традиции историописания, с одной стороны, и учесть подводные камни нового мейнстрима – с другой. Э. Вовси и В. Земцов видят будущее за микроисторическим подходом, при котором позитивистские разыскания служат материалом для фундамента или каркаса, а антропологические – для самого здания со всеми его архитектурными изысками³⁷. Историки стремятся оставаться на, как им кажется, твердой почве «исторических фактов». Факты – фундамент научного здания.

³⁴ Например: Pingaud 1886; Michel 1981; Cadot 1988.

³⁵ Губина 2000; 2002. Ею защищена диссертация «La perception réciproque des Français et des Russes d'après la littérature, la presse et les Archives 1812–1827» (2007 г.)

³⁶ См.: Французский ежегодник 2012. 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года / Под ред. А.В. Чудинова; Французский ежегодник 2013. «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память / Под ред. А.В. Чудинова; Annales historiques de la Révolution française. 2012. № 369.

³⁷ «При этом “новая историческая наука” и “новая историография” вовсе не отрицают необходимость скрупулезных позитивистских разработок, которые, однако, должны восприниматься только как некий первоначальный, черновой (хотя и очень трудоемкий) этап того, что историку еще предстоит понять и осуществить». См.: Земцов 2011. С. 359.

Отсюда императив: тщательное фактологическое исследование, больше констатирующее экзистенциальность фактов, нежели их интерпретирующее, является необходимым фундаментом для всех последующих систематизаций и объяснений. Факт не может быть сам по себе ни «позитивистским», ни «антропологическим». И дань уважения позитивизму – отражение того, что «проблемных мест» у антропологического подхода как вообще, так и применительно к военной истории еще много. Связаны они часто не с исторической антропологией как таковой, а с подготовленностью исследователя: поверхностность, схематичность, волюнтаризм в подборе цитат из источников, к сожалению, становятся едва ли не отличительной чертой *макро*антропологических или культурологических работ. Чем шире хронология поставленной в статье проблемы, тем вероятнее ожидать именно таких недостатков.

При расширительно-неопределенном толковании исторической антропологии иногда забывается разница между историей материи и историей сознания: «антропологическим» в нашей историографии может быть и то, и другое. Микроистория в этом отношении также всеядна. Не возражая в принципе против определения «микроистории» как рецепта для современных военных историков, замечу, что желательнее было бы определиться, до какого конкретно микроуровня мы должны спуститься, не оказавшись при этом в *нано*истории. Договориться об этом ученые (тем более, историки) между собой, естественно, не смогут, поэтому акцентировать будем не масштаб поставленной задачи, а методику анализа и объект исследования. Связываемые же с антропологическим поворотом тенденции состоят в акцентировании внимания исследователей на проблематике сознания, подсознания, чувств и ощущений индивидов в атмосфере войны. Признаем необходимость комплексной критики каждого источника, скрупулезность анализа каждого отдельно взятого нарратива. При комментировании этих по преимуществу субъективных источников не обойтись и без т.н. позитивистской, событийной истории. В русле военно-исторической антропологии, мы ориентируемся в первую очередь на изучение не событий, а людей, феноменов их сознания. Но поскольку «любой текст требует контекст», и не только культурный, но и политический, в ряде случаев мы вынуждены обращаться и к вопросам событийной истории.

Произошедший в середине 1990-х гг. методологический поворот в изучении военной истории, активизация историко-антропологических и культурологических подходов, привлечение в исторические исследования методов психологии, социологии, лингвистики, визуальной антропологии, попытки преодолеть рамки традиционных национальных нарративов с их локально односторонней оценкой событий, новое рождение биографики (в т.ч. полководцев), реинкарнация событийной истории – весь методологический плюрализм начала XXI века вызвали

к жизни интерес к кросс-культурному диалогу. Таким образом, один из путей развития военной истории видится через микроантропологический анализ к кросс-культурному синтезу.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бажуков В.И. Военная антропология: объект, предмет, направления, методология // *Армия и общество*. 2008. № 3. С. 37-45.
- Бекер Ж.–Ж. Новое в изучении истории Первой Мировой войны во Франции // *Новая и новейшая история*. 1999. № 2. С. 44-52.
- Вовси Э.М. Qui non proficit deficit (о некоторых направлениях по изучению эпохи войны 1812) // *Французский ежегодник, 2011: Отечественная война 1812 г.: актуальные вопр. совр. историографии: Материалы Круглого стола*. М., 2011. С. 348-357.
- Вольперт Л.И. Наполеоновский «миф» у Пушкина и Стендаля // *Пушкинские чтения: Сборник статей / Сост. С. Г. Исаков*. Таллинн, 1990
- Гладышев А.В. Вопросы изучения истории оккупации Франции в 1814-1818 гг. и работы Ж. Антрэ // *История и историческая память. Межвуз сб. науч. тр. / Под ред А.В. Гладышева*. Саратов, 2012. Вып. 6. С. 260-286.
- Гладышев А.В., Тотфалушин В.П. Страдания француза в России. По страницам воспоминаний Р. Вьейо о пребывании в русском плену в 1812–1814 гг. // *Россия и Франция. XVIII–XX века*. М., 2006. Вып. 7. С. 115-137.
- Губина М.В. Франция в восприятии российских военных: эволюция стереотипов (1814–1818) // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*. М., 2000. Вып. 1. С. 136-141.
- Губина М.В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 гг. // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*. М., 2002. Вып. 2. С. 153-161.
- Земцов В.Н. Микроистория и перспективы изучения Отечественной войны 1812 года // *Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. Сыктывкар; Вологда, 2012*. Вып. 8. С. 40-45.
- Земцов В.Н. Несколько мыслей, возникших при чтении доклада Э.М. Вовси // *Французский ежегодник, 2011: Отечественная война 1812 г.: актуальные вопр. совр. историографии: Материалы Круглого стола*. М., 2011. С. 358-363.
- Мальшкин С.А. Человек в Бородинской битве: опыт историко-антропологического исследования // *Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы*. Бородино, 1998. С. 103-115.
- Петито Н. Французская историография наполеоновских войн // *Французский ежегодник*. 2013. М., 2013. С. 310-314.
- Сенявская Е.С. 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М.: Институт российской истории РАН, 1995.
- Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 232 с.
- Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // *Военно-историческая антропология*. М., 2002. С. 135-145.
- Собуль А. Герой, «легенда» и история // *Французский ежегодник*. 1969. М., 1970.
- Стерликов А.А. Возникновение наполеоновской «легенды» // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. 2007. Т. 4. № 8.
- Человек и война. Война как явление культуры: Материалы международной научной конференции (Челябинск, 2000). М., 2001.
- Шейн И.А. История нашествия Наполеона в Россию в отечественной историографии // *Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. Сыктывкар; Вологда, 2012*. Вып. 8. С. 3-30.
- Bertaud J-P. Quand les enfants parlaient de gloire. L'armée au Coeur de la France de Napoléon. P.: Grand livre du mois, 2006. 460 p.

- Blondeau B. Les occupation militaire etrangeres en 1814 et 1815 dans le Val de Sâon, le Beaujolais et la Domdes. Lyon: Société des Etudes Historiques Révolutionnaire et Impériales, 2013. 322 p.
- Britain's soldiers: rethinking war and society. 1715-1815 / Edit. K. Linch, M. McCormack. Liverpool: Liverpool University Press, 2014.
- Cadot M. Cosaques, Huns, Mongols: Les nouveaux barbares dans l'imaginaire europeen de 1814 à 1918 // Actas del VI simposio de la sociedad Espanola de literature general y comparada. Granad, 1988. P. 9-15.
- Cate C. La Campagne de Russie, 1812, le duel des empereurs. Paris: le Grand livre du mois, 2000).
- Daly G. The British Soldier in the Peninsular War: Encounters with Spain and Portugal, 1808-1814. Houndmills: Palgrave. 2013.
- Dechamps J. Sur la légende de Napoléon. Paris: H. Champion, 1931.
- Descotes M. La legende de Napoleon et les ecrivains francais du XIXe siècle. Paris 1967.
- Driaault É. Napoléon et l'Europe, la chute de l'Empire: la légende de Napoléon, 1812-1815. Paris: F. Alcan, 1927.
- Esdale Ch., Freeman Ph. Burgos in the Peninsular War, 1808-1814. Occupation, Siege, Aftermath. Basingstoke: Palgrave Mcmillan, 2014.
- Forrest A. Napoleon's men. The Soldiers of the Revolution and Empire. L.: Hambledon and London, 2002. 248 p.
- Guerres et Cultures. 1914-1918 / Dir. J.-J Becker. Paris: Éditions Armand Colin, 1994.
- Gonnard Ph. Les origines de la légende napoléonienne: l'oeuvre historique de Napoléon à Sainte-Hélène. Paris: Calmann-Lévy, 1906.
- Hantraye J. Les Cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. P.: Belin, 2005. 303 p.
- Hazareesingh S. *La légende de Napoléon*. Paris: Tallandier, 2005. 414 p.
- James L.S. Witnessing the Revolutionary and Napoleonic Wars in German Central Europe. London: Palgrave Macmillan, 2013.
- Kennedy C. Narratives of the Revolutionary and Napoleonic Wars. Military and Civilian Experience in Britain and Ireland. New York: Palgrave Macmillan, 2013.
- Largeaud J.-M. Les temps retrouvés de Waterloo // Revue d'histoire du XIXe siècle. 2002. № 2 (25). P. 145-152.
- Les Européens dans les guerres napoléoniennes* / Dir. N. Petiteau, J.-M. Olivier, S. Caucanas. Toulouse: Privat, 2012. 287 p.
- Linch K. Britain and Wellington's army. Recruitment, Society and Tradition, 1807-15. New York: Palgrave Macmillan, 2011.
- Martin B. Napoleonic Friendship: Military fraternity, intimacy and sexuality in 19th – century France. Durham: University of New Hampshire Press, 2011. 379 p.
- Mayer K.J. Napoleons Soldaten: Alltag in der Grande Armée. Darmstadt: Primus Verlag, 2008. 145 s.
- Michel P. Les Barabares, 1789-1848: un mythe romantique. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 1981. 656 p.
- Muir R. Tactics and the Experience of Battle in the Age of Napoleon. New Haven, L., 1998.
- Mir J.-P. Le Soldat d'Empire au quotidien. Vie d'autrefois. P.: Archives & Culture, 2007. 160 p.
- Perivier A. Napoléon journaliste Paris: Plon, 1918.
- Petiteau N. Lendemain de l'Empire: les soldats de Napoléon dans la France du XIXe siècle. P.: La Boutique de l'Histoire, 2003. 400 p.
- Petiteau N. Pour une anthropologie historique des guerres de l'Empire // Revue d'histoire du XIXe siècle. Pour une histoire culturelle de la guerre au XIXe siècle. 2005. № 30. P. 1-39.
- Petiteau N. «Sudhir Hazareesingh. The Legend of Napoleon. Londres: Granta Books, 2004» // Revue d'histoire du XIXe siècle [En ligne], 30 | 2005, mis en ligne le 19 février 2006. URL : <http://rh19.revues.org/1044> (время доступа 30.12. 2015).
- Petiteau N. La campagne de Russie de 1812: mythes et réalités // Revue des études slaves. 1812, la campagne de Russie. 2012. V. 83. № 4. P. 1047-1060.
- Pigeard A. L'Armée de Napoléon: organisation et vie quotidienne. P.: Tallandier, 2000. 366 p.

- Pingaud L. Les Française en Russie et les Russes en France. L'ancien régime, l'émigration, les invasions. P.: Perrin, 1886. 510 p.
- Rey M.-P. L'Effroyable Tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. P.: Flammarion, 2012. 390 p.
- Rothenberg G.E. The Art of Warfare in the Age of Napoleon. Bloomington: Indiana University Press, 1978. 272 p.
- Roynette O. Les mots des soldats. P.: Belin, 2004. 270 p.
- Roynette O. Pour une histoire culturelle de la guerre au XIXe siècle // Revue d'histoire du XIXe siècle. 2005. № 30.
- Russia and the Napoleonic Wars / Ed. J.M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. Palgrave Macmillan, 2015.
- Soldiering in Britain and Ireland, 1750-1850 / Ed. C. Kennedy; M. McCormack. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.
- War, Demobilization and Memory. The Legacy of War in the Era of Atlantic Revolutions / Edit. A. Forrest, K. Hagemann, M. Rowe. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2016.
- War memories. The Revolutionary and Napoleonic Wars in Modern European Culture / Ed. A. Forrest, É. François, K. Hagemann. New York: Palgrave Macmillan, 2012.
- Wishon M. German Forces and the British Army. Interactions and Perceptions, 1742-1815. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.

REFERENCES

- Bazhukov V.I. Voennaja antropologija: ob'ekt, predmet, napravlenija, metodologija // Armija i obshhestvo. 2008. № 3. S. 37-45.
- Beker Zh.-Zh. Novoe v izuchenii istorii Pervoj mirovoj vojny vo Francii // Novaja i novejšaja istorija. 1999. № 2. S. 44-52.
- Vovsi Je.M. Qui non proficit deficit (o nekotoryh napravlenijah po izucheniju jepohi vojny 1812) // Francuzskij ezhegodnik, 2011: Otechestvennaja vojna 1812 g.: aktual'nye vopr. sovr. istoriografii: Materialy Kruglogo stola. M., 2011. S. 348-357.
- Gladyshev A.V. Voprosy izuchenija istorii okkupacii Francii v 1814-1818 gg. i raboty Zh. Antrje // Istoriya i istoricheskaja pamjat'. Mezhvuz sb. nauch. tr. / Pod red A.V. Gladysheva. Saratov, 2012. Vyp. 6. S. 260-286.
- Gladyshev A.V., Totfalushin V.P. Stradanija francuza v Rossii. Po stranicam vospominanij R. V'ejo o prebyvanii v russkom plenu v 1812-1814 gg. // Rossija i Francija. XVIII-XX veka. M., 2006. Vyp. 7. S. 115-137.
- Gubina M.V. Francija v vosprijatii rossijskih voennyh: jevoljucija stereotipov (1814-1818) // Rossija i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovosprijatija. M., 2000. Vyp. 1. S. 136-141.
- Gubina M.V. Osobennosti obraza Rossii i russkih v soznanii francuzskih sovremennikov v 1814-1818 gg. // Rossija i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovosprijatija. M., 2002. Vyp. 2. S. 153-161.
- Zemcov V.N. Mikroistorija i perspektivy izuchenija Otechestvennoj vojny 1812 goda // Trudy Komi otdelenija Akademii voenno-istoricheskikh nauk. Syktyvkar; Vologda, 2012. Vyp. 8. S. 40-45.
- Zemcov V.N. Neskol'ko myslej, voznikshih pri chtenii doklada Je.M. Vovsi // Francuzskij ezhegodnik, 2011: Otechestvennaja vojna 1812 g.: aktual'nye vopr. sovr. istoriografii: Materialy Kruglogo stola. M., 2011. S. 358-363.
- Malyshekin S.A. Chelovek v Borodinskoj bitve: opyt istoriko-antropologicheskogo issledovanija // Otechestvennaja vojna 1812 goda: Istochniki. Pamjatniki. Problemy. Borodino, 1998. S. 103-115.
- Petito N. Francuzskaja istoriografija napoleonovskih vojn // Francuzskij ezhegodnik. 2013. M., 2013. S. 310-314.
- Senjavskaia E.S. Chelovek na vojne. Istoriko-psihologicheskie ocherki. M.: Institut rossijskoj istorii RAN, 1997. 232 s.
- Senjavskaia E.S. Voенно-istoricheskaja antropologija kak novaja otrasl' istoricheskoi nauki // Voенно-istoricheskaja antropologija. M., 2002. S. 135-145.

- Shein I.A. Istorija nastestvija Napoleona v Rossiju v otechestvennoj istoriografii // Trudy Komi otdelenija Akademii voenno-istoricheskikh nauk. Syktyvkar; Vologda, 2012. Vyp. 8. S. 3-30.
- Bertaud J-P. Quand les enfants parlaient de gloire. L'armée au Coeur de la France de Napoléon. P.: Grand livre du mois, 2006. 460 p.
- Blondeau B. Les occupation militaire etrangeres en 1814 et 1815 dans le Val de Sâon, le Beaujolais et la Domdes. Lyon: Société des Etudes Historiques Révolutionnaire et Impériales, 2013. 322 p.
- Britain's soldiers: rethinking war and society, 1715-1815 / Edit. K. Linch, M. McCormack. Liverpool: Liverpool University Press, 2014.
- Cadot M. Cosaques, Huns, Mongols: Les nouveaux barbares dans l'imaginaire europeen de 1814 à 1918 // Actas del VI simposio de la sociedad Espanola de literature general y comparada. Granad, 1988. P. 9-15.
- Cate C. La Campagne de Russie, 1812, le duel des empereurs. Paris: le Grand livre du mois, 2000).
- Daly G. The British Soldier in the Peninsular War: Encounters with Spain and Portugal, 1808-1814. Houndmills: Palgrave. 2013.
- Dechamps J. Sur la légende de Napoléon. Paris: H. Champion, 1931.
- Descotez M. La legende de Napoleon et les ecrivains francais du XIXe siècle. Paris 1967.
- Driaault É. Napoléon et l'Europe, la chute de l'Empire: la légende de Napoléon, 1812-1815. Paris: F. Alcan, 1927.
- Esdaile Ch., Freeman Ph. Burgos in the Peninsular War, 1808-1814. Occupation, Siege, Aftermath. Basingstoke: Palgrave Mcmillan, 2014.
- Forrest A. Napoleon's men. The Soldiers of the Revolution and Empire. L.: Hambledon and London, 2002. 248 p.
- Guerres et Cultures. 1914-1918 / Dir. J.-J Becker. Paris: Éditions Armand Colin, 1994.
- Gonnard Ph. Les origines de la légende napoléonienne: l'oeuvre historique de Napoléon à Sainte-Hélène. Paris: Calmann-Lévy, 1906.
- Hantraye J. Les Cosaques aux Champs-Elysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. P.: Belin, 2005. 303 p.
- Hazareesingh S. *La légende de Napoléon*. Paris: Tallandier, 2005. 414 p.
- James L.S. Witnessing the Revolutionary and Napoleonic Wars in German Central Europe. London: Palgrave Macmillan, 2013.
- Kennedy C. Narratives of the Revolutionary and Napoleonic Wars. Military and Civilian Experience in Britain and Ireland. New York: Palgrave Macmillan, 2013.
- Largeaud J.-M. Les temps retrouvés de Waterloo // Revue d'histoire du XIXe siècle. 2002. № 2 (25). P. 145-152.
- Les Européens dans les guerres napoléoniennes* / Dir. N. Petiteau, J.-M. Olivier, S. Caucanas. Toulouse: Privat, 2012. 287 p.
- Linch K. Britain and Wellington's army. Recruitment, Society and Tradition, 1807-15. New York: Palgrave Macmillan, 2011.
- Martin B. Napoleonic Friendship: Military fraternity, intimacy and sexuality in 19th – century France. Durham: University of New Hampshire Press, 2011. 379 p.
- Mayer K.J. Napoleons Soldaten: Alltag in der Grande Armée. Darmstadt: Primus Verlag, 2008. 145 s.
- Michel P. Les Barabares, 1789-1848: un mythe romantique. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 1981. 656 p.
- Muir R. Tactics and the Experience of Battle in the Age of Napoleon. New Haven, L., 1998.
- Mir J.-P. Le Soldat d'Empire au quotidien. Vie d'autrefois. P.: Archives & Culture, 2007. 160 p.
- Perivier A. Napoléon journaliste Paris: Plon, 1918.
- Petiteau N. Lendemain d'Empire: les soldats de Napoléon dans la France du XIXe siècle. P.: La Boutique de l'Histoire, 2003. 400 p.
- Petiteau N. Pour une anthropologie historique des guerres de l'Empire // Revue d'histoire du XIXe siècle. Pour une histoire culturelle de la guerre au XIXe siècle. 2005. № 30. P. 1-39.

- Petiteau N. «Sudhir Hazareesingh. The Legend of Napoleon. Londres: Granta Books, 2004» // Revue d'histoire du XIXe siècle [En ligne], 30 | 2005, mis en ligne le 19 février 2006. URL : <http://rh19.revues.org/1044> (время доступа 30.12. 2015).
- Petiteau N. La campagne de Russie de 1812: mythes et réalités // Revue des études slaves. 1812, la campagne de Russie. 2012. V. 83. № 4. P. 1047-1060.
- Pigeard A. L'Armée de Napoléon: organisation et vie quotidienne. P.: Tallandier, 2000. 366 p.
- Pingaud L. Les Française en Russie et les Russes en France. L'Ancien regime, l'emigration, les invasions. P.: Perrin, 1886. 510 p.
- Rey M.-P. L'Effroyable Tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. P.: Flammarion, 2012. 390 p.
- Rothenberg G.E. The Art of Warfare in the Age of Napoleon. Bloomington: Indiana University Press, 1978. 272 p.
- Roynette O. Les mots des soldats. P.: Belin, 2004. 270 p.
- Roynette O. Pour une histoire culturelle de la guerre au XIXe siècle // Revue d'histoire du XIXe siècle. 2005. № 30.
- Russia and the Napoleonic Wars / Ed. J.M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. Palgrave Macmillan, 2015.
- Soldiering in Britain and Ireland, 1750-1850 / Ed. C. Kennedy; M. McCormack. Basingstoke: Palgrave Mcmillan, 2012.
- War, Demobilization and Memory. The Legacy of War in the Era of Atlantic Revolutions / Edit. A. Forrest, K. Hagemann, M. Rowe. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2016.
- War memories. The Revolutionary and Napoleonic Wars in Modern European Culture / Ed. A. Forrest, É. François, K. Hagemann. New York: Palgrave Macmillan, 2012.
- Wishon M. German Forces and the British Army. Interactions and Perceptions, 1742-1815. Basingstoke: Palgrave Mcmillan, 2013.

Гладышев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и заведующий кафедрой региональной истории и музееведения СГУ им. Н.Г. Чернышевского; Gladav2002@mail.ru

The anthropological turn in military history

The anthropological turn was reflected on military history too, on the basis of which military-historical anthropology stands out. In the historiography of the human dimension in military history discussions began in 1994-1995. The turn in the anthropologization of the history of Napoleonic wars (and wars of the XIX century, in general) took place five or seven years later than a turn in the anthropologization of the wars of the XX century. The attention of researchers is now focused on the cultural and social aspects of war as a historical phenomenon. At the same time, the "turn" is conditional: those subjects that are considered as a visiting card of military historical anthropology today often became the object of attention before all declarations about this turn. In the end, that turn is a statement of what was accomplished already and not a declaration of intent.

Keywords: anthropological turn, military history, history of France, Napoleonic wars, microanthropological analysis, cross-cultural synthesis, nanohistory

Andrei Gladyshev, Dr.Sc. (History), Professor of the Department of World History, Head of the Department of Regional history and Museology, Saratov State University. Gladav2002@mail.ru

К. А. СОЛОВЬЕВ

«ГОСПОДСТВУЙ И ИМЕЙ НАД ЩАСТЬЕМ ПОЛНУ ВЛАСТЬ»
СЕМАНТИКА ВЛАСТИ В ТОРЖЕСТВЕННЫХ ОДАХ
М. В. ЛОМОНОСОВА

Анализ текстов торжественных од М.В. Ломоносова, позволяет судить об эволюции его представлений о характере власти в России. В статье сделан вывод о том, что семантическое поле власти в одах Ломоносова менялось под действием внешних и внутренних факторов. Главные внешние факторы – личность того монарха, которому посвящалась ода, и место самого Ломоносова у трона, внутренние – знакомство с литературой и источниками по истории России, разработка собственной концепции ранней российской истории. Становясь старше, искусней и опытней, Ломоносов ощущал в себе силы и право перейти от восхвалений к наставлению.

Ключевые слова: М.В. Ломоносов, оды, история России, семантика власти, литература и власть в XVIII в.

М.В. Ломоносов был одним из тех, кто в XVIII в. создавал историческую науку России, не будучи историком по профессии. Для него, как и для других великих повествователей о русской истории (В.Н. Татищева, М.Н. Щербатова, а в начале XIX в. и М.Н. Карамзина), не существовало жестких границ между литературой и историей как способами письма (при том, естественно, что границы между литературным вымыслом и исторической правдой уже были установлены). Повествование о событиях прошлого как яркий, эмоционально насыщенный рассказ, обязательная нравственная оценка поступков исторических лиц, сопереживание героям и объяснение событий, лежащее скорее в плоскости психологии, чем поиска закономерностей – все это общие черты исторических сочинений того времени. Еще одна черта – осознанная публицистичность, на грани морализаторства, не оставлявшая места объективизму в отборе, изложении и оценке исторических фактов.

Авторы, названные выше и представляющие три другие вершины своеобразного квадрата, вмещавшего в себя историческое сознание России XVIII – начала XIX в., раскрывали свои представления о российской истории непосредственно в публицистике. Ломоносов публицистики не писал. В его случае именно литература, а точнее – поэзия, была не только возможностью выразить взгляды на историю, но и наиболее действенным способом эти взгляды сформировать. И занятия «одической поэзией» этому много способствовали.

Жанр «торжественной оды», в котором Ломоносов достиг вершин отечественной словесности и безусловного признания коллег и покровителей, требовал соотнесения событий современности с великими датами прошлого и деяниями предков. Торжественные оды писали к определен-

ной дате, связанной с военными победами или с главными государственными праздниками, к числу которых в XVIII в. относились четыре ежегодных царских дня (день восшествия на престол, день коронации, день тезоименительства и день рождения царствующей особы), а также дни рождения и кончины лиц царской семьи¹. Будучи одами «похвальными», они создавались в первую очередь для «прославления» монарха, приобретая «статус официального культурного факта»², а значит – документа, фиксирующего властные интенции в обществе.

Смысл «торжественной» оды, традиции которой были заложены еще в V в. до н.э. Пиндаром³, в «канонизации» исторического действия происходившего на глазах поэта, в переводе настоящего в вечное⁴. Автор оды, решавший, что заслуживает вечности, а что – нет, обладал властью «легитимации смыслов» через называние события, поступка, персонажа и рассказ о нем (нарратив)⁵. Эту функцию одической поэзии Е.А. Погосян назвала «политической эмоцией», которая фиксирует, как то или иное политическое событие должно было быть пережито подданными российского монарха⁶. Те поступки монарха, что воспеты в оде, и будут восприниматься как правильное (легитимное) властное поведение. Вставая в позу исторического рассказчика, автор оды, терял субъектность. Ода «оказывалась выражением общего мнения; голос одического поэта оборачивался гласом народным»⁷. Эта «пиндарическая» традиция торжественных од (через посредство Плиния Младшего и значительно более близкого к рассматриваемой эпохе Ронсара) была воспринята Ломоносовым из «петербургско-немецкой» поэзии Юнкера и Штелина, о чем подробно писал еще Л.В. Пумпянский⁸.

Другая традиция, идущая от Горация, – традиция политических од, в которых закрепляется идея служения государю и, даже, в большей степени, государству. Она важна для всей поэзии XVIII в., а особенно для Ломоносова. Недаром его перевод «Памятника» Горация, опубликованный в 1748 г. – первый в России⁹. Эта традиция требует воспринимать автора од «как вдохновенного пророка, учителя народа и выразителя самосознания нации»¹⁰. Пророк стоит и над царем, и над народом. Он

¹ Алексеева 2005. С. 7. Автор предлагает называть торжественные оды «государственными», что должно подчеркнуть их политическое значение.

² Бухаркин 2011. С. 96.

³ Имя Пиндара упомянуто Ломоносовым в первой же торжественной оде «Блаженныя памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года» (Ломоносов 1959. С. 29).

⁴ См.: Гаспаров 1980. С. 361-383.

⁵ Подробно о нарративе, легитимирующем знание: Лиотар 1998. С. 79-92.

⁶ Погосян 1997.

⁷ Бухаркин 2011. С. 96.

⁸ Пумпянский 1983. С. 3-44. Отмечено и влияние Буало (Серман 2006. С. 8).

⁹ Мусорина 2000. С. 86-90.

¹⁰ Салова 2005. С. 112.

тоже теряет свою субъектность, но по другой причине, нежели поэт – его устами говорит Бог. А это значит, что пророк может указать «путь», предсказать неведомые изменения, то есть, говоря современным языком, обозначить вектор развития общества.

Таким образом, мы можем говорить о том, что семантика политического слова в торжественных одах XVIII в. – двойная. С одной стороны, она учит власть быть легитимной, что значит совершать поступки, востребованные народом. С другой – учит народ понимать власть и служить ей. При этом автору од совсем не нужно что-либо критиковать в действиях власти, чтобы выразить свое к ней отношение. Ему вполне достаточно похвал. *Отбор* того, что следует хвалить; *обоснование* похвал и *сопряжение образов*, необходимых для выражения похвалы составляют семантическое поле власти в поэтической речи.

Первый опыт сочинения Ломоносовым «торжественной» оды относится к 1739 г. В «Оде на взятие Хотина» главный мотив легитимации власти – это *оправдание военной победой*. Самая показательная в этом отношении двадцатая строфа оды, выглядит так:

«Кто скоро толь тебя, Калчак,
Учит Российской вдаться власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?
Правдивой Аннин гнев велит,
Что падших перед ней шадит.
Ея взошли и там оливы,
Где Вислы ток, где славный Рен,
Мечем противник где смирен,
Извергли дух сердца кичливы»¹¹.

Слово «власть» здесь означает Российское государство, воинскими победами расширяющее свое пространство. А имя «правдивой» (в этом контексте – справедливой) Анны возникает, когда надо указать перед кем должны «смириться» народы после взятия русскими войсками Данцига и похода вдоль Рейна 1734 г. Славные победы русского оружия составляют «счастье» жителей России, которые теперь могут жить «военных не страшася бед», и Россия тем самым становится страной мира и покоя, «народ где Анну прославляет»¹². Мотив оправдания победами усилен отсылкой к истории русских военных побед. Свидетелями взятия Хотина становятся государи – победители прошлых лет: Петр I и «смиритель стран Кавказских» Иван IV¹³. Впоследствии этот мотив будет неоднократно использован Ломоносовым в его торжественных одах. Для этой же он – единственный, если не считать двух строк в строфе 28:

¹¹ Ломоносов. ПСС. Т. 8. С. 27.

¹² Там же. С. 29 (строфа 25).

¹³ Там же. С. 23.

«Любовь России, страх врагов,
Страны полночной Героиня,
Седми пространных морь берегов
Надежда, радость и Богиня,
Велика Анна, Ты доброт
Сияешь светом и щедрот...
Прости, что раб твой к громкой славе
Звучит что крепость сил Твоих,
Придать дерзнул не красной стих
В подданства знак Твоей державе»¹⁴.

Но «свет доброт и щедрот», в семантическом поле этой оды, выглядит, скорее, как надежда на награды (как победителям, так и автору, победы прославляющему), чем характеристика власти императрицы Анны.

В одах 1741 года, написанных в период номинального правления Ивана VI Антоновича, мотив оправдания власти победами звучит столь же сильно. В оде на день рождения императора (12 августа) он выглядит как обещание новых побед:

«Целую Ручки, что к державе
Природа мудра в свет дала,
Которы будут в громкой славе
Мечем страшить и гнать врага».
«Господствуй, радость, ты едина
Над Властью толь широких стран.
Но, мышлю, придет лишь година,
Познаешь как, что враг погран
Твоих удачами славных Дедов...»¹⁵.

В оде «Первые трофеи его величества Иоанна III, императора и самодержца всероссийскаго, чрез преславную над шведами победу августа 23 дня 1741 года», этот мотив переведен из будущего в настоящее время:

«Российских войск хвала растет,
Сердца протеррски страх трясет,
Младой Орел уж льва терзает;
Преж нежелъ ждали, слышим вдруг
Победы знак, палящий звук.
Россия вновь трофей вздымает
В другой на Финских раз полях»¹⁶.

Но гораздо более важный, легитимационный мотив появляется в первой из этих од. Это *мотив исторической ответственности*, искусно вводимый Ломоносовым через обращение к событиям самого древнего прошлого. Отправной посыл звучит в 12 строфе: «Монарх Наш – сильных двух колен»¹⁷, – российского и германского. И поэт обращается к

¹⁴ Там же. С. 30.

¹⁵ Там же. С. 36 и 37.

¹⁶ Там же. С. 43.

¹⁷ Там же. С. 38.

истории приглашения Рюрика как к главному прецеденту формирования власти и утверждения правящей династии в российской истории:

«Разумной Гостомысл при смерти
Крепил Князей советом збор:
«Противных чтоб вам силу стерти,
Живите в дружбе, бойтесь ссор.
К брегам Варяжских вод сходите,
Мужей премудрых там просите,
Моглиб которы править вас».
Послы мои туда сходили,
Откуда Рурик, Трувор были,
С Синавом три Князья у нас»¹⁸.

Далее Ломоносов упоминает «славных потомков» Рюрика: Игоря и Дмитрия Донского. Здесь перед нами – уникальный пример исторического «норманизма» Ломоносова. Это позже, когда история России станет предметом пристального изучения, Ломоносов станет основоположником антинорманистского направления в российской исторической науке. А в 1741 г. исторический норманизм прекрасно «укладывался» в текущие политические обстоятельства. Немец по отцу, Иоанн Антонович предстает в оде *будущим Игорем*:

«Что я пою воински звуки,
Которы быть хотят потом?
Пора воздеть на небо руки,
Просить о здравье то драгом,
Чего Иоанну я желаю»¹⁹.

И здесь уместно вновь обратиться к семантике власти и собственно термину «власть», используемому Ломоносовым в торжественных одах. Если в первой оде 1741 г. термин «Власть» (с заглавной буквы) – синоним слова «держава» (то есть правление), то во второй оде власть (со строчной буквы) – это собственно страна, Россия: «Смотри, тяжка коль Шведов страсть, / Коль им страшна Российска власть»²⁰. Собственно говоря, термин «власть» в первых одах Ломоносова практически невозможно отделить от термина «держава», трактуемого и как государство, и как страна. Кроме того, термины «власть» и «держава» могут обозначать и *правление* в стране. Правда, это последнее значение выражено крайне слабо, поскольку значение слова «власть», в одах этих лет, обращено вовне страны, на ее противников. И главным легитимирующим власть мотивом остается обращение к прошлым, настоящим и будущим военным победам.

Со вступлением на престол императрицы Елизаветы Петровны М.В. Ломоносов получил преимущественное (если не использовать

¹⁸ Там же. С. 39.

¹⁹ Там же. С. 40-41.

²⁰ Там же. С. 46.

слово «исключительное») право на написание и представление «торжественных» од. За все 1740-е гг. известны только три оды такого типа, написанные не Ломоносовым²¹. По сути, только ему было предоставлено право выражать общественное мнение (в том виде, как его понимали в середине XVIII в.). И он, не отказываясь от «воспевания» побед, находит новые мотивы «оправдания власти».

В первой же оде, представленной по случаю восшествия Елизаветы на престол, соединенного с днем рождения императрицы (18 декабря 1841 г.), М.В. Ломоносов предлагает трехсоставную формулу обоснования прав дочери Петра I на престол:

Достойна на престол вступи,
К присяге мы готовы вси.
Отдай красу Российску трону
По крови, правам и закону»²².

«Кровь» в этой формуле означает прямое и ближайшее родство с императором Петром I (чего, разумеется, не было ни у Анны Иоановны, ни, тем более, у Ивана Антоновича). «Права» (по нашему разумению) – намек на то, что первым шагом к утверждению на престоле Анны Иоановны было решение Верховного тайного совета, что можно рассматривать как узурпацию прав монаршей власти. Елизавета, в данной логике, не нуждается в подкреплении своих прав каким-либо государственным органом, она обладает ими изначально.

Вместе «кровь» и «права» составляют начала легитимности власти Елизаветы (так можно было бы сказать, если бы в то время существовало само понятие «легитимность»). «Закон» же олицетворяет легальность этой власти. Хотя, понятно, что в своей оде Ломоносов не имел в виду российское законодательство о престолонаследии и в, частности, указ Петра I от 5 февраля 1722 г. Скорее, имелся в виду акт присяги, к которому, по его утверждению «готовы вси».

Мотивы обоснования власти императрицы Елизаветы Петровны, прозвучавшие в первой оде (прежде всего – мотив «крови», «родства»), потом будут много раз повторены и усилены в одах последующих. Так, уже в феврале 1742 г., в оде «На возвращение из Голштинии 10 февраля 1742 г.», описано всеобщее ликование «в сие благоприятно время»:

«Когда всещедрый наш Творец
Восставил нам Петрово племя
И нашей скорьби дал конец,
Уж с радостью любовь согласно
Везде ликуют безопасно.
Всего народа весел шум»²³.

²¹ Алексеева 2005. С. 203.

²² Ломоносов. ПСС. Т. 8. С. 57.

²³ Там же. С. 60.

Но здесь над всеми мотивами, с помощью которых утверждается власть Елизаветы, возвышается один универсальный – мотив высшей (божественной) справедливости. «Всевышняя власть», получаемая не от людей, а от Бога, трактуется как некое качество, которое само по себе преобразует человека, им наделенного, и отделяет от обычных людей:

«Наместница всевышней власти,
Что родом, духом и лицом
Восходит выше смертных части
Прехвальна, совершенна всем,
В которой всех даров изрядство,
С «величеством цветет приятство!»²⁴.

Еще один важный легитимационный мотив представлен Ломоносовым в оде от 10 февраля 1742 г.: «правильная» власть существует во благо России, и это благо (в полном соответствии с законами «пиндаровской» оды) уже *явлено* во всех сферах жизни:

Млеком и медом напоенны,
Тучнеют влажны берега,
И, ясным солнцем освещенны,
Смеются злачные луга.
С полудни веет дух смиренный
Чрез плод земли благословенный.
Утих свирепый вихрь в морях,
Владеет тишина полями,
Спокойство царствует в градах,
И мир простерся над водами²⁵.

Заявленное в одах Ломоносова понимание власти императрицы Елизаветы, как а) преемственной от Петра I, б) законной, в) находящейся под божественным покровительством и г) благотворной для России, - были частично воспроизведены и другими авторами. Благотворность власти Елизаветы – одна из центральных тем «Благодарственной» оды В.К. Третьяковского (второй пол. 1740-х гг.):

«Твоя жизнь наша радость;
Тобою всё цветет;
Ты здрава, нам то сладость:
Всё о тебе живет.
Храни, мы благодушны;
Вели, се мы послушны»²⁶.

Мотив преемственности власти от Петра I есть в оде А.П. Сумарокова «Всемилоостивейшей Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, в 25 день ноября 1743»:

«Взгляни в концы твоей державы,
Царица полунощных стран,

²⁴ Там же. С. 65.

²⁵ Там же. С. 67.

²⁶ Третьяковский 2009. С. 173.

Весь Север чтит, твои уставы
 До мест, что кончит океан,
 До края областей безвестных,
 Исполнен радостей всеместных,
 Что ты Петров воздвигла прах,
 Дела его возобновила
 И дух его в себе вместила,
 Являя свету прежний страх»²⁷.

Там же звучит и идея божественного покровительства власти Елизаветы ради блага России и ее народа:

«О боже, восхотев прославить
 Императрицу ради нас,
 Вселенну рушить и восставить
 Тебе в один удобно час,
 Тебе судьбы суть все подвластны.
 Внемли вопящих вопль согласный –
 Перемени днесь естество,
 Умножь сея девицы леты,
 Яви во днях Елисаветы,
 Колико может божество»²⁸.

Ответом на это обращение к божественному провидению, выглядит фрагмент из оды Ломоносова «На прибытие Ея Величества Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации». Здесь звучит прямая речь Господа:

«Благословенна вечно буди, –
 Вещает Ветхий деньми к Ней, –
 И все твои с тобою люди,
 Что вверил власти Я Твоей.
 Твои любезныя доброты
 Влекут к себе Мои щедроты.
 Я в гнѣе Россам был Творец,
 Но ныне паки им Отец:
 Души Твоей кротчайшей сила
 Мой гнев на кротость преложила
 ...
 Мой образ чтят в Тебе народы
 И от Меня влиянный дух;
 В бесчисленны промчется роды
 Доброт Твоих неложный слух.
 Тобой поставлю суд правдивый,
 Тобой сотру сердца кичливы,
 Тобой Я буду злость казнить,
 Тобой заслугам мзду дарить;
 Господствуй, утверждена Мною;
 Я буду завсегда с Тобою»²⁹.

²⁷ Сумароков 1957. С. 59.

²⁸ Там же. С. 63.

Здесь же, впервые в торжественной оде, Ломоносов пишет о том, что *должна делать* Елизавета, будучи правительницей России. (Речь идет об оригинальном творчестве. До этого, в переводе оды Ф.В. Юнкера на коронавание Елизаветы была сформулирована целая программа правления только что вступившей на престол императрице. Но для того, чтобы ответить на вопрос: в какой мере эта программа соотносится со взглядами самого Ломоносова, необходимо отдельное исследование.) Ключевая фраза: «Тобой поставлю суд правдивый». Остальные положения – производны от этого первого.

Для начала, для первой попытки рассказать императрице, что ей надо делать как властному лицу, это самое подходящее положение, поскольку оно очень точно вписывается в общехристианское (библейское) представление о том, для чего нужна власть. Правда, Библия не знает «правдивого суда». В ее текстах используется другое выражение: «праведный суд», опирающееся на фрагмент из Второзакония: «Во всех жилищах твоих, которые Господь, Бог твой, даст тебе, поставь себе судей и надзирателей по коленам твоим, чтоб они судили народ судом праведным» (Втор. 16; 1). Праведный (он же «справедливый») суд – безусловное качество христианской «правильной власти»³⁰. Соответственно, высказывая это пожелание, Ломоносов ничем не рисковал и в то же время, пусть осторожно, но примеривался к роли «пророка», что и полагалось автору од не только «торжественных», но и «политических». В последующих одах, он, не забывая о восхвалениях, постепенно расширял возможности высказывать пожелания власти.

В середине 1740-х гг. в «похвальных» одах Ломоносова складывается жесткая конструкция «оправдания власти». В качестве неизменных элементов в ней выступают два легитимационных мотива и две главные характеристики власти. Первый и самый крупный по объему текста (и смысла) легитимационный мотив – это характеристика власти Елизаветы как прямого продолжения правления ее отца – Петра I. А это правление, в свою очередь, подается как абсолютное благо для России. Все черты петровского правления: от внешних побед, до покровительства наукам и ремеслам, являют собой в одах Ломоносова непрерывную череду подвигов, создавших «славу» России. Более того, поскольку до 1752 г. в одах Ломоносова, посвящённых Елизавете или Петру III, не упомянут никто из тех, кто правил Россией до Петра I, петровская эпоха являет собой отчетливую точку отсчета новой российской истории, а императорская власть существует сама по себе, вне связи с российской историей. Такое понимание власти очень близко к утверждае-

²⁹ Ломоносов. ПСС. Т. 8. С. 84-85.

³⁰ «И дал я повеление судьям вашим в то время, говоря: выслушивайте братьев ваших и судите справедливо, как брата с братом, так и пришельца его». (Втор. 1; 16).

тому самим Петром I культурному разрыву с византийской властной традицией и переориентацией на властную традицию Рима³¹.

Второй легитимационный мотив – божественное покровительство Елизавете «Когда на трон Она вступила, / Как Вышний подал Ей венец»³². Прямое покровительство божественных сил или «неба», «небес» у Ломоносова служит синонимом божественной власти российской императрицы («К нам щедро небо преклонилось, / И щастье наше обновилось: / На трон взошла Петрова Дщерь»³³). Как справедливо отметила Е.А. Погосян, применительно к одам Ломоносова 1750-х гг., «главная функция монарха — осуществление “контакта с небесами”, и именно эта функция определяет тип отношений монархини и подданных»³⁴.

Два этих мотива (земной «славы» и «небесного» покровительства), взятые вместе, составляют одну мысль: божественная воля состоит в том, чтобы Россией правил прямой потомок Петра, который будет править так, как правил Петр, и проводить его политику, его же методами. В характеристике власти Елизаветы Петровны первое место отводится ее «славе» – то есть военным победам или (вариант, обозначенный в оде 1742 г. и набирающий силу в одах середины 1740-х гг.) могуществу России, наслаждающейся заслуженным миром:

«Елисавета к вам приходит,
Отраду с тишиной приводит;
Любя вселенныя покой,
Уже простертой вам рукой
Дарует мирные оливы,
Щадить велит луга и нивы»³⁵.

Все более важное место в характеристике власти Елизаветы второй половины 1740-х гг. занимает та функция государя, которая может быть обозначена как справедливый или «праведный» суд:

«Священны да хранят уставы
И правду на суде судьи,
И время Твоя державы
Да улажат рабы Твои»³⁶.

Вместе две характеристики власти («слава» и «праведный суд») составляют «щастие» России и ее народов, как это явлено в оде 1746 г. «На день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийския:

«Коль наша радость справедлива!
Нас красит сладостный покой;

³¹ См.: Успенский 2000. С. 48-49.

³² Ломоносов. ПСС. Т. 8. С. 198

³³ Там же. С. 139.

³⁴ Погосян 1997.

³⁵ Ломоносов. ПСС. Т. 8. С. 93.

³⁶ Там же. С. 216.

О коль, Россия, ты щастлива
Елисаветиной рукой!»³⁷

или в надписи на иллюминацию 1751 г.:

«Веселием сердца год новый оживляет
И ново щастие в России утверждает.
Довольство, здравие и щастие цветет,
Где светит именем своим Елисавет.
Россия веселясь блажит ея державу,
Что каждый год свою растущу видит славу»³⁸.

При всей неизменности этой легитимно-функциональной конструкции власти, раз за разом повторяемой Ломоносовым в похвальных одах и различного рода торжественных надписях, она могла быть дополнена еще одним элементом «щастья». Например (как в оде 1746 г.) – отторжением иноземцев от престола:

«Взирая на дела Петровы,
На град, на флот и на полки
И купно на свои оковы,
На сильну власть чужой руки,
Россия ревностно вздыхала
И сердцем всякой час зывала
К Тебе, Защитнице своей:
«Избавь, низвергни наше бремя,
Воздвигни нам Петрово Племя,
Утешь, утешь Твоих людей
Покрой Отчески законы,
Полки противных отжени
И святости Твоей Короны
Чужим коснуться возбрани;
От церькви отврати налоги:
Тебя Монарши ждуд чертоги,
Порфира, Скипетр и Престол;
Всеvyšний пойдет пред Тобою
И крепкою Тебя рукою
От страшных всех защитит зол»³⁹.

Но это единичный случай. Более важная черта од Ломоносова, ставшая заметной в середине – второй половине 1740-х гг., это указание на главную составляющую «щастья» России – развитие наук (в поэтической речи – муз). Наиболее ярко эта тенденция проявилась в самой знаменитой оде Ломоносова: «На день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елизаветы Петровны 1747 года»:

«Великая Петрова Дщерь
Щедроты отчи превышает,

³⁷ Там же. С. 143.

³⁸ Там же. С. 410.

³⁹ Там же. С. 138-139.

Довольство Муз усугубляет
И к счастью отверзает дверь.

...

Сия Тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная Твоя держава
О как Тебе благодарит!
Возри на горы превысоки,
Возри в поля Свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет:
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью Твоей цветет»⁴⁰.

К началу 1750-х гг. мотив покровительства наукам, как третья составляющая «счастья» России и важнейшая функция императорской власти, прочно утверждается в торжественно-поэтической речи Ломоносова, а сама легитимационно-функциональная конструкция «оправдания власти» приобретает, казалось бы, заверченный вид. Но именно в 1740-е гг. Ломоносов, благодаря усердным занятиям и сотрудничеству с В.Н. Татищевым, становится одним из крупных знатоков российской истории. Историческое мышление «вторгается» в его поэзию. Ломоносов начинает изменять (если не сказать – ломать) им же созданную конструкцию, вводя в нее элементы легитимности допетровских эпох.

Первый раз эту новую (если не считать «норманистской») оды Ивану Антоновичу) конструкцию мы находим в его «Похвальном слове» императрице Елизавете 1749 г. Здесь Ломоносов вводит новый легитимационный мотив – героических деяний предков государыни. Теперь ее «достоинства» – не только продукт «воли небес», но и прямое продолжение достоинств ее предшественников во власти. Ключевое положение этого нового мотива выглядит следующим образом: «Из всех достоинств Монархини наша показуется, коль велики были Ея предки, которыми оживленная, восставленная, укрепленная, возвеличенная, просвещенная Россия ныне над всеми земными царствами главу свою возносит, которых славныя дела и заслуги к отечеству не меньше надлежат к похвале Ея Величества, нежели кровь оных к Ея рождению послужила»⁴¹.

В 1749 г. Ломоносов был готов вести отсчет «великих дел» от основателя династии Романовых Михаила Федоровича, «обновляющего рассыпанные стены, сооружающего разоренные храмы, собирающего расточенных граждан, наполняющего расхищенные государственные сокровища, исторгающего корень богоотступных хищников Российскаго престола и Москву от жестокаго поражения и глубоких ран исце-

⁴⁰ Там же. С. 202-203.

⁴¹ Там же. С. 240.

ляющего»⁴². Далее следуют дела Алексея Михайловича, «утверждающего благополучие подданных спасительными законами, полки военною наукою, церковь истреблением ереси, простирающего победоносный меч свой на Сармацию и России издревле принадлежащая великия княжества праведным оружием России возвращающего»⁴³. И затем он переходит к деяниям Петра I и его супруги Екатерины. Тем самым в концепцию императорской легитимности был введен историко-героический мотив преемственности «великих деяний».

В оде 1752 года возможности историко-героического обоснования власти государыни были расширены на всю историю России, правда, под специфическим углом зрения, который сейчас именуется «гендерным подходом» в исторических исследованиях. В оде «На торжественный день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны ноября 25 дня 1752 года» Ломоносов называет тех женщин, которые «Явили мужеско геройство / Через славныя свои дела»⁴⁴. Он начинает с княгини Ольги, указывая на ее великие качества («Премудрость, храбрость и святыня»), затем называет Елену Глинскую – «великую делами мать», затем мать Петра I – Наталью Нарышкину и, конечно, Екатерину I, «участницу великих дел» ее супруга.

В обновленной конструкции легитимности власти 1750-х «великие» или «славные» дела по-прежнему находятся в ее центре. Именно величие дел служит «оправданием» власти и легитимизирует ее носителей, вместе с божественным покровительством России и правителю, ее олицетворяющему. Но точка отсчета теперь сдвинута от начала XVIII века к веку десятому и распространяется на всю историю России, что и закреплено в оде «На рождение Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Павла Петровича сентября 20 1754 года»:

«О Боже, крепкий Вседержитель
Пределов Росских расширитель,
Коль милостив бывал ты нам!
Через семь сот лет едино племя
Ты с Росским скиптром сохранил»⁴⁵.

Показательно, что Ломоносов называет семь, а не восемь сотен лет правления на Руси, то есть ведет отсчет не от Рюрика и даже не от Игоря Старого, а именно от Ольги. Конечно, можно заметить, что в данной конструкции фразы «восемь сот» не попадают в размер, но для поэта это не может быть препятствием. Легкая переделка строки: «Лет восемь сот едино племя», – и задача решается. Значит, для Ломоносова

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 503.

⁴⁵ Там же. С. 564.

точка отсчета принципиальна. Обратимся вновь к оде, в которой история впервые была использована Ломоносовым, в качестве легитимационного мотива. Это ода «Первые трофеи его величества Иоанна III». Иоанн Антонович на три четверти немец, для него выбирается в качестве точки отсчета «варяг» Рюрик. Позже занятия Ломоносова историей и разработка антинорманистской концепции происхождения государства на Руси приводят его к другой точке отсчета – Ольге, которую в «Родословии российских государей» Ломоносов называет псковитянской и, «по мнению некоторых», правнучкой Гостомысла⁴⁶. «Немцы» Рюрик и Игорь отвергнуты. Образцом для «русской» Елизаветы должна служить «русская» Ольга.

В 1750-е гг. историко-героический легитимационный мотив становится одним из трех равноправных, наряду с наследием Петра I и божественным благословением. А в начале 1760-х гг., особенно в оде «Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне, Самодержице Всероссийской, на преславное Ея восшествие на всероссийский императорский престол июня 28 дня 1762 года», – он отчетливо выходит на первый план. Причем в рамках этого мотива возникают несколько новых тематических планов и легитимность Екатерины получает дополнительное обоснование.

Во-первых, Петр III (ликвидировавший все результаты побед русских войск в Семилетней войне) – не герой. А Екатерина не только указывает героические черты характера («премудрая Героиня»⁴⁷), но и окружена «избраннейшими героями»⁴⁸. Во-вторых, преемственность власти от Петра I определяется у Ломоносова не по кровному родству («Не предадим Твоей любви, / Не пощадим последней крови»⁴⁹), а по родству духовному. Екатерина II – наследница великих дел Екатерины I и Елизаветы Петровны и тем «сердца влечет»⁵⁰. Герой на троне нужен России и, следовательно, он торжествует над не героем:

«Теперь злоумышление в яме,
За гордость свержено, лежит:
Екатерина в Божьем храме
С благоговением стоит»⁵¹.

В-третьих (и это, на наш взгляд, самое важное), историко-героическая трактовка распространяется теперь не только на правителей, но и на весь народ:

⁴⁶ Ломоносов. ПСС. Т. 6. С. 346.

⁴⁷ Ломоносов. ПСС. Т. 8. С. 775.

⁴⁸ Там же. С. 776.

⁴⁹ Там же. С. 775.

⁵⁰ Там же. С. 776.

⁵¹ Там же. С. 777-778.

«Исчислите у нас Героев
От земледельца до Царя,
В суде, в полках, в морях и в селах,
В своих и «а чужих пределах
И у святого олтаря»⁵².

А раз так, то легитимность правителя определяется героической симфонией царя и народа:

«О коль Монарх благополучен,
Кто знает Россами владеть!
Он будет в свете славой звучен
И всех сердца в руке иметь»⁵³.

Термина «симфония», применяемого в Византии (и России XVII в.), для описания взаимодействия во власти царя и церкви, в оде, разумеется, нет. Но не вспомнить о нем нельзя, так как там есть такие строки:

«...любите веру:
Она – свирепости узда,
Сердца народов сопрягает
И вам их верно покоряет,
Твердее всякаго щита»⁵⁴.

Здесь отчетливо звучит мотив единства монарха и народа, базирующегося на общей вере. Этот легитимационный мотив потом возродит Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» и обессмертит своей формулой «православие, самодержавие, народность» С.С. Уваров. Мотив «единства правителя и народа» теперь вытесняет прежде мощно звучавший у Ломоносова мотив «щастья» народа под «державой» царя. И поэтому совсем не случайны в той же оде такие строки:

«Услышьте, Судии земные
И все державные главы:
Законы нарушать святыя
От буйности блюдитесь вы
И подданных не презирайте,
Но их пороки исправляйте
Ученьем, милостью, трудом.
Вместите с правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготы,
То Бог благословит ваш дом»⁵⁵.

Ю.Н. Алексеева, отметила, что в этих строках Ломоносов формулирует «концепцию власти, основанной не на праве, а на заслуге, и требует от Екатерины заслуг перед Россией, способных оправдать ее шаг»⁵⁶. С первым положением, безусловно, нужно согласиться. Героиче-

⁵² Там же. С. 779-780.

⁵³ Там же. С. 780.

⁵⁴ Там же. С. 778.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Алексеева. 2005. С. 182.

ское начало власти ведет к накоплению суммы заслуг. А совокупность заслуг, по Ломоносову, служит прочным ее основанием. Но мог ли Ломоносов «требовать» этих заслуг? Если соглашаться с этим, то с важной той оговоркой: это – не характеристика отношений Ломоносова и Екатерины II (здесь слово «требовать» немыслимо), а жанрово обусловленный прием торжественной речи. И наконец: выбранный фрагмент – никак не требование заслуг (скорее можно говорить обо всем содержании оды, которое представляет собой набор ожиданий героической судьбы Екатерины как правительницы), а стилизация под речь псалмопевца. То есть, это наставление, но данное в максимально обезличенной форме (с коннотацией: поэт – пророк), с использованием не только семантики псалмов, но и их лексики: «судьи земные» (Пс. 2 и 148), «блюсти (соблюдать) законы» (Пс. 104), «не презирать» страждущих (Пс. 21), беспомощных (Пс. 101), «правда», «милость» и «щедроты» (в Псалмах – только божественные или им даруемые, за исключением «правды» в Пс. 111).

Отметим здесь мысль М. Левитта: «...Оды, сознательно возводившиеся к псалмической модели, стали важнейшим жанром литературы XVIII в. Суть в том, что жанр торжественной оды был питаем сильнейшим источником культурной памяти, и его основные формальные установки отсылали к фундаментальным свойствам русской традиции...»⁵⁷. Важно и то, что псалмопевческая семантика, архаичная по своей природе, в отмеченном выше фрагменте, искусно переплетена с самой актуальной для XVIII в. тематикой – просвещённой монархии: «пороки исправляйте», «ученье», «народна льгота» (те самые «польза» и «пример», о значении которых в панегирическом творчестве Ломоносова 1760-х гг. подробно писала Е.А. Погосян⁵⁸). Это должно было польстить Екатерине, стремящейся в начале своего царствования к одновременному решению двух задач: стать для России своей (что, в первую очередь, значит – православной) и выполнить миссию «просвещённого монарха» в «вольтеровском» понимании этого термина. Самому же Ломоносову поддержка деяний Екатерины в решении этих двух задач, давала возможность занять двойную позицию: с одной стороны – архаического (или классицистического) «пророка», вещающего от имени народа, с другой – мыслителя, утверждающего научную истину.

Итак, мы видим, что семантическое поле власти в одах М.В. Ломоносова постоянно менялось, под действием «внешних» для него факторов (прежде всего – личности каждого нового монарха), так и факторов «внутренних». Становясь старше, искусней и опытней он ощущал в себе силы (и внутреннее право) перейти от восхвалений к наставлению. Профессионально занимаясь древней российской историей, он

⁵⁷ Левитт 2004. С. 373.

⁵⁸ Погосян 1997.

находит в ней все новые и новые примеры для подтверждения той концепции власти, которая у него сложилась, в полном виде, в середине – второй половине 1740-х гг.

В этой концепции три ключевых элемента: верность образу Петра-преобразователя; понимание блага России как ее силы, которую дают военные победы, но в еще большей степени – развитие наук; третий элемент – героическое поведение монарха, его личные подвиги, преобразующие Россию и поддержка тех, кто готов такие подвиги совершать. В военное время такой героизм очевиден и понятен, он ведет к победам. А в мирное время – это подвиг, совершаемый в науках и управлении. Венчает эту конструкцию божественное благословение, посылаемое достойному того правителю, благословение, очевидное для всех, но более всего – для автора похвальных и торжественных од.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеева Н.Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках СПб.: Наука, 2005. 368 с.
- Бухаркин П.Е. М.В. Ломоносов в истории русского слова. СПб.: Нестор-История, 2011. 172 с.
- Гаспаров М.Л. Поэзия Пиндара // Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты. Серия: Литературные памятники. М.: Наука, 1980. С. 361–383.
- Левитт М. Ода как откровение: православный богословский контекст одической поэзии Ломоносова // Славянский альманах. 2003. М.: Индрик, 2004. С. 368–384.
- Лютгар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
- Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 689 с.
- Ломоносов М.Н. Полное собрание сочинений. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 1279 с.
- Мусорина Л.А. Подражания тридцатой Оде Горация в русской литературе // Наука, Университет. Материалы Первой научной конференции. Новосибирск, 2000. С. 86–90.
- Погосян Е.А. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/534639.html#p.3>
- Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума. // Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте Л.: Наука, 1983. С. 3–44.
- Салова С.А. Утро Русской анакреонтики. А.Д. Кантемир, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков. М.: Макс Пресс, 2005. 263 с.
- Серман И.З. Оды Ломоносова и поэтика школьной драмы // XVIII век. Сборник 24. СПб.: Наука, 2006. С. 4–14.
- Сумароков А.П. Избранные произведения. Большая библиотека поэта. Л.: Советский писатель. 1957. 607 с.
- Тредиаковский В.К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. М.: Наука, 2009. 667 с.
- Успенский Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика царских титулов. М.: Языки русской культуры. 2000. 140 с.

REFERENCES

- Alekseeva N.Ju. Russkaja oda. Razvitie odicheskoj formy v XVII–XVIII vekah. SPb.: Nauka, 2005. 368 s.
- Buharkin P.E. M.V. Lomonosov v istorii russkogo slova. SPb.: Nestor-Istorija, 2011. 172 s.
- Gasparov M.L. Poezija Pindara // Pindar, Vakhilid. Ody. Fragmenty. Serija: Literaturnye pamjatniki. M.: Nauka, 1980. S. 361–383.
- Levitt M. Oda kak otkrovenije: pravoslavnyj bogoslovskij kontekst odicheskoj poezii Lomonosova // Slavjanskij al'manah. 2003. M.: Indrik, 2004. S. 368–384.

- Liotar Zh.-F. Sostojanie postmoderna. SPb.: ALETEJJa, 1998. 160 s.
- Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenij. T. 6. Trudy po russkoj istorii, obshhestvenno-ekonomicheskim voprosam i geografii. M.-L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1952. 689 s.
- Lomonosov M.N. Polnoe sobranie sochinenij. T. 8. Pojezija. Oratorskaja proza. Nadpisi. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. 1279 s.
- Musorina L.A. Podrazhanija tridcatoj Ode Goracija v russkoj literature // Nauka, Universitet. Materialy Pervoj nauchnoj konferencii. Novosibirsk, 2000. С. 86–90.
- Pogosjan E.A. Vostorg russkoj ody i reshenie temy pojeta v russkom panegirike 1730–1762 gg. Tartu, 1997. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/534639.html#p.3>
- Pumpjanskij L.V. Lomonosov i nemeckaja shkola razuma. // Russkaja literatura XVIII – nachala XIX veka v obshhestvenno-kul'turnom kontekste L.: Nauka, 1983. S. 3-44.
- Salova S.A. Utro Russkoj anakreontiki. A.D. Kantemir, M.V. Lomonosov, A.P. Sumarokov. M.: Maks Press, 2005. 263 s.
- Serman I.Z. Ody Lomonosova i pojetika shkol'noj dramy // XVIII vek. Sbornik 24. SPb., «Nauka». 2006. S. 4 – 14.
- Sumarokov A.P. Izbrannye proizvedenija. Bol'shaja biblioteka pojeta. L.: Sovetskij pisatel'. 1957. 607 s.
- Trediakovskij V.K. Sochinenija i perevody kak stihami, tak i prozoju. M.: Nauka, 2009. 667 s.
- Uspenskij B.A. Car' i imperator. Pomazanie na carstvo i semantika carskih titulov. M.: Jazyki russkoj kul'tury. 2000. 140 s

Соловьев Константин Анатольевич, доктор исторических наук; профессор кафедры истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова; ksoloviov@spa.msu.ru

**«Rule and have full power over the happiness»
semantics of power in the solemn odes of M.V. Lomonosov**

Solemn odes text analysis gives an indication of the evolution of understanding of the nature of power in Russia. Semantic field of power in the odes is constantly changing under the influence of both external and internal factors. External factors are the person of the monarch and the place of the author in the power system. Internal factors are the study of literature and sources on the history of Russia, the development of self-concept in early Russian history. Gradually Lomonosov felt the strength and the internal law of the praise go to instruction.

Keywords: M. Lomonosov, Russian history, Old Rus power, power semantics, literature and power in the XVIII century

Konstantin Solovyev, Dr.Sc. (History), Professor, Department of State and Municipal Administration History, Faculty of Public Administration, Moscow State University; ksoloviov@spa.msu.ru

РУССКАЯ КАМПАНИЯ 1812 Г.: ВЗГЛЯД ИЗ ЛОНДОНА¹

Автор на основе документов Национального архива Великобритании проанализировала роль англичан в русской кампании 1812 г. и истоки формирования их памяти об этой войне. Автор статьи пытается найти ответы на следующие вопросы. Каким образом формировались представления британцев о русской кампании 1812 г.? Какую роль в этом сыграла политика британских правящих кругов? В начале войны британское правительство проявляло недоверие к Александру I, будучи не уверено в намерении России довести войну с Францией до победного конца. После того как победа России все же состоялась, британское правительство, стремясь сохранить и упрочить русско-английский союз, изменило свое отношение. Однако значительная часть политических кругов Лондона в лице парламентариев продолжала сохранять скептицизм по отношению к России, не соглашаясь на предоставление ей какой бы то ни было помощи со стороны Британии. Депутаты упорно объясняли победу России результатом проявления «инстинктивного патриотизма» и варварства.

Ключевые слова: русская кампания, межкультурное взаимодействие, историческая память, имагология, Великобритания

В январе 2015 г. в Британском музее была открыта интереснейшая выставка «Бонапарт и Британия: пропаганда Наполеоновской эпохи», на которой можно было увидеть подлинные карикатуры тех далеких времен. Как, вероятно, и следовало ожидать, экспонаты убеждали посетителей в том, что именно Британия сыграла главную роль в разгроме наполеоновской Франции. Несколько карикатур оказались посвященными русской кампании 1812 г. Наиболее примечательны из них две: на одной (автор Уильям Элмс) – Генерал Мороз на фоне горящей Москвы брил маленького Бони, а на другой (автор Джордж Круикшанк) суровый русский мужик учил Наполеона танцам. Подобные изображения, как полагаем, хорошо отразили стереотипы британцев в отношении войны 1812 г., когда победителями Наполеона оказывались зима и суровый народ, сам являвшийся воплощением природной стихии, но отнюдь не русская армия.

Каким образом шло формирование подобных стереотипов применительно к русской кампании 1812 года у британцев? Какую роль в этом сыграла политика британских правящих кругов? Автор статьи пытается найти ответы на эти вопросы.

Британское правительство, политические и деловые круги, начиная с 1807 г. внимательно наблюдали за развитием российско-французских отношений, с нетерпением ожидая разрыва Тильзитского догово-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041)

ра. С начала 1811 г., британский кабинет уже ждал момента, когда Россия начнет военные действия против Франции. В этот период британским агентом в Санкт-Петербурге был португальский капитан Гуердес (Guerdes), который с весны 1811 г. отправлял в Лондон сообщения о развитии российско-французских отношений². В своих секретных посланиях он неоднократно отмечал нерешительность русского императора по отношению к вопросу о войне с Францией. В мае 1811 г. Гуердес, пристально наблюдая за реакцией российского правительства на агрессивные действия Наполеона, написал в Лондон несколько писем. В письме от 8 мая он отмечал: «Россия не хочет войны и будет воевать лишь тогда, когда встанет вопрос о ее существовании. Император Александр делает все возможное для сохранения союза (русско-французского – *А.П.*)»³. Через два дня он сообщил, что Бонапарт не намерен развязывать войну с Россией, а нерешительность русской стороны значительно «способствует усилению Франции и приводит к увеличению ее войск на границе с Россией. И это при том что российское правительство воспринимает войну как неизбежность и осуществляет всю необходимую подготовку к обороне, но не к наступлению»⁴. По мысли португальского капитана, такая позиция характерна только для российского императора, в то время как двор настроен более решительно и в особенности возмущен оккупацией Ольденбурга Францией⁵.

В последующих письмах в Лондон Гуердес высказал предположение о том, что, возможно, позиция Александра I изменится после подписания мира с Турцией⁶. Однако в мае 1812 г., когда согласие с Турцией было достигнуто, Гуердес вновь выразил возмущение нерешительностью русских в ситуации, когда «со стороны Франции война уже очевидна»⁷.

С началом войны между Россией и Францией в английской печати стали активно публиковаться как русские, так и французские сообщения о ходе действий, создавая видимость того, что Великобритания является только сторонним наблюдателем и никакой роли в событиях в далекой России не играет, но в действительности Лондон с нетерпением ожидал первых результатов боевых столкновений. 7 июля Гуердес сообщил из Санкт-Петербурга: согласно «рапортам, которые мне были представлены, Бонапарт, к счастью, вынужден был отказаться от своих первоначальных целей молниеносного разгрома русских сил»⁸.

² Секретная переписка Гуердеса, адресат не указан // NA. FO 65/77.

³ Письмо Гуердеса, Санкт-Петербург, 8 мая 1811 г. // Ibidem.

⁴ Письмо Гуердеса, Санкт-Петербург, 10 мая 1811 г. // Ibidem.

⁵ Письмо Гуердеса от 13 мая 1811 г. // Ibidem.

⁶ Письма Гуердеса от 28 июля, 18 декабря 1811 г. // Ibidem.

⁷ Письмо Гуердеса от 13 мая 1812 г. // Ibidem.

⁸ Письмо Гуердеса от 7 июля 1812 г. // Ibidem.

Сомнения по поводу способности русских победить Наполеона продолжали одолевать англичан и после подписания договора в Эребро⁹, который не обязывал Лондон проявлять активную позицию в ходе и по отношению к войне, идущей в России. Британское правительство только заявило, что поможет России поставками оружия и отправит в Санкт-Петербург в качестве чрезвычайного и полномочного посла лорда Дж. Каткарта¹⁰.

Пассивная позиция Лондона в отношении русско-французской войны во многом была предопределена не мнением принца-регента Георга и министров, но позицией политических кругов Великобритании. 21 июля, после подписания русско-английского договора, депутаты парламента обсуждали вопрос о войне между Россией и Францией. Дебаты открыл министр иностранных дел Р.Б. Каслри. Он акцентировал внимание на том, что Великобритания в данной ситуации выступает мировым арбитром и стремится к достижению мира в Европе¹¹. В соответствии с этой позицией Каслри попытался убедить депутатов в том, что основная причина войны – агрессивные действия Франции. После его выступления начались «жаркие» дебаты о причинах войны.

Большинство депутатов выразило сомнение в том, что Англия владеет всей необходимой информацией о начале войны. Поэтому депутаты выразили желание, чтобы Великобритания не спешила с оказанием помощи России и тем более не принимала участия в военных действиях. Член палаты общин А. Хатчинсон после заявил, что отправка британских войск в Россию «ухудшила бы наше положение»¹². Он высказал мысль, что «Россия вообще не имела права требовать от Франции освобождения каких-либо территорий»¹³, представив тем самым императора Александра I в качестве агрессора. Часть депутатов поддержала эту мысль, выразив сомнения по поводу искренности русского императора в отношении Великобритании и отметила, что Россия уже однажды предала интересы англичан, подписав Тильзитский мир.

Каслри был вынужден выразить солидарность с депутатами, заявив, что правительство Великобритании всегда осторожно относилось

⁹ 6 (18) июля 1812 г. в шведском городе Эребру были подписаны два идентичных по тексту мирных договора между Великобританией и Россией и между Великобританией и Швецией, завершившие англо-русскую и англо-шведскую войны и заключившие союзы, направленные против наполеоновской Франции.

¹⁰ Дж. Каткарт привез с собой в Россию 500 тыс. ф. ст. Однако российское правительство так и не запросило этой суммы в течение 1812 года. Как отмечает российский историк А.А. Орлов, «равнодушие Александра к британским деньгам поразило Каткарта...» (Орлов 2005. С. 216).

¹¹ The Parliamentary Debates. London, 1812. Vol. XXIII. P. 1139.

¹² Ibid. P. 1141.

¹³ Ibid. P. 1142. Речь шла о требовании России вывести наполеоновские войска с территории Пруссии и эвакуировать ряд крепостей.

к России. Он сообщил, что британский кабинет дал знать России о возможности оказать ей помощь, так как она сама решилась на войну¹⁴. Дж. Каннинг, ранее занимавший пост министра иностранных дел, подводя итоги данного обсуждения, высказал пожелание, чтобы правительство не отходило от принципов британской внешней политики и служило европейским интересам, а не желаниям отдельной страны.

В результате дебатов, прошедших в парламенте 24 июля 1812 г. Каслри пишет Каткарту письмо, в котором старается убедить его в необходимости дать понять русскому двору, что Великобритания не может оказать существенную помощь России в этой войне. Обратившись к проблеме «голландского долга» России, Каслри написал, что Великобритания сможет в ближайшей перспективе частично этот долг покрыть, выплатив 4,5 млн ф. ст., но в ближайшее время английский парламент не одобрит эти выплаты: «Вы должны показать российскому двору, что английское правительство совершенно не имеет возможности обратиться к парламенту с просьбой оказать денежную помощь (России – *А.П.*), так как война (России – *А.П.*) с Францией только началась и Британии, возможно, еще придется понести расходы»¹⁵. В сущности, Каслри попытался донести до Петербурга мысль о том, что вопрос о денежных выплатах британский кабинет поставит перед парламентом только после завершения кампании победой русской армии.

В том же письме Каслри выразил сомнение в решимости России вести войну с Францией до победного конца: «Если граф Румянцев обратит внимание на задержку, которая имела место в отношении отправки Вашей Светлости в Санкт-Петербург, Вы напомним ему, что Россия согласилась подписать договор с Великобританией только в ситуации войны с Францией. В связи с этим у английского правительства есть все основания на данном этапе не доверять России»¹⁶. Это послание было получено Каткартом 5 августа 1812 г. В тот же день британский посол подтвердил в письме Каслри, что будет следовать обозначенным инструкциям¹⁷. Таким образом, факт того, что Россия решилась на сближение с Великобританией только под угрозой и в состоянии войны с Францией, стал главным аргументом английского правительства, оправдывающим его пассивную позицию.

Вместе с тем Лондон не мог не осознавать, что для координации совместных действий против французов, неразумно было бы полностью отказаться от предоставления какой-либо союзнической помощи. 30 августа Каслри написал Каткарту, что британское правительство решило оказать помощь России: «Милорд, Ваша Светлость представи-

¹⁴ Ibid. P. 1147.

¹⁵ Каслри – Каткарту, 24 июля 1812 г., Лондон // NA. FO 95/ 229.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Журнал входящих бумаг, 5 августа 1812 г. // Ibid.

ли необходимость оказания экстренной помощи российскому правительству в деле снабжения армии. Я распорядился об отправке в Россию 50 тыс. ружей»¹⁸. Помимо этого, Каслри начал дипломатическую переписку с австрийским правительством, чтобы выяснить его настроения по поводу войны с Россией. 4 сентября Каслри сообщил Каткарту о первых итогах переговоров с министром иностранных дел Австрии К. Меттернихом, отметив, что австрийский двор поддерживает англичан в их стремлении восстановить независимость европейских государств. Однако Австрия не намерена на данном этапе осложнять отношения с Парижем из-за возникших между Францией и Россией серьезных противоречий: «Я полагаю, что граф Меттерних в большей степени недоволен поведением России (чем действиями Франции – *А.П.*) и ее вмешательством в дела Австрии и Пруссии»¹⁹.

Таким образом, британское правительство к началу сентября, находясь в «ловушке» обстоятельств, было вынуждено вести себя по отношению к России очень осторожно. Это было predetermined, с одной стороны, сомнениями парламента по поводу прочности русско-английского союза, а с другой стороны, профранцузской, в целом, позицией Австрии. Учитывая данное обстоятельство, Лондон не стремился к тому, чтобы афишировать свою поддержку России. Так, британский дипломат Э. Тортон в письме от 4 сентября 1812 г. убеждал Каткарта в том, что английское общество не должно знать о действиях британского правительства в отношении России: «...общественное мнение не должно считать, что принц-регент ввязался в войну на континенте против французской армии. Россия, возможно, тоже не планирует жертвовать своими силами... Хотя у нашего двора и есть надежда, что русские силы окажутся пригодными для ведения войны»²⁰.

Несмотря на сомнения в способности русской армии успешно вести военные действия, ключевые британские политики пытались преодолеть господствовавшие стереотипные представления. Так, Каткарт на основе сообщения генерала Р.Т. Вильсона, написал 9 сентября в Лондон о сражении в Смоленске и, стремясь убедить английских министров в способности России победить Наполеона, обратил внимание на то, что, несмотря на отступление русской армии, солдаты императора Александра проявляют редкую храбрость. Ссылаясь на мнение Вильсона, он назвал главным виновником в тактике отступления главнокомандующего 1-й Западной армией М.Б. Баркляя де Толли и выразил надежду, что назначение главнокомандующим объединенными армиями М.И. Кутузова приведет к изменению в действиях русских войск.

¹⁸ Каслри – Каткарту, Лондон, 30 августа 1812 г. // *Ibid.*

¹⁹ Каслри – Каткарту, Лондон, 4 сентября 1812 г. // *Ibid.*

²⁰ Тортон – Каткарту, 4 сентября 1812 г. // *NA. FO 65/78.*

В следующем письме от 13 сентября в Лондон Каткарт с радостью сообщил о победе русских при Бородино: «Его Императорское Величество победил в самом масштабном действе этой кампании»²¹. Получив это сообщение 7 октября одновременно с бюллетенями Великой армии, где говорилось о победе Наполеона в этом сражении и его вхождении в Москву, Каслри был в недоумении. Поэтому в письме Каткарту от 10 октября он потребовал разъяснить это противоречие: «Милорд, я получил ваши письма от 12 и 18 сентября о сражении на Бородино, которое, по Вашим словам, завершилось великой победой русской армии. В то же время выясняется, что Бонапарт смог войти в Москву. Невозможно соединить два этих факта. Я не сомневаюсь относительно Вашей преданности и думаю, что Ваша Светлость разъяснит подобное противоречие. На данный момент меня тревожат сомнения по поводу устойчивости нашего положения. В соответствии с 19-м бюллетенем французской армии мы остаемся в тяжелой ситуации, так как русская армия продолжает отступление»²².

Оккупация Наполеоном Москвы вызвала еще большее недоверие к русскому императору со стороны английских правящих кругов. Каслри сообщил Каткарту, что принц-регент, узнав о вхождении Великой армии в Москву, отреагировал довольно агрессивно по отношению к России, заявив, что после подобного события «ресурсы Великобритании не могут быть использованы в целях оказания помощи армии Его Императорского Величества. Россия должна обходиться исключительно силами своей армии»²³. Каткарт в последующих письмах попытался реабилитировать императора Александра I в глазах британского кабинета. 22 сентября он объяснил Каслри, что оставление Москвы в данных обстоятельствах является разумным стратегическим маневром русской армии. Каткарт пояснил, что поджог город сам народ, благодаря чему армия Наполеона в Москве претерпевает серьезные трудности. Отвечая на это письмо 20 октября, Каслри настаивал на том, что принц-регент под влиянием подобного объяснения не изменит своей позиции²⁴. Министр отметил, что факт сожжения Москвы не может рассматриваться как пример военных успехов России: «Когда национальное бедствие настолько масштабно, как оккупация врагом древней столицы в сердце Империи, правительству остается уповать только на мужество и героизм своего народа»²⁵.

Оккупация Наполеоном Москвы возмутила не только британское правительство, но и английскую общественность. Несмотря на то, что

²¹ Каткарт – Каслри, 13 сентября 1812 г. // NA. FO 95/228.

²² Каслри – Каткарту, Лондон, 10 октября 1812 г. // NA. FO 95/229.

²³ Каслри – Каткарту, 17 октября 1812 г. // Ibid.

²⁴ Каткарт – Каслри, 22 сентября 1812 г. // Ibid.

²⁵ Ibidem.

официальные круги не давали повода для заявлений о совместных действиях Великобритании и России против Франции, все же оппозиционные политические круги воспользовались фактом неудач русской армии для критики правительства. В частности, публицист и историк У. Коббет в своем журнале «*Политикал Регистер*» на основе анализа бюллетеней Великой армии подверг сомнению ту информацию, которую предоставляли официальные газеты в отношении хода русской кампании: «Наполеон уже в Москве, и все же нам постоянно напоминают о храбрости и патриотизме русских. Разве они оставили неприятелю древнюю столицу из чувства патриотизма?»²⁶. Коббет обратился к отзывам на известия о Бородинском сражении, обратив внимание на некое противоречие между опубликованным в газетах донесением Каткарта, сообщавшем в победе русских, и бюллетенем Великой армии, в котором говорилось о победе французов. Публикации, подобные тем, которые делал Коббет, конечно же ослабляли веру английского общественного мнения в успех русского оружия.

Между тем, Каткарт в своих письмах ненавязчиво продолжал пытаться убеждать английское правительство в том, что русский император уверен в благоприятном для русских исходе войны и что он заинтересован в сотрудничестве с Лондоном. 30 сентября он описал Каслри две примечательные беседы с Александром I. В ходе них русский император убеждал Каткарта в том, что потеря Москвы не является важным событием стратегического характера, так как главное – сохранение Санкт-Петербурга, которому опасность не угрожает²⁷.

С целью укрепления русско-английских отношений и подтверждения готовности вести войну до победного конца Александр отправляет в Лондон в качестве посла Х.В. Ливена, дав ему следующие устные инструкции: «Эти решения остаются постоянно неизменными, и именно в то время, когда Наполеон находится в моем кабинете в Кремле, я посылаю вас в Лондон, чтобы выразить твердую уверенность, что я не заключу мира до тех пор, пока враг не будет изгнан из пределов нашей страны. Но я прошу у него всего лишь военное снаряжение и оружие»²⁸. Император стремился убедить Лондон в том, что готов идти на решение общеевропейских проблем совместно с британцами и ждет от них помощи только в виде военного снаряжения.

В свою очередь, английское правительство, осознавая, что Александр I вынужден сейчас искать компромиссы, стремилось этим воспользоваться для решения собственных проблем. Постоянное напоминание о неудачах русской армии в сообщениях министерства иностран-

²⁶ Political Register. 1812.

²⁷ Каткарт – Каслри, 30 сентября 1812 г.// НА. FO 95/228. Каслри получил это письмо 22 октября.

²⁸ Документы внешней политики России 1962. Т. 6. С. 778.

ных дел Великобритании служило, по всей видимости, весомым аргументом, чтобы склонить Россию к решению вопросов экономического характера к выгоде Великобритании. Лондон, начиная с начала сентября 1812 г., неоднократно настаивал на том, чтобы восстановить торговые отношения между странами, существовавшие до 1807 г., без учета русского таможенного тарифа от 19 декабря 1810 г.

Уже после того как отстремели орудия на Бородинском поле Каткарт во время встречи с министром иностранных дел графом Н.П. Румянцевым поднял этот вопрос²⁹. По словам Каткарта, Румянцев скептически отреагировал на подобное предложение и начал приводить массу аргументов, убеждая собеседника в том, что Петербург не может повлиять на стихийный характер проблем экономического характера. Получив сообщение об этой встрече, Каслри решительно заявил, что «Великобритания требует сделать все возможное, чтобы восстановить торговое законодательство в соответствии с ее интересами»³⁰. Он неоднократно возвращался к этой проблеме, а с конца ноября, когда победа России в войне была уже очевидной, стал все более настойчиво требовать решения вопроса о восстановлении российско-британских торговых отношений. Так, 26 ноября он отправляет Каткарту следующие инструкции: «Я надеюсь, что правительство России в ближайшее время осознает целесообразность восстановления торговых отношений. Предполагаю, что лучшее средство осуществления этой прекрасной идеи – восстановить торговый договор 1807 года»³¹. Английское правительство, занимая пассивную позицию в отношении войны, которую вела Россия, вместе с тем с нетерпением ожидало от русских уступок в области экономических соглашений.

Как представляется, российское правительство не стремилось идти на безоговорочное удовлетворение требований англичан, ожидая от них более активных действий. И все же в начале октября Александр I вновь продемонстрировал пример союзнической помощи, подняв вопрос об отправке в Британию двух эскадр Балтийского флота. 3 октября Каткарт написал Каслри о том, что общался с министром военноморского флота по поводу отправки русских кораблей в Великобританию. Каткарт с возмущением сообщил, что министр интересовался, будут ли британцы платить русским за службу. На этот вопрос он ответил, что, хотя правительство России проявляет в этом вопросе заинтересованность, Великобритания не предполагала и не предполагает давать каких-либо денежных обязательств³². В этот же день Каткарт уведомил русского императора о поставках британского оружия. «Рус-

²⁹ Каткарт – Каслри, 16 сентября 1812 г. // NA. FO 95/228. Получено 17 октября.

³⁰ Каслри – Каткарту, 20 октября 1812 г. // NA. FO 95/229.

³¹ Каслри – Каткарту, 26 ноября 1812 г. // NA. FO 95/229.

³² Каткарт – Каслри, 3 октября 1812 г. // NA. FO 65/80. Получено 22 октября.

ский император выразил свою благодарность за эту важную услугу», – отметил он в письме в Лондон³³.

С середины октября Каткарт сообщает о множестве проблем, с которыми столкнулся Наполеон при отступлении, и убеждает Лондон в скорой победе русских³⁴. Убедившись в положительном для России исходе войны, Каткарт и Каслри вновь предпринимают действия, дабы расстроить союзнические отношения Франции с другими государствами. 30 октября Каткарт информировал Каслри о результатах своей переписки с Пруссией: «Я представил правительству Пруссии достаточные доводы в пользу необходимости проявить независимость по отношению к Франции, руководствуясь не только общими интересами, но также и стремлением освободиться от влияния со стороны той силы, которая может стремиться к уничтожению [в Пруссии] правящей династии. Я надеюсь, что правительство Пруссии осознает этот момент»³⁵.

В начале ноября Каткарт выражает восхищение патриотизмом русского народа, благодаря которому удалось одержать победу над Наполеоном. В послании от 11 ноября он так описал Каслри положение, в котором оказалась Великая армия во время отступления к Смоленску: «Вся дорога покрыта обозами, лошадьми, телами солдат»³⁶. Он отметил, что Кутузов, отгнав Наполеона при Малоярославце, смог прикрыть Калугу и заставить французов идти по разоренной дороге, и отметил: «События явили патриотизм народа Российской империи». В то же время, основываясь на сообщениях Вильсона, Каткарт неоднократно докладывал о варварском поведении французов. 25 ноября, к примеру, он сообщил о бесчинствах наполеоновских солдат в Смоленске: «Французы с обычной жестокостью и безрассудностью осквернили древний собор в Смоленске»³⁷.

Каслри, получая письма, свидетельствующие о неудачах Наполеона, наконец решил выразить благодарность России через русского посла П.А. Николаи. 12 ноября он пригласил Николаи в свою личную резиденцию, «зачитав [там] последние письма милорда Каткарта, относящиеся к военным событиям и с благородной правдивостью повествующие о великом подвиге, свидетелем которого имеет счастье быть этот посол, совершенном народом в борьбе против самого жестокого врага, когда-либо осквернявшего землю»³⁸. Во время этой беседы Николаи поднял вопрос об оказании Англией денежной помощи России. Однако, как отметил Николаи в своем сообщении в Петербург, министр

³³ Каткарт – Каслри, 3 октября 1812 г. // NA. FO 95/228.

³⁴ Письма Каткарта с 16 по 24 октября 1812 г. // NA. FO 65/80.

³⁵ Каткарт – Каслри, 30 октября 1812 г. // Ibid.

³⁶ Каткарт – Каслри, 11 ноября 1812 г. // Ibid.

³⁷ Каткарт – Каслри, 25 ноября 1812 г. // Ibid.

³⁸ Документы внешней политики России. С. 599.

уклончиво дал понять, что по этому вопросу русскому правительству не на что надеяться³⁹.

23 ноября Каткарт сообщил в Лондон, что Наполеона в России ожидает окончательное поражение⁴⁰. Однако 30 ноября, получив информацию о том, что французский император преодолел Березину, он с недоумением написал в Лондон: «Витгенштейн и Чичагов должны были незамедлительно атаковать силы Бонапарта при переправе через Березину, но адмирал не вступил в сражение»⁴¹. Каткарт сообщил, что согласно донесениям генерала П.Х. Витгенштейна, адмирал П.В. Чичагов стоял поблизости, но не вступил в сражение. Каткарт выразил недоумение в отношении того, что русские дали Наполеону спокойно пересечь Березину с незначительными потерями: «В настоящий момент я не имею никаких объяснений на тот счет, почему неприятелю позволили беспрепятственно расположиться на высотах Березины и перейти с незначительными трудностями на правый берег, в то время как адмирал находился между Борисовым и Минском?»⁴². Только 12 декабря Каткарт смог с определенностью заявить о победе русских и разгроме армии Наполеона⁴³. Те же письма, в которых посол выражал сомнения в успехе русских, дойдут до Лондона только 6 декабря, когда вопрос о создании антифранцузской коалиции стоял уже на повестке дня.

Под воздействием сообщений об успехах русской армии позиция британского кабинета в отношении России кардинально изменилась. Однако многие политики все еще продолжали находиться во власти сомнений по поводу исхода русской кампании. Это проявилось в ходе обсуждения «русского вопроса» в парламенте 30 ноября. Сессия парламента открылась с дискуссии в палате общин вокруг послания принца-регента, в котором Георг отметил военные успехи сил, борющихся с Наполеоном, в Испании и в России. Рассуждая о причинах победы русских, он не связывал эти успехи с действиями русской армии, а лишь уклончиво сослался на слова великого полководца древности: «Александр Великий под воздействием некоторых обстоятельств охарактеризовал предков русских как грабителей и варваров, обладавших храбростью дикарей во время борьбы с теми, кто к ним вторгся»⁴⁴.

Дискуссию открыл член парламента Харт Девис. Он высказал слова благодарности русскому народу за его подвиги. Однако большинство членов парламента не поддержало выступающего. Основная часть депутатов была склонна объяснять успехи России исключительно

³⁹ Там же.

⁴⁰ Каткарт – Каслри, 23 ноября 1812 г.// NA.FO 65/80.

⁴¹ Каткарт – Каслри, 30 ноября 1812 г.// Ibid.

⁴² Ibidem.

⁴³ Каткарт – Каслри, 12 декабря 1812 г.// NA. FO 65/90.

⁴⁴ The Parliamentary Debates. Vol. XXIV. P. 52.

«варварским» патриотизмом. От лица скептически настроенных депутатов выступил Каннинг, который произнес следующее: «...захватчик, вторгшийся в Россию, польстил этой стране, считая ее жителей цивилизованными. Как благородный адресант (принц-регент – *А.П.*) справедливо заметил, страна, по отношению к которой он употребил слово варварство, и которая находится в состоянии рабства, не могла вдохновиться на борьбу благородным патриотическим чувством. Это скорее пример инстинктивного патриотизма... это не война народа, это война правительства»⁴⁵. По всей видимости, принижая успехи России, часть членов парламента преследовала цель отказать кабинету в реализации планов помощи русским. Так, Каннинг заявил, что британское правительство должно обратиться к императору Александру со следующими словами: «Если Вы ввязались в войну с Францией, преследуя свои интересы, мы будем помогать Вам, насколько позволяют наши ресурсы; но эта помощь не будет ориентирована на реализацию целей вашей политики, так как наши основные интересы связаны с Испанией»⁴⁶.

Каслри выразил согласие со словами Каннинга, заявив, что, действительно, Англия не должна оказывать помощь России в ущерб испанским делам⁴⁷. Вместе с тем он акцентировал внимание на том, что император России, будучи человеком благородным, не обращался за денежной помощью. Министр считал также необходимым возразить на заявления о варварстве русских, отметив, что только народ, обладающий «героической доблестью и благородством», мог достичь таких значимых результатов⁴⁸. Это встретило возражение со стороны депутата Витбрета, который поставил под сомнение благородство того народа и той власти, которые оказались способны сжечь Москву, подвергнув собственных жителей великой опасности⁴⁹. Разгоревшуюся дискуссию остановил Понсонби, который заявил, что бессмысленно обсуждать проблемы варварства или цивилизованности России, и что просто нужно признать факт достойного поведения русского народа⁵⁰.

Несмотря на скептическое отношение к военным успехам России в британских политических кругах, английская общественность встретила эти успехи в целом восторженно. Посол Ливен писал Румянцеву: «22 ноября были получены письма от Каткарта. Впервые успехи союзной державы отмечались здесь столь торжественно, все население Лондона приняло эти известия с восторгом, и радостное волнение охватило

⁴⁵ Ibid. P. 64.

⁴⁶ Ibid. P. 66.

⁴⁷ Ibid. P. 83.

⁴⁸ Ibid. P. 89.

⁴⁹ Ibid. P. 94.

⁵⁰ Ibid. P. 110.

представителей всех классов. Он узнал из дневных газет, что принц-регент направил послание парламенту»⁵¹. Ни русский посол, ни Каслри не сочли нужным информировать Петербург о ходе обсуждения «русского вопроса» в парламенте.

15 декабря Каслри направил письмо Каткарту, в котором радостно сообщал, что результаты войны имели следствием существенный дипломатический успех, так как Австрия и Пруссия изменили свою позицию в отношении Франции⁵². Министр отметил, что в своем недавнем письме граф Меттерних заявил, что «вне границ России не будет подерживать Бонапарта». Однако Каслри выразил сомнение в том, что Австрия предъявит ультиматум Бонапарту и начнет против него военные действия: «Необходимо готовиться к значительным трудностям в том, чтобы убедить Австрию, будто свобода Германии в данный момент полностью зависит от ее решения». В качестве главной причины этих трудностей Каслри отметил серьезные противоречия, существующие между Россией и Австрией.

Учитывая факт победы русского оружия и будучи заинтересованным в продолжении Россией войны против Наполеона, британское правительство стало демонстративно проявлять солидарность с русскими. 17 декабря Каслри сообщил Каткарту, что, учитывая все обстоятельства успехов русской армии, принц-регент направил послание парламенту с просьбой одобрить оказание России денежной помощи: «Патриотические усилия, которые были проявлены жителями России, их жертвы, их страдания от варварских разрушительных действий неприятеля вызвали у британской нации чувства сострадания»⁵³.

В тот же день в парламенте состоялось обсуждение вопроса о финансовой поддержке России. Принц-регент направил послание обеим палатам, в котором просил одобрить финансовую помощь России, аргументируя это тем, что народ этой страны понес значительные убытки от французской агрессии⁵⁴. Однако, несмотря на просьбу принца-регента, общее настроение депутатов парламента было не на стороне России. Речь лорда Холланда продемонстрировала, что парламент не намерен одобрять подобные устремления кабинета. Хотя он выразил восхищение патриотизмом русского народа, однако задался вопросом: «Почему необходимо 200 тыс. фунтов отдавать России на войну, в которую она сама ввязалась, а не предоставить эти деньги Испании?»⁵⁵. Каслри, пытаясь убедить депутатов парламента, пояснил, что эта денежная помощь обеспечит участие России в дальнейшей борьбе против

⁵¹ Документы внешней политики России. С. 626.

⁵² Каслри – Каткарту, 15 декабря 1812 г. // *NA. FO 65/78.*

⁵³ Каслри – Каткарту, 17 декабря 1812 г. // *NA. FO 95/229.*

⁵⁴ *The Parliamentary Debates. Vol. XXIV. P. 316.*

⁵⁵ *Ibid. P. 331.*

Наполеона⁵⁶. После его выступления несколько депутатов выразили возмущение тем, что британское правительство собирается забрать эти деньги у собственного народа⁵⁷.

Британский кабинет делал все возможное, чтобы мнение парламента не повлияло на развитие российско-английских отношений. Этим объясняется то, что из Лондона в Санкт-Петербург направлялась информация исключительно о положительных отзывах британцев по поводу победы русских над Наполеоном. Так, Ливен в письме к Румянцеву от 15 декабря отмечал «энтузиазм, который выражает английский народ по отношению к нашему народу и нашему августейшему монарху»⁵⁸. 31 декабря в лондонской газете были опубликованы итоги русской кампании 1812 г., свидетельствующие о разгроме Наполеона. Пресса особо отмечала победу русской армии в сражении на Березине.

Представления Лондона о русской кампании 1812 г. трансформировались под влиянием результатов военных действий. В начале войны британское правительство проявляло недоверие к Александру I, будучи не уверенным в серьезных намерениях России довести войну с Францией до победного конца. При этом британскому кабинету приходилось действовать осторожно в связи со скептическим отношением к России со стороны парламента. Все это предопределило относительно пассивную позицию Британии по отношению к происходящему на российском театре военных действий. После того как победа России все же состоялась, британское правительство, стремясь сохранить и упрочить русско-английский союз, изменило свое отношение, однако значительная часть парламентариев продолжала сохранять скептицизм по отношению к России, не соглашаясь на предоставление ей какой бы то ни было помощи со стороны Британии. Депутаты упорно объясняли победу России результатом проявления «инстинктивного патриотизма» и варварства. Именно подобные представления, но не сообщения Каткарта и Вильсона о военных победах русской армии, стали основой для формирования «британского» образа русской кампании. Основными факторами победы России в представлении британцев стали не военные успехи, а «мороз» и «русский мужик».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Документы внешней политики России. М., 1962. Т. 6.
Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. М., 2005.
The National Archives (NA). FO 65/77; 95/ 229; 65/78; 95/228; 65/80; 65/90.
The Parliamentary Debates. London, 1812. Vol. XXIII.
The Parliamentary Debates. L., 1812. Vol. XXIV.
Political Register. L., 1812.

⁵⁶ Ibid. P. 332.

⁵⁷ Ibid. P. 334.

⁵⁸ Документы внешней политики России. С. 616.

REFERENCES

- Dokumenty vneshney politiki Rossii. M., 1962. T. 6.
Orlov A.A. Soyuz Peterburga i Londona. M., 2005.
The National Archives (NA). FO 65/77; 95/ 229; 65/78; 95/228; 65/80; 65/90.
The Parliamentary Debates. London, 1812. Vol. XXIII.
The Parliamentary Debates. L., 1812. Vol. XXIV.
Political Register. L., 1812.

Постникова Алена Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, старший научный сотрудник УрФУ, alina33_07_87@mail.ru

The Russian campaign of 1812: a View from London

The author analyzed the role of the Britain in the Russian campaign of 1812 and the origins of the formation of British memory of this war on the basis of documents from the National Archives of Great Britain. The author tries to find the answers to the following questions. How was the British public opinion of Russian campaign of 1812 formed? What role did the state policy of the British ruling circles play in this? At the beginning of the war, the British government showed no confidence in Alexander I, being not sure of Russia's serious intentions to bring the war with France to a victorious end. After the Russian victory the British government, changed its attitude in an effort to preserve and strengthen the Russian-British alliance. However, a significant part of London's political circles continued to remain skeptical of Russia, not agreeing to the provision of any kind of assistance from Britain. Deputies persistently explained the victory of Russia as the result of the manifestation of "instinctive patriotism" and barbarism.

Keywords: Russian campaign, intercultural interaction, historical memory, imagology, Great Britain.

Alena Postnikova, PhD (History), Associate Professor, Chair of General History, UrSPU, Senior Researcher, UrFU; alina33_07_87@mail.ru

Н. В. СУРЖИКОВА

**«КОРМИЛИ НАС УЖАСНО,
РАБОТАТЬ ЗАСТАВЛЯЛИ ВЫШЕ СИЛЬ»
тема вражеского плена, зверств и насилия
в российской печати 1914–1917 гг.**

В статье на материалах более двадцати периодических изданий показано, как в России 1914–1917 гг. складывалась и использовалась риторика вражеских зверств, в основании которой лежали представления об однозначно негуманном вражеском плене. Каталогизируются образы плена, сконцентрированные на страницах центральной, региональной и местной российской печати, а также демонстрируется этапность работы над ними. Автор приходит к заключению, что направление этой работы определялось не только задачей консолидации воюющего общества перед лицом врага. Постоянные апелляции к «ужасам» вражеского плена имели гораздо большее значение, став индикатором предельно прагматичного отношения российской военно-политической элиты к проблеме «жертв войны».

Ключевые слова: Первая мировая война, периодическая печать, вражеский плен, риторика зверств, радикализация войны, насилие

Знакомство с литературой по теме плена Первой мировой войны, не оставляет сомнений в том, что одним из ее «узких» мест было и остается клишированное сравнение «благополучного» российского плена с его «бесчеловечными» или как минимум «невыносимыми» германским и австрийским аналогами. Ставшее общим местом утверждение о том, что «в Германии русским военнопленным жилось значительно хуже, чем иностранцам в России»¹, очевидно, напрямую связано с советской литературой периода Великой Отечественной войны, авторы которой, увязывая преступления второго и третьего рейхов, едва не договорились до нативной, природной жестокости немцев². Представляется, однако, что не критичное отношение к историографическим источникам – лишь часть проблемы. Корень же её – в нежелании отделить собственно практики плена от порожденных им дискурсов, среди которых дискурс зверств стал одним из самых устойчивых. Речь далее пойдет именно о формировании и артикуляции этого дискурса в той его части, которая была связана с пленом. Вопрос о самих зверствах, их формах и масштабах я не рассматриваю, и не только потому, что это в принципе другой вопрос. В дискуссии о том, были ли зверства обязательным компонентом Великой войны, и какая из сторон ими злоупотре-

¹ Ниманов 2009. С. 67. См. также: Бондаренко 2004. С. 203; Талапин 2005. С. 171, 172, 186 и др.; Щеров 2000. С. 33–34; и др.

² См.: Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. 1942; Зверства немцев в войну 1914–1918 гг. 1943.

требляла, в основном используется мелочная казуистика, тогда как главное оставлено без внимания³. Сам по себе термин «зверства» представляется весьма сомнительным, будучи, скорее, размытой метафорой, без четких дефиниций. Более того, если прибавить к выраженному экспрессивному характеру понятия «зверства» еще и неперемненные бессознательные ассоциации с опытом Второй мировой войны, то и вовсе не ясно, каковы критерии идентификации зверств как таковых?

Что касается связанного, в т.ч. и с вражеским пленом, дискурса зверств, то его историчность, «объективность» несомненна, о чем красноречиво свидетельствуют речи, разносившиеся в 1914–1917 гг. по городам и весям России с разновеликих газетных трибун, бывших благодаря цензуре прочной опорой власти в работе с населением⁴. Впрочем, выхватив несколько газетных или журнальных публикаций из бесконечного числа тех, что были посвящены «ужасам» вражеского плена, увидеть в них подвох достаточно сложно. Но не увидеть его, методично просматривая номер за номером, газету за газетой, журнал за журналом, просто невозможно – невозможно потому, что представленная здесь картина плена была однозначно монохромно-безальтернативной. Отсутствие же какого-либо отличия в случае с периодической печатью, по сути своей текучей и изменчивой, тем более отсутствие, в равной степени присущее и центральному, и региональному, и местным изданиям – вот то, что действительностораживает. Подключив, помимо такой «опции», как перевод источников в массив, еще и «опцию» их анализа, и вовсе трудно не увидеть, как рядоположенные образы вражеского плена методично слагались в схему, исключавшую любую другую риторику, кроме риторики зверств. В ее развитии легко разглядеть как минимум три этапа, содержание которых диктовалось изменениями характера самой войны и отношения к ней.

Начало первого из этих этапов совпало с началом Первой мировой войны, о чем свидетельствуют уже ранние публикации, посвященные вражескому плену. Первоначально они в красках воспроизводили те «ужасы», с которыми пришлось столкнуться подданным российской короны, застигнутым «военной непогодой» на территории неприятеля: «...Уже за три дня до объявления войны почувствовались зловещие симптомы, хотя пресса до последней минуты толковала о миролюбии Германии. Началось с того, что русская речь по телефону была грубо прервана... Что-то непостижимое творилось в день объявления войны. На площади перед отелем, где проживали русские семьи, собралась огромная толпа в несколько тысяч человек. Толпа неистовствовала и ругала русских, угрожая кулаками... В отеле забастовала прислуга и ни

³ См. об этом, напр.: Асташов 2014; Дементьев 2014; и др.

⁴ См. об этом: Семенова 2008.

за что не хотела выполнять поручения русских... Сразу русские очутились в затруднительном положении по случаю отказа в банках уплаты по аккредитивам... Всюду конвойные, охраняя входы, ругались, то и дело пугали русских расстрелом. Не щадили пятилетних детей, чтобы навести и на них весь ужас положения...»⁵. Вокруг «несчастной» участи российских дипломатов и вовсе началась настоящая истерия, наиболее активно подогревавшаяся газетой «Новое время»⁶. Соответствующих публикаций этой газеты уже в 1914 г. хватило, чтобы на их основе были изданы «Черная книга германских зверств» и «Исследования немецких зверств». В то же время на театральных подмостках страны с успехом шла основанная на материалах газет «драма из современной войны в 4-х действиях» под названием «Позор Германии: Культурные звери», сочиненная неким М.В. Дальским.

Вслед за освещением «кошмаров», пережитых «цивильными» (гражданскими) пленными, пресса обратилась к описанию жизни военнопленных, привлекая внимание своей аудитории к далеко не случайным деталям: «...Комендант лагеря – прусский офицер – не преминул использовать пристрастие наших солдатиков к “папироске” и открыл свою собственную табачную лавочку. В первое же утро выручка составила 700 марок. Один из германских банков тут же соорудил “меняльную контору” в каком-то шалаше... “Курс” на русские деньги крайне низкий: он колеблется между 1 м. 70 пф. и 1 м. 60 пф. за рубль (тогда как обычный сейчас в Германии курс рубля – 2 м. 14 пф. – 2 м. 16 пф.). Словом, немецкое начальство наживается за счет наших солдатиков. К лагерю проведен водопровод и на возвышении устроен душ. Немцы, всегда считавшие русских грязными и называвшие их “schmutzige Russeu” (грязные русские), удивляются чистоплотности наших солдат...»⁷.

Развенчивая «неправильные» стереотипы о русских, бытовавшие в стане врага, и при том рафинируя безусловно «правильные» представления о немцах «российского разлива», источник продолжал: «Охрану лагеря несут “ландштурмисты”. Все линейные войска и ландвер находятся на полях сражений. Котбус, в котором в мирное время стоял один из лучших полков германской армии – 7-й Бранденбургский, — теперь совершенно опустел, как опустели и все города Германии. Остались одни старики, призванные в ряды “ландштурма”. Толстые и неуклюжие, одетые в темно-синие блузы и “шако” (кэпи) допотопного образца, с ружьями наполеоновских времен и штыками в виде сабель, они с опереточно-величественным видом “охраняют” наших пленных...»⁸.

⁵ В плену тевтонов // Пермские ведомости. 1914. 27 сент.

⁶ См., напр.: Зверства немцев // Новое время. 1914. 30 июля; 2 авг.; Жестоко-сти немцев // Там же. 31 июля; Озверевшие немцы // Там же. 29 июля; и мн. др.

⁷ Наши пленные солдаты в Германии... 1914. 29 сент.

⁸ Там же.

Высмеивая врага, печать тем самым работала на его карикатурный и, в конечном итоге, негативный образ, формирование которого было одной из главных ее задач. Однако едкие замечания в адрес противника типа «“культурные” немцы», «австрийские “герои”», «эти “рыцари без страха и упрека”» не стали основным средством дискредитации врага. Прорисовывая типические черты неприятеля, пресса уже на этом этапе формирования образов вражеского плена пошла другим путем – путем нагромождения ужасов плена, документируемых пока весьма небрежно. «Русское общество дано уже тревожат *слухи* о притеснениях и даже надругательствах, которым подвергаются в Германии русские военнопленные. *Есть сведения*, что там наших пленных не одевают, а раздевают, отбирая одежду и обувь для своих воинов; не кормят, а морят голодом; проявляют в обращении с ними не человеколюбие, а варварскую грубость. И нет опровержения этих *слухов!*», – писал современник, не понимая, что тем самым фиксирует не столько реалии вражеского плена, сколько формирующуюся практику говорения о нем⁹.

Однако к завершению первого этапа формирования риторики зверств издания разного плана, от официальных до независимых, поменяли свое отношение к способу их нарративизации, все более тяготея к форме авторитетного свидетельства. «7-го мая мною, совместно с врачами Серафимовского лазарета Красного Креста в Ломже, в присутствии военных начальствующих лиц, а также полковника американской службы и нескольких пленных германцев, был произведен осмотр новой жертвы дикого германского зверства – бежавшего из плена младшего урядника Уссурийского казачьего войска Ивана Пичуева. Освидетельствованием установлено, что у него обрезаны верхние части ушных раковин тупым ножом, а на бедре прорезаны полосы наподобие носимого казаками на шароварах лампаса. Составленный акт подписан присутствовавшими, в том числе пленным германским офицером», – цитировала газета «Правительственный вестник» особоуполномоченного Красного Креста при 5-й армии И.М. Потапова 13 мая 1915 г. как одно из безусловно авторитетных свидетелей¹⁰.

Переход к нарративизации зверств в духе авторитетного свидетельства дает основания утверждать, что к весне–лету 1915 г. с первой – импровизационной – фазой развития риторики зверств было покончено. Ей на смену пришла вторая фаза – фаза формализации и официализации. Начатая прессой кампания по «коллекционированию» фактов вражеских зверств в отношении российских военнопленных на данном этапе была поддержана созданной 9 апреля 1915 г. Чрезвычайной следственной комиссией по расследованию нарушений законов и обычаев

⁹ Вороновский 1915.

¹⁰ Зверства германцев... 1915.

войны австро-венгерскими и германскими войсками (ЧСК), известной как комиссия А.Н. Кривцова. Подхватив порыв патриотической российской прессы, комиссия не просто быстро канализировала его в нужное русло¹¹. Отказав вражескому в сколько-нибудь нюансированном представлении, ЧСК в тесном союзе с прессой рутинизировала риторику зверств. Немногочисленные попытки отличного от уже принятого освещения реалий неприятельского плена если и были, то интерпретировались как фундирующее норму исключение из правила. «Лагерь часто посещали высшие власти, которые вникали во все мелочи быта военнопленных», – цитировала «Пермская земская неделя» захваченного под Гродно и затем отправленного в Альтдам о. Валериана (Попова), явно не питая доверия к источнику, о чем говорило не только прямое указание на «другой» характер рассказа священника о реалиях плена, но и кратно повторявшиеся в тексте оговорки «по его словам»¹².

Очевидно, что опрашиваемые членами комиссии в качестве наиболее авторитетных свидетелей зверств пленные были только рады ей помочь, охотно рассказывая о том, как кровью и потом смыли с себя позор неприятельского плена. Вместе с тем очевидно и другое. Поскольку считалось, что «военнопленные из рядов русской армии выше подозрений», экспертиза достоверности их историй являлась сугубо формальной, если таковая вообще проводилась¹³. Стоит ли удивляться, что на данной стадии статистическое приращение обличающих вражеский плен свидетельств переросло в нечто большее. Их длинного перечня, старательно составляемого ЧСК, уже к середине 1916 г. оказалось достаточно, чтобы количество перешло в качество, а именно – в стройную систему доказательств однозначно негуманного обращения противника с пленниками из России¹⁴. Иначе говоря, начавшиеся еще в 1914 г. полевые наблюдения теперь ожидаемо привели к концептуализации риторики зверств. В иерархии обязательных характеристик вражеского плена три первых места при этом заняли такие «атрибуты» неволи, как бытовой аскетизм вообще и голод в особенности, изнуряющий труд и жестокие наказания пленников.

¹¹ См.: Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13159.

¹² Пермский священник о немецком плене... 1916. 29 мая.

¹³ Вороновский 1915. С. 79.

¹⁴ Истязания русских пленных... 1915; Кошмары плена... 1915; 10 тысяч русских пленных солдат на полевых работах... 1915; Стерн 1915; Энге 1915; В плену... 1915; Немецкие зверства...; Германские полководцы и русские пленные... 1915; Кочеткова 1915; Зверства австрийцев... 1916; В плену у жестокого врага... 1916; Муки немецкого пленения... 1916; Возмутительное обращение австрийцев... 1916; Варвары XX века... 1916; Злоупотребление немцев при переводе денег... 1916; «Морильня» для русских пленных... 1916; Лишения русских военнопленных... 1916; Звери... 1916; Милютин 1916; Репрессии в отношении больших пленных офицеров в Австрии... 1916; и мн. др.

Лагерное пространство (неважно, какой лагерь, солдатский или офицерский, имелся в виду), по версии российской прессы, являло собой пример доведенного до крайности минимализма, а собственно плен – гнетущей своей беспросветностью непроницаемой тьмы: «...В некоторых лагерях не было абсолютно никаких построек и пленные размещались прямо на голой земле и зачастую в одних мундирах или гимнастерках оставались под открытым небом, по целым суткам испытывали нестерпимые муки холода... Наши страдальцы устраивались сами в землянках, на более сухих местах, вырытых зачастую голыми руками... Стены в таких землянках часто обсыпались, и нередко по утрам из них извлекали трупы засыпанных людей... Если же и строились бараки, то они были выстроены наспех из тонкого теса, повсюду просвечивали щели, крыши покрывались картоном, через который в дождливую погоду просачивалась вода и наполняла все пространство внутри барак-ков...»¹⁵. Духота, теснота, сырость, холод, грязь и прочие невзгоды каждодневного существования несчастных невольников дополнялись картинами их хронического недоедания. Более того, изначально скудному рациону питания пленных российская печать вообще отказала в питании как таковом, номинируя его слагаемые как недостойные называться продовольствием: в дороге пленным давали «отвратительную *сальную бурду* без хлеба», «русские пленные получают *вместо пищи* картофельную шелуху», «по утрам дают отвратительную жидкость *вместо кофе*», «суп варили – *одна вода*, мяса совсем не давали», «давали *какую-то болтушку*, которой у нас в России не ест и свинья», «завтрак – *вода*, обед – *брюква, вода* и ужин – *вода* и древесная мука», «*вместо обеда* стала выдаваться каштановая мука», «они получают *отвар* из жареных желудей», «пища готовится из различных *отбросов*, каковую даже собака не будет есть», «хлеб ... *совершенно несъедобен*, так как смешан с рубленной соломой и опилками»¹⁶. «*Nichts für die Russische Schweine (Ничего для русских свиней)*», – резюмировала пресса, для пущей убедительности апеллируя к языку врага¹⁷.

Называя непременно символом неприятельского плена еще и нечеловеческую эксплуатацию, российская печать систематически указывала на то, что, вопреки международному праву, пленные постоянно принуждались к работам на оборону: копали окопы, сооружали проволочные заграждения, устраивали переправы для вражеских войск и

¹⁵ Во вражеском плену... 1916.

¹⁶ Наши пленные в Германии и Австрии... 1915; Содержание в Германии военнопленных... 1915; В немецком плену... 1915; В плену у жестокого врага... 1916; Положение наших пленных... 1916; Нас четверо из плена убежало... 1916; Жизнь в плену... 1916; Величайшее из преступлений Германии... 1916; Письмо русского военнопленного... 1916; и мн. др.

¹⁷ Во вражеском плену... 1916. 10 февр.

пр.¹⁸ «Был случай, когда австрийцы заставили русских пленных тащить на себе десять орудий от Ярославля до Красна, подгоняя их ударами палок и прикладов», – писали «Пермские ведомости», ссылаясь на материалы центральных изданий¹⁹. Каторжными могли быть названы практически любые работы, на которые привлекались пленники, будь то постройка железных или автомобильных дорог, где люди, «не выпуская из рук кирки и лопаты», трудились с 5 часов утра до 8 часов вечера, или же пахота, на которой «пленных сплошь и рядом запрягали в плуг вместе с коровой или быком»²⁰. Дорисовывая картину, российские издания, добавляли: «Работник доходил до такого изнеможения, что почти в бессознательном состоянии доставлялся на руках товарищей в лагерь, усталых до последней степени»²¹. Читателю при этом оставалось только догадываться, кто же «доставлял на руках» этих самых товарищей, если каторжный труд в плену был общим местом?..

Ещё более красочно и, что показательно, пространно, печать живописала систему наказаний пленных. Речь шла именно о системе, основу которой составляли: подвешивание пленников к столбу, одновременное сковывание правой руки и левой ноги, «стояние часами “мирно” с тяжестями до нескольких пудов на плечах или в руках», «балансирование на скамейке о трех ножках или на бочке, поставленной в неустойчивом равновесии», лежание в гробу, «бег или маршировка часами и даже целыми днями с мешком песка или иной тяжестью на спине», помещение на несколько минут в чан с кислотой, отравление газами, выработывавшимися угольными печами, обливание водой на морозе или помещение в ледник, и мн. др.²² И чем более ужасен был рассказ о жестокостях вражеского плена, тем с большим упоением он живописался: «...Их поставили против барака, а затем одного из них отвели в сторону к забору и насильно положили левую руку на невысокий стол. Потом один из германцев отвинтил от ружья штык-нож и одним ударом отрубил на руке казака по половине большого и среднего пальцев и мизинца... Один из немцев при общем смехе других подобрал эти пальцы с земли и положил их в карман шаровар казака. Затем

¹⁸ Положение военнопленных в Германии... 1915; Чрезвычайная следственная комиссия... 1916; Возмутительное обращение австрийцев... 1916; В чрезвычайной следственной комиссии... 1916; От председателя чрезвычайной следственной комиссии... 1916; Величайшее из преступлений Германии... 1916; и мн. др.

¹⁹ Во вражеском плену... 1916. 10 февр.

²⁰ Положение военнопленных в Германии... 1915; Во вражеском плену... 1916; 10 тысяч русских пленных солдат... 1915; Кошмары плена... 1915; и др.

²¹ Во вражеском плену... 1916. 14 февр.

²² Истязания русских пленных... 1915; Кошмары плена... 1915; Германские полководцы и русские пленные... 1915; Зверства австрийцев... 1916; В плену у жестокого врага... 1916; Во вражеском плену... 1916; Истязания наших пленных... 1916; и др.

наступила очередь следующего казака. Два немца взяли в руки по тесаку и втиснули острия их ему в ушные раковины. Когда острия впились, немцы повернули рукоятки и стали вращать тесаки. Когда казак упал, его подобрала и отнесли в барак. Для третьего была придумана новая пытка. Немец ударил тесаком сверху вниз и отрубил ему нос, причем кончик его повис на кожице. Когда казак стал просить, чтобы ему отрезали нос совсем, ему было оказано “снисхождение”: немец дал ему печоринный нож, и он сам дорезал свой нос...»²³.

Систематическое «нанизывание» одних «кошмаров» вражеского плена на другие не оставляло никаких сомнений в бесчеловечности врага. Более того, на это указывалось открыто и беспелляционно: «Совершенно очевидно, что жестокое обращение с нашими пленными – *распространенное и обыденное явление*, и что всякий германский и австрийский солдат с этим явлением так или иначе сталкивался», «Начиная от начальников и кончая солдатами, все воспитаны на один манер, *все они бесчеловечны, все бездушны*, и попасть в плен к таким зверям – высшее наказание»²⁴. Однако этим работа по созданию устойчивой интерпретационной рамки вражеского плена не ограничивалась.

В конечном итоге, варваризация («*варварские приемы войны*», «*прусский кулак*», «*мародеры*», «*палачи*», «*зубицы*») и анимализация («*немецкие лапы*», «*дикий приказ*», «*полулюди-полузвери*») образа врага, посредством которых конституировались сугубо негативные (ре)презентации плена, позволили российской печати стереть дистанцию между австрийским и германским пленом, – дистанцию, которая изначально просматривалась. «В Германии наши пленные получают, по крайней мере, исправно посылки со съестными продуктами, а в Австрию такие посылки доходят редко», – констатировало одно из изданий в 1916 г.²⁵ Однако ранее то же издание позволило себе обобщить: «Такая жизнь в плену Австрии, а также и в Германии»²⁶. Дезавуируя отличия, собственные германскому и австрийскому плену, российская печать особенно «старалась» в воспроизводстве символов деградации и разрухи «культурной» Германии, используя для описания примет её «цивилизационного нездоровья» самые доходчивые жанры, например, частушки:

«Германию считают
Культурною страной.
Она же пленных кормит
Одною лишь травой.
Фасоль, траву и брюкву
Мы кушали всегда,

А немец в утешенье
Давал нам даже сыр.
Но как мы не голодны,
Но все ж, себя шадя,
Гнилой тот сыр не ели,
Бросали, не глядя.

²³ Кошмары плена... 1915.

²⁴ Во вражеском плену... 1916; Пленные о немецких зверствах... 1916.

²⁵ Из жизни наших пленных в Германии... 1916.

²⁶ В плену у жестокого врага... 1916.

Варили суп на славу:
Трава, да лишь вода...
Иль сварят тухлой рыбы —
Всех тянет в тошноту.
Тогда уж достается
Бедняге-животу!..
Получим же мы хлеба
Два фунта на три дня,
То весь съедаем сразу,
Желудка не щадя...
Давали часто кофе,
Чтоб соблности расход.
Вот тут-то чуть не плачет
Голодный весь народ.
Летели дни за днями,
Все ожидали мир,

Однако, не смущаясь,
Что все мы голодны,
Нас немец принуждает
Работать целы дни.
Голодный и бессильный
В плену наш гибнет люд,
Бесцельно пропадает
Его тяжелый труд...
Сказать без превосходства,
Что труд его тяжел
И многих от бессилья
Совсем к концу привел...
Такой-то вот «культуре»
Дивится человек,
А пленник помнить будет
"Культуру" эту век...»²⁷

Размывание границ между цивилизованной Германией и архаичной Австро-Венгрией стало не единственной метаморфозой, приключившейся с географией плена. Первоначально изобиловавшая множеством непривычных русскому уху названий – «Брикс» (Брюкс), Гермерсгейм, Клейнмюнхен, Миловицы, «Мюнцингейм» (Мюнзинген), «Солтау» (Золтау), Тухоля, «Цалаченгрот» (Заласентгрот), Шнейдемюль, Эстергом и мн. др., – она постепенно сузилась до нескольких наименований или вовсе стала «безместной»/«всеместной», тем самым фундируя перечисленные выше надлокальные характеристики плена.

Примечательно, что, описывая реалии вражеского плена с использованием лишь оттенков черного, пресса превратила в бесчеловечные муки даже проявления гуманного отношения к пленникам. «...Это был ад и смерть. Умирили массами. Солдат били, терзали, мучили. Даже прививка оспы совершалась как пытка: студент-немец, невежда в медицине, саблей прорубал в руке солдата длинную рану-царапину и на нее накладывал оспенный детрит», – «констатировала» казанская «Земская неделя», демонстрируя свою конъюнктурную безупречность²⁸. Однако думающая часть читателей российской периодики понимала, что рассказы о вражеском плене, основанные на данных ЧСК, «представляющих собой безусловно полную правду»²⁹, слишком однотипны, чтобы быть таковой. Как результат, в менее ангажированной прессе появились публикации сатирического характера, которые хоть и не могли развенчать мифологию вражеских зверств, но прямо указывали на отсутствие у ее творцов всякого чувства меры. Так, в статье Б. Мирского «Фабрика ангелов», опубликованной в «Новом Сатириконе» в апреле 1916 года, «зверства» были высмеяны через

²⁷ В плену у «культурных» немцев... 1915.

²⁸ Муки немецкого пленения... 1916.

²⁹ Содержание в Германии военнопленных... 1915.

описание сцены в лавке, хозяин которой встречал покупателя словами: «Что прикажете? Все, сударь, в нашем торговом доме имеется. Отрезанного язычка не желаете?... Самый свежий, последнего присыла... Вот, пожалуйста: пехотинцы за шеи повешены, на поясах болтаются – лица страшные, черные, языки повысунуты. У одного солдата нос отрезан, у другого ухо, а у третьего глаза выколоты и в одном глазу германский штык торчит»³⁰.

Впрочем, надо признать, что профильтрованные через составленный ЧСК вопросник «авторитетные» свидетельства плена, делали своё дело. «Надо отметить, население здесь весьма добродушно, но оно гнусным образом подстрекается баснями о германских зверствах (изуродование лиц, обрезание ушей и прочие нелепости)», – отмечал один из оказавшихся в России пленных иностранцев в своем письме на родину³¹. Даже поверженный враг вызывал у обывателя страх и панику. «Да что это начальство-то думает, – говорили старики деревни Верхние Чермоды Осинского уезда Пермской губернии, узнав о прибытии партии вражеских военнопленных на полевые работы, – ведь они, пленные, всех нас здесь погубят, перебьют, сожгут наши дома, а потом и скроются»³². Однако успех в формировании и продвижении концепции зверств, достигнутый во многом благодаря возможностям печати, совсем не означал, что со второй половины 1916 г. неприятельский плен как информационный повод себя исчерпал. Именно на этом этапе его образы, снова и снова (ре)транслируясь периодической печатью³³, в полной мере обнаружили свой манипулятивный, функциональный потенциал.

Изначально, как во всех подобных случаях, этот потенциал капитализировался в консолидацию воюющего общества. Маркируя вражеский плен как непригодную для жизни территорию, населенную (помимо самих пленных) лишь внешне антропоморфными существами, российская пресса не просто дискредитировала противника, но и актуализировала иррациональный страх перед Чужим. Демонизация врага и толкование плена как измерения, неподконтрольного человеку («страшный сон», «этот ад», «ад и смерть» и пр.³⁴), призваны были поселить чувство смертельной угрозы в душах россиян и осознание необходимости предельного сплочения перед её лицом – в умах.

³⁰ Асташов 2014. С. 69.

³¹ Государственный архив в г. Тобольске. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191.

³² [Без названия] // Пермская земская неделя. 1916. 12 июня.

³³ В ответ на жестокости немцев 1916; Жизнь в плену... 1916; Просьба наших военнопленных... 1916; Убийство болгарам пленными... 1916; Дмитриев 1917; В плену... 1917; Сонин 1917; Письмо в Московский городской комитет... 1917; Клеймение одежды военнопленных... 1917; Наши пленные в Германии... 1917; Из плена... 1917; Краков 1918. С. 17–19; и мн. др.

³⁴ Муки немецкого пленения... 1916; Нас четверо из плена убежало... 1916; В плену... 1917; и др.

Вместе с тем, только лишь единение не гарантировало быстрой победы над нечеловеческим и даже надчеловеческим злом, каким экспонировался вражеский плен и враг вообще. Её неперемным условием было страдание. «Тихий, усталый, с лицом, на котором до сих пор еще остались следы *нечеловеческих страданий*, инвалид рассказывал мне о том, что пережил он там, в тяжелом плену. Прерывающиеся, несвязанные между собою мысли, перескакивание с одного вопроса на другой, а главное, тон рассказа, в котором слышно только одно страдание, производят тяжёлое, неизгладимое впечатление», – так начиналась одна из публикаций газеты «Русский военнопленный», не только воспроизводившая трафаретный образ русского военнопленного-страдальца, но и указывавшая на страдание как на необходимое условие преодоления тягот и лишений плена и, в конечном итоге, претворения зла в добро³⁵.

«Наши герои», «наши страдальцы», «герои-мученики», «кои на чужбине несут тяжёлый крест свой»³⁶ – эти персонажи показывали своим примером, что страдание пробуждает самые благородные чувства и проверяет их на прочность. Настраивая читателя на стоическое перенесение причиненных войной страданий, российская пресса активно использовала такой эффективный способ воздействия на читателя, как фольклорные версии метафор («так-то 15 долгих месяцев *томился* врач Валуйский», «*выбрал* ночь *потемнее* и бежал», «...прошли *три* ряда проволочных заграждений и в каждом ряду *еще по три* проволочных заграждения», «...и *ещё* день, и *ещё* ночь» и т.п.³⁷). Рассказы о неприятельском плене «в жанре мученичества», с вплетёнными в них элементами «сказочной фразеологии», взывали как к сознательному, так и бессознательному самых широких «масс», равно как и стилизация сказаний о плене под чуть-ли не священные тексты. «В одном из военных лагерей в Германии русских пленных очень плохо и недостаточно кормили; когда они доходили до острой степени отчаяния, немцы устраивали такую забаву: дневальные выносили бак с пищей и, показывая ее пленным, говорили “Ешьте”. Не помня себя от голода, пленники бросались к баку, но в этот момент из толпы окружавших *спускались с привязи собаки*, приготовленные для этой потехи; собаки с жадной злобой набрасывались на пищу. Офицеры, солдаты, горожане очень забавлялись, глядя на эту свалку и, надрываясь от смеха, кричали: “Собаки, собаки, собаки!”» – говорилось в одном из таких рассказов, вызывавшем ассоциации с картинами травли ранних христиан дикими животными³⁸.

³⁵ Из плена... 1917.

³⁶ Письмо в Московский городской комитет... 1917.

³⁷ Немецкие зверства... 1915; В плену у жестокого врага... 1916; Муки немецкого пленения... 1916; Нас четверо из плена убежало... 1916.

³⁸ Немецкие зверства... 1915.

Мотивы мученичества, не предполагая обязательной кончины несчастных пленников, имплицитно смыкались с идеей святости. В самих по себе пленных, страдающих за Царя и Отечество, пресса, вероятно, и не видела особой святости, но, отождествляя их страдания со страданиями воюющего общества, она будила в сознании обывателя традиционный образ Святой Руси, праведной и жертвенной. В этой связи едва ли будет слишком большим допущением аттестовать образы вражеского плена не просто как средство мобилизации российского общества, но и как один из инструментов воспроизводства воображаемой картины мира с определенным местом в нём России. Иначе говоря, в картинах германского и австро-венгерского плена, созданных посредством российской печати, в скрытой форме присутствовал тот идентификационный код, который веками «работал» на сохранение российской государственности и продолжает предлагаться России в качестве основы её «Я-концепции».

Парадоксально, но ровно та же риторика, а затем и концепция зверств, наряду с задачей артикуляции исключительности России, позволяла решать совсем иную задачу. Она давала возможность настаивать на логике включенности, интегрированности России в цивилизованный мир. После печально известных разграбления Калиша³⁹ и «изнасилования» Бельгии⁴⁰ немцами, западные союзники России, как справедливо отмечает Дж. Сэнборн⁴¹, единодушно провозгласили актуальный вооруженный конфликт войной цивилизации против немецкого варварства⁴². В этой ситуации Россия, традиционно воспринимавшаяся Западом как полудикая отсталая периферия Европы, поспешила присоединиться к обличению зверств противника, не просто дискурсивно привязывая себя к идее справедливой войны – тем самым она подчеркивала свою принадлежность к клубу передовых держав. Разница в артикуляции зверств состояла, пожалуй, лишь в том, что газеты Англии и Франции, наперебой рассказывая об отрезании немцами груди у женщин и отрубании кистей рук у детей, педалировали тему преступного насилия над гражданским населением⁴³. В России же среди сюжетов, связанных с варварством врага, на первом месте оказался сюжет о негуманном отношении к военнопленным. Это на первый взгляд невинное отличие, обозначенное прессой в посвященных деятельности Чрезвычайной следственной комиссии обзорах⁴⁴, совсем не было невинным.

³⁹ См., напр.: Engelstein 2009. P. 441–473.

⁴⁰ См. подробнее: Zuckerman 2004.

⁴¹ Sanborn 2014. P. 251.

⁴² См., напр.: Le Queux 1914; Massart 1916; Willis 1914; Thompson 1915; и др.

⁴³ См. об этом: Gullace 1997; Harris 1993; и др.

⁴⁴ В этой связи приведу лишь несколько фактов. Так, на заседании ЧСК, состоявшемся 17 февраля 1916 г., было рассмотрено 98 донесений о злоупотреблении

В России, где население национальных окраин, традиционно дискриминируемое и воспринимавшееся как второсортное, с началом войны не только не удостоилось защиты, но и подверглось реквизициям, погромам и депортациям со стороны своих же военных, говорить о страданиях мирных жителей было неловко. Нужно было искать других страдальцев, рассказы о которых день ото дня все более прагматизировались. Помимо прочего, задачей этих рассказов стало убедить общество в необходимости продолжения войны «до победного конца».

«Вот весна уже подходит,
Светлый праздник настает,
По бараку пленник бродит,
Грусть, тоска его сосет...
Много ль здесь еще страдать?
Долго ль здесь еще томиться?
Спать голодному ложиться
И от холода дрожать?
Долго ль будут издеваться
И болтушкой кормить,

Бить по морде и ругаться
И собаками травить?
Но, быть может, наши немцам
Скоро сделают капут?
Вот тогда-то будет радость,
А теперь уж как-нибудь.
Вот как думал русский пленник;
Он готов еще терпеть,
Лишь бы Бог послал победы,
Чтоб нам дерзких одолеть», —

цитировали «Русские записки» редкое по своей фабуле для 1915 г. стихотворение, «прилетевшее» из вражеского плена⁴⁵. К концу же 1916 г., когда вопрос о целесообразности продолжения войны перестал быть праздным, трагика лишения плена как необходимой для достижения высокой цели жертвы стала универсальной. Так, «Правительственный вестник», ссылаясь на вернувшегося из плена инвалида В. Измостьева, в декабре 1916 г. указывал, что «оставшиеся в плену офицеры и нижние чины умоляли его передать на родине, что они готовы перенести все испытания, все невзгоды плена в виде наказаний, голода и пр., лишь бы война продолжалась до победоносного конца и не был заключен преждевременный мир»⁴⁶. Но ни сами по себе, ни вкуче с иными доводами рассказы об ужасах плена остановить неизбежное не помогли. И после июньского наступления 1917 г. российская печать, продолжавшая твердить, что «пленные предпочитают страдания в плену заключению позорного мира с немцами или, что почти равносильно этому, отказу от наступления», фактически указывала на весьма незначительный эффект концепции зверств как средства воздействия на войска и население империи⁴⁷.

ях врага против пленных и 40 – против мирных жителей. 20 апреля того же года комиссия обсудила 74 дела о пленных и 55 – о мирных жителях. 11 мая 1916 г. эти цифры выражались показателями в 67 и 20 дел соответственно (см.: В чрезвычайной следственной комиссии... 1916; Заседание чрезвычайной следственной комиссии... 1916; Чрезвычайная следственная комиссия... 1916).

⁴⁵ Кочеткова 1915. № 10. С. 146.

⁴⁶ Просьба наших военнопленных... 1916.

⁴⁷ Наши пленные в Германии... 1917.

Столь же скромный успех концепция бесчеловечного вражеского плена имела и в другой области ее применения. Нагнетая страсти вокруг «кошмаров» вражеского плена, российская печать с достойным удивлением постоянством напоминала своей аудитории и о христианском долге материальной помощи томящимся в неприятельском плену мученикам⁴⁸. «Здесь единственное спасение в посылках черных сухарей»⁴⁹, – указывало одно издание, в то время как другое подчеркивало, что «даже немецкие солдаты охраны собирают для них [русских пленных – *Н.С.*] из сострадания подаяния с соседних жителей»⁵⁰. Среди гражданских инициатив помощи пленным стоит отметить такие, как сбор денег, продуктов и вещей, отказы от традиционных праздничных визитов, прием пленных на личное попечение («крестничество»). Все эти меры, способствуя мобилизации средств, не подконтрольных государству, имели, однако, весьма ограниченное значение и, кроме того, вели к распылению и без того скудных местных ресурсов.

При этом, активно «рекламируя» механизмы помощи пленным, успешно применявшиеся в ряде стран Западной Европы, российские издания также зафиксировали, как задача материальной поддержки пленных соотечественников постепенно превратилась преимущественно в задачу общечеловечности⁵¹. Власти же, без которых никак не могли быть налажены транспорты с хлебом в лагеря военнопленных, беспрепятственная отправка почтовых отправлений, включая посылки, обмен валют по приемлемому курсу и пр., оказывались как бы ни при чем. И чем более ни при чем они оказывались, тем непригляднее становились не только картины вражеского плена. Локально ограниченной, лишенной планомерности и согласованности при этом выглядела и деятельность организаций помощи российским военнопленным⁵². Тем самым посредством однозначно негативной артикуляции реалий вражеского плена российская пресса, желала она того или нет, давала лишний повод для конфронтации государственных и общественных институтов, а также для соперничества различных филантропических организаций в борьбе за ограниченные материальные блага⁵³.

Неуспех в использовании концепции бесчеловечного вражеского плена в целях дезавуирования неспособности российских властей позаботиться о своих соотечественниках не помешал, однако, ее дальней-

⁴⁸ См. об этом: Гроссман 1915; На нужды наших военнопленных... 1916; Удянский 1916; Малченко 1916; Люблинский 1916; и мн. др.

⁴⁹ Письмо русского военнопленного... 1916.

⁵⁰ Бедственное положение русских военнопленных... 1916.

⁵¹ См. об этом: Альбат 1916. № 32, № 41–42; 1917. № 58–60; и др.

⁵² См. об этом: Суржикова 2006.

⁵³ Новый план помощи беженцам...; Съезд уполномоченных Земского Союза... 1916; Министр внутренних дел о Земском и Городском Союзах... 1916; и др.

шему применению, в частности, в рамках т.н. политики самоадвокации. Ее суть – в попытках имперских властей сгладить «дефекты» и даже багателизировать⁵⁴ российский плен, противопоставляя ему «варварские» порядки противника. Именно в рамках этой политики обвинения германской стороны в безобразных условиях содержания пленных на строительстве Мурманской железной дороги⁵⁵ тут же были «парированы» тем, что «немецкие офицеры были обставлены в России почти что с комфортом, русских же офицеров в Германии третировали, как собак»⁵⁶. Для манипуляций такого рода образов «ужасного» неприятельского плена было, однако, недостаточно. Нужно было создать еще и благостные картины пребывания иностранцев в России, что явилось еще одной задачей прессы: «... Не лишено интереса следующее сообщение корреспондента “Петроградских ведомостей” о своих наблюдениях над жизнью военнопленных австрийцев в экономиях русских землевладельцев в окрестностях Мурафы. 2 скоромные дня в неделю им дается мясная пища, остальные 4 им дается рыба. Пшеничного хлеба — вдоволь: по 3 фунта на человека; горячая пища (не вода с тертыми желудями, как у немцев) — каша, суп 2 раза в день. Работают в будни 9–10 часов. Из 12 часов 3 час. отходят на еду и отдых. Всем пленным сделали работодатели легкие летние костюмы... Пишут, что, когда, сколько и куда им угодно. В воскресные и праздничные дни ходят по местечку, разговаривают с крестьянами и вообще с кем и о чем им угодно. Лица их веселые, лоснящиеся, кровь с молоком; походка бодрая... Не житье, можно сказать, а масленица...»⁵⁷ Сознательно противопоставляя вражеские «сады пыток» и отеческие «райские кущи» плена, тот же источник продолжал: «Наши солдаты, имевшие несчастье попасть в руки врага, всегда голодны, оборваны, истощены непосильными работами и при всем этом ежедневно подвергаются телесным наказаниям... Всякому безобразию должны быть границы, и если нет иного способа воздействовать на немцев, как репрессивными мерами против германских пленных..., то, как бы это ни не соответствовало русским взглядам, к таким мерам нужно прибегнуть»⁵⁸.

Призывы «принять меры» в отношении пленных иностранцев не были пустым звуком. Посыл о том, что «в то время, когда наши в Германии просто умирают от голода и жестокостей, вражеские пленные пользуются у нас такими удобствами и заботами, какими не пользуются часто даже сами русские», стал обоснованием для клеймения одеж-

⁵⁴ От *vagatelle* (фр.) — пустяк, мелочь, безделушка; багателизация — опустычивание, обмельчение, уничтожение.

⁵⁵ См. об этом: *Nachtigal* 2001.

⁵⁶ Правительственные сообщения... 1916.

⁵⁷ За неделю... 1916. 4 сент.

⁵⁸ Там же.

ды пленных в России, урезания их заработной платы, сокращения мясного пайка и числа выходных дней, ограничений в переписке и получении денежных переводов⁵⁹. Сомнительный почин властей, считавших, что действовать от противного было бы «в высшей степени несправедливым в отношении наших пленнх страдальцев в Германии и Австрии»⁶⁰, подхватили на местах, тем самым засвидетельствовав очевидные успехи в эксплуатации концепции зверств: «В конце апреля под председательством вернувшегося с фронта В.Т. Сухова состоялось собрание граждан-солдат и некоторых жителей села. Собранием признана необходимость организации всех возвращающихся граждан-солдат, каковую организацию решено назвать “Военная организация для защиты интересов местного населения”. На митинге, устроенном этой новой организацией, вынесено постановление: обратиться в Бродокалмакский волостной совет сельских депутатов с следующими ходатайствами: ...установить для военнопленных норму потребления продуктов и запретить держать свиней, которых они откармливают на убой, тогда как наши военнообязанные и пленные в Германии умирают с голода...»⁶¹.

То, что «борьба против варварства поразительно часто легитимировала собственное варварство»⁶², позволяет говорить о риторике, а затем и концепции зверств как о чем-то большем, нежели просто пропаганда. Эта риторика и эта концепция, по сути, способствовали краху того курса в отношении пленнх, который основывался на принципе взаимности. Предполагавший взаимные уступки воюющих сторон, этот курс сделал возможными соглашения о порядке обмена списками военнопленнх, оставлении ценностей и денег у пленнх в момент их обезоруживания, режиме содержания офицеров и унтер-офицеров, введении самоуправления в лагерях, ограничениях в наказаниях за побег, прогулках пленнх под честное слово, охране воинских могил и др.⁶³ Можно сказать, что эти решения какое-то время позволяли надеяться на позитивную повестку плена. Однако это была иллюзия. Компромиссы быстро уступили бескомпромиссному противостоянию сторон, когда на смену договоренностям об облегчении участи пленнх пришли обоюдные репрессалии.

Стоит ли удивляться, что позитивная повестка плена в конечном итоге отступила перед его негативной повесткой, обязанной своей по-

⁵⁹ Альбат 1916; Воскресный отдых военнопленнх 1916; Постные дни и военнопленнх... 1916; Лишения русскх военнопленнх... 1916; Протест против притеснения наших офицеров... 1916; В ответ на жестокости немцев... 1916; Клеймение одежды военнопленнх... 1917; Наши пленнх в Германии... 1917; и мн. др.

⁶⁰ Государственный архив Свердловской области. Ф. 50. Оп. 2. Д. 3184. Л. 133.

⁶¹ С. Бродокалмакское Шадринского уезда... 1917.

⁶² Ян 2010. Т. 1. С. 187.

⁶³ См., напр.: Заключительный протокол Совещания уполномоченнх... 1916.

бедой, помимо прочего, методично выстроенным риторике и концепции зверств. Несмотря на локальные прорывы в их использовании, деструктивные в своей основе, эти риторика и концепция не только не помогали решению связанных с пленом проблем, но и способствовали его радикализации. Но это касалось не только плена. Радикализация, брутализация войны нормализовались общей логикой легитимации насилия, география которого с легкостью преодолела рамки фронта⁶⁴. Остается только сожалеть, что эта логика оставила слишком мало места для адекватной оценки распространенности сознательных, намеренных нарушений прав военнопленных. Это же, в свою очередь, практически лишает смысла вопрос о том, какой из пленов Первой мировой войны был более гуманным, отечественный или иностранный?

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Альбат Г.П. К вопросу о снабжении военнопленных хлебом // Изв. Главного Комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 41–42. С. 66–74.
- Альбат Г.П. Организация помощи военнопленным во Франции // Изв. Главного Комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 32. С. 57–64.
- Альбат Г.П. Основные черты организации помощи военнопленным в Западной Европе // Изв. Главного Комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. 1917. № 58–60. С. 34–50.
- Альбат Г.П. Репрессалии по отношению к военнопленным // Изв. Главного комитета Всероссийского Земского Союза. 1916. № 51. С. 116–124.
- Бедственное положение русских военнопленных в Германии // Вестн. Российского общества Красного Креста. 1916. № 6. С. 2365.
- [Без названия] // Пермская земская неделя. 1916. 12 июня.
- В немецком плену // Пермская земская неделя. 1915. 15 нояб.
- В ответ на жестокости немцев // Пермская земская неделя. 1916. 20 нояб.
- В плену // Пермские ведомости. 1915. 5 нояб.
- В плену // Русский военнопленный. 1917. № 1.
- В плену тевтонов // Пермские ведомости. 1914. 27 сент.
- В плену у «культурных» немцев (Частушки русских пленников) // Пермская земская неделя. 1915. 5 нояб.
- В плену у жестокого врага // Пермская земская неделя. 1916 г. 24 янв.
- В чрезвычайной следственной комиссии // Правительственный вестн. 1916. 21 апр., 25 мая, 1 июня.
- Варвары XX века // Бесплатное приложение к журналу «Земская неделя» (Казань). 1916. 9, 16, 30 июня; 7 июля.
- Величайшее из преступлений Германии // Правительственный вестн. 1916. 26 нояб.
- Во вражеском плену // Пермские ведомости. 1916. 10, 13, 14 февр., 10 марта.
- Возмутительное обращение австрийцев с русскими военнопленными // Правительственный вестн. 1916. 20 апр.
- Вороновский Вл. М. К участи военнопленных // Вестн. Российского общества Красного Креста. 1915. № 1. С. 78–87.
- Воскресный отдых военнопленных // Уральская жизнь. 1916. 5 марта.

⁶⁴ См. об этом: Лор 2012; Суржикова 2014; Holquist 2002; Home 1997; Kramer 2007; Sanborn 2005; и др.

Германские полководцы и русские пленные // Саратовский вестн. 1915. 17 нояб.

Государственный архив в г. Тобольске. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191.

Государственный архив Свердловской области. Ф. 50. Оп. 2. Д. 3184. Л. 133.

Гроссман Г. Помощь пленным // Русские ведомости. 1915. 31 окт.

10 тысяч русских пленных солдат на полевых работах в Курляндии // Зауральский край. 1915. 17 сент.

Дмитриев В. Между жизнью и смертью // Русские ведомости. 1917. 18 янв.

Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1942. 79 с.

Жестокости немцев // Новое время. 31 июля.

Жизнь в плену // Земская неделя (Казань). 1916. 4 дек.

Жизнь в плену // Пермская земская неделя. 1916. 6 нояб.

За неделю // Земская неделя (Казань). 1916. 4 сент.

Заключительный протокол Совещания уполномоченных Обществ Красного Креста Германии, Австро-Венгрии и России, состоявшегося под покровительством Его Королевского Высочества Принца Карла Шведского, Председателя Шведского Общества Красного Креста, 1 дек. 1915 г. // Правительственный вестн. 1916. 1 янв.

Заседание чрезвычайной следственной комиссии // Правительств. вестн. 1916. 18 февр.

Звери // Вестн. Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. 9–16 окт. (№ 38–39). С. 16.

Зверства австрийцев // Уфимский вестн. 1916. 16 янв.

Зверства германцев // Правительственный вестн. 1915. 13 мая.

Зверства немцев // Новое время. 1914. 30 июля; 2 авг.

Зверства немцев в войну 1914–1918 гг. (из документов первой мировой войны). Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное изд-во, 1943. 103 с.

Злоупотребление немцев при переводе денег военнопленным // Вестн. Российского общества Красного Креста. 1916. № 6. С. 2360–2361.

Из жизни наших пленных в Германии // Пермская земская неделя. 1916. 16 окт.

Из плена // Русский военнопленный. 1917. № 6.

Истязания наших пленных // Правительственный вестн. 1916. 8 нояб.

Истязания русских пленных // Правительственный вестн. 1915. 7 июля.

Клеймение одежды военнопленных // Зауральский край. 1917. 11 июля.

Кочеткова З. Беглецы из немецкого плена // Русские записки. 1915. № 10. С. 141–148.

Кошмары плена // Зауральский край. 1915. 23 авг.

Краков В. Воспоминания военнопленного // Пленный и беженец: Ежегод. орган Саратовской губернской коллегии о пленных и беженцах. 1918. 1–15 нояб. С. 15–16; 16–30 нояб. С. 17–19.

Лишения русских военнопленных // Правительственный вестн. 1916. 14 окт.

Люблинский П.И. Помощь русским военнопленным // Утро России. 1916. 6 дек.

Малченко Б.С. Юристы в деле помощи военнопленным // Вестн. права. 1916. 4 дек.

Милотин (?) В плену // Речь. 1916. Окт.

Министр внутренних дел о Земском и Городском Союзах // Земское дело. 1916. № 11–12. С. 561.

«Морильня» для русских пленных в Германии // Пермская земская неделя. 1916. 5 июня.

Муки немецкого пленения // Земская неделя (Казань). 1916. 17 апр.

На нужды наших военнопленных // Пермские ведомости. 1916. 10 февр.

Нас четверо из плена убежало // Пермская земская неделя. 1916. 30 окт.

Наши пленные в Германии // Пермская земская неделя. 1917. 30 июля.

Наши пленные в Германии и Австрии // Земская неделя (Казань). 1915. 7 июня.

Наши пленные солдаты в Германии // Пермская земская неделя. 1914. 29 сент.

Немецкие зверства // Вестн. Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и высленцам и промышленности по снаряжению армии. 1915. 15 нояб. С. 14–15.

Новый план помощи беженцам // Земское дело. 1916. № 2. С. 93–94.

Озверевшие немцы // Новое время. 29 июля.

Пермский священник о немецком плене // Пермская земская неделя. 1916. 29 мая.

- От председателя чрезвычайной следственной комиссии // Правительственный вестн. 1916. 11 июня.
- Письмо в Московский городской комитет [помощи русским военнопленным] // Русский военнопленный. 1917. № 4.
- Письмо русского военнопленного из Германии Красному Кресту // Правительственный вестн. 1916. 27 нояб.
- Пленные о немецких зверствах // Земская неделя (Казань). 1916. 27 нояб.
- Положение военнопленных в Германии // Правительственный вестн. 1915. 17 июля.
- Положение наших пленных // Правительственный вестн. 1916. 7 сент.
- Постные дни и военнопленные // Зауральский край. 1916. 20 апр.
- Правительственные сообщения // Вестн. Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. 23–30 окт. С. 13.
- Просьба наших военнопленных // Правительственный вестн. 1916. 10 дек.
- Протест против притеснения наших офицеров в Германии // Правительственный вестн. 1916. 5 нояб.
- Репрессии в отношении больных пленных офицеров в Австрии // Правительственный вестн. 1916. 2 нояб.
- Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13159.
- С. Бродокалмакское Шадринского уезда // Зауральский край. 1917. 24 мая.
- Содержание в Германии военнопленных // Правительственный вестн. 1915. 17 июля.
- Совин М. В германском плену (по личным наблюдениям) // Русские записки. 1917. № 1. С. 51–69; №. 2–3. С. 92–113.
- Стерн В. Письмо из немецкого лагеря военнопленных // Русские ведомости. 1915. 31 окт.
- Съезд уполномоченных Земского Союза 12–14 марта // Земское дело. 1916. №. 7. С. 364.
- Убийство болгарями пленных // Земская неделя (Казань). 1916. 11 дек.
- Удьянский Н.Р. Помощь нашим военнопленным // Пермская земская неделя. 1916. 22 мая.
- Чрезвычайная следственная комиссия // Правительственный вестн. 1916. 29 марта, 13 мая.
- Энге Г. Несколько слов о нашем положении (письмо из плена) // Русские ведомости. 1915. 31 окт.
- Le Queux W. German Atrocities: A Record of Shameless Deeds. L.: George Newnes, Limited, 1914. 127 p.
- Massart J. Belgians Under The German Eagle. L.: T.F. Unwin, Ltd., 1916. 368 p.
- Thompson W. The Martyrdom of Nurse Cavell. The life story of the victim of Germany's most barbarous crime. L.: Hutchinson & Co, 1915. 55 p.
- Willis W. The Kaiser and His Barbarians. L.: The Anglo-Eastern Publishing Co, 1914. 64 p.

Литература

- Асташов А.Б. «Зверства» войск антирусской коалиции в 1914–1918 гг.: военный опыт и пропаганда // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 65–73.
- Асташов А.Б. Нарушение законов и обычаев войны на русском фронте Первой мировой (по материалам российской Чрезвычайной следственной комиссии) // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 35–46.
- Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России: 1914–1956 гг.: дисс. ... д.и.н. Владивосток, 2004. 477 с.
- Дементьев И.О. «Исключения из общего правила»: смена вех в дискуссиях западных историков о характере русской оккупации Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны // Калининградские архивы. 2014. № 11. С. 75–88.
- Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: НЛО, 2012. 304 с.
- Ниманов Б.И. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 годах в Поволжье: дисс. ... к.и.н. М., 2009. 186 с.
- Семенова Е.Ю. Периодическая печать и цензура в годы Первой мировой войны как фактор формирования менталитета российского общества (по материалам поволжских губерний) // Изв. Самарского НЦ РАН. 2008. Т. 10. № 1. С. 71–85.

- Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922). М.: РОССПЭН, 2014. 423 с.
- Суржикова Н.В. Отдел помощи российским военнопленным в Екатеринбурге в годы Первой мировой войны (февраль 1915 — март 1917 гг.) // Шестые Тагищевские чтения: тез. докл. и сообщ. Екатеринбург: БКИ, 2006. Т. 1. С. 347–355.
- Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: Июль 1914 – май 1918 гг.: дисс. ... к.и.н. Омск, 2005. 240 с.
- Щеров И.П. Миграционная политика в России 1914–1922 гг. Смоленск: СГПУ, 2000. 314 с.
- Ян П. «Нечисть царей, нечисть варваров». Русская оккупация Восточной Пруссии 1914 г. в восприятии немецкой общественности // Россия и Германия в XX веке: в 3-х т. М.: АИРО-XXI, 2010. Т. 1: Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. С. 176–191.
- Engelstein L. «A Belgium of Our Own»: The Sack of Russian Kalisz, August 1914 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 10. № 3 (Summer 2009). P. 441–473.
- Gullace N. Sexual Violence and Family Honor: British Propaganda and International Law during the First World War // *American Historical Review*. Vol. 102. № 3 (June 1997). P. 714–747.
- Harris R. «The Child of the Barbarian»: Rape, Race and Nationalism in France during the First World War // *Past and Present*. Vol. 141 (November 1993). P. 170–206.
- Holquist P. *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Cambridge, MA and London: Harvard University Press, 2002. 359 p.
- Horne J. *State, Society, and Mobilization in Europe during the First World War*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1997. 292 p.
- Kramer A. *Dynamic of Destruction: Culture and Mass Killing in the First World War*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 446 p.
- Nachtigal R. *Die Verkehrsanbindung eines kriegswichtigen Hafens und das Arbeitspotential der Kriegsgefangenen (1915 bis 1918)*. Grunbach: Greiner, 2001. 159 s.
- Sanborn J. *Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire*. Oxford: University Press, 2014. 288 p.
- Sanborn J. *Unsettling the Empire: Violent Migrations and Social Disaster in Russia during World War I* // *Journal of Modern History*. Vol. 77. № 2 (June 2005). P. 290–324
- Zuckerman L. *The Rape of Belgium: The Untold Story of World War I*. N.Y.: New York University Press, 2004. 339 p.

REFERENCES

- Astashov A.B. «Zverstva» voisk antiruskoi koalitsii v 1914–1918 gg.: voenniy opyt i propaganda // *Pervaya mirovaya voyna, Versal'skaya sistema i sovremennost'*: sb. statei. Spb.: SPbGU, 2014. S. 65–73.
- Astashov A.B. Narusheniye zakonov i obychev voyny na russkom fronte Pervoi mirovoi (po materialam rossiiskoi Chrezvychainoi sledstvennoy komissii) // *Novaya i noveishaya istoriya*. 2014. № 2. S. 35–46.
- Bondarenko E.Yu. Inostrannye voennoplennyye na Dal'nem Vostoke Rossii: 1914–1956 gg.: diss. ... d.i.n. Vladivostok, 2004. 477 s.
- Dement'ev I.O. «Isklyucheniya iz obshchego pravila»: smena vekh v diskussiyakh zapadnykh istorikov o kharaktere russkoi okkupatsii Vostochnoi Prussii v gody Pervoi mirovoi voyny // *Kaliningradskie arkhivy*. 2014. № 11. S. 75–88.
- Lor E. *Russkii natsionalizm i Rossiiskaya imperiya: Kampaniya protiv «vrazheskikh poddannykh» v gody Pervoi mirovoi voyny*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 304 s.
- Nimanov B.I. *Osobennosti i osnovnyye faktory soderzhaniya i khozyaistvennoi deya-tel'nosti voennoplennykh v 1914–1917 godakh v Povolzh'e*: diss. ... k.i.n. M., 2009. 186 s.
- Semenova E.Yu. *Periodicheskaya pechat' i tsenzura v gody Pervoi mirovoi voyny kak faktor formirovaniya mentaliteta rossiiskogo obshchestva (po materialam po-volzhsikh gubernii)* // *Izv. Samarskogo NTs RAN*. 2008. T. 10. № 1. S. 71–85.
- Surzhiikova N.V. *Voenniy plen v rossiiskoi provintsii (1914–1922)*. M.: ROSSPEN, 2014. 423 s.

- Surzhikova N.V. Otdel pomoshchi rossiiskim voennoplennym v Ekaterinburge v gody Pervoi mirovoi voyny (fevral' 1915 — mart 1917 gg.) // *Shestye Tatishchevskie chteniya: tez. dokl. i soobshch.* Ekaterinburg: BKI, 2006. T. 1. S. 347–355.
- Talapin A.N. Voennoplennye Pervoi mirovoi voyny na territorii Zapadnoi Sibi-ri: Iyul' 1914 — mai 1918 gg.: diss. ... k.i.n. Omsk, 2005. 240 s.
- Shcherov I.P. Migratsionnaya politika v Rossii 1914–1922 gg. Smolensk: SGPU, 2000. 314 s.
- Yan P. «Nechist' tsarei, nechist' varvarov». Russkaya okkupatsiya Vostochnoi Prussii 1914 g. v vospriyatii nemetskoj obshchestvennosti // *Rossiya i Germaniya v KhKh veke: v 3-kh t.* M.: AIRO-KhKhI, 2010. T. 1: Obol'shchenie vlast'yu. Russkie i nemtsy v Per-voi i Vtoroi mirovykh voynakh. S. 176–191.
- Engelstein L. «A Belgium of Our Own»: The Sack of Russian Kalisz, August 1914 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 10. № 3 (Summer 2009). P. 441–473.
- Gullace N. Sexual Violence and Family Honor: British Propaganda and International Law during the First World War // *American Historical Review*. Vol. 102. № 3 (June 1997). P. 714–747.
- Harris R. «The Child of the Barbarian»: Rape, Race and Nationalism in France during the First World War // *Past and Present*. Vol. 141 (November 1993). P. 170–206.
- Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, MA and London: Harvard University Press, 2002. 359 p.
- Horne J. State, Society, and Mobilization in Europe during the First World War. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1997. 292 p.
- Kramer A. Dynamic of Destruction: Culture and Mass Killing in the First World War. Oxford: Oxford University Press, 2007. 446 p.
- Nachtigal R. Die Murmanbahn. Die Verkehrsanbindung eines kriegswichtigen Hafens und das Arbeitspotential der Kriegsgefangenen (1915 bis 1918). Grunbach: Greiner, 2001. 159 s.
- Sanborn J. Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire. Oxford: University Press, 2014. 288 p.
- Sanborn J. Unsettling the Empire: Violent Migrations and Social Disaster in Russia during World War I // *Journal of Modern History*. Vol. 77. № 2 (June 2005). P. 290–324
- Zuckerman L. The Rape of Belgium: The Untold Story of World War I. N.Y.: New York University Press, 2004. 339 p.

Суржикова Наталья Викторовна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН; snvplus@mail.ru

**«They fed us terribly and forced to work beyond our strength»
The subject of enemy captivity, atrocities and violence
in the Russian press of 1914–1917**

Based on the materials of more than 20 periodicals the paper shows the ways rhetoric and conception of enemy atrocities that rested on notions of explicitly inhumane enemy captivity was being formed and employed in Russia of 1917–1917. The author cataloguizes captivity images concentrated on pages of the central, regional and local Russian press and demonstrates stages of their development. It is concluded that such activities were determined not only by the task of consolidating belligerent society in the face of the enemy. Constant appeals to the «horrors» of enemy captivity were of much more importance as an indicator of extremely pragmatic attitude of Russia's military and political elite towards the problem of «victims of the war».

Keywords: World War I, periodical press, enemy captivity, rhetoric and conception of atrocities and its functions, radicalization of war, violence

Natal'ya Surzhikova, Dr.Sc. (History), senior research associate, Institute of history and archaeology of the Ural branch of the Russian academy of sciences; snvplus@mail.ru

О. С. ПОРШНЕВА

РУССКИЙ НАРОД В РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В МЕМУАРАХ ВОЕННОГО АТТАШЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ АЛЬФРЕДА НОКСА*

В статье предпринята интерпретация текста мемуаров А. Нокса «Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 гг.» с целью реконструкции образа русского народа в восприятии западного очевидца событий Русской революции 1917 года. С помощью методов исторической имагологии осуществлен анализ механизмов влияния культурных норм и этностереотипов, индивидуальных особенностей восприятия, роли революции в формировании интерпретационной стратегии Нокса, показано истолкование им черт русского характера, поведения солдат, офицеров, политических деятелей; его объяснение распространенных автостереотипов русских; проявления в тексте признаков колониального дискурса.

Ключевые слова: *Нокс, мемуары, русская революция 1917 года, русский народ, этностереотипы, колониальные стереотипы*

Дневник военного атташе посольства Великобритании в России генерал-майора Альфреда Нокса «Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 гг.» является важным источником изучения образа русского народа в восприятии западного очевидца в переломную историческую эпоху. Интерпретация текста дневника позволяет не только реконструировать ментальный мир автора, но и осмыслить проблемы кросскультурной коммуникации в исследовании исторического опыта взаимоотношений России и Запада.

Одним из подходов, используемых для изучения мемуаров иностранных очевидцев событий революции 1917 г., является историческая имагология, рассматриваемая как инструментальный исследования механизмов межкультурных взаимодействий в истории. Историческая имагология нацелена на реконструкцию представлений о Другой, Чужой культуре, исследует этнические, национальные, географические, внешнеполитические, инокультурные образы и стереотипы. Инокультурные стереотипы включают в себя представления не только о национальном характере народа, среде его обитания, государственном устройстве, но и о его истории, культуре, современной жизни. На их основе возникают образы, которые отличаются от стереотипов полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей; они включают в себя, как правило, личный опыт, и возникают в индивиду-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

альном порядке, а не передаются готовыми, как стереотипы¹. Образы являются порождением не только внутривосточной и международной конъюнктуры, но и собственного ментального мира и социокультурного «багажа» субъекта восприятия. Использование методов исторической империологии позволяет реконструировать образ русского народа в восприятии А. Нокса, понять механизмы влияния культурных норм и этностереотипов на его формирование, роль революции 1917 г. в актуализации глубинных культурных установок.

Проблемы взаимовосприятия и взаимодействия носителей западной и российской культур в период Первой мировой войны и революции были предметом изучения в трудах Е.Ю. Сергеева, Е.С. Сенявской, А.В. Голубева, А.Д. Давидсона, Е.В. Рудой, Б.И. Колоницкого, В.И. Журавлевой, Яна Ф. Хубертуса, Н. Соула, С. Норриса и других исследователей². Опыт российской революции 1917 г. изучается авторами, в частности, в контексте проблемы межсоюзнического взаимодействия, формирования образов врагов и союзников в сознании представителей воюющих обществ периода Первой мировой войны. Так, исследование российско-британских отношений XIX и XX вв. позволило А.Б. Давидсону обосновать тезис об усилении взаимных симпатий двух народов накануне и в годы Первой мировой войны в условиях союзнического взаимодействия³. В то же время автор показал, что русофобия в Британии и англофобия в России оставались сильными, хотя и не охватывающими все общество явлениями, а в ходе революционных событий 1917 года взаимные фобии получили мощный дополнительный импульс⁴.

Важнейшими каналами взаимовлияния России и западных стран во время Первой мировой войны и революции были личный опыт и впечатления участников и очевидцев событий, как высокопоставленных, так и рядовых. Многие из зарубежных очевидцев революции, которые в той или иной форме участвовали в ней, наблюдали и переживали происходившее, зафиксировали свои впечатления в созданных ими текстах. Один из таких текстов – дневник Альфреда Нокса, впервые опубликованный в 1921 г. (в 2014 г. издан на русском языке⁵).

Текст А. Нокса является комплексным источником личного происхождения. А.М. Захаров, исследовавший их, пишет: «В основе его (источника – О.П.) дневник Нокса, точнее, его часть, посвященная событиям 1914–1917 гг. (остальную часть по неизвестным причинам ге-

¹ Голубев, Поршинева 2012. С. 9.

² Рудая 1996; Сергеев 1996; 2006; Колоницкий 1999; 2000; Давидсон 2005; 2007; Сенявская 2006; Голубев, Поршинева 2012; Журавлева 2012; Hubertus 1995; Saul 2001; Norris 2006.

³ Давидсон 2005. С. 54-55.

⁴ Там же. С. 55; Давидсон 2007. С. 181-197.

⁵ Нокс 2014; Кнох 1921.

нерал не считал нужным публиковать, хотя и упоминает о ее существовании)... Дневник вполне типичен для английского джентльмена из высшего света начала XX века – скрупулезная точность в хронометраже событий, простой и ясный язык, редко прорывающиеся наружу эмоции, подчеркнутое внимание к людям, нежели к событиям... Дневник, тем не менее, является лишь основой, но не самой книгой. Нокс на базе дневника создает мемуарное произведение. Дневник регулярно комментируется автором, достаточно часты включения документов (в основном, в газетных их версиях), цитаты из листовок и прокламаций»⁶.

На основе записей дневника и комментариев к ним можно реконструировать не только восприятие Ноксом событий революции 1917 г., но и его представления о характере русского народа, ярко, по мнению автора, проявившемся в ходе революционных потрясений. И хотя более поздние впечатления, опыт участия в российской Гражданской войне на стороне белых, знание о последствиях наблюдавшихся им процессов оказали определенное влияние на характер комментариев, анализ текста воспоминаний показывает, что дух первоначальных записей, «хронометрирующих» события, и их оценки, не противоречат друг другу. Это позволяет изучать данный источник как свидетельство очевидца, убедившегося в правильности своих первоначальных впечатлений, которые, однако, могли быть акцентированы, что делает их еще более «выпуклыми» для исследователя.

Типичные черты русских людей обнаружили, по мнению Нокса, в действиях Временного правительства вскоре после Февральской революции. Он отмечает нежелание его членов трезво оценить обстановку, неспособность отказаться от пустых речей, навести порядок. Со страниц дневника предстают официальные лица разных государственных структур – военных и гражданских, которых, в изображении Нокса, характеризуют и объединяют такие качества как неоправданный оптимизм, недалекость, недооценка объективных трудностей управления Россией в условиях войны и революции. Так, в ответ на опасение военного атташе по поводу невозможности продолжения Россией войны, председатель Временного комитета Государственной думы М.В. Родзянко, как свидетельствует Нокс, ответил: «Мой дорогой Нокс, вам не следует волноваться. Все идет нормально. Россия – большая страна, она может одновременно выдержать и войну, и революцию». «Было точно сказано, – комментирует Нокс, – что Россия большая и неповоротливая страна, и это только усугубляло положение»⁷. Неспособность правильно оценить обстановку и боеспособность русской армии проявляли, по свидетельству военного атташе, Г.Е. Львов, Керен-

⁶ Захаров 2005. С. 88.

⁷ Нокс 2014. С. 511.

ский, Верховский, члены Петроградской городской управы и Генерального штаба⁸. «Оптимизм, который в то время владел, главным образом, официальными лицами, вызывал удивление»⁹, – пишет Нокс.

Характерной чертой мемуаров Нокса является изображение личных качеств политических и государственных деятелей в тесной связи с их способностью к управлению Россией в военных условиях, обеспечению успешных военных действий. Оценивая и отчасти оправдывая Николая II, Нокс замечает: «Как муж и отец Николай II был идеальным человеком. И если ему не удалось правление, то еще более знаковая неудача его последователей доказывает, что управлять Россией – нелегкая задача!»¹⁰. Нокс неоднократно обращается к фигуре А.Ф. Керенского, который, по его мнению, проявляет недальновидность¹¹, отсутствие здравого смысла, непомерное и слепое тщеславие¹². Так, в записи от 9 апреля он отмечает: «На общий совет притерпеться здравого смысла (в оценке плодов разложения армии – *О.П.*) Керенский, обладавший колоссальным тщеславием, отвечал “Оставьте!” под тем предлогом, что он лучше знал своих соотечественников, которых считал сверхлюдьми без характерных для любого человека недостатков. Его идея о возвращении политических ссыльных, на которой он настаивал с самоубийственной настойчивостью, привела к тому, что сам он был свергнут и, что гораздо более важно, Россия оказалась в руинах»¹³.

Главной темой дневника в той части, которая посвящена революционным событиям 1917 г., является состояние русской армии, которое автор рассматривает в тесной связи с оценками военных усилий России как союзницы. Нокс показывает неспособность Временного правительства к наведению порядка в стране и армии, пресечению произвола и насилия, чинимых солдатами и матросами. Вкупе с политизацией армейского организма, несовместимой с его сущностными основаниями, это привело, как свидетельствует военный атташе, к деморализации солдат, разложению армии и падению ее боеспособности. Так, после поездки на Северный фронт 28 (15 по ст. ст.) апреля он пишет: «Военные части превратились в политические сообщества. Пехота отказывается стрелять в противника и запрещает это делать артиллерии. Много говорят о предательстве в стане союзников, о том, что интересы России совпадают с интересами Германии, где (на самом деле – *О.П.*) смеются над доверчивостью русских солдат – выходцев из крестьян»¹⁴.

⁸ Там же. С. С. 530, 532, 625, 635.

⁹ Там же. С. 524.

¹⁰ Там же. С. 513.

¹¹ Там же. С. 529.

¹² Там же. С. 530, 615.

¹³ Там же. С. 530.

¹⁴ Там же. С. 551.

Помимо необоснованного оптимизма официальных лиц прекраснодушие и отсутствие рационального расчета проявлялось у всех русских во многих ситуациях, например, в неоправданном, по мнению Нокса, отношении к военнопленным: «Повсюду царит волна необычного человеколюбия. Явно невозможно назвать ни одну другую воюющую страну, где бы военнопленные объявляли забастовку, требуя повышения оплаты труда и лучших условий для жизни!»¹⁵.

Нокс опровергает типичные автостереотипы русских, давая им свое толкование. Отмечая распространенность стереотипа о широте русской души, что, на его взгляд, не вполне соответствует реалиям и, главное, препятствует трезвой самооценке и рациональному поведению, он приводит мнение «бывшего актера»: «С широкой русской натурой возможны такие эксперименты, о которых не может быть и речи в западных странах», и комментирует: «“Широтой” русской натуры любили объяснять любую нелепость. Нам же нужно лишь пусть чуть более узкое чувство здравого смысла»¹⁶. Здесь мы видим, с одной стороны, пример включения автостереотип идеализированных черт народа, а с другой – проявление типичной закономерности восприятия Другого, когда в его описании задействованы категории собственной культуры, в данном случае – идеал рационального поведения. Вера политиков и военачальников в особые свойства русского народа, как кажется Ноксу, была основой их неоправданного оптимизма в оценке состояния русской армии: «Генерал Драгомиров... ожидает психологического чуда. Он заявил, что ни он, ни тем более я не можем знать, что может происходить в душе русского крестьянина»¹⁷. О том же свидетельствует его разговор с помощником военного министра князем Тумановым, состоявшийся 5 августа. Туманов заявил Ноксу: «Ваш пессимизм основан на голых цифрах, но вы не берете в расчет прекрасную русскую душу!» В ответ Нокс привел данные о мужчинах, солдатах, грызущих семечки и слоняющихся без дела в то время, когда на фронт идут русские женщины, об отсутствии «такого позора» даже среди племен в Индии и т.п. Нокс замечает: «...ни одна нация, кроме русских, никогда не позволяла женщинам воевать и, конечно, британская нация никогда не допустит этого»¹⁸. В ответ на объяснение Туманова: «стыд в мужчинах умер в результате водочной политики предыдущего правительства», Нокс восклицает: «Да! Но тогда какой практический толк для возрождения страны может быть от прекрасной русской души?»¹⁹.

¹⁵ Там же. С. 548-549.

¹⁶ Там же. С. 523.

¹⁷ Там же. С. 545.

¹⁸ Там же. С. 641-642; Следует отметить, что женщины использовались в британской и других армиях Первой мировой войны в тыловых подразделениях.

¹⁹ Там же. С. 602.

Эмоциональность, действия по велению чувств, а не рассудка, – характерная черта, в оценке Нокса, простого русского человека, крестьянина и солдата. В данном случае он транслирует широко распространенные в британском обществе представления об импульсивности, наивности русских, разделявшиеся даже благожелательно настроенными к России современниками²⁰. Восприятие эмоциональности и бесхитростности как недостатков во многом было обусловлено «призмой» британского взгляда, в основе которого – ценности прагматизма и рациональности. Так, Нокс приводит слова солдата-депутата о том, что «русский солдат привык больше руководствоваться тем, что подскажет ему сердце, а не рассудок, и тот, кому в этот момент удастся завладеть его воображением, сможет делать с ним все, что пожелает» и замечает при этом: «в этом утверждении содержится довольно много правды»²¹.

Другая отличительная черта русского народа, особенно крестьян и солдат, по мнению Нокса, – невежество, неграмотность, из-за которых они «глупы»²² и подобны детям, не понимающим последствий своих поступков. Он пишет: «Ведь в груди этого народа действительно бьется великое сердце, а солдаты в своем большинстве – всего лишь дети, и приводит случай, подтверждающий наивность солдат: они рыдали у церкви из-за того, что больше не могут молиться за императора. Когда им сказали, что они сами его убрали, они ответили: мы просто немного побунтовали, но мы не хотели его совсем убирать!»²³. «Глупость» и наивность солдат проявлялись, как показывает Нокс, во время братаний: «Русский крестьянин во время ответного (к немцам в окопы – О.П.) визита рассказывал все, что он знал о своих войсках, и возвращался к себе, – пишет Нокс, – счастливым и пьяным»²⁴.

Примечательно, что стереотип «русские – как дети» был весьма распространенным и среди других членов британской военной и дипломатической миссий²⁵. Он отражал расхожие в британском обществе того времени представления об отсталости, «варварстве» России, в рамках которых русские, даже представители элиты, казались британцам дикарями или, в лучшем случае, наивными импульсивными детьми, что во многом совпадало с британскими представлениями о «нецивилизованных» народах вообще²⁶. Подобные «колониальные» стереотипы в отношении России проявлялись, например, у побывавшего на русском фронте военного репортера газеты “Daily Mirror” Га-

²⁰ Адамов 2014. С. 53.

²¹ Нокс 2014. С. 545.

²² Нокс прямо пишет об «откровенной глупости солдат»: См.: Там же. С. 578.

²³ Там же. С. 525.

²⁴ Там же. С. 539.

²⁵ Портнягин 2014. С. 23.

²⁶ Адамов 2014. С. 54.

мильтона Файфа, который описывал русских как типичных «благородных дикарей» – честных, гостеприимных, суровых и суеверных. Файф объяснял сочетание кротости и жестокости в поведении русских солдат тем, что они были в некоторых отношениях просто «большими детьми»²⁷. Как известно, представление о «благородном дикаре», коренящееся в воззрениях Руссо, было одним из вариантов западного стереотипа восприятия «отсталых» народов.

Колониальные стереотипы были распространены во всех слоях английского общества, отражая культурную «утилизацию» и осмысленные колониального опыта страны XVII–XIX вв.²⁸ Несмотря на рост симпатий к России в английском обществе в 1907–1916 гг., подобные стереотипы проявлялись в восприятии союзницы в условиях Первой мировой войны. Их оттенки зависели от политического мировоззрения и оценки роли России в совместной борьбе. Если часть английских либералов, демократической интеллигенции отрицательно относились к союзу с авторитарной и «деспотической» Россией, то консерваторы и другие сторонники альянса были склонны использовать его в своих целях. Так, в статье англичанина Довера Вильсона, процитированной в российском демократическом журнале «Современник» в 1915 г., говорилось: «Россия, житница Европы, должна навсегда остаться по преимуществу аграрной страной... Россия – наш военный союзник, и именно ее промышленная отсталость делает ее непобедимой. Она похожа на некое огромное многоклеточное беспозвоночное животное, которое можно ранить, но которое невозможно уничтожить. Во-вторых, Россия обладает неисчерпаемыми природными богатствами. Естественно, что свет нуждается в ее сырых материалах и интересуется ее народом лишь как потенциальной дешевой рабочей силой»²⁹.

Нокс был, безусловно, сторонником союза с Россией, но даже в 1914 г., говоря об операции в Восточной Пруссии и признавая, что «многие русские сражались отважно и решительно до самого конца», отмечал, что «русские с их сангвиническим характером недооценивали трудности», «действовали как простодушные дети, которые ни о чем не думая, в полусонном состоянии забрались в осиное гнездо»³⁰. В период революции в сознании Нокса эти стереотипы восприятия России и русских стали проявляться активнее и сильнее влиять на оценки событий из-за несоответствия действий русских его представлениям о «долж-

²⁷ Там же. С. 57. Примечательно, что тот же Файф писал о неспособности к самоуправлению египетского народа из-за неграмотности, отсутствия опыта в общественных делах и интересов, выходящих за пределы рутины повседневной жизни. См.: *Белолитецкая* 2009. С. 224–225.

²⁸ *Белолитецкая* 2009. С. 224.

²⁹ *Современник*. 1915. С. 287.

³⁰ *Нокс* 2014. С. 74, 79.

ном» поведении народа-союзника, неприятия стремления русских солдат к миру. Он пишет: «все люди устали от войны. Они не желали сражаться, а их невежество и душевная черствость делали их способными с готовностью принять любой предлог, каким постыдным и надуманным он ни был, лишь бы он обеспечивал достижение мира»³¹.

Помимо усталости от войны и «отсутствия патриотизма» в большой степени невежеством и неосведомленностью русских солдат, по мнению Нокса, объяснялся успех германской пропаганды: «В прокламациях, которые противник передавал в русские окопы, всегда указывалось, что настоящим врагом России была Антанта»³². Нокс с негодованием пишет: «Что может русский солдат знать о “мире без аннексий и контрибуций”, формуле, изобретенной в Берлине специально, чтобы ввести его в заблуждение? Многие считают, что Аннексия и Контрибуция – это такие два города, и один из солдат на вопрос, понимает ли он этот лозунг, заявил, что лично он не знает, где находится Аннексия, зато Контрибуция точно располагается “где-то в Турции!”. Наверное, он путает это название с Константинополем!»³³. Неосведомленность большинства солдат о смысле данной формулы подтверждается другим, более благожелательным автором – французским славистом, членом французской военной миссии Пьером Паскалем в его «Русском дневнике». Он так пишет о ней в мае 1917 года: «Модная формула, в которой два иностранных слова – “аннексии” и “контрибуции” – были непонятны большинству из тех, кто их употреблял»³⁴.

Стереотип представлений о «наивности» русского народа проявляется в описаниях «честных» и «бесхитростных» крестьянских лиц среди недавно прибывших из глубинки новобранцев, воспринимавших происходящие в Петрограде революционные события, по свидетельству автора, с ужасом, изумлением, а порой – разочарованием³⁵.

Колониальные стереотипы и позиция культурного превосходства заметны у Нокса не только в олицетворении русских солдат-крестьян с детьми/дикарями, но и в утверждении о необходимости внешнего контроля над их поведением, в отсутствие которого они, по его мнению, повинуются примитивным инстинктам: «Не его вина в том, что он не образован и не обременен благородными инстинктами... сейчас, после того, как контроль, к которому он привык, утрачен, он будет двигаться именно в этом направлении (мира любой ценой – *О.П.*)». Примечательно, что на рубеже XIX–XX вв. в британском сознании так же

³¹ Там же. С. 605.

³² Там же. С. 539.

³³ Там же. С. 569; О непонимании смысла данной формулы солдатами Нокс пишет также на С. 586.

³⁴ Паскаль 2014. С. 191.

³⁵ Нокс 2014. С. 504, 521.

широко была распространена идея о необходимости внешнего контроля над поведением египтян, особенно актуальная для них после объявления в 1914 г. английского протектората над Египтом. В прессе постоянно муссировалась мысль о том, что египтянам необходим строгий ментор, так как их самостоятельное развитие проблематично, а генеральный консул в Египте Э.Б. Кромер в своем двухтомном сочинении писал, что египтяне, как дети, инстинктивно тянутся к дурному³⁶.

Первобытные инстинкты русского, как следует из записей, проявляются у него с наибольшей силой во время опьянения и в состоянии паники, когда он, как пишет Нокс, превращается в дикого зверя. Нокс передает свой разговор с помощником военного министра князем Тумановым об актах насилия русских солдат в Калуше: «Туманов заметил, что русские, которые в обычной обстановке обладают хорошим нравом, в пьяном виде или при возникновении паники превращаются в диких зверей», и комментирует это: «Хуже всего то, что сейчас русский человек в основном пребывает либо пьяным, либо в панике»³⁷.

С невежеством, «примитивностью» русского народа Нокс связывает и отсутствие у него подлинного патриотизма и осознанного понимания долга. В апреле 1917 г. он записал: «Энтузиазм, который заставлял французов бросаться в короткие битвы революционного периода, здесь невозможен, а даже если и будет так, то этого недостаточно для того, чтобы вести неграмотного русского солдата через череду тяжелых боев современной войны. Прежде солдат сражался, потому что боялся офицеров и наказания. Теперь он полностью потерял уважение к офицерам и знает, что его никто не накажет. У него отсутствует патриотизм и любой другой мотив, который заставил бы русского солдата испытывать энтузиазм»³⁸. Автор дневника не учитывает, однако, разочарования русских солдат, обусловившего поворот от патриотических настроений начала войны к антиправительственным и антивоенным, подспудно зревшим в низах армии с середины 1915 года³⁹.

Еще одна черта образа русского народа в восприятии Нокса – не дисциплинированность, признаваемая, по его свидетельству, и образованными русскими⁴⁰. 14 апреля в записке, переданной для Г.Е. Львова, он отмечал: «В современной войне дисциплина решает все. Дисциплина в русской армии при прежнем режиме всегда была менее строгой, чем в других армиях. Если агитация будет разрешена, как это происходит сейчас, с дисциплиной будет покончено совсем»⁴¹. Отсутствие

³⁶ Белолитецкая 2009. С. 225.

³⁷ Нокс 2014. С. 602-603.

³⁸ Там же. С. 545.

³⁹ См.: Поршинева 2004. С. 175-214.

⁴⁰ Нокс 2014. С. 532, 562, 578, 603.

⁴¹ Там же. С. 532.

уважения в низах к вышестоящим, «благородным» и образованным⁴² получило отражение на страницах дневника не только при описании разложения армии, солдатских расправ с офицерами, но и в других характерных эпизодах. Нокс пишет по поводу совещания, проводимого помощником командующего Петроградским военным округом Кузьминым, бывшим солдатом, а затем политическим каторжником: «Идея собрать 40 офицеров в звании полковника для того, чтобы изложить им взгляды бывшего каторжника по ряду вопросов, выглядит очень по-русски»⁴³, а в другом месте приводит слова полковника Балабана о способности русского человека всегда «свободно, не обращая внимания на чины, говорить с теми, с кем не имеет права этого делать»⁴⁴.

Индивидуальной особенностью восприятия является представление Нокса о характерной способности русских к свободному изложению мыслей. Описывая ход бесед с солдатами гвардейских запасных частей весной 1917 года, он отмечает, что после рассказов английских офицеров о дисциплине и порядках в британской армии, «обычно далее следовали речи нескольких членов батальонного комитета. Все говорили свободно и гладко, так как русские вообще являются прирожденными ораторами»⁴⁵. В данном случае автор не учитывал, что в солдатские комитеты в революционное время выдвигались прежде всего те, кто мог хорошо говорить и убеждать солдат, часто – выходцы из интеллигенции, служащих, прапорщики военного времени.

Проявляя непонимание глубины противоречий русской жизни и причин озлобления рабочих, Нокс пишет: «В комитете 5-й армии в Двинске находилась делегация из Кронштадта, в которую входили матрос с одутловатым нездоровым лицом, нервный фанатичный рабочий из тех, что годами могут размышлять о причиненных ему неприятностях, в том числе и мнимых. Все это по причине недостатка свежего воздуха и физических упражнений»⁴⁶.

События от Февраля к Октябрю и впечатления, зафиксированные на страницах дневника, дают, наряду с другими многочисленными свидетельствами⁴⁷, картину эволюции отношения русских солдат к союзникам. Разочарование было обоюдным. В воспоминаниях Нокса нашли отражение разнообразные проявления негативного восприятия им и другими представителями Антанты России и ее солдат как союзни-

⁴² Это можно объяснить, на наш взгляд, несформированностью традиций социального партнерства, длительным социокультурным отчуждением «низов» и «верхов» русского общества, переросшим в глубокий социальный конфликт в условиях революции 1917 г.

⁴³ Нокс 2014. С. 558.

⁴⁴ Там же. С. 603.

⁴⁵ Там же. С. 521.

⁴⁶ Там же. С. 538.

⁴⁷ См.: Поршнева 2014. С. 44-51.

ков⁴⁸. Нокс приводит мнение английского политика по поводу популярности в России лозунга «мир без аннексий и контрибуций»: «Когда русские бегут, подобно молниям, бросая свои собственные территории, им хватает наглости просить нас освободить территории, при завоевании которых мы потеряли сотни тысяч жизней», и комментирует: «Думаю, что этот политик выразил мнение всей Англии»⁴⁹.

Нокс описывает массовое нежелание русских солдат воевать, их равнодушие к территориальным потерям России и провозглашаемым правительством целям войны, высокую восприимчивость к антивоенной агитации, свободно проводимой в войсках «вредными элементами»⁵⁰. Среди объяснений причин разложения армии автор называет крестьянскую специфику восприятия «родины»: «Для среднего русского крестьянина его страной является собственный очаг на Волге или на Урале, где он родился и куда, как ему кажется, немцы никогда не смогут дойти»⁵¹. Действительно, ограниченность крестьянского патриотизма горизонтами своей местности и готовность защищать родной очаг от врага, непосредственно ему угрожающего, не раз отмечалась современниками, в том числе генералами и офицерами русской армии в годы Первой мировой войны⁵². Эта особенность была связана с господством традиционного патриотизма в крестьянской среде, характеризующегося приверженностью ценностям государства и/или региона, сохранявшимся локализмом крестьянского мировосприятия, по которому, однако, мировая война нанесла мощный удар, существенно расширив горизонты крестьянского сознания.

Таким образом, очевидно, что определяющей «призмой восприятия» Ноксом процессов, получивших импульс в ходе революции 1917 года, была проблема сохранения потенциала России как союзницы, что обусловило общую направленность оценок и ощущений автора мемуаров. Записи дневника демонстрируют ряд традиционных для общественного мнения Великобритании негативных стереотипов в отношении России и русских, разделявшихся Ноксом и обусловивших, наряду с оценкой последствий революции, истолкование им качеств русского характера. Несмотря на определенные симпатии в отношении русского народа и признание его заслуг в общей борьбе в 1914–1916 гг., Нокс связывает с глубинными свойствами русских людей ход и исход событий революции, не принимая во внимание целый ряд других факторов. Анализ восприятия Ноксом событий революции 1917 г. и роли в них

⁴⁸ Нокс 2014. С. 546, 593, 595, 609-610.

⁴⁹ Там же. С. 610.

⁵⁰ Там же. С. 506, 520, 537, 551, 559.

⁵¹ Там же. С. 537.

⁵² Брусилов 1929. С. 72; Головин 1939. Т. 2. С. 125; Деникин 1991. С. 89; Степун 1994. С. 270.

русского народа показывает плодотворность сопоставления индивидуального, группового и коллективного опыта переживания исторических событий их участниками и очевидцами.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адамов Д.П. Образ союзника: Россия глазами британской общественности в годы Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 53-58.
- Белоплицкая Н.А. Формирование британских стереотипов восприятия Египта в конце XIX – начале XX в. // Известия УрГУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2009. № 4 (66). С. 221-228.
- Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.-Л.: Госиздат, 1929. 250 с.
- Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. В 2-х т. Париж: Тов-во объединенных издателей, 1939. Т. 1. 211 с.; Т. 2. 242 с.
- Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012. 392 с.
- Давидсон А.Б. Образ Британии в России XIX и XX столетий // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 51-64.
- Давидсон А.Б. Февраль 1917 года. Политическая жизнь Петрограда глазами союзников // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 181-197.
- Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль–сентябрь 1917. М.: Наука, 1991. 520 с.
- Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М.: РГГУ, 2012. 1141 с.
- Захаров А.М. Генерал Альфред Нокс – свидетель и мемуарист Февральской революции 1917 года // Актуальные проблемы социальных наук. Герценовские чтения, 2005. СПб.: б.и., 2005. С. 88-92.
- Колоницкий Б.И. Занимательная англофобия: Образы “Коварного Альбиона” в годы Первой Мировой войны // Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 69-87.
- Колоницкий Б.И. Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. С. 271-287.
- Мартынов А. Современные настроения в Англии // Современник. (Ежемесячный журнал литературы, общественной жизни, науки и искусства). 1915. № 10. С. 274-288.
- Нокс Альфред. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 / Пер. с англ. А.Л. Андреева. М.: ЗАО Центр-полиграф, 2014. 671 с.
- Паскаль, Пьер. Русский дневник: Во французской военной миссии (1916 – 1918) / П. Паскаль; пер.с фр. В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Гонзо, 2014. 592 с.
- Портнягин Д.И. Британские дипломатические и военные представители о состоянии русской армии и флота в 1917 г. // Великая война 1914-1918 гг. Альманах Российской Ассоциации историков Первой мировой войны. Вып. 3. М.: Квадрига, 2014. С. 22-26.
- Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 368 с.
- Поршнева О.С. Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 г. // Уральский исторический вестник. 2014 № 1 (42). С. 43-52.
- Рудая Е.В. Союзники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907-1917 годах // Россия и Европа в XIX-XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Сб. научн. трудов. М.: ИРИ, 1996. С. 175-183.
- Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
- Сергеев Е.Ю. Образ Великобритании в представлении российских дипломатов и военных в конце XIX - начале XX века // Россия и Европа в XIX-XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Сб. науч. трудов. М.: ИРИ, 1996. С. 166-174.
- Сергеев Е.Ю. Геополитические представления военной элиты России накануне Первой мировой войны // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 332-346.

- Стегун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб.: «Алетейя», Прогресс, 1994. 651 с.
- Hubertus F. Jahn. Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca and London Cornell University Press, 1995. 229 p.
- Knox, Alfred. With the Russian Army 1914–1917, being chiefly extracts from the diary of a military attache. V. 1–2. London: Hutchinson, 1921. 760 p.
- Norman E. Saul. War and Revolution. The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence, University press of Kansas, 2001. 483 p.
- Norris Stephen M.A War of Images. Russian popular prints, wartime culture, and national identity, 1812–1945. Illinois, 2006. 277 p.

REFERENCES

- Adamov D.P. Obraz soyuznika: Rossiya glazami britanskoy obshchestvennosti v gody Pervoy mirovoy voyny // Ural'skiy istoricheskiy vestnik. 2014. № 1 (42). S. 53–58.
- Belolipetskaya N.A. Formirovanie britanskikh stereotipov vospriyatiya Egipta v kontse XIX – nachale XX v. // Izvestiya UrGU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. 2009. № 4 (66). S. 221–228.
- Brusilov A.A. Moi vospominaniya. M.-L.: Gosizdat, 1929. 250 s.
- Golovin N.N. Voennye usiliya Rossii v mirovoy voynе. V 2-kh t. P.: Tov-vo ob"edinennykh izdatel'ev, 1939. T. 1. 211 s.; T. 2. 242 s.
- Golubev A.V., Porshneva O.S. Obraz soyuznika v soznanii rossiyskogo obshchestva v kontekste mirovykh voyn. M.: Novyy khronograf, 2012. 392 s.
- Davidson A.B. Obraz Britanii v Rossii XIX i XX stoletiy // Novaya i noveyshaya istoriya. 2005. № 5. S. 51–64.
- Davidson A.B. Fevral' 1917 goda. Politicheskaya zhizn' Petrograda glazami soyuznikov // Novaya i noveyshaya istoriya. 2007. № 1. S. 181–197.
- Denikin A.I. Ocherki Russkoy Smuty. Krushenie vlasti i armii, fevral'–sentyabr' 1917. M.: Nauka, 1991. 520 s.
- Zhuravleva V.I. Ponimanie Rossii v SShA: obrazy i mify. 1881–1914. M.: RGGU, 2012. 1141 s.
- Zakharov A.M. General Al'fred Noks – svidetel' i memuarist Fevral'skoy revolyutsii 1917 goda // Aktual'nye problemy sotsial'nykh nauk. Gertsenovskie chteniya, 2005. Spb.: b.i., 2005. S. 88–92.
- Kolonitskiy B.I. Zanimatel'naya anglofobiya: Obrazy “Kovarnogo Al'biona” v gody Pervoy Mirovoy voyny // Novoe literaturnoe obozrenie. 2000. № 41. S. 69–87.
- Kolonitskiy B.I. Politicheskie funktsii anglofobii v gody Pervoy mirovoy voyny // Rossiya i Pervaya mirovaya voyna. SPb.: «Dmitriy Bulanin», 1999. S. 271–287.
- Martynov A. Sovremennye nastroyeniya v Anglii // Sovremennik. (Ezhemesyachnyy zhurnal literatury, obshchestvennoy zhizni, nauki i iskusstva). 1915. № 10. S. 274–288.
- Noks Al'fred. Vmeste s russkoy armiey. Dnevnik voennogo attashe. 1914—1917/ Per. s angl. A.L.Andreeva. M.: ZAO Tsentr-poligraf, 2014. 671 s.
- Paskal', P'er. Russkiy dnevnik: Vo frantsuzskoy voennoy missii (1916–1918) / Per. s fr. V.A. Babintseva. Ekaterinburg: Gonzo, 2014. 592 s.
- Portnyagin D.I. Britanskie diplomaticheskie i voennye predstaviteli o sostoyanii russkoy armii i flota v 1917 g. // Velikaya voyna 1914–1918 gg. Al'manakh Rossiyskoy Assotsiatsii istorikov Pervoy mirovoy voyny. Vypusk 3. M.: Kvadriga, 2014. S. 22–26.
- Porshneva O.S. Krest'yane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny. M.: ROSSPEN, 2004. 368 s.
- Porshneva O.S. Evolyutsiya predstavleniy o soyuznikakh v massovom soznanii revolyutsionnoy Rossii 1917 g. // Ural'skiy istoricheskiy vestnik. 2014 № 1 (42). S. 43–52.
- Rudaya E.V. Soyuzniki-vragi: Rossiya i Velikobritaniya glazami drug druga v 1907–1917 godakh // Rossiya i Evropa v XIX–XX vv. Problemy vzaimovospriyatiya narodov, sotsiumov, kul'tur. Sb. nauchn. trudov. M.: IRI, 1996. S. 175–183.
- Senyavskaya E.S. Protivniki Rossii v voynakh XX veka. Evolyutsiya «obrazov vruga» v soznanii armii i obshchestva. M.: ROSSPEN, 2006. 288 s.
- Sergeev E.Yu. Obraz Velikobritanii v predstavlenii rossiyskikh diplomatov i voennykh v kontse XIX – nachale XX veka // Rossiya i Evropa v XIX–XX vv. Problemy vzaimovospriyatiya narodov, sotsiumov, kul'tur. M.: IRI, 1996. S. 166–174.

Sergeev E.Yu. Geopoliticheskie predstavleniya voennoy elity Rossii nakanune Pervoy mirovoy voyny // Voenno-istoricheskaya antropologiya. 2005/2006. M.: ROSSPEN, 2006. S. 332-346.

Stepun F. Byvshee i nesbyvsheesya. SPb.: «Aleteyya», Progress, 1994. 651 s.

Hubertus F. Jahn. Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca and L.: Cornell University Press, 1995. 229 p.

Knox, Alfred. With the Russian Army 1914–1917, being chiefly extracts from the diary of a military attache. V. 1–2. L.: Hutchinson, 1921. 760 p.

Norman E. Saul. War and Revolution. The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence, University Press of Kansas, 2001. 483 p.

Norris Stephen M.A War of Images. Russian popular prints, wartime culture, and national identity, 1812–1945. Illinois, 2006. 277 p.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Уральский Федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; porshneva@yandex.ru; o.s.porshneva@urfu.ru

Russian people in 1917 revolution in the memoirs of a Britain's military attaché Alfred Knox

The author provides an interpretation of Alfred Knox's memoirs "With the Russian Army. The Diary of a Military Attache. 1914-1917" in order to reconstruct the Russian people's image in perception of this western witness of the 1917 Russian revolution. The influence of Russian revolution events, cultural norms, ethno-stereotypes, and individual perception on the Alfred Knox's interpretation strategy has been researched by the methods of historical imagology. The author discusses Knox's explanation of the Russian people's temper, soldiers', officers', and political leaders' behavior as its representation. Knox's interpretation of wide-spread Russian auto-stereotypes and his "colonial discourses" have also been taken into consideration.

Keywords: Knox, memoirs, 1917 Russian revolution, Russian people, ethno-stereotypes, colonial stereotypes.

Olga Porshneva, Dr Sc. (History), Professor, Department of Russian History, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; porshneva@yandex.ru; o.s.porshneva@urfu.ru

М. С. КИСЕЛЕВА

ЧТЕНИЕ КАК ОБРАЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕК НА ГРАНИЦЕ ВРЕМЁН

В статье рассматривается феномен «чтения как обращения» в историко-культурном контексте, фиксируется временная граница перехода от античных философских школ к христианскому строению и содержанию текста в Поздней Римской империи. Опыт обращения к Богу через чтение Библии для обретения веры и бессмертия души стал открытием, которое в истории европейской культуры связано с именем Аврелия Августина. На материале текстов Августина («Исповедь» и «Монологи») рассматриваются особенности феномена чтения как обращения: от «захваченности чувствами» в поисках Бога до диалога разума и чувств в обретении веры в текстах периода принятия крещения (387 г.) и полемики с неоплатониками. На этом пути логичен выход к поиску герменевтического толкования библейских текстов.

Ключевые слова: христианство, временная граница культур, чтение как обращение, Аврелий Августин, разум, вера, чувства, мысль, бессмертие души, герменевтика

Tolle lege, tolle lege!

Augustini. Confessionum VIII, XII, 28.

Опыт чтения Библии для обретения веры в Бога и бессмертия собственной души стал открытием, обозначившим культурную границу античного язычества и христианства – религиозного, социального, духовного и личного феномена, содержащего в себе мощную интеллектуальную интенцию будущей европейской культуры. Сегодня с уверенностью можно сказать, что этот ресурс исчерпан. И дело не только в утрате веры большинством современных европейцев, и не в том, что случился «конец» человека Нового времени, как писал об этом Р. Гвардини, и даже не в *постхристианстве* как актуальном «диагнозе», поставленном европейской культуре. Все меньшая востребованность, а потому постепенная утрата способности *чтения как обращения к ценностям*, открыла для современного человека замещающее и безграничное доверие свободе внешнего захвата визуальностью. В этом расширении чтение само по себе стало утраченной ценностью и сместилось на самый край современной культуры. Время чтения как личного обращения человека к себе и к Творцу, как поиска разумом, мыслью и чувством важнейших смыслов жизни, закончилось.

Конечно, люди сегодня продолжают читать, но совсем по другим соображениям. Размышление над книгой, доверие и вопрошание, адресованные тексту книги, написанной рукою творца и обращение к нему через книгу свою мыслью – сегодня удел немногих...

Когда же было положено начало обращению через книгу? Ответ очевиден. Пространственная локализация чтения как обращения в европейской культуре – Римская империя. Это место и время не только становления христианства как новой религии, но и ее самоопределения в отношении античной философии. В римской античности именно греческая философия инициировала обращение¹, прежде всего к собственным философским текстам, что позволило состояться латинской философской мысли и двинуться дальше «по направлению к христианству».

В античной литературе нет лучшего примера движения в этом направлении, чем тексты Аврелия Августина. Обращение стало стержнем его «Исповеди», этого нового, неизвестного языческой античности способа строения текста: говорения–обращения–сомнения–раскаяния–надежды–поиска–отчаяния–потери–обретения–откровения человека, осознавшего прозрачность своей души Богу, но с трудом находящего к нему дорогу. Концепт чтения как говорения (обращения) – связка античной философской и христианской мыслительно-верующей культуры. Здесь можно обозначить границу времён.

В «Исповеди» дано простое и новое для античности описание этого феномена чтения / обращения. Августин рассказывает о чтении книжки «какого-то Цицерона, языку которого удивляются все, а сердцу не так. Книга эта увещевает обратиться к философии и называется “Гортензий”»² [Исповедь III, IV, 7]. Самое удивительное в этом рассказе в том, что девятнадцатилетний юноша, прочтя книгу язычника Цицерона, обратил свою душу... к христианскому Богу: «Эта вот книга изменила состояние мое, изменила молитвы мои и обратила их к Тебе, Господи, сделала другими прошения и желания мои» [Исповедь III, IV, 7]. Августин, заметим, и читает, и говорит – просит, обращается к Богу, молит... Августин замечает разность философии и христианской веры, делая для себя важное открытие, что Цицеронов «Гортензий» «увещевал любить не ту или другую философскую школу, а самое мудрость, какова бы она ни была» [Исповедь III, IV, 8]. В поисках мудрости Августин «решил внимательно заняться Священным Писанием» [Исповедь III, V, 9], но текст не спешил открываться ему. Юный Августин был слишком уверен в себе и своих возможностях, однако

¹ В вышедшей в 1933 г. книге «Conversion. The Old and the New in Religion from Alexander the Great to Augustine of Hippo» Arthur Darby Nock исследовал вопрос «обращения в философию» [Нок. 2011. 183-204]. Автор различает три типа обращения, которые находит у Юстина, Арнобия и Августина.

² «Гортензий» был написан в 45 г. до н.э. после смерти любимой дочери Цицерона Туллии, до нас дошли только отрывки. «Цицерон взял за образец Protrepticus Аристотеля <...>, от которого тоже дошли одни отрывки. Так же, как и Аристотель, Цицерон утверждал, что мудрость выше богатства, наслаждения, вообще всех временных благ; единственная достойная человека жизнь – это жизнь духа» [Сергеенко 1991, 416].

оказался не готовым к постижению этой книги: «мое остроумие не проникало в его сердцевину» [Исповедь III, V, 9].

Пора сказать определеннее, хотя это уже понятно, что имеется в виду под концептом *обращение*, которому посвящена данная статья. Русские словари дают до 8-ми значений этого слова, среди которых на первом месте – обращение как обретение (свободное или насильственное) веры. Причем именно в первой позиции словарной статьи приводится существенный для нашей темы пример: об «обращении язычников в христианство» [Ушаков]. О нем и пойдет речь далее.

История обращения самого Августина рассказана им в 8-й книге «Исповеди». Обращение произошло в Медиолане (Милане), куда Августин приехал по просьбе епископа Амвросия для преподавания риторики в 384 г. В следующем году туда же приехала его мать Моника, ревностная христианка, молившая Бога о милости увидеть сына в Церкви Христовой. Здесь, в Медиолане, в окружении обретших веру христиан Августин снова приступает к чтению Священных книг. Видимо, на этот раз оно дается ему иначе: за прошедшие 12 лет со времени первых опытов обращения к Писанию Августин обрел опыт внимательного и обращенного к себе, вопросно-ответного чтения в работе с философскими книгами. Он прочитал «Эннеады» Плотина, диалоги Платона, произведения стоиков, приобщился к гностическому опыту манихеев с их критикой текстов Св. Писания. Августин стал читателем Писания, постоянным, вопрошающим о своих сомнениях, научившимся задавать тексту вопросы и искать на них ответы в самом же тексте.

Августин держал под рукой книгу Посланий апостола Павла. Именно эта книга сыграла важную, если не решающую роль в обретении Августином веры. В «Исповеди» рассказывается, как он отправился к Симплициану, христианину с юности, и вел с ним речь о книгах платоников. Не зная греческий, он читал эти книги в переводе Викторина, учителя риторики в Риме, упомянув, что слышал о нем как о христианине, обратившемся в веру Христа ближе к концу своей жизни. Симплициан «поздравил» Августина с выбором именно этих книг для чтения, проникнутых «мыслями о Боге и Его Слове», а не тех, многочисленных, что «полны лжи и обманов “по стихиям этого мира”» [Исповедь VIII, II, 3]. Книги, как и люди, верующие в разных богов или принимающие веру во Христа, могут быть разными: одни полны лжи и обманов; другие – откровений о праведной жизни с Богом. Но для того, чтобы сделать правильный выбор книг для чтения, нужно не только умение их читать, но и еще что-то. Что же?

Августин открывает особенную связь между людьми: есть люди, которые своими решениями, почерпнутыми в книгах, а затем и своим поведением становятся образцами, примерами праведного выбора для других. «Когда Симплициан, Твой человек, рассказывал мне <...> о

Викторине, я загорелся желанием ему подражать». Подражание – *imitatio*, известное античности от Платона, затем Аристотеля, вводит в христианскую культуру соединение слова и жизни; что сказано в книге – то и воплощено, *обращено* в жизнь³ [Исповедь VIII, V, 10]. Викторин за свои заслуги блестящего ратора удостоился при жизни статуи в Риме, почета и уважения сенаторов; он поклонялся языческим богам, почитал «младенца Озириса» («Рим молился тем, кого победил», замечает Августин). На старости лет этот успешный человек отказался от всех земных благ и принял обряд крещения перед христианской общиной. Августин упоминает, что в своем рассказе Симплициан вспоминал, как Викторин уже считал себя христианином, читая Писание. Однако именно Симплициан объяснял Викторину, что для обретения христианской веры необходимо соединить себя с Церковью. Чтение Священного Писания – верный путь, но принятия обряда – необходимая цель этого пути. И все же, пишет Августин, душа обретает веру в борьбе внутри человека: «И две мои воли, одна старая, другая новая; одна плотская, другая духовная, боролись во мне, и в этом раздоре разрывалась душа моя» [Исповедь VIII, V, 10].

Разрыв души лечился чтением. Чтение как лекарство – устойчивый топос христианской литературы от Августина и далее. Лекарство это следовало принимать постоянно, медленно, вдумчиво и всем сердцем. Молитва, каждодневное обращение христианина к Богу, была необходимой и столь же важной, как и чтение. Собственно молитва – это и есть текст обращения вслух или про себя к Богу. Она доступна и тем, кто неграмотен, кто не может прочесть Священное Писание, но может запомнить и читать наизусть. Врачевание молитвой и чтением книг соединяет в душевной работе учительство и лечение. Столь нужное людям основание христианской веры было одной из причин для Августина писать «*De Doctrina Christiana*...».

Но вернемся к «Исповеди». Неспешно Августин начинает свое исповедание Господу о том, как случилось то, к чему он давно стремился, чего искал, ждал, страдал, хотел и отступал от своих стремлений. Он начинает издалека, рассказом об Алипии, профессиональном юристе, не желавшим работать среди «сильных мира сего». Он хотел «душе своей свободы и как можно больше досуга для исследования,

³ Об этом у Эриксона: «Человек может действовать под влиянием неправильных примеров, а может получить помощь и от хороших образцов. Чтение как феномен рано вовлекается в теорию *imitation*. Прочитанное накладывает на человека отпечаток, изменяет его. Однако от античности нам остался только один бесспорный рассказ о человеке, который, прочитав книгу, обратился к вере, – это история о том, как Августин читал в Карфагене Цицерона и позже, в Милане, – апостола Павла. Таким образом, именно его следует считать основателем оригинальной, христианской культуры чтения» [Эриксен 2003, 89].

чтения и слушания мудрых бесед» [Исповедь VIII, VI, 13]. Этот Алипий жил в доме Августина.

«И вот однажды...» – так Августин начинает рассказ о своем опыте обращения – в гости пришел Понтициан, уроженец Африки, который во время беседы заметил «на игорном столе» (!) книгу. Взяв ее и открыв, он «неожиданно наткнулся» на Послание апостола Павла, ожидая найти совсем другой текст, как пишет Августин, «служивший преподаванию, меня изводившему» (учебник риторики?), Понтициан, «верный христианин», был удивлен этой находке и «поздравил» Августина [Исповедь VIII, VI, 14]. Завязалась беседа, и он повел рассказ о египетском монахе Антонии, о «величии» монашеской жизни, о ее чудесах, о том, что недалеко от Медиолана находится монастырь, опекаемый епископом Амвросием. Рассказ Понтициана изумил слушателей, они не были осведомлены о подробностях монашеской жизни. За этой историей последовала другая – о двух приятелях, нашедших после императорских празднеств в Тревирах (г. Трир) живущих в отдалении христиан, прочитавших об Антонии книгу и тут же обратившихся...

Рассказы Понтициана заставили Августина повернуться «лицом к себе самому». Он ощутил «позор и грязь, свое убожество, свои лишай и язвы»: «И я увидел и ужаснулся, и некуда было бежать от себя», – исповедует Августин. Вспомнив себя девятнадцатилетним юношей, прочитавшим «Гортензия» Цицерона и воодушевившимся мудростью, он понимает, что мудрость не помогла победить в себе «злую страсть» [Исповедь VIII, VII, 16-17]. В «великом споре» с самим собой, в «смятении ума», Августин обратился к Алипию со словами самобичевания, растерянности, надежды на Бога, ощущая покинутость им. Затем он бежал от друга в сад, но тот не оставил его...

В саду борьба с собой продолжалась. Две части души – добрая и злая, множество желаний, истина и привычка, страх и стыд – все терзало и мучило Августина: «я безумствовал, чтобы войти в разум, и умирал, чтобы жить; я знал, в каком я зле, и не знал, какое благо вот-вот ждет меня» [Исповедь VIII, VIII, 19]. Сильнейшее душевное напряжение, желание соединиться с Богом и плен старых грехов, не дающих уверенности, что Бог примет его, что он, наконец, обретет веру – все это излилось «ливнем слез». Августин, сознавая себя грешным сыном Адама, обращается к Господу: «Опять и опять: “завтра, завтра!” Почему не сейчас? Почему этот час не покончит с мерзостью моей?». И вот среди упреков себе, просьб к Господу, слез и сокрушений он слышит из соседнего дома голос «будто мальчика или девочки, часто повторяющий нараспев: «Возьми, читай! Возьми, читай!». Августин пытался вспомнить, не есть ли это слова из детской игры. Но нет, таких слов он не помнил. И тогда он истолковал их как божественное веление: «открыть книгу и прочесть первую главу, которая... попадет» [Исповедь

VIII, XII, 28]. Августин вспомнил, что и Антония вразумили евангельские стихи, которые открыли ему путь обращения.

Открыв апостольские Послания, Августин прочитал слова: «...облекитесь в Господа Иисуса Христа и попечение о плоти не превращайте в похоти» [Рим. 13. 13-14]. Алипий продолжил чтение и прочел следующий стих: «Слабого в вере примите» [Рим. 14.1], отнеся его к себе. Таково было обращение двух друзей, начавшееся и завершившееся чтением евангельским – словами, взятыми в душу, и соединившими их души с Господом. Августин завершил свой рассказ об обращении описанием радости его матери Моники и ее благодарности Господу, найдя в Псалме соответствующие событию слова: «Ты обратил печаль ее в радость» [Пс. 29.12]. Проведя год катехуменом, Августин был крещен епископом Амвросием на Пасху в апреле 387 г. в Медиолане, вместе с ним принял крещение Алипий и его сын Адеодат.

Современный исследователь фиксирует «изменение способа мышления» Августина. Обращение соединило в нем разум и веру: «Сложный путь, которым он следовал к обращению в Милане, не был чем-то вроде пробуждения, подобно тому, которое было вызвано в нем, чтением “Гортензия” Цицерона, или благословенной трансформацией мысли в спиритуальность при чтении “Эннеад” Плотина. Не было его и на первом этапе очистительного опыта. Это было уникальное событие, которое радикально изменило его способ мышления и позволило ему освободиться от рационалистического предубеждения, в свете которого он отказывался от веры своей матери и как юный ученик, считал его “ребяческим суеверием”» [Racioni 2010. 30-31]. Важно отметить и другое соображение, высказанное Л. Карсавиным: «...обращение Августина для него самого не является началом рабского послушания, а есть освобождение действительного внутреннего человека, восход сыновней свободы. Конечно, веруя, мы еще не видим истины, как не видит ее и разум, не освященный верой. Но, когда наш разум верит, мы касаемся вечной истины и достигаем ее в небесной жизни. Августин не перестает философствовать, но делает это несколько иначе — через объяснение Священного Писания и церковную науку» [Карсавин 1992. 238].

Осень и начало зимы 386 г. до крещения прошли в философских и духовных беседах с друзьями и родными в Кассициаке. Обретенная вера стала отправной точкой для философских размышлений. Вилла Верекунда в тихом месте настраивала на уединенные размышления, чтение Библии. Амвросий, выполняя просьбу Августина, порекомендовал читать пророка Исайю, но Августин выбрал тексты Псалмов, Исайя ему показался труден: так он написал в «Исповеди». Где бы ни происходили беседы, «всякий раз с ними был “писец” – *notarius* – который стенографировал все сказанное» [Эриксен 2003, 97-98]. Авгу-

стин не хотел терять смыслы, найденные в беседах с друзьями. В античной традиции произошедшая беседа и текст с ее записью имели различия. Но черновик, как и сейчас, необходим для дальнейшей работы, поэтому Августин заботился о присутствии писца.

И в беседах наедине с собой продолжались поиски. Вопросы задавались себе, но мысль вела к Богу. В начале текста «Монологов» («Soliloquia») построена по принципу диалога автора с голосом, звучащим «то ли снаружи, то ли внутри меня»), написанных тогда же в Кассидиане, Августин обсуждает вопрос, как сохранить те ответы, которые он уже отыскал, «исследуя и себя, и свое благо, и то зло, коего следовало избегать». Он сначала отвечает «голосу», что надеется на память, но не может быть уверен, что она все в точности сохранит. И тогда голос произнес: «Молись о здравии и помощи, чтобы достигнуть желаемого, и все это немедленно запиши, чтобы мысль о потомстве поддержала в тебе бодрость духа. Затем все то, что тебе откроется, кратко изложи в немногих заключениях. Только не старайся писать так, чтобы привлечь внимание толпы читателей; пусть это будет для немногих и наилучших из твоих сограждан» [Августин Монологи I.1]. Чтение-размышление-письмо становится единым состоянием души Августина, а через него и интеллектуальной моделью европейской христианской культуры.

В молитве, предворяющей текст «Монологов», Августин находит много разных смысловых эпитетов для восхваления Бога как Отца мудрости, истины, высшей жизни, блаженства, добра и красоты, пробуждения и просвещения. Но наиболее интересное в этом ряду определение – Отец «умственного света». Как же умственный свет достигает душ человеческих? Каждому ли дано осветить свою душу? Этот вопрос об узнавании Бога душой более других тревожит Августина. Воспринимая мир, сотворенный Богом, читая Св. Писание, думая, переживая волнение, человек находит себя в сомнениях, как можно быть уверенным, что душа обретает Божественный умственный свет? Как я могу узнать о том, что *Он* слышит мои вопросы? Как я могу узнать, что это *Он* посылает мне ответы, а не разум мой впадает в заблуждение?

Без признания *авторитета* Священного Писания, продиктованного людям Богом, решение этого вопроса для Августина невозможно. Связь текста и авторитет его Автора акцентируется современным исследователем: «Августин подчеркивает, что вера сама по себе – разумна, потому что социальная жизнь и культура покоится на ней; христианская вера является разумной потому, что авторитет Христа, достойный разумного доверия, обнаруживает себя действительным Божественным авторитетом» [Racioni 2010 30]. Августин, подчеркивая ученичество евангелистов, считал, что они не авторы, а ученики, записывающие Слова и Дела Христа, своего Учителя. Христос – Глава, а все его ученики – части его тела. Поэтому, когда евангелисты создавали

тексты о жизни Христа, они были средством выполнения его завета: «Ведь то, что Он захотел, чтобы мы прочли о Его делах и словах, это самое Он повелел написать им как Своим собственным рукам (De consensu Euang., I.35.54)». [Цит. по: Фокин 2003].

Правильное чтение и понимание Священного Писания предопределено особенностями его создания. Пророки, евангелисты, а в современной Августину жизни проповедники и священнослужители получали от Святого Духа вдохновение. Августин, пишет исследователь, «признает богодухновенность греческого перевода LXX, который он считает каноническим и предпочитает переводу Иеронима (De civit. Dei, XVIII.42–43)» [Фокин 2003]. Однако в поиске ответов на вопросы о собственных способностях и возможностях познания Бога Августин, обращаясь к тексту Священного Писания, скорее интересуется позицией ищущего пути к Богу ума, которому важно понять, как воздействует Писание на читающего его человека и какие способности, возможности и условия помогают понять то сокровенное знание, которое заключено в Писании. Августин, по существу, ставил и решал *философские вопросы* как вопросы веры.

Желание знать, что значит «знать Бога», движет всяким читающим Священное Писание. Именно этот вопрос занимает Августина «наедине с собой». Во всяком случае, в «Монологах» он отдает разуму руководство на пути к Богу. Разум читающего человека, думает Августин, получивший опыт обращения, надежный проводник к божественным истинам. В середине первой книги разум «представляет» себя и обещает показать Августину Бога. Читатель уже давно подозревает, что разум в этом диалоге, которому автор дал название «Монологи»⁴, принадлежит самому Августину; разум вступает в диалог с другими его способностями. Понятно также, что в той или иной степени каждый человек может вести эти внутренние диалоги своего разума и чувственных способностей. Именно говорящий разум, как представляет себе философствующий Августин на своем пути к Богу, формулирует то желание, ради которого он и затеял спор с самим собой. Разум берет

⁴ В середине второй книги Августин пускается в пространное размышление о том, почему он выбрал жанр монологов для своих рассуждений: «...мы и выбрали такого рода беседы, которые я хочу назвать монологами, так как мы разговариваем одни сами с собою; хоть название это ново и, может быть, грубо, но оно довольно пригодно для обозначения сущности дела. Ибо истина лучше всего может раскрываться через вопросы и ответы, а, между тем, едва ли можно найти какого-либо человека, которому не было бы стыдно остаться побежденным в споре; и при этом почти всегда случается так, что речь, искусно введенную для разъяснения вопроса, заглушает дикий крик упрямства, большей частью с затаенной, а иногда и открытой душевной злостью. Поэтому я полагаю, что изобрел самый спокойный и самый удобный способ искать с божьей помощью истину, отвечая сам себе на свои же вопросы» [Августин Монологи II,7].

на себя главную задачу: «разум, разговаривающий с тобой, обещает показать тебе Бога так, как видимо солнце для глаз, поскольку душевные чувства – как бы глаза ума» [Монологи I,6]. Заметим, что для Августина способность разума видеть «глазами ума» связана с чувствами человека. Поэтому дальнейшие аналогии предсказуемы: глаза души могут быть как здоровыми, так и больными, что означает зависимость от благ земного мира. Иметь глаза «не значит смотреть, а смотреть – еще не значит видеть». Здоровые глаза души – свободный ум, свободу которому дарует вера. Однако вера не полна без надежды человека на выздоровление. Но и вера, и надежда сильны любовью к Богу, в желании видеть Его и «наслаждаться». Итак, свобода ума – видеть Бога, ибо «Бог освещает все». Разум Августина утверждает, что, если смотреть здоровыми глазами души, то за взглядом последует самое виденье Бога, которое есть «конец зрения»: «Не потому, – рассуждает разум, – что зрение после этого уже как бы теряет свое применение, но потому, что далее этого стремления его не простираются». Таким образом достигается «совершенная добродетель». Разум ставит предел, по достижению которого жизнь человека станет «блаженной» [Монологи I,6]. Но этот же разум Августина не в состоянии остановиться в своих поисках!

Любовь к мудрости (философия) ведет все далее Августина, который на пути своего познания Бога не оставляет желания знать, «что Он есть, что Он познается, и наконец, дает познавать остальное – как вероятное» [Монологи I,8]. Описания любви к мудрости созвучны ветхозаветной Песни Песней. Любовь, желание, познание, обладание и обращение к Богу сливаются в единой интенции Августина, которая читается в словах разума: «Сейчас же давай выясним, каков ты, любитель мудрости, которую ты желаешь видеть целомудренным взором и заключить в свои чистые объятия, не допуская никакого покрова, как бы нагою, такую, какой она не позволяет себя видеть и обнимать никому, кроме весьма немногих и самых избранных своих почитателей, любящих одну лишь ее» [Монологи I, 13]. В этом и дальнейших пассажах овладение мудростью есть открытие в себе «умственного света» как божественного дара и косвенного свидетельства обращения к Богу.

Обращение, как оказывается, не пассивное подчинение, а властное желание на пути к мудрости. Высокий накал страстного желания видеть «умственный свет», даруемый Богом, наполняет диалоги, завершающие первую книгу «Монологов». Разум подстегивает Августина: «всякий овладевает этим истиннейшим благом соответственно его личному здоровью и твердости. Оно есть некий невыразимый и непостижимый умственный свет...» [Монологи I, 13]. Августин просит: «укажи мне надлежащий порядок. Веди, тяни, куда хочешь, приказывай, что хочешь, каким бы тяжелым оно ни было (лишь бы оно было в моей власти), только бы посредством его я достиг желаемого» [Монологи I,

14]. И вот рецепт разума для овладения «умственным светом», позволяющим приблизиться к Богу: «Ибо свет этот не виден заключенным в телесную клетку, если они не будут такими, чтобы могли, разбив и поломав ее, улететь в свои воздушные области. Поэтому, чем скорее ты станешь таким, что ничто земное не будет доставлять тебе решительно никакого удовольствия, поверь мне, в ту самую минуту, в тот самый момент ты увидишь то, что желаешь» [Монологи I, 14]. Прочтя это, трудно не узнать «платонствующих».

И все же, ведет к познанию «света» разум (помним, разум самого Августина). Обращение без знания невозможно; Бог и познание – неразрывны. Августин обращается к разуму: «Я уверовал раз и навсегда, что Он не перестанет оказывать такого рода помощь расположенным к Нему. <...> Но прошу тебя, если имеешь хоть какую-нибудь власть надо мной, веди меня кратчайшим путем, веди в некоторой по крайней мере близости к тому свету, который, если я достиг пусть и ничтожного успеха, я могу уже выносить». И разум не отказывает от предлагаемой ему «власти» над Августином. У него есть свой план: «...прежде всего, следует узнать истину, потому что через нее можно узнать все остальное» [Монологи I, 14]. Разговором об истине и признании ее существования («существующее обязательно где-нибудь да есть») в вещах бессмертных завершается первая книга. Способности человека отличить истину от лжи, чувство от целого человека, определить понятия, найти различия и сходства, формулировать дефиниции, отказаться от найденных и искать новые, разделять, предполагать, рассуждать от противного и проч. – посвящена вся вторая книга «Монологов». Вот ее начало: «*P.* Стало быть, ты любишь жизнь не ради самой жизни, но ради знания. *A.* Согласен» [Монологи II, 1]. Так о чем «Монологи»? О поисках Бога или о смысле своей жизни «ради знания»? Августин не удовлетворен философией, но он явно не может избавиться от того, как философия определила его жизнь. Он ищет путь к Богу, но постоянно выверяет свои шаги возможностью *познания* божественных истин и при этом не может не обращаться к научным знаниям. Вот пример.

Разум категоричен и даже тавтологичен, отвечая на вопрос, почему грамматика есть наука: «ибо она постольку истинна, поскольку есть наука». Раскрывая ее «научные свойства», а, по сути, дефинируя научное знание, разум говорит о его процедурах: «я не признаю никакого научного свойства за той наукой, которая не нуждается в определениях, разделениях, умозаклчениях, во всем том, почему она и называется наукой». Но Августин идет далее, уточняя и расширяя дефиницию. Он говорит о том, что теперь мы называем методологией науки: «мы и способ рассуждения относим к тем же наукам. Я скорее думаю, что истина есть то, что самый способ этот делается истинным» [Монологи II, 11]. Способ, каким человек соединяется с Богом, продолжает Авгу-

стин, есть вера в бессмертие души. Истина, уверен он, – в «бессмертных вещах», и только бессмертие души длит истину на пути человека к Богу. Разум тверд в своем утверждении бессмертия истины, и именно разум призывает Августина: «Поверь же, наконец, своим выводам, поверь истине: она провозглашает, что обитает в тебе, что бессмертна и что никакая смерть тела не может вытащить из-под нее ее седалища. Отвернись от своей тени, возвратись в самого себя; для тебя нет другой гибели, кроме забвения того, что ты погибнуть не можешь» [Монологи II, 19]. Казалось бы, разум сделал все возможное, чтобы удостовериться Августина в том, что он нашел Того, кого искал.

Удивительно заключительное рассуждение Августина в «Монологиях». Его беспокоит, что *найдя и зная*, можно найденное *потерять*⁵. Собственно с этого вопроса начались «Монологи». И снова, пройдя немалый путь рассуждения и обретя веру, Августин не уверен... Память, как помним из первых строк первой книги, нуждается в записи, чтобы не забыть то, что найдено в рассуждениях. Разум, чувствуя неуверенность Августина, спрашивает его об этом, но теперь речь идет не о сохранении того, что может быть записано, а сохранении того, что находится в душе: «Ибо ты, я вижу, опасаясь, что смерть, хотя и не умертвит душу, но повлечет за собою забвение» [Монологи II, 20]. Августин именно этого более всего и боится. Утрата обретенного душой – новый поворот мысли недавно обращенного Августина: «Трудно передать, сколь страшит меня подобная утрата. Чего будет стоить тогда вечная жизнь и не будет ли она хуже смерти, если душа, обретая ее, будет подобна душе новорожденного младенца?» [Монологи II, 20]. Чего же так страшится Августин? Душа младенца чиста перед Богом, безгрешна, и не имеет знаний. Вот это более всего и страшит его. Что же разум в ответ на последнее сомнение Августина? Разум способен на это ответить только уговором и призывом *обратиться за помощью к чувствам и молитве*: «Мужайся: Бог, обещающий после жизни в этом теле нечто блаженнейшее и исполненное истины, защитит нас, как мы и сами это чувствуем по молитвам нашим» [Монологи II, 20]⁶.

Выход из глубоко прочувствованного и осмысленного напряжения «Монологов» в рассуждениях о знании и бессмертии души Авгу-

⁵ Рассуждение о памяти-забвении в связи с различением «я» и «сам» в анализе грамматических форм у Августина см.: Неретина, Огурцов 2014. С. 160-167.

⁶ Обратим внимание на слова «я» и «сам» (в данном случае – «мы» и «сами», мн. ч.): «Эти слова, которые интенциональны и схвачены (конципируются, *verba concepta*) охватив все существо человека, ум и чувства, выступающие в единстве, так что можно говорить о чувственном уме и умном чувстве, из образов вещей, оставляют в уме свои следы, *vestigia* <...>. Эту целостность нужно учитывать, если не желать отделить мысль от чувства, сделав из нее фикцию». Там же. С. 162.

стин отыщет уже будучи епископом Гиппона. Обретя веру, он нашел достойное применение разуму, увидел с божьей помощью новую задачу. Теперь его обращение к текстам Св. Писания несколько иного рода: он занимается чтением и толкованием для разъяснения учения тем, кто пока не обрел веру или идет к ней неверными путями.

От чтения как обращения к чтению как толкованию – таким оказался путь епископа Гиппонского в границах новой христианской культуры, которые он старательно расширял, читая и объясняя пастве трудные и темные места Священных книг.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аврелий Августин* Исповедь. М.: «Ренессанс», СП ИВО–Сид, 1991. С. 51-376.
- Аврелий Августин* Монологи. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/monolog/
- Августин Блаженный*. О Книге Бытия: http://prihod.rugraz.net/assets/pdf/Avgustin_Avrelij_-_O_Knige_Bitija_bukvalno.pdf
- Августин Блаженный*. Христианская Наука или Основания Священной Герменевтики и Церковного Красноречия. СПб., Библиополис. 2006. С. 31-228.
- Карсавин Л.П.* Святой Августин и наша эпоха // Символ 1992. № 28. С. 233-241.
- Неретина С.С., Огурцов А.П. Онтология процесса. М.: Голос, 2014. С. 68-197.
- Нок А.Д.* Обращение. Старое и новое в религии от Александра Великого до Блаженного Августина / Пер. с англ. и науч. ред. А.Д. Пантелеева. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2011.
- Сергеенко М.Е.* Примечания к «Исповеди Блаженного Августина» // *Аврелий Августин* Исповедь. М., Ренессанс. 1991. С.401-484.
- Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=38206>
- Фокин А.* Учение о богодухновенности Священного Писания в древней Церкви (I–V вв.) // Альфа и Омега. 2003. № 36 URL: <http://www.pravmir.ru/uchenie-o-bogoduhnovennosti-svyashhennogo-pisaniya-v-drevney-tserkvi-i-v-vv/>
- Эриксен Т.Б.* Августин. Беспокойное сердце. М., Прогресс-Традиция, 2003.
- Pacioni V.* Augustine of Hippo. His Philosophy in a Historical and Contemporary Perspective. 2010. Gracewing Ltd. (1 publ.: *Pacioni V.* Agostino d'Ippona, Prospettiva storica e attualità di una filosofia. Milano, 2004).

REFERENCES

- Avrelij Avgustin Ispoved'. M., Izd-vo «Renessans», SP IVO–SiD, 1991. S. 51-376 (Pamjatniki religiozno-filosofskoj mysli).
- Avrelij Avgustin Monologi. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/monolog/
- Blazhennyj Avgustin O Knige Bytija, bukval'no URL: http://prihod.rugraz.net/assets/pdf/Avgustin_Avrelij_-_O_Knige_Bitija_bukvalno.pdf
- Blazhennyj Avgustin Hristianskaja Nauka ili Osnovanija Svjashhennoj Germenevtiki i Cerkovnogo Krasnorechija. SPb., Bibliopolis. 2006. S. 31-228.
- Fokin A. Uchenie o bogoduhnovennosti Svjashhennogo Pisanija v drevnej Cerkvi (I–V vv.) // Alfa i Omega. 2003. № 36. URL: <http://www.pravmir.ru/uchenie-o-bogoduhnovennosti-svyashhennogo-pisaniya-v-drevney-tserkvi-i-v-vv/>
- Jeriksen T.B. Avgustin. Bespokojnoe serdce. L. Gorlino. M., Progress-Tradicija, 2003.
- Karsavin L.P. Svjatoj Avgustin i nasha jepoha // Simvol 1992. № 28. S. 233-241.
- Neretina S.S., Ogurcov A.P. Ontologija processa. M.: Golos. 2014. Razdel I. Gl.3. S. 68-197.
- Nok A.D. Obrashhenie. Staroe i novoe v religii ot Aleksandra Velikogo do Blazhennogo Avgustina / red. A.D. Pantel'ev. SPb., IC «Gumanitarnaja Akademija», 2011.
- Pacioni V.* Augustine of Hippo. His Philosophy in a Historical and Contemporary Perspective. 2010. Gracewing Ltd.

Sergeenko M.E. Primechanija k «Ispovedi Blazhennogo Avgustina» // Avrelij Avgustin Ispoved'. M., Rennessans. 1991. С. 401-484.

Tolkovjy slovar' russkogo jazyka / pod. red. D.N. Ushakova. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=38206>

Киселева Марина Сергеевна, доктор философских наук, профессор, зав. сектором Института философии РАН, главный научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; markiseleva@gmail.com

Reading as a conversion: a human being at the boundary time

The article deals with the phenomenon of "reading as a conversion" in the historical and cultural context, a temporary fixed boundary of the transition from the ancient schools of the Christian structure and content of the text in the Late Roman Empire, which allows to identify this phenomenon. The experience of conversion to God through Bible reading to gain faith and immortality of his soul was the discovery that in the history of European culture, particularly associated with the name of Aurelius Augustine. The article considers the texts of Augustine ("Confessions" and "Monologues") Augustine as a material for the understanding of the features of the phenomenon of reading as a conversion of "clinging feelings" in search of God to the dialogue of the mind and the senses in finding faith in the texts of the period of Augustine's baptized (387) and debated with the Neo-Platonists. In this way the output is logical to seek and need the hermeneutic interpretation of biblical texts as a didactic preaching and practice.

Keywords: Christianity, the time limit of cultures, reading as a treatment, Augustine of Hippo, reason, faith, feeling, thought, immortality of the soul, hermeneutics

Marina Kiseleva, Dr.Sc. (Philosophy), professor, head of department of Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences; Senior Research Fellow; National Research University Higher School of Economics; markiseleva@gmail.com

И. В. ЕРШОВА

«О ТРЕХ ГЕРКУЛЕСАХ, СУЩЕСТВОВАВШИХ В ЭТОМ МИРЕ» АНТИЧНЫЙ ГЕРОЙ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСПАНСКИХ ХРОНИКАХ¹

В статье исследуется роль истории Геркулеса в средневековых испанских хрониках (Родриго Хименеса де Рада и Альфонсо X Мудрого, XIII в.) и анализируется процесс складывания при помощи сюжета о Геркулесе легендарной родословной первых испанских королей, ведущих свой род из европейской древности. Способ выстраивания сказания о Геркулесе в «Истории Испании» становится своего рода нарративной моделью других сказаний о легендарных персонажах в хронике, а также помогает уяснить основные повествовательные приемы испанских хронистов и идеологическую цель формирования рассказа об античном герое.

Ключевые слова: средневековая историография, Геркулес, Альфонсо X Мудрый, эпос, повествовательная техника

В Испании позднего средневековья греческого Геракла (римского Геркулеса) стали считать одним из легендарных предков испанских королей, основателем многих испанских городов, героем, сыгравшим важнейшую роль в обустройстве и заселении древнего Пиренейского полуострова. Как сказано в «Истории Испании»² Альфонсо X Мудрого: «он был тем человеком, который совершил много выдающихся деяний в Испании в ту пору: первым был в завоевании земель и в заселении их»³.

В античных сведениях о греческом Геракле десятый подвиг героя – добыча стад Гериона – издревле был связан географически с походом в Тартесс, именуемый городом в Ливии (Африке), и установлением каменных стел на границах Европы и Ливии (Гесиод, Геродот, Аполлодор), т.е. на краю обитаемой земли. Начало более основательной связи Геркулеса с Испанией (вобравшей в себя постепенно Тартесс и Гесперию) надо искать в трудах поздних античных историков (у Страбона, у него Тартесс – древнее имя реки Бетис и города с тем же названием, и Помпония Мелы), а позже и в писаниях средневековых хронистов. Процесс «испанизации» Геракла/Геркулеса также связан с активным отождествлением в эпоху эллинизма греческого Геракла с финикийским Мелькартом Тирским⁴, смерть которого связывали с испанским

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ (проект № 13-01-00135 «Научный перевод и комментарий “Первой всеобщей Хроники”»).

² Здесь и далее перевод фрагментов «Истории Испании» дается по: Ершова 2015. С. 85-93.

³ “...fue ell omne que mas fechos sennalados fizo en espanna en aquella sazón. lo uno en conqueir las tierras. lo al en poblandolas” (PCG, cap.3).

⁴ Идентификация Мелькарта и Геракла произошла, как полагают, не позднее VI в. до н. э. См.: Dussaud R. 1946—1948. P. 205—230.

городом Кадисом (финикийским Гадиром или греческим Гадесом); именно там по преданию находился древнейший храм Мелькарта Тирского, которого уже Геродот называет «тирским Гераклом». У Страбона в III книге его «Географии», где речь идет об Иберии, Геракл – самое упоминаемое из мифологических имен (следующим по частоте является Одиссей, поскольку именно в Иберии, по мнению историка, происходили его странствия после отплытия из Трои); Страбон, в частности, прочно связывает Геракла с городом Кальбой (Геракл – основатель этого города, сначала именуемого Гераклеей [География III-7], островом Гадиры (отождествленным с о. Эрифией, где паслись стада Герiona) и финикийцами. Младшие современники Страбона – Помпоний Мела, а еще позже Арнобий Старший – уже устойчиво называют испанский Кадис местом захоронения Геракла/Геркулеса. «Столпами Мелькарта» финикийцы называли скалы, окаймляющие с двух сторон Гибралтарский пролив, и сам Гибралтар; греки соответственно стали называть их «Столпами Геракла», а затем уже римляне – «Геркулесовыми столпами», отмечающими предел мира, край земли.

Статус Геркулеса как одного из основателей Испании и прародителя ее первого королевского рода начал оформляться в латинской хронике Родриго Хименеса де Рада, архиепископа Толедского «О делах испанских» (*De Rebus Hispaniae*, Rodrigo Jiménez de Rada, 1243), а окончательно сложился в «историях», составленных по инициативе и под началом короля Альфонсо X (*Alfonso El Sabio*, 1221-1284). Первая из них – «История Испании» (*Estoria de España*, 1272⁵), вторая – «Великая и всеобщая история» (*Estoria grande e general*, 1284). Предметом нашего рассмотрения станут латинская хроника Родриго Толедского и – хронологически – первая из хроник Альфонса – «История Испании»⁶. Наша задача – с одной стороны, посмотреть, каким образом строится рассказ в латинской и испанской хронике, каковы и как обрабатываются источники, а также какие идеологические и социокультурные задачи влияют на интерпретацию событий. Заметим, что материал этих двух хроник дает нам редчайшую возможность реконструировать почти «пошагово» формирование и трансформацию сказания о Геркулесе в средневековой испанской историографии.

⁵ В научном обиходе более принято название «Первая Всеобщая хроника» (*Primerá Crónica general*), данное ей Р. Менендесом Пидалем [R. Menéndez Pidal], объединившим в предпринятом им издании 1906 года рукопись первого тома, созданного при жизни Альфонсо X и датированного 1272 годом (т.н. *Versión primitiva*, Escorial, Ms.Y.1.2), и второго, который он датировал также альфонсово́й эпохой. Однако впоследствии испанист Д. Каталан доказал, что второй том является компиляцией нескольких хроник, собранных в правление Альфонсо XI в первой половине XIV в. См.: Catalán 1962.

⁶ О мере использования латинских хроник Лукаса Туйского и Родриго Толедского в историографических трудах Альфонсо X: Powell 1983; Pattison 1983.

Рассказ о Геркулесе в хронике «О делах испанских» занимает всего три капитула (параграфа), к которым добавлен еще один – короткий – про некоего Испана; этот самый Испан назван одним из соратников Геркулеса, которого тот оставляет править, уходя из Испании; отсюда, как сказано в хронике, и происходит имя Испания. История Геркулеса, как и все прочие мифологические и библейские сказания в этой и в последующих хрониках – что вообще традиционно для средневековой, а начиная с Исидора Севильского, и для испанской историографии – трактуются эвгемеристически, т.е. как изначально исторические, реально бывшие события, приобретшие впоследствии статус мифических.

В латинской хронике Родриго Толедского образ Геркулеса выдержан скорее в привычном средневековом духе еще с эпохи патристики, трактующей Геракла/Геркулеса зачастую как воплощение жестокой и необузданной силы. Геркулес отличается прежде всего силой и мощью, он не ведает поражений, и главные его функции – победа над могущественными врагами (их два – Герион и разбойник Как) и заселение Гесперии. Его пребывание в Испании – лишь один из нескольких его походов (наряду со вскользь упоминаемыми походами в Грецию, разрушением Трои, в Италию). Вместе с тем его особая роль в Испании заключена прежде всего в именовании испанских городов (Гиспалис, Сеговия, Барселона, Тарасона и область – Лузитания), а также в строительстве Геркулесовых столбов, т.е. двух башен, которые окаймляют пролив между Африкой и Испанией. Уходя из Гесперии, он оставляет вместо себя одного из своих соратников – Испана, который построил башню в Галисии, достроил башни Гадеса (Кадиса) и акведука в Сеговии и выступил в роли эпонима для нового названия страны.

Главный акцент в рассказе у Родриго Толедского – на мощи Геркулеса и его беспощадном завоевании Гесперии. В хронике рассказывается, что прежде Гесперия была очень счастливой, спокойной и плодородной землей, но Геркулес разорил ее и поработил, и даже правление Испана не обеспечило ее процветание: «Испания оставалась под греческим игом вплоть до римских времён; в промежутке между ними она, поскольку царство разделилось, не смогла избежать разорения со стороны многих грабителей и была вынуждена оказаться в пасти львов»⁷.

Для Родриго Толедского в этом заключена главная идеологическая интонация рассказа о Геркулесе: с одной стороны, легендарными походами Геркулеса он свидетельствует о древности истории завоеваний Иберии, пользуясь при этом известным хроникальной традиции средиземноморским мифом; а с другой, настаивает на том, что греческий период не может сравниться в исторической полезности и благо-

⁷ «Grecorum igitur seruitute Hispania remansit oppressa usque ad tempora Romanorum; medio tempore regno viuiso plurium preda diripiencium uastationem non potuit fugere, que leonum faucibus cogebatur inferri» (Tol., De rebus Hispaniae, cap. VII).

творности с великим римским владычеством. Для латинского автора слава Испании – это, в первую очередь, продолжающаяся слава Римской империи. Геркулес, конечно, персонаж почтенный, но его силовые подвиги – разорение и тяжесть для древней Гесперии.

С нарративной точки зрения, история Геркулеса в «Хронике» Родриго Толедского выделена в самостоятельный последовательный рассказ; сами повествовательные механизмы весьма просты и традиционны – хронист соединяет сведения из разных исторических и литературных источников, почти не меняя их лексику и стилистику. Литературные источники – это «Метаморфозы» Овидия, «Фарсалия» Лукана, «Энеида» Вергилия (поэзия, прежде всего) – преобладают и при этом цитируются прямо, часто с указанием автора, заметно выделяясь из окружающей их прозы. Связь и цельность рассказа заданы маршрутом Геркулеса и заселением городов и мест в Испании. Путь Геркулеса лежит от Ливии (Африки) через Гибралтар в устье Гвадалквивира (Бетиса), а потом, окаймляя Иберию со стороны Атлантического океана, в Ла-Корунью и назад через Пиренеи в Италию. Так же движется и рассказ. Если поэзия цитируется прямо, то межцитатный текст скорее представляет собой простой перевод источников, нежели вновь созданный и переработанный хронистом рассказ. Ни рождения, ни остальных подвигов, кроме краткого упоминания победы над Антеем, ни смерти Геркулеса в рассказе нет, нет и героической интонации. Топонимический след собственно имени Геркулеса только один – его имя дано башням в Гадесе (Кадисе), под башнями имеются в виду Геркулесовы столбы (*Gades Herculis – insulas Gades*), но эта этимология пришла из традиции. Никакой новой этимологии Родриго Толедский в свой рассказ не добавляет.

Следуя эвгемеристической трактовке, Родриго Толедский не упоминает ничего мало-мальски неправдоподобного, а если что-то и вынужден оставить или упомянуть, то дает этому исторически-мотивированное обоснование. Так, описывая Гериона, он выбирает цитату из Овидия («Не смутил меня пастырь иберский тройственным видом, ни ты своим тройственным видом, о Цербер!»), Овид. Метаморфозы, 9, 184-185), которую можно толковать максимально свободно. То ли имеются в виду три головы, то ли три еще чего-то там непонятного. Все выдумки-побасенки в духе древних мифов хронистом решительно отброшены или проинтерпретированы аллегорическим образом (три головы Гериона – три области Испании, над которыми он владычествует). Каждый раз, когда исходный материал дает факт или объяснение откровенно неправдоподобное, Родриго Толедский делает намеренное указание на источник (*discribitur fabulose; dicitur fabulose, dicit fabulose*), поясняя, что об этом говорилось мифически, сказочно, как рассказывают побасенки (в испанских хрониках на этом месте возникнет слово *fablielas* – от лат. *fabellum*), сказочки, побасенки и пр.

Итак, рассказ прост и последователен, хотя внимание, отданное сражению с Каком, кажется избыточным и объясняется прежде всего хорошим знанием Овидия. Хотя не только этим. Для средневекового хрониста принцип аналогии и возвышения за счет сравнения чрезвычайно важен – Геркулес, который совершил славное деяние по заселению и очистке от чудовищ Италии, исполнил эту же роль и в Испании. Отсюда невольно возникает сравнение – Рим и Иберия начинали сходно, что само по себе поднимает статус Испании. Кроме того, к имени Кака возводится этимология горы Монкайо (Гора Кака) в Пиренеях.

История Геркулеса у Родриго Толедского заканчивается кратким капитулом о некоем героическом муже Испане (*de heroum maioribus*), его соратнике, которого Геркулес «поставил во главе несчастных гесперийцев» (*quem Hercules prefecerat genti misere Hesperogum*) – от него Гесперия обретает новое имя – Испания. Этот Испан и оказался тем благом властителем, который залечил раны бедной Испании после походов Геркулеса. Считается, что впервые имя Испан (в разных вариантах – *Hispalus*, *Hispan*) упоминается у Помпея Трога (в переложении римского историка III в. Марка Юния Юстина), а затем кратко повторено в «Этимологиях» Исидора Севильского (*postea ab Hispalo Hispania cognominata est – Sev. Etymologiae XIV, 4, 28*), причем не вполне понятно, имел ли в виду Исидор человека по имени Испал или название места (древнее имя Севильи – Гиспалис – известно со времен «Записок о галльской войне» Цезаря). Архиепископ Толедский первым разворачивает имя в вымышленную биографию конкретного человека, намечая ее контуры по хроникальной модели идеального правителя: мудрый правитель – создатель/строитель/основатель города – эпоним, в которой логично все, кроме именованного его «великим героем». Однако, по логике хрониста, получая Гесперию из рук Геркулеса, Испан оказывается привязан к славе легендарного героя и таким образом становится связан с его великими завоеваниями, да и имя, странное и невнятного происхождения, видимо, скорее ассоциировалось с греко-финикийскими корнями. Гесперия же – именование очевидно греческое.

Итак, важнейший иберийский идеологический миф начал складываться в основных своих чертах именно Родриго Толедским, и способ его сложения традиционен для латинской и, шире, средневековой историографии⁸. Архиепископ Толедский собрал разрозненные сведения о Геркулесе в Иберии, положив в основу Десятый подвиг Геркулеса и его описание в IX книге «Метаморфоз» Овидия. Геркулес был объявлен одним из легендарных завоевателей Испании. Хотя он показан прежде

⁸ Об «апроприации» мифа о Геркулесе хронистами Адьфонсо Мудрого, а также общей дидактической значимости создания портретов исторических деятелей подобных Геркулесу, Александру Великому и Цезарю в качестве «образцов» для воспитания королей и принцев см.: Fernández-Ordóñez 1988; Rico 1984.

всего как воин и завоеватель, его эпико-героическая биография не выстроена в полной мере. Причем в хронике присутствует негативная оценка свирепости и жестокости героя, а идеологические цели автора отдают несомненное предпочтение римлянам над греками, объявляя все греческое пагубным. Наконец, роль легендарного завоевателя страны требовала связать Геркулеса с дальнейшей историей и новым именем страны (отсюда присоединение и изобретение истории Испании).

Латинская хроника «О делах испанских» архиепископа Родриго Толедского стала основным источником, по крайней мере, начальной части хроники Альфонса Мудрого, а значит именно этот текст и получили в свое распоряжение компиляторы и редакторы «Истории Испании». Редактура, которую они осуществили, перерабатывая и дополняя источник в связи с новыми идеологическими требованиями, дает нам бесценный материал для того, чтобы реконструировать работу составителей хроники, как с точки зрения идеологических задач ее вдохновителя и ответственного редактора Альфонсо X, так и с точки зрения формирования законов сюжетосложения и развития повествовательной техники испанской прозы. В хронике Альфонсо этот рассказ окончательно закрепляет место Геркулеса в истории заселения и обустройства Испании, а также – что, быть может, самое главное – в окончательном оформлении легендарной родословной первых испанских королей, ведущих свой род из европейской греко-римской античности.

В «Истории Испании» история Геркулеса представлена как цельный рассказ, связывающий между собой легендарную историю заселения полуострова и историю возникновения государственности в Испании с последующими совершенно достоверными событиями, эпохами и правлениями. Следуя идее Альфонсо Мудрого о том, что рассказ должен быть не только полезным, но и увлекательным, история Геркулеса, героя и завоевателя, изложена с множеством любопытных подробностей. При этом, даже несмотря на беглое упоминание деяний героя, не имеющих прямого отношения к испанскому походу Геркулеса, рассказ о греческом герое обретает не просто целостный вид, но и отчетливо меняет всю интерпретацию этого персонажа и его деяний. Трансформация эта прежде всего выразилась в последовательной эпизации античного героя и идеологизации его миссии в соответствии с политическими задачами Альфонсо X. Увеличился и объем рассказанной истории: история Геркулеса занимает 5 глав – capitulos 4-8; а поскольку к ней теснейшим образом примыкает увеличившийся в объеме развернутый рассказ о его потомке, Испане, короле-эпониме, давшем имя новой стране (PCG, cap. 10-11), то она становится первым обширным примером легендарного жизнеописания в «Истории Испании». Рассказ о Геркулесе в хронике Альфонсо X принимает вид почти законченной эпической биографии. К фрагменту Родриго Толедского добавлены:

рассуждение о трех известных на сей момент Геркулесах, рассказ о рождении Геркулеса от царя Юпитера и царицы Алкмены, рассказ о кознях врагов (доньи Юноны, жены Юпитера, и царя Эврисфея), ставших причиной славных деяний героя; упомянуты основные места его походов – Троя, Рим, Гесперия, Гибралтар, Галисия; перечислены все основанные им на территории Иберии города – Барселона, Тарасона, Лузитания, Урхель, определено место для будущей Севильи, заложена башня в Галисии и кадисские башни – Геркулесовы столбы. Гораздо более сжатым и видоизмененным в общем контексте становится и повествование о двух главных поединках Геркулеса – с Герционом и Каком (той его частью, что происходит в Испании).

Однако главная перемена касается общей оценки деяний героя: у Альфонсо Мудрого это не рассказ о губительных для Иберии походах силача и воина Геркулеса, который гораздо больше разорил страну, нежели укрепил ее. Хронист повествует о славном эпическом герое, где каждый элемент сюжета осознанно и целенаправленно работает на героическую биографию. Он становится первым среди *figura ejetplar* в испанской хронике, наряду с Цезарем, Сидом, графом Фернаном Гонсалесом и проч. Присмотримся внимательнее к этой биографии. Прежде всего к ней добавлен зачин о трех Геркулесах (что само по себе не новость, трех Гераклов называет Диодор Сицилийский, шестерых – Цицерон, а максимальное число появится у Варрона – 24). Согласно версии Альфонсо X, древние волхвы предсказали, что однажды родится великий герой; зная об этом, люди, ожидая его, всякий раз думали, что родился именно тот герой, потому и давали одно и то же имя нескольким персонажам. Первый⁹ Геркулес, современник Моисея, славен своими подвигами, второй – точно известно, что он жил за 6 лет до выхода евреев из Египта – славен мудростью, третий же – тот Геркулес, о котором идет речь, современник Гедеона, сына Фалека, внука Ноя, прославленный и воинской силой, и знанием астрологии. Главная цель введения трех Геркулесов (два ошибочны, и только последний оказывается тем самым) – предсказание о рождении великого героя. Источник рассказа о предвидении рождения Геркулеса древними мудрецами неизвестен. Возможно, так оказалось переосмыслено известное предсказание будущей судьбы героя Тиресием, а быть может, предсказание рождения Геркулеса древними волхвами-астрологами и ожидания его сформировано по библейскому образцу. Сама же генеалогия трех Гер-

⁹ Первый Геркулес, Греческий, заимствован, по мнению Р. Менендеса Пидалья, из «Таблицы» Евсевия/Иеронима, а также из «Филлиповой истории» Помпея Трога, где сказано, что «в Фивах рожден Геркулес, от которого ведет начало род Эакидов, в Фивах же провел свое детство отец царя – Филипп» (Филиппова история, XI, 4). У Помпея Трога, однако, нет указания на разных Геркулесов, с Фивами традиционно связано рождение Геркулеса, сына Алкмены, т.е. третьего в номенклатуре PCG.

кулесов – плод смешения разных источников (один из главных – «Таблицы» Евсевия/ Иеронима). Хроника таким образом, воссоздавая эпический образ Геркулеса, дополняет его особым статусом в свете будущей истории Испании: легендарный предок Испании предопределяет будущую славу страны, что подтверждается и избранной хронистами этимологией его имени: «...и каждый из первых двух Геркулесов, так как мог быть тем самым человеком, получали это имя, которое происходит из греческого и составлено из двух частей: из her и из cleos, что означает «прославленный воин» или «славный силой и боем»¹⁰.

Как видно, предсказанная славная судьба воплощена в самом имени героя. Известно, что этимология взята у итальянского правоведа Гугучия Пизанского (? – 1210), однако она расходится с общепринятой во всех известных текстах. В словарной статье «Книги производных»¹¹ мы обнаруживаем, что Гугучий предлагает читателю три этимологии имени Геркулеса: 1. «славный раздором»; 2. «славный воин»; 3. «слава Геры». Примечательно, что редакторы хроники выбирают именно эту, менее распространенную, этимологию, поскольку она более всего отвечает эпическому характеру героя и его роли в «Истории Испании».

Эпичность повествования усилена мотивацией поступков Геркулеса: ненависть царицы Юноны, ссора с Эврисфеем, его господином, и побуждающая к героическим деяниям молва о силе врага и причиняемых им бедствиях. Характерно, что при перечислении в одном абзаце всех основных подвигов отобраны лишь те, что выглядят правдоподобно, тем самым нарушается известный античный канон 12 подвигов героя. Фантастическим персонажем в этом перечне можно назвать только Лернейскую Гидру, но она в своем многоголовом облике была непреходящим персонажем средневековых бестиариев, а сам факт диковинности по отношению к животным – вещь вполне допустимая и принятая.

Слава и великая судьба, предназначенные герою, переносятся на страну, где он совершает свои великие дела. Вследствие этого оказалась полностью изменена этическая оценка деяний героя. Если в латинской хронике архиепископа Толедского сила Геркулеса – тяжесть и разорение для страны, то в хронике Альфонсо X все его деяния (пусть и совершенные силой) несут стране благо. Иберийцы просили его, «...чтобы он, совершивший столько добрых дел и спасший столько людей от дани и дурного господства, поспешил к ним и что они отда-

¹⁰ «e los dos hercules primeros cuydando que cada uno dellos serie aquel. pusieron se nombre assi. ca segund el language griego. fue tomado este nombre de dos partes de letras. de her e de cleos que quier dezir batallador onrado o alabado enfuerça y en lit» (PCG, cap. 4).

¹¹ [1] CLEOS idest gloria. [2] Inde per compositionem hic Ercules quasi eris cleos, idest lite gloriosus, ab eris quod est lis et cleos, vel quasi heros gloriosus, ab heros et cleos, vel quasi here, idest domine, scilicet Iunonis, gloria, ab hera et cleos; unde herculeus a um herculinus a um). См.: Ugucione da Pisa 2004. P. 279.

дут ему всю землю. Когда услышал об этом Геркулес, он обрадовался и отправился туда; и, хотя был он из рода гигантов и очень сильный, он не был из-за того ни жестоким, ни дурным хозяином, наоборот, был он милосерден к хорошим людям, смел и силен со злыми»¹².

Мотив предзнаменования сопровождает почти все касающиеся Иберии деяния Геркулеса. Он привозит с собой звездочета Атласа, получившего свое имя от горы Атлант, на которой он обитал; из его уст и исходят дальнейшие предсказания. Следует учесть, что знание астрологии является у многих персонажей «Истории Испании» одним из важнейших признаков мудрости и учености. «Наука о звездах» еще в прологе хроники причисляется к древнейшему и важнейшему знанию. В высокой оценке астрологического знания сказываются, несомненно, собственные предпочтения Альфонсо X, автора знаменитых «Альфонсовых таблиц», главного источника по астрологии для Высокого Средневековья. Заметим также, что все деяния героев испанской эпики, обязательно сопровождаются предзнаменованиями самого разного рода.

Усиление легендарной миссии Геркулеса выражено в возрастании его эпонимической функции: его именем названы сооружения, отмечающие две крайние точки Испании – европейского материка в целом и всего известного в то время населенного мира, на них оканчивается изведанная земля и начинается омывающий землю Океан. Это Геркулесовы столбы на Гибралтарском проливе и Башня Геркулеса в Ла-Корунье, на побережье Атлантического океана. Что касается Башни Геркулеса, римского маяка в Галисии близ нынешней Ла-Коруньи, то эта атрибуция отнюдь не легендарна, она принадлежит Альфонсо X, расширившему тем самым топонимику присутствия Геркулеса в Испании. Это расширение имело сугубо политический характер, Испания для Альфонсо – прежде всего Галисия, Леон и Кастилия, но реальные границы владений, на которые претендовал кастильский монарх, были значительно шире: в 1262 г. взят Кадис, в 1263г. – Картахена. Башни и столбы Геркулеса маркируют таким образом владения самого Альфонсо Мудрого.

Не связана с именем Геркулеса, но заложена им Севилья (ант. Гиспалис, который, по-видимому, и стал источником имени Гиспала/Испана), главный город мавританского юга. Севилья хоть и дружественна, но является главной мечтой Альфонсо X, не случайно, обозначению будущей Севильи отдан отдельный эпизод: «...они все время плыли, осматривая берега, и обнаружили хорошее место, где можно

¹² “...que el que tantos buenos fechos fiziera e tantos omnes sacara de premia e de mal sennorio. que acorriesse a ellos e quel darien toda la tierra. Quando esto oyo hercules plogol mucho e fuesse pora alla. ca maguer ell era del linage de los gigantes e muy fuerte. no era por esso omne cruo ni de mala sennoria. ante era muy piadoso a los buenos. e muy brauo e fuert a los malos. e quando oyo las querellas daquellas yentes doliosse dellas e fuesse pora ellos” (PCG, cap. 7).

было бы возвести большой город, и не нашли другого такого же хорошего, как то, где сейчас стоит многолюдная Севилья. Тогда обратился Геркулес к Атласу-звездочету с вопросом, надо ли ему делать здесь город, тот ответил, что здесь будет великий город, но другой человек его возведет, а не он; когда это услышал Геркулес, то опечалился сильно и спросил, кто будет тот человек, который его возведет; тот же ответил, что будет это человек достойный и очень могущественный, как и он, и столь же великих деяний»¹³. Услышав предсказание, Геркулес сказал, что поставит памятный знак, чтобы тот, кто придет после него, узнал это место и основал тут город. Основать Севилью предназначено было Юлию Цезарю. Так чередой предзнаменований и славой основателей страны (Геркулес-Цезарь) обеспечивается будущая слава Испании при самом Альфонсе Мудром. Идеологическая заданность трансформировала и основной подвиг Геркулеса в Иберии – победу над Герионом. У Родриго Толедского победа над Герионом, хозяином трех областей Иберии (аллегорически выраженных в «тройственном виде» гиганта) – это только повод объяснить, куда и как Геркулес заселил своих людей, приведенных из Галатии (потому, согласно хронике, область и зовется Галисия), и за какие именно провинности законный правитель местных земель Герион назван «наглецом» – не ясно.

В «Истории Испании» голов у Гериона стало семь (7 областей в современной хроникам Испании); он славен своей жестокостью (половину всего отнимал у жителей, и сам был захватчиком); Геркулес же, как и положено герою, зван на помощь. Их бой – поединок один на один – мотивирован желанием избежать войны и гибели людей. Голову Гериона в честь одержанной победы Геркулес заложил в основание башни и отметил заселением города крайнюю атлантическую точку страны – Ла-Корунью. По сути, цель подвига – обозначить строительством башен верхнюю западную границу страны, тогда как нижнюю обозначает башня Геркулеса в Кадисе¹⁴, таким образом все крупнейшие города так или иначе стали иметь отношение к легендарному основателю Испании.

¹³ “e fue yendo por el arriba fasta que llego al logar o es agora Seuilla poblada. e siempre yuan catando por la ribera o fallarien buen logar o poblassen una grand cibdat. e no fallaron otro ninguno tan bueno cuemo aquel o agora es poblada Seuilla. Estonce demando Hercules a allas ell estrellero si farie alli cibdat. El dixo que cibdat aurie alli muy grand. mas otro la poblarie ca no el. e quando lo oyo hercules ouo grand pesar. e preguntol que omne serie aquel que la poblarie. el dixo que serie omne onrado e mas poderoso que el. e de grandes fechos” (PCG, cap. 5).

¹⁴ В хронике сказано: «и так как показалось ему, что место это очень необычно и что именно в нем начинается запад, построил он высоченную башню и водрузил наверх медную статую, очень искусную, которая смотрела на восток и держала в правой руке большой клюю, как если бы хотела отпереть дверь, а левая рука была поднята и протянута в сторону востока, и на ее ладони написано так: «Это межевые столбы Геркулеса» (PCG, cap. 5). Источник рассказа о статуе на башне неизвестен, но упоминание о ней встречается в «Кодексе Каликста» (Liber Sancti Jacobi «Codex

Героическая и идеологическая составляющие усилены тем, что залогом славы героя оказываются не столько его собственные деяния, сколько предвосхищение грядущей славы Испании. Именно это объясняет трансформацию Испана латинской хроники Родриго Толедского из неведомого героя при Геркулесе в его племянника и наследника, сам же рассказ об Испане разрастается в хронике на две пространные главы. И снова возникает вопрос, что же послужило здесь образцом для выстраивания такой правы – герой-завоеватель земель и его потомок-король. Сам Геркулес не правит (вполне в соответствии со своей античной ролью – здесь я скорее соглашусь с сугубо героической трактовкой Геракла, чем с его трактовкой в роли «царя-жреца» в духе кембриджской школы), он лишь сражается и захватывает земли. Можно предположить, что этот мотив, отсутствующий у Родриго Толедского, мог быть подсказан хронистам из альфонсова скриптория историей главного испанского эпического героя Сида Кампеадора (слово *batallador*, поясняющее имя Геркулеса, представляет собой дословный вариант прозвища Сиды – *Campeador*). Сид – герой-завоеватель чужих земель для Испании, а потомки его, как свидетельствует молва и «Песнь о моем Сиде» – короли Испании, роль которых в истории страны будет скорее созидательной, нежели военной. Более того король Испан в хронике характеризуется «отважным и благоразумным» (*mu esforzado y de buen seso*), что является важнейшей и определяющей характеристикой испанских эпических героев и испанских монархов.

Заявленный статус Испана («племянник») – простейший способ подчеркнуть не выявленное родство с героем (Карл–Роланд). По мнению исследователей хроник Альфонсо X, пара Геркулес–Испан в своем окончательном виде должна была стать легендарной параллелью к паре король Фернандо III Кастильский, объединивший Кастилию, Леон и Галисию и его сын Альфонсо X Мудрый, более прославившийся знаниями и писаниями, нежели воинскими деяниями. Видимо, эта мысль вызревала постепенно, в полном виде проявившись во «Всеобщей истории»¹⁵. И на мой взгляд, вдохновлена она была именно параллелью с Сидовой ситуацией. Вот как сказано в истории: «После того, как Геркулес завоевал всю Гесперию и подчинил ее своей власти, пожелал он пойти дальше по миру и совершать великие дела там, где их находил, так как не хотел, чтобы существовала такая земля, где бы не было его потомков; ведь если он оставлял там своих людей, то ста-

Calixtinus» XII), см.: Vigo Trasancos A. 2010. No. 9. P. 217-233. P. Менендес Пидаль предполагает, что история о статуе на башне в Кадисе заимствована из «Истории мусульманских династий в Испании» Аль-Маккари, автор которой ссылается, в свою очередь, на «Хронику мавра Расиса». И в латинском, и в арабском источнике нет отсылки к Геркулесу.

¹⁵ Cárdenas-Rotunno 1997.

новилось известно, что он завоевал те земли; поэтому заселял он их теми людьми, которых привез с собой из Греции и в каждом оставил своих потомков»¹⁶. Напомню знаменитый финал «Песни о моем Сиде»: «Ныне мужья у них лучше, чем прежде./ Рожденный в час добрый стал всюду известен./ В Арагоне с Наваррой царят его дети./ Монархи испанские – Сидово семья»¹⁷. Мотив потомков героя, ставших королями, в испанской эпической традиции отчетливо и прямо появляется только в сказании о Сиде. К тому же и сам сюжет о Сиде занимает в «Истории Испании» весьма значительное место, начиная с его предка Лаина Кальво, одного из испанских судей, и заканчивая огромным пересказом собственно истории Сиды.

Однако история Геркулеса важна для испанской историографии не только идеологической нагрузкой, но и своим нарративным новаторством. В отличие от латинской хроники мы видим не собрание сведений, подкрепленных цитатами из авторитетных источников, а связный рассказ, где все источники не переведены или включены в виде цитат, но переработаны в цельное повествование. При этом все цитаты в тех местах, где они были в латинской хронике, убраны; текст лексически и стилистически становится однородным. Более того, изменяется состав источников – он расширяется за счет вставок разного рода. Тут и толковый словарь, и латинские хроники, и легендарный, и фольклорно-сказочный материал. При этом, если латинские источники служат для уточнения и пояснения сведений, то для достраивания сюжетной основы в тех местах, где не хватает материала, чтобы сформировать рассказ в заданном духе, события либо придумываются, либо заимствуют сюжетные ходы из легендарного и фольклорно-сказочного материала.

Достаточно взять для примера историю с Башней Геркулеса. Согласно хронике, она была заложена Геркулесом в ознаменование победы над Герионом, а затем достроена Испаном, который изобрел огромное стекло, сквозь которое можно было видеть очень далеко и тем самым заранее подготовиться к набегам врагов. Старый римский маяк в Ла-Корунье (древнем Бригантие) в X–XI вв. в европейской историографии прочно связывали с древними кельтами («Книга захватов Ирландии»). По преданию, кельтиберы разглядели с башни берега Ирландии, куда и отправились (легендарные основатели Ирландии Ит и сыновья Миля). В X в. была известна и местная легенда, зафиксирован-

¹⁶ “Des que hercules ouo conquista toda esperia e tornada en su sennorio ouo sabor dir andar por el mundo por las otras tierras. e prouar los grandes fechos que y fallasse. empero non quiso que fincasse la tierra sin omnes de so linage. en manera que por los que el y dexasse. fuesse sabudo que el la ganara. e por esso la poblo daquellas yentes que troxiera consigo que eran de grecia. e puso en cada logar omnes de so linage” (PCG, cap. 8).

¹⁷ «Ved quál ondra creçe al que en buen ora nació, quando señoras son sus fijas de Navarra e de Aragón, oy los reyes d’España sos parientes son, a todos alcança ondra por el que en buen ora nació» (СМС, vv. 3722-25).

ная в местных анналах, о башне Бригантия, с которой однажды некий монах Трезензоний увидел прекрасные зеленые острова. В скриптории Альфонсо X одну легенду изымают, а другую создают. Так и получается, что Геркулес возвел эту башню на голове убитого им гиганта Гериона, дабы восславить свою победу, а маяком ее сделал первый правитель Испан, придумавший удивительное стекло, сквозь которое видно море далеко-далеко.

Герой-эпоним Испан, став потомком Геркулеса, не только получает родословную, но получает и потомков – дочь (передача власти через удачный брак дочери тоже, как кажется, навеян «Песнью о Сиде»). Была у него «красавица дочь по имени Либерия, и была она весьма сведуща в астрологии, так как тот, кто ее обучал, был самым большим мудрецом в Испании в ту пору; был он звездочетом Атласом, и за это его высоко ценил Геркулес; потому испросил Испан ее одобрения для основания Кадиса»¹⁸. Она сама, этимология ее имени и вся ее роль целиком придуманы – во-первых, по аналогии с историей Геркулеса она – знаток астрологии и советчик своего отца (напомним, что советчик-астролог вносит тему предопределения и судьбоносности последующих событий); во-вторых, Либерия, подыскивая мужа по любви, дает женихам три задания: соорудить по ее велению город, выложить его мостовыми и выстроить мост-акведук, и выбрав того, кто мил ее сердцу, хитростью добивается того, что все три жениха обустроят Кадис. Здесь уже работает совершенно сказочная схема, хотя ее источник до сих пор точно не установлен. Заметим, что дочь избирает греческого королевича Пируса (два других соперника родом из Скандинавии и Африки), который займется дальнейшим обустройством Испании.

Таким образом традиционный сюжет (античный миф о Геркулесе) не просто выступает как часть средневековой хроники, но становится главным носителем ее идеологии, а также смысловой и нарративной моделью для создания других легендарных сюжетов, в т.ч. эпических вставок, которыми изобилует «История Испании». Рассказ о Геркулесе может рассматриваться как образец законченного эпического повествования о герое-воине, создавший, в определенном смысле, модель и механизм адаптации такого рода повествований внутри исторических сводов Альфонсо Мудрого. В значительной мере, именно благодаря таким сюжетам хроники Альфонсо обретут основополагающую роль в истории формирования повествовательного языка испанской прозы, а сама история Геркулеса будет продолжена в следующей хронике Альфонсо, во «Всеобщей истории», и там она займет сорок шесть глав,

¹⁸ “Este Rey espan auie una fija fermosa que auie nombre Liberia. Y era much entenduda e sabidor destrolomia ca ia ensennara el que era ende el mas sabidor que auie en espanna a essa sazon. ca lo aprisiera dercules e de allas el so estrellero. E por end ouo con ella su acuerdo do poblar calis” (PCG, cap. 10)

превратившись по сути в средневековый «Роман о Геркулесе». А затем будем пересказана во многих знаменитых романизированных испанских хрониках (*Historia Troiana Polimétrica*) и станет сквозным сюжетом испанской литературы Средних веков и Возрождения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ершова И.В. Из «Истории Испании» («Первой всеобщей хроники», 1272). О деяниях Геркулеса // *Valla. Интегрированный историко-филологический журнал европейских исследований*. № 5(1) 2015. С. 85-93. <http://vallajournal.com/journal/index.php/valla/article/view/14>
- “Primera crónica general. Estoria de España que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV in 1289”. Vol. 1 / Publ. R. Menéndez Pidal. Madrid, 1906.
- Cárdenas-Rotunno A. J. The Myth of Hercules in the Works of Alfonso X. Narration in the "Estoria de España" and in the "General estoria" // *Bulletin of Hispanic studies*, Vol. 74, № 1, 1997. P. 5-20.
- Catalán D. De Alfonso X al Conde de Barcelós: cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal, Madrid: Gredos, 1962.
- Correa J. A. El topónimo Hispal (is). http://institucional.us.es/revistas/philologia/14_1/art_13.pdf
- Díez de Revenga Fr.J. La condición de autor literario en Alfonso X el Sabio: Crónica General', *Miscelánea Medieval Murciana*, XIII, 1986. P. 117-29.
- Dussaud R. Melqart, «Syria», 1946—1948, t. XIV. P. 205—230.
- El Cantar de mio Cid, ed. Alberto Montaner Frutos. Barcelona. Crítica. 2003.
- Fernández-Ordóñez I. La Estoria de España, la General Estoria y los diferentes criterios compilatorios, *Revista de Literatura*, No. 99, 1988. P. 15-35.
- Fernández-Ordóñez I. La historiografía alfonsí y post-alfonsí en sus textos. Nuevo panorama. In: *Cahiers de linguistique hispanique médiévale*. N°18-19, 1993. Pp. 101-132.
- Pattison D.G. From Legend to Chronicle: The Treatment of Epic Material in Alphonine Historiography, *Medium Aevum Monographs, New Series 13*, Oxford: The Society for the Study of Mediaeval Languages and Literature, 1983.
- Powell B. Epic and Chronicle: The 'Poema de mio Cid' and the 'Crónica de veinte reyes', *MHRA Texts and Dissertations 18*, London, The Modern Humanities Research Association, 1983.
- Rico Fr. Alfonso X el Sabio y la 'General Estoria' (Barcelona: Ariel, [2nd ed., rev.&enlgd], 1984.
- Ugucione da Pisa. Derivationes / Edizione critica princeps a cura di E. Cecchini, G. Arbizioni, S. Lanciotti, G. Nonni. M. G. Sassi, A. Tontini. Firenze, 2004. P. 279.
- Vigo Trasancos, A. Tras las huellas de Hércules. La Estoria de Espanna, la torre de Crunna y el pórtico de la gloria // *Quintana*, 2010. No. 9. P. 217-233.

REFERENCES

- Ershova I.V. Iz «Istorii Ispanii» («Pervoj vseobshhej hroniki», 1272). O dejaniyah Gerkulesa // *Valla. Integrirovannyj istoriko-filologicheskij zhurnal evropejskikh issledovaniy*. № 5(1) 2015. P. 85-93. <http://vallajournal.com/journal/index.php/valla/article/view/14>
- “Primera crónica general. Estoria de España que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV in 1289”. Vol. 1 / Publ. R. Menéndez Pidal. Madrid, 1906.
- Cárdenas-Rotunno A. J. The Myth of Hercules in the Works of Alfonso X. Narration in the "Estoria de España" and in the "General estoria" // *Bulletin of Hispanic studies*, Vol. 74, № 1, 1997. P. 5-20.
- Catalán D. De Alfonso X al Conde de Barcelós: cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal, Madrid: Gredos, 1962.
- Correa J. A. El topónimo Hispal (is). http://institucional.us.es/revistas/philologia/14_1/art_13.pdf
- Díez de Revenga Fr.J. La condición de autor literario en Alfonso X el Sabio: Crónica General', *Miscelánea Medieval Murciana*, XIII, 1986. P. 117-29.
- Dussaud R. Melqart, «Syria», 1946—1948, t. XIV. P. 205—230.
- El Cantar de mio Cid, ed. Alberto Montaner Frutos. Barcelona. Crítica. 2003.

- Fernández-Ordóñez I. La Estoria de España, la General Estoria y los diferentes criterios compilatorios, *Revista de Literatura*, No. 99, 1988. P. 15-35.
- Fernández-Ordóñez I. La historiografía alfonsí y post-alfonsí en sus textos. Nuevo panorama. In: *Cahiers de linguistique hispanique médiévale*. N°18-19, 1993. Pp. 101-132.
- Pattison D.G. From Legend to Chronicle: The Treatment of Epic Material in Alphonsine Historiography, *Medium Aevum Monographs*, New Series 13, Oxford: The Society for the Study of Mediaeval Languages and Literature, 1983.
- Powell B. Epic and Chronicle: The 'Poema de mio Cid' and the 'Crónica de veinte reyes', *MHRA Texts and Dissertations* 18, London, The Modern Humanities Research Association, 1983.
- Rico Fr. Alfonso X el Sabio y la 'General Estoria' (Barcelona: Ariel, [2nd ed., rev.&enlgd], 1984.
- Uguccone da Pisa. Derivationes / Edizione critica princeps a cura di E. Cecchini, G. Arbizzone, S. Lanciotti, G. Nonni. M. G. Sassi, A. Tontini. Firenze, 2004. P. 279.
- Vigo Trasancos, A. Tras las huellas de Hércules. La Estoria de Espanna, la torre de Crunna y el pórtico de la gloria // *Quintana*, 2010. No. 9. P. 217-233.

Еришова Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ШАГИ РАНХиГС, профессор кафедры сравнительной истории литературы ИФИ РГГУ; i.v.ershova@list.ru

**“On three Hercules who existed in this world of ours”:
classical hero in medieval Spanish chronicles.**

The article explores the place of Hercules' story in the medieval Spanish chronicles by Rodrigo Jimenes de Rada and Alfonso X the Sage (XIII cent. A.D.) and the role it played in the elaboration and development of the legendary genealogy of the first Spanish kings, linking them to the European antiquity. Along with that, the author demonstrates that the internal structure of the story became in the chronicle a narrative model for a number of other plots dealing with legendary characters. Moreover, the analysis of this particular subject helps to elucidate the general narrative technique of medieval Spanish chroniclers and to uncover the ideological reasons for incorporating a story of a classical hero into medieval historiographic account.

Keywords: medieval Spanish chronicles, Hercules, Alfonso X the Sage, epic, narrative

Irina Ershova, Cand. Sc. (Philology), professor at the Department of Comparative Literature, Institute for Philology and History, Russian State University for the Humanities; i.v.ershova@list.ru

Ю. А. БРАЖНИКОВА

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧИСЛОВОЙ СИМВОЛИКИ ДИАТОНИЧЕСКОЙ ШКАЛЫ

В статье рассматривается история происхождения и формирования семантики числа как философской, теологической, арифметической категории в одной из фундаментальных музыкально-теоретических систем – 7-ступенной белоклавишной шкале. Автор доказывает, что становление диатоники в её современном виде опиралось не только на математические и акустические свойства звука, но имело под собой мировоззренческую базу, основанную на понимании смысла числа и производных от него пропорций как основы сущего. Генезис суперсимметричности диатонической системы включает несколько уровней научного знания, среди которых музыкально-теоретический не может претендовать на исключительность. Высокая степень упорядоченности диатоники возникла из сплава характерных черт ментальности, формировавшегося в течение нескольких исторических эпох. В процессе исследования возникла необходимость провести аналогии с некоторыми постулатами древнеиндийской религиозной философии, относимыми официальной наукой к разряду эзотерических, и попытаться включить их в академический обиход. Проблема ставится на стыке истории, философии и теоретического музыкознания. Подобный подход был предложен в начале XX в. А.Ф. Лосевым, рассматривавшим музыку не только как вид искусства, но как озвученную философию числа, его значения в качестве некой всеохватной категории, отражающей мировой порядок и симметрию.

Ключевые слова: число, диатоника, история музыки, теория музыки, пифагоров строй, музыка Средневековья

Феномен числовой доминанты, объединяющей, казалось бы, несопоставимые категории явлений, известен с древних времён. В исторической ретроспективе могут быть обнаружены неожиданные соответствия между основными положениями различных отраслей научного знания и некоторыми постулатами, касающимися природы окружающего нас явлений, многие из которых берут своё начало у истоков существования цивилизации. Подобные соответствия вытекают из соотношения некоего символического значения чисел и строения Вселенной, стихий, цвета, звука и т.д., причём эти понятия, изменяясь в ментальной среде каждого исторического периода, приобретали всеобъемлющий смысл, становясь скорее категориями философского, нежели узкоспециального, порядка.

Принципы соответствия и взаимопроникновения буквально пронизывали Древний мир и Средневековье. В традиционных культурах имел место поиск различных типов соотношения между составляющими частями системы восприятия. На ранних этапах существования человечества в качестве ключевого типа мышления господствовал синкретизм: все явления окружающего мира воспринимались как неразделимые, равные и взаимно заменяющие друг друга.

Во всех древних науках в странах Центральной и Восточной Азии в той или иной степени действовал метод определения «сущностных признаков», когда любая вещь или явление рассматривались с позиций анализа – выделения характерных черт – и в аспекте синтеза – совокупности таких черт, которые определяют сущность объекта. В буддизме взаимосвязь методов анализа и синтеза называется учением о мере. Одним термином обозначены понятия – мера, масштаб, модель, – и формальная логика и диалектика как искусства непротиворечивых доказательств истины. Вместе с тем этот высокий уровень формализованности древней науки неразрывно связан с метафизической схоластикой¹, которая пронизывает и «большие», и «малые» науки в системе шумерской, египетской, буддистской индийской и тибетской духовной культуры, а также всю теорию и практику храмового ритуала и бытовой обрядности. Даже понятие «технология» обозначало общий принцип строения вещи, явления, т.е. также относилось к философскому смыслу «меры»².

В качестве примера единства, взаимодействия и симметричности различных начал, наглядно демонстрирующих то место, которое занимала символика числа в системе древнего мироустройства, можно привести мандалу – распространенную в буддистском искусстве симметричную композицию, изображающую средствами отвлеченного графического символизма обитель того или иного божества, метафизически трактуемую как его микро- или макрокосмос³. Мандала представляет собой сочетание простейших геометрических элементов – кругов, квадратов, треугольников. Графическая основа данной композиции строится на четырёх осях зеркальной симметрии, ориентированных по сторонам света. На пересечении осей, в центре мандалы помещается изображение божества, знака или предмета, олицетворяющее понятие, которому посвящена мандала. В составляющие её фигуры и поля могут вписываться изображения божеств, явлений, понятий и предметов, связанных с центральным образом.

В отличие от современного понимания категории пространства как геометризованного и однородного вместилища вещей, тибетский художник изображал его в соответствии со своими мифопоэтическими представлениями, где пространство неоднородно и образовано предметами в соответствии с их значением. Континуум имел концентрическую структуру, основанную на устойчивых числовых пропорциях. Она характерна для буддистского мышления, где сакральная значимость предметов возрастает по мере приближения к центру полотна. Эманации Верховного правителя равномерно распространяются на всё, что его окружает, а всё окружающее, в свою очередь, центрировано на

¹ Малая история искусств... 1976. С. 14.

² Герасимова 1976.

³ Атлас тибетской медицины... 1998. Илл. 1.

правителя и является его производным. Имея в своей основе единый источник всего сущего, любое явление симметрично остальным, неразделимо с ними и открывает дорогу к познанию Абсолюта. Вероятно, этот путь в своём сознании проделывал тибетский созерцатель, мысленно переходя от природы к стихиям и искусствам, от жителей города к ученикам Будды, заканчивая образом Верховного правителя, если он использовал эти изображения как схему для медитации.

В Древней Греции наблюдается аналогичное отношение к числовым соотношениям явлений, однако им придаётся эстетическая и нравственная трактовка. Так, пифагорейцы толковали интервалы как геометрические фигуры и одновременно – эквиваленты физических стихий (имеющих ту же геометрическую сущность). Сакральное значение, которое придавали числам древние индийцы, сменилось у пифагорейцев и Платона развитием философии числа, а именно у Пифагора число «7» впервые фиксируется как основа строения Вселенной. Семь известных в то время планет Солнечной системы соответствовали семи ступеням звукорядов античной совершенной системы⁴.

В связи с этим нельзя не согласиться с А.Ф. Лосевым, подчёркивавшим, что представления пифагорейцев о числовых закономерностях «гармонии сфер» (а значит, и музыки) были обусловлены размышлениями последних о «жизни» «основных космических тел, издающих при своём движении определённого рода тоны с гармоническим сочетанием этих тонов в одно прекрасное и вечное целое»⁵. Числа выражают вселенский порядок: 1 = начало всего; 2 и 3 = первые простые числа; 4 и 9 = квадраты первых чисел; 8 и 27 = кубы (или объёмы). Их соотношения образуют важнейшие музыкальные интервалы – консонансы: 2:1 (прима), 3:2 (квинта), 4:3 (кварта). Соотношение 9:8 представляет целый тон, соединяющий два квартовых тетрахорда⁶ 4:3 в «симфонию» совершеннейшего консонанса октавы ($4:3 \times 9:8 \times 4:3 = 2:1$, или $4:3 \times 4:3 \times 9:8 = 2:1$), согласно основному принципу греческой ладовой системы: «Всякий музыкальный тон пифагорейцы представляли себе в виде земляного куба, и тогда получалось, что кварта есть водяной икосаэдр, квинта – воздушный октаэдр и октава – огненная пирамида»⁷.

Новым аспектом в античной философии становится понятие этоса. С конца V в. до н. э. формировалось герменевтическое учение, приписывавшее определённый этос числам и построенным на основе их пропорций музыкальным ладам⁸. В Древней Греции сохраняется отношение к числу «7» как к микропроявлению мировой гармонии, но

⁴ Холопов 2003. С. 190.

⁵ Лосев 1960. С. 31.

⁶ Тетрахорд – поступенная последовательность из четырёх звуков.

⁷ Холопов 2003. С. 32.

⁸ Музыкально-энциклопедический словарь 1990. С. 183.

вместо замкнутости Вселенной приходит понимание роли числа как выражения эстетического аспекта действительности.

Но настоящий расцвет представлений о музыке как «материализации» лежащих в основании мира чисел, в свете числовой символики, приходится на западноевропейское Средневековье. В эту эпоху гармония, соразмерность и симметричность мирового порядка приобретают мистическое наполнение, а числа трактуются как выражение божественной тайны мироздания. Такая точка зрения оказывала серьёзное влияние на научное знание и оригинальным образом проявилась не в точных и естественнонаучных дисциплинах, а в музыкальной теории.

Одним из первых в Средние века числовую природу музыки обосновал Августин. В его трактате «О музыке»⁹ имеются зачатки традиционного для средневековой музыкальной теории математизма и числовой символики. Убеждение в том, что число составляет сущность и природу музыки, совпадает с основными положениями эстетики Августина, с его воззрениями на сущность и природу красоты. Согласно Августину, число есть основа красоты, воспринимаемой посредством слуха и зрения. Красота содержится во всём, в чём есть отношения подобия и равенства, т.е. пропорции и симметрии. На этом основании Августин приходит к убеждению о числовой основе всякого искусства, в т.ч. музыкального. В книге VI своего труда он различает пять видов чисел, проявляющихся в музыке: 1) звучащие (*sonantes*), находящиеся в самих звуках, независимо от того, слышит их кто-нибудь или нет; 2) числа, находящиеся в сознании воспринимающего (*occursores*); 3) числа движущиеся (*progressores*), т.е. воспроизводимые в воображении даже в отсутствии реального звучания и восприятия; 4) числа, хранимые памятью (*recordabiles*), – о них мы не вспоминаем, но они позволяют нам узнавать услышанную ранее мелодию; 5) числа судящие (*judiciales*) – те, благодаря которым бессознательно оцениваются все остальные числа с точки зрения их «приятности» и «неприятности»¹⁰.

В эпоху западноевропейского Средневековья у мыслителей и теоретиков существовали представления о конкретных числах и их связи с музыкой. Эти числа означали: «1» – музыку как целое; «2» – деление музыки на небесную (естественную) и земную («порождённую» человеком, т.е. инструментальную и вокальную); «3» – начало, середину и конец музыкального произведения; «4» – количество нотных линеек; «7» – мистическую связь музыки со Вселенной и т.д.

На идее смежности между религиозными символами, душевными состояниями и музыкальными элементами – идее, которая зафиксирована в средневековом учении о трёх взаимосвязанных «музыках», – основаны толкования ладов и музыкальной системы у Гвидо Аретин-

⁹ Бычков 1984.

¹⁰ Там же. С. 220-241; История эстетики... С. 260; Клюев 2000. С. 141-143.

ского¹¹. Например, три октавы звуковой системы приравниваются им к покаянию, разрушению, исповеди.

Интерес к «таинственным» свойствам 7-ступенного диатонического звукоряда во всех его формах был широко распространён в средневековой теории, с её исследованиями числовой мистики, пифагорейской «гармонии сфер», аналогий между музыкой и библейскими символами. В трактате А. Кирхера «*Musurgia universalis*» в двух специальных главах («Магика» и «Аналогика») речь идёт о медицинском и даже магическом воздействии музыки, об особом музыкальном магнетизме, проводятся аналогии между музыкой, с одной стороны, и элементами природы и планетами – с другой¹². Пожалуй, именно у Кирхера формируется эзотерическая (в современном понимании) трактовка музыки, что представляет собой отголоски древних учений о звуке и музыке.

При этом происходит возрождение основ идеи пифагорейской эстетики, попытки космологического истолкования музыки и музыкальной гармонии, как, например, в трактате «Гармония мира» знаменитого немецкого астронома И. Кеплера¹³, который считает, что число универсально, и истолковывает музыку, основываясь на определённых числовых закономерностях. В европейской научной традиции его не без основания называют «последним пифагорейцем». По Кеплеру, весь мир состоит из симметричных геометрических образований, каждому из которых соответствует своя планета. Так, кубу соответствует Сатурн, четырёхграннику – Юпитер, двенадцатиграннику – Марс, восьмиграннику – Венера и двадцатиграннику – Меркурий. Отношения между интервалами в музыке оказываются аналогичными отношениям между планетами. В доказательство Кеплер приводит числовые выкладки и астрономические наблюдения. Четвёртая и пятая книги «Гармонии мира» обосновывают космологическую концепцию музыки. Основная идея трактата Кеплера состоит в том, что гармония, основанная на числовых соответствиях, представляет собою универсальный мировой закон. Она придаёт целостность и закономерность устройству Вселенной. Этому закону подчиняется всё – музыка, свет звезд, человеческое познание, движение планет. Кеплер находит симметричное соотношение между числовыми пропорциями музыкальной гармонии и астрономии. Исходя из этого, выводится соответствие каждой планеты определённому музыкальному ладу и тембрам человеческого голоса.

Однако у Кеплера описываются и более сложные отношения между числами / планетами / звуками: «Марс посредством некоей амплитуды расширения достигает октавы с более высокими [тонами], поскольку собственный его интервал очень велик. Меркурий получил интервал

¹¹ Гвидо Аретинский 2003.

¹² Kircher 1650.

¹³ Kepler 1619; 1997.

только для того, чтобы со всеми вступать почти во все гармонические отношения в течение одного своего периода, который не превышает трёх месяцев. Земля же, а тем более Венера имеют очень мало гармонических отношений не только с прочими, но и друг с другом, поскольку их собственные интервалы очень тесны»¹⁴.

В первой главе третьей книги отдельные гармонические пропорции показаны сами по себе, а во второй главе октаву, объединяющую другие гармонии, Кеплер разделил на градусы и с помощью этих гармоний построил общую систему – музыкальную шкалу.

В то время как средневековые философы использовали понятие «музыка сфер» лишь метафорически, Кеплер рассчитал математические соотношения в движении планет и увязал их с музыкальными интервалами, установив **семь** основных гармонических интервалов (консонансов): октаву (2/1), большую сексту (5/3), малую сексту (8/5), чистую квинту (3/2), чистую кварту (4/3), большую терцию (5/4) и малую терцию (6/5), из которых далее вывел весь звукоряд как мажорного, так и минорного наклонения. Его расчёты показывали, что разница между максимальной и минимальной угловыми скоростями планеты составляют приблизительно гармоническую пропорцию. Например, угловая скорость Земли меняется между афелием и перигелием на полтона (соотношение 16:15), от ми до фа, скорость Венеры меняется только в отношении 25:24 (т.н. диеса в музыкальных терминах)¹⁵.

По мнению Кеплера, планеты формируют своеобразный хор, в который входят тенор (Марс), два баса (Сатурн и Юпитер), сопрано (Меркурий), и два альты (Венера и Земля). При этом Меркурий, с орбитой в форме сильно вытянутого эллипса, имеет наиболее широкий диапазон звучания, в то время как Венера, с её почти круговой орбитой, способна издавать лишь одну ноту. По расчётам Кеплера, все соотношения максимальной и минимальной скоростей планет на соседних орбитах, кроме одного, составляют гармонические интервалы в пределах допустимой погрешности – менее диесы. Единственное исключение из этого правила составляли орбиты Марса и Юпитера, создававшие негармоническое отношение 18:19¹⁶. Этот диссонанс (впоследствии подтверждённый правилом Тициуса-Бодде) объясняется наличием между орбитами Марса и Юпитера пояса астероидов, открытого лишь через 200 лет после смерти Кеплера.

Взаимосвязь элементов музыкального языка, которую в Средние века стремилась исследовать теория музыки, опиралась не только на акустические особенности звуков. От попыток осмыслить законы музыки в параметрах числа лежит путь к числовой аналогии музыки и

¹⁴ Музыкальная эстетика Западной Европы... 1971. С. 184-185.

¹⁵ *Brackenridge* 1982.

¹⁶ *Walker* 1964. P. 38-60.

универсума. Яркий пример подобной концепции представляют собой некоторые идеи, изложенные в работах А.Ф. фон Тимуса, который представляет древнейшие представления о математическом и космологическом смысле музыки¹⁷. По его мнению, существуют два ряда чисел, дополняющие друг друга: прогрессия целых величин 1, 2, 3, 4..., представляющих увеличение, и дегрессия дробей 1, 1/2, 1/3, 1/4..., являющаяся уменьшением. Эти ряды выражают бинарные оппозиции вселенского масштаба: развитие – упадок, эволюцию – инволюцию, жизнь – смерть. При перенесении на длину струны или воздушного столба, ряд целых чисел даёт обращённую гармоническую серию: «до'''», «до''», «фа'», «до'», «ля бемоль», «фа», «ре», «до» и т.д., а дегрессия дробей – обычную гармоническую серию, т.е. обертоновый ряд. Таким образом, идеальная зеркально-симметричная структура мира аналогична зеркально-симметричному звуковому континууму.

Если искать центр – точку зеркального отражения – звукового пространства между тониками до и до', то она придёт на интервал натурального тритона, соответствующий иррациональному числу $\sqrt{72}$. В космологической проекции эта неслышимая середина звукового мира будет означать идеальную точку опоры, «неподвижный пункт», в котором пересекаются и нейтрализуют друг друга движущиеся противоположности. Если центр звуковой системы обозначает «центр мира», то и вся звуковая система в целом есть симметрично-подобное соответствие структуре мира. Особая точка зеркального отражения числового и звукового пространств является центром сети возможных взаимосвязей тонов, числовых отношений, а также квинтэссенцией полноты бытия. «Свёрнутые» в единую схему, числовой, звуковой и космический уровни мира становятся аналогами друг друга.

Концепция фон Тимуса охватывает широкие временные рамки: реконструированные представления древнегреческой и древневосточной теорий перенесены в ней на современный музыкальный материал, представляя модель аналогии звуковых форм и невзвучных (числовых и эквивалентных им космических) структур.

Новую парадигму, объединяющую эти воззрения и объясняющую их с точки зрения современной философии, предлагал А.Ф. Лосев: «музыка есть искусство времени, и музыкальная форма есть прежде всего временная форма»¹⁸; время «есть становление числа... только повторение числа, воплощение и осуществление числа, подражание числу»¹⁹. В связи с этим «жизнь чисел – вот сущность музыки»²⁰. Вместе с тем, пишет Лосев, возникает вопрос, а что такое число, и приходит к выво-

¹⁷ *Thimus* 1972.

¹⁸ *Лосев* 1995. С. 512.

¹⁹ Там же. С. 525.

²⁰ Там же. С. 467.

ду, что «число есть подвижной покой самотождественного различия смысла... или: число есть единичность... данная как подвижной покой самотождественного различия»²¹.

В результате аналитико-теоретической проработки темы А.Ф. Лосев «выходит» на следующее понимание музыки, или музыкального предмета, в его терминологии: «Музыкальный предмет есть чистое число, т.е. единичность (смыслового) подвижного покоя самотождественного различия, данная как подвижной покой». «Подобно тому, как число диалектически переходит во время, – время диалектически переходит в движение. Музыка есть искусство и числа, и времени, и движения. Она даёт не только идеальное число, но и реальное воплощение его во времени, и не только реальное воплощение числа во времени, но и качественное овеществление этого воплощенного во времени числа, т.е. движение. Так возникает музыка как искусство времени, в глубине которого (времени) таится идеально-неподвижная фигурность числа и которое снаружи зацветает качествами овеществленного движения»²².

Парадоксальным образом все эти концепции, охватывающие несколько исторических эпох, перекликаются с одной из древнейших вселенских категорий, называемой Законом Семи, или Законом Октав, выявленным и описанным ещё в древнеиндийской философии. Европейская наука познакомилась с этим законом в 1920-е гг. посредством трудов П.Д. Успенского, последователя и ученика Г. Гурджиева, основателя одной из эзотерических школ в Москве. После революции Успенский эмигрировал из Советской России и с 1921 г. жил в Лондоне, где проводил курсы лекций, в которых излагались многие положения Нового Знания – школы, пришедшей с буддистского Востока, но использующей европейскую терминологию. Нижеследующий материал основан на третьей лекции из книги «Космология возможной эволюции человека» (рукописи, которыми П.Д. Успенский пользовался при чтении, находятся в библиотеке Йельского Университета, США)²³.

Закон Семи перекликается с философией йоги, рассматривающей звук как первооснову всего мироустройства. Чтобы разобраться в этом законе, необходимо рассматривать Вселенную как состоящую из вибраций. В основе ведического понимания движения и развития вибраций в физическом проявлении лежит принцип их непостоянства: они развиваются неравномерно, чередуя периодические ускорения и замедления. Для точного установления возрастания и замедления вибраций, линии их развития делят на периоды, которые соответствуют удвоению или уменьшению вдвое числа вибраций в данный отрезок времени.

²¹ Там же. С. 531.

²² Там же. С. 545.

²³ Успенский 2001.

«Законы, которые управляют замедлением или отклонением вибраций от их исходного направления, были известны древнему знанию и заключались в особой формуле, или диаграмме, сохранившейся до наших дней. В этой формуле период удвоения вибраций был разделён на восемь неравных ступеней в соответствии со скоростью нарастания вибраций. Восьмая точка повторяет первую, но уже с удвоенным числом вибраций. Этот период удвоения вибраций, или линия развития вибраций между данным числом и вдвое большим, называется октавой, т.е., иначе, состоящим из восьми.

Принцип деления периода, когда вибрации удваиваются на семь неравных частей, основан на наблюдении, что в полной октаве вибрации нарастают неравномерно; отдельные точки октавы демонстрируют ускорение или замедление в разные моменты развития октавы.

Скрытые в этой формуле идеи октавы передавались от учителя к ученику, от одной школы к другой. В далёком прошлом одна из подобных школ нашла возможным применить эту формулу к музыке. Была получена музыкальная гамма семи тонов, известная с глубокой древности, потом забытая, а затем вновь изобретённая или найденная»²⁴.

Из этого следует, что происхождение 7-ступенного звукоряда, ставшего основой большинства европейских музыкально-теоретических систем, рассматривалось в древнеиндийской философии с позиций отражения в нём фундаментального закона строения Вселенной, а не просто деления струн и воздушного столба на равные части. Нельзя не заметить, что подобный подход перекликается с концепцией музыки (звука) как числа, реализуемого через движение и постоянный переход от покоя к ускорению или замедлению, предложенной А.Ф. Лосевым. Таким образом, Успенский полагал, что звукоряд, основанный на числе «7», имеет гораздо более древнее происхождение, чем это обычно считается. Его истоки он относит не к пифагорейской школе, а ко времени, отстоящему от античной цивилизации на несколько тысячелетий.

Соответствие Закона Семи 7-ступенной диатонической шкале в её современном виде подтверждается «вибрационными пропорциями», приведёнными в рукописи Успенского. Нотой «до» обозначена точка, где зарождается начальная вибрация. С удвоением частоты колебаний возникает вторая точка, или нота «до» на октаву выше. Период между двумя нотами «до», т.е. чистая октава, в древности делился на семь неравных частей, так как частота колебаний возрастает неравномерно. Если принять начальную ноту «до» за единицу, то числовое соотношение высоты вибраций в ведической философии будет следующим:

1:2 соответствует нотам «до» и «до'» (на октаву выше),

9:8 – нотам «до» и «ре»,

5:4 – нотам «до» и «ми»,

4:3 – нотам «до» и «фа»,

3:2 – нотам «до» и «соль»,

²⁴ Там же. С. 92-95.

5:3 – нотам «до» и «ля»,

15:8 – нотам «до» и «си»,

т.е. древняя числовая формула вибрационного Закона Семи, обычно считающегося некой эзотерической фантазией, безоговорочно относимой к области мистики, на самом деле представляет собой натуральный 7-ступенный обертоновый строй.

Затем Успенским выведено точное значение различий в ускорениях, или повышении, вибраций, или разницы между тонами:

между до и ре – $9/8 : 1 = 1,125$, или $9/8$;

между ре и ми – $5/4 : 9/8 = 1,111111\dots$, или $10/9$;

между ми и фа – $4/3 : 5/4 = 1,066666\dots$, или $16/15$;

между фа и соль – $3/2 : 4/3 = 1,125$, или $9/8$;

между соль и ля – $5/3 : 3/2 = 1,111111\dots$, или $10/9$;

между ля и си – $15/8 : 5/3 = 1,125$, или $9/8$;

между си и до – $2 : 15/8 = 1,06666666\dots$, или $16/15$.

Расстояние между двумя нотами, или различие в их высоте, называется интервалами. В космической октаве существует три вида замедления вибраций, или три вида интервалов:

1) до-ре, фа-соль, ля-си = $9/8$,

2) ре-ми, соль-ля = $10/9$,

3) ми-фа, си-до = $16/15$,

которым соответствует расстояние между семью нотами натурального диатонического звукоряда.

Как отмечает Успенский, «...Закон Октав во всех его проявлениях был известен древнему знанию. Даже наше деление времени, т.е. дней недели, на рабочие дни и воскресенья, связано с теми внутренними условиями и качествами, присущими нашей деятельности, которые подчинены общему закону. Библейский миф о сотворении мира в шесть дней и о седьмом дне, когда Бог отдыхал от трудов своих, также выражение Закона Октав или, хотя и неполное, указание на него»²⁵.

Строение космоса также отражалось в большой космической нисходящей октаве, состоящей из семи нот:

1) Луч творения, или нота «до'», начинается с Абсолютного. Абсолютное есть всё. Всё, обладающее полным единством, полной волей, полным сознанием, создаёт в себе миры, таким образом, начиная нисходящую мировую октаву;

2) Абсолютное творит в себе – это соответствует ноте «си». Интервал между «до» и «си» в этом случае заполнен волей Абсолютного;

3) «си» переходит в «ля», которым для нас является наш звездный мир, Млечный Путь;

4) «ля» выливается в «соль» – наше Солнце;

²⁵ Там же. С. 112.

- 5) «соль» переходит в «фа» – мир планет, или Солнечную систему;
- 6) «ми» космической октавы – это наша Земля;
- 7) Луна являет собой «ре» той же октавы;

Затем следует второе «до» – Ничто. Между Всем и Ничем проходит Луч творения.

Закон Семи применялся не только по отношению к внешнему строению вселенной, но и к самой её сущности. Так, проявление единой Жизни выразило себя в семи эманациях, или Лучах, образующих восходящую Октаву, физическим соответствием которых стали планеты солнечной системы:

- 1) Луч Могущества или Воли – нота «до». Он использует ту планету, которая эзотерически замещается Солнцем.
- 2) Луч Любви-Мудрости – нота «ре». Он выражает себя главным образом через планету Юпитер.
- 3) Луч Активного Интеллекта – нота «ми». Его проявление – планета Сатурн.
- 4) Луч Гармонии, Красоты и Искусства – нота «фа». Эманлирующая от него активность раскрывается через Меркурий.
- 5) Луч Конкретного Знания и Науки – нота «соль». Проявляется себя через Венеру.
- 6) Луч Преданности и Идеализма – нота «ля». Марс – планета его выражения.
- 7) Луч Церемониального Порядка или Магии – нота «си» – соответствует Луне²⁶.

Таким образом, исторический обзор различных подходов к философии числа, проявляющего себя через звуковысотные соотношения, помог выявить, что 7-ступенная диатоническая музыкальная система – это многосоставное явление, и собственно звуковая составляющая не объясняет всех особенностей её строения. Для раскрытия всего комплекса её концептуальных модулей, в частности, такого феномена, как симметричность и упорядоченность, необходимо учитывать взгляды учёных, обращавшихся к данной проблеме с древнейших времён.

Объём статьи позволяет лишь бегло обрисовать авторские концепции, объединяющие число и звук с самыми разными категориями – от природных явлений до сложных философских построений. Они, разумеется, не исчерпывают затронутую проблематику, но убедительно демонстрируют, что теории, дошедшие до нас из Древности и Средневековья, не должны отвергаться и могут быть критически переосмыслены с современных позиций. Некоторые сферы знания, обычно относимые к эзотерике и религиозной мистике, зачастую имеют под собой вполне научные обоснования. Исторические изыскания в этих

²⁶ Бейли 2012. С. 31-34.

сферах могут привести к интересным открытиям и выявить основания некоторых научных феноменов, весьма известных, но, несмотря на многочисленные исследования, не до конца разъяснённых.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Атлас тибетской медицины. Альбом. М.: ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998. 592 с.
- Бейли А. Трактат о семи лучах. Т. 1. Эзотерическая психология. М.: Амрита, 2012. 640 с.
- Бычков В.В. Эстетика Аврелия Августина. М.: Искусство, 1984. 264 с.
- Гвидо Аретинский. Пролог к антифонарию / Пер. с лат. и комментарии Р.Л. Поспеловой // Sator tenet opera rotas. Юрий Николаевич Холопов и его научная школа. М., 2003. С. 48-67.
- Герасимова К.М. О каноне пропорций по текстам из Ганчжура и Данчжура // Исследования по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1976. С. 104-117.
- История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: В 5 т. Т. 1. Античность. Средние века. Возрождение / Отв. ред. М.Ф. Овсянников. М.: Изд. Академии художеств СССР, 1962. 682 с.
- Клюев А.С. Музыка как модель мироздания // Мысль. Ежегодник Санкт-Петербургского философского общества. № 4. СПб., 2000. С. 134-144.
- Лосев А.Ф. Античная музыкальная эстетика. М.: Музгиз, 1960. 304 с.
- Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики // Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение. М., 1995. С. 405-602.
- Малая история искусств. Искусство Древнего Востока / Ред. В. Афанасьева, В. Лукоцин, Н. Померанцева. М.: Искусство, 1976. 376 с.
- Музыкальная эстетика Западной Европы XVII–XVIII вв. / Сост. В. Шестаков. М.: Музыка, 1971. 688 с.
- Музыкально-энциклопедический словарь / Глав. ред. Г.В. Келдыш. М.: Сов. Энциклопедия. 1990. 672 с., илл.
- Успенский П.Д. Психология возможной эволюции человека. Космология возможной эволюции человека. Перевод с английского Л.М. Руткевича и Д.С. Басова. СПб.: ИГ «Весь», 2001. 192 с.
- Холопов Ю.Н. Гармония: Теоретический курс. СПб.: «Лань». 2003. 544 с., илл.
- Brackenridge J. Kepler, Elliptical Orbits, and Celestial Circularity: A Study in the Persistence of Metaphysical Commitment. Part II / Annals of Science, 39(3), 1982. P. 117-143.
- Kepler J. Harmonices Mundi. 1619. URL: <https://archive.org/details/foanniskeplerlih00kepl> (время доступа 26.05.2016)
- Kepler J. The Harmony of the World / Tr.: Dr Juliet Field, introd. and notes by E.J. Aiton, A.M. Duncan, J.V. Field. Philadelphia: American Philosophical Society, 1997. 549 p.
- Kircher A. Musurgia universalis. URL: https://books.google.ru/books?id=Fr1CAAAAacAAJ&printsec=frontcover&dq=кирхер+Musurgia+universalis&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwiC3_GFYvTMAhWjA5oKHe2NC78QuwUINTAE#v=onepage&q&f=false
- Thimus A.F. von. Die Harmonische Symbolik des Alterthums. New York, 1972. 450 p.
- Walker D.P. Kepler's celestial music // Studies in Musical Science in the Late Renaissance. London: Warburg Institute, 1978. P. 34-62.

REFERENCES

- Atlas tibetskoi meditsiny. Al'bom. M.: ООО «Izd-vo AST-LTD», 1998. 592 s.
- Beili A. Traktat o semi luchakh. T. 1. Ezotericheskaya psikhologiya. M.: Amrita, 2012. 640 s.
- Bychkov V.V. Estetika Avreliya Avgustina. M.: Iskusstvo, 1984. 264 s.
- Gvido Arretinskii. Prolog k antifonariyu / Per. s lat. i comment. R.L. Pospelovoi // Sator tenet opera rotas. Yurii Nikolaevich Kholopov i ego nauchnaya shkola. M., 2003. S. 48-67.
- Gerasimova K.M. O kanone proporsitii po tekstam iz Ganchzhura i Danchzhura // Issledovaniya po istorii i filologii Tsentral'noi Azii. Ulan-Ude, 1976. S. 104-117.
- Istoriya estetiki. Pamyatniki mirovoi esteticheskoi mysli: T. 1. Antichnost'. Srednie veka. Vozrozhdenie / Red. M.F. Ovsyannikov. M.: Izd. Akademii khudozhestv SSSR, 1962. 682 s.

- Klyuev A.S. Muzyka kak model' mirozhdaniya // Mysl'. Ezhegodnik Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva. № 4. SPb., 2000. S. 134-144.
- Losev A.F. Antichnaya muzykal'naya estetika. M.: Muzgiz, 1960. 304 s.
- Losev A.F. Muzyka kak predmet logiki // Losev A.F. Forma – Stil' – Vyrazhenie. M., 1995. S. 405-602.
- Malaya istoriya iskusstv. Iskusstvo Drevnego Vostoka / V. Afanas'eva, V. Lukonin, N. Pomerantseva. M.: Iskusstvo, 1976. 376 s.
- Muzykal'naya estetika Zapadnoi Evropy XVII–XVIII vv. / Sost. V. Shestakov. M.: Muzyka, 1971. 688 s.
- Muzykal'no-entsiklopedicheskii slovar' / Glav. red. G.V. Keldysh. M.: Sov. Entsiklopediya. 1990. 672 s., ill.
- Uspenskii P.D. Psikhologiya vozmozhnoi evolyutsii cheloveka. Kosmologiya vozmozhnoi evolyutsii cheloveka / Per. s angl. L.M. Rutkevicha i D.S. Basova. SPb.: Ves', 2001. 192 s.
- Kholopov Yu.N. Garmoniya: Teoreticheskii kurs. SPb.: «Lan'». 2003. 544 s., ill.
- Brackenridge J. Kepler, Elliptical Orbits, and Celestial Circularity: A Study in the Persistence of Metaphysical Commitment. Part II // Annals of Science, 39(3), 1982. R. 117-143.
- Kepler J. Harmonices Mundi. 1619. URL: <https://archive.org/details/ioanniskeplerih00kepl>
- Kepler J. The Harmony of the World / Tr.: Dr Juliet Field, introd. and notes by E.J. Aiton, A.M. Duncan, J.V. Field. Philadelphia: American Philosophical Society, 1997. 549 p.
- Kircher A. Musurgia universalis. URL: https://books.google.ru/books?id=Fr1CAAAAcAAJ&printsec=frontcover&dq=kirkher+Musurgia+universalis&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwiC3_GFyvTMAhWjA5oKHe2NC78QuwUINTAE#v=onepage&q&f=false
- Thimus A.F. von. Die Harmonische Symbolik des Alterthums. New York, 1972. 450 p.
- Walker D.P. Kepler's celestial music // Studies in Musical Science in the Late Renaissance. London: Warburg Institute, 1978. P. 34-62.

Юлия Александровна Бражникова, кандидат искусствоведения, преподаватель Школы искусств г. Нерунгры; iuna7@mail.ru

Historical origin of numeral symbolism of diatonic scale

This article discusses the history of the origin and formation of the semantics of number as a philosophical, theological, arithmetic category in one of the most fundamental musical-theoretical systems – 7-step white-key scale. The aim of this study proves that the establishment of diatonic in its modern form was based not only on mathematical and acoustic properties of the sound. It has been an ideological basis under it, based on an understanding of the meaning of numbers and derived proportions as the basis of everything. Genesis supersymmetric diatonic system includes several levels of scientific knowledge, and music theory can not claim exclusivity among its. The high degree of order in diatonic originated from composition of mentality characteristics, built up during several eras and periods step by step. It became necessary in the course of their study to draw analogies with some precepts elaborated by the ancient Indian religious philosophy, which official science attributed to the category of esoteric, and try to include them in the academic vocabulary. The result of this work could be considered a development perspective interdisciplinary study of this problem, which lies at the crossroads of history, philosophy and theoretical musicology. This approach was first proposed the outstanding Russian scholar A.F. Losev at the beginning of the twentieth century. Music sees in it not only as an art form, but as a sounded crystallization of philosophical sense of number and his value as a kind of all-encompassing category that reflects the world order and symmetry.

Keywords: number, diatonic, music history, music theory, Pythagorean temperament, the music of the Middle Ages

Yuliya Brazhnikova, Ph.D. in Art History, teacher of Art School, Nerungry, iuna7@mail.ru

А. Н. НИКОЛАЕВА

К ВОПРОСУ О РОЛИ БИБЛИОТЕК В «ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕСПУБЛИКЕ» СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

В статье рассмотрен вопрос о роли, которую сыграли библиотеки в процессе формирования «Литературной Республики» североамериканских колоний Великобритании накануне Войны за независимость. Исследован процесс появления в колониальной Америке первых публичных подписных библиотек – Филадельфийской, обязанной своим созданием, в первую очередь, Бенджамину Франклину, и Чарльстонской, которые сохранили в своих архивах богатейший материал о первом этапе собственной истории. Сделан вывод о том, что библиотеки создавали в североамериканском обществе совершенно новую сферу «публичного пользования разумом», что вело со временем к зарождению феномена общественного мнения.

Ключевые слова: библиотека, книжный клуб, Филадельфийское библиотечное общество, Чарльстонское библиотечное общество, «Литературная Республика», «революция чтения», общественное мнение

В современном социально-гуманитарном знании наблюдается устойчивая тенденция к исследованию феномена политических (властных), экономических, интеллектуальных и иных элит как прошлого, так и настоящего. Изучение просвещенной элиты в североамериканских колониях Великобритании – «глашатаев революции», как назвал ее Бернард Бейлин, всегда занимало особое место в американской историографии. Но интерес к способам распространения и усвоения колониальной элитой идей Века Просвещения стал по-настоящему значительным в исторической науке США во второй половине XX – начале XXI в. Большой вклад в изучение социокультурных институтов и практик Раннего Нового времени внесли «новая интеллектуальная» и «новая культурная» история. Так, Дэвид Шилдс подробно рассмотрел социокультурные пространства и практики Северной Америки (клубы, таверны, кофейни, салоны, балы и, конечно же, библиотеки) как особые институты, связанные с развитием как элитарной модели поведения высших кругов, так и просветительских ценностей и идеалов¹. Процесс зарождения и развития института публичных библиотек в колониальную эпоху также освещается в совсем недавно опубликованных исследованиях Кэтрин Уиллис, Уэйна Виганда, Тома Глинна².

В статье «Человек Просвещения» современный итальянский историк Джузеппе Рикуперати пишет об одной из важнейших идеологиче-

¹ Shields 1997.

² См., например: Glynn 2015; Wiegand 2015; Willis 2011.

ских конструкций Enlightenment, а именно, архетипе, восходящем ещё к универсализму Средних веков, в соответствии с которым каждый «мудрец принадлежал к особой общности, лежавшей вне государства и вне конфессий и управлявшейся собственными законами»³. И если в средневековье эта иллюзорная общность была христианской по своей сути, то в Новое время она стала исключительно светской и «благодаря своей эластичности и устойчивости»⁴ нашла новую почву для объединения – пространство европейской культуры. Данное сообщество учёных и писателей из разных стран, не имевшее ни политических, ни национальных границ, но позволявшее им свободно вести диалог друг с другом, «с лёгкой руки» французского философа XVII столетия Пьера Бейля получило имя «Литературной Республики» (*la République des Lettres*). Таким ёмким и элегантным словосочетанием Бейль назвал созданный им в 1684 г. журнал⁵. Функционирование «Литературной Республики» в Европе эпохи Просвещения обеспечивалось интенсивным развитием института личной переписки в этот период⁶, а также было связано с появлением совершенно новых форм взаимодействия интеллектуалов на страницах журналов, на заседаниях в научных и литературных академиях и даже на музыкальных вечерах в светских салонах. Со второй половины 1970-х гг. и до настоящего времени в западной историографии появилось значительное число исследований космополитической «Литературной Республики» в Европе и Северной Америке XVIII в. Особое внимание в них уделяется роли этого феномена в эскалации патриотического движения и Войне за независимость США, а также разрушению Старого порядка во Франции⁷. В нашей работе мы предпринимаем попытку комплексного рассмотрения роли, которую сыграли частные и публичные библиотеки в формировании «Литературной Республики» в колониальной Америке XVII–XVIII вв.

Чтение книг стало значительным феноменом в жизни просвещенной элиты североамериканских колоний уже в первой половине XVIII в.⁸ В Бостоне, столице Новой Англии, книги представляли собой доходный товар, позволявший предприимчивым буржуа-пуританам создать солидные состояния. Дж. Дантон, лондонский продавец книг, регулярно посещавший Массачусетс с деловыми визитами, утверждал

³ Мир Просвещения... 2003. С. 17.

⁴ Там же.

⁵ *Goldgar* 1995. P. 2.

⁶ В эпоху Просвещения эпистолярная практика абсолютно завоевала просвещённое общество: все больше и больше людей слышало о ней, училось ей по книгам и в школах, приобретало специальные инструменты для успешной ее реализации, и, наконец, стало воспринимать ее как постоянную и неотъемлемую часть своей повседневной жизни.

⁷ См., например: *Fiering* 1976; *Goodman* 1991; *Ostrander* 1991.

⁸ *A Companion...* 2000. P. 76.

в своих записках, что он был желанен для местной образованной публики, «как подкисший эль в летнюю пору»⁹. Книги, преобладавшие на бостонском рынке, имели религиозную и дидактическую направленность. Около половины из 800 книг, заказанных в Лондоне торговцем Дж. Ашером, представляли собой различные издания Библии, молитвенники и проповеди. В библиотеке священника Дж. Гарварда, завещанной созданному им колледжу, с одной стороны, ведущее место занимали работы по теологии (1717 наименований из 2961), а с другой – наблюдался недостаток классической и современной художественной литературы (266 наименований, среди которых Гораций, Софокл, Овидий, Шекспир, Мильтон). Динамично развивающийся в Новой Англии книжный рынок не отразил проникновения вольнодумных идей в головы американцев: ортодоксальный конформизм пуританского мировоззрения и жесткий контроль над печатью со стороны законодательной власти ограничивали распространение полемической и фривольной литературы, характерной для европейского Просвещения.

Об одном из самых выдающихся библиофилов Новой Англии начала XVIII века рассказывает в своей книге американская исследовательница Хелен Брюнер. Преподобный Томас Принс (1687–1758), в течение долгого времени прослуживший пастором в Бостоне, начал коллекционировать книги ещё в возрасте семнадцати лет. Главным объектом его интереса стали религиозные трактаты и проповеди известных деятелей церкви в Великобритании, как и сочинения колониальных священников, а главной целью его деятельности, по собственному признанию, было стремление сохранить для потомков «самые значительные труды своих современников», которые иначе были бы навсегда утрачены¹⁰. Томас Принс завещал свою личную библиотеку (её каталог, опубликованный в 1870 г., включал 1899 томов, в том числе такие раритетные издания, как «Индийская библия» доктора Элиотта на алгонкинском языке или Массачусетская книга псалмов – самое первое издание, напечатанное на североамериканском континенте) церкви, а в XIX в. на основе этого внушительного собрания был создан исторический книжный клуб его имени.

На юге североамериканских колоний (Виргиния, Мэриленд, Северная и Южная Каролина) библиотеки представителей плантаторской аристократии носили сугубо утилитарный характер с преобладанием книг юридического, агрономического и медицинского содержания. По мнению Д. Бурстина, обладание книгами древнегреческих и древнеримских классиков было символом престижа для джентри-землевладельцев, но и к чтению трудов Плутарха, Аристотеля и Плиния Старшего они подходили, прежде всего, с практических позиций получения

⁹ Цит. по: *Бурстин* 1993. С. 337.

¹⁰ *Bruner* 1947. P. 4.

полезной информации о человеке, природе, истории¹¹. Более того, несмотря на восхищение «золотым веком поэзии и республики», плантаторы были слишком глубоко проникнуты духом деловитости и погружены в маленький мирок повседневных забот, предпочитая черпать необходимые для процветания своего хозяйства сведения из практического опыта, а не из книг. Вообще в первой половине XVIII века библиотека джентльмена в Виргинии, составлявшая более 100 книг, была редким явлением, а в описях имущества крупнейших поместий того времени среди утвари можно обнаружить всего лишь 10–20 наименований печатных изданий (библиотека Уильяма Бирда-второго с 3600 наименований считалась выдающейся для своей эпохи)¹².

Нельзя не согласиться с мнением известного библиотековеда Телмы Итон, которая, характеризуя истоки и состояние библиотечного дела в колониальной Америке, утверждала, что в XVII веке оно представляло собой в огромной степени заимствование опыта, накопленного европейскими странами. Направления, по которым развивалась североамериканская библиотечная практика, имели много общего с начальными путями становления библиотек в Европе и, прежде всего, в Англии¹³. В течение достаточно долгого времени здесь доминировали частные библиотеки плантаторской аристократии и богатых буржуа, которые, несмотря на непреходящее значение в деле сохранения культурной преемственности между Старым и Новым Светом, всё же не могли из-за присущей им закрытости и ориентации на очень узкий круг читателей выполнять просветительскую миссию, подобно общедоступным библиотекам. В данном контексте значительным шагом стало появление в Северной Америке библиотек совершенно нового типа, а именно, *библиотек колледжей*, впоследствии ставших универсальными книгохранилищами высших учебных заведений США¹⁴. Первая такая библиотека на территории колоний – Гарвардская – была создана в 1636 г. В 1693 г. была открыта библиотека при колледже Уильяма и Мэри в Виргинии, а в 1701 г. – при Йельском колледже в Коннектикуте. Формировались фонды библиотек колледжей на благотворительные пожертвования частных лиц – представителей колониальной просвещённой элиты (джентри, священников, врачей, юристов).

Из-за слабого развития книготорговли¹⁵ до середины XVIII в. обмен популярными произведениями и литературными новинками Просвещения имел в южных колониях весьма ограниченный характер.

¹¹ Бурстин 1993. С. 346.

¹² Там же. С. 345.

¹³ Eaton 1961. P. 13.

¹⁴ Скворцов 1974. С. 38.

¹⁵ Как вспоминал Франклин, в годы его молодости «ни в одной из колоний к югу от Бостона не было приличной книжной лавки». Франклин 1987. С. 418.

Особое место в процессе формирования здесь «Литературной Республики» принадлежало публичным библиотекам-клубам, самая первая и значительная из них¹⁶ – Филадельфийское библиотечное общество (*Library Company of Philadelphia*), созданное Бенджамином Франклином в 1730 г. «Я набросал план и устав, – вспоминал он, – и попросил искусного нотариуса мистера Чарльза Брокдена придать этим документам законную форму, согласно которой каждый подписчик обязывался внести определенную сумму на покупку книг, а затем вносить столько-то в год на пополнение библиотеки. Так мало читателей было в то время в Филадельфии, и большинство из них были так бедны, что мне при всем старании удалось найти всего пятьдесят человек, главным образом из молодых купцов, готовых заплатить по сорок шиллингов вступительного взноса и далее вносить по десять шиллингов в год. С этим маленьким капиталом мы и начали дело. <...> книги были выписаны и получены; библиотека была открыта один раз в неделю, и в этот день подписчики брали книги на дом под обязательство заплатить двойную стоимость, если они не будут возвращены в срок. Нашему примеру скоро последовали в других городах и в других провинциях. Библиотеки пополнялись благодаря пожертвованиям, чтение вошло в моду, и наши люди, за неимением общественных увеселений, которые могли бы отвлечь их от чтения, все больше тянулись к книгам...»¹⁷. Среди учредителей первой публичной библиотеки Северной Америки, помимо Франклина, были такие известные персоны, как полковник Джекоб Дуче – мэр Филадельфии и отец первого капеллана Континентального конгресса, выдающийся юрист Уильям Колман и Уильям Пламстед – впоследствии один из основателей Университета Пенсильвании.

В 1742 г. у Филадельфийского библиотечного общества появилась собственная хартия, а в 1741 г. впервые был опубликован сводный каталог его фондов. В 1770 г. вышло в свет второе дополненное издание каталога, открывавшееся кратким рассказом об истории библиотеки. Этот рассказ содержал возвышенную апологию «лучшему из институтов» Просвещения: «Среди разнообразных способов распространения знаний ни один не достигает этой цели лучше, чем публичная библиотека. Данный институт является настолько богатым и щедрым по своей природе, что он способствует в кратчайшие сроки просвещению всех тех, кто желает самосовершенствоваться. Для каждого друга книги должны быть доступны не только богатства, найденные в личных коллекциях... Таким образом, когда благодаря библиотекам люди получают возможность ближе познакомиться с науками и искусствами, справедливо было бы ожидать разрешения важных вопросов и роста

¹⁶ В «Автобиографии» Франклин справедливо назвал Филадельфийское библиотечное общество «матерью всех североамериканских публичных библиотек».

¹⁷ Франклин 1987. С. 418-419.

общественного благосостояния»¹⁸. Стремление создателей Филадельфийского библиотечного общества к просветительству подтверждалось невероятным разнообразием каталога, в котором, помимо трудов по естественным, точным и гуманитарным наукам, приводилось описание богатейших коллекций старинных манускриптов, карт, научных приборов (среди них – камера обскура, микроскоп и аппарат по производству электричества), а также монет, минералов, насекомых и рептилий¹⁹.

Другая знаменитая колониальная публичная библиотека – Чарльстонское библиотечное общество (*Charles-Town Library Society*) – была создана в 1748 г. группой молодых и образованных представителей элиты Южной Каролины (среди учредителей было девять купцов, двое плантаторов, печатник, школьный учитель, врач и юрист)²⁰. В преамбуле к уставу, опубликованному вместе со списком 129 членов в «*South Carolina Gazette*» в апреле 1750 г., в красноречивых и несколько напыщенных выражениях провозглашалась главная цель создания библиотечной компании – сохранение в Новом Свете европейского интеллектуального наследия и спасение будущих поколений американцев от культурной деградации до уровня автохтонного индейского населения. Согласно уставу, главный орган правления компании – общее собрание ее членов – собиралось на заседания раз в год и избирало руководство компании в составе президента, вице-президента, казначея, библиотекаря, корреспондента, секретаря и управляющего. Уставом учреждалась официальная печать библиотечного общества, размеры вступительных и еженедельных взносов, а также штрафов, взимаемых с его действительных членов в случае нарушения ими устава²¹.

К 1772 г. Чарльстонское библиотечное общество имело в своей коллекции почти 1000 книжных наименований в 1800 томах самой разнообразной тематики (прежде всего, книги исторического и религиозного содержания, произведения древнегреческих и древнеримских классиков, английская поэзия и проза XVII–XVIII вв.). Либеральная направленность основателей компании проявилась в значительном интересе к политической мысли английских вигов раннего Просвещения, труды которых в Чарльстонском библиотечном обществе были представлены «Двумя трактатами о правлении» Дж. Локка, «Письмами Катона» Дж. Тренчарда и Т. Гордона, «Заметками о Дании» Р. Молсворта, «Размышлениями о правительстве» А. Сиднея, «Характеристиками людей, манер, мнений и времени» Э.Э. Купера графа Шефтсбери²². В 1773 г., следуя примеру Пенсильвании и Южной Каролины, публич-

¹⁸ The Carter, *Laws and Catalogue...* 1770. P. 3.

¹⁹ Ibid. P. 5-7.

²⁰ Davis 1979. P. 522.

²¹ Original Rules and Members... 1922. P. 164-166.

²² Davis 1979. P. 524.

ные библиотеки с абонементом были организованы У. Эйкманом в Аннаполисе и Дж. Ратчеллом в Балтиморе (Мэриленд). В 1754 г. с разрешения губернатора Де Ланси в старом здании мэрии была открыта публичная библиотека Нью-Йорка, а в 1760 г. – публичная библиотека в Салеме (Массачусетс). Всего во второй половине XVIII в. в Северной Америке существовало более десятка общедоступных библиотечных компаний. Некоторые из них (например, Бостонский Атенеум) сохранились до настоящего времени.

Следует отметить, что все перечисленные библиотечные компании (Филадельфия, Чарльстона, Нью-Йорка, Аннаполиса, Балтимора и Салема) имели общую и весьма значительную особенность: они организовывались по подписке (и относились к типу т.н. *subscription libraries*, или «подписных библиотек») на деньги из вступительных взносов и пожертвований богатейших граждан колоний. Руководители библиотечных обществ составляли «совет попечителей», принимавший важные решения административно-хозяйственного характера, занимавшийся вопросами комплектования фонда новой литературой и кадровой политикой – приёмом на работу и увольнением библиотекарей, переплётчиков и других штатных сотрудников. За свою службу наёмные работники библиотек получали жалованье в размере, назначенном руководством компаний. Из источников первой половины XVIII в. известно, что первым профессиональным библиотекарем в колониальной Америке стал печатник Луис Тимоти, который выдавал книги посетителям Филадельфийского библиотечного общества каждую среду с 14.00 до 15.00 и каждую субботу – с 10.00 до 16.00²³. После отъезда Тимоти из Пенсильвании в течение непродолжительного времени его читателей обслуживал сам Бенджамин Франклин.

Такое пристальное внимание великого учёного и одного из «отцов-основателей» США к развитию библиотечного дела в колониальной Америке может показаться удивительным. Однако в эпоху, когда образование считалось своеобразной панацеей от социальных конфликтов и политических кризисов, подобный взгляд был весьма распространён в сообществе интеллектуалов. Так, огромное внимание вопросам организации и реформирования внутренней работы библиотек уделял Готфрид Вильгельм Лейбниц. Библиотека в понимании Лейбница представляла одним из звеньев интегрированной системы знаний, в которую также входят архивы, издательства, школы и университеты, и поэтому книги, собранные в ней, должны, прежде всего, представлять научную и педагогическую ценность и энциклопедически охватывать все знания²⁴. Значительную роль в превращении гер-

²³ The Rise of Subscription Libraries...

²⁴ Володин 2002. С. 108.

цогской библиотеки Веймара в крупный научный и культурный центр сыграл Иоганн Вольфганг Гёте.

В Новое время библиотека стремительно меняла собственные ориентиры, прежде всего, в сфере обслуживания читателей – она становилась общедоступной. Более того, в колониальном обществе XVIII века публичная подписная библиотека была не только книгохранилищем, но и серьёзным социальным институтом, в котором воплотились значительные достижения буржуазии в борьбе за эмансипацию и, прежде всего, стремление нового круга читателей, в большинстве своём не имевших доступа к институтам власти, создать независимую общественную организацию. Залы публичных библиотек становились местом многочисленных собраний, где можно было обсудить прочитанное и поделиться собственным мнением, и со временем они превращались в своеобразные коммуникационные центры в области чтения. Таким образом, будучи совершенно новым явлением в жизни колониального общества, публичные библиотеки-клубы интенсифицировали три важнейших процесса эпохи Просвещения в Северной Америке: способствовали развитию демократических форм общения, потому что их решения принимались на основе поименного голосования без учета социального статуса; изменяли культурный уровень и ценностные ориентации участников, поскольку уставы строго регламентировали нормы поведения во время заседаний; создавали ранее неизвестную сферу «публичного пользования разумом»²⁵, в которой заинтересованные граждане могли в стороне от властей обсуждать государственные проблемы²⁶. Появление общественного мнения – один из результатов этого процесса. Также нельзя не отметить, что американские подписные библиотеки по своей организации и социальным функциям были сходны с т.н. «абонементными библиотеками», расцвет которых имел место в Европе второй половины XVIII в.²⁷, и это позволяло весьма успешно интегрировать колониальную «Литературную Республику» в пространство трансатлантической «Литературной Республики».

По замечанию Р. Дэвиса, Виргиния была единственной из североамериканских колоний Великобритании, где до начала Войны за независимость 1775–1783 гг. так и не появилось ни одной публичной биб-

²⁵ Термин, впервые использованный И. Кантом.

²⁶ Мир Просвещения... 2003. С. 300-301.

²⁷ Согласно данным, которые приводит Р. Виттман, в Англии к 1801 г. их количество составляло не менее тысячи. В 1780–1790-х гг. во всех крупных городах Германских земель (например, Франкфурте-на-Майне, Мюнхене и Карлсруэ) существовали подобные библиотеки. Они, по замечанию Виттмана, идеально подходили «для экстенсивного чтения, быстро распространявшегося в среднем сословии. Те, кто по социальным, финансовым причинам и причинам местожительства не мог стать членом общества чтения, имел возможность удовлетворить свои потребности в литературе всех жанров в абонементных библиотеках» (Виттман 2008. С. 391).

лиотеки²⁸. Виргинские джентри, обладавшие значительными связями и финансовыми средствами, предпочитали заказывать в Англии интересующую их литературу, а личные библиотеки плантаторов (например, библиотеки Т. Джефферсона, Дж. Вашингтона, Р.Г. Ли, Дж. Мэдисона) по размеру и разнообразию могли соперничать с книжными коллекциями Чарльстонского и Аннаполисского библиотечных обществ. Американский историк Дж.К. Сمارт, в течение многих лет занимавшийся исследованием каталогов библиотек виргинских джентри, разделял книги из них на следующие тематические группы: 1) философия и право (23% наименований); 2) наука и техника (11%); 3) античные языки и литература (26%); 4) история, биографии и путешествия (15%); 5) религия (12%); 6) английская художественная литература (13%)²⁹.

Согласно Дж.К. Смарту, самым любимым древним автором у представителей плантаторской просвещенной элиты был Овидий, из греков наиболее часто в книжных коллекциях джентри встречаются Гомер, Ксенофонт, Платон, Аристотель, Гесиод и Демосфен, из римлян – Цицерон, Вергилий, Гораций, Сенека, Саллюстий и Теренций Варрон. Большую популярность также имели «Сатиры» Ювенала, «Басни» Эзопа и «Жизнеописания» Плутарха. В коллекциях английской художественной литературы из библиотек джентри видное место занимали как авторы елизаветинского периода и Реставрации (Шекспир, Бен Джонсон, Поуп, Мильтон, Драйден, Джон Донн), так и писатели-сентименталисты XVIII столетия (Ричардсон, Стерн, Филдинг). Не менее солидно в библиотеках плантаторов были представлены труды по точным и естественным наукам, научные энциклопедии и словари. Нельзя не согласиться с французским историком школы «Анналов» П. Шоню, указывавшим на особую роль книг (в первую очередь, научных монографий и справочных изданий) в формировании критического мышления человека Раннего Нового времени: «Отныне они [книги. – А.Н.] представляют собой... уже не украшение, и даже не просто знание, но особого рода орудия человека, козыри в его жизненном предприятии... Книга – это инструмент, ...она ставит свои возросшие силы на службу новой этике знания. Знания, которое, как и хотела того логика Просвещения, опирается на разум и органы чувств»³⁰.

Значительная роль чтения в жизни представителей просвещенной элиты североамериканских колоний XVIII в. подтверждается источниками личного происхождения той эпохи. В дневнике Джона Адамса, известного в кругу современников своей любовью к книгам, можно встретить много записей, свидетельствующих о ценности этой практики для образованных колонистов не только с информационной, но

²⁸ Davis 1979. P. 526.

²⁹ Smart 1938. P. 31-32.

³⁰ Шоню 2008. С. 273.

главное – с общекультурной точки зрения. Для Адамса чтение было необходимым привычным занятием и даже одной из важнейших потребностей. Как утверждает биограф Адамса Дж. Маккалоу, «он читал Цицерона, Тацита и других своих римских героев по-латыни, а также Платона и Фукидида на греческом, который он считал величайшим языком. Чтобы исследовать “лабиринт” человеческой природы, ...он обратился к Шекспиру и Свифту и, возможно, носил с собой во время путешествий Сервантеса или томик английской поэзии»³¹. Обширная библиотека, собранная Адамсом в течение жизни, включала классические сочинения Плутарха, Вергилия, Горация, Гомера, Эзопа, Лукреция, философские трактаты Шефтсбери, Болингброка, Беккариа, Монтескье, Франклина, Христиана Вольфа, лирику Мильтона и Поупа, прозу Стерна и Филдинга, а также номера популярного в XVIII в. журнала Аддисона и Стила «Зритель» (*Spectator*). Ни дня не проходило для него без чтения и конспектирования трактатов по юриспруденции, философии, политике, произведений античных классиков, английской поэзии и прозы, о чем с необыкновенной аккуратностью и постоянством он сообщал на страницах своего дневника:

9 мая 1756 г. С прошлого воскресенья я поработал над несколькими страницами «Зрителя», прочитал последнюю часть «Аналогии» Батлера, написал цитаты из трактата о личности, а также из трактата о природе добродетели. Плохая работа за неделю!³²;

23 мая 1756 г. На этой неделе я прочитал один том работ Дункана Форбса и половину «Проповедей» Бэнтли...³³;

30 мая 1756 г. Прочитал часть первого тома «Века Людовика XIV» Вольтера³⁴;

9 октября 1758 г. Читал «Трактат о собственности» Жилберта. Я обязан хорошо ознакомиться с этой книгой³⁵;

21 декабря 1758 г. Вчера и сегодня я читал вслух «Четыре сенатских речи против Катилины» Цицерона. Сладость и великолепие их звучания, а также гармония их числа доставляют читателю немало удовольствия, даже если он не понимает их смысла...³⁶;

30 декабря 1765 г. Читал «Жизнь короля Генриха VIII» Шекспира³⁷.

Другим известным библиофилом из числа «отцов-основателей» был Томас Джефферсон. Когда в 1770 г. во время страшного пожара дотла сгорела его усадьба в Шедделе, самым страшным ударом для молодого адвоката и депутата законодательной ассамблеи Виргинии стала гибель книг из любимой и бережно собираемой в течение многих лет

³¹ McCallough 2001. P. 19.

³² Adams 1850–1856. V. 2. P. 17.

³³ Ibid. P. 18.

³⁴ Ibid. P. 21.

³⁵ Ibid. P. 39.

³⁶ Ibid. P. 52.

³⁷ Ibid. P. 170.

библиотеки. «Возможно, вы не слышали о постигшей меня утрате, – сокрушался Джефферсон в письме к близкому другу Джону Пейджу. – Я имею в виду дом моей матери, сгоревший в огне, а в нем – все мои бумаги, все мои книги. По самым скромным подсчетам их стоимость составляет не менее 200 фунтов стерлингов. Видит Бог, если бы речь шла только о деньгах, это не стоило бы мне и вздоха! ... Мои книги исчезли, как бесплотное видение, ни следа не оставив за собой»³⁸. В том же году Джефферсон начал собирать новую библиотеку с еще большей страстью и целеустремленностью, чем прежде. Первый список книг, заказанных им в Англии, включал сочинения Локка и Монтескье, Юма и Блэкстоуна, Вольтера и Руссо. Почти треть места заняли в библиотеке древнегреческие и древнеримские авторы (поэзия Гомера, Вергилия, Овидия, Горация, Лукана; исторические труды Фукидида, Полибия, Плутарха, Тита Ливия, Тацита, Корнелия Непота, Саллюстия, Аммиана Марцеллина; философские труды Платона и Аристотеля, Эпикура и Демосфена, Цицерона и Сенеки). Томас Джефферсон очень любил живопись и музыку, сам рисовал, играл на скрипке, и неудивительно, что к литературе, посвященной изящным искусствам, он относился с особым вниманием (в его собрании были трактаты Вазари и Леонардо да Винчи о живописи, двухтомная монография Ч. Барни о современной музыкальной культуре в Европе). Получив блестящее образование в колледже Уильяма и Мэри в Уильямсбурге, он прекрасно разбирался не только в гуманитарных, но и в математических и естественных дисциплинах, коллекционируя книги по астрономии и физике (Галлилея, Ньютона, Гюйгенса, Тихо Браге), естественной истории (Френсиса Бэкона, Ламарка, своего друга Бенджамина Раша), географии (Гумбольдта)³⁹. В 1773 г., через три года после пожара, библиотека Джефферсона насчитывала уже 1254 книги, а в 1783 г. – 2640 томов. Находилась она теперь не в Шедвеле, а в Монтичелло⁴⁰.

В нашей статье⁴¹ мы подробно рассмотрели ту важную роль, которую сыграл Б. Франклин в процессе формирования пенсильванской «Литературной Республики». Впрочем, следует отметить, что знаменитый учёный, просветитель и общественный деятель не был первым коллекционером книг из Филадельфии. Здесь, в первую очередь, следует остановиться на фигуре Джеймса Логана, прибывшего в Пенсильванию в 1699 г. в роли секретаря собственника колонии Уильяма Пенна. По свидетельствам современников, Логан был одним из самых образованных людей своей эпохи: он читал и писал на пяти языках (английском, французском, древнегреческом, древнееврейском и латыни), бле-

³⁸ *Jefferson* 1892–1899. P. 468–469.

³⁹ *The Library of Thomas Jefferson*...

⁴⁰ *Согрин* 1989. С. 46.

⁴¹ *Николаева* 2013.

стяще знал математику и в течение многих лет возглавлял латинскую школу в Бристоле. Значительный интерес, который испытывал Джеймс Логан к точным и естественным наукам, не мог не найти отражения в структуре его личной библиотеки. Особое место здесь занимали: «Математические начала натуральной философии» И. Ньютона, «Философия ботаники» и «Система природы. Царство животных» К. Линнея, работы Клавдия Птолемея по математике, географии и механике небесных тел, «Исторический и критический словарь» П. Бейля. Не менее увлечённо Логан коллекционировал и произведения английской художественной литературы, как «шедевры старых мастеров» (Чосера, Шекспира, Мильтона), так и современных авторов (Дефо, Свифта, Поупа и др.)⁴². Ещё при жизни Логана пенсильванского просветителя его библиотека, для которой он построил отдельное здание на углу Ореховой и Шестой улицы, стала доступной для публики. Также нельзя не сказать, что именно Джеймсу Логану, пользовавшемуся безграничным уважением в просвещённых кругах Пенсильвании, было поручено Франклином выбрать первые 43 наименования книг для Филадельфийской библиотечной компании. Среди них видное место занимали произведения античных классиков (например, «Жизнеописания» Плутарха и «Анналы» Тацита), книги по географии, биологии, математике, лингвистике, политологии, архитектуре, сельскому хозяйству, а также учебники, словари и знаменитые журналы («Spectator», «Tatler», «Guardian») ⁴³.

Пристальное внимание представители колониальной просвещённой элиты уделяли детскому чтению, придирчиво отбирая те книги, на которых должны были расти их сыновья и дочери. В эпоху Просвещения лучшими детскими книгами считались не развлекательные, а поучительные произведения, в которых было место не только запоминающимся стихам и красивым иллюстрациям, но и познавательным текстам о природе, обществе, истории и морали. Одним из известных детских писателей XVIII в., чьи произведения пользовались большой популярностью в Северной Америке, был англичанин Джон Ньюбери – автор «Маленькой прелестной карманной книги» (*Little Pretty Pocket-book*), «Новой игрушки для ребенка» (*New Child's Play-Thing*), «Известной истории Жилия “Имбирного Пряника”»: маленького мальчика, который жил, учась» (*The Renowned History of Giles Gingerbread*). Ньюбери были близки идеи Джона Локка о постепенном воспитании разума и души ребенка, об учении через игру, и в каждой своей книге он стремился сочетать дидактические цели с целями развлекательными, чтобы их юные читатели, подобно главному герою «Известной истории», буквально «поглощали» новые знания, усваивая ценности долга и твердой

⁴² Bruner 1947. P. 6.

⁴³ Wright 2002. P. 148.

морали, хорошо себя вели и слушались родителей⁴⁴. Известно, что дети Джона Адамса (Абигейл, Джон Квинси, Чарльз и Томас) выросли на книгах Ньюбери, а «История Жилия» была самым любимым произведением маленького Джона Квинси.

Известный французский историк, один из ведущих современных специалистов по изучению социокультурных практик Раннего Нового времени Роже Шартье в своей монографии «Культурные истоки Французской революции» пишет о коренных изменениях, которые произошли в манере чтения образованной публики в Европе и Северной Америке в эпоху Просвещения. «Новый стиль чтения», по мнению Шартье, отличали несколько характерных черт: «непостоянство читателя, сталкивающегося с более многочисленными и менее долговечными текстами, индивидуализация чтения, которое происходит в основном в тиши и одиночестве, утрата чтением своего авторитета и культового характера». Интенсивное развитие института периодической печати, появление большого числа читален в кофейнях и публичных библиотек, а также стремительно увеличивавшийся поток печатной продукции (газет, журналов, памфлетов, брошюр, любовных и авантюрных романов), который буквально «затопил» книжные лавки XVIII века, – всё это способствовало десакрализации читательских практик. Более того, исследователь считает возможным говорить о своеобразной «революции чтения» (*révolution de lecture*), охватившей западный мир в Раннее Новое время и выразившейся в переходе к экстенсивной, ориентированной на получение информации и практической пользы модели чтения⁴⁵.

Иной аспект «революции чтения» выделил в статье из сборника «История чтения в Западном мире от античности до наших дней» немецкий исследователь Рейнхард Виттман. Историк указывает, что «концепция чтения» позднего Просвещения была «сентиментальной» (*sentimental*) по своему характеру: «Чтение, в котором индивидуальная страсть читающего, изолировавшая его от окружающей действительности и общества, сочеталась с жадной общением и сопричастности через обращение к чтению... Возникли новые, небывалые прежде доверительные отношения и даже воображаемая дружба между автором и читателем, между издателем и тем, кому литературная продукция предназначалась»⁴⁶. Новый тип «интенсивного чтения» стал определяющим для образованной публики в Англии, Франции и Германии 1770–1780-х гг., а его широкое распространение в европейских странах было связано с огромной популярностью сентиментальных романов Самуэля Ричардсона, Жан-Жака Руссо, Иоганна Вольфганга Гёте.

⁴⁴ Monaghan 2007. P. 321.

⁴⁵ Шартье 2001. С. 102–104.

⁴⁶ Виттман 2008. С. 375.

Насколько возможно говорить о «революции чтения» (в понимании Виттмана) в колониальной Америке, о массовом «эмоциональном уходе» читателя в свой внутренний мир применительно к североамериканскому обществу в эпоху, когда происходили коренные изменения в его социально-политическом устройстве? На первый взгляд, трудно найти литературу, более чуждую мировоззрению практичных и глубоко религиозных «отцов-основателей», чем сентиментальные романы. Так, Б. Раш в трактате «Мысли о женском образовании» в числе наиболее вредных занятий для юных девушек называл, в первую очередь, чтение романтической литературы. В его представлении женское образование, как и американское образование в целом, должно базироваться на двух столпах: на принципах республиканизма и христианской религии⁴⁷. Среди произведений художественной литературы в разделе «Беллетристика» (*Belles Letters*) каталога библиотеки Томаса Джефферсона упоминаются трагедии и хроники Шекспира, комедии Мольера, «Декамерон» Бокаччо, классика древнегреческой и древнеримской литературы, однако в нём нет ни одного сентиментального романа, популярного во второй половине XVIII в.⁴⁸ Вместе с тем, как отмечает Виттман, сентиментальная «революция чтения» в Европе не помешала «овладению политическим сознанием»⁴⁹ буржуазией, а наоборот, способствовала росту её «антиавторитарных» тенденций. Однако более обстоятельный ответ на этот вопрос требует глубинного анализа источников личного происхождения североамериканской элиты.

Подводя итог, нельзя не отметить важную роль публичных и частных библиотек в формировании «Литературной Республики» в североамериканских колониях Великобритании. Охватывая менее обширное социальное пространство по сравнению с прессой, ориентируясь на более состоятельную и рафинированную публику по сравнению с тавернами, колониальные библиотеки вместе тем не менее способствовали приобщению своих читателей к выдающимся произведениям античной культуры и европейского просвещения, достижениям науки и техники, развитию критического мышления и вкуса. Быть начитанным и хорошо осведомлённым о книжных новинках для представителей колониальной элиты было так же престижно, как носить модный фрак или посещать балы в доме губернатора. Все эти социокультурные институты, высокий уровень грамотности колонистов, религиозная свобода, отсутствие жестких социальных барьеров способствовали тому, что к началу Войны за независимость культура Enlightenment обрела здесь поистине всеобъемлющий и даже «национальный» характер.

⁴⁷ Короткова 2005. С. 33.

⁴⁸ The Library of Thomas Jefferson...

⁴⁹ Виттман 2008. С. 390.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бурстин Д. Американцы: Колониальный опыт: пер. с англ. М., 1993.
- Виттман Р. Революция чтения в конце XVIII века? // История чтения в Западном мире от античности до наших дней / ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье. М., 2008. С. 359-398.
- Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек. СПб., 2002.
- Короткова С.А. Бенджамин Раш (1745–1813) и вопрос о реформе образования в США // Американский ежегодник 2005. М., 2007. С. 29-42.
- Скворцов В.В. Из истории библиотечного дела США // Библиотековедение и библиография за рубежом. 1974. Вып. 49. С. 36-52.
- Согрин В.В. Джефферсон. Человек, мыслитель, политик. М., 1989.
- Франклин Б. Автобиография // Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. Франклин Б. Автобиография. Pamфлеты. Креверкер де Сент-Джон М.-Г. Письма американского фермера. М., 1987. С. 325-504.
- Шартье Р. Культурные истоки Французской революции: пер. с англ. М., 2001.
- Шоню П. Цивилизация Просвещения: пер. с фр. Екатеринбург, 2008.
- A Companion to the American Revolution / ed. by J.P. Greene, J.R. Pole. Malden, Mass., 2000.
- Adams J. The Works of John Adams, second president of the United States. 10 vols. Boston, 1850–1856.
- Bruner H.M. Books and Libraries in Colonial America. San Francisco, 1947.
- Davis R.B. Intellectual Life in the Colonial South, 1658-1763. 3 vols. Knoxville, 1979.
- Eaton Th. Contributions to American library history. Michigan, 1961.
- Fiering N. The Transatlantic Republic of Letters: A Note on the Circulation of Learned Periodicals to Early Eighteenth-Century America // William and Mary Quarterly. 1976. V. 33. № 4. P. 642-660.
- Glynn T. Reading Publics: New York City's Public Libraries, 1754-1911. New York, 2015.
- Goldgar A. Impolite Learning: Conduct and Community in the Republic of Letters, 1680–1750. Yale University Press, 1995.
- Goodman D. Governing the Republic of Letters: The Politics of Culture in the French Enlightenment // History of European Ideas. 1991. V. 13. № 3. P. 183-199.
- Jefferson T. The writings of Thomas Jefferson: 10 vols. New York, 1892–1899.
- McCallough D. John Adams. New York, 2001.
- Monaghan J.E. Learning to Read and Write in Colonial America. Amherst (Mass.), 2007.
- Original Rules and Members of the Charles-Town Library Society // The South Carolina Historical and Genealogical Magazine. 1922. Oct. V. 33. № 4. P. 163-170.
- Ostrander G. Republic of Letters: The American Intellectual Community, 1776-1865. Madison House, 1991.
- Shields D. Civil Tongues and Public Letters in British America. Chapel Hill, 1997. 348 p.
- Smart G.K. Private Libraries in Colonial Virginia // American Literature. 1938. V. 10. № 1. P. 31-53.
- The Carter, Laws and Catalogue of Books, of the Library Company of Philadelphia. 1770.
- The Library of Thomas Jefferson. URL: <http://www.librarything.com/catalog/Thomas-Jefferson/monticello-libraryca1770s1815>.
- Wiegand W.A. A Part of Our Lives: A History of the American Public Library. N.Y., 2015.
- Willis C.J. Boston Public Library. Boston, 2011.
- Wright L. The Cultural Life of the American Colonies. New York, 2002.

REFERENCES

- Burstin D. Amerikantsy: Kolonial'nyy opyt. M., 1993.
- Vitman R. Revolutsiya chteniya v kontse XVIII veka? // Istoriya chteniya v Zapadnom mire ot antichnosti do nashikh dney / G. Kavallo, R. Shart'e. M., 2008. S. 359-398.
- Volodin B.F. Vsemirnaya istoriya bibliotek. SPb., 2002.
- Korotkova S.A. Bendzhamin Rash (1745–1813) i vopros o reforme obrazovaniya v SShA // Amerikanskiy ezhegodnik 2005. M., 2007. S. 29-42.
- Квортсов В.В. Из истории библиотечного дела SShA // Библиотековедение и библиография за рубежом. 1974. Вып. 49. С. 36-52.

- Sogrin V.V. Dzh Jefferson. Chelovek, myslitel', politik. M., 1989.
- Franklin B. Avtobiografiya // Bredford U. Istoriya poseleniya v Plimute. Franklin B. Avtobiografiya. Pamflety. Krevaker de Sent-Dzhon M.-G. Pis'ma amerikanskogo fermera. M., 1987. S. 325-504.
- Shart'e R. Kul'turnye istoki Frantsuzskoy revolyutsii. M., 2001.
- Shonyu P. Tsivilizatsiya Prosveshcheniya. Ekaterinburg, 2008.
- A Companion to the American Revolution / ed. by J.P. Greene, J.R. Pole. Malden, Mass., 2000.
- Adams J. The Works of John Adams, second president of the United States. 10 vols. Boston, 1850–1856.
- Bruner H.M. Books and Libraries in Colonial America. San Francisco, 1947.
- Davis R.B. Intellectual Life in the Colonial South, 1658-1763. 3 vols. Knoxville, 1979.
- Eaton Th. Contributions to American library history. Michigan, 1961.
- Fiering N. The Transatlantic Republic of Letters: A Note on the Circulation of Learned Periodicals to Early Eighteenth-Century America // William and Mary Quarterly. 1976. V. 33. № 4. P. 642-660.
- Glynn T. Reading Publics: New York City's Public Libraries, 1754-1911. New York, 2015.
- Goldgar A. Impolite Learning: Conduct and Community in the Republic of Letters, 1680–1750. Yale University Press, 1995.
- Goodman D. Governing the Republic of Letters: The Politics of Culture in the French Enlightenment // History of European Ideas. 1991. V. 13. № 3. P. 183-199.
- Jefferson T. The writings of Thomas Jefferson: 10 vols. New York, 1892–1899.
- McCallough D. John Adams. New York, 2001.
- Monaghan J.E. Learning to Read and Write in Colonial America. Amherst (Mass.), 2007.
- Original Rules and Members of the Charles-Town Library Society // The South Carolina Historical and Genealogical Magazine. 1922. Oct. V. 33. № 4. P. 163-170.
- Ostrander G. Republic of Letters: The American Intellectual Community, 1776-1865. Madison House, 1991.
- Shields D. Civil Tongues and Public Letters in British America. Chapel Hill, 1997. 348 p.
- Smart G.K. Private Libraries in Colonial Virginia // American Literature. 1938. V. 10. № 1. P. 31-53.
- The Carter. Laws and Catalogue of Books, of the Library Company of Philadelphia. 1770.
- The Library of Thomas Jefferson. URL: <http://www.librarything.com/catalog/Thomas-Jefferson/monticello-libraryca1770s1815>.
- Wiegand W.A. A Part of Our Lives: A History of the American Public Library. N.Y., 2015.
- Willis C.J. Boston Public Library. Boston, 2011.
- Wright L. The Cultural Life of the American Colonies. New York, 2002.

Николаева Александра Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий библиотечарь Тамбовской универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина; alexandra.nik@mail.ru

On the role of libraries in the “Literary Republic” of the North American colonies on the eve of the War for Independence

The article considers the role played by libraries in the process of forming the “Literary Republic” of the North American colonies of Great Britain on the eve of the War of Independence. The process of appearance of the first public subscription libraries (Philadelphia Library, and Charlestonian Library), which preserved in their archives the richest material on the first stage of their history, was investigated in more detail. It is concluded that the libraries created in the North American society a completely new sphere of “public use of reason”, which led eventually to the emergence of the phenomenon of public opinion.

Keywords: reading books, library, book club, the Philadelphia Library Society, Charleston Library Society, Literary Republic, “reading revolution”, public opinion

Aleksandra Nikolaeva, Ph.D., Senior Librarian of "A.S. Pushkin Tambov Universal Scientific Library"; alexandra.nik@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В САН-ФРАНЦИСКО

Настоящая статья, основанная на зарубежных источниках и литературе, посвящена деятельности Литературно-художественного кружка (1923–1970-е гг.) и Кружку поэтов и писателей в Сан-Франциско, его деятелям и изданиям. Если первый сборник, «Дымный след», был издан в 1925 г., то последний, «Русская женщина в эмиграции», увидел свет в 1970 г. В приложении даны биографии деятелей печати и сведения по отдельным издательствам.

Ключевые слова: Литературно-художественный кружок, Кружок поэтов и писателей в Сан-Франциско, издатель и литератор Пётр Балакишин

Русская эмигрантская литература является неотъемлемой частью русской словесности. Представители всех ветвей русской эмиграции оставили после себя память в виде художественных произведений, научных трудов, мемуаров, публицистики. Особенно богатым оказался период первой половины XX века, когда в ходе Гражданской войны в России и после нее за границей в числе беженцев оказалось большое число образованных людей, испытывавших потребность в литературном творчестве. Русские книги и журналы издавались в Париже, Праге, Харбине, Шанхае, Нью-Йорке, Сиднее и менее крупных городах.

Если деятельность русских литераторов в Европе и Китае проанализирована довольно тщательно, то тема литературного творчества русских в США остается недостаточно неразработанной. Особенно это касается тихоокеанского побережья США, в частности, Калифорнии. Сведения о русских литераторах, собранные в известных трудах¹, ограничиваются чаще всего восточным, атлантическим побережьем, поскольку именно там находились крупнейшие русские издательства и жили наиболее известные писатели и поэты (Владимир Набоков, Василий Аксенов, Сергей Довлатов). С другой стороны, недостаток внимания к «тихоокеанским» литераторам можно объяснить труднодоступностью источников: информация о них рассредоточена по множеству коллекций, причем большая часть находится в частных архивах.

Занимаясь в течение двадцати лет историей русской эмиграции на тихоокеанское побережье Америки, автор изучил все крупные американские собрания, содержащие сведения о жизни и деятельности русских общин и их отдельных представителей в этом регионе США. Удалось познакомиться *de visu* и с большинством изданий, выпущенных здесь русскими: книгами, брошюрами, журналами. Таким обра-

¹ Словарь поэтов Русского Зарубежья 1999; Штейн 1978.

зом, по крупицам собирались данные о литературном творчестве русских эмигрантов в Сан-Франциско. Их анализ позволяет сделать вывод, что при неоднозначности вклада, который внесли русские эмигранты в литературу, их творчество заслуживает внимания как попытка рассказать о пережитом и выразить себя.

Одним из первых русских издателей в Сан-Франциско стал бывший военный инженер и эсперантист Ф.А. Постников. В январе 1906 г. Постников эмигрировал в США, где продолжил образование в Калифорнийском университете, занимался журналистской и общественной деятельностью. Со своими единомышленниками Федор Алексеевич стал издавать еженедельную «Русскую газету» (1921. № 1–11). Что касается его издания, то: «не пришлось говорить о каком-либо направлении газеты, не было не только направления, но и достаточных средств»². Вскоре «Русская газета» закрылась, а ее редколлегия – Ф.А. Постников, М.М. Рот, И.Я. Еловский и Е.П. Грот стали собираться вместе за чашкой чая. «Результатом этих собраний явился маленький журнальчик “Родные мотивы” с произведениями местных авторов и с рассказом известного писателя С.И. Гусева-Оренбургского, посетившего тогда С.-Франциско»³.

Организаторами Литературно-художественного кружка стала русская молодежь, приехавшая из Китая. На заседании 11 ноября 1923 г. «Председатель собрания Ющенко выступил с прекрасной речью о значении литературы в ее благотворном влиянии на душу человека, указывал на необходимость полного отсутствия политической тенденции, призывал присутствующих отдаваться литературно-художественному делу, как чему-то истинно высокому и светлому и т.д.»⁴. Тогда членами кружка стали Г.Р. Ванц, Н.И. Дудорова, Е.А. Малоземова, В.Ф. Пешехонов, В.Н. Яковлева и др. Осенью 1924 г. Литературно-художественный кружок окончательно сформировался. Председателем избрали А.П. Ющенко, секретарем Н.И. Дудорова, членами правления стали А.В. Громыко, Е.А. Малоземова и С.П. Ковалев, а в ревизионную комиссию вошли Г.Н. Максимов, В.Ф. Пешехонов и В.Н. Аничков.

«Деятельность Литературного кружка в текущем сезоне, – отмечалось в первом отчете, – была очень разнообразна. Ряд открытых вечеров («Вечер Поэзии Ужаса», лекция поэта А. Масаинова «О современных течениях в русской поэзии», лекция проф. Кауна на тему «Чему учит Леонид Андреев», спектакль «Блики русского юмора») чередовались с интимными литературными пятницами, устраиваемыми регулярно – два раза в месяц. Доклады на общелитературные темы и произведения вызвали оживленный обмен мнений среди присутству-

² Грот 1966. 3 дек.

³ Е.М. 1925. Вып. 1. С. 121.

⁴ Немо 1923. 16 ноября.

ющих»⁵. Один вечер В.Ф. Пешехонов посвятил разбору «Теории конструктивизма» Эрэнбурга. Е.А. Малоземова сделала сообщение «Эволюция русской критической мысли». Е.П. Грот рассказала о поэзии Сергея Есенина. Одну из «пятниц» посвятили памяти А. Аверченко. На нем прозвучали произведения известного юмориста. Деятельно участвовала в заседаниях кружка правнучка Е.А. Баратынского – поэтесса О.А. Ильина. В 1922 г. она приехала в Харбин, затем эмигрировала через Шанхай в США и жила в Сан-Франциско.

Вскоре выходит первый сборник «Родные мотивы»⁶. «Выпуская в свет наш маленький сборник, – писала редакция, – мы имеем в виду посильное служение нашей родной любимой русской литературе, переживающей сейчас такой тяжелый кризис. Каковы бы ни были наши художественные достоинства, и какой бы суд не произнесла над нами читающая публика, мы представляем из себя передовой отряд, с большим трудом пробивающий дорогу русскому печатному художественному изданию в Америке. Существование русского литературного издания в Америке нужно и необходимо для объединения сейчас разрозненных по всей Америке русских литераторов, так и для самой читающей публики, все время скучающей о родной русской книге, о русской поэзии, о русском языке»⁷. После двух выпусков «Родных мотивов» выходит сборник «Дымный след»⁸. В нем были опубликованы произведения не только авторов из Сан-Франциско, но и русского шанхайца Михаила Щербакова.

Борьба за существование, а у некоторых – занятия в американских университетах, не позволили регулярно собираться. Только в июне 1939 г. на квартире почетного члена Елены Петровны Грот выбрано временное правление: Е.П. Борзова, Л.В. Глинчикова, Е.А. Гуменская, Е.А. Малоземова, З.П. Степанова и Н.А. Шебеко. На первом заседании Грот прочла доклад на тему «Сравнение русской современной поэзии в Париже, на Дальнем Востоке и в Советской России». Вторая лекция прошла в Калифорнийском университете в Беркли. Елизавета Андреевна Малоземова сделала сообщение «До-Петровские медицинские воззрения в некоторых произведениях древней русской литературы»⁹. В заседании принимали участие Ю.Г. Братов, С.Н. Болховитинова, М.Г. Визи, Н.Н. Языков и др. Впоследствии все заседания проходили в помещении Русского центра в Сан-Франциско.

Организатором многих литературно-музыкальных вечеров и спектаклей в Сан-Франциско была Е.П. Грот, приехавшая в США летом

⁵ Е.М 1925. Вып. 1. С. 123–124.

⁶ Родные мотивы 1923. Вып. 1. 44 стр., ил. на обл.; 1924: Вып. 2. С. 32.

⁷ Издатели 1925. № 1. С. 1.

⁸ Дымный след 1925. № 1. С. 167.

⁹ Возобновление деятельности... 1939; В литературном кружке Берклея. 1940.

1916 г. вместе с мужем, который занимался там закупками военного снаряжения. Во время гражданской войны Елена Петровна жила во Владивостоке и печаталась в газете «Голос Родины». В 1921 г. она вернулась в США, где часто публиковала статьи в газете «Русская жизнь».

В отчете за 1939–1941 гг. отмечалось: «Около полторы тысяч человек посетили эти вечера. “Калейдоскопичность” вечеров дала возможность выступить с краткими докладами и представлениям русской молодежи». В литературной части выступили Е. и С. Борзовы, Ю. Братов, Е. Варнек, И. Вонсович, Е. Грот, Е. Исаенко, Г. Ланцев, А. Мазурова, Е. Малоземова, О. Масленников. Н. Рязановская и мн. другие».

В 1934 г. Литературно-художественный кружок издал «Калифорнийский альманах». Главным инициатором стал Петр Петрович Балакшин. В редколлегию вошли Балакшин, Н.Л. Лаврова, Е.А. Малоземова и В.И. Шнеерова. «Две главные идеи заложены в основание “Калифорнийского альманаха”. Одна узко-местная: предоставление страниц русским калифорнийским писателям, дабы поддержать и воодушевить их в их работе. Вторая идея обширна и должна иметь несомненное значение и ценность, как охватывающая всю зарубежную Россию»¹⁰.

В альманахе были опубликованы стихи Наталии Дудоровой, Таисии Баженовой, Юрия Братова, Бориса Волкова и др. Помимо художественных увидели свет немало публицистических произведений. Вышла и первая большая работа самого Балакшина – «Повесть о Сан-Франциско».¹¹ Писатель Леонид Федорович Зуров (1902–1971, Париж) прислал 18 августа 1934 г. такой отзыв о ней: «Особенно я почувствовал Вас, читая "Повесть о Сан-Франциско", – дыхание, которое ощущается помимо строк. Печальная и очаровательная вещь. Каждая глава необычайна, а в своей необычайности несет все тот же основной, свойственный Вам музыкальный мотив, в котором и преображенное чувство России, и гражданская война, и новое небо над Сан-Франциско, увиденное русскими глазами – тайный пейзаж».¹²

В другой своей работе, очерке «Эмигрантская литература», молодой писатель постарался ответить на вопросы «куда мы идем?» и «что же дальше?». «Литература теперь так автобиографична, как не была никогда. [...] Автобиографичность различна у писателей старшего поколения и у молодых. У первых она естественное завершение, особенно законное и неизбежное вследствие разрыва с той толщью жизни, которая питала их. У последних это выработалось в роман внутреннего действия. Устремляясь в себя, они чрез призму “я” усматривают (по крайней мере, стараются) предметы, иначе не открываемые невооруженному глазу. Для создания высоты птичьего полета нужно глубокое по-

¹⁰ От редакции 1934. С. 1.

¹¹ Балакшин С. 3–15.

¹² Библиотека Банкрофта... Коллекция писем П.П. Балакшина. Box 2, folder 43.

гружение в себя, только таким образом можно стать зрячим. Эмигрантская литература вся еще в будущем, пока только укладывает камни, по которым потом протащит сооружение своей стенобитной машины. Можно ее упрекнуть в том, что она еще ничего не сказала, но не будем требовательны! Наоборот, благословим ее за полное и ультимативное отсутствие Мессианства, равно как и за то, что она не создала (и, к счастью, не подает никаких признаков к этому) ни Винничество, ни пресловутой идеологии старой эмиграции – “Честности с собой”». ¹³

Издание книг в Америке стоило дорого, и Балакшин воспользовался своими связями в Китае, где он периодически публиковал свои работы. В Харбине, в типографии Н.Е. Чинарева и увидел свет «Калифорнийский альманах». Поэтому русские критики в Китае смогли первыми увидеть этот сборник, оцененный ими высоко¹⁴. Но, пожалуй, главная заслуга «Калифорнийского вестника» в том, что его коллектив организовал Цех русских журналистов и впервые в русском зарубежье поднял вопрос о сохранении авторских прав русских эмигрантов¹⁵.

Русские писатели в эмиграции не получали должного вознаграждения за свои статьи и рассказы, которые часто публиковались в зарубежных изданиях без ведома авторов. Балакшин писал: «Главным газетным браконьером оказался прибывший издатель новой газеты. Обладая ремеслом линотиписта, наборщика, печатника, фальцовщика, экспедитора, он с не меньшим совершенством развил в себе талант оперирования ножницами. Нехитрое дело редактора было подготовить номер газеты. На четвертак или полтинник можно было купить парижские газеты “Последние Новости”, “Возрождение”, “Россия и Славянство”, рижскую “Сегодня”, варшавскую “Меч” и другие и настругать из них хороший материал, не платя за него ни одного сантима. По беглому подсчету Цеха сотни и сотни статей и рассказов зарубежных писателей и журналистов, живших почти в нищете, обогащали без спросу и вознаграждения страницы его газеты. Так, например, за неполный год (1933–1934) неутомимый деляга-стригун вырезал 46 статей Андрея Седых, 30 – А. Амфитеатрова, около 40 статей П. Пильского (он же П. Трубников), свыше 50 рассказов Н. Тэффи, около 90 статей Г. Адамовича (Он же “Сизиф” и “Пэнг”). Только за май 1934 г. газета “Новая заря” перепечатала около 20 больших статей и большое количество маленьких заметок из “Последних Новостей”, около пяти из “Возрождения”, столько же примерно из “Сегодня”. Этим, пожалуй, и можно объяснить, что “Последние известия” имеются для продажи в одном магазине Сан-Франциско (русское население около 6000) только в количестве трех экземпляров»¹⁶.

¹³ Балакшин С. 135–136.

¹⁴ Н.Р. (Нат. Резникова) 1934. 3 марта.

¹⁵ Балакшин 1981. 22 авг.

¹⁶ Hamilton Library... P.P. Balakshin Papers. Коллекция П.П. Балакшина.

В начале мая 1934 г. «Цех» разослал свыше пятидесяти писем русским писателям и журналистам, работы которых особенно часто перепечатывались некоторыми русскими газетами в Америке без какого бы то ни было гонорара. «Цех» предлагал свое посредничество в деле переговоров с газетами и общую охрану авторских прав писателей и журналистов. Усилия «Цеха» сводились к тому, чтобы заставить эти газеты перейти на оплату, хотя бы незначительную, труда своих «вольных и невольных» сотрудников. Список посланных Цехом писем включал почти весь спектр зарубежной творческой мысли. В письмах сообщалось, что единственным мотивом кампании было обратить внимание писателей и журналистов на беспардонное обращение с их вещами, воздействовать на совесть редакторов-браконьеров и заставить их платить за перепечатанные вещи. Никакой выгоды для себя Цех не искал и добровольно отдавал этой кампании свои средства и время.

О том, насколько актуальной была эта проблема, говорят ответные письма. Надежда Тэффи (1876–1952, Париж) 16 мая 1934 г. писала: «Буду чрезвычайно благодарна, если Вы найдете возможным защитить мои интересы в Америке. Необходимо положить конец этому систематическому бесстыдному обкрадыванию несчастных эмигрантских литераторов американскими газетами»¹⁷. «Поднятый Вами вопрос о перепечатках имеет чрезвычайную важность, – писал Александр Валентинович Амфитеатров (1862–1938, Леванто, Италия), – и благоприятное его разрешение для нас, писателей с некоторой известностью, было бы если не спасением от нужды нас пожирающей, то, во всяком случае, великой поддержкой в борьбе за жалкое существование, которое мы осуждены владеть. Недавно умершего А.А. Яблоновского похоронили на свой счет сотрудники “Последних Новостей”, потому что среди сотрудников “Возрождения”, по их бедности, нельзя было сделать сбора. Между тем у Яблоновского чуть ли не каждая статейка перепечатывалась рядом зарубежных газет, да и прессой “лимитрофанов”. Если бы каждая перепечатка давала ему хоть 10 франков, он жил бы и умер безбедно, а не “в ужасных условиях”, о которых пишет мне Алданов. Тяжело всем без исключения. Бунин, если бы не получил премию Нобеля, пропал бы не лучше Яблоновского... Когда я вижу незаконную перепечатку своей статьи, то испытываю чувство нищего, с которого грабитель сдирает мало что рублище, но еще и суму...»¹⁸.

Балакшин старался поддерживать своих заочных друзей и откликался на любую просьбу. Вскоре ему пришлось помогать и Амфитеатрову, о бедственном положении которого написал 2 ноября 1934 г. Сергей Горный: «Пишу Вам сегодня “вне очереди”, срочно и доверительно. Дело касается одного деликатного и – горького – вопроса. Старику

¹⁷ The Bancroft Library... Коллекция писем П.П. Балакшина. Box 2, folder 33.

¹⁸ Там же. Box 1, folder 3.

Амфитеатрову сейчас очень плохо. Понимаете? Очень плохо. Затерло. Я его сосватал с кое-какими редакциями, но это все мало, мало, мало. Нужно еще что-нибудь сделать. Хоть каплю. Хоть одну каплю. А затем надо подбодрить. Помочь духом! Ведь он – кусок России. Не только внешнее имя, а нечто большее, яркое, озаренное. Кусок эпохи. Обломок. Осколок».¹⁹ Разумеется, Петр Петрович нашел возможность подержать Амфитеатрова, переписку с которым в связи с практикой самовольных перепечаток продолжал до 1937 г.²⁰

Единственным, кто решился на активную борьбу против хищнической практики перепечаток, был писатель Михаил Андреевич Осоргин (настоящая фамилия Ильин) (1878–1942, Шабри, Франция). Его рукопись «Сивцев Вражек» была издана американским издательством, что давало ему повод рассчитывать на защиту его творчества американским законом об авторских правах. Осоргин написал 23 августа 1934 г. из Парижа: «Против мародерства есть только одна управа действенная – суд. Я мог бы начать дело через литературного агента, ведущего мои дела, но такой путь дорого стоит (платить агенту, платить адвокату – и в заключение натолкнуться на “несостоятельность” ответчика). Скажите мне, считаете ли вы “Цех” лицом юридическим и может ли “Цех”, по моему уполномочию, начать дело против г. Сухова? Если да – используйте прилагаемое официальное письмо на имя “Цеха”, но лишь для действий юридических, а не “моральных воздействий”, которые ни к чему не приведут. Мои условия будут таковы: 1) я не несу никаких предварительных расходов по делу, 2) при выигрыше дела половину суммы, которая будет получена от ответчика, я передаю в фонд “Цеха русских журналистов в Калифорнии” на любую общественную цель по его усмотрению. [...] Следует прибавить, что так же, как Сухов, поступают и другие газетные издатели, в их числе владелец нью-йоркской газеты (кажется она называется “Новое русское слово”), и еще несколько европейских зарубежных газеток. Правом печатанья моих статей с копии располагает сейчас только парижская газета “Сегодня”. Взыскание с Сухова создало бы хороший прецедент. С газет иностранных, печатавших переводы без разрешений, я взыскал без особых проволочек и обращения к суду»²¹.

По данным Балакшина, «обидчиком» Осоргина был Г.Т. Сухов, редактор газеты «Новая заря», приехавший из Китая и издававший газету в течение 47 лет. В первые годы Сухов перепечатывал в своем издании очерки известных эмигрантских писателей без их ведома²². Спустя много лет Балакшин простил его: «Григорий Сухов был настоящий

¹⁹ Осколок эпохи. А.В. Амфитеатров: (Переписка) 1984. 12 июня.

²⁰ Балакшин 1938. 25 марта.

²¹ The Bancroft Library... Коллекция писем П.П. Балакшина. Box 2, folder 9.

²² Там же.

газетчик, – писал он, – самородок в своем роде. Газетное дело он знал в совершенстве, техническую часть его, деловую и редакторскую. Не оставив литературного наследия и не высказывая письменно своих мыслей, он вел газету с редким умением, насыщенностью и завидным внешним видом. Она была среди русских газет примером отличной наглядности, привлекшей к ней читателя»²³. Тогда же дело кончилось тем, что американский адвокат в Сан-Франциско взял на себя защиту авторских прав Осоргина и принудил редактора-браконьера сократить свою хищническую деятельность. Переписка между литераторами продолжалась и в дальнейшем, свидетельствуя чему – рецензия Осоргина на очередной сборник, изданный Балакшиным²⁴.

Помимо Балакшина участниками Цеха русских журналистов были Т. Баженова, Ю. Братов, Б. Волков и Н. Шапиро. Таисия Анатольевна Баженова (в замужестве Постникова), (1900–1978, Аламеда, Калифорния) «была признанной и оцененной по достоинству поэтессой. В свое время в Сан-Франциско был благожелательно отмечен и дружно отпразднован ее юбилей как поэтессы, писательницы и журналистки»²⁵. Она публиковала свои стихи и в газете «Новая заря» (Сан-Франциско), журналах «Врата» (Шанхай), «Феникс» (Шанхай) и др., собирала материалы о русских женщинах, вывезенных американцами в США, изучала быт молокан и русских сектантов, проживавших на Русской Горе в Сан-Франциско.

Актер, критик и литератор Ю.Г. Братов добрался до Сизтла на месяц раньше Балакшина и публиковался во многих его сборниках. До этого Юрий Георгиевич прошел Первую мировую и Гражданскую войны, получив орден солдатского Георгия, жил в Шанхае (с 1922), где работал в газете «Русское эхо». Перу Братова принадлежат воспоминания, повесть и несколько пьес, а также немало рецензий.

Нелегким был путь до Америки и у Б.Н. Волкова. После учебы на юридическом факультете Московского университета (1912–1915) он участвовал в Первой мировой войне, а в декабре 1917 г. присоединился к белым. Добравшись до Маньчжурии, Борис Николаевич выполнял секретные поручения, участвовал в боях, под видом археологической экспедиции собирал сведения в Монголии. В Урге Борис Волков женился на дочери бывшего советника при монгольском правительстве барона П.А. Витте. Тогда же он встретился с бароном Унгерном. Несмотря на “хорошее впечатление”, последовал приказ о его расстреле, но Волкову удалось бежать из-под стражи. Поселившись в Харбине, он опубликовал впечатления о приключениях в Монголии в 10 номерах

²³ Hamilton Library... P.P. Balakshin Papers. Балакшин П.П. Дань настоящему газетчику. 4 л. Рукоп. от 14 июня 1987.

²⁴ Осоргин 1937. 25 февр.

²⁵ Волкова 1978. 31 окт.

газеты «Новости жизни» (1921). В 1925 г. он уехал в Америку. «Трудны были эти годы, – писал он в апреле 1939 г. – Более двух лет я грузил и разгружал пароходы и около трех лет строю дома. Мы здесь в Америке или "ломимся сразу", или боремся до конца. Америку, несмотря на тяжелое житье, я полюбил по-настоящему»²⁶. Несмотря на трудности, Борис Волков смог опубликовать сборник стихов. Во время Второй мировой войны он работал переводчиком на судоремонтном заводе. Он публиковал работы в журналах «Рубеж», «Вольная Сибирь» и других изданиях, роман «Царство золотых Будд» остался в рукописи.

Бойким пером обладала Н.Л. Шапиро-Лаврова. Она начала публиковаться в 1915 г.: сначала в Приамурье в газетах «Благовещенское утро», «Амурское эхо», затем в Харбине: «Новости жизни», «Дело России», «Заря», «Русский голос», в Японии (1920–1921) писала для газет «Русское дело» и «Будущая Россия». Как и Балакшин, Шапиро приехала в Америку в составе студенческой группы. Поселившись в Сан-Франциско, она стала сотрудницей газеты «San Francisco Examiner» (1923 – май 1932), автором многих статей о русских эмигрантах на английском языке для американских изданий²⁷.

После окончания Второй мировой войны члены Литературно-художественного кружка стали вновь собираться вместе. Так родился сборник «У золотых ворот» (пролив, соединяющий Тихий океан с заливом Сан-Франциско, называется «Золотые ворота»). В предисловии отмечалось: «Сборник “У Золотых ворот” собрал некоторые сведения о культурной работе русских эмигрантов, живших и живущих в Сан-Франциско и его окрестностях. Для отдела “Дела и Люди” были использованы материалы из Музея-архива в русском центре и архива Литературно-художественного кружка, а также сведения, присланные русскими организациями и отдельными лицами из разных мест Калифорнии. В этом отделе было обращено внимание больше на то, ЧТО было сделано, чем на то, КТО участвовал в культурных достижениях. Ценное выбиралось из различных отраслей русской литературы, причем редакция избегала по возможности перечисления участвующих лиц»²⁸.

В 1964 г. Е.А. Малоземова от имени Литературно-художественного кружка опубликовала театральный сборник, в котором давались тексты пьес для использования на занятия русского языка²⁹.

Последним произведением Литературно-художественного кружка стал сборник, собранный Е. Малоземовой и посвященный русским женщинам в эмиграции³⁰. Он увидел свет в 1970 г. В предисловии го-

²⁶Hoover Institution Archives (USA). Collection Серебренников И.И., box 8.

²⁷Лаврова 1941. 24 дек..

²⁸ У Золотых ворот. 1957. С. 4.

²⁹ Театр семьи и школы: Сб. 1964. 151 с.

³⁰ Русская женщина в эмиграции: Сб. 1970. 244, 4 стр.

ворилось: «Литературно-художественный кружок в Сан-Франциско сердечно благодарит всех участников в создании этой книги. На наш газетный призыв откликнулось более ста женщин. Они прислали в редакцию две тысячи пятьсот страниц литературных произведений: рукописей, напечатанных уже книжек, статей, вырезанных из различных газет. Как «умудрились» русские женщины в изгнании опубликовать свои стихи и прозу в таком большом количестве? Замечательная сила воли! На нашу долю пришлось посланные тысячи РАЗ-бировать и ВЫ-бировать лучшее среди хорошего»³¹.

Следующим литературным объединением стал Кружок поэтов и писателей, основанный 6 декабря 1968 г. в помещении Лиги Русско-американских женщин³². «Идея создания Кружка поэтов и писателей созрела в ноябре 1968 г., когда гг. В.И. Дордополо, М.В. Имшенецкая, Н.В. и С.М. Похлебины и М.И. Смирнова подняли вопрос об объединении литературных сил в Сан-Франциско, по примеру уже существующих в других городах. Организационное Совещание состоялось 6-го декабря 1968 г. в помещении Лиги Русско-Американских Женщин уже в присутствии восьми приглашенных лиц. Выбрано было название кружка: «Литературные Встречи» и назначена первая Встреча на 17-ое января 1969 года. Таким образом 6-ое декабря 1968 года считается началом жизни Кружка. После этого деятельность «Литературных Встреч» начала быстро развиваться: уже четвертая Встреча насчитывала 24 человека, из которых 14 лиц было с литературным именем, известные по их книгам, а также и по литературным трудам в периодической прессе... Ко дню выпуска этого АЛЬМАНАХА, куда еще не вошли произведения некоторых членов Кружка, количество поэтов и писателей возросло почти вдвое. О работе, проводимой Кружком, уже много писалось как в местных газетах, так и иногородних. При Кружке создана своя библиотечка. Приступая к изданию этого АЛЬМАНАХА, Кружок предполагает издавать его несколько раз в год и будет рад получать от читателей их мнения о нем, которые будут приняты с благодарностью. Ввиду весьма ограниченного тиража АЛЬМАНАХА, Кружок просит всех лиц, интересующихся его изданием, присылать заранее свои заказы на следующие выпуски, которые по мере издания будут высылаться по указанным адресам с просьбой об уплате в пределах одного-полутора долларов за каждый номер»³³.

В работе над этой статьей автору помогли русский библиограф Гавайского университета (Гонолулу) Патриция Полански и заместитель председателя Музея русской культуры Ив Франкьен, которым приношу искреннюю благодарность.

³¹ Редакция 1970. С. 3.

³² Альманах: кружок поэтов и писателей «Литературные встречи» 1971.

³³ URL: <http://www.dordopolo.ru/cat1/>

ПРИЛОЖЕНИЕ: БИОГРАФИИ

Аничков, Владимир Петрович (1871–1939, Сан-Франциско). Окончил Высшее техническое училище в Москве. Директор банка в Симбирске. Член Сибирского правительства. Эмигрировал в США (1923). Жил в Сан-Франциско (с 1932), где открыл книжный магазин «Русская книга». Член Русского клуба, основал литературное общество «Труженики пера».

Баженова (в замужестве **Постникова**), **Таняиса Анатольевна** (1900–1978, Аламеда, Калифорния). 27 января 1918 опубликовала в омской «Заре» 1-е стихотворение. Жила в Харбине (с 1920), публиковала статьи в газетах «Русский голос» и «Заря». Здесь же хотела издать свой сборник стихов. Переехав в Сан-Франциско, сотрудничала с журналом «Земля Колумба» (редактор-издатель П.П. Балакшин). Публиковала стихи в газетах «Новая заря» (с 1928) и «Русская жизнь», в журналах «Врата» (Шанхай), «Феникс» (Шанхай) и др. Участвовала в литературной жизни Сан-Франциско. Собирала материалы о русских женщинах, вывезенных американцами в США, изучала быт молокан и русских сектантов на Русской горе в Сан-Франциско. Похоронена на Сербском кладбище в Колме.

Балакшин, Петр Петрович (1899–1990, Беркли, Калифорния). Окончил 6 классов Хабаровского реального училища и Военное училище Александра II в Москве, 4-месячный курс, унтер-офицер. Участник 1-й мировой и гражданской войн, прапорщик. 23 июня 1918 определен на службу в полосу отчуждения. Участвовал в боях против красных в составе Приморского драгунского полка и в отрядах генералов Смирнова и Волкова. Ранен под Екатериновкой в левое бедро (5 апр. 1919). Через Владивосток уехал в Японию, затем в Шанхай (1920). Эмигрировал по студенческой визе в США и жил в Сан-Франциско (с авг. 1923). Владелец книжного магазина Russian bookstore of Peter and Sophia Balakshin (Голливуд, 1925–26). Учился на факультете архитектуры Калифорнийского университета (Беркли, 1926–29). Во время учебы издавал газету «Русский медведь». Организовал Цех русских журналистов в Калифорнии (Т.А. Баженова, Ю. Братов, Б. Волков, Н. Лаврова) (1933). В декабре 1936 купил газету «Русская жизнь». С 13 марта 1948 по 21 мая 1951 служил в Исторической группе войск США. До мая 1955 жил в Японии, затем в Греции, Испании. С 1965 на пенсии. В США основал собственное издательство «Сириус», через которое издавал свои книги.

Братов, Юрий (Георгий) Георгиевич (1891–1956, Сан-Франциско). Из артистической семьи. Учился в кадетском корпусе. Участник 1-й мировой и гражданской войн, поручик, награжден медалью ордена солдатского Георгия. Приехал из Индии в Шанхай (1922), работал в газете «Русское эхо». Приехал в Сизтл (6 июля 1923). Жил в Сан-Франциско. Общественный и театральный деятель. Во время 2-й мировой войны симпатизировал СССР. Писал пьесы и рецензии.

Вантц, Герберт Робертович (1894–1978, Сан-Франциско). Окончил Морское инженерное училище. Капитан 2-го ранга (1920). Председатель Каюот-компании в Сан-Франциско. Автор двух книг. Похоронен на Сербском кладбище в Колме.

Волков, Борис Николаевич (1894–1953, San Mateo, Калифорния). Учился на юридическом факультете Московского университета (1912–15). Участник 1-й

мировой войны. В декабре 1917 присоединился к белым во время первых боев. В сербском вагоне добрался до станции Маньчжурия. В Харбине вступил в отряд полковника Орлова. С секретным поручением в Иркутске, откуда отправился к атаману Семенову. Под видом археологической экспедиции ушел через Забайкалье в Маньчжурию, где организовал свой отряд. В сентябре 1918 занял Троицко-Савск. В ноябре 1918 в Монголии с секретным поручением от министерства иностранных дел в Омске – для сбора сведений. В Урге женился на дочери бывшего советника при монгольском правительстве барона П.А. Витте. Тогда же встретился с бароном Унгерном. Несмотря на "хорошее впечатление", последовал приказ о его расстреле. Бежал из-под стражи и поселился в Харбине. В 1921 в 10 номерах газеты "Новости жизни" опубликовал под псевдонимом "Н.Н." свои впечатления о приключениях в Монголии. Торговый агент компании "Gilchrist and Co" и Тяньцзинской химической ассоциации. В 1925 уехал в Америку. Во время 2-й мировой войны переводчик на судоремонтном заводе. Автор рукописи романа "Царство золотых Будд". Публиковал работы в журналах "Рубеж", "Вольная Сибирь" и др. изданиях.

Громько, Анна Владимировна (1888–1968, Санта-Роза, Калифорния). Окончила Московский женский университет (1916). Занималась благотворительной деятельностью в Европе. Основала женский монастырь в Калистоге (Калифорния). Член Литературного кружка. Похоронена на Сербском кладбище в Колме.

Грот (урожд. **Баранова**, в замужестве **Grot**), **Елена Петровна** (1891–1968, Лос Гатос, Калифорния). Первые стихотворения опубликовала в «Нижегородском вестнике», затем печаталась в Ташкенте, где стихи вышли в литературном сборнике «Средняя Азия». Окончила Бестужевские курсы. Летом 1916 приехала с мужем в США, где он занимался закупками военного снаряжения. Во время гражданской войны жила во Владивостоке и печаталась в газете «Голос Родины». В 1921 вернулась в США. Вместе с Ф. Постниковым издавала «Русскую газету». Организатор литературно-музыкальных вечеров и спектаклей в Сан-Франциско. Сотрудник газет «Русские новости» и «Русская жизнь».

Дудорова (урожд. **Шульгина**), **Наталья Николаевна** (1889–1976, Пало-Альто, Калифорния). Родственница О. Ильиной. Жила в Пало-Альто. Публиковала стихи в сб. «Земля Колумба», «Русская женщина в эмиграции» и других периодических изданиях США.

Еловский, Иван Яковлевич (Elovsky, John J.) (1898–?). Офицер Оренбургского казачьего войска. Участник походов атаманов Дутова и Анненкова. Жил в Пекине. Со студенческой группой приехал из Харбина в США. Инженер. Жил в Лос-Анджелесе, сотрудник компании «Дженерал Моторс». Автор нескольких книг и пьес, написанных на английском языке.

Ильина (урожд. **Баратынская**), **Ольга Александровна (Пуп, Olga)** (26 июля 1894, Казань – 6 нояб. 1991, Сан Рафаэль, Калифорния). Правнучка Е.А. Баратынского. В 1917 вышла замуж за офицера Павлоградского гусарского полка. В 1922 приехала в Харбин. Затем через Шанхай уехала в Сан-Франциско. Деятельно участвовала в заседаниях Литературно-художественного кружка. В конце 2-й мировой войны перешла от поэзии к прозе на английском языке. Похоронена на Сербском кладбище в Колме.

Мазурова, Александра Николаевна. Окончила Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге. Выступала в театрах. Публиковала статьи и рассказы с 1919 («Русское слово», Нью-Йорк). Вела отдел «Женщины о жизни» в газете «Русская жизнь» (с 1942). Отличалась независимым характером, что стало поводом для «белых» считать ее «красной» и наоборот. Предпочитала заниматься физической работой, чтобы не поступаться своими принципами.

Максимов, Григорий Николаевич (1886–1946, Сан-Франциско). Окончил медицинский факультет Томского университета (1911). Работал на Амурской железной дороге, затем в Харбине. Эмигрировал в США (1922). Один из первых получил право медицинской практики, работал в больнице Калифорнийского университета, где преподавал. Один из основателей Общества русских врачей в Сан-Франциско, секретарь и председатель.

Малоземова, Елизавета Андреевна (Malozemoff, Elizabeth) (26 июля 1881, Санкт-Петербург – апр. 1974, Нью-Йорк). Жена бывшего управляющего «Лензолота», который жил в Англии. Эмигрировала в США. 1-я из русских женщин-эмигранток защитила в 1938 докторскую диссертацию «Иван Бунин как писатель прозы». Участвовала в Калифорнийском сб. (1934). Основала 1-й драматический кружок в Сан-Франциско (1923). Занималась вопросами сохранения русской культуры в Америке, неоднократно выступала по этому поводу в печати. Поддерживала обширную переписку со многими русскими писателями в эмиграции, в частности, с А. Оцупом, Д. Кленовским, Р. Березовым, И. Сабуровой, А. Ремизовым и др.

Масайнов, Алексей Алексеевич (1889–1968). Поэт. Участник альманахов эгофутуристов. В 1924 совершил путешествие из Франции в Полинезию, а затем в Сан-Франциско. Автор многих произведений. Жил в Лос-Анджелесе.

Пешехонов (псевдоним **В. Камский**), **Виктор Федорович (Peshehonoff, Victor Theodore)** (14 окт. 1878, Сарапул Вятской губ. – 17 июня 1950, Лос-Анджелес). Окончил юридический факультет Московского университета (1913) и драматическую школу Ф.А. Ухова в Москве (1910). Автор многих рассказов (с 1913). Предприниматель и любитель-артист, ставил спектакли в Сарапуле. Эмигрировал в США (1923), жил в Сан-Франциско и Лос-Анджелес, где поставил ряд любительских спектаклей. Статист, исполнял небольшие роли в Голливуде (1926–30).

Постников, Федор Алексеевич (Postnikov, Fedor Alexis) (F.A.Post) (29 февр. 1872, Ковно – 10 мая 1952, Литл-Рок / Little Rock, Арканзас). Окончил 1-е Павловское военное училище, Военно-воздухоплавательную школу и военную инженерную академию. С 1892 служил в 1-й роте Уссурийского казачьего войска. Капитан. Открыл в Обществе изучения Амурского края курсы эсперантистов (с 8 янв. 1904). Эмигрировал в США в январе 1906. Продолжил образование в Калифорнийском университете, занимался журналистской и общественной деятельностью. Опубликовал в сборнике «Русские мотивы» свой рассказ, который затем издал отдельным изданием. Повествует о скитаниях офицера, вынужденного заняться тяжелым физическим трудом. Представлял интерес для первых эмигрантов, прибывших в Америку после окончания Гражданской войны.

Рот (урожд. **Тулинова**, псевдоним **Бабушка Тулинова**), **Мария Михайловна (Roth Marie)** (1866–1942, Сан-Франциско). Жила в Швейцарии с 1905, затем приехала к детям в Сан-Франциско (1920), деятельно участвовала в церковной жизни, публиковала статьи и сказки в газете «Новая заря» (1942. 4 марта и др.) Опубликовала сборник для детей в Париже (?).

Ющенко, Андрей Павлович (Uschenko, Andrew) Прибыл в составе Сибирской флотилии (1923). Профессор. Основатель Литературно-художественного кружка в Сан-Франциско. Преподавал русскую филологию в Мичиганском университете. Автор монографий на русском и английском языках.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Библиотека Банкрофта, Калифорнийский университет в Беркли = The Bancroft Library. University of California, Berkeley. Коллекция писем П.П. Балакшина. Box 2, folder 43. Hamilton Library University of Hawaii. Northeast Asia Collection, P.P. Balakshin Papers. Балакшин П.П. Дань настоящему газетчику. 4 л. Рукоп. от 14 июня 1987. Hamilton Library University of Hawaii. Northeast Asia Collection, P.P. Balakshin Papers. Коллекция П.П. Балакшина. Hoover Institution Archives (USA). Collection Серебрянников И.И., box 8. The Bancroft Library. University of California, Berkeley. Коллекция писем П.П. Балакшина. Box 1, folder 3. The Bancroft Library. University of California, Berkeley. Коллекция писем П.П. Балакшина. Box 2, folder 33. The Bancroft Library. University of California, Berkeley. Коллекция писем П.П. Балакшина. Box 2, folder 9. The Bancroft Library. University of California, Berkeley. Коллекция писем П.П. Балакшина. Там же. Электронный ресурс: URL: <http://www.dordopolo.ru/cat1/>

Литература

- Альманах: кружок поэтов и писателей «Литературные встречи» / предисл. Вл. Дордополо (1 сент. 1971); ред. комитет: В.Н. Ант, В.И. Дордополо и О.А. Скопиченко. San Francisco: изд. Кружок поэтов и писателей «Литературные встречи». Сан Франциско, 1971. Балакшин П. Дела газетные // Русская жизнь. Сан-Франциско, 1981. 22 авг. Балакшин П.П. А.В. Амфитеатров: (Некролог) // Русские новости и жизнь. Сан-Франциско, 1938. 25 марта. Балакшин П.П. Повесть о Сан-Франциско // Калифорнийский альманах. С. 3–15. Балакшин П.П. Эмигрантская литература // Калифорнийский Альманах. Стр. 135–136. Возобновление деятельности русского Литературно-художественного кружка // Новая заря. 1939. 4 ноября; В литературном кружке Берклея // Новая заря. 1940. 14 мая. Волкова М. Памяти Таисии Баженовой: (Некролог) // Рус. жизнь. 1978. 31 окт. Грот Е. Из истории русской прессы в Сан-Франциско // Рус. жизнь. 1966. 3 дек. Дымный след: сб. литературно-художественного кружка. Сан-Франциско: Imprimerie des Alpes-Maritimes (Nice, France), 1925. № 1. 167с. Старая орфография. Адрес: А. Uchenko. 2239, Atherton St. Berkley. Е.М. Культурный уголок русской колонии в Сан-Франциско // Дымный след. 1925. Вып. 1. С. 121. Е.М. Культурный уголок русской колонии в Сан-Франциско // Дымный след. 1925. Вып. 1. С. 123–124. Издатели. К нашим читателям // Родные мотивы. 1925. № 1. С. 1. Лаврова Н. Достанте интервью: (Отрывок из очерка, который должен был появиться в № 3 «Земли Колумба») // Рус. жизнь. 1941. 24 дек. Н.Р. (Наг. Резникова). Калифорнийский альманах // Рубеж. 1934. 3 марта.

- Немо. Кое-что о литературно-художественном кружке в Сан-Франциско // Рус. жизнь. 1923. 16 ноября.
- Осколок эпохи. А.В.Амфитеатров: (Переписка) // Рус. жизнь. 1984. 12 июня.
- Осоргин М. (О 2-й кн. «Земля Колумба») // Последние новости. Париж, 1937. 25 февр.
- От редакции // Калифорнийский альманах. 1934. С. 1.
- От редакции // У Золотых ворот. 1957. С. 4.
- Редакция. Предисловие // Русская женщина в эмиграции. 1970. С. 3.
- Родные мотивы. San Francisco-Berkeley: Рус. круг / Изд. Рус.-лит. кружка в Сан-Франциско. 1923. Вып. 1. 44 стр., ил. на обл.; 1924: Вып. 2. [32] с. Адрес – Rus Krug. 156, Woodland. San Francisco, Вып 2 – Rus Krug. 1633, Dwight way. Berkeley.
- Русская женщина в эмиграции: (Сб.) / Предисл. ред. Вашингтон: Изд. Литературно-художественного кружка в Калифорнии; Munchen, Germany: Printer I. Baschkirzew Buchdruckerei, 1970. 244, 4 стр. На задней стороне тит. л.: Литературно-художественный кружок в Калифорнии, 1923–1970. На обл.: Литературно-художественный кружок в Сан-Франциско и в Берклее, 1922–1970. E. Malozemoff. Lake Road. Valley Cottage, N.Y. 10989; N. Presniakoff. 1639, Addison St. Berkeley.
- Театр семьи и школы: Сб. / Обл. худ. В.С. Новикова; Сост. Е.А. Малоземова. Сан-Паулу (Бразилия), 1964. 151 с.
- У золотых ворот: сб. Сан-Франциско: Изд. Литературно-художественного кружка (248, Santa Clara Ave. – Oakland, 10, California), [1957?]. 195 с., ил., портр. На обл.: Литературно-художественный кружок в Сан-Франциско, 1923–1957. Имеются разделы: Who is who among Russian Californians (С. 180-189); Published works in English by Russian writers and scientists during the last forty years (С. 189-191).

REFERENCES

- Al'manakh: kruzhek poetov i pisateley «Literaturnye vstrechi» / predisl. VI. Dordopolo (1 sent. 1971); red. komitet: V.N. Ant, V.I. Dordopolo i O.A. Skopichenko. San Francisco: izd. Kruzhek poetov i pisateley «Literaturnye vstrechi». San Francisco, 1971.
- Balakshin P. Dela gazetnye // Russkaya zhizn'. San-Frantsisko, 1981. 22 avg.
- Balakshin P.P. A.V. Amfiteatrov: (Nekrolog) // Russkie novosti i zhizn'. San-Frantsisko, 1938. 25 marta.
- Balakshin P.P. Povest' o San-Frantsisko // Kaliforniyskiy al'manakh. S. 3–15.
- Balakshin P.P. Emigrantskaya literatura // Kaliforniyskiy Al'manakh. Str. 135–136.
- Vozrobdovlenie deyatel'nosti russkogo Literaturno-khudozhestvennogo kruzha // Novaya zarya. 1939. 4 noyabrya; V literaturnom kruzhe Berkleya // Novaya zarya. 1940. 14 maya.
- Volkova M. Pamyati Taisii Bazhenovoy: (Nekrolog) // Rus. zhizn'. 1978. 31 okt.
- Grot E. Iz istorii russkoy pressy v San-Frantsisko // Rus. zhizn'. 1966. 3 dek.
- Dymnyy sled: sb. literaturno-khudozhestvennogo kruzha. San-Frantsisko: Imprimerie des Alpes-Maritimes (Nice, France), 1925. № 1. 167s. Staraya orfografiya. Adres: A. Uchenko. 2239, Atherton St. Berkley.
- E.M. Kul'turnyy ugolok russkoy kolonii v San-Frantsisko // Dymnyy sled. 1925. Vyp. 1. S. 121.
- E.M. Kul'turnyy ugolok russkoy kolonii v San-Frantsisko // Dymnyy sled. 1925. Vyp. 1. S. 123–124.
- Izdateli. K nashim chitatel'yam // Rodnye motivy. 1925. № 1. S. 1.
- Lavrova N. Dostan'te interv'yuu: (Otryvok iz ocherka, kotoryy dolzhen byl poyavit'sya v № 3 «Zemli Kolumba») // Rus. zhizn'. 1941. 24 dek.
- N.R. (Nat. Reznikova). Kaliforniyskiy al'manakh // Rubezh. 1934. 3 marta.
- Nemo. Koe-chto o literaturno-khudozhestvennom kruzhe v San-Frantsisko // Rus. zhizn'. 1923. 16 noyabrya.
- Osokolok epokhi. A.V. Amfiteatrov: (Переписка) // Rus. zhizn'. 1984. 12 iyunya.
- Osorgin M. (O 2-y kn. «Zemlya Kolumba») // Poslednie novosti. Parizh, 1937. 25 fevr.
- От редакtsii // Kaliforniyskiy al'manakh. 1934. S. 1.
- От редакtsii // U Zolotykh vorot. 1957. S 4.
- Redaktsiya. Predislovie // Russkaya zhenshchina v emigratsii. 1970. S. 3.

- Rodnye motivy. San Francisco-Berkeley : Rus. krug / Izd. Rus.-lit. kruzhka v San-Frantsisko. 1923. Vyp. 1. 44 str., il. na obl.; 1924: Vyp. 2. [32] s. Adres - Rus Krug. 156, Woodland. San Francisco, Vyp 2 – Rus Krug. 1633, Dwight way. Berkeley.
- Russkaya zhenshchina v emigratsii: (Sb.) / Predisl. red. Vashington: Izd. Literaturno-khudozhestvennogo kruzhka v Kalifornii; Munchen, Germany: Printer I. Baschkirzew Buchdruckerei, 1970. 244, 4 str. Na zadney storone tit. l.: Literaturno-khudozhestvennyy kruzhok v Kalifornii, 1923–1970. Na obl.: Literaturno-khudozhestvennyy kruzhok v San-Frantsisko i v Berklee, 1922–1970. E. Malozemoff. Lake Road. Valley Cottage, N.Y. 10989; N. Presniakoff. 1639, Addison St. Berkeley.
- Teatr sem'i i shkoly: Sb. / Obl. khud. V.S. Novikova; Sost. E.A. Malozemova. San-Paulo (Braziliya), 1964. 151 s.
- U zolotykh vorot: sb. San-Frantsisko: Izd. Literaturno-khudozhestvennogo kruzhka (248, Santa Clara Ave. – Oakland, 10, California), [1957?]. 195 s., il., portr. Na obl.: Literaturno-khudozhestvennyy kruzhok v San-Frantsisko, 1923-1957. Imeyutsya razdely: Who is who among Russian Californians (S. 180-189); Published works in English by Russian writers and scientists during the last forty years (S. 189-191).

Хисамутдинов, Амир Александрович, доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета, Владивосток; khisamut@yahoo.com

Literary associations in San Francisco

This article, based on foreign sources and literature, is devoted to the activities of the Literary and Art Circle (1923–1970s) and the Circle of Poets and Writers in San Francisco, its figures and publications. If the first collection, *The Smoky Footprint*, was published in 1925, the last one, *The Russian Woman in Emigration*, was published in 1970. The appendix lists the prosopographic data of press figures and information on individual publishing houses.

Keywords: literary and artistic circle, a circle of poets and writers in San Francisco, publisher and writer Peter Balakshin

Amir Khisamutdinov, PhD (History), Professor of the Far Eastern Federal University, Vladivostok; khisamut@yahoo.com

Т. Г. СКОРОХОДОВА

ОТКРЫТИЕ ИНДИЙСКОЙ ИСТОРИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ БЕНГАЛЬСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ*

Открытие индийской истории представляет собой важную часть феномена «Открытия Индии» (Дж. Неру) в общественной мысли Бенгальского Возрождения XIX – первой трети XX в. Процесс и результаты открытия индийской истории описаны в статье на основе анализа оригинальных источников. В поисках путей и средств развития Индии в мире «модернити» бенгальские мыслители от Раммохана Рая до Ромешчондро Дотто и Рабиндраната Тагора открывают индийское прошлое для настоящего и будущего своей страны. В этом интеллектуальном феномене присутствует два аспекта. Первый – теоретический и философский, заключающийся в многочисленных попытках исследования истории Индии бенгальскими интеллектуалами и в генезисе общих идей философии индийской истории. Второй – практический, воплощенный в инструментальном применении исторических данных в реформаторской и творческой работе в образовании, культуре и политике. Процесс исследования индийской истории развивается с 1840-х гг. по трем векторам: 1) создание общего позитивного образа индийской истории; 2) осмысление различных ее тем и 3) стремление представить историю Индии с древности до современности. Результатами открытия индийской истории стало формирование исторической памяти как части национально-культурного сознания, теоретико-методологических основ профессионального изучения истории и интеграция нового исторического сознания в индийскую культуру.

***Ключевые слова:** модернизация на Востоке, Бенгальское Возрождение, общественная мысль, феномен «открытия Индии», индийская история, историческая память, историческое исследование*

Обращение интеллектуалов к познанию своей страны в периоды модернизации периферийных Западу и незападных обществ представляет собой многогранный феномен ее открытия – ради понимания себя, своего народа, культуры, идентичности и обретения смысла бытия в мире. Интегральной частью и своеобразной сердцевинкой процесса познания страны выступает постижение ее истории.

Прекрасный материал для описания феномена открытия истории находится в индийской общественной мысли XIX – начала XX в., особенно в наследии Бенгальского Возрождения – первого регионального варианта общеиндийского национально-культурного ренессанса.

Джавахарлал Неру, описывая собственный опыт постижения своей страны, вынес обозначающий его термин в заглавие книги – «Открытие

* Статья представляет собой развернутый вариант доклада на Четвертых научных чтениях памяти Н.М. Зёрнова: «Постижение истории: культурные и религиозные традиции», состоявшейся 24–25 ноября 2015 г. во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино.

Индии». Книгу эту можно трактовать как философский итог процесса, происходившего в регионах Индии в колониальный период, – как персонифицированный интеллектуальный опыт нескольких поколений индийских мыслителей, занимавшихся истолкованием социальности, духовных традиций, истории и культуры своей страны. По содержанию книга Дж. Неру – это осмысление истории Индии в самом широком плане, включая ее истоки, культуру, духовные традиции, социальную жизнь, политические и правовые институты, и в соотношении с современностью, с годами решающей борьбы за независимость. Открытие страны вне ее исторического бытия невозможно, поскольку невозможно постижение настоящего со всем его комплексом социальных, духовных, экономических, политических и культурных проблем, равно как и попытка выяснения перспектив будущего без знания и истолкования прошлого. При этом в постижении истории в Индии Нового времени первостепенную роль играло не собственно знание фактов, событий и процессов в их последовательности, а *интерпретация*, призванная наделить все, что открыто в прошлом, актуальными смыслами и благодаря этому извлечь максимальную пользу для настоящего и будущего.

Мыслители Бенгальского Возрождения были первыми, кто стал открывать Индию для себя и для нее самой, ориентируясь на решение проблем настоящего для развития – т.е. возрождения – в будущем. Интеллектуальные процессы и движения в сфере духовной, социальной, политической и культурной жизни Бенгалии были общим контекстом открытия индийской истории. Особым же контекстом стала смена модели восприятия исторического времени с циклической на линейную, становление на этой основе нового исторического сознания и выработка собственного подхода к истории Индии.

Располагая тремя подходами к постижению истории – традиционным индуистским, мусульманским и европейским, бенгальские интеллектуалы сделали выбор в пользу европейского представления о наличии у Индии истории, которую следует реконструировать рациональными методами исторической науки, отбросив прежние представления, восходящие к трудам Гегеля, Джеймса Милля¹, а также к аль-Бируни в мусульманском мире. Бенгальцы освоили *метод историзма* в линейной европейской версии и методологию анализа конкретной истории от британских ученых-ориенталистов, занимавшихся историей Индии. Интеллектуалы фактически отказались от традиционной индуистской модели регресса общества во времени от «золотого века» (*Сатья-юги*) к железному (*Кали-юге*) из-за упадка *дхармы* – морального закона.

Конечно, бенгальских интеллектуалов легко обвинить во вторичности и несамостоятельности, поскольку первыми историю Индии все

¹ См.: Dasgupta 2012. P. 33–38.

же открыли британские ученые-ориенталисты, опиравшиеся на подходы Европейского Просвещения². Однако несмотря на серьезную роль их трудов заметим, что ориенталистское познание было мотивировано традиционным для Европы интересом к Другому, к Индии³ и чисто просветительской жадной познания. Ш. Дашгупто справедливо заметил, что «Это было – для них (курсив мой. – Т.С.) “открытие Индии” – ее Ведийской литературы, санскритской грамматики, математики, астрономии, юриспруденции, обычаев и филологии»⁴. И у них не было потребности изучать историю Индии для изменения ее жизни, хотя для поощрения ориентальных исследований у колониальной власти были свои причины – знать народ, которым управляют, его язык и культуру. Факт, что ориенталисты создали концепцию «индийского золотого века»⁵, подтверждает их незаинтересованность. Ш. Дашгупто говорит об их работе как о «целенаправленной без цели» в кантианском смысле⁶. Поэтому хотя ориенталисты и стимулировали интерес индийцев к их истории и культурному наследию, потребность в открытии Индии и ее истории для себя и для всего мира пришла к бенгальскому интеллектуалу изнутри – при благоприятном внешнем влиянии не меньше, чем при воздействии наличной ситуации в современности.

Открытие прошлого осуществляется в интересах настоящего и будущего с целью выяснения причин социального упадка/кризиса и определения путей преодоления наличной ситуации и развития страны в будущем. В феномене открытия прошлого присутствуют два аспекта. Первый – постижение истории Индии как таковое – *теоретико-философский аспект* интеллектуального поиска. С одной стороны, это многочисленные попытки самостоятельного историописания как истории Индии в целом, так и отдельных регионов и тем, т.е. формирование собственной историографической традиции. С другой стороны, формируются общие положения «философии индийской истории»⁷, включающей определение ее истоков, цели, сути процесса, исторического своеобразия, а также места, смысла и роли Индии в мире. Второй аспект открытия прошлого – *практический*, связанный с инструментальным – утилитарным и проективным – использованием исторических данных в реформаторской практике и в творческой работе в области образования, культуры, политики.

² Kopf 1969: P. 19–20, 24.

³ См.: Halbfass 1988.

⁴ Dasgupta 2012. P. 25.

⁵ См.: Kopf 1969. P. 31–32; Dasgupta 2012. P. 25–36.

⁶ Dasgupta 2012. P. 23.

⁷ Этот термин я употребляю по аналогии с «философией американской истории» Леопольдо Сеа – как стремление изменить собственную действительность в соответствии с прошлым и спроектировать будущее [Сеа 1984. P. 20–28].

Первооткрывателем самой идеи индийской истории стал философ, религиозный и социальных реформатор, общественный деятель, родоначальник Ренессанса в Бенгалии Раммохан Рай (1772–1833). Он был первым индийцем и бенгальцем, который начал процесс открытия Индии и, более того, усвоил имя «Индия» как собственное для обозначения масштабного субконтинента, хотя оно и было воспринято от мусульман и европейцев. Он первым преодолел типичное для индуистов традиционное региональное мышление, центрированное максимум на собственном регионе и паломнических центрах за его пределами, и стал мыслить об Индии как социокультурном целом.

Первоначально Раммохан Рай обратился к анализу прошлого страны как реформатор, используя санскритские священные тексты в виде источника для обоснования необходимости социальных изменений. Доказывая моральную и социальную порочность идолопоклонства индуистов, Раммохан привел в качестве примера Упанишады – философские тексты комплекса Вед, чтобы показать, что ритуалы и поклонение разным богам в корне расходятся с высоким монотеизмом и служением Богу в духе и этическом поведении. Пураны и тантры, говорящие о почитании богов и богинь, Раммохан признает ложными, подходящими только для тех, кто «не способен возвысить свой разум до идеи незримого Всевышнего Бога»⁸. При этом он просто игнорирует *самхиты* – сборники гимнов Вед, где представлено множество богов древнего пантеона. На этом примере хорошо видно, как тенденциозная инструментальная интерпретация фактов из древних источников служит утилитарной цели – попытке реформации индуизма. Другой пример использования исторических данных в борьбе за социальные реформы – интерпретация Раммоханом древних и средневековых законодательных текстов для обоснования права индусских вдов на жизнь и необходимость запрета обычая *самти* (самосожжения вдов).

Критикуя нарушение колониальной властью принципа разделения властей в управлении Индией, Раммохан находит разделение властей в древней Индии между *варнами* – брахманы представляли законодательную, а кшатрии – исполнительную власть, и пока власти не смешивались, общества были стабильны⁹, а нарушение принципа вызвало тиранию, угнетение и ущемление прав населения. Таких практически ориентированных экскурсов в прошлое у Раммохана достаточно в любой области приложения его усилий.

Через прочтение текстов индуистской традиции Раммохан приходит к обобщенному представлению об истории Индии. Открыв духовную традицию как традицию веры и мышления о Боге и высших исти-

⁸ Roy 1982. Vol. I, P. 63–64.

⁹ Ibid. Vol. II. P. 376.

нах, он определил общность основ культуры Индии – религию, традиции (в т.ч. ритуалы и церемонии) и священный язык санскрит¹⁰. Поэтому, когда в 1831 г. в Англии Раммохан выступил экспертом в британском парламенте, он предпослал своим ответам на его вопросы «Краткий очерк древних и современных границ и истории Индии». Этот очерк – символ рождения идеи индийской истории у интеллектуалов – в соотнесении с другими странами и обществами, прежде всего – с Западом. Само понятие Индии конституирует две идеи – *пространство*, отделенное от других подобных естественными границами и обладающее своими культурными особенностями, и ее *история* от древности до современного положения.

В первом смысловом разделе очерка Раммохан описал внутренние межрегиональные границы, дробящие структуру земель и затрудняющие взаимодействие ее народов. Духовное единство субконтинента – вера, традиция и язык – претерпевают в истории испытания социально-структурного и социально-психологического плана. Затем мыслитель обозначил три периода истории – древний, мусульманский и британский. Древний период практически *не показан* как история – в очерке он выглядит как дробление субконтинента на враждующие царства, усиление кастовой и религиозно-социальной дифференциации. Период иностранного завоевания – это, по беспощадному вердикту Раммохана, следствие того, что Индия – «страна, в которой понятие патриотизма никогда не возникало»¹¹. С мусульманского и особенно британского завоевания обозначается проблема политической организации управления Индией: деспотизм первых завоевателей сменился попытками рационального осуществления власти, но – смешанной «европейско-азиатской» природы¹². Но именно британский период внушает Раммохану оптимизм, который связан с перспективами развития самоуправления и выхода – с помощью Англии – «на уровень европейских христианских стран»¹³. Раммохан Рай задает представление о развитии Индии в историческом времени, о большом обществе, имеющем историю, в которой есть испытание иностранным правлением и создание условий для преодоления разобщенности регионов. По двум обозначенным у него аспектам обращения к прошлому – практическому и теоретико-философскому – идет осмысление истории Индии у его современников и духовных наследников.

Историей Индии в Бенгалии интересуются практически все представители ее «творческого меньшинства» (А. Бергсон). Многие из них прилагают усилия в разных областях жизни одновременно – и истори-

¹⁰ Ibid. Vol. I. P. 231.

¹¹ Ibid. P. 233.

¹² Ibid. P. 233, 234.

¹³ Ibid. Vol. II. P. 300, 268, 316.

ков в строгом, «профессиональном» смысле слова, занятых только на этом поприще, довольно мало; даже авторы серьезных исторических трудов не всегда посвящают свою жизнь историческим штудиям. Не стоит упрекать их в непрофессионализме и отсутствии оригинальности, ведь именно они формируют основания для профессионального исследования и интерпретации истории Индии, а также создают общий *образ истории* страны, вдохновляющий на ее изучение и интерпретацию. Постигание истории у бенгальских интеллектуалов шло скорее дедуктивно, философским путем, от общего видения прошлого в соотноении с настоящим. Однако без подобного обобщенного видения не могло возникнуть представление об истории Индии как целостном процессе.

Для европейски образованных бенгальцев перестала существовать индифферентность в отношении прошлого, выраженная в пословице: «Было раньше, есть сейчас – не все ли равно?»¹⁴. Они убеждены в важности соотношения прошлого с настоящим, в *наличии* у Индии истории и в том, что это – история развития, со своими взлетами и падениями, но все же прогрессивная – в просветительской и классической рациональной парадигме. Открытие прошлого начинают уже младшие современники Раммохана Рая – у них прослеживается настоящий взрыв интереса к истории, с четким осознанием целей и смысла ее постижения. Несмотря на то, что они опираются на фактологические труды ориенталистов, в их исторических штудиях уже слышен голос самостоятельно мыслящего интеллектуала, вырабатывающего и продвигающего собственную интерпретацию истории Индии.

Филолог, христианский теолог и общественный деятель Кришномохан Банерджи (1813–1885), принадлежащий к группе «Молодая Бенгалия», на первом заседании «Общества содействия приобретению всеобщих знаний» в лекции «О природе и важности исторических исследований» (1839) обозначил цели и смысл изучения истории страны для современной Индии, а основную часть лекции посвятил методологическим аспектам изучения в контексте всемирной истории.

Кришномохан Банерджи предлагает обобщенные цели исследования истории – это освоение обществом историко-социального опыта разных народов для собственного развития и освоение человеком опыта деятельности в избранной им области. Благодаря постижению взлетов и падений в истории, по мысли историка, «мы сможем легко распознавать нашу собственную пользу». «В жизни нет такого занятия, которому нельзя было бы найти параллели в свидетельствах о прошлых эпохах»¹⁵, – заключает он. Утилитарное назначение исторического познания для ученого, философа и любого практика лежит на поверхности,

¹⁴ Цит. по: Торчинов 2005. С. 219.

¹⁵ Awakening 1965. P. 18, 19.

главной же целью для индийцев в изучении истории называется изменение наличной ситуации: «Мы никоим образом не можем удовлетвориться существующим положением дел. Мы желаем, чтобы нас окружали не настолько несчастные и деградирующие соотечественники, чтобы мы могли гордиться более мудрыми и совершенными умами и вдохновляться стойким народным духом»¹⁶. Смысл исторического познания Кришномохан связал с усовершенствованием настоящего и преодолением мифологизированного мировосприятия, столь характерного для индийской ментальности: «для слабого и испорченного интеллекта всегда характерно предпочтение сказок и романтических историй истинному и достоверному историческому повествованию»¹⁷.

Спустя почти сорок лет в лекции Сурендронатха Банерджи «Исследование индийской истории» (1876) цель исторического познания для соотечественников была обозначена как возрождение Индии – социальное, интеллектуальное, политическое и нравственное: «Если вы серьезно желаете возродить вашу страну, желаете видеть ее великой и процветающей, тогда у вас должно быть совершенное знание о тех бедах, которые ее окружают, о несчастях, которые причиняют ей боль. Во-первых, изучите болезнь, прежде чем вы будете помогать пациенту. Но бедствия, которые причиняют Индии боль, болезни, от которых она страдает, – это не труд одного дня. Корни их уходят в отдаленное прошлое. Прошлое должно быть изучено, прежде чем дело Индийского возрождения будет возможно завершить»¹⁸. Он обозначил и ведущие смыслы философии индийской истории: 1) возрождение страны является в данный момент целью развития в истории; 2) исследование прошлого дает знание о причинах болезни, от которой страдает Индия, о собственных истоках и устанавливает общность с предшествующими поколениями; 3) обращение к прошлому – основа восстановления достоинства народа и патриотического служения обществу; 4) интеллектуальные элиты должны восстановить прерванную связь времен и исторического опыта с настоящим и будущим Индии. В этом смысле открываемая история Индии позволяет ее народу обретать самоуважение и ориентироваться на будущее оптимистически, несмотря на драматизм актуального периода истории. Сурендронатх Банерджи говорит об истории страны как истории славного прошлого народа, создавшего высокую нравственность, славного достижениями наук, литературы, военного искусства и философии.

Процесс постижения истории Индии разворачивается с 1840-х гг. по нескольким векторам. Первый – создание общего образа индийской

¹⁶ Ibid. P. 22.

¹⁷ Ibid. P. 17.

¹⁸ Banerjea 1970. P. 230.

истории. Первые попытки относятся к историческим штудиям младобенгалцев: Перичанд Митро предпринял проблемно-тематическое исследование «Состояние Индостана при индусах», Гобиндочондро Шен – хронологическое исследование истории. Попытка Перичанда Митро примечательна открытием истории через изучение первоисточников – текстов, представляющих в этом качестве: Махабхараты, Рамаяны, пуран, региональных хроник; их данные сопоставляются с памятниками материальной культуры и с иностранными – греческими и китайскими источниками. «Богатые источники индусской литературы остаётся только исследовать», – подчеркивает Перичанд Митро¹⁹. История древней «индусской» Индии предстает как сложное и поучительное развитие, хотя и несколько идеализированное. Младобенгалцы говорят об «истории Индии» и «истории Хиндустана», т.е. идут от социокультурного единства страны, но, подобно Раммохану Раю, признают этнографическую и политическую неоднородность субконтинента.

К концу XIX в. появляется неоиндуистская трактовка истории – в романах Бонкимчондро Чоттопадхья индусы, сражающиеся с мусульманскими или британскими завоевателями, оказываются главными героями индийской истории, а последняя – историей индусов. Философ и общественный деятель Свами Вивекананда, однако, не считает «золотым веком истории» древность, которую называет «царством брахманов», а будущее связывает с повышением роли народа, находящегося внизу социальной иерархии. Более того, смысл бытия Индии в истории Вивекананда связывает с тем, чтобы – после решения ее внутренних проблем – нести сокровища своего духа народам, утратившим духовность. «Завершенная цивилизация мира ожидает, ожидает сокровищ, которые придут из Индии, ожидает чудесного духовного наследия этой расы, которое, несмотря на десятилетия упадка и страдания, нация до сих пор носит в сердце»²⁰. Этот религиозно-центрированный образ индийской истории сосуществует с общей секулярной трактовкой – это не только история «ариев»/индусов, но и история страны – общего дома для разных религиозных общин, представляющих великие мировые культуры. Даже пламенный националист Бипинчондро Пал говорит об отличиях новой Индии от древней благодаря конвергенции культур²¹.

Особого упоминания заслуживает образ индийской истории в выступлениях Рабиндраната Тагора. По его мнению, история Индии изучается в корне неверно: ее цивилизация предстает полем битв, завоеваний и войн, но это – не настоящая Индия. «То, что считают индийской историей, ничего не может рассказать нам о народе Индии. Кажется, он

¹⁹ Awakening 1965. P. 136–137.

²⁰ Vivekananda 1998–2000. Vol. III. P. 317.

²¹ Saggi 1962. P. 261.

не существует, и только захватчики, грабители и мародеры принимаются во внимание»²². Порочность такого видения истории коренится в том, что настоящая история – это история политики, тогда как история Индии – принципиально иная: «Осознать Единое и попытаться искренне распространить его – означает естественно прийти к Индии, т.к. такая ее природа всегда ограждала ее от политической славы»²³. В выступлении «Весть индийской истории» (1902) Р. Тагор первоначально противопоставляет историю Индии истории Запада, в которой, по его мнению, преобладает политика и недостает гармонии между разными классами общества, хотя и акцентирует человеческое взаимодействие в качестве цели истории как таковой. На тот момент эта цель истории реализована для Р. Тагора именно в Индии: «Разнообразнейшие материалы она положила в основу прекраснейшей человеческой цивилизации – цивилизации, ядром которой является чувство единства. Она никогда никого не изгоняла как чужака, она никогда не отворачивалась от тех, кто не был арием, она никогда не высмеивала никакого закона как неподобающего. Она признала и приняла все»²⁴. Однако основанием этого принятия всех Тагор называет *дхарму*, религию, широко понимаемую им как целостный принцип, гармонически объединяющий знание, любовь и деятельность. Поэт призывает современников быть внимательными к настоящей Индии – ее народу, созидательному труду и культуре. «Если ... кто-либо желает ясно узнать, в чем особое значение Индии, то существует ответ, истинность которого подтверждает вся история Индии, – утверждает Тагор. – На протяжении всей ее истории... прослеживается попытка установить единство в многообразии, приблизиться к истине различными путями и осознать полноту веры в то, что Единое – во многом, как сокровенная реальность; она не разрушает внешние различия, но открывает их внутреннюю связь»²⁵. Именно в этом термине «единство в многообразии», уже известном по трудам Свами Вивекананды, выражена подлинная природа Индии.

Позже, пройдя искусы национализма во время участия в движении *свадешии*²⁶ в Бенгалии и отойдя от него после 1906 г. из-за несогласия с методами, Тагор становится критиком националистических идей и утверждается в широкой либеральной позиции по ключевым пробле-

²² Tagore, 1950. P. 1.

²³ Ibid. P. 5.

²⁴ Ibid. P. 7.

²⁵ Ibid. P. 5.

²⁶ Свадешии – (букв.: ‘своя земля’) движение на рубеже XIX–XX вв. за развитие национальной индийской промышленности, направленное против засилья на рынке Индии английских товаров. Лидеры движения активно использовали символику индуизма в обосновании своих целей и методов, что вызывало беспокойство у представителей других религиозных общин.

мам – это касается и истории. Лекцию «Восток и Запад» (1908) он начинает с вопроса: «История Индии – о ком она рассказывает?»²⁷ и отвечает, что это – не история одних индусов, и не история одних лишь ариев, заложивших ее основы и смешавшихся с местным населением. Мусульмане, пришедшие в Индию, тоже обрели в ней родину, затем пришли люди Запада... «Цели Индийской истории – не установить индусское или любое другое господство, но сберечь особого рода осуществление (fulfilment) для человечества, уровень совершенства, которое должно быть выгодно для всех. Если в ходе этого осуществления индусам, мусульманам и британцам и придется подавить агрессивные компоненты своей индивидуальности, это, возможно, больше заденет их национальную гордость, но это не может рассматриваться как утрата в области истины и человеческих прав. Мы все находимся здесь, чтобы построить Большую Индию (Greater India)»²⁸. В лучших традициях Раммохана Рая Р. Тагор рассматривает историю своей страны как часть общечеловеческой истории и трактует ее как созидание человеческой вселенной, путь к гармонии и развитию человека. История Индии вписана здесь в историю Востока, взаимодействующего с Западом; и это история всех населяющих ее народов и исповедующих разные религии людей. Особенность современного этапа истории своей страны Тагор видит в возможности осуществить встречу Востока и Запада на ее земле – встречу стран, рас, знаний и устремлений. В настоящий момент эта встреча еще не привела к гармонии и объединению, но процесс диалога уже начат трудами его великих соотечественников²⁹.

Вторым вектором постижения истории было осмысление конкретных тем индийской истории – в беллетристическом и научном вариантах. В первом случае речь идет о рождении исторического романа – произведениях Бхудеба Мукхопаддхая, Бонкимчондро Чоттопаддхая, Ромешчондро Дотто, Рабиндраната Тагора³⁰ и др. Во втором – о создании научных трудов, посвященных истории Бенгалии, культуры и социальной жизни. Заслуживают упоминания исторические очерки ученого и публициста Оккхойкумара Дотто (1820–1886) «Заморские путешествия древних индусов» и «Религиозные секты в Индии». С 1848 г. начал свой подвижнический труд по сбору, переводу и изданию многочисленных санскритских текстов выдающийся историк Раджендролал Митро. Помимо множества статей по буддийской археологии и древностях, эпиграфике, нумизматике, архитектуре, Раджендролал Митро создал четыре фундаментальных труда – «Древности Ориссы», «Бодх-

²⁷ Tagore 1961. P. 129.

²⁸ Ibid. P. 131.

²⁹ См.: Ibid. P. 139–140.

³⁰ См.: Вишневская, Зыкова 1996. Ч. 2. Гл. 2; Новикова 1969. С. 89–95, 147–173, Алаев 2013. С. 96–97.

Гайя: наследие Шакья-муни», «Индоарии» и «Санскритская буддийская литература Непала» (совместно с историком культуры Хоропрошадом Шастри). В методе Митро переплелись «западная» реконструкция истории по всем доступным источникам с живым интересом к социальной истории. У историка обозначилась линия защиты оригинального характера культурных достижения древнеиндийской цивилизации. В двухтомном труде «Индоарии» он раскритиковал теорию Фергюссона о греческом происхождении индийской культуры и архитектуры. Особо отмечу его усилия по распространению исторических знаний в популярной форме – издание журнала «Бибидхарто Шонгрохо» (с 1851), где он сам рассказывал о выдающихся исторических фигурах древности и истории других стран, в т.ч. России³¹. Мотив утраты древнего величия Индией начинает особенно отчетливо звучать в конце XIX в., в эпоху бурного становления общеиндийского самосознания. В предисловии к двухтомнику «Древности Ориссы» Раджендролал Митро писал: «Все это – некоторые из реликвий прошлого, оплакивающих утраченную цивилизацию и уничтоженное величие»³².

Третий вектор постижения истории – это попытка представить историю Индии от древности к современности. В этом очень интересен и показателен пример писателя, общественного деятеля, экономиста и историка Ромешчондро Дотто (1848–1909)³³. В обобщающих трудах он предпринимает попытку представить историю Индии от древности до современности – с разной степенью полноты и самостоятельности. В 1898–1890 гг. вышла его трехтомная «История цивилизации в Древней Индии», охватившая эпохи от ведийской (2000–1400 до н.э.) до пуранической (500–1000 н.э.). Показательны цели работы, хотя в исследованиях по историографии Индии отмечается их вторичность и отсутствие научной значимости³⁴. В Предисловии автор воздал должное всем европейским индологам, исследовавшим санскритские и буддийские тексты и создавшим труды о разных периодах древнеиндийской истории, равно как и соотечественникам – Р. Раю, К.М. Банерджи, Р.Г. Бхандаркару, Р. Митро и др. Дотто обозначил мотивы, побудившие его взяться за этот труд: «Я часто спрашивал себя: возможно ли с помощью того, что уже доступно, написать доступный труд, ясный исторический обзор цивилизации Древней Индии, основанный на древней санскритской литературе и написанный достаточно популярно, чтобы быть приемлемым для всеобщего чтения?»³⁵. Иными словами, это попытка обобщающего научно-популярного труда, доступного любому читателю. Р. До-

³¹ Poddar 1977. P. 212.

³² Цит. по: Ibid. P. 211.

³³ См.: Rule 1977; Алаев 2013. P. 105–108.

³⁴ Алаев 2013. С. 106.

³⁵ Dutt 1893. P. xiii–xiv.

что изначально не ставил цели дать глубокую интерпретацию событий или обнародовать новые открытия – его цель – просветительская, с глубокой патриотической подоплекой формирования национального самосознания соотечественников на основе знания своей истории. «Знание студента-индуса об Индийской истории начинается практически со времени мусульманского завоевания, – а индусский период для него – почти чистый лист. Школьник, знающий о двенадцати вторжениях Махмуда, мало знает о первых вторжениях и войнах Ариев, которые завоевали и поселились в Панджабе за три тысячи лет до султана Газневи. Он читает о завоевании Дели и Канауджа Шахаб-уд-дином Мухаммадом Гури, но вряд ли знает что-то о древних царствах Куру и Панчалов в том же районе страны. Он знает, какой император правил в Дели, когда жил и боролся Шиваджи, но вряд ли знает царя, который правил в Магадхе, когда жил и проповедовал Гаутама Будда. Он знаком с историей Ахмаднагара, Биджапура и Голконды, но вряд ли слышал об Андхрах, Гуптах и Чалукьях...», – сокрушается Р. Дотто, указывая тем самым на отсутствие целостного знания и видения истории Индии³⁶. «Никакое исследование не будет столь мощным в воздействии на формирование сознания и характера нации, как критическое и тщательное исследование ее прошлой истории», – заключает он, считая, что оно должно заменить «необоснованное и суеверное поклонение прошлому», столь характерное для его соотечественников³⁷. При этом Р. Дотто в реконструкции древней истории опирается на данные источники, чтобы «дать более реалистическое и глубокое знание о древнем обществе индусов, их нравах и образе мысли» и «вести читателя в самый дух и внутреннюю жизнь древних индусов»³⁸. И ему это удается – он рисует не только историю народа и его культуры, религии, философии, науки, литературы и искусства, но и экономику, образ жизни, социальную и политическую историю. По сути, Р. Дотто исполнил призыв своего друга С. Банерджи – вдохновить соотечественников знанием реальной, а не сказочно-мифологической истории древних предков.

Средневековый период у Ромешчондро освещен не полностью: в изданном в 1909 г. труде «О поздней индусской цивилизации» повествование доведено до начала XIII в. Однако его самым важным достижением, весомым и общепризнанным вкладом в историческую науку стала двухтомная «Экономическая история Индии» (1902–1903) от начала британского правления в Индии до конца викторианской эпохи. Хотя ее содержание касается только экономики и британской политики в Индии, это первая индийская работа об истории колониального периода в его наиболее существенном аспекте – социально-экономической мо-

³⁶ Ibid. P. xvi.

³⁷ Ibid. P. xv.

³⁸ Ibid. P. xviii.

дернизации. Труд, написанный англофилом, успешным чиновником индийской гражданской службы и экономистом, воспитанным в традиции британской мысли, представляет собой объективную критику состояния ужасающей бедности и периодического голода, в котором при колониальной экономике живет основная масса населения страны – крестьяне и ремесленники. Здесь на первом плане – интерес Р. Дотто к истории народа, сострадание к его плачевному положению и проблемам. «Превосходные труды о военных и политических делах британцев в Индии написаны видными историками. Но так и не написана история народа Индии, его торговли, производства и сельского хозяйства, его экономического состояния при британском управлении»³⁹, – заявляет историк в предисловии к первому тому. Как англофил он воздает должное всем позитивным изменениям, принесенным британцами – миру, западному образованию и науке, современным институтам и управлению, справедливым законам и судам присяжных, однако самой большой проблемой, сохраняющейся в Индии свыше столетия, оказывается бедность страны, – экономическая зависимость от Англии, которая не заботится о благосостоянии народа. На этом фоне даже Средневековье и Могольское правление для Р. Дотто «даже при глупцах-правителях» выступают как период экономического благополучия⁴⁰.

Описывая периоды британского правления, Р. Дотто показывает ее как чередование более мудрого управления и – недальновидного, неблагоприятного для народного благосостояния. Он советует англичанам, каким образом можно «излечить» пороки и решить проблемы, созданные их политикой, и считает, что еще не поздно все исправить: «История будет судить Индийскую империю как наиболее величественную из человеческих институций в современности, но это будет и печальная история для будущих историков, – придется говорить, что империя дала народу Индии мир, но не процветание, что производители утратили свои производства, что земледельцы были задавлены тяжелыми и разнообразными налогами, которые препятствовали любым накоплениям, что большая часть доходов страны была уведена в Англию, и что юридически опустошающий голод уносил жизни миллионов»⁴¹.

Труды Ромешчондро Дотто – первая попытка объять индийскую историю как целостность с древности до новейшего времени в динамике, объективной сложности и противоречивости. Прошлое и настоящее связывались в значимое для общего национального самосознания единство, позволяющее находить в нем ответы на вопросы современности.

Практический аспект открытия прошлого и истории в бенгальской мысли также заслуживает упоминания и, в перспективе – подроб-

³⁹ Dutt 1902. P. v.

⁴⁰ Ibid. P. ix–x, xiv.

⁴¹ Dutt 1904. P. xviii–xix.

ного исследования. Я назвала бы его «историей для современности» – обоснованием реформаторских, политических и культурных целей настоящего с помощью фактов, данных, примеров и процессов, происходивших в прошлом (и в отдельных областях жизни, и в отдельных регионах). Такое «утилитарное» истолкование прошлого особенно востребовано в религиозно-реформаторских и социально-реформаторских трудах; причём из него извлекаются такие факты и примеры, которые работают на поддержание изменений и новаций, необходимых обществу здесь и сейчас. Этим методом выборочного доказательства пользовался Ишшорчондро Биддешагор в борьбе против детских браков, за вторичное замужество вдов и против полигамии.

Другой вариант практического использования данных и примеров прошлого можно назвать футурологическим – это обращение к истории для будущего развития в конкретных сферах жизни – образовании, политике, искусстве, литературе и т.д. Так, говоря о перспективах развития образования, основанного на лучших индийских традициях, Рабиндранат Тагор обращается к опыту древнеиндийских *ашрамов* – лесных обителей, где учителя передавали ученику знание на лоне природы, избегая муштры и обучая самодисциплине.

В результате открытия истории Индии в общественной мысли Бенгальского Возрождения можно констатировать следующие достижения.

1. В сфере общественной жизни – формирование исторической памяти как части национально-культурного сознания на основе созданного образа индийской истории и выработка навыка обращения к истории для освоения опыта предшествующих поколений.

2. В сфере науки – формирование теоретико-методологических основ профессионального исторического исследования истории Индии самими индийцами, исходя из европогенных подходов и методов, которые синтезированы с индигенным видением истории страны. Это создание комплексного взгляда на индийскую историю, в которой важны не только история духа и культуры, но и история социальности, экономики и политики. Отсюда проистекает и отрицание мифологизации и идеализации в трактовках прошлого.

3. В сфере культуры – интеграция нового исторического сознания в культуру Индии и понимание истории страны как истории народа, его труда, духа, культуры и мысли. Открытие истории способствовало закреплению представления об Индии как общем социокультурном пространстве и цивилизации, которая с древности развивается в широком контексте всемирной истории, а в современности заявляет о своём потенциале роста в будущем.

Сформированные бенгальскими интеллектуалами идеи, представления и смыслы легли в основу сложного и медленного формирования

общеиндийской гражданской и культурной идентичности. Эти представления особенно адекватны в современных условиях, когда индусские традиционалисты и религиозные экстремисты прилагают усилия по глубокой идеологизации и мифологизации индийской истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алаев Л.Б.* Историография истории Индии. М.: ИВ РАН, 2013. 472 с.
- Вишневская Н.А., Зыкова Е.П.* Запад есть Запад, Восток есть Восток? Из истории англо-индийских литературных связей в новое время. М.: Наследие, 1996. 359 с.
- Новикова В.А.* Бонкимчондро Чоттопадхай. Жизнь и творчество. Л.: ЛГУ, 1969. 210 с.
- Сеа Леопольдо.* Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки / Пер. с исп. М.: Прогресс, 1984. 352 с.
- Торчинов Е.А.* Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб.: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2005. 480 с.
- Awakening in Bengal in the Early Nineteenth Century. Selected Documents / Ed. by G. Chattopadhyaya.* Calcutta, 1965. LXVIII, 416 p.
- Banerjee S.* The Study of Indian History // Nationalism in Asia and Africa. N.Y.: Cleaveland, L.: Widenfield, 1970. P. 225–244.
- Dasgupta Subrata.*** The Bengal Renaissance: Identity and Creativity from Rammohun Roy to Rabindranath Tagore. Delhi: Permanent Black, 2012. 280 p.
- Dutt Romesh Chunder.* A History of Civilization of Ancient India Based on Sanskrit Literature. In 2 Vols. Vol. I. L.: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co, 1893. xxii, 390 p.
- Dutt Romesh Chunder.* The Economic History of India in the Victorian Age. L.: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co, 1904. xxii, 628 p.
- Dutt Romesh Chunder.* The Economic History of India under Early British Rule from the Rise of the British Power in 1754 to the Accession of Queen Victoria in 1837. L.: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co, 1902. xxiv, 436 p.
- Halbfass W.* India and Europe. An Essay of Philosophical Understanding. Albany, SUNY Press, 1988. 604 p.
- Kopf D.* British Orientalism and Bengal Renaissance. Berkeley: University of California Press, 1969. 324 p.
- Poddar A.* Renaissance in Bengal. Search for Identity. 1860–1919. Simla: Indian Institute of Advanced Studies, 1977. 252 p.
- Roy Raja Rammohun.* The English, New Delhi: Cosmo, 1982. 978 p.
- Rule Pauline.* The Pursuit of Progress: A Study of Romesh Chunder Dutt. 1848–1888. Calcutta: Ed. Indian, 1977. 170 p.
- Saggi P.D.* Life and Work of Lal, Bal and Pal. Delhi: Overseas Publishing House, 1962. 463 p.
- Tagore Rabindranath.* The Message of India's History. Santiniketan: Basu, 1950. 9 p.
- Tagore Rabindranath.* Towards Universal Man. Bombay etc.: Asia, 1961. IX, 387 p.
- Vivekananda Swami.* Complete Works. Mayavati–Almora: Advaita Ashrama, 1998–2002.

REFERENCES

- Alaev L.B.* Istoriografija istorii Indii, Moscow, Institut vostokovedenija RAN, 2013, 472 p.
- Awakening in Bengal in the Early Nineteenth Century. Selected Documents, Ed. by G. Chattopadhyaya.* Calcutta, 1965, LXVIII, 416 p.
- Banerjee S.* The Study of Indian History, in: Nationalism in Asia and Africa, New York, Cleaveland, London, Widenfield, 1970, pp. 225–244.
- Dasgupta Subrata.* The Bengal Renaissance: Identity and Creativity from Rammohun Roy to Rabindranath Tagore, Delhi, Permanent Black, 2012.,280 p.
- Dutt Romesh Chunder.* A History of Civilization of Ancient India Based on Sanskrit Literature, In 2 Vols., Vol. I., London, Kegan Paul, Trench, Trübner & Co, 1893, xxii, 390 p.
- Dutt Romesh Chunder.* The Economic History of India in the Victorian Age, London, Kegan Paul, Trench, Trübner & Co, 1904, xxii, 628 p.

- Dutt Romesh Chunder. The Economic History of India under Early British Rule from the Rise of the British Power in 1754 to the Accession of Queen Victoria in 1837, London, Kegan Paul, Trench, Trübner & Co, 1902, xxiv, 436 p.
- Halbfass W. India and Europe. An Essay of Philosophical Understanding, Albany, SUNY Press, 1988, 604 p.
- Kopf D. British Orientalism and Bengal Renaissance, Berkeley, University of California Press, 1969, 324 p.
- Novikova V.A. Bonkimchondro Chottopaddhaj. Zhizn i tvorchestvo, Leningrad, LGU, 1969, 210 p.
- Poddar A. Renaissance in Bengal. Search for Identity. 1860–1919, Simla, Indian Institute of Advanced Studies 1977, 252 p.
- Roy Raja Rammohun. The English Works, New Delhi, Cosmo, 1982, 978 p.
- Rule Pauline. The Pursuit of Progress: A Study of Romesh Chunder Dutt. 1848–1888, Calcutta, Ed. Indian, 1977, 170 p.
- Saggi P.D., Life and Work of Lal, Bal and Pal, Delhi, Overseas Publishing House, 1962, 463 p.
- Tagore Rabindranath. The Message of India's History, Santiniketan, Basu, 1950, 9 p.
- Tagore Rabindranath. Towards Universal Man, Bombay etc., Asia, 1961, IX, 387 p.
- Torchinov E.A., Puti filosofii Vostoka i Zapada: poznanie zapredelnogo, St-Petersburg, Azbuka-klassika, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2005, 480 p.
- Vishnevskaja N.A., Zykova E.P. Zapad est Zapad, Vostok est Vostok? Iz istorii anglo-indijskih literaturnyh svjazej v novoe vremja, Moscow, Nasledie, 1996, 359 p.
- Vivekananda Swami. Complete Works, Mayavati–Almora, Advaita Ashrama, 1998–2002.
- Zea Leopoldo. Filosofija amerikanskoj istorii. Sudby Latinskoj Ameriki, Per. s isp., Moscow, Progress, 1984, 352 p.

Скорородова Татьяна Григорьевна, доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры «Теория и практика социальной работы» Пензенского государственного университета; skorokhod71@mail.ru

Discovery of Indian History in the Bengal Renaissance Social Thought

Discovery of Indian history is an important part of “Discovery of India” (J. Nehru) phenomenon in social thought of the Bengal Renaissance XIX – early XX centuries. The process and results of the discovery of Indian history are described in the article, based on analysis of original sources. Searching for ways and means of India's development in Modernity, the Bengal thinkers from Rammohun Roy to Romesh Chunder Dutt and Rabindranath Tagore discovered the Indian Past for the present and Future of their own country. There are two aspects in the intellectual phenomenon. First is theoretical and philosophical one, embodied in numerous attempts of historical research by Bengal intellectuals and genesis of general ideas of philosophy of Indian history. Second aspect is practical one, embodied in instrumental applying of historical data in reformist and creative work in education, culture and politics. The process of the study of Indian history developed from 1840th on three vectors: 1) the creation of general positive image of Indian history; 2) attempts to comprehend the different themes of one; 3) attempts to represent history of India from Ancient to Modern times. The results of the discovery of Indian history were the formation of historical memory as the part of national-cultural consciousness, the formation theoretical-methodological foundations of professional historical research and the integration of new historical consciousness in Indian culture.

Keywords: Modernity in the East, the Bengal Renaissance, social thought, “Discovery of India” phenomenon, Indian history, historical memory, historical research.

Tatiana Skorokhodova, Dr.Sc. (Philosophy), PhD (History), Professor, Department of Theory and Practice of Social Work, Penza State University; skorokhod71@mail.ru

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

Т. В. ЧУМАКОВА, Е. А. ТЕРЮКОВА, М. М. ШАХНОВИЧ

ИСТОРИЯ КНИЖНОГО СОБРАНИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА в 1917–1954 гг.¹

Статья посвящена истории поступления библиотечного собрания Императорского Православного Палестинского общества в научную библиотеку Государственного музея истории религии (1920-1954 гг.). Коллектив авторов сумел проследить судьбу библиотеки, собрав документы в академических архивах (из Архива РАН в Москве, Санкт-Петербургского филиала АРАН, архива Института истории материальной культуры, Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН). Публикуемые документы позволяют реконструировать основные этапы истории передачи библиотеки, проследить динамику ее состава.

Ключевые слова: Императорское Православное Палестинское общество, интеллектуальная история, история библиотек, история науки

История библиотеки Императорского православного палестинского общества (далее – ИППО) похожа на детектив: после революции 1917 г. и реорганизации ИППО, она хранилась в разных, иногда не слишком пригодных для этого местах, и в качестве единой коллекции до нашего времени дошла лишь та часть библиотеки, которая попала в Музей истории религии АН СССР. Приключения библиотеки в советский период начали привлекать внимание исследователей в начале 1990-х, когда вышла статья С.Е. Клещук «Как разорjali библиотеку»². Описывая историю этого книжного собрания, автор завершал свой рассказ 1952 годом, когда библиотека, по его мнению, была полностью разорена и хранилась в разрозненном виде в различных структурных подразделениях сети библиотек АН СССР. История библиотеки в контексте истории ИППО и восточной политики России кратко освещалась в труде Н.Н. Лисового «Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в.»³. О трагической судьбе части библиотеки, хранившейся в Ленинградском отделении Института Востоковедения АН СССР (далее – ИВ АН СССР), и переданной РПЦ (МП) в 1982 г. рассказывается в статье К.А. Ваха⁴. Несколько лет назад история формирования и бытования этого уникального палестиноведческого собрания попала в поле зрения группы

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-63-01001.

² Клещук 1992.

³ Лисовой 2006.

⁴ Вах 2013. С. 174-176.

исследователей из Института философии СПбГУ и Государственного музея истории религии⁵. Прделанная группой работа по выявлению в архивах (Архив РАН в Москве, Архив внешней политики Российской Империи МИД, Санкт-Петербургский филиал АРАН, архив Института истории материальной культуры, архив Государственного музея истории религии, Архив востоковедов в Институте восточных рукописей РАН) документов, проливающих свет на череду передач бывшей библиотеки ИППО в советский период в различные академические учреждения, позволила впервые с высокой степенью достоверности реконструировать наиболее важные этапы в истории этого книжного собрания; его единственный выявленный и сохранивший свой первоначальный вид фрагмент сегодня хранится в Научной библиотеке ГМИР и насчитывает 10482 ед. хранения. В Музее истории религии книжная коллекция ИППО по сей день сохраняет свои оригинальные шифры и отличную от всего остального книжного фонда систематизацию.

История библиотеки началась в 1887 г. когда ИППО приобрело у основателя организации, почётного члена и бессменного секретаря (1889–1903) Н.В. Хитрово его личное книжное собрание⁶. Книжная коллекция ИППО быстро разрасталась⁷ и к 1907 г. насчитывала почти 10093 названий книг/14 000 томов. По оценкам современников она имела себе «в нашем отечестве другого равного ему книгохранилища... по востоковедению и палестиноведению»⁸. До 20 октября 1923 г. библиотека располагалась в Петербурге в приобретенном в 1916 г. ИППО в собственность небольшом доме (д. 10 на Мытнинской). После революции 1917 г. Академия наук желая спасти коллекции ИППО, решила взять общество под свое покровительство, и 4 марта 1917 г. на Общем собрании АН был утвержден представленный акад. Ф.И. Успенским «Проект положения о Палестинском Комитете при Академии наук»⁹. В октябре 1918 г. ИППО было переименовано в Русское Палестинское общество (РПО) и вошло в состав АН, но его деятельность возобновилась только в 1920 г., о чем на Общем собрании 20 мая сообщил председатель РПО акад. Ф.И. Успенский¹⁰. 20 июня 1923 г. в связи с тем, что Устав РПО не был утвержден Наркоматом внутренних дел, деятельность Общества была прекращена, а дом на Мытнинской национа-

⁵ См. Терюкова, Чумакова, Шахнович 2015.

⁶ В настоящее время в Научной библиотеке Музея истории религии хранится более 700 томов книг с экслибрисом Н.В. Хитрово.

⁷ Согласно уставу ИППО за формирование библиотеки и архива общества отвечал секретарь общества.

⁸ Дмитриевский А.А. 1907. С. 450.

⁹ Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее – СПФ АРАН) Ф.1. Оп. 1а-1917. Д. 164. Л. 37 об.

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1920. Д. 171. Л. 30.

лизирован. По решению Акцентра Петроградского Управления научных и научно-художественных учреждений Наркомпроса¹¹ 30 августа 1923 г. библиотека, архив и музей РПО, а также склад изданий поступили в ведение Российской Академии истории материальной культуры¹². 13 сентября 1924 г. из Государственного книжного фонда¹³ в Академию истории материальной культуры поступило уведомление, что, библиотека, музей и склад изданий РПО распоряжением Ленинградского Отделения Главнауки¹⁴ от 9 апреля 1924 г. за № 2804 передаются из ведения Академии истории материальной культуры обратно РПО. Возобновление деятельности РПО в 1925 г. было связано с имущественными интересами советского государства, претендовавшего на собственность ИППО в Италии (Бари), Сирии и Палестине¹⁵.

Важную роль в судьбе библиотеки в эти годы сыграл В.Н. Бенешевич¹⁶, занимавший должность секретаря РПО с 1918 г., а в 1923–1927 гг. заведовавший и библиотекой ГАИМК. По инициативе Бенешевича в 1926–1928 гг. до его ареста и ссылки, была проведена инвентаризационная проверка библиотеки РПО, в результате которой была документально зафиксирована общая численность ее книжного собрания: количество книг, журналов, брошюр и карт составляло 16722 наименований/20759 томов, в т.ч. книг на русском языке – 13239 наименований/13652 томов; книг на иностранных языках – 3096 наименований/3806 томов; периодика русская – 268 наименования/1941 тома, периодика иностранная – 119 наименований/1360 томов.

¹¹ Акцентр – Академический центр Наркомпроса РСФСР. Петроградское управление учреждениями Наркомпроса, (1.06.1921–28.12.1921).

¹² В 1918 г. на основе Императорской археологической комиссии была создана Российская Государственная Археологическая комиссия (РГАК). В 1919 г. она была преобразована в Российскую Академию истории материальной культуры (РАИМК), а позже в Институт истории материальной культуры АН СССР (ИИМК АН СССР).

¹³ Государственный Книжный Фонд (1918–1924) – структурное подразделение органов управления библиотечными и архивными собраниями (создан в январе 1919 г. Библиотечным отделом Наркомпроса). Аналог ГКФ был создан в Петрограде в 1918 г. (Книжный фонд при Центральном комитете государственных библиотек). См. подробнее *Голлербах* 2012.

¹⁴ Главнаука – Главное управление научных, научно-художественными и музейными учреждениями (в составе Наркомпроса РСФСР с 1922 по сентябрь 1933).

¹⁵ См. подробнее *Грушевой* 1995.

¹⁶ Бенешевич Владимир Николаевич (1874–1938) – византист, археограф, историк церковного права. Член-корреспондент АН по Отделению исторических наук и филологии (история) с 1924 г. Активно занимался не только научной, но и организационной работой, входил в состав различных академических комиссий. Неоднократно арестовывался, в последний раз был арестован 27 ноября 1937 г., расстрелян 27 января 1938 г. Исключен из членов АН постановлением Общего собрания АН от 29 апреля 1938 г. Восстановлен постановлением президиума АН СССР от 19 декабря 1958 г. № 780 (посмертно) в связи с реабилитацией Военным трибуналом 27 августа 1958 г.

В 1937 г., когда Академия истории материальной культуры вместе с другими учреждениями приступила к освобождению здания Мраморного дворца, начался процесс по передаче книжного собрания РПО в ведение другого ленинградского научно-исследовательского учреждения, входящего в состав Академии Наук СССР, – Института востоковедения, который в то время располагался на Биржевой линии В.О. в здании БАН. В декабре 1938 года, приемка-передача библиотеки была завершена. Институтом было принято 19000 библиотечных единиц хранения, хотя руководство ИВ АН СССР неоднократно ходатайствовало о дальнейшей передаче библиотеки в основную коллекцию БАН, как не имеющей ценности для Института.

Судьба библиотеки в 1940-е гг. не нашла отражения в обнаруженных документах. В 1950-е годы часть книг из библиотеки ИППО была передана в Москву для центральной организации РПО. Отбором книг занимался ученый секретарь Общества с разрешения директора БАН СССР академика Д.В. Наливкина. Сколько книг было отобрано, по какому принципу шел этот отбор, и где эти книги находятся сейчас, неизвестно. Тогда же, в 1950-е годы, значительная часть книжного собрания РПО поступила в Музей истории религии АН СССР (далее – МИР)¹⁷.

Благодаря выявленным архивным документам история передачи библиотеки ИППО в МИР может быть реконструирована с высокой степенью точности (сохранилась переписка директора Музея В.Д. Бонч-Бруевича с различными организациями и сотрудниками Музея в Ленинграде)¹⁸. При этом музею пришлось конкурировать с Московской патриархией, которая, несмотря на то, что библиотека никогда не была собственностью синодальных структур, также претендовала на это собрание. Как справедливо отмечают исследователи¹⁹, доступ к библиотеке до тех пор, пока МИР находился в здании Казанского собора, был затруднен, она хранилась в служебных помещениях, что возможно и спасло ее от разорения в 1960–1970-е гг., после того как музей из системы академических учреждений был в 1962 г. передан в ведение Министерства культуры.

Книжная коллекция бывшего Императорского Православного Палестинского Общества в составе Научной библиотеки Государственного музея истории религии сегодня насчитывает 10482 единиц хранения. На основе проделанного исследования в архивах Санкт-Петербурга и Москвы можно сделать вывод, что уцелевшая в Музее истории религии коллекция составляет чуть более половины от фонда библиотеки РПО, который в 1927 г. насчитывал 20759 томов. Судьба другой половины

¹⁷ О научной деятельности МИР АН СССР см.: *Шахнович, Чумакова* 2014.

¹⁸ См. *Панях* 2014(а); 2014 (б).

¹⁹ *Вах* 2013. С. 174.

книжного собрания ИППО не до конца известна: некоторое количество книг, ранее входивших в коллекцию ИППО, хранится в библиотеке Института восточных рукописей РАН, книги, переданные оттуда РИЦ (МП) в 1982 г., по всей вероятност, были утрачены. Хочется верить, что многие книги из библиотеки ИППО находятся в составе других академических библиотек и ждут своего выявления.

Публикуемые документы из Архива РАН в Москве, Санкт-Петербургского филиала АРАН, архива Института истории материальной культуры, Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН позволят с документальной точностью реконструировать основные этапы истории передачи библиотеки и фиксирует динамику ее количественного и качественного состава.

1. Исполняющий обязанности председателя РПО акад. В.В. Латышев непреренному секретарю РАН акад. С.Ф. Ольденбургу

11 декабря 1920 № 154

Экстренно нужное

Непреренному секретарю Российской Академии Наук

Вступив в 1882 г. на поприще научной и культурно-просветительской работы в Палестине и сопредельных с нею странах Библейского Востока, Российское Палестинское Общество в течение уже первой четверти века своего существования, благодаря энергии и трудам своих основателей и первых руководителей, достигло весьма значительных результатов в своей деятельности: оно выпустило в свет десятки научных трудов по востоковедению, собрало весьма ценную в научном отношении библиотеку, насчитывающую вместе с планами, рисунками и фотографическими снимками до 30 000 названий, и приобрело некоторые древности, модели и картины, могущие послужить основанием для музея по Палестиноведению. Озабоченные наилучшим размещением и охранением этих научных собраний, Палестинское общество в начале 1916 г. при содействии и материальной помощи близких ему лиц приобрело в Петрограде, по Мытнинской улице, вблизи Николаевского вокзала, в собственность небольшой дом, предполагая приспособить его для помещения Канцелярии и устройства зала для заседаний, библиотеки, архива, музея и книгохранилища, а так же и общежития для проезжающих через Петроград на Ближний Восток научных сотрудников и экскурсантов; остающиеся свободными помещения в доме Общество предполагало предоставить своим сотрудникам и служащим, однако, затянувшаяся война и недостаток средств как следствие, а также закон от августа 1916 г. о закреплении квартир за проживающими в них жильцами без права выселения, внесло коррективы в планы общества, оно было вынуждено приспособить 3 свободных квартиры под канцелярию, библиотеку и архив., в подвале оборудовать книгохранилище, все остальные в квартиры количеством 15 единиц были сохранены за приживавшими в них и не имевшими никакого отношения ни к научной деятельности вообще, ни к Палестинскому обществу в частности. Общество было вынуж-

дено выступить в силу обстоятельств в чуждой ему роли домохозяйину и сдавать квартиры, но в 1919 г. расходы по содержанию дома стали уже резко превышать доходы от аренды, и оно несло убытки и не было в состоянии изыскать средства).

Не теряя надежды осуществить когда-нибудь свои предположения относительно приспособления дома Общества для вышеперечисленных научных целей и придать ему характер и значение «Палестинского» дома, который совокупностью своих учреждений послужил бы для развития в России науки Палестиноведения, Совет Общества, однако, в настоящее исключительно тяжелое время, когда дому угрожает опасность быть отчужденным наравне с прочими частными домами в распоряжение Комиссариата городского хозяйства, который могут использовать его для посторонних Обществу целей и даже лишить само Общество занимаемого им помещения, - видит единственный благоприятный выход из столь затруднительного положения в передаче дома Российской Академии Наук, которая еще в 1918 г., вследствие предложения заместителя Председателя Совета Коммуны Северной области тов. Луначарского, приняла живое и заботливое участие в охране научного имущества Палестинского Общества, а в 1920 г. для более тесного научного общения в нем делегировала в состав Совета своего представителя.

Помимо охраны научных интересов Палестинского общества, такое решение Совета вызвано соображениями, что, быть может, находящаяся ныне при обществе и содержащая в образцовом порядке научная библиотека по Палестиноведению будет признана Российской Академией наук как филиальное отделение ее библиотеки, с допущением в нее для занятий всех желающих извлечь необходимые материалы для своих научных работ по востоковедению, а свободная же часть помещений Канцелярии, предоставленная в распоряжение Академии Наук, будет использована для занятий возникающих при Академии различных ученых Комиссий. Кроме того, когда дом будет закреплен за Академией наук, часть квартир, по освобождении нынешними жильцами, могут быть предоставлена ее научным сотрудникам, а также сотрудникам Палестинского общества.

Ввиду вышеуказанного Совет Российского Палестинского Общества убедительно просит Вас, в первую очередь принять экстренные меры:

а) к закреплению, через Комиссариат народного просвещения, находящегося по Мытнинской улице под № 10 дома Палестинского Общества за Российской Академией Наук

б) к признанию принадлежащей Палестинскому обществу научной библиотеки по Палестиноведению филиальным отделением Библиотеки Российской Академии Наук.

И. о. Председателя В. Латышев
Секр. В. Юшманов²⁰

Машинописная\ копия.

²⁰ Архив востоковедов ИВР РАН (далее – АВ ИВР РАН). Ф. 120 Оп. 1 Д.117.

2. Записка председателя РПО акад. Ф.И. Успенского о деятельности Палестинского общества 1921 г.

Деятельность Палестинского общества обнаружилась в весьма ценных и столь разнообразных приобретениях как научного, так и материального характера, что она не может не внушать к себе уважения и признательности.

При подведении итогов этой деятельности нужно иметь ввиду, что Палестинское Общество работало на чужбине, в условиях далеко не благоприятных для достижения предположенных целей, в постоянной борьбе с враждебными к нему отношениями как со стороны местного духовного и светского правительства, так и иностранных учреждений и заведующих ими лиц, с завистью и неблагожелательством относившихся к русскому делу. Нужно при том помнить, что на Востоке это было единственное русское насаждение, пытавшееся дать твердую постановку государственно-народным русским интересам.

До некоторой степени с ним разделял на Ближнем Востоке ту же службу Русский Археологический Институт в Константинополе. Между обоими учреждениями есть одна общая черта, выражающаяся в том, что Палестинское Общество и Константинопольский институт это два учреждения, при посредничестве которых мы вели конкуренцию с западными державами и притом на весьма боевых в разных отношениях местах: в Иерусалиме и в Константинополе. Эта конкуренция велась больше четверти века и прошла – смело можно сказать – с честью для России.

Высказанную мысль о конкуренции мы должны особенно подчеркнуть, так как научно-исследовательское состязание русских с западноевропейцами подлежит особенному учету со стороны русского народа и его правительства. Следует вспомнить, что мы известны на Востоке лишь со стороны военной, выражения "москов аскеръ" или "москов казак" там обозначают всю глубину народного мировоззрения на Россию; со своим мирным культурным обликом мы выступили на Востоке лишь в составе и в форме названных выше учреждений. Характер их деятельности более или менее определил отношение западноевропейской литературы к нашим научным задачам и посильным достижениям.

Пятидесятилетняя научная деятельность Палестинского Общества сопровождается весьма большими результатами, о которых дают яркое представление его издания. Палестина в высшей степени интересная и мало имеющая в Европе и Азии одинаково важных и привлекательных для научного любопытства и для сравнения с ней местностей, где бы историческая жизнь была ключом с самых древних времен. Уже в доизраильскую эпоху Палестина и Сирия представляют памятники высокой культуры; период еврейского преобладания в Палестине и возникновение христианства придают истории Палестины неослабевающий интерес. Таким образом – изучение местных памятников архитектуры, опубликование новых текстов, снаряжение экспедиций и раскопки важных в археологическом и историческом отношении мест – составляют предмет научных занятий Палестинского Общества, украшающих его издания. В этом направлении

будет развиваться его деятельность при новом Уставе, недавно выработанном и вступившем в жизнь. Хотя Палестини интересуются и другие научные учреждения, как Российская Академия Наук, Академия Истории Материальной Культуры, Археологические общества и др., но в них палестинские занятия не составляют главного предмета и потому никогда не могут иметь столь важных и положительных результатов, как занятия методологические по определенной программе, углубляющиеся и расширяющиеся в данном направлении и имеющие целью разнообразное приложение сил при единстве объекта исследования. Этим по отношению к Палестине обладает только Палестинское общество, оттого вышедшие от его имени превосходные исследования и публикуемые им разные издания по отношению к Палестине далеко оставляют за собой все, что выходило в том же роде в других русских ученых учреждениях.

Что касается приобретенный материального характера, в этом отношении достигнутые Обществом успехи навлекли на него много несправедливых нареканий, возбудили зависть и породили черную клевету. Чтобы иметь в Иерусалиме точку опоры для своей деятельности и дать помещению своим служащим, Общество озаботилось приобретением земельного участка и возведением на нем больших построек. Независимо оттого, как в самом Иерусалиме, так и в некоторых других городах Палестины Общество сделало приобретения земельных участков в таких местах, которые имеют особенное археологическое значение и на которых частью начаты, частью предположены в ближайшем будущем раскопки. Имея ввиду, что в последние годы, при возбуждении высокого политического и научного интереса в среде больших европейских государств к Палестине и при возникновении многочисленных забронированных участков, записанных на имя французских, германских и английских подданных, умело выбранные и закрепленные за русскими людьми земельные участки составляют такую материальную стоимость и такую реальную силу, которой с полным основанием завидуют иностранцы. Русские деятели в Палестине, коме того, постепенно приобретали покупкой археологические предметы, которые составляли значительное собрание местных древностей, находящееся и по настоящее время в Иерусалиме при церковных зданиях. Это собрание и само по себе составляет драгоценный материл для разработки и может служить лучшим доказательством того, как много в Палестине можно сделать при добром желании. Обращая внимание на эти приобретения, следует хорошо взвесить обстоятельства, при которых приходилось работать Обществу. Палестина есть место боевое и очень высокой конкуренции, где партии представлены далеко выше нас стоящими в культурном и финансовом отношении нациями. Занятое там с немалым трудом и в результате больших усилий положение необходимо всеми мерами оберегать. Всякий наш необдуманый шаг послужит в пользу наших соперников, которые с удовольствием используют его во вред нам. Вновь восстанавливать раз утраченные ценности будет нам не по силам, ибо созидание и творческая работа при условиях

еще более усиленной конкуренции и в менее благоприятных обстоятельствах в ближайшие годы, будет для нас весьма проблематично.

Переходя к вопросу о том, какими в настоящее время научными силами располагает Палестинское Общество, чтобы с одной стороны продолжить занятия Палестиной, с другой же оправдать необходимые на поддержание его расходы со стороны русского народа, мы, оставаясь на реальной почве действительных фактов, не должны в своих дальнейших рассуждениях выходить из условий переживаемого времени.

Чрезвычайные военные и политические события, неблагоприятно отразившиеся, между прочим, и на движении вперед научных исследований, вызывают потребность в поисках таких путей для организации научных учреждений, которыми бы легче и скорее достигались преследуемые задачи. Палестиноведение и по собственному состоянию его в смысле объекта и материала, и по малочисленности специалистов, и по другим причинам - нуждается в тесном сближении между отдельными учреждениями, чтобы объединенными усилиями, расширяя задачи изучения и вместе с тем углубляя их, возобновить и продолжить то движение, которое с таким успехом уже было осуществлено в среде Палестинского Общества. Настоятельная потребность восстановить и поддержать эту научную традицию находит себе оправдание в тех постоянных исторических связях, какие русский народ издавна поддерживал с Палестиной. Следует также указать, на то немаловажное поощрение, которое мы имеем в хорошо составленной специальной библиотеке Общества, в собственных его изданиях и тех материалах, кои частью собраны Обществом или намечены им посредством обмена мнений с русскими и иностранными палестиноведами <...> Из изложенного видно, что постигшее Палестинское Общество несчастье в конце июня сего года, выразившееся в наложении печатей на помещения Общества, в арестовании заведующего домом и делами общества В.Д. Юшманова и в изъятии части книг и связок архивного материала и текущих дел, послужило главным мотивом к распространению в начальственных петроградских кругах по народному просвещению того взгляда, что Палестинское общество есть мертвое учреждение, лишенное работы и жизнедеятельности. Оно насильственно лишено права на деятельность и настоящей запиской пытается снять с себя незаслуженный упрек и вместе с тем объяснить, что не нам с нашей убогой культурой посягать на закрытие таких научных учреждений, которые показали свою жизнедеятельность, принесли народу и науке существенную пользу, и это на заграничном театре, в честном и успешном единоборстве с иностранцами...

...Нынешний состав Общества, правда немногочисленный, от 25 до 30 членов, одушевлен горячим желанием трудиться в избранной области палестиноведения. Несмотря на понесенную утрату в смерти своего председателя, академика В.В. Латышева, несмотря на все неблагоприятные материальные условия, Общество в текущем 1921 г. Неослабно продолжало собираться для чтения и обсуждения ученых сообщений, для выработки плана дальнейших занятий и, наконец, с целью заполнения вакантных мест в Совете и пополнения состава Общества выбором новых членов....

...Против мысли о закрытии Палестинского Общества служат, наконец, возражением следующие обстоятельства. Мы приобрели на бойком историческом и научном театре крепкие позиции и, немало не смущаясь, думаем уступить их нашим соперникам. Мы владеем в Палестине несколькими земельными участками, записанными на имя частных лиц, громадная ценность которых не может в настоящее время поддаться хотя бы приблизительному вычислению; – раз перестает существовать Общество, земельные владения с постройками уплывут из наших рук. Палестинское общество составило прекрасную и умело подобранную библиотеку и произвело на месте разнообразные научные работы, – ужели можно закрытием Общества безжалостно уничтожить все эти приобретения? – Будем надеяться, что советское правительство не наложит руку на полезное в государственном отношении русское народное дело в Палестине и разрешит Палестинском Обществу продолжить его деятельность, согласно с новым Уставом.

Председатель Ф. Успенский²¹

Машинописная копия.

3. Письмо председателя РПО акад. Ф.И. Успенский в Петроградское Управление Научных Учреждений Академического Центра

Российское палестинское общество

4 января 1923 г. Исх. № 22.

В Петроградское Управление Научных Учреждений Академического Центра

Во исполнение декрета о регистрации Обществ и Союзов от 12 августа с.г. Совет РПО направил все требующиеся сведения в Москву в НКВД и Главнауку при отношении от 25 августа, копия которого при сем прилагается. Устав Общества уже утвержден 9 декабря 1932 г. Главнаукой и прилагается при сем в копии.

Возбужденный ранее вопрос о переименовании общества согласно его основным задачам в РПО изучения Палестины и Средиземноморского Востока будет представлен на усмотрение Акцентра после регистрации Общества в НКВД <...>.

Совет Общества прежде всего усердно просит Акцентр оказать свое содействие в укреплении юридического положения Общества согласно предположениям, выраженным 27 сентября 1922 г. № 4764 в ответ на ходатайство Академии Наук через комиссию ее в составе академиков Ф.И. Успенского и Н.Я. Марра, и, в частности, зарегистрировать в качестве научных учреждений, открытых для обозрения и научной работы, Музей Палестиноведения и Библиотеку Общества; первый может быть открыт по воскресеньям 12-14 ч., вторая по вторникам от 5-7 и пятницам 2-4.

Другая же не менее усердная просьба Совета направлена на улучшение крайне тяжелого экономического положения Общества: Совет просит оказать помощь Обществу ассигнованием денежных средств на уплату, хотя бы за помещение Общества и наем сторожа и предоставлением дров для

²¹ АВ ИВР РАН. Ф. 120. Оп. 1. Д. 6. Л. 3-8.

отопления, без чего Общество, конечно, обречено на бездействие, а принадлежащие ему ценные предметы и книги подвергаются опасности погибнуть.

Пред. РПО Ф. Успенский²²

Машинописная копия.

4. Письмо председателя РПО акад. Ф.И. Успенский в РАИМК

Российское Палестинское Общество

4 февраля 1923 г. Исх. № 32.

Копия

Из дела РАИМК № 22, 1923. Вх. №78 от 6 февраля 1923 г.

В Российскую Академию Истории Материальной Культуры

Из личных объяснений с Заведующим научными учреждениями Академического центра выяснилось, что Российское Палестинское Общество, не состоя в объединении с какими-либо научным учреждением Акцентра, лишено возможности с достаточной авторитетностью охранять свою исключительную по богатству и специальному подбору книг библиотеку, а также музей, содержащий редкие неизданные материалы по археологии и искусству Ближнего Востока.

Посему Совет Российского Палестинского Общества имеет честь просить Российскую Академию Истории Материальной Культуры, которая ставит своей задачей изучение и охрану памятников древности и искусства, не отказывать принять в свое ведение организованные Обществом для публичного пользования библиотеку и музей Ближнего Востока.

Необходимые денежные средства на содержание обозначенных научных учреждений, по указанию Заведующего Академическим Центром, могли бы быть предоставлены Российской Академией Истории Материальной Культуры по ее специальному ходатайству.

Председатель общества Академик Ф. Успенский,

Секретарь В. Бенешевич²³.

Машинописная копия.

5. Выписка из протокола заседания Совета РАИМК о принятии в ведение РАИМК библиотеки и музея Ближнего Востока РПО

Российская Академия Истории Материальной Культуры

8 февраля 1923 г. № 380

Копия

Из дела РАИМК № 22, 1923.

В Российское Палестинское Общество

Ученый Секретарь РАИМК настоящим имеет честь уведомить, что Совет Академии, заслушав в заседании 5 сего февраля отношение Общества от 4 февраля с.г., за № 32, с ходатайством о принятии в ведение Академии организованных Обществом библиотеки и Музея Ближнего Востока, постановил означенное ходатайство Общества удовлетворить...

Ученый секретарь Б. Фармаковский²⁴

Машинописная копия.

²² АВ ИВР РАН. Ф.120. Оп.1. Д.31. Л.1.

²³ АВ ИВР РАН. Ф. 120. Оп. 1. Д. 69.

²⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 120. Оп. 1. Д. 103.

6. Переписка об изъятии имущества РПО, и передаче его в РАИМК

Р.С.Ф.С.Р.

Н.К.П.

Академический Центр Петроградского Управления научных и научно-художественных учреждений.

Петроград, Садовая, 18.

30 августа 1923. Исх. № 8388.

Копия

Из дела РАИМК № 22, 1923.

В Российскую Академию Истории Материальной Культуры

Петроградское Управление Научных Учреждений настоящим сообщает, что библиотека, архив и музей, со всем инвентарем последних, а также склад изданий бывшего Палестинского общества передаются в ведение Академии, в виду чего последней предлагается незамедлительно приступить к приему названного имущества Общества и перевозке его в помещение Академии.

О последующем Управление просит его уведомить.

Зав. Управ. М. Кристи

Зав. Научн. Учр. Я. Гессен²⁵

Машинописная копия.

Российская Академия Истории Материальной Культуры

1 ноября 1923 г. № 2673

Копия

Из дела РАИМК №22,1923.

В Петроградское Управление научных учреждений

Вследствие отношений от 30 августа с.г. за № 6388 и 18 сентября с.г. за № 6939, Российская Академия Истории Материальной Культуры уведомляет, что 18 сентября в присутствии следователя Г.П.У. тов. Виноградова, представителя Комитета по охране и реставрации памятников искусства и старины Н.В. Купцова и представителя РАИМК библиотекаря В.Н. Бенешевича и завед. административно-хозяйственной частью М.М. Гирса, завед. столом регистрации обществ и союзов Отдела Управления Володарского Райисполкома А.И. Леопольдовой были изъяты печати с опечатанных помещений б. Палестинского общества (библиотека и архив), представителем Г.П.У. были изъяты портреты лиц б. царской семьи и представительницей Райисполкома – предметы церковного обихода, после чего ключи были переданы представителю Академии, а означенные помещения, равно как помещающийся отдельно во дворе склад изданий и кладовая в подвале были опечатаны печатью Академического Центра, о чем и был составлен соответственный акт за подписью всех перечисленных лиц.

Произведенным тогда же В.Н. Бенешевичем и М.М. Гирсом тщательным осмотром всего переходящего в ведение Академии имущества б. Палестинского общества было установлено, что библиотека, архив и му-

зей с относящимся к ним инвентарем могут быть переведены из помещения б. Палестинского общества в помещение Академии немедленно по получении необходимых на то средств, склад же изданий, как по составу своему, так и по тому плачевному состоянию, в котором находится, нуждается предварительно перевозки в тщательной и довольно продолжительной разборке, почему отношением от 24 сентября с.г., за № 2304, РАИМК предоставила в Петроградское Управление Научных Учреждений смету на расходы по перевозке в Мраморный Дворец лишь библиотеки, архива и музея б. Палестинского общества.

Вследствие ответного отношения от 29 сентября с.г., за № 7278, на 3 октября с.г. в помещении б. Палестинского общества для осмотра подлежащего перевозке имущества были вызваны представители нескольких крупных транспортных предприятий, для чего печати помещений библиотеки, архива и кладовой в подвале были сняты, а затем, после осмотра, помещения эти были вновь опечатаны печатью Государственного Музейного Фонда, о чем и был составлен акт за подписями представителя Комитета Н.В. Купцова, представителя Академии М.М. Гирса и проживавшего в помещении б. Палестинского общества А.Н. Акимова. Об означенном осмотре Следователь Г.П.У., по его просьбе, был своевременно предупрежден по телефону.

Отношением от 10 сентября с.г., за № 2498, РАИМК сообщила Петроградскому Управлению Научными Учреждениями, что перевозка библиотеки, архива и музея б. Палестинского общества поручена Академией Транспортно-экспедиционной конторе НКП, как предложившей наиболее выгодные условия, и что к перевозке будет приступлено 13 сего октября.

По снятии 13 октября печатей, наложенных 3 октября, было приступлено под руководством и наблюдением особо уполномоченного на то Библиотечарем Академии лица к вязке и упаковке библиотеки, архива и музея, причем попутно с упаковкой музея была произведена подробная опись всего музейного имущества и относящегося к библиотеке, архиву и музею инвентаря. Упаковка была закончена 20 октября, а с 22 по 26 октября была произведена перевозка из помещения б. Палестинского общества в помещение Академии поступившего в ведение Академии имущества, о чем того же 26 октября за подписями представителя Комитета, библиотечаря Академии и зав. хоз.-адм. частью Академии был составлен акт с подробным перечислением всего поступившего в распоряжение Академии имущества.

Того же 26 октября представителем Комитета было произведено в помещении б. Палестинского общества изъятие шести самоваров, ценных в художественно-бытовом отношении и переданных того же числа в Историко-бытовой отдел Русского музея, о чем составлен соответствующий акт.

Наконец, того же 26 октября зав. столом регистрации обществ и союзов Отдела Управления Володарского района совместно с представителем Комитета Н.В. Купцовым и Академии М.М. Гирсом в присутствии проживающего в помещении бывшего Палестинского общества А.Н. Акимова была произведена опись имущества, остающегося в распоряжении озна-

ченного Отдела Управления, и подписан заключительный акт о ликвидации имущества б. Палестинского общества.

О времени перевозки означенного имущества был поставлен в известность подлежащий следователь Г.П.У.

Печать б. Палестинского общества и текущая переписка об его деятельности и личном составе затребована и заведующим Столом регистрации А.И. Леопольдовой от последнего председателя названного Общества академика Ф.И. Успенского.

Таким образом, научная часть имущества Палестинского Общества, помещавшаяся в кв. № 10 по Мытнинской ул. д.10, получает полное сохранение для исследовательских целей в ожидании и разрешения вопроса о самом Обществе, в каком бы виде ни была организована дальнейшая работа над его чрезвычайно важными задачами, входящими весьма существенно в интересы самой Академии Истории Материальной Культуры.

В отдельном опечатанном подвале находятся еще склад изданий б. Палестинского общества и в кладовой в другом подвале три опечатанных ящика с клише к этим изданиям.

Приложения: Копии 1/ акта от 26 октября с.г. об упаковке и перевозке библиотеки, архива и музея б. Палестинского общества с относящимися к ним инвентарем, 2/ акт того же числа об изъятии шести самоваров, 3/ опись имущества, оставшегося в распоряжении Отдела Управления Володарского Райисполкома, 4/ заключительного акта от того же числа.

Председатель Академии Н. Марр.

Управляющий делами В. Миханкова.

Завед. адм.-хоз. Частью М. Гирс²⁶.

Машинописная копия.

Российское Палестинское Общество
10.12.1926. Исх. № 5.

В правление Российской Академии Наук

Общее собрание членов Палестинского общества, выслушав доклад мой о предполагаемой перевозке имущества Палестинского общества в новое помещение по ... (не разборчиво – прим. авторов) набережной №2 и найдя, что таковое предприятие не только сопряжено с громадными техническими трудностями, но кроме того угрожает порчей, пропажей и обезглавливанием так старательно оставленной библиотеки, превышающей 30 000 названий, единогласно постановило ходатайствовать о сохранении для библиотеки и архива прежнего помещения.

Обращаясь в Правление с просьбой уважить это ходатайство, считаю долгом объяснить, что сокращение штата служащих при обществе до двух человек и, следовательно, исключение из состава штатников должности библиотекаря, в крайности ухудшит положение «вопроса о переводе библиотеки». Ведь ее нужно в порядке и в системе собрать и уложить в ящики, а в новом помещении по системе расставить по шкафам, иначе библиотекой будет невозможно пользоваться для научных занятий членов

²⁶ АВ ИВР РАН. Ф. 120. Оп. 1. Д. 6.

Общества. То же следует сказать и об архиве и деловых бумагах. Независимо от вышесказанного нельзя не принять в соображение, что новое помещение далеко не приспособлено к предположенной для него цели, требует ремонта, а для этого нужно время. Было бы справедливо, в виду того, что Палестинское общество находится в его собственном доме, не наносит вреда его научным коллекциям, т.е. предоставить ему пользоваться, по крайней мере, той частью помещения, где находится его ..., библиотека, архив и комната для занятий и заседаний.

Председатель: академик Ф. Успенский
10 декабря 1926²⁷

Машинописная копия.

7. Переписка Ленинградского хранилища Государственного Музейного Фонда с ГАИМК

Н.К.П.

Ленинградское хранилище Государственного Музейного Фонда
21 января 1927 г. Исх. №375/212.

В Академию Истории Материальной Культуры

Имущество Палестинского общества состоит на учете Государственно-Музейного Фонда по охранному удостоверению за № 1551 от 12.X-22 г.

Означенное имущество поступило в ведение Академии Истории Материальной Культуры, причем, по имеющимся сведениям, ныне Палестинское общество возобновило свое существование.

Ввиду производства перерегистрации имущества, состоящего на учете Музейного Фонда, Ленинградское его Отделение просит Академию Истории Материальной Культуры сообщить, состоят ли перечисленные в прилагаемом при сем списке материалы в общем составе имущества Академии или числятся за Палестинским обществом, как особым учреждением.

Зав Л.О. Гос. Муз. Фонда
Г. Ятманов²⁸

Машинописная копия.

Копия

Опись предметов, имеющих научно-историческое и художественное значение, находящихся в помещении Палестинского общества по Мытинской ул. в доме № 10 кв. 10, принятых на учет Государственного Музейного Фонда:

I. Библиотека Общества, состоящая из книг, планов, альбомов, рисунков и фотографий, специально относящихся к истории, археологии, этнографии и искусства Палестины и сопредельных с нею стран библейского востока, всего в количестве 30000 т.

Библиотека имеет Систематический каталог в 3 т.

II. Рельефная карта Палестины в подвижном станке, единственная в России.

²⁷ АВ ИВР РАН. Ф.120. Оп.1. Д.75.

²⁸ Архив Института истории материальной культуры (далее - АИИМК). Ф.2. Оп.1. Д.78. Л.1.

III. Разборная модель храма Воскресения, с прилегающими к нему древними зданиями, улицами и кварталами.

Модель поставлена собственноручно известным исследователем подземного Иерусалима – архитектором-археологом Шиком.

IV. План древнего Иерусалима, исполненный красками на полотне знаменитым Брюсом, начала 18 в.

V. Коллекция древних монет, собранных в Палестине известным археологом Антонином Капустинным, описанная профессором И.Б. Помяловским.

VI. Собрание картин масляной красками и акварели, изображающие древности Иерусалима и других Палестинских и Сирийских мест.

Картины принадлежат кисти русских художников: Волкова, Кошелева, Кившенко, Навозова и Айвазовского.

VII. Научные издания Палестинского общества, альбомы и фотографии.

VIII. Собрание мелких вещей, вывезенных из Палестины.

IX. Портреты деятелей Общества.

X. Различные виды.

XI. Планы.

Н. Романченко.

С подл. верно.

Делопроизводитель Государственного
Музейного Фонда М. Змирлова²⁹

Машинописная копия.

8. Переписка председателя РПО акад. Ф.И. Успенского с ГАИМК

Российское Палестинское Общество

Ленинград

Наб. 9 января, д. №6

9 февраля 1927 г. Исх. № 11.

В Государственную Академию Истории Материальной Культуры

На отношение от 2 февраля с.г., за № 501, уведомляю, что хотя библиотека, музей и склад изданий Российского Палестинского Общества распоряжением Ленинградского Отделения Главнауки от 9 апреля 1924 г., за № 2804, переданы обратно Обществу из ведения ГАИМК, однако Общество вынуждено просить об оставлении этого имущества своего в помещении Академии, куда оно было перевезено по распоряжению Главнауки, впредь до тех пор, пока Обществу не будет возвращен принадлежавший ему дом /на Мыггинской ул/, или не будет предоставлено другое помещение.

Председатель Российского Палестинского Общества Ф. Успенский³⁰

Машинописная копия.

²⁹ Там же. Л.2.

³⁰ Там же. Л.4.

9. Из письма председателя РПО акад. Ф.И. Успенского в Главнауку

Российское Палестинское Общество

3 декабря 1927 г.

В Главнауку

Российское Палестинское Общество, учрежденное в 1882 г., оказалось в 1923 г., на 41-м году своего существования, в катастрофическом положении, когда было объявление, что, в силу декрета об отделении церкви от государства, Палестинское Общество упраздняется, и все его имущество, находящееся в России и за границей, поступает в собственность государства. Деятельность Общества была ликвидирована, принадлежавший Обществу благоустроенный дом на Мыгнинской ул., д. 10, был национализирован, а движимое имущество Общества (библиотека, склад изданий, музей, канцелярское оборудование и пр.) было передано в другие учреждения. Архив Общества был принят на учет Ленинградского Отдела Центрархива, ныне Управление Уполномоченного Центрархива Р.С.Ф.С.Р. в Ленинграде, а текущая переписка была изъята Исполкомом Володарского района.

Вскоре было признано, что декрет об отделении церкви от государства не должен был иметь применения к Палестинскому Обществу, как к учреждению в своей основе исключительно научному, а не церковному. С другой стороны, вопрос о национализации весьма ценных имуществ упраздненного Общества, находящихся в Палестине, Сирии и Италии, встретил значительные затруднения формального характера.

По инициативе Российского Палестинского Общества в 1925 г. Общество было вновь призвано к жизни, с установлением для него 29 октября 1925 г. нового устава. В личных переговорах представителей Н.К.П. и Н.К.В.Д. с прежним председателем Общества было выражено настоятельное пожелание, чтобы во главе возрождающегося Общества стал прежний его председатель, и чтобы был сохранен прежний состав Совета и членов Общества, причем Обществу была обещана полная поддержка со стороны Правительства <...> По восстановлению Общества ему была возвращены библиотека, музей, склад изданий, сильно пострадавший, в смысле утраты книг, во время постигшей Общество катастрофы. Но архив Общества, принятый на учет Центрархива и временно оставленный в помещении Академии Истории Материальной Культуры, был вывезен в архивохранилище 2-го Отделения историко-культурной секции Центрального Архива как раз в то время, когда Правительством был поднят вопрос о восстановлении Общества, а текущая переписка Общества, изъятая в 1923 г. Исполкомом Володарского района исчезла бесследно, как это выяснилось из отношений Общества с Управлением Уполномоченного Центрархива Р.С.Ф.С.Р. в Ленинграде и с Ленинградским Губархивбюро.

Принадлежавший Обществу дом не был возвращен ему по его восстановлении, Общество нашло приют в стенах Академии Истории Материальной Культуры, где ему отведено помещение для библиотеки и для склада книг изданий, а для общих собраний обществу предоставляется пользоваться одним из залов Академии в те часы, когда в нем не имеет надобности сама Академия.

Восстановление общества встретило горячий отклик в среде членов Общества и ревностную готовность поддержать, по мере сил, славные традиции Общества, завоевавшего своими научными трудами почетное место в Европе в области палестиноведения <...> Полное игнорирование ходатайств и заявлений РПО правительственными учреждениями, к которым приходится обращаться по поводу своих нужд, вынуждает Совет категорически поставить вопрос об условиях дальнейшего существования Общества. Настойчивые требования правительственных лиц не медлить с открытием деятельности Палестинского Общества, как будто в ней не происходило перерыва, побудили Общество с полным доверием выступить навстречу обещаниям относительно предоставления Обществу всяческого содействия к обеспечению его научной деятельности. В настоящее время, после почти трехлетнего прозябания и тщетных ожиданий исполнения обещаний, Общество не может не признать себя обреченным на медленное умирание.

Председатель³¹

Машинописная копия.

10. Переписка В.Н. Бенешевича с Государственной Публичной библиотекой по вопросу о предоставлении данных о библиотеке РПО

Государственная публичная библиотека

16 мая 1927 г.

В Библиотеку Российского Палестинского Общества

Государственная публичная библиотека, приступая к составлению «Справочника научных библиотек Ленинграда», просит Вас не отказать в заполнении прилагаемой при сем анкеты. Собрание анкет и обработка их поручена Ивану Андреевичу Кубасову, которому Публичная библиотека просит оказать полное содействие для выполнения возложенного на него поручения.

Ответы на анкету желательно получить не позже 28 мая с.г.³²

Машинопись

Российское Палестинское Общество

27 мая 1927 г.

В Государственную публичную библиотеку

На отношение от 12 сего года мая за № 2017 уведомляю, что Российское Палестинское Общество лишено возможности дать полные сведения по целому ряду вопросов, поставленных в анкете, относительно принадлежащей ему библиотеки.

В 1923 г. Общество было закрыто по распоряжению Правительства, причем принадлежавшее ему имущество было передано в другие учреждения. В частности, библиотека Общества была передана Академии Истории Материальной Культуры. В конце 1925 г. Общество было восстановлено с возвращением ему имущества, кроме дома, переданного распоряжением правительственных органов Жилтовариществу, архива,

³¹ АВ ИВР РАН. Ф.120. Оп.1. Д.71. Л.3.

³² АВ ИВР РАН. Ф.120. Оп.1. Д.14. Л.8.

переданного Центральному Отделению Центрархива, инвентаря, оставленного в 1923 г. в распоряжении Отдела Управления Володарского района для передачи в другие учреждения. Однако, вступить фактически в обладание возвращенным движимым имуществом Общество пока не может за неимением помещения и по невозможности для него, вследствие отсутствия средств, организовать заведывание имуществом. По этой причине библиотека РПО продолжает оставаться в ведении и пользовании Академии Истории Материальной Культуры наравне с другими книжными фондами этого учреждения...

Поскольку поставленные в анкете вопросы касаются современного положения библиотеки РПО, сведения по ним могут быть даны. Что же касается данных, относящихся к 1917 г., то они не могут быть даны без наведения справок в архивных материалах. Но принадлежащий Обществу архив до сих пор не возвращен ему, несмотря на усиленные ходатайства об этом.

С этой оговоркой сообщаются следующие сведения:

1. Название: Библиотека Рос Пал Об. До 1917 г. Биб ИППО.
2. Адрес: Набережная 9 января, 6. Мраморный дворец/ помещение Государственной Академии Истории Материальной Культуры/. В 1917 г.: Мытнинская ул., д.10.

3. Основана: 1883 г.

4. Состоит при Российском Палестинском Обществе...

7. ...В нынешнем помещении библиотека находится с 1923 г. Размер его – около 60 кв.м., за 1917 г. сведения о площади не имеются.

8. Общее количество книг, журналов, брошюр и карт – 16722 названий, составляющие 20759.

В том числе книг русских 13239 названия, 13652 томов; книг иностранных 3096, томов – 3806; периодика русская – 268 названия, 1941 том; периодика иностранная 119 названий, 1360 томов.

9. Главнейшие разделы библиотеки

а) Богословие

б) Церковная история

в) Всеобщая история

г) Русская история

д) Археология и история искусств

е) География

ж) Палестиноведение

з) Языкознание и словесность

и) Философия

к) Палеография

л) Справочный отдел /библиография, словари, путеводители, каталоги и т.п./

10. Читального зала не имеется.

11. Особого учета выдачи книг по библиотеке Российского Палестинского Общества не производится.

12. В настоящее время Библиотека не имеет штата служащих /обслуживается библиотечным персоналом Академии Истории Материальной Культуры/. За 1917 г. сведений не имеется.

13. На свои текущие нужды Общество получает в 1926 – 1927 г. по смете Наркомпроса по 90 р. в месяц, из которых не представляется возможности уделять что-либо на пополнение библиотеки. За 1917 г. сведений не имеется.

14. В 1925 - 27 гг. выставок, собраний, докладов и изданий по Библиотеке не было. За 1917 г. сведений не имеется.

15. Библиотека открыта с 10 ч. утра до 4,5 часа / в летнее время – с 9 ч. до 3,5 ч./.

16. Библиотека имеет печатные систематические каталоги, изданные в 1907 и 1913 гг. и алфавитный карточный каталог.

Секретарь Российского Палестинского Общества проф. В. Бенешевич.

(Далее рукописно – прим. авторов)

Всего:

названий: 16 722, книг: 20 759

В том числе: иностранных: названий: 3215, книг: 5166

Русских: названий 13507, книг: 15593

Периодики:

Русской: названий 268, книг 1941

Иностранной: названий 119, книг 1360

26.05. 1927

В. Протопопов (?)³³

Машинопись с рукописной правкой

11. Передача библиотеки РПО Институту востоковедения АН СССР

Директору Института Востоковедения АН СССР

Академику В.В. Струве

Докладная записка

По Вашему распоряжению мне было поручено принять имущество Палестинского общества, находящееся в ИИМК'е. Из беседы с академиком Крачковским, который является зам. председателя этого общества, выяснилось, что библиотека имеет печатный каталог, полный подбор литературы о путешествиях в Палестину и по археологии, а также другую ценную литературу по изучению Палестины.

Когда речь шла о приемке имущества этого общества, то дирекция ИВ имела в виду эту библиотеку, но в действительности же оказалось, что библиотеки как таковой нет. Остались нераспространенные издания Общества в очень большом количестве, весом около 15 тонн, которые ИИМК решил передать нам вместо библиотеки Палестинского Общества.

Институт Востоковедения не имеет свободной площади, чтобы занимать книгохранилище книгами, которые будут предоставлять для нас не больше как утиль. Кроме того, одна переноска этих книг снизу в помещение нашего Института будет стоить 750 рублей.

³³ АВ ИВР РАН. Ф.120. Оп.1. Д.14. Л.10-11.

Поэтому прошу Вас поставить перед Президиумом АН СССР вопрос о предоставлении специального помещения в здании АН, куда можно было бы сразу же перевести все имущество Палестинского общества, а библиотеку Палестинского общества, находящуюся в данное время в ИИМК^е просить передать нашему Институту.

До разрешения вопроса на Президиуме АН СССР прошу Вашего решения на приостановление приемки имущества Палестинского общества.

Зав. Библиотекой И.В. Кузнецова

3.12.37 г.³⁴

Машинопись

Акт

Ленинград, 27 декабря 1937 г., мы, нижеподписавшиеся, представители Института материальной культуры АН СССР зав. Библиотекой А.Ф. Добрынин и зав. архивом Т.Н. Барсукова и представители Института Востоковедения АН СССР – заведующая Библиотекой Е.И. Кузнецова и зав. рукописным отделом т. Мугинов, действуя на основании постановления Президиума Академии Наук СССР составили настоящий Акт в том, что ИИМК АН СССР в лице Добрынина и Барсуковой сдали, а ИВАН в лице Кузнецовой и Мигунова приняли архивный материал в количестве пяти (5) связок с 1888-1930 гг. без подсчета единиц хранения и печатные издания в количестве 900 связок (девятьсот) без подсчета комплектов, принадлежащие Палестинскому обществу.

Сдали: Барсукова, Добрынин

Приняли: Кузнецова, Мигунов³⁵

Машинопись

Акт

г. Ленинград, 1938 г., марта «19» дня, мы, нижеподписавшиеся, заведующий библиотекой Института Истории Материальной Культуры им. Н.Я. Марра – Добрынин А.Ф. и заведующий библиотекой Института Востоковедения – Кузнецова Е.И. составили настоящий акт о том, что, в дополнение к книгам, переданным согласно акта от 21 декабря 1937 г., библиотека ИИМК сдала, а библиотека ИВАН приняла 37 картографических единиц (60 листов карт), 2 указателя к картам и 7 библиотечных единиц, итого 46 единиц из библиотеки Палестинского общества.

Сдал: А.Ф. Добрынин

Приняла: Е.И. Кузнецова³⁶

Машинопись

АН СССР

20 июля 1938 г. Телеграмма.

Директору Института истории материальной культуры АН СССР

Академику И.А. Орбели

Копия – директору Института Востоковедения АН

Копия – директору Библиотеки АН

³⁴ АВ ИВР РАН. Ф.152. Оп.1а. Д.548. Л.48.

³⁵ Там же. Л.49.

³⁶ АВ ИВР РАН. Ф.152. Оп.1а. Д.612. Л.18.

Согласно распоряжению вице-президента Академии Наук СССР академика Г.М. Кржижановского, находящаяся у Вас на хранении библиотека Палестинского общества, должна быть передана Институту Востоковедения АН в дополнение к ранее переданным им делам и архивам Палестинского общества, поэтому прошу Вашего распоряжения о передаче указанной библиотеки в Институт Востоковедения АН.

Начальник ЛАХУ АН СССР Федосеев³⁷.

Институт востоковедения АН СССР

21 июля 1938 г.

Директору Института истории материальной культуры

На основании распоряжения Президиума Вс. Академии Наук Библиотека Палестинского общества, насчитывающая около 28 тыс. томов, передается в Институт Востоковедения Академии Наук СССР. Библиотека ИВ АН свободных стеллажей не имеет. Книги должны быть размещены в магазине ИВ. Необходимо предоставить в распоряжение библиотеки ИВ все те стеллажи, на которых была размещена библиотека Палестинского общества

Ученый секретарь ИВ А.А. Петров³⁸.

Акт

Ленинград, 1938 г., декабря «21» дня, мы нижеподписавшиеся, заведующий библиотекой Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра – Добрынин А.Ф. и заведующая библиотекой Института Востоковедения Кузнецова Е.И., составили настоящий акт о том, что согласно распоряжению вице-президента Академии Наук СССР акад. Г. Кржижановского, сообщенного вышеупомянутым Институтам начальником ЛАХУ АН СССР 20 июля 1938 г., 22 июля было приступлено к передаче, находившейся на хранении в Институте истории материальной культуры им. Н.Я. Марра Библиотеки Палестинского общества в Институт Востоковедения.

В процессе приемки библиотеки, каковая продолжалась с 22 июля по 20 декабря, Институтом истории материальной культуры им. Н.Я. Марра передано, а Институтом Востоковедения принято 19 000 библиотечных единиц, из коих 2540 единиц в каталог библиотеки Палестинского общества на включено, а 10 единиц подлежат списанию, как дефектные и пороченные при переезде.

При сверке сдаваемых книг библиотеки Палестинского общества с каталогом отсутствует 433 ед. По мере выявления отсутствующих единиц из фонда библиотеки ИИМК, а также по получении их от читателей, таковые передаются в библиотеку Ин-та Востоковедения, на что составляется дополнительный акт.

Сдал: А.Ф. Добрынин

Принял: Е.И. Кузнецова³⁹

Машинопись

³⁷ Там же. Л.81.

³⁸ Там же. Л. 83.

³⁹ Там же. Л. 104.

Институт востоковедения Академии наук СССР
25 августа 1939 г.
Президиум АН СССР
Президенту Академику В.Л. Комарову

По Вашему распоряжению в декабре 1937 г. Институт истории материальной культуры передал нашему Институту на хранение книги Палестинского общества (нераспространенные издания). Эти книги библиотечной обработке не подлежат, т.к. для Института никакой ценности не представляют. Будучи сложены в книгохранилище они загромаждают проходы и закрывают доступ к фондам кабинетов, а кроме того создают угрозу в пожарном отношении. Складского же помещения Институт не имеет. Поэтому просим Ваших указаний о передаче вышеуказанных книг на склад Издательства Академии Наук СССР.

Зам директора И.П. Байков
Зав. библиотекой Е.И. Кузнецова⁴⁰

12. Директор МИР АН СССР В.Д. Бонч-Бруевич академику А.В. Топчиеву
3 ноября 1952 г.

Главному ученому секретарю Президиума АН СССР академику А.В. Топчиеву
Глубокоуважаемый Александр Васильевич,

Мне стало известно, что в Иностранном отделе Академии наук в настоящее время находится на временном хранении так называемая «Библиотека Палестинского общества», список на часть книг этой библиотеки я только вчера читал и подробно с ним ознакомился. Все эти книги, а также и все другие, что находится в библиотеке Палестинского общества в высшей степени нужно нам для Музея истории религии, при котором организуется, с согласия Библиотеки Академии Наук в Ленинграде, очень хорошая библиотека по нашим вопросам.

Получить эти книги было бы крайне желательно, как вполне нам подходящие и даже весьма нужно. Я только что разговаривал с представителем Иностранного отдела Академии наук, и они соглашаются эти книги нам передать, о чем будут, вероятно, вам лично докладывать.

Очень прошу Вас разрешить все книги библиотеки Палестинского общества передать к нам в библиотеку Музея истории религии, которая, в конечном счете, принадлежит БАНу и таким образом эти книги не уйдут из системы Академии наук, а всем вам, специалистам по вопросам истории религии и атеизма, принесут большую пользу.

С глубоким к Вам уважением
Директор музея истории религии
(Влад. Бонч-Бруевич)⁴¹

Машинописная копия

⁴⁰ АВ ИВР РАН. Ф.152. Оп.1а. Д.663. Л.93.

⁴¹ СПФ АРАН. Ф. 221. Оп. 2. Д.206. Л.97.

13. Из письма М.Д. Захаровой В.Д. Бонч-Бруевичу

5 марта 1954. № 312-Библ. 5.

Директору музея истории религии и атеизма АН СССР доктору исторических наук В.Д. Бонч-Бруевичу

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

...По распоряжению дирекции БАН-а мы сейчас должны разобрать книги Палестинской библиотеки и отметить, что нам передано в печатном каталоге палестинской библиотеки. БАН должна эти сведения послать акад. Топчиеву.

Обработка книг Палестинской библиотеки при наличии даже нештатных сотрудников займет у нас весь 1954 год...

Желаю Вам здоровья и всего наилучшего

Уважающая Вас

Зав библиотекой Музея истории религии и атеизма АН СССР М.Д. Захарова⁴²

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вах К.А.* Проект издания Дневника архимандрита Антонина: 1817 – 1894 // Архимандрит Антонин (Капустин) Дневник. Год 1850. М.: Индрик, 2013. С.171-178.
- Голлербах Е.А.* «В борьбе за это»: Государственный книжный фонд на архивном фронте между двумя мировыми войнами // Материалы научно-практической конференции Архивы в истории. История в архивах. СПб.: Архивный комитет СПб., 2012. С. 13–24.
- Грушевой А.Г.* Императорское Палестинское Общество (по петербургским архивам) // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 134-157.
- Дмитриевский А.А.* Извлечение из Исторической записки ИППО за 25 лет его существования. (Читано в торжественном заседании Общества 22 мая 1907 г. // Сообщения ИППО. 1907. Т. XVIII. Вып. 3-4. С. 430-451.
- Клецук С.Е.* Как разорвали библиотеку: из истории современности // Научные и технические библиотеки. 1992. № 8. С. 62–67.
- Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М.: «Индрик», 2006. 512 с.
- Панях А.В.* Из истории библиотеки Императорского православного палестинского общества в собрании Научной библиотеки Государственного музея истории религии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2014. Вып.4. С.144-149.
- Панях А.В.* Научная библиотека Государственного музея истории религии: Страницы истории // Труды Государственного музея истории религии. СПб: Типография СПГУТД, 2014 (6). Вып.14. С.95 – 105.
- Терюкова Е. А., Чумакова Т. В., Шахнович М. М.* Коллекции Императорского Православного палестинского общества в собрании Государственного музея истории религии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 2015. Т. 16. № 4. С. 284-291.
- Шахнович М.М., Чумакова Т.В.* Музей истории религии Академии наук СССР и советское религиоведение (1932-1961). СПб.: Наука, 2014. 458 С.

REFERENCES

- Kleshhuk S.E. Kak razoryali biblioteku: iz istorii sovremennosti // Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki. 1992. № 8. S. 62–67.
- Vakh K.A. Proekt izdaniya Dnevnik arkhimandrita Antonina: 1817 – 1894 // Arkhimandrit Antonin (Kapustin) Dnevnik. God 1850. M.: Indrik, 2013. S. 171-178.
- Lisovoj N. N. Russkoe dukhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoj Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX v. M.: «Indrik», 2006. 512 s.

⁴² СПФ АРАН. Ф. 221. Оп. 2. Д.280. Л.12-13.

- Teryukova E.A., Chumakova T.V., Shakhnovich M.M. Kolleksi Imperatorskogo Pravoslavnogo palestinskogo obshhestva v sobranii Gosudarstvennogo muzeya istorii religii // Vestnik Russkoj khristianskoj gumanitarnoj akademii, 2015. T. 16. № 4. S. 284-291
- Dmitrievskij A.A. Izvlechenie iz Istoricheskoy zapiski IPPO za 25 let ego sushhestvovaniya. (Chitano v torzhestvennom zasedanii Obshhestva 22 maya 1907 g. // Soobshheniya IPPO. 1907. T. XVIII. Vyp. 3-4. S. 430-451.
- Grushevoj A.G. Imperatorskoe Palestinskoe Obshhestvo (po peterburgskim arkhivam) // Arkhivy russkikh vizantinistov v Sankt-Peterburge. SPb., 1995. S. 134-157.
- Gollerbakh E.A. «V bor'be za ehto»: Gosudarstvennyj knizhnyj fond na arkhivnom fronte mezhdv dvmyma mirovymi vojnami // Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii Arkhivy v istorii. Istoriya v arkhivakh. SPb., Arkhivnyj komitet SPb., 2012. S. 13-24.
- Shakhnovich M.M., Chumakova T.V. Muzej istorii religii Akademii nauk SSSR i sovetskoe religiovedenie (1932-1961). SPB.: Nauka, 2014. 458 S.
- Paneyakh A.V. Iz istorii biblioteki Imperatorskogo pravoslavnogo palestinskogo obshhestva v sobranii Nauchnoj biblioteki Gosudarstvennogo muzeya istorii religii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser.17: Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie. 2014. Vyp.4. S.144-149.
- Paneyakh A.V. Nauchnaya biblioteka Gosudarstvennogo muzeya istorii religii: Stranitsy istorii // Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii religii. SPb: Tipografiya SPGUTD, 2014 (b). Vyp. 14. S. 95-105.

Чумакова Татьяна Витаутасовна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии религии и религиоведения Санкт-Петербургского государственного университета; t.chumakova@spbu.ru

Терюкова Екатерина Александровна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии религии и религиоведения Санкт-Петербургского государственного университета; eaterioukova@yandex.ru

Шахнович Марианна Михайловна, доктор философских наук, профессор, профессор с возложенными обязанностями заведующего кафедрой философии религии и религиоведения Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург); m.shakhnovich@spbu.ru

The History of the Book Collection of the Imperial Orthodox Palestine Society in 1917-1954

The article is devoted to the history of the transfer of the book collection of the Imperial Orthodox Palestine Society (founded in 1887) to the academic Library of the State Museum of History of Religion. The authors managed to trace the fate of the collection by gathering documents in archives (Moscow RAS Archive, St. Petersburg branch of the RAS Archive, the archive of the Institute of History of the Material Culture, the Orientalists' Archive of the Institute of Oriental Manuscripts). Published documents allow to reconstruct main stages of the history of the transfer of the book collection (1920-1954), as well as to trace the dynamics of its qualitative and quantitative composition.

Keywords: *Imperial Orthodox Palestinian Society, intellectual history, history of science, history of libraries*

Tatiana Chumakova, Ph.D (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies St. Petersburg State University; t.chumakova@spbu.ru

Ekaterina Teryukova, Ph.D (Philosophy), Associate professor, Associate professor of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies St. Petersburg State University; eaterioukova@yandex.ru

Marianna Shakhnovich, Ph.D (Philosophy), Professor, Professor and Chair of Department of Philosophy of Religion and Religious Studies St. Petersburg State University; m.shakhnovich@spbu.ru

И. Г. ВОРОБЬЕВА

И. М. БРУЖЕСТАВИЦКИЙ И ЕГО «ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО ДИРЕКТОРА»

Публикуется глава из неопубликованных мемуаров участника Великой Отечественной войны, историка, директора Тверского объединенного музея Израила Моисеевича Бружеставицкого (1922–2006). В главе, посвященной учебе автора на историческом факультете МГУ в 1945–1949 гг., даны характеристики профессорскому составу, описана студенческая жизнь в контексте политических событий в стране.

Ключевые слова: *Исторический факультет МГУ, И.М. Бружеставицкий, «борьба с космополитами», А.И. Неусыхин, Р.А. Авербух, Е.А. Степанова, Светлана Сталина*

Публикуемые отрывки «Воспоминаний бывшего директора» принадлежат человеку уникальной судьбы, и сам текст имеет особый стиль, не характерный для мемуаров. Эти воспоминания – диалог со временем, но каким? Попытаюсь объяснить.

Израиль Моисеевич Бружеставицкий родился 20 июля 1922 года в Мелитополе в семье малограмотного, но мастерового рабочего. Вскоре семья переехала в Симферополь, где он окончил с отличием среднюю школу и отправился на учебу в Москву, поскольку там жили родственники, и на общежитие можно было не претендовать. В 1939 г. он поступил в ИФЛИ, теперь нам известный своими талантливыми выпускниками – литераторами и историками. К великому сожалению, многие из них погибли в годы войны. Учебе в ИФЛИ И.М. Бружеставицкий посвятил первую главу своих воспоминаний, где писал: «Как ни странно, из восьми жильцов нашей студенческой комнаты № 36 шестеро пережили войну; все, кроме Ю. Левитанского, возвратились доучиваться в Университет, куда снова влился ИФЛИ. Процент погибших ифлийцев и студентов аналогичных факультетов МГУ был значительно выше, чем в нашей комнате. Пути военные неисповедимы!»

Для Бружеставицкого дороги войны оказались слишком крутыми. В августе 1941 г. он добровольцем пошел в Красную армию, служил радистом и политруком в 147-й стрелковой дивизии 62-й армии. В августе 1942 г. под Сталинградом, в районе Калача, он попал в плен, выходя из окружения. Документы Бружеставицкий, как и его однополчане, уничтожил и назвался татаринном с выдуманым именем Леонид Петрович Бружа. Это спасло его от расстрела, никто не выдал его как еврея и политрука. С осени 1942 г. он находился в штатлаге в Мюльберге и других лагерях Саксонии. Войне и плену посвящены четыре главы Воспоминаний, фрагменты опубликованы в книге П. Поляна¹.

¹ См. Полян 2006.

После освобождения советскими войсками И.М. Бружеставицкий снова был призван в армию после проверки документов и допросов солагерников, а не отправлен в лагерь ГУЛАГа, что сегодня кажется невероятным. Узнав, что студенты вузов могут получить демобилизацию, он из Венгрии написал запрос в МГУ на имя А.И. Неусыхина и, получив подтверждение, в октябре 1945 г. вернулся в Москву, был вновь зачислен студентом. Он окончил истфак МГУ в 1949 г. и вместе с женой-однокурсницей переехал в Калинин (ныне Тверь). До ухода на пенсию Бружеставицкий работал на разных должностях в областном управлении культуры. С 1967 г. по 1983 г. он занимал должность директора областного краеведческого музея, создав в 1978 г. Объединенный историко-архитектурный и литературный музей (ТГОМ), имеющий ныне более 30 филиалов. Израиль Моисеевич скончался после тяжелой болезни 9 апреля 2006 г.

«Воспоминания бывшего директора» были первоначально задуманы как рассказ о Музее. Автор взялся за этот труд после 1991 г., когда интеллектуальная общественность Твери отмечала 125-летие Тверского музея². Главы, посвященные Музею, как и обширное Вступление, написаны на основе документального материала, расспросов сотрудников Музея, работы с архивными фондами. Бружеставицкий по сути дела написал исследование по истории Музея. Затем он решился рассказать о себе, как и почему он стал историком, о годах учебы, о войне.

Текст писался долго, с 1993 по 1998 г., с перерывами ввиду болезни автора. Полной рукописи нет. Бружеставицкий сначала печатал текст на машинке, потом вносил исправления, последние 100 страниц из 400 сам набирал на компьютере, в чем ему помогал сын – программист Владимир Кононов, он и сформировал несколько электронных изданий, передав их на хранение в библиотеки и архивы Твери. Исследовали, занимающиеся историей образования, музееведения, военной историей, могут работать с «Воспоминаниями бывшего директора» как значительным источником о жизни страны с 1930-х по 1990-е гг.

Я пользовалась собственным экземпляром, подаренным мне женой И.М. Бружеставицкого – Натальей Степановной Кононовой (1926–2013), моей школьной учительницей³. Она училась на истфаке МГУ с 1944 по 1949 г., окончила кафедру по истории Средних веков, была одногруппницей Н.М. Мещеряковой, Л.А. Котельниковой, А.С. Кана, Н.П. Черкашиной, Д. Дробоглава. Я постоянно общалась с ней с 1968 г. до ее смерти осенью 2013 г., но до написания Израилем Моисеевичем этого текста она никогда не рассказывала, что муж был военнопленный, а она – дочь репрессированного. Эти темы были закрытыми. По-

² См. Музей – 125 лет. 1992.

³ О дружбе Н.С. Кононовой с Н.Ф. Ольденбург, племянницей академика С.Ф. Ольденбурга, см. Воробьева. 2015.

сле смерти Бружеставицкого я часто была в семье и убедила ее сформировать личный фонд в Научном архиве ТГОМ, где теперь хранятся черновики Воспоминаний и обширная переписка с университетскими товарищами, имеющая отношение и к работе над Воспоминаниями.

Для данной публикации выбрана глава, посвященная годам учебы И.М. Бружеставицкого в МГУ сразу после войны. В ней автор сумел не только рассказать о своих учителях и товарищах, но и показать свое отношение к сложной политической и идеологической ситуации в стране. Оценка давалась автором, уже жившим в другой стране, в атмосфере другой властной идеологии, но он пытался вести диалог с временем своей юности, оставаясь при этом советским человеком. В Воспоминаниях есть ссылки на публицистические тексты, посвященные «сталинско-бериевским временам», как он их называет, с многими авторами он вступает в дискуссию. Стиль Бружеставицкого бывает жестким, а оценки категоричными.

В публикации сделаны купюры, потому что некоторые сюжеты носят личностный характер, они показаны скобками.

Бружеставицкий И.М. Воспоминания бывшего директора (1967–1983). Тверь, 1998. [Электронная копия]

Глава 6. «Московский университет им. Ломоносова».

«2 или 3 ноября 1945 г. я пошел в незнакомый мне деканат Исторического факультета Московского университета им. М.В. Ломоносова на ул. Герцена, 5. Здесь толпились демобилизованные из Кр. Армии бывшие студенты истфаков ИФЛИ и МГУ. Среди них были мои однокурсники. Объятия, поцелуи, даже слезы... Первые известия о погибших однокашниках. Заявления о восстановлении в составе студентов принимала секретарь учебной части деканата – пожилая женщина по фамилии Мымрикова⁴. Всем она предлагала несколько дней подождать, пока документы пройдут по инстанциям до ректора. Увидев же мою красноармейскую книжку с отметкой о пребывании в плену, она, испугавшись, немедленно подписала мое заявление у декана и отправила меня к ректору. Там я был принят тотчас же, получил резолюцию о восстановлении на истфаке МГУ. В тот же день мне выдали направление в общежитие, справку о восстановлении в МГУ для военкомата, на второй день – продовольственные «рабочие» карточки. Таким образом, в первый и последний раз плен дал какие-то «преимущества» – оперативность в оформлении документов.

Разведав ситуацию и выяснив, что за мною числятся не сданные в ИФЛИ два экзамена – по всеобщей литературе и истории СССР XIX в., и что разница между довоенной программой и нынешним набором предме-

⁴ Студенты приляпали ей кличку «Мымра», подразумевая под этим нечто вроде ведьмы. Она была строга, но справедлива и пользовалась всеобщим уважением. Кстати, по Далю «мыра» означает «домосед» и... «протозей». – Примечание автора Воспоминаний.

тов очень велика, я решил восстанавливаться не на 3 курс, как это сделали некоторые мои однокашники по ИФЛИ, а на 2-й. Я тогда не предполагал, что тем самым я проигрываю 2 года. Во время войны срок обучения в МГУ сократили до 4-х лет, и 3-й курс завершил образование по 4-хлетней программе, т.е. в 1947 году. Для 2-го курса, на который я определился, был восстановлен 5-летний срок обучения; мы заканчивали университет в 1949 году, проиграв не только время, но и число привлекательных рабочих мест.

В самом начале я совершил роковую ошибку, по существу лишившись возможности посвятить себя научным исследованиям – единственному, что привлекло меня когда-то в ИФЛИ, – я отказался возвратиться к А.И. Неусыхину».

Здесь следует пояснить, что еще до войны И.М. Бружеставицкий учился в ИФЛИ и слушал лекции А.И. Неусыхина. В первой главе Воспоминаний он писал: «Профессор-медиевист А.И. Неусыхин (1898–1969) так рассказывает об экономических отношениях средневековья или о «Великой Хартии вольностей», как будто это авантюрные романы. На его семинаре по средневековью кипят страсти. Я со своим южным темпераментом – среди самых горячих спорщиков. Сначала Александр Иосифович относился ко мне спокойно. Но после написания мною курсовой работы («*Capitulare de villis* Карла Великого») он выдвинул ее на институтский конкурс студенческих научных работ, где ей было присуждено 1 место, и она была рекомендована к опубликованию в институтском сборнике, так же, как и работа другого участника семинара Л. Миндина. Для 2-го курса это был необычайный успех. Но началась война, стало не до студенческих работ и не до сборников. Рукописи затерялись».

На втором семестре 2-го курса я оказался в числе немногих любимых учеников А.И. Неусыхина. Он в традициях Российской профессуры приглашал нас домой, поил чаем с печеньем и бутербродами, давал книги из своей библиотеки (с возвратом!). Темы домашних бесед – только наука. И всем нам представлялось, что перед нами отворились двери в большую науку; настроение было радостным и радужным. После войны Александр Иосифович рассказал мне, что в начале 1945 года он опубликовал то ли в факультетской стенгазете, то ли в университетской многотиражке (не помню) некролог о погибших студентах – а я тогда тоже считался погибшим – рассказал о своем довоенном семинаре на 2-м курсе ИФЛИ и о том, как «флегматичный Миндин спокойно отбивал яростные атаки темпераментного Бружеставицкого». Как все это далеко и освещено солнцем юности!

Пишу об этом потому, что именно в семинаре Неусыхина родилась во мне любовь к исторической науке и истине».

Однако Бружеставицкий отказался заниматься в семинаре Неусыхина. Сам он в главе 6 так объяснял: «Тому были две причины: я совсем забыл латинский язык и, пройдя через огонь и воду, посчитал, что медиевистика слишком уж далека от жизни и ее потребностей и поэтому мало перспективна для меня. Мне казалось, что при особенностях моей биографии (плен + «5-й пункт»), по которому уже всюю проявлялась дискриминация) я не должен заниматься разделом науки, далёким от современно-

сти. О, *sancta simplicitas* – «святая простота!» Из сих фактов следовали прямо противоположные выводы!

Мне до сих пор стыдно вспоминать, как я возражал Александру Иосифовичу, который буквально ежедневно уговаривал меня принять его покровительство и научное руководство. С началом специализации на 3-м курсе я записался на кафедру новой и новейшей истории. Дальнейшее мое учение в университете было судорожным поиском пути, который дал бы мне хоть малейшие шансы заняться наукой. Всё было напрасно. Дорога в науку для меня была надежно перекрыта.

Конечно, Неусыхин тоже не мог гарантировать мне аспирантуру, о чем он мне откровенно сказал; «но, – говорил он, – вести научные исследования можно и вне аспирантуры и вне научной должности; было бы желание». Неусыхин настойчиво разъяснял мне это при каждой встрече – и в кабинете, и в коридоре, и на лестнице, и во дворе... Он предлагал мне свою помощь и в изучении заново латыни, и в первых шагах в науке... Я был упрям и непреклонен, думал, что А.И. переоценивает свою науку – медиевистику. Стыдно, совестно, но прошлого не вернёшь, не изменишь. Я был глуп, непростительно наивен, питался иллюзиями, всё еще слепо верил в справедливость советского строя, не видя, что власть, в том числе в науке, давно захвачена лже-коммунистами, которые из личной корысти будут травить все самостоятельное, способное, пресмыкаться перед начальством, жить применительно к подлости. Вчерашние интернационалисты стали шовинистами, антисемитами, с энтузиазмом включились в борьбу с «низкопоклонством перед Западом», с «космополитизмом» и проч.

Давно уже Александра Иосифовича нет на белом свете, а меня не оставляют угрызения совести – как же я не оценил его любовь ко мне, его прямо-таки отеческую заботу. Теперь я понимаю, какую тяжкую обиду я причинил ему. А он, несмотря на это, ещё долгие годы следил за моей жизнью, разыскал меня даже в Калининне, дав специальное поручение своему ученику – А.Я. Гуревичу, преподававшему в Калининском пединституте⁵. Гуревич нашел меня и передал мне призыв Александра Иосифовича вернуться в науку при его помощи и покровительстве. Я был угнетен жизненными обстоятельствами и вновь отказался. Склоняю покаянную голову перед Вашим прахом и памятью, дорогой Александр Иосифович!

<...>

В 1945–46 учебном году расселение в общежитии на ул. Стромынке в Сокольниках проводилось по мере возвращения в Университет демобилизованных фронтовиков, и потому контингент в комнатах был смешанным. Так, в комнате со мною жили два родных брата, вернувшиеся с фронта: старший заканчивал физический факультет, младший учился на 2 курсе механико-математического факультета по специальности «Астрономия». Впоследствии он много лет был директором Московского Планетария. Братья происходили из учительской семьи, были интеллигентными, симпатичными людьми. Старший к тому же был любителем и знатоком отече-

⁵ А.Я. Гуревич преподавал в Калининне с 1950 по 1966 г.

ственной литературы, особенно поэзии. Кумиром его был Пастернак. Младший брат Пастернака не любил, как и я.

Ко мне часто заходили приятели-ифлийцы с исторического и филологического факультетов; среди них тоже были любители поэзии Пастернака. Однажды после оживленной поэтической дискуссии старший брат и один из моих приятелей схватили младшего брата за руки и за ноги и, раскачав, выбросили из комнаты в коридор – за отрицание Пастернака. Конечно, это была шутка, но она отражала и настрой и раскол в студенческой среде. Как раз оба брата, мои приятели и я относились, пожалуй, к одной группе центристов-либералов. Мы были убежденными марксистами, но противниками авторитаризма и догматизма в науке, сторонниками свободы мнений и честного соревнования между различными позициями и научными школами. Но это уже становилось опасным! Добивалась безраздельного господства и добилась его в обществе, в науке, в МГУ догматическая линия, которую силой навязали стране И.В. Сталин и его приспешники.

Уже в первые послевоенные месяцы началась активная кампания по борьбе с «низкопоклонством перед Западом», причем сразу же борьба велась нечестными методами, приняла клеветнический и личностный характер; антисемитизм стал государственной политикой. Инициатором разгрома всякого свободо- и инакомыслия выступил ЦК КПСС; особенно активно проявлял себя А.А. Жданов. Философская дискуссия, жесточайшая критика ведущих советских композиторов – Д. Шостаковича, С. Прокофьева, В. Мурадели, Н. Мясковского и других, постановление ЦК КПСС о журналах «Звезда» и «Ленинград», преследование Ахматовой и Зощенко, других писателей, затем биологическая дискуссия и победа антинаучной линии Лысенко, потом разгром литературных критиков-«антипатриотов», борьба с «космополитизмом»... Восторжествовала идеологическая реакция.

Тяжелая общественная атмосфера, всеобщий страх, широко распространившееся доносительство и пресмыкательство перед вышестоящими в полной мере ощущались в Университете. С горестным чувством наблюдал я за превращением некоторых своих старых и новых однокашников в идеологических и нравственных подонков. В конце 1945 г. и первой половине 1946 г. – на 2-м курсе – я больше общался с ифлийскими однокурсниками и однокурсницами. Но появились и новые приятели.

<...>

А на факультете развернулась дискуссия о героях Молодой гвардии (действительных людей, не литературных персонажах), Зое Космодемьянской, Александре Матросове и других героях, пожертвовавших жизнью. Предмет спора: были ли они выдающимися одиночками, возвышавшимися над толпой обыкновенных людей, или выразителями всеобщего героизма. Пустой, схоластический спор. Однако ему придали политическое значение. Не помню, что посчитали идеологически правильным. Помню лишь, что сторонники «неправильного» мнения были сурово наказаны по партийной и комсомольской линиям. Заслуженные фронтовики, пролившие кровь в боях за Родину, орденосцы получали партийные и комсомольские выговора, им грозило исключение из Университета. Я, по счастью, в этой

дискуссии участия не принял – с новой литературой только начинал знакомиться, имена многих героев войны были мне еще неизвестны.

Среди студентов были секретные агенты госбезопасности; от страха студенты соглашались сотрудничать с «органами», но большинство не оправдывало надежд и не клепало на своих товарищей. Но были и активные доносчики и даже открытые. К последним принадлежала пара Скляр–Шелике, сперва жених и невеста, а потом супруги. Илья Скляр, фронтовик, был кандидатом в члены КПСС, вступил на фронте. Вальтраут Шелике («Травка» – как ее называли уменьшительным именем), дочь немецкого коммуниста, эмигрировавшего в 30-е годы из Германии в СССР и не попавшего под каток репрессий. Её отец сразу же после войны возвратился в Восточную Германию, стал видным деятелем СЕПГ, строителем ГДР. Травка осталась в СССР. Так вот, она и Илья Скляр донесли в партбюро в первую очередь на... себя. Доложили о каких-то своих идеологических сомнениях, получили выговоры, он – партийный, она – комсомольский. Беда была в том, что они донесли и на некоторых своих единомышленников, которые тоже пострадали из-за своей открытости и доверчивости.

Каждая идеологическая и «научная» кампания имела следствием разгром профессуры одного из факультетов. В результате философской дискуссии оболгали и уволили ведущих профессоров, доцентов и преподавателей философского факультета. Победа Лысенко выразилась в разгоне профессоров и преподавателей биолого-почвенного факультета. Деканом был назначен Презент, правая рука Лысенко, вовсе не биолог, а юрист по образованию. Кстати, большинство студентов всех факультетов, воспитанное в школе на основах дарвинизма, не приняло идей Лысенко, но вынуждено было выражать свое мнение только в узком кругу. В Московском университете было много всесторонне начитанных студентов; они разбирались в биологии и, разумеется, не могли согласиться с бредовыми утверждениями Лысенко. Даже я, весьма далекий от практической биологии и не отличавший ели от сосны, читал в школьные годы произведения Дарвина – «Путешествие на корабле Бигль» и (отрывочно) «Происхождение видов». Для нас Лысенко с самого начала был знаменосцем лженауки и силовых методов борьбы с представителями иных научных школ. Всё это давило на нас.

Но особенно тяжело сказывались на нашем факультете давление и победа реакционных сил в гуманитарных науках, литературе и искусстве. К тому же лже-патриоты и лже-коммунисты связали себя с антисемитизмом. Сначала – «тонкие» намеки в специальных журналах и массовой прессе на необходимость подготовки «национальных» кадров историков, философов, филологов, экономистов, литературных критиков и литературоведов, затем позорная борьба с «космополитизмом», публичное раскрытие псевдонимов (в скобках указывали обычно еврейскую фамилию, иногда вымышленную для чистокровных русских, выступавших против антисемитов). То, что происходило тогда в обществе, ныне хорошо известно; буду краток.

<...>

На историческом факультете МГУ волнами накатывалась травля профессоров-евреев или подозреваемых в еврейских корнях. Разумеется, на этом, как всегда так бывает, не остановились и стали обвинять в низко-

поклонстве перед Западом и космополитизме и других ученых – русских, но загораживавших дорогу бездарям, рвущимся на занятые места. Особенно в 1948–49 гг. проводились расширенные заседания кафедр, учёные советы факультета, собрания с участием студентов. На этих собраниях одни профессора, доценты и аспиранты поносили других профессоров, доцентов и аспирантов. Смешали с грязью академика И.И. Минца, известного историка Гражданской войны, апологета Сталина. Разыскивали какую-то популярную брошюру 44 г., где он одобрительно отзывался о тогдашних западных союзниках СССР – американцах и англичанах – и обозвали его агентом империализма. Распустили возглавляемую Минцем редакцию «История Гражданской войны», уволили его с кафедры истории СССР истфака МГУ, но потом, благодаря высокому покровительству в верхах, отстали от него. В числе его самых ярых критиков был его «верный» ученик доцент Верховень, который до этого при каждом удобном случае восхвалял его и буквально лизал ему задницу.

С нашей кафедры уволили профессоров Л.И. Зубока – специалиста по США (научного руководителя Светланы Сталиной) и Звавича – специалиста по Англии. Даже безобидный, никому не загораживавший дорогу, далёкий от всякой политики медиевист А.И. Неусыхин подвергался нападкам, особенно активным со стороны некоего Дорошенко, аспиранта Неусыхина. Его Неусыхин тащил за уши еще с ифлийских времён. В чем же могли обвинить Александра Иосифовича? – В том, что в своих работах по истории средневековой Германии он ссылаясь на труды немецких ученых и, стало быть, – по заявлениям его критиков – преклонялся перед Западом. Подобная «критика» была настолько смехотворна, популярность Неусыхина среди студентов была так велика, что, в конце концов, его оставили в покое. Видимо, не сумели раскопать и его еврейских корней (по слухам кто-то из его предков был крещеным евреем). Но Дорошенко стал нам всем ненавистен и проходил мимо знакомых ему еще по ИФЛИ, опустив голову.

А что же мы, студенты? – Мы сидели молча, сжав зубы, и боялись даже пикнуть. Попытка взять под защиту мнимых космополитов могла закончиться для нас – в лучшем случае – исключением из Университета. Святой человек, А.И. Неусыхин, понимая это, перед одним из таких собраний, ожидая разноса, увидел меня возле аудитории и, поманив к себе, предупредил, чтобы я не высказывал и удержал свой горячий нрав. Стыжусь, что последовал его совету, но, может быть, А.И. тем самым не только сохранил меня в Университете, но даже спас мне жизнь. Со мною – бывшим военнопленным плюс евреем, не церемонились бы. У себя в комнате в общежитии я не мог сдержаться и в гневе наговорил много лишнего, сравнивал статьи в советских газетах с материалами фашистских газет «*Völkischer Beobachter*» и «*Schwarze Korps*» (орган СС), которые доводилось читать в плену. Счастье, что среди моих товарищей по комнате не оказалось доносчиков, хотя один парень все годы войны прослужил в СМЕРШе. Что толку было в моем гневе? Как и другие, я не действовал, не выступил открыто против гнусной идеологической кампании и ее активистов.

Надо сказать, что не все профессора принимали участие в травле «космополитов». Такие видные учёные, как член-корр. АН СССР (впо-

следствии академик) С.Д. Сказкин, профессор Б.Ф. Поршнев (научный руководитель моей жены) и некоторые другие не опозорили себя зашумительской критикой своих коллег, но и не защитили их. Винить за это нельзя никого. Позднейшие диссиденты «отделялись» тюрьмой. В сталинскую эпоху инакомыслящих подвергали жестоким пыткам и казнили. Вспомним, что в эти годы даже Андрей Дм. Сахаров помалкивал и усердно трудился над созданием ядерного оружия. Смелым он стал позднее, при Хрущеве и Брежнев.

Преследования обошли стороной заведующего нашей кафедрой новой и новейшей истории профессора А.С. Ерусалимского, специалиста по истории Германии и истории дипломатии. Он пользовался покровительством Министерства иностранных дел и самого Молотова, советником которого он был. Впрочем, покровительство Молотова было не всесильно – как раз в это время исключили из партии, сняли с работы, а потом арестовали его жену, а вместе с нею и ее заместительницу по Главпарфюмеру Мельник, дочь которой училась со мной в одной группе на кафедре новой истории, была у нас комсоргом и личной подругой Светланы Сталиной и Светланы Молотовой. В 1950 году Ерусалимского все же освободили от заведования кафедрой.

Горький осадок в душе оставляло «раскаяние» преследуемых. Они признавались в несовершенных ошибках, слезно просили прощения, били себя в грудь и обещали, что больше не будут... Не всем это помогло.

Ужасное, страшное время!

В такой атмосфере пришлось провести университетские годы. Поэтому бывшие ифлийцы – студенты и профессора – с грустью вспоминали ИФЛИ и не любили новую *alma mater* – Московский университет.

В кабинете кафедры новой истории на ул. Герцена стояли открыто на полках стенограммы всех послереволюционных съездов партии и первые издания собрания соч. В.И. Ленина с подробными комментариями. В библиотеках эти издания на руки уже не выдавались. Из чистой любознательности я прочитал все стенограммы съездов и комментарии к сочинениям Ленина, узнал подлинные факты внутривнутрипартийной борьбы, которые тщательно скрывались официальной (сталинской!) историей партии. Я самостоятельно пришел к выводам: во-первых, что И.В. Сталин превосходил своих соперников – Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова и др. – в искусстве полемики; он четко, просто и доходчиво формулировал свои мысли и тем перед малообразованными партийными массами подавлял высокообразованных противников, залезавших в сложные теоретические дебри и изъяснявшихся красноречиво, но непонятно; во-вторых, что в этой кучке интриганов, боровшихся за власть, Сталин был самым хитрым и коварным интриганом, сумевшим расколоть оппонентов и, блокируясь с одними против других поочередно, разбить их поодиночке; в-третьих, что он опирался на сильнейшую в ту пору структуру – партийный аппарат, который оказался сильнее армии Троцкого и т.п.; в-четвертых, что он постепенно наращивал применение силы, пока не обрел полноту власти и получил возможность уничтожить «уклонистов» физически. В это же время мне удалось ознакомиться с тоже изъятыми из библиотек стенограмма-

ми судебных процессов 1937–38 гг. над троцкистско-зиновьевскими и бухаринско-рыковскими «бандами». Мы бывали в гостях у нашего приятеля, женившегося к тому времени на дочери академика-химика, и из его обширной домашней библиотеки извлекли упомянутые стенограммы. По ним мы убедились, что на суде не было предъявлено ни одного вещественного и документального доказательства. Все обвинение строилось на признаниях подсудимых и противоречивых свидетельских показаниях одних обвиняемых против других.

Не я один был таким любознательным. Небольшая группа студентов, главным образом – бывших ифлийцев⁶, уже тогда пришла к осознанию зла, которое причинил Сталин обществу, стране, коммунистической идее. Мы оставались марксистами-ленинцами, но становились антисталинистами. Этому способствовал разгул реакции в обществе. Но свои мысли и чувства мы вынуждены были сохранять в глубокой тайне, обмениваясь мнениями обычно где-нибудь в сквере или Сокольническом парке, где нас никто не мог подслушать.

Сильно влиял на нас Тибор Самуэли, студент-заочник, племянник известного деятеля Венгерской революции Тибора Самуэли, убитого венгерскими контрреволюционерами в 1919 г. Отец нашего Тибора был видным работником Коминтерна и советским дипломатом, в 1938 г. был в СССР расстрелян. Тибор провел годы отрочества в спецдетдоме; после войны ему удалось выбраться оттуда с помощью руководителей Венгерской Народной Республики, поступить на заочный истфак МГУ. В Москве он болтался без прописки, нередко ночевал у нас в комнате; подрабатывал он в издательствах переводами с английского и венгерского языков, которыми владел свободно с детства. Убийственными аргументами он разбивал остатки нашего преклонения перед Сталиным. Впоследствии он уехал в Венгрию. О дальнейшей его судьбе не знаю.

Между тем, учебные дела мои шли успешно. Я рассчитался с «хвостами», которыми по глупости обзавелся в ИФЛИ в начале войны, со всей разницей в программе, сдал досрочно экзамены и зачеты и в конце мая 1946 г. уехал в Мелитополь на первые послевоенные каникулы. Так тянуло домой, что я день выстоял в очереди на площади Курского вокзала за пропуском, хотя уже было объявлено об отмене пропусков с 1 июня. В Москве я купил огромный черный чемодан, набил его полностью библиотечными и купленными книгами на русском и немецком языках и с трудом дотащился до Курского вокзала. В Мелитополе меня встретили двоюродные братья, иначе мне бы с тяжеленным грузом не добраться.

⁶ Мой однокашник по ИФЛИ и МГУ Лев Адлер, выдающийся по уму и дарованиям студент; наш приятель по ИФЛИ и МГУ филолог Николай Непомнящий, участник финского батальона ИФЛИ и В.О.В., подвергавшийся дискриминации из-за пребывания в плену. Хорошо его знавшие А. Шелепин и З. Туманова, секретари ЦК ВЛКСМ в послевоенные годы, не помогли ему, как и бывшему военнопленному, бывшему секретарю комитета ВЛКСМ ИФЛИ после Шелепина философу С. Микулинскому. – Примечание автора.

Тогда еще не было телевидения, и три месяца каникул я провел за чтением научной и художественной литературы, наверстывая упущенное за годы войны. По вечерам с двоюродными братьями и сестрами и их компаниями ходил в летний кинотеатр под открытым небом и изредка – в замечательный парк на окраине города. Мать и тетя откармливали меня; я налегал на фрукты, арбузы и дыни, которыми славен Мелитополь. В Мелитополе жили тогда все три родных брата моей матери и старшая ее сестра с семьями (самая старшая сестра жила в Херсоне). Они были очень дружны между собою, поддерживали друг друга и особенно мою овдовевшую мать.

В то лето я вторично побывал в Днепропетровске, на этот раз вольным человеком. Со старшим двоюродным братом, военврачом, приехавшим в отпуск, мы отправились на помощь к его сестре (моей двоюродной), закончившей медицинский институт в Днепропетровске. У нее накопилось много вещей и книг, требовалась мужская сила для доставки в Мелитополь. Съездил я и в Запорожье, посмотреть город, восстанавливавшийся Днепрогэс. На обратный путь железнодорожного билета не достал и проехал 3 часа на подножке пассажирского вагона, держась за поручни, под единственным за все лето проливным дождем и грозой. Молодому парню – все нипочем!

Последующие летние каникулы я вечерами проводил с однокурсницей и землячкой Надей Черкашиной, подругой моей будущей жены. Мои и Надины мелитопольские родственники подозревали, что мы на пороге брачного союза. Но они ошибались – у нас были разные «предметы»...

В конце августа 1946 г. вновь на «пятьсот веселом» приехал в Москву. На этот раз в Стромьинском общежитии нас расселили по факультетам, и я попал вместе с другими историками в комнату № 587 на 8 человек, в которой прожил до окончания университета (состав жильцов постепенно менялся). В начале сентября приказом декана я был назначен старостой 3-го курса, вероятно – по рекомендации курсового парторга Николая Прокопенко, моего однокурсника по ИФЛИ, помнившего, что я был там старостой курса и выступил тогда в его защиту на комсомольском собрании. Принимал я должность старосты курса от юной симпатичной студентки, сталинской стипендиатки Наташи Кононовой. Ни я, ни она не подозревали, что через два года мы поженимся.

На посту старосты курса в МГУ я пробыл всего один семестр. Мой плен смущал деканат и партбюро. С подачи того же Прокопенко я был заменен незаметной студенткой Б., главной заслугой которой был роман с Прокопенко. А меня назначили старостой двух студенческих групп на кафедре новой истории, куда записалось более 40 студентов.

В поисках пути в науку я определился в семинар профессора Ревекки Абрамовны Авербух. Темой семинара была русская дипломатия XIX–XX вв. Основными источниками для нас были дипломатическая переписка российских дипломатов и внешнеполитические документы, опубликованные на языках оригиналов и частично в русских переводах в специальном многотомнике под редакцией известного дореволюционного дипломата и юриста Ф.Ф. Мартенса. Чтобы серьезно заниматься этой тематикой, нужно было хорошее знание иностранных языков, в первую очередь – французского. По-немецки я читал достаточно свободно. Вторым обязатель-

ным иностранным языком я избрал английский, а занятия по французскому языку посещал факультативно.

К сожалению, к изучению иностранных языков я подошел недостаточно ответственно. Вот уж пример «горя от ума». Пассивное овладение иностранными языками давалось мне легко, тем более что первое время я усиленно занимался ими – ежедневно по часу каждым. Я быстро обогнал товарищей по языковым группам, зачет по английскому языку сразу сдал на 3-м курсе за 3-й и 4-й курсы и... бросил заниматься английским, перестал посещать уроки, так как мне было неинтересно с «отстающими». То же самое произошло с изучением французского языка. В результате к окончанию университета я отстал от отстающих, английский и французский стал забывать, а потом в Калининe, не занимаясь ими, и вовсе забыл. На немецком же языке (экзамен за полный курс сдал за полгода до срока) продолжал читать ежедневно по учебным надобностям и из интереса. Увлёкся прозой Генриха Гейне, читал в оригинале Генриха и Томаса Маннов, Л. Фейхтвангера и др. Между прочим, прочитал немецкий перевод с французского воспоминаний Казановы – сперва трехтомник, а затем полное издание в 12 томах. В семинаре у Авербух надо было отчитываться о прочитанных документах – приходилось много читать оригиналов и предлагать свои переводы, как правило, с французского. Кроме того, Р.А. Авербух прочитала нам спецкурс «История Австрии»; прослушал я и спецкурс профессора Ерусалимского «История Германии». Таким образом, вырисовывалась моя специализация по истории Германии после изучения на собственной шкуре, как я в шутку писал А.И. Неусыхину из Венгрии, варварства у германцев.

Самым интересным был спецкурс «Внешняя политика Екатерины II», который читал факультативно (без экзамена и зачета) известный историк академик Евгений Викторович Тарле. Для его лекций в доме на ул. Герцена, 5, предоставили актовЫй зал (человек на 250), так как этот блестящий ученый, писатель и лектор привлекал всегда большое число студентов и аспирантов даже с других факультетов. Казалось, Е.В. Тарле рассказывает о своих вчерашних встречах с деятелями XVIII века. Он приводил наизусть в русском переводе десятки иноязычных документов, писем и т.п. Некоторые дотошные ребята специально проверяли в архивах подлинники документов – Тарле излагал их на память дословно! Колоритны были его описания людей, нравов, дворцового этикета, быта. Он преподносил нам не схему, а живописную картину, живую историю, которую творили живые люди.

Очень интересны были лекции по истории СССР конца XIX – начала XX в. (до 1917 г.) Аркадия Лавровича Сидорова (1900–1966). Профессор пользовался неопубликованными документальными источниками, в частности, познакомил нас с Воспоминаниями графа С.Ю. Витте, которые тогда еще не были изданы. Именно этим был ценен Московский университет. Несмотря на многогоисленные разгромы, мы учились у самых выдающихся ученых того времени, общались с ними вне аудиторий.

В семинаре Р.А. Авербух мне стало ясно, что история дипломатии – не моя тема. Мне представлялось, что все это поверхностно, заполнено

мелочами, тогда как меня всегда интересовали глубинные, фундаментальные общественные процессы, их анализ (школа Неусыхина!). В это время я увлекся политэкономией (курс лекций читал член-корр. АН СССР Островитянов, семинар вел хороший специалист Гальперин, который застрял в доцентах из-за политического прошлого – был в 20-х годах троцкистом) и философией (лекции читали проф. Гак и др. профессора; семинар вел Келле, наш однокашник по ИФЛИ, рано отвоевавший, закончивший МГУ и аспирантуру; ныне – известный учёный).

На семинарах по политэкономии и философии я был весьма активен, нередко был зачинщиком горячих споров и даже дискуссии, охватившей студентов и аспирантов исторического, экономического и философского факультетов. Не помню точно предмета дискуссии, кажется, какое-то толкование положений К. Маркса в «Капитале» о сущности земельной ренты. Я, видимо, порол чужь, но ее никто не мог убедительно опровергнуть. Ко мне в общежитийскую комнату ежевечерне заходили студенты и аспиранты разных факультетов, спорили до хрипоты. У меня было много сторонников и много оппонентов. Эта неофициальная дискуссия вне аудиторий и без трибун тянулась месяца два, пока руководитель нашего семинара доцент Гальперин тремя фразами не расколотил мои утверждения. Потом мы все весело смеялись. Я же убедился, как велико значение умения спорить – но честно, без применения силовых приемов, которые господствовали в официальных дискуссиях. Наша дискуссия носила чисто теоретический характер, была вне политики и потому не привлекла внимания «компетентных органов».

А в семинаре Р.А. Авербух я заскучал, хоть и стал ее любимчиком наряду с Кларинным. Описательная история была не в моем вкусе. Совсем не помню своей курсовой работы – что-то по дипломатической переписке российских послов в Австро-Венгерской империи. В начале 4-го курса я покинул семинар Р.А. Авербух и перешел к доценту Евгении Акимовне Степановой, одной из руководительниц сектора Маркса–Энгельса в Институте Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина (ИМЭЛС) при ЦК КПСС. Мой поступок был, конечно, некорректен по отношению к Р.А. Авербух, но эта славная женщина не держала на меня зла и не лишила меня своей симпатии до окончания мною МГУ. Потом я связь с нею потерял. Причина перехода – единственная: опять поиск калитки или «перелазы» в науку.

Евгения Акимовна Степанова⁷ вела семинар «Стефан Борн и его газета»; у нее мы прослушали специальные курсы «Карл Маркс – его жизнь и деятельность» и «I Интернационал». К трудам Маркса и Энгельса и их личностям у меня пробудился подлинный интерес. На 4 и 5 курсах я про-

⁷ Степанова Евгения Акимовна (р. 1899/1900) – советский историк, доктор исторических наук (1959). Член КПСС с 1918 г. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1952–1956 гг. Труды о деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса – «Советский энциклопедический словарь». Издание второе. М.: «Советская энциклопедия», 1983, с. 1266. В моей личной библиотеке есть ее книги, 90-летие Е.А. отмечалось в прессе в 1990 г. Жива ли она сейчас – не знаю; связь с нею мы с 1950 г. не поддерживали. – Примечание автора.

читал сверх программы много их работ и всю опубликованную в Собрании сочинений (1-е изд.) переписку. Читал и не опубликованные на русском языке произведения Маркса и Энгельса по совместному советско-германскому изданию на языках оригиналов «*Gesamtausgabe*».

Е.А. Степанова записала своих дипломников (нас было всего трое – кроме меня еще две девушки) в библиотеку ИМЭЛСа, обладавшую богатейшим собранием зарубежных изданий, в том числе периодики XIX–XX вв. Там можно было получить в читальном зале не только нужные для темы издания, но даже иностранные газеты довоенных, военных и послевоенных лет. Мы с моим товарищем Борисом Давыдовым, который был записан в эту же библиотеку своим профессором Л.И. Зубоком, еще до изгнания последнего из МГУ, воспользовались этим и часто выписывали себе, кроме нужной литературы и периодики, также подшивки современных английских, американских и западногерманских газет. С помощью Бориса, у которого английский был основным иностранным языком, я набирался информации в англоязычных газетах, а он с моей помощью – в западногерманских. Однако в начале 1949 г. с развертыванием борьбы против космополитизма современные издания капиталистических стран стали выдавать только при наличии допуска к секретной работе, которого у нас не было.

Уже в первом семестре 4-го курса Е.А. Степанова определила, а кафедра утвердила тему моей дипломной работы: «Рабочее братство» в Германской революции 1848–1849 гг.». О «Рабочем братстве» и его основателе и руководителе Стефане Борне⁸ в советской историографии существовала всего одна статья; благодаря этому моя дипломная работа имела вполне самостоятельный характер. Мне пришлось изучить обширный круг источников, которыми обладала библиотека ИМЭЛСа: негативные фотокопии (белый шрифт на черном фоне – читать с лупой утомительно) газеты Борна, его брошюры 1849 г., немецкие и австрийские газеты того времени, прежде всего «*Neue Rheinische Zeitung*» – «Новую Рейнскую газету» под редакцией К. Маркса. Эта газета употребляла готический шрифт, доставлявший дополнительную нагрузку зрению. Я изучил многочисленные статьи Маркса и Энгельса, в том числе опубликованные только в «*Gesamtausgabe*».

От этого исследовательского труда я получал истинное наслаждение. Увы, мой «диплом» был вторым и последним собственным исследованием (первое – упомянутая выше курсовая в ИФЛИ в семинаре у Неусыхина). Не опубликованные, они остались холостыми выстрелами⁹. После Уни-

⁸ Борн (*Born*), настоящая фамилия Бутгермилх (*Buttermilch*) Стефан (1824–1896), немецкий рабочий-наборщик, сначала член Союза коммунистов, затем организатор реформистского «Рабочего братства». Участник Дрезденского восстания (май 1849 г.). См.: Советский энциклопедический словарь. Изд. 2-е, с. 149. См. также: Е.А. Степанова «Карл Маркс. Краткий биографический очерк». Изд. 2-е. М.: Изд-во политической литературы, 1983, с. 62, 63 и др. Е.А. Степанова. «Фридрих Энгельс», М. 1980, с. 75, 76. В.И. Ленин. ПСС, т. 11, с. 131. – Примечание автора.

⁹ Моя дипломная работа – где-то в личном архиве. Один экземпляр был сдан на хранение на кафедру новой истории в МГУ и вряд ли сохранился. Один экземпляр я передал Степановой по ее просьбе весной 1950 года. – Примечание автора.

верситета наукой заниматься не удалось. В аппарате Калининского управления культуры был чиновником, хотя и соприкасался с творческой работой. На посту директора музея все силы и время отдавал организации науки, сам же заняться исследованиями возможности не имел, если не считать кое-какие исследования памятников культуры, начатые еще до музея. Вероятно, не хватило волевых качеств. Только в пенсионные годы стал исследовать некоторые вопросы истории тверской (калининской) культуры, народного творчества. Но все это мелочи под занавес.

Е.А. Степанова, суховатая по природе, относилась ко всем своим слушателям и дипломникам ровно, никого не выделяя, хотя, честно говоря, в большинстве они были типичными середнячками. По отношению ко мне никаких эмоций не проявляла, что было мне непривычно; я был избран профессорским вниманием, ходил в любимчиках у всех преподавателей, с которыми имел дело, начиная с руководителей семинаров академика Ю.В. Готье (по «Русской Правде»), профессора А.И. Неусыхина, латинистки С.Н. Нюберг в ИФЛИ и кончая руководителями семинаров и преподавателями иностранных языков в МГУ. Но поразмыслив, я понял, что Е.А. Степанова поступает правильно и справедливо. Выделять одного из 3-х дипломников означало внести раскол и вызвать зависть между ними. К тому же я почти обходился без консультаций у Евгении Акимовны, самостоятельно ориентировался в материалах. Е.А., видимо, понимая мою личную бесперспективность, и не ставила, так сказать, на меня.

Много сил затратил я на написание текста, как обычно израсходовав гору бумаги на черновики. Писать сразу набело я никогда не умел, даже позднее – служебные бумаги. Личные письма – и те носят следы исправлений.

Студенческий состав факультета и особенно нашего курса был весьма пёстрым. С приходом фронтовиков курс разросся вдвое и насчитывал 250 студентов. На курсе и факультете было немало выдающихся студентов, как по способностям, так и подготовке. Первым я назвал бы А. Кана, который специализировался на кафедре истории средних веков (в одной группе с моей будущей женой). Сын профессора, известного специалиста по новой истории, он с детства владел тремя основными европейскими языками – немецким, французским, английским, причем говорил и писал на них. Отец воспитывал его в строгости, денег не давал, и Шура со школьных лет зарабатывал частными уроками. В студенческие годы он изучил еще несколько иностранных языков и к окончанию университета владел не менее чем десятью. Он хорошо знал научную литературу, был самостоятельным исследователем широкого диапазона. Шура отличался организованностью, ценил время. Бывало толпа студентов собирается на факультетской лестнице или в вестибюле читального зала университетской фундаментальной библиотеки на ул. Моховой, курят, спорят о чем-нибудь... Выйдет из аудитории или читального зала Шура Кан, подойдет, вежливо осведомится о предмете дискуссии, но не ввяжется, посмотрит на часы, скажет – «извините, у меня нет времени» и возвратится в читалку или уйдет куда-то озабоченный.

В этом плане похож был на него Григорий Котовский – сын знаменитого героя Гражданской войны. Он тоже с детства владел немецким, французским и английским языками, в МГУ специализировался по Индии, изучил хинди, другие языки Индии. Григорий провел два года в немецком плену в лагере в Норвегии. В противоположность своему отцу, который прославился своими приключениями, твердостью и жесткостью, Гриша был исключительно деликатным и мягким, женился на девушке-инвалиде.

Учились на курсе и другие способные, трудолюбивые студенты разных национальностей: русские, украинцы, белорусы, грузины, армяне, евреи, испанцы, вывезенные в СССР в годы гражданской войны в Испании; в 1946–начале 1947 г. были и сербы. На факультете и курсе были заметны дети зарубежных коммунистов, воспитывавшиеся в СССР. Они носили другие фамилии, например, курсом младше учился Тим Райен, сын генсека Компартии США Юджина Денниса. Он так и остался в СССР, стал академиком (членом-корреспондентом) Тимуром Тимофеевичем Тимофеевым и многие годы является директором одного из институтов Академии наук. Луиза Брандон была дочерью лидера подпольной компартии Бразилии и т.д.

Главной «достопримечательностью» курса была Светлана Сталина (в ту пору она носила отцовскую фамилию). Поступила она на истфак МГУ в 1943 году, но, выйдя первый раз замуж¹⁰ и родив сына, брала академический отпуск на год и после него возвратилась в 1946 г. на наш 3-й курс на кафедру новой истории. Специализировалась по США у профессора Л.И. Зубока. Со Светланой я проучился в одной группе 3 года, был ее «начальником» как староста кафедры. Это была скромная тихая молодая женщина с очень красивыми темно-рыжими волосами. Она старалась не привлекать к себе внимания, не примыкала ни к каким студенческим компаниям, дружила лишь с одной девушкой Леной (Лениной) Мельник. Со школьных лет владела двумя иностранными языками – английским и немецким. На семинарах по политэкономии и философии была так же не активна, как и другие девушки, никогда по своей воле не брала слова. Присутствовала, но не выступала на комсомольских и других собраниях. Лишь однажды на собрании, посвященном подписке на очередной заём, она выступила с заявлением, что подписывается на 2 месячные стипендии, и тут же внесла всю сумму. Призыв последовать ее примеру подействовал на нищих студентов угнетающе.

На нашей кафедре стали обычаем студенческие вечеринки по праздникам. Они проходили на квартире у кого-нибудь из студентов-москвичей, чаще всего у Лены Мельник. Светлана в этих вечеринках участия не принимала. Но на Новый 1947 год она прислала нам ящик прекрасного грузинского вина и огромную корзину конфет, каких мы ни до, ни после этого и не видывали. Доставил дар на легковой автомашине офицер госбезопасности. Лишь однажды Светлана пошла гулять с нами вечером какого-то праздника, видимо – 1 мая, так как все мы были в летней одежде. С улицы Герцена мы прошли к Александровскому саду, который тянется вдоль Кремлевской стены от Манежной площади. Мы не пошли к воротам (или

¹⁰ Первый муж С. Аллилуевой В.Я. Каплер.

они были закрыты – не помню), а полезли через ограду. Полезла с нами и Светлана, не обращая внимания на свистки милиционеров. Наше невинное хулиганство последствий не имело.

Во внеучебной обстановке мы чаще всего встречались в Большом зале Консерватории, который студенты МГУ регулярно посещали, благо он расположен на ул. Герцена неподалеку от старого Университета. Один раз она даже достала мне билет на вызвавшее большой ажиотаж исполнение «Реквиема» Берлиоза увеличенным симфоническим оркестром под управлением Евгения Мравинского. Светлана была на концерте вместе с известной балериной Ольгой Лепешинской – возможно, что к этому времени ее первый муж уже был арестован и выслан из Москвы. До того она ходила на концерты с мужем.

Светлана предприняла вдруг еще одну попытку сближения со студентами кафедры: пригласила нас всех – 40 человек – на свой день рождения, сказавши, что никого посторонних не будет, «только папа и Климент Ефремович (Ворошилов)». Мы проявили выдержку и посоветовались в факультетском партбюро. Там нам единодушно рекомендовали не следовать приглашению и для близизра назначить на это время какое-нибудь мероприятие, что мы и сделали. Пошла на день рождения только Лена Мельник. Позднее она рассказала мне по секрету, что это был мрачный вечер. Народу за столом было немного, за спиной каждого стоял охранник в форме, никто не веселился.

Сохранилась в памяти еще одна неофициальная сценка: на 4 курсе я как-то опоздал на лекцию, которая почему-то проходила в Зоологической аудитории на биолого-почвенном факультете тоже на ул. Герцена, напротив здания истфака. В предбаннике перед аудиторией – Светлана Сталина, Лена Мельник и я. В течение всего академического часа они подтрунивали надо мною по поводу моего ухаживания за моей будущей женой Наташей Кононовой, которое уже не было секретом для всего курса. Я не оставался в долгу, подкалывал их, и мы весело пересмеивались втроем.

Училась Светлана Сталина хорошо, как большинство студентов, я сказал бы – на средние пятёрки. Часто пропускала занятия из-за малыша; к ней, естественно, никто не придирался. Случались и учебные приключения. На экзамене по теории и истории права мы со Светланой оказались последними экзаменующимися, хотя я обычно ходил первым. Принимал экзамен профессор Галанза, хороший специалист, но пьяница. Пьян был он и на сей раз; его даже силой доставили на экзамен с большим опозданием. Профессор был либералом, разрешал на экзамене пользоваться литературой и ставил всем без исключения пятерки. Светлане попался трудный билет, и я по ее просьбе написал подробную шпаргалку; по ней она бойко и правильно ответила. Профессор вдруг решил, что не всем же ставить пятерки, и записал Светлане в раскрытую зачетку «четыре»; только после этого он спросил ее фамилию, чтобы проставить оценку в ведомости. Услышав «Сталина», он до того перепугался и скупился, что было жалко на него смотреть. Исправлять в зачетке он не посмел и вынужден был оставить четверку. Светлана восприняла отметку равнодушно, а профессор страдал. Мне он поставил «5», почти не спрашивая, и вышел из аудитории

глубоко несчастным. Рассказывали, что в тот вечер он напился до потери сознания. Так страшна была тогда фамилия «любимого вождя».

Неловко было присутствовать на защите Светланой Сталиной ее дипломной работы. В связи с изгнанием из МГУ профессора Л.И. Зубока Светлана осталась без научного руководителя и несколько растерялась, «поплавала» в море источников (что-то по новейшей истории США). По словам ребят, её «соучастников» по семинару у Зубока, она написала добротную, но вполне среднюю работу. Однако защита ее проходила, говоря нынешним термином, как презентация нового «гениального» труда ее папаши. Один за другим вставали профессора и доценты нашей кафедры и выпренными выражениями восхваляли ее скромную работу, которую большинство и не читало. Студенты, хорошо относившиеся к Светлане, но знавшие ей истинную цену (в академическом плане), сидели с каменными лицами. Было стыдно за наших профессоров, продемонстрировавших лакейскую угодливость. Светлана лично ни в чем не виновна. Такова была сталинская эпоха всеобщего страха, эпоха действительных грандиозных достижений советского народа, массовых кровавых репрессий, расцвета народного образования, культуры и искусства и тяжелой идеологической реакции.

После окончания Университета я видел Светлану только один раз. Приехав как-то из Калинина в Москву в командировку, пошел на концерт в Большой зал и встретил там Светлану в сопровождении пожилой грузинки. Мы поздоровались, спросили друг друга – «как живёшь?», оба ответили – «нормально» и на том расстались. Была ли эта встреча еще при жизни ее отца или позднее – не помню. Потом от наших однокурсников до меня доходили разные слухи о Светлане. Ее отъезд за границу некоторые однокурсники осудили. Ознакомившись с ее «20 письмами к другу», которые ходили в списках, мы поняли, как тяжела и полна страданий ее жизнь, и пожалели свою бывшую однокашницу.

<...>

Защита дипломных работ, государственные экзамены, распределение на работу совпали с пиком борьбы с «космополитизмом». На душе было погано. Моя жена Наташа – чистокровная русская, из тверской интеллигентной семьи – переживала вместе со мною это злосчастное время, мужественно выдержала трудные испытания, которые предъявила нам жизнь. Она ждала ребенка, но написала отличную дипломную работу «Английская республика и французский абсолютизм 1646–1653 гг.», с блеском защитила ее и была рекомендована в аспирантуру. Научный руководитель ее – видный ученый Б.Ф. Поршнев – высоко оценивал ее научно-исследовательский потенциал.

Удачно прошла моя защита. Обнаружила вдруг эмоции Е.А. Степанова, дала высокую оценку моей работе и мне лично, особенно выделила качество моих переводов с немецкого, поставив их выше переводов профессионалов из ИМЭЛСа. Кроме официального оппонента выступила профессор Р.А. Авербух, которая бегло прочитала мое творение (оно по правилам было выставлено для ознакомления на несколько дней в кабинете нашей кафедры). И уж совсем необычным и неожиданным было присутствие на моей защите А.И. Неусыхина – профессора другой кафедры. Ра-

зумеется, и он лишь поверхностно ознакомился с моей работой, тем не менее выступил и дал мне развернутую хвалебную характеристику, начав с ифлийского семинара.

Читатель может упрекнуть меня за двойной подход к хвалебным выступлениям профессоров на защите дипломной работы Светланы Сталиной и моей собственной. Но все-таки не одинаковая смелость нужна для высокой оценки дипломных работ дочери всесильного диктатора и простого студента, находящегося под прессом дискриминации, к тому же в самый разгар борьбы против «космополитов», к которым относили инородцев вроде меня. Причем Неусыхина самого совсем недавно обвиняли в преклонении перед Западом; доставалось и Р.А. Авербух. Я храню в своем сердце благодарность этим мужественным людям, пытавшимся, несмотря на опасность, открыть мне дорогу в науку. Ученый совет кафедры единогласно рекомендовал меня в аспирантуру...

Увы, эти рекомендации не имели практического значения. Путь в науку контролировали не ученые, а совсем другие люди. Гос. комиссия по распределению на работу заседала после защиты дипломов, когда уже выяснилась способность каждого выпускника к научно-исследовательской деятельности. Ведь в Московский университет поступали и тогда, и ныне молодые люди, стремящиеся к науке. Но распределяли выпускников нашего курса на истфаке (да и на других факультетах) не по способностям, не по труду, даже не по общественной активности, которая в ту пору вроде бы считалась важной составной при оценке личности, а лишь по одному признаку – по национальности. Ни один выпускник-еврей, даже такой выдающийся, как А. Кан, к тому же фронтовик-орденоносец и сын профессора-историка, не получил направления в аспирантуру. В аспирантуру были пропущены наряду с сильными, как Слезкин, и откровенные троечники. Например, две дипломницы Степановой, представившие серые дипломные работы, без помех были приняты в аспирантуру. Одна из них сдала вступительные экзамены лишь на «3», другой поставили оценки «5», на которые она никогда не тянула.

А что же отринутые самые способные? – Некоторые потом пытались поступить в аспирантуру АН СССР или Пединститута им. Ленина, например наш друг Роберт Евзеров, сдавали экзамены на «5» и отталкивались в сторону. Евзеров начал с учительства в средней школе, долгие годы пробивался в науку, во время хрущевской оттепели стал кандидатом исторических наук, доцентом политэкономии в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта, отсюда был взят нашим однокашником Т. Тимофеевым (Тимом Райеном) в Институт международного рабочего движения, стал доктором исторических наук, заведовал сектором.

А. Кан несколько лет работал в провинциальных ВУЗах, в т.ч. в Великих Луках [в тексте ошибка – назван Псков], где подружился с будущим профессором Калининского университета М. Фрейденбергом, приезжал потом к нему в Калинин, заходил к нам с Наташей домой, заходил в музей и удивлялся, почему я сам не занимаюсь наукой. Даже ему было непонятно, как придавила нас жизнь. А. Кан стал крупным ученым, доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником Института истории АН

СССР, владеет по меньшей мере 15-ю иностранными языками, читал лекции во многих странах Европы на местных языках. Но в начале 80-х годов не был аттестован в Институте истории за то, что публично поддержал исследователя, который раскопал в архивах СССР, Финляндии и других стран документы, свидетельствующие о том, что в 1939 г. не Финляндия напала на СССР, а, наоборот, СССР напал на Финляндию. За это Кана притесняли, он стал невыездым и т.п. Вследствие давления и дискриминации А. Кан вынужденно эмигрировал; теперь он – профессор университета в гор. Упсала (Швеция). Там его еще до эмиграции избрали почетным доктором. Россия потеряла выдающегося ученого. Кан, Адлер, Биск, Евзеров, известные теоретики и практики музейного дела Букшпан, Курлат и другие затратили многие годы и усилия на преодоление искусственных препятствий на пути в науку.

На курсе оказались кроме меня еще двое бывших военнопленных. Для нас троих это стало дополнительным грехом при распределении.

<...>

Все лето ушло на переписку с разными институтами, но, даже получив приглашение оттуда, мы не могли добиться назначения в Министерстве просвещения. Я прорвался на прием к заместителю министра, который твердо, хотя и вежливо, отказал мне, сказав, что пребывание в плену не украшает мою биографию. Министерство просвещения переадресовало нас по принадлежности в Союзное Министерство высшего образования, но и там нам не предложили ничего путного.

Тем временем жене пришла пора рожать, и мы поехали на ее родину – в гор. Калинин-Тверь, не определившись на работу».

БИБЛИОГРАФИЯ

Воробьева И.Г. Наталья Федоровна Ольденбург – хранитель традиций Приютинского братства // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 307-321.
Музею – 125 лет (1866–1991): Материалы юбил. конф. Тверь: Б.и., 1992. 75 с.
Обречённые погибнуть / Сост. П. Полян, А. Шнеер. М.: "Новое издательство", 2006. 576 с.

REFERENCES

Vorob'eva I.G. Natal'ya Fedorovna Ol'denburg – khranitel' traditsii Priyutin-skogo bratstva // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 50. S. 307-321.
Muzeyu – 125 let (1866–1991): Materialy yubil. konf. Tver': B.i., 1992. 75 s.
Obrechennyye pogibnut' / Sost. P. Polyan, A. Shneer. M.: "Novoe izdatel'stvo", 2006. 576 s.

Воробьева Ирина Геннадиевна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Тверского государственного университета; dubrovnik@mail.ru

I.M. Bruzhestavitsky and his “Memoirs of a former director”

This is a chapter from an unpublished memoirs of Israel Moiseyevich Bruzhestavitsky (1922–2006), a war veteran historian and the director of the Tver Museum. The chapter describes the author's period of study at the history faculty of the Moscow State University in 1945-49, gives characteristics to professors and pictures the student life in the context of contemporary political events.

Keywords: history faculty, MSU, I.M. Bruzhestavitsky, “anti-cosmopolitan campaign”, A.I. Neusykhin, P.A. Averbuch, E.A. Stepanova, Svetlana Stalina.

Irina Vorobieva, Dr.Sc. (History), Professor, Department of World History, Tver State University, dubrovnik@mail.ru

А. И. КЛЮЕВ, А. В. СВЕШНИКОВ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА АНЦИФЕРОВА*

Статья представляет собой рецензию на новое издание воспоминаний известного историка Николая Петровича Анциферова «Отчизна души моей. Воспоминания о путешествиях в Италию».

Ключевые слова: *Н.П. Анциферов, путешествия в Италию, воспоминания об Италии, А.И. Добкин, caravan russo*

Жизненный путь и творческое наследие Николая Петровича Анциферова (1889–1958) в последние годы привлекают к себе внимание как российских, так и зарубежных ученых. Можно даже говорить о своего рода исследовательском буме. При этом речь идет не столько о возвращении «забытого имени»: многие идеи, высказанные Анциферовым в опубликованных и неопубликованных работах 1920–1950-х гг., в частности, его теории «литературных экскурсий» и «литературных образов города», оказались неожиданно созвучны теоретическим поискам современной исторической науки, литературоведения, культурологии, философии и социологии культуры. Подтверждением актуальности творчества историка оказывается также то, что ежегодно в России проходит два научных мероприятия, посвященных его наследию: одно в Санкт-Петербурге, краеведческое, второе в Москве – литературоведческое (его проводит ИМЛИ РАН по инициативе Д.С. Московской).

Воспоминания Анциферова публикуются не впервые. Отдельные их фрагменты публиковались на Западе А.И. Добкиным на страницах исторического сборника «Память» в 1978 и 1981 г.¹ В 1992 г. в издательстве «Феникс» вышла книга «Из дум о былом», включавшая воспоминания Анциферова с добротным научным комментарием². Но ни одно из этих изданий нельзя считать достаточным. Так, в издании Добкина опубликованы не все главы воспоминаний, а в тех, что увидели свет, встречаются значительные купюры (что, впрочем, оговорено самим публикатором). В настоящее время внуком историка М.С. Анциферовым и Д.С. Московской ведется работа по подготовке полного кор-

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики» и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов РФ в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

¹ См.: Н.П.; Анциферов 1981.

² Анциферов 1992.

пуca воспоминаний. В этой связи появление отдельного издания выглядит несколько странным, как некоторый промежуточный результат. Пытаясь обосновать необходимость данного издания автор послесловия М.Г. Талалай пишет следующее: «Однако победило желание как можно быстрее увидеть эти чаемые итальянские главы, да и сама логика – путешествия в Италию представляют собой цельное явление, служащее высоким камертоном для всей судьбы автора» (С. 188).

Предлагаемая вниманию читателей книга «Отчизна моей души» вышла в серии «Русская Италия», которая объединяет разнообразные тексты, посвященные феномену русско-итальянских связей. Она представляет собой тематически подобранные воспоминания Н.П. Анциферова о трех итальянских путешествиях, совершенных им в 1910, 1912, 1914 гг. Издание снабжено предисловием М.С. Анциферова, внука автора, вступительной статьей известного специалиста по анциферовскому наследию Д.С. Московской и послесловием научного редактора, известного специалиста по русской эмиграции в Италии М.Г. Талалая.

В основу издания положена авторизованная машинопись, которая хранится в семейном архиве М.С. Анциферова, с учетом автографов, находящихся в Отделе рукописей РНБ. Заметим, что те же источники легли в основу публикации А.И. Добкина³. Однако, в рецензируемом издании упор сделан на полную, без купюр, публикацию текстов воспоминаний об итальянских путешествиях Н.П. Анциферова.

Первое, короткое, воспоминание «Первая встреча с Италией», датируется 1910 г. и относится к короткому путешествию Н.П. Анциферова с другом детства Г.А. Фортунатовым. «Пусть в ней было много наивности, но зато, быть может, в ней было больше всего творчества», – напишет Анциферов в своей краткой зарисовке об этой поездке, которая, как видно имела серьезное влияние на становление будущего историка (С. 40). При этом стоит обратить внимание на разницу текстов между изданием Добкина и настоящим изданием, что требовало бы дополнительного разъяснения от публикаторов «Отчизны души моей»: в первом упомянутом издании присутствует фрагмент, рассказывающий о поездке на Villa Schiller⁴, в то время как в последнем его нет.

Второе воспоминание «По Италии в 1912 году» касается знаменитого путешествия с экскурсией, организованной для студентов Петербургского университета и слушательниц Высших Женских (Бестужевских) курсов учителем Анциферова, профессором И.М. Гревсом (1860–1941). Именно это описание представлено в воспоминаниях наиболее обстоятельно, что, конечно, говорит о значимости *caravano russo* (именно так, с ошибкой) для формирования мировоззрения Анциферова и его

³ Анциферов 1992. С. 9.

⁴ Анциферов 1992. С. 255-256.

теоретических взглядов. Эта часть воспоминаний была также опубликована Добкиным в 1992 г., хотя и содержала значительные купюры. Они были восполнены в рецензируемом издании. К примеру, читатель может познакомиться с довольно интересными описаниями Анциферовым деталей поездки: квартиры И.М. Гревса (С. 47), дороги до Венеции (С. 55-56), толкованиями В.А. Голованем в ходе экскурсии трех картин Тициана (С. 60-66), впечатлениями Н.П. Анциферова о Венеции (С. 67-68), Пизе (С. 90-91) и Риме (С. 108-110), отдельными зарисовками Сиены и встречей с известным историком И. Йоргенсеном (С. 99-102).

Третье воспоминание – «Свадебное путешествие» – опубликовано в рецензируемом сборнике впервые и представляет собой описание путешествия в Италию, прежде всего в Рим, приуроченного в двухлетней годовщине помолвки Н.П. и Т.Н. Анциферовых.

Стоит особенно отметить работу публикаторов по подготовке указанных текстов к изданию. В определенной степени публикаторы стараются быть, если так можно сказать, конгениальны анциферовским интенциям. Издание снабжено новым, хотя и с опорой на справочный аппарат Добкина, научным комментарием, по которому явно прослеживается стремление к топографической и фактографической полноте, что, конечно, говорит о значительной работе, проделанной публикаторами. Издание обильно снабжено аккуратно подобранным иллюстративным материалом, источником которого послужили семейный архив М.С. Анциферова, архивные фонды РГАЛИ, личные архивы публикаторов, прежде всего Д.С. Московской и М.Г. Талалая, что служит существенным дополнением к тексту Н.П. Анциферова. Вдохновляет сам подход, избранный публикаторами: не просто опубликовать, а вжиться в текст – «(методом вхождения, как советовал padre)» – пишет М.Г. Талалай (С. 188), вслед за Н.П. Анциферовым «проехать» или даже «пройти пешком» Италию (С. 188). Особым дополнением к этому служат карты путешествий, составленные А. Фарсетти. Публикаторы не просто стремятся точно реконструировать маршрут путешествий, его исторические реалии, но и пытаются репрезентировать тот культурный (в частности, художественный) контекст, который в значительной степени влиял как на восприятие Н.П. Анциферовым итальянских реалий, так и на конструирование им самого «образа путешествия».

Новое издание не лишено недостатков. Как уже говорилось, мы рассматриваем его как некий промежуточный вариант, как продукт, который предшествует большому, полному и капитальному изданию воспоминаний известного петербургского историка, поэтому надеемся, что публикаторы не сочтут за мелкие придирки высказанные ниже замечания, истинный смысл которых, помочь при будущем издании.

Несмотря на то, что воспоминания Анциферова сопровождаются двумя предисловиями и одним послесловием, составители удивитель-

ным образом опустили археографическую составляющую подготовки текста. В этой связи было бы интересно не просто ограничиться в конце каждого воспоминания указанием на источник, который взят за основу при публикации того или иного фрагмента, а попытаться проследить «историю текстов» воспоминаний историка. Из-за отсутствия этой части, во время чтения, так или иначе приходится обращаться к предисловию книги «Из дум о былом», написанного А.И. Добкиным, который уделил этим вопросам значительное место⁵.

Кроме того, нам кажется, что в предисловии публикаторы должны были обязательно указать основные принципы работы с текстом. К примеру, по каким орфографическим и пунктуационным нормам публикуются тексты, в каких случаях публикаторы допускали правку текста, а в каких оставляли его без изменений и т.д. Такой анализ должен предварять публикуемый текст, сразу задавая некоторые параметры его прочтения. Однако, вместо подробного описания своего «издательского кредо», научный редактор ограничился одним абзацем в послесловии (С. 188), который оставляет ряд вопросов. Во многом именно этим упущением и можно объяснить некоторые неточности или ошибки. К примеру, в начале воспоминания «По Италии в 1912 году» Анциферовым упоминается трактат Данте «Convivio», название которого передано в итальянизированной форме, т.е. «convito» (С. 47). Возможно, нужно было дать сразу правильное название трактата, а в примечаниях дать указание на форму, которую указал автор, как и сделано публикаторами в других местах. Иногда в тексте встречаются непоследовательности, связанные с несовпадением стиливых норм публикуемого текста и современного русского языка. К примеру, при описании путешествия в Равенну историк говорит: «сильное впечатление произвел Мавзолей Галлы Плакиды», но подписывая мозаику на этой же странице, публикаторы воспроизводят современное название мавзолея – Галлы Пладиции (С. 72). Можно привести еще пример: разное написание известной флорентийской базилики Санта Мария Новелла: у Анциферова – Санта-Мария-Новелла, у публикаторов – Санта Мария Новелла (С. 78). То же можно сказать и о других двояких прочтениях, к примеру, географических наименований: Съена – Сиена (С. 97-98). В соответствии с современными правилами как итальянского, так и русского языков, названия эпох пишутся с заглавных букв (Duecento – Дученто, Trecento – Треченто, Quattrocento – Кватроченто и т.д.). При этом наличие у Н.П. Анциферова названия эпох со строчных букв (С. 68, 78) можно было бы объяснить старыми нормами орфографии, но только, если бы сам автор был бы в этом последователен: далее фигурирует «самый задумчивый художник Кватроченто» (С. 90 и др.).

⁵ Анциферов 1992. С. 6-8.

Стоит обратить внимание на технические ошибки, которые произошли при комментировании отдельных фрагментов текста. Так, когда Анциферов описывает свои воспоминания об ощущениях при посещении дома Гревса (С. 73), дается сноска (№ 85), в которой говорится о высотных доминантах Флоренции (С. 122). Очевидно, что текст и комментарий не соотносятся друг с другом. То же можно сказать и о сносках под номерами 86 и 87 (С. 74 и 76). А далее Анциферовым приведена терцина из XV песни «Paradiso» Данте, у которой нет указания на комментарий, хотя таковой приведен в другом месте под номером 87 (С. 76). В другом месте, дважды приведена сноска под номером 132 (С. 100), что может ввести в заблуждение неподготовленного читателя.

Не очень последовательными выглядят некоторые решения публикаторов при составлении научного комментария. К примеру, составители дают ссылку при упоминании французского поэта Ф. Жамма (С. 107), но, при этом, страницей ранее (С. 106), такого не упоминаются Э. Ренан, Ф. Грегоровиус, Г. Буассье, О. Сабатье. В случае с историком И. Йоргенсенем, имя которого тоже не на слуху у российского читателя, дается неполная информация (С. 101 и 124). Не упоминаются комментарии и менее известные художники Треченто и Кватроченто, имена которых могут ничего не говорить читателю, к примеру, Аньоло Гадди, Спинелло Аретино (С. 78), Андреа Орканья (С. 79), Пьетро дела Франческа (С. 85) и др.

Кроме того, А.И. Добкиным, как уже говорилось, в «Памяти» были в соавторстве с А.Б. Рогинским под псевдонимом опубликованы два фрагмента воспоминаний Н.П. Анциферова, тогда как в рецензируемой книге говорится лишь об втором из них, в котором полностью было раскрыто имя автора. Санкт-Петербургский университет, на историко-филологическом факультете которого учился Н.П. Анциферов, естественно не назывался, вопреки уверениям комментаторов (С. 171), «государственным». При составлении комментария к личности Дино Компаньи (имя которого, кстати, как у Н.П. Анциферова (С. 50), так и у составителей комментария (С. 116) указано не верно (Компаньи)), публикаторы упустили тот факт, что в 2015 г. М.А. Юсимом была издана на русском языке «Хроника событий, случившихся в его время»⁶, название которой передано переводчиком, на наш взгляд, точнее варианта, предложенного публикаторами воспоминаний Н.П. Анциферова («Хроника вещей, случившихся в свои времена»).

Несмотря на высказанные замечания, хочется выразить удовлетворение от проделанной публикаторами воспоминаний Н.П. Анциферова работы и пожелать авторам удачи в этом важном и полезном деле и ждать новых результатов.

⁶ Компаньи 2015.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анциферов Н.П. Из дум о былом: воспоминания / Вступит. ст., сост., примечания и аннотированный указатель имен А.И. Добкина. М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992. 512 с.
- Анциферов Н.П. Три главы из воспоминаний / Предисл. С., примечания С. Еленина и Ю. Овчинникова // Память. Исторический сборник. Вып. 4. Москва, 1979 – Париж, 1981. С. 55 – 152.
- Компань Д. Хроника событий, случившихся в его время / Пер. с ит., статья, примечания М.А. Юсима. М.: «Канон+» РОИИ «Реабилитация», 2015. 304 с.
- Н.П. Эпизод из истории Соловков // Память. Исторический сборник. Вып. 1. Москва, 1976 – Нью-Йорк, 1978. С. 331- 336.

REFERENCES

- Anciferov N.P. Iz dum o bylom: vospominanija / Vstup. st., sost., primečanija i annotirovannyj ukazatel' imen A.I. Dobkina. M.: Feniks: Kulturnaja iniciativa, 1992. 512 s.
- Anciferov N.P. Tri glavy iz vospominanij / Predisl. S., primečanija S. Elenina i Ju. Ovčinnikova // Pamjat'. Istoričeskij sbornik. Vyp. 4. Moskva, 1979 – Pariž, 1981. S. 55-152.
- Kompan' D. Chronica sobytij, slučivšichsja v ego bremja / Per. s it., stat'ja, primečanija M.A. Jusima. M.: «Kanon+» ROII «Reabilitacija», 2015. 304 s.
- N.P. Èpizod iz istorii Solovkov // Pamjat'. Istoričeskij sbornik. Vyp. 1. Moskva, 1976 – Pariž, 1978. S. 331-336.

Ключев Артем Игоревич, преподаватель кафедры всеобщей истории ОмГУ им. Ф.М. Достоевского; kluevartem@mail.ru

Свешников Антон Вадимович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ОмГ им. Ф.М. Достоевского, главный научный сотрудник ИГИТИ им. А.В. Поletaева НИУ ВШЭ; pucholik@rambler.ru

A new edition of the memoirs of Nikolai Petrovich Antsyferov

The article is a review on a new edition of the memories of the famous historian Nikolai Petrovich Anciferov “Fatherland of my soul. Memories of travels to Italy”.

Keywords: N.P. Anciferov, travels to Italy, memories of Italy, A.I. Dobkin, caravan russo

Artem Klyuev, teacher of the Department of World History of Dostoevsky Omsk State University, kluevatem@mail.ru

Anton Sveshnikov, D.Sc (History), Professor of the Department of World History of Dostoevsky Omsk State University, National Research University Highest School of Economics; pucholik@rambler.ru

А. С. ИЩЕНКО

“ДОБРЫЙ СТРАДАЛЕЦ ЗА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ”¹

В контексте развития историографии, посвященной великому киевскому князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху, рассматривается работа А.Ю. Карпова «Великий князь Владимир Мономах». Показаны как достоинства книги, так и некоторые ее недостатки, в частности определенная идеализация главного героя, вытекающая из недостаточно критического отношения к летописным источникам.

Ключевые слова: А.Ю. Карпов, Владимир Мономах, хроника, источники, комментарии, легенда, идеализация

Владимир Мономах – один из наиболее выдающихся русских князей, вошедший в историческую память как правитель, сумевший на какое-то время объединить начавшие распадаться на независимые княжества древнерусские земли и успешно противостоять натиску на них степняков-половцев. Его фигура привлекает внимание как историков, так и пишущих на исторические темы литераторов, но подавляющее большинство научных и научно-популярных работ, освещающих жизнь и деятельность этого незаурядного правителя – это либо общие работы по истории Руси или конкретных ее аспектов, либо статьи по тем или иным сюжетам его биографии. Исследователей – историков, литературоведов, специалистов по истории общественной мысли – привлекают, как правило, отдельные стороны личности князя – как политика, полководца, писателя, религиозного деятеля. Обобщающих же монографических исследований о Мономахе практически нет. Из всего многообразия имеющихся работ на такую роль претендуют лишь несущая на себе отпечаток сталинских установок послевоенного времени книга академика А.С. Орлова, научно-художественное издание «Владимир Мономах» А.Н. Сахарова – своеобразный «венец» советской историографии о князе, а также написанная с критических позиций небольшая работа Ю.В. Кривошеева². Таким образом, обобщающее исследование, учитывающее достижения не только предшествующей историографии, но и современной науки безусловно, назрело.

Вышедшую в популярной серии «ЖЗЛ» (пусть и в т.н. «малой серии») книгу о Владимире Мономахе А.Ю. Карпова можно, поэтому только приветствовать. Автор известен читателю биографиями целого ряда древнерусских правителей: княгини Ольги, князей Владимира Святославича, Ярослава Мудрого, Юрия Долгорукого, Андрея Бого-

¹ Рец. на кн.: Карпов А.Ю. Великий князь Владимир Мономах. М.: Молодая гвардия, 2015. 386 с. (Жизнь замечательных людей: Малая серия: сер. биогр.; вып. 74).

² Орлов 1946; Сахаров 1989; Кривошеев 1993.

любского, Александра Невского и завоевателя русских земель Батыя. С некоторым запозданием настал черед и Владимира Мономаха – «Доброго страдалца за Русскую землю», как назвал его в посмертной статье-некрологе киевский летописец, чьи слова вынесены А.Ю. Карповым в подзаголовок введения. Однако, в строгом смысле слова, рецензируемая работа (как и книга об Александре Невском, также опубликованная в «малой серии» «ЖЗЛ») биографией князя не является. Это становится очевидным уже при знакомстве с ее структурой.

Первый и самый большой по объему раздел книги выстроен как подробная, год за годом, хроника жизни и деяний ее героя на фоне главных событий русской истории того времени. Автор, как правило, приводит фрагмент о князе из источника, а затем комментирует его. При этом он постарался собрать по возможности все свидетельства источников, касающиеся Владимира Мономаха и выстроить их в единый хронологический ряд. Прежде всего, это свидетельства древнерусских летописей – Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской Первой, Софийской Первой, Типографской, Львовской, Тверского летописного сборника, Воскресенской, Никоновской и др., дополненные информацией, почерпнутой из адресованных Владимиру Мономаху посланий церковных иерархов, Киево-Печерского патерика, «Сказания о чудесах святых князей Бориса и Глеба», вошедшего в состав «Русской Правды» «Устава Владимира Всеволодовича» и иностранных хроник. В качестве источника автором привлекаются и уникальные известия В.Н. Татищева, которые он, впрочем, справедливо признает не фрагментами из утраченных летописных сводов, а результатом домысливания в соответствии с собственными представлениями историка XVIII столетия. Наконец, представляет несомненный интерес стремление А.Ю. Карпова к привлечению не только письменных, но и других видов источников, в частности, граффити Софии Киевской и данных сфрагистики.

Второй раздел книги составили собственные сочинения Владимира Мономаха – «Поучение», письмо князю Олегу Святославичу и примыкающая к ним молитва, относительно принадлежности которой Владимиру Всеволодовичу, как справедливо признает А.Ю. Карпов, «ясности нет» (с. 285–286). Эти тексты, за исключением молитвы, частично нашедшие отражение уже в первом разделе, приведены не только в переводе на современный русский язык, но и в подлиннике, что объясняется отсутствием до сих пор «выверенного, удовлетворяющего современным требованиям их издания» (с. 11). Несмотря на резонность замечания, в издании, рассчитанном на массового читателя, это представляется излишним. Специалист же все равно обратится к изданию «Поучения» в составе Лаврентьевской летописи в первом томе «Полного собрания русских летописей», которое и сам А.Ю. Карпов признает «наиболее качественным с научной точки зрения» (с. 11).

В отдельный раздел книги выделены послания Владимиру Мономаху киевского митрополита Никифора и послание неизвестного епископа неизвестному князю, в авторе и адресате которого А.Ю. Карпов вслед за М.Н. Тихомировым и Н.В. Понырко видит соответственно Даниила Юрьевского и Владимира Мономаха (с. 316–320). При этом только в одном из этих посланий – послании митрополита Никифора «О посте» дана яркая характеристика личности князя, приведены сведения о его образе жизни, о сильных и слабых, по мнению митрополита, сторонах его натуры. Два же других, помещенных в книге послания – о латинской вере того же Никифора и «О повинных» неизвестного автора в этом отношении мало информативны. Последнее вообще довольно туманно, что порождает различные его толкования. Так, первый его издатель А.С. Павлов увидел в авторе данного послания суздальского епископа Дионисия, а в адресате – Дмитрия Донского. Г.М. Прохоров же, согласившись с тем, что оно адресовано последнему, посчитал, что его автором был никто иной как митрополит Киприан³.

Наконец, заключительный раздел книги посвящен генезису и эволюции средневековой легенды о Мономахе. Именно он делает работу завершенной, показывая значение фигуры Владимира Мономаха в отечественной истории и исторической памяти. Автору удалось обрисовать процесс мифологизации образа Владимира Мономаха в общественно-историческом сознании русского Средневековья, показать его причины и обстоятельства. «Как оказалось, – пишет А.Ю. Карпов, – не только подвиги на поле брани и многогранная государственная деятельность, но и само его имя, необычное для русского слуха, и греческое происхождение дали повод к развитию легенды» (с. 322). Эта легенда, как он демонстрирует, нашла отражение в знаменитом «Слове о погибели Русской земли», а после того как пала Византия и Московская Русь начинает позиционировать себя в качестве ее преемницы, получила развитие в цикле произведений, повествующих о «Мономаховых дарах». Прямой преемственности между образами Владимира Мономаха, существовавшими в XIII столетии и на рубеже XV–XVI вв., однако, не прослеживается. Они наполнены различным идейным смыслом⁴.

Следует отметить, что помещенные в книге тексты источников сопровождаются тщательным и добротным комментарием, включая необходимые историографические сюжеты и, прежде всего, историю их создания и спорные трактовки. Особенно информативны комментарии к «Поучению» Владимира Мономаха и «Посланию о Мономаховых дарах» Спиридона-Саввы, которое А.Ю. Карпов, уточняя и развивая мнение известной советской исследовательницы «Сказания о князьях

³ Прохоров 1978. С. 193–194.

⁴ Ищенко 2014. С. 106.

владимирских» Р.П. Дмитриевой, признает наиболее ранним памятником цикла. Рассматривая историю сложения легенды о «Мономаховых дарах», автор справедливо уделяет внимание и самим дарам, прежде всего, «шапке Мономаха», истории ее создания и соответствующей историографической «паспортизации» в конце XV в. Однако, говоря об этом венце, он ссылается лишь на мнение советского искусствоведа М.Г. Крамаровского, признававшего его продуктом золотоордынских ювелиров, изготовленным в Крыму в начале XIV в. (с. 331). Работы последних лет, существенно уточняющие или переосмысливающие историю этой инсигнии, остались ему, к сожалению, неизвестны⁵.

Несмотря на стремление к объективности, А.Ю. Карпов принимает на веру многое из того, что у большинства исследователей вызывает серьезные сомнения. Так он пишет, что Владимир Мономах в период после 1093 г. «сумел утвердить свой нравственный (? – А.И.) и политический авторитет в русском обществе, стать... самым влиятельным из русских князей» (с. 56) – точка зрения, в общем-то, традиционная для апологетов этого князя. Хотя автор и полагает, что «наверное, он не всегда соответствовал тому высокому идеалу, который сам создал». Однако, что «величайшая редкость и для политика, и для человека», он все же, как убежден А.Ю. Карпов, «искренне стремился достичь его» (с. 8). Владимир Мономах в его представлении руководствовался в своей деятельности не какими-то корыстными интересами, а исключительно нравственными идеалами добра и справедливости. Между тем, как известно, «Повесть временных лет», сведения которой и дают основания для подобных выводов, подает материал 1093–1117 гг. в откровенно в промонаховской трактовке⁶. Недостаточно учитывается автором и зависимость летописных текстов от особенностей мышления летописца, что проявлялось в прямом или косвенном цитировании Священного Писания, уподоблении героев ранней русской истории библейским и, прежде всего, ветхозаветным, героям⁷.

Однако идеализации автором Владимира Мономаха способствует не только слишком доверительное его отношение к летописям – основному источнику сведений о князе, но, думается, и само построение книги – приведение фрагментов летописных источников и их комментирование (перед нами, по сути, комментированный пересказ летописи,

⁵ Бочаров 1992; Жилина 2001; Бычкова 2009; Богатырев 2011; 2012.

⁶ Приселков 1996. С. 80–81; Лихачев 1947. С. 69–171, 176–177; Гиттинус 2008.

⁷ Данилевский 2004. Карпов в этой связи обращает внимание лишь на сравнение Владимира Мономаха в позднейших построениях киевского летописца с библейским праотцом Исааком, сыном праведного Авраама (в рассказе Ипатьевской летописи под 1198 г. о закладке киевским князем Рюриком Ростиславичем каменной стены в Выдубицком монастыре) (с. 128–129). Другие, более ранние и более яркие уподобления Владимира пророку Моисею, царю Давиду и патриарху Иуде (см.: Ищенко 2016) им не учитываются.

текст которой понимается, как правило, буквально). В результате уже в самом начале чтения книги возникает опасение, что жизнеописание Владимира может превратиться в собрание стереотипных представлений о нем, отраженных в летописях, или говоря иначе, в воспроизводстве его собственного мифа, созданию которого князь отдал немало сил⁸. По мере ознакомления с книгой эти опасения несколько не развеиваются. Отдельные редкие оговорки, связанные с признанием автором некоторых неблагоприятных действий князя и, в частности, проявлений чрезмерной жестокости (с. 111, 131), которая, впрочем, во многом была нормой для того времени, общего впечатления не меняют. Что же касается не летописных источников, параллельных последним и способных при их сравнительном анализе внести, как это продемонстрировала Т.Л. Вилкул⁹, существенные коррективы в идиллическую картину летописца, то они привлекаются А.Ю. Карповым главным образом в качестве дополняющих летописный текст и подчиненных его логике.

Таким образом, очередной книге А.Ю. Карпова в главном присущи те же недостатки, что и предшествующим: «Автор пошел по обычному пути, пересказывая летописи и сопровождая их сведения комментариями, но реже, чем следовало бы, подвергая сами эти сведения критическому анализу»¹⁰. Тем не менее, рецензируемая работа является достаточно профессиональной попыткой собрать и систематизировать значительный материал об одном из наиболее выдающихся древнерусских правителей, а также отличается хорошим литературным изложением). В этом смысле она не только подводит итог скрупулезной работе автора по воссозданию яркого и объемного портрета Мономаха, представляя его и как полководца, и как политика, и как писателя, но и может служить отправной точкой для новых исследований. Книга, несомненно, представит интерес, как для специалистов, так и для всех тех, кто интересуется историей русского средневековья. Отметим также ценный иллюстративный ряд, позволяющий не только воочию представить героя книги, но и проследить эволюцию его изображений в Средневековье и Новое время. В конце книги помещены краткая хронология основных событий жизни Владимира Мономаха и достаточно подробный библиографический список (всего 189 наименований, среди которых, впрочем, что характерно, практически отсутствуют работы критической направленности по отношению к Мономаху¹¹).

⁸ Толочко 1998. С. 205–207; Ищенко 2014. С. 34–46, 56–69.

⁹ Вилкул 2004; 2009. С. 127–132, 156–161, 284.

¹⁰ Короленков 2008. С. 240; ср.: Почекаев 2012. С. 419–420.

¹¹ Речь идет о работах таких исследователей, как Н.А. Полевой, И.В. Лашнюков, П.В. Голубовский, Д.И. Багалей, М.С. Грушевский, И.И. Смирнов, Ю.В. Кришошеев и Т.Л. Вилкул (о запечатленном в них образе Владимира Мономаха см.: Ищенко 2014. С. 137–139, 145–152, 154–155, 163, 232–234, 249–253). К числу крити-

БИБЛИОГРАФИЯ

- Богатырев С.Н.* Шапка Мономаха и шлем наследника: репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = *Петербургские славянские и балканские исследования*. 2011. № 9. С. 171–193.
- Богатырев С.Н.* Золото шапки Мономаха. Тайна царского венца // *Родина*. 2012. № 9. С. 132–135.
- Бочаров Г.Н.* Сделано в Москве // *Родина*. 1992. № 8/9. С. 125–128.
- Бычкова М.Е.* Магия власти. М.: Территория, 2009. 216 с.
- Вилкул Т.Л.* Володимир Мономах: тексти і версії // *Український історичний журнал*. 2004. № 1. С. 53–71.
- Вилкул Т.Л.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М.: Квадрига, 2009. 408 с.
- Гиттнус А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет. II // *Славяноведение*. 2008. № 2. С. 3–24.
- Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 383 с.
- Жилина Н.В.* «Шапка Мономаха». Историко-культурное и технологическое исследование. М.: Наука, 2001. 247 с.
- Иценко А.С.* Владимир Мономах в Повести временных лет: к вопросу о семантике летописного образа // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*. Вып. 6 / Под ред. П.И. Гайденко. СПб.; Казань, 2016 (в печати).
- Иценко А.С.* Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов н/Д: Антей, 2014. 276 с.
- Иценко А.С.* Рецензия на книгу: Боровков Д. Владимир Мономах, князь-мифотворец. М.: Ломоносовъ, 2015. 240 с. // *Клио*. 2015. № 11 (107). С. 216–219.
- Карпов А.Ю.* Великий князь Владимир Мономах. М.: Молодая гвардия, 2015. 386 с. [14] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: Малая серия: сер. биограф.; вып. 74).
- Кривошеев Ю.В.* Пути и труды Владимира Мономаха. СПб., 1993. 64 с.
- Короленков А.* Рецензия на книгу: Карпов А.Ю. Юрий Долгорукий. М.: Мол. гвардия, 2007 // *Ruthenica. Альманах середньовічної історії та археології Східної Європи*. Том VII. Київ: Інститут історії України НАН України 2008. С. 236–240.
- Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 499 с.
- Орлов А.С.* Владимир Мономах. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 191 с.
- Почekaев Р.Ю.* Как «жесточкий завоеватель» попал в компанию «замечательных людей» (рецензия на книгу: Карпов А.Ю. Батый. М.: Мол. гвардия, 2011) // *Золотоордынская цивилизация*. Выпуск 5. Казань, 2012. С. 418–423.
- Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1996. 328 с.
- Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л.: Наука, 1978. 238 с.
- Сахаров А.Н.* Владимир Мономах. М.: «Русский язык», 1989. 416 с.
- Толочко О.П., Толочко П.П.* Київська Русь: Україна крізь віки. Т. 4. Київ: Видавничий дім «Альтернативи», 1998. 352 с.

REFERENCES

- Bogatyrev S.N.* Shapka Monomakha i shlem naslednika: reprezentaciya vlasti i dinasticheskaya politika pri Vasiliu III i Ivane Groznom // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya*. 2011. № 9. S. 171–193.
- Bogatyrev S.N.* Zoloto shapki Monomakha. Tayna carskogo venca // *Rodina*. 2012. № 9. S. 132–135.

ческих по отношению к Владимиру Мономаху исследований может быть также отнесена вышедшая в один год с работой А.Ю. Карпова книга Д. Боровкова «Владимир Мономах, князь-мифотворец». Ее характеристику см.: *Иценко 2015*.

- Bocharov G.N.* Sdelano v Moskve // *Rodina*. 1992. № 8/9. S. 125–128.
- Bychkova M.E.* Magiya vlasti. Moscow: Territoriya, 2009. 216 s.
- Vilkul T.L.* Volodimir Monomakh: teksti i versii // *Ukrainskiy istorychniy zhurnal*. 2004. № 1. S. 53–71.
- Vilkul T.L.* Lyudi i knyaz' v drevnerusskikh letopisyakh serediny XI– XIII vv.. Moscow: Kvadriga, 2009. 408 s.
- Gippius A.A.* K probleme redaktsiy Povesti vremennykh let. II // *Slavyanovedenie*. 2008. № 2. S. 3–24.
- Danilevsky I.N.* Povest' vremennykh let: germenevicheskie osnovy izucheniya letopisnykh tekstov. Moscow: Aspekt-Press, 2004. 383 s.
- Zhilina N.V.* "Shapka Monomakha". Istoriko-kulturnoe i tekhnologicheskoe issledovanie. Moscow: Nauka, 2001. 247 s.
- Ischenko A.S.* Vladimir Monomakh v Povesti vremennykh let: k voprosu o semantike letopisnogo obraza // *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. Vyp. 6 / Pod red. P.I. Gaydenko. St. Petersburg; Kazan', 2016.
- Ischenko A.S.* Vladimir Monomakh v russkom obschestvenno-istoricheskom soznanii: mifologicheskii obraz i istoricheskaya realnost'. Rostov-on-Don: Antey, 2014. 276 s.
- Ischenko A.S.* Retsenziya na knigu: Borovkov D. Vladimir Monomakh, knyaz'-mifotvorets. Moscow: Lomonosov, 2015 // *Klio*. 2015. № 11 (107). S. 216–219.
- Karpov A.Yu.* Velikiy kniaz' Vladimir Monomakh. Moscow: Mol. Gvardiya, 2015. 386 s. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudey: Malaya seriya: ser. biogr.; vyp. 74).
- Krivosheev Yu.V.* Puti i trudi Vladimira Monomakha. St. Petersburg, 1993. 64 s.
- Korolenkov A.* Recenzia na knigu: Karpov A.Yu. Yuriy Dolgorukiy. Moscow: Mol. gvardiya, 2007 // *Ruthenica. Almanakh serednovichnoy istorii ta arheologii Shidnoy Evropi*. Tom VII. Kiev: Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni, 2008. S. 236–240.
- Likhachev D.S.* Russkie letopisi i ikh kulturno-istoricheskoe znachenie. M.: Izd-vo AN SSSR, 1947. 499 s.
- Orlov A.S.* Vladimir Monomakh. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1946. 191 s.
- Pochekaev R.Yu.* Kak "zhestokiy zavoevatel" popal v kompaniyu "zamechatel'nykh lyudey" (recenziya na knigu Karpov A.Yu. Batyj. Moscow: Mol. gvardiya, 2011 // *Zolotoordin'skaya civilizaciya*. № 5. Kazan', 2012. S. 418–423.
- Priselkov M.D.* Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv. SPb.: Dmitriy Bulanin, 1996. 328 s.
- Prohorov G.M.* Povest' o Mityae. Rus' i Vizantiya v epohu Kulikovskoy bitvy. M.: Nauka, 1978. 238 s.
- Sakharov A.N.* Vladimir Monomakh. Moscow: «Russkiy yazik», 1989. 416 s.
- Tolochko O.P., Tolochko P.P.* Kyivska Rus': Ukraina kriz viky. T. 4. Kiev, Alternatyvy, 1998. 352 s.

Ищенко Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных технологий Новочеркасского инженерно-мелиоративного института ДГАУ; ischenko-2010@mail.ru

“Good toiler for the Russian land”

Review: Karpov A.Yu. Velikiy knyaz' Vladimir Monomakh. (M., 2015)

In the context of development of historiography devoted to the great Kievan prince Vladimir Monomakh, the study of A.Y. Karpov “The Grand prince Vladimir Monomakh” is analyzed. The reviewer shows both advantages and some shortcomings of the study. For example, as a result of not appropriate critical attitude towards the chronicles and sources, the author idealized in some way the political activity of Vladimir Monomakh.

Keywords: A.Yu. Karpov, Vladimir Monomakh, chronicle, sources, comments, legend, idealization

Aleksandr Ischenko, PhD (History), Associate Professor, Department of History, philosophy and Social Technologies, Novocherkassk Institute of Engineering and Land Reclamation, Don State Agrarian University; ischenko-2010@mail.ru

К. А. ЮДИН

О СТАРОМ И НОВОМ КИНЕМАТОГРАФЕ КАК «ЗЕРКАЛЕ БЫТИЯ»¹

Данная работа представляет собой рецензию, составленную в жанре историко-философского эссе, на монографическое исследование, посвященное изучению кинематографа как транслятора ценностей стиля модерн в жизнь российского города на примере Пермской губернии конца XIX – начала XX в. Предпринята попытка оценить вклад автора книги в осмысление театрально-кинематографического искусства как социокультурного феномена – проводника и одновременно конструкта «прекрасной эпохи», а также обозначить некоторые дискуссионные проблемы идейно-теоретического характера.

Ключевые слова: *российское и зарубежное кинематографическое искусство, «гиперреальность», «прекрасная эпоха», модерн, Пермская губерния, история повседневности, интеллигенция*

За свою вот уже более чем вековую историю кинематограф прошел грандиозный путь эволюционного развития: от первых, подающих робкие надежды на жизнеспособность экспериментов по экранной визуализации реальности – до триумфа высокопрофессиональной режиссуры, подкрепленной новейшими научно-техническими возможностями и творческим гением театрально-кинематографической интеллигенции.

Кинематография из увеселительно-развлекательного мероприятия, вида досуга, превратилась в серьезный интеллектуальный феномен, форму искусства, связанную с качественно новым способом информационно-когнитивного прочтения и реконструкции действительности, отражающейся, как в волшебном зеркале, в возникающей на глазах *гиперреальности*, населенной героями и создаваемыми ими образами. Распахнувшееся могучим ветром научно-технического прогресса окно в эту гиперреальность предоставляло практически неограниченный простор для фантазии – от тривиального эскапизма от рутинной повседневности до сопричастия страстям, экзистенциальным тревогам и вызовам, возникающим в ином измерении бытия, мире искусства.

Такая атмосфера идейно-эстетической одержимости, стремления во что бы то ни стало ощутить соприкосновение с чем-то превосходящим профанический, индивидуалистический уровень мышления и восприятия, – все это и вызывало к жизни т.н. кинематографический бум, ставший одним из главных факторов и катализаторов развития искусства кино как символа «прекрасной эпохи», связанной с прозрачными

¹ Рец. на кн.: Устюгова В.В. «Прекрасная эпоха» синематографа. 1896-1919. На материале русской провинции. Пермь, 2015. 411 с.

надеждами либеральных интеллектуалов на то, что вслед за сменой внешнего, материального облачения, наступит и морально-нравственное преобразование человеческой цивилизации.

Монографическое исследование В.В. Устюговой посвящено этому переломному, противоречивому периоду в развитии отечественной культуры конца XIX – начала XX в. Оно сфокусировано на изучении кинематографа как непосредственного «транслятора ценностей модерна в жизнь губернского города»². На материалах конкретного социокультурного пространства, вполне репрезентативно отражающего провинциальный уклад Российской империи начала века, а именно – Пермской губернии, – автор предпринимает попытку комплексно рассмотреть кинематограф как наиболее яркое проявление, конструкт и одновременно – проводник (агент) охвативших русское общество прогрессистских умонастроений и ожиданий, ставших закономерным итогом ускорения культурно-цивилизационных ритмов, информационных потоков, набравших силу под влиянием российской действительности, в которой интеллектуальные свершения и поиски культуры Серебряного века соседствовали с тяжелыми революционными потрясениями и хроническим политическим кризисом.

Все это представляется крайне востребованной и актуальной проблематикой, продолжающей вызывать живой интерес исследователей³, не только удачно и своевременно поднятой автором (книга вышла накануне 2016 г., объявленного годом российского кино⁴), но и в силу прямой корреляции с современными историко-культурными процессами. В кинематографе вновь наблюдаются тревожные тенденции возвращения к стилю, который по праву можно назвать «прекрасной» *первобытностью*», неoarхаикой уже эпохи *постмодерна* с ее крайней формой патологического проявления – постмодернистского релятивизма, выражающегося в сочетании гипертрофированной зрелищной помпезности с примитивностью внутреннего мира актеров и их персонажей, принадлежащих к типу «человека ускользающего», аморфного, полностью растворяющегося в эмпирической реальности. При этом воинско-героический этос, культура бытия, дисциплина, благородный дух, умеренность, взвешенность и осмысленность, дистанцированность от аффектаций и иные качества *органичной личности*, воссоздаваемой на экранах Ж. Габеном, Л. Вентурой, Х. Рюманном, Г. Альберсом, искренность чувств, богатейшая палитра эмоциональных состояний, усиленных яркой фактурной внешностью Л. де Фюнеса, Бурвиля, Фернанделя, Б. Блие, А. Сорди и многих других (вся плеяда мэтров просто,

² Устюгова 2015. С. 9.

³ Степанов 2013; Степанов 2016.

⁴ Год российского кино 2016.

используя выражение автора, – также *необъятна*, как и киноведческая историография), – все это оказалось подмененным на бесцельное *флакирование* в чистой повседневности, эффектную манифестацию выхолащенной экзистенции при филистерской сущности.

Характеризуя эти деструктивные процессы, первые симптомы которых проявились еще в рамках художественного стиля т.н. новой волны во Франции, Италии, но, прежде всего, ФРГ 1960–1980-х гг., Б. Эйзеншиц писал: «Теперь уже никто не задается вопросом о сущности кино, как это было в восьмидесятые годы, все больше фильмов показывают на телевидении, а выбор фильмов в кинотеатрах становится все беднее. Кино чахнет, новые фильмы снимаются всё реже». И он же далее: «У Вендерса⁵ больше шансов быть услышанным во Франции, когда он говорит Данею⁶ (21 сентября 1984 г.): “Если кино пока еще хоть как-то выживает, то это не благодаря широкой, а благодаря избранной публике. То, что делается для широкой публики, уже нельзя назвать киноискусством: нет больше ни сюжета, ни стиля – ничего. Есть только псевдокино, которое делает вид, будто рассказывает какую-то историю, а на самом деле рассказывает неизвестно что. У людей атрофировалось всякое желание создавать образы”»⁷.

Книга В.В. Устюгова переносит нас в далекую и, казалось, пока еще счастливую эпоху кинематографа, в те времена, когда *«все еще только начиналось»*. Обращает на себя внимание фундаментальность и глубокая продуманность ее концептуально-теоретического ракурса, что стало результатом и итогом ранее предпринятых публикаций, отражающих изыскания автора в области истории театрально-кинематографического искусства⁸. Главное достоинство исследования – внушительная источниковая база, которая включает в себя собственно кинематографические источники – сохранившиеся киноленты той эпохи, а также периодическую печать (более 40 наименований), организационно-распорядительную, делопроизводственную документацию администрации Пермской губернии, вещественные и фотографические источники, мемуары, важность привлечения которых, как справедливо отмечает автор, заключается в том, что они *«изображают мир раннего кинематографа непосредственно таким, каким он сохранился в памяти современников»*⁹. Особую информационную ценность представляют материалы, почерпнутые автором в различных специализированных архивохранилищах, музеях, как центрального, так и регионального

⁵ Эрнст Вильгельм Вендерс (род. в 1945) – немецкий кинорежиссер, сценарист, продюсер – прим. авт.

⁶ Серж Даней (1944 – 1992) – французский кинокритик. – прим. авт.

⁷ Эйзеншиц Б. 2002.

⁸ См.: Устюгова 2014; 2016а; 2016б.

⁹ Устюгова 2015. С. 36.

уровня: РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства), ЦМК (Российский центральный музей кино), ГАПК (Государственный архив Пермского края). Основная повествовательная часть снабжена многочисленными иллюстрациями. Это кадры из фильмов, плакаты, афиши, предметы обихода, фотопортреты деятелей культуры, изображения материальных объектов – отдельных архитектурных сооружений, и иллюстрации более широкого видового диапазона.

О широте кругозора, эрудиции автора свидетельствуют разделы вводной части монографии, посвященные теоретико-методологическим проблемам исследования, а также масштабный историографический обзор, представляющий основательную и тщательную профессиональную проработку, анализ степени изученности проблемы. При этом автор не ограничивается только отечественной историографией, но достаточно подробно касается вопросов теории, философии и психологии киноискусства, институциональных аспектов его становления, освещает основные тенденции зарубежного киноведения, наконец, что не менее важно, – дает характеристику работам в сфере истории повседневности, художественной культуры и т.д., приближаясь тем самым к мультидисциплинарному уровню рефлексии.

Книга имеет стандартную, классическую для трудов такого формата структуру. Основная часть состоит из 4-х глав, поделенных (за исключением первой) на параграфы, их оригинальные названиями, очевидно, призваны помочь читателю лучше прочувствовать колорит эпохи с помощью емких по смыслу эпитетов-фразеологем (например – «гениальная бульварщина», «тихо замер последний аккорд»). В этих разделах последовательно раскрывается замысел автора по воссозданию социокультурного уклада российской провинции, для которой, как убедительно показывает автор, модерн становился не просто абстрактным художественным стилем, а настоящей «философией жизни», все более глубоко пропитывающей и укореняющейся в повседневности: «Прохлада витиеватого металла, теплота резного камня, мягкость плюша, элегантная сдержанность фарфорового бисквита – грани материального и визуального облика Bell Epoch»¹⁰.

В книге представлена картина поступательной эволюции культурно-досуговой сферы, претерпевавшей планомерную трансформацию от первичных организационных форм – ярмарочно-балаганских зрелищ, «передвижек» до – протопрофессиональной кинематографии стационарного характера, когда «развлекательный и познавательный аттракцион превращался в сюжетно-игровое кино, связанное с индивидуальным психологическим восприятием произведения»¹¹.

¹⁰ Устюгова 2015. С. 76.

¹¹ Устюгова 2015. С. 147.

Автор отмечает важную роль кинематографа в социальной коммуникации и интеграции, заключающейся во временной эгалитаризации пространства во время посещения «синема», когда перед светом «волшебного фонаря», луча проектора в психологическое состояние эйфории и одновременно – страха и трепета перед сакральной миссией кинемеханика как демиурга («Люди выходят с такими лицами, словно будто только что на их глазах сотворил чудо сам Иисус Христос...¹²⁾, открывающего им окно в иную реальность, – приходили абсолютно все, от детской аудитории, рабочего класса, мещанства – до интеллигенции, «состоятельных господ», представителей торгово-промышленной верхушки. При этом совершенно обоснованным является и тот вывод, что несмотря на оригинальность, эксклюзивность синематографа на фоне всей традиционной досуговой субкультуры, способов времяпрепровождения, он преображал реальность, но полностью не вторгался, не вытеснял идейно-мировоззренческие установки и стереотипы, бытующие в массовом сознании. Кинематограф «стал лишь одним из факторов, наряду с разнообразием культурных потребностей горожан, с их образованностью и мобильностью, которые делали провинцию причастной к тенденциям современной жизни»^{13).}

Совмещение, а, вернее, устойчивое сосуществование и органичное сплетение этих двух измерений бытия – профанической реальности и «гиперреальности» кинематографического «зазеркалья» показано в великолепном шедевре, о котором также вспоминает В.В. Устюгова, ностальгической киноновелле Д. Торнаторе «Новый кинотеатр «Парадизо» (1988), где главную роль исполнил Ф. Нуаре, воплотивший образ механика Альфредо, открывающего жителям маленького итальянского города окно в «мир грёз», спасающих их от рутины и дающий ощущение полноты бытия, одухотворенности.

При этом ни в фильме, ни в данном исследовании их авторы не устранились от организационно-технических проблем кинематографа «прекрасной эпохи», который вопреки всем усовершенствованиям – витаскоп, мутоскоп, фантаскоп, гэлиосинематограф – долго не был избавлен от серьезных недостатков, когда нарушение целостности пленки или неисправность киноаппарата приводили не только к порче киноленты, но и несли в себе угрозу воспламенения. Крупнейшие пожары, как отмечает В.В. Устюгова, в 1897 г. в Париже на Благотворительном базаре, затем в Екатерининском театре, в Житомире, привели к тому, что «на кино стали смотреть как на опасное зрелище»^{14).} Такие инциденты, переместившиеся и в электротeatры, и возникающее на их волне негативное восприятие кино были обусловлены, в немалой сте-

¹² Устюгова 2015. С. 91.

¹³ Устюгова 2015. С. 60.

¹⁴ Устюгова 2015. С. 94.

пени, утилитарно-прагматичным подходом, когда инициаторы кино-предприятий рассматривали свое занятие как не более чем новомодный бизнес, поэтому не утруждали себя чрезмерной заботой о качественной стороне дела, в частности, разнообразии репертуара. Все это требовало терпения, внимания, а главное – дополнительных затрат, на которые не желали и не могли идти владельцы кинотеатров. Последние «большей частью были просто дельцы и даже не знали устройства проекционного аппарата. Они бросали свое прежнее ремесло и шли в кино, как в выгодное предприятие...»¹⁵. Все это, однако, не препятствовало выполнению кинематографом своих функций, которые, как вполне справедливо отмечает автор, пока ограничивались лишь компенсаторной и коммуникативной функциями, связанными с удовлетворением «низменного спроса толпы на “катастрофы” и “происшествия”», а также дарованной возможностью «стать источником сведений об окружающем мире»¹⁶. Так или иначе, пройдет еще значительное количество времени, прежде чем кинематограф превратится из инструмента по формированию «модернистской идентичности» начала XX века – в серьезное искусство социально-политической, идеологической рефлексии, способствующей формированию коллективной памяти.

К числу безусловных достоинств исследования относится многофакторный подход, выражающийся в стремлении осуществить максимально возможную и допустимую синхронизацию развития отечественного кинематографа с западноевропейскими тенденциями и достижениями в этой сфере (например, французской «школы» Луи Фейада, датского кинематографа), которые оказывали существенное влияние на российскую кинокультуру, поскольку в начале 1910-х гг., как свидетельствуют мемуаристы, собственно русские ленты составляли не более одной десятой всех картин. Данный вывод верифицируется автором и на материале российской провинции: «Анализ репертуара пермских кинотеатров подтверждает сказанное: подавляющее большинство демонстрируемых в эти годы картин составляли фильмы западного производства...»¹⁷. В книге отмечается также воздействие самого грандиозного фактора геополитического характера, а именно – Первой мировой войны, ставшей катализатором для расцвета военно-агитационных картин, повышенного интереса к «драме из русской жизни»¹⁸, документальным и художественным фильмам при актуальности комедийного жанра в провинции.

Не обойден вниманием и персональный вклад «королей экрана» – В. Максимова, И. Можухина, В. Полонского, В. Холодной, а также

¹⁵ Устюгова 2015. С. 136.

¹⁶ Устюгова 2015. С. 184.

¹⁷ Устюгова 2015. С. 199.

¹⁸ Устюгова 2015. С. 232.

Е.Ф. Бауэра – режиссера, оператора, наиболее последовательно проводившего в жизнь идейно-концептуальный подход к кинотворчеству, связанный с созданием целостных художественных композиций на экране, предполагавших органичное сочетание живого реализма, природных пасторалей с «импрессионистской поэтикой буржуазности»¹⁹.

Нельзя не отметить и элегантный литературный стиль автора, использующего многочисленные эпитеты, сравнения, терминологический аппарат, чтобы отразить специфику тернистого пути кинотворчества: «...Впоследствии создатели экспериментального кино, стремясь выявить подлинную природу кинотворчества, будут понимать под фотогенной антитеатральностью, дистиллированное из реальности прекрасное, суггестивную образность, киноязык, противостоящий всему изреченному, логическому, вербальному»²⁰. Именно такого уровня бытия-в-образе удалось достигнуть Ивану Ильичу Мозжухину, в частности, в экранизации «Пиковой дамы» (1916) по одноименной драме А.С. Пушкина, когда, как отмечал Р.С. Соболев, «зрителей и специалистов тех лет поразило умение актера без слов – жестом, взглядом, точно рассчитанной паузой, живой мимикой передать непростой внутренний мир человека, решившего разом покончить с бедностью и бесперспективностью и оказавшегося в тупике своего безумия»²¹.

Следует согласиться с автором, что для начала XX в. кинематограф стал пока лишь «способом познания окружающего мира и универсальным развлечением»²², поэтому требовать от него более масштабного идейно-теоретического охвата, чем конъюнктурная рефлексивность, вряд ли правомерно: «Открытие кинематографа – это открытие рубежного периода: утверждение ценности человеческой индивидуальности, частной жизни, новых возможностей проведения времени, современных технологий, рафинированных идеалов стиля модерн»²³.

В целом, поставленная автором цель по историко-историографической обрисовке панорамы российской повседневности переходного периода и демонстрации определяющего значения раннего кинематографического искусства, выступающего транслятором ценностей и идеалов модерна как стиля, мироощущения и вектора духовных устремлений людей ушедшей эпохи, блестяще достигнута. Настоящее издание с его тяготением к максимальному фактографизму, документальному энциклопедизму можно рассматривать как трамплин для дальнейшего восхождения к «метафизическим высотам», эпистемологическому уровню обобщений. Только под впечатлением показанных в

¹⁹ Устюгова 2015. С. 265.

²⁰ Устюгова 2015. С. 321.

²¹ Соболев 1974. С. 17.

²² Устюгова 2015. С. 389.

²³ Устюгова 2015. С. 392.

книге устрашающих масштабов экзистенциальной суеты, динамики исторического становления, течения бытия, символом безудержности которых выступает летящий на экране раннего кино вперед паровоз с вырывающимся наружу из трубы дымом, запечатленных в концентрированном виде «фланирующей камерой», открывается способность к еще более глубокой рефлексии, созвучной идеям А. Шопенгауэра, о печальной сути мироздания, связанной с неисчерпаемостью воли к жизни, и ее модификаций, приведших к детерминированной цикличности в культуре: *модерн – постмодерн*.

В то же время, хотелось бы высказать некоторые пожелания – не в виде замечаний или даже рекомендаций, а в формате *напутственного послесловия*. Прежде всего, в ходе прочтения книги иногда возникало легкое ощущение недосказанности, обусловленное некоторым однообразием содержательной фактуры. Ее можно было обогатить за счет более развернутой иллюстрации (в т.ч. на краеведческом материале: что произошло в Перми в эти грозные 1914–1919 гг.) атмосферы эскалации революционной, социально-политической напряженности, которая трансформировалась в затянувшуюся Гражданскую войну. Не лишним стало бы расширение экскурсов в различные аспекты повседневности для того, бы отчетливее показать *контрасты и антагонизмы* экзистенциально-онтологического пространства, выявить, как и в каких своих ипостасях, «культура модерна вступала в конфликт с архитрадиционализмом, многоукладностью, образом жизни и мышлением городских окраин»²⁴. Тем самым, удалось бы лучше осмыслить гуманистическое значение «прекрасной эпохи» как идейно-мировоззренческого дискурса, возвышающегося над социальными катаклизмами.

Во вводной части стоило, на наш взгляд, коснуться подробнее концептуально-теоретических аспектов *повседневности*, обозначить, как автор понимает это проблемное поле и направление исследований *вообще*²⁵, какое место в них занимает кинематограф как, в данном случае, феномен микроистории, социокультурного пространства региона – провинции, города, к которым обращается автор. Интересным и перспективным направлением, заслуживающим более детализированного и углубленного изучения, является институционально-политический срез, а именно – особенности взаимодействия раннего кинематографического искусства с цензурой во всех ее проявлениях и разновидностях: духовной, театральной, иностранной, политической – по форме, а также предварительной и последующей – по способу воздействия. Цензура в Российской империи имела многовековой опыт контрольно-надзорных практик и установок. При этом последние не ограничивались аб-

²⁴ Устюгова 2015. С. 86.

²⁵ См. напр.: Пушкарева 2004.

страктным недовольством «семиотическими пертурбациями»²⁶, а представляли собой целенаправленную информационную сегрегацию (например, по отношению к детской аудитории²⁷), инициатива по установлению которой исходила не только от властных структур, но и широкой общественности, озбоченной морально-нравственным обликом подрастающего поколения.

Продемонстрированные в книге масштабы развития отечественной дореволюционной кинематографии, поднимаемые и другими исследователями проблемы ее тесной сопряженности с театральным искусством, авторской драматургией, по отношению к которой звучали взаимные обвинения то в избыточной театральности, то «излишней кинематографичности»²⁸ – все это свидетельствует о высокой степени актуальности и научной значимости исследования В.В. Устюговой.

Напоследок хотелось бы пожелать автору с осторожностью соприкасаться с наследием В. Беньямина, которому в новейшей историографии, истории философии неправомерно придается избыточное значение, что обусловлено, как мы уже показали в своих с коллегой статьях²⁹, исключительно доминированием на интеллектуальном пространстве позитивистско-социологических подходов при общей идеологической тенденциозности левого толка. В эту предустановленную парадигму удачно вписываются соображения Беньямина о том, что творчество якобы является инструментально-производственным процессом: «...Для автора как производителя технический процесс является основой его политического прогресса. [...] *Автор как производитель испытывает – испытывая солидарность с пролетариатом – непосредственно в то же время солидарность с другими определенными производителями...*»³⁰. Позиция Беньямина, принимавшего в качестве ведущего способа преодоления «эстетизации политики» «политизацию, “пролетаризацию” искусства», была далека от непредвзятости, а «интеллектуальный фланёр» можно рассматривать лишь как способ легализации индивидуалистических установок, субъективного исторцистского восприятия реальности и релятивизма как такового, остающихся после проводимой блуждающим фланёром миссии «деструктивного характера», позволяющей ему разрушать «конструкции сознания, которые препятствуют его свободному существованию»³¹.

Представляется, что реконструкция эпохи глазами современников могла быть проведена и без привлечения теоретико-методологических

²⁶ Устюгова 2015. С. 143.

²⁷ Ковалова 2010.

²⁸ Бабичева, Коновалова, Козьменко 2012. С. 159.

²⁹ Юдин, Бандурин 2016а; 2016б

³⁰ Беньямин 2008. С. 119.

³¹ Смирнов 2013. С. 51.

воззрений В. Беньямина, но, разумеется, все это, остается на усмотрение автора, которому мы желаем продолжения уже осуществленных фундаментальных изысканий в области театрально-кинематографического искусства, чтобы оно, благодаря такому добросовестному историографическому увековечиванию, продолжало развиваться в подлинно *консервативном* направлении, сохраняя верность лучшим идейно-эстетическим традициям, неподвластным «духу времени».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бабичева Ю.В., Коновалова А.О., Козьменко М.В.* Л.Н. Андреев и русский кинематограф 1900-1910-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 15: Искусствоведение. С. 149-163.
- Беньямин В.* Автор как производитель (пер. Д.А. Смирнова) // Интеллигенция и мир. 2008. № 2. С. 107-134.
- Год российского кино // Вестник ВГИК. 2016. № 1. С. 6-7.
- Ковалова А.* Дореволюционное кино и... дети // Киноведческие записки. 2010. № 94. С. 362-377.
- Пушкарёва Н.Л.* Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3-19.
- Смирнов Д.А.* Научная и общественная деятельность Вальтера Беньямина (1920-е – 1930-е гг.): интеллектуальный фланёр в лабиринте культур и времен. Автореферат дисс. ... д.и.н. Иваново: Ивановский государственный университет, 2013. 57 с.
- Соболев Р.И.* На полях истории кино: Иван Мозжухин // Советский экран. 1974. № 9. С. 17.
- Степанов А.В.* Отечественные игровые фильмы 1910-х гг. как источник по повседневной жизни россиян начала XX в. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2016. Вып. 4. С. 95-102.
- Степанов А.В.* Повседневная жизнь в русском городе на рубеже XIX-XX вв. Иваново: Филиал РГГУ в г. Иваново, 2013. 236 с.
- Устюгова В.В.* «Кинолихорадка» времен Первой Мировой войны: тенденции производства и проката // Диалог со временем. 2016а. Вып. 55. С. 268-286.
- Устюгова В.В.* «Новый Парадиз»: институциональные аспекты деятельности кинематографических театров российской провинции начала XX в. // Новейшая история России. 2016б. № 2. С. 217-235.
- Устюгова В.В.* Последний год «прекрасной эпохи», или киноидентификация провинции (на примере губернской Перми начала XX века) // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. Вып. 1(24). С. 146-154.
- Устюгова В.В.* «Прекрасная эпоха» синемаатографа. 1896-1919. На материале российской провинции: монография. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2015. 411 с.
- Эйзеншиц Б.* Немецкое кино. 1945-1998 // Киноведческие записки. 2002. Вып. 59. Доступно на: <http://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/274/>
- Юдин К.А., Бандурин М.А.* «Интеллигенция» и «интеллектуалы» (историографические, социально-философские и общетеоретические аспекты понятий) // Общественные науки и современность. 2016 а. № 2. С. 108-120.
- Юдин К.А., Бандурин М.А.* Интеллигенция как социально-интеллектуальная сила: идейно-теоретическая топография. История и современность // На пути к гражданскому обществу. 2016 б. № 2(22). С. 56-66.

REFERENCES

- Babicheva Yu.V., Konovalova A.O., Koz'menko M.V. L.N. Andreev i russkii kinematograf 1900-1910-kh godov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 15: Iskusstvovedenie. S. 149-163.
- Ben'yamin V. Avtor kak proizvoditel' // Intelligentsiya i mir. 2008. № 2. S. 107-134.
- God rossiiskogo kino // Vestnik VGIK. 2016. № 1. S. 6-7.

- Kovalova A. Dorevolutsionnoe kino i...deti // Kinovedcheskie zapiski. 2010. № 94. S. 362-377.
- Pushkareva N.L. Predmet i metody izucheniya istorii povsednevnosti // Etnograficheskoe obozrenie. 2004. № 5. S. 3–19.
- Smirnov D.A. Nauchnaya i obshchestvennaya deyatelnost' Val'tera Ben'yamina (1920-e – 1930-e gg.): intellektual'nyi flaner v labirinte kul'tur i vremen. Avtoreferat diss. ... doktora istoricheskikh nauk. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 2013. 57 s.
- Sobolev R.I. Na polyakh istorii kino: Ivan Mozzhukhin // Sovetskii ekran. 1974. № 9. S. 17.
- Stepanov A.V. Otechestvennye igrovye fil'my 1910-kh gg. kak istochnik po povsednevnoi zhizni rossiyan nachala KhKh v. // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki. 2016. Vyp. 4. S. 95-102.
- Stepanov A.V. Povsednevnyaya zhizn' v russkom gorode na rubezhe XIX-XX vv. Ivanovo: Filial RGGU v g. Ivanovo, 2013. 236 s.
- Ustyugova V.V. «Kinolikhoradka» vremen Pervoi Mirovoi voiny: tendentsii proizvodstva i prokata // Dialog so vremenem. 2016a. Vyp. 55. S. 268-286.
- Ustyugova V.V. «Novyi Paradiz»: institutsional'nye aspekty deyatelnosti kinematograficheskikh teatrov rossiiskoi provintsii nachala KhKh v. // Noveishaya istoriya Rossii. 2016b. № 2. S. 217-235.
- Ustyugova V.V. Poslednii god «prekrasnoi epokhi», ili kinoidentifikatsiya provintsii (na primere gubernskoi Permi nachala KhKh veka) // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2014. Vyp. 1(24). S. 146-154.
- Ustyugova V.V. «Prekrasnaya epokha» sinematografa. 1896-1919. Na materiale rossiiskoi provintsii: monografiya. Perm': Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, 2015. 411 s.
- Eizenshts B. Nemetskoe kino. 1945–1998 // Kinovedcheskie zapiski. 2002. Vyp. 59. Dostupno na: <http://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/274/>.
- Yudin K.A., Bandurin M.A. «Intelligentsiya» i «intellektualy» (istoriograficheskie, sotsial'no-filosofskie i obshcheteoreticheskie aspekty ponyatii) // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2016a. № 2. S. 108-120.
- Yudin K.A., Bandurin M.A. Intelligentsiya kak sotsial'no-intellektual'naya sila: ideino-teoreticheskaya topografiya. Istoriya i sovremennost' // Na puti k grazhdanskomu obshchestvu. 2016 b. № 2(22). S. 56-66.

Юдин Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Ивановского государственного университета; kirill-yudin.hist@mail.ru

About the old and new cinema as «the mirror of being»

This paper is a review, composed in the genre of historical and philosophical essays on the monographic study on cinema as a translator modernist style values in the life of the Russian city an example of the Perm province late XIX – early XX centuries. An attempt is made to estimate the contribution of the author this book in understanding of theatrical and cinematographic art as a social and cultural phenomenon – the conductor and simultaneously construct «Belle Epoque», and outline some debatable problems of ideological and theoretical character.

Keywords: Russian and foreign cinematic arts, «hyperreality», «Belle Epoque», modern, Perm province, the history of everyday life, the intelligentsia

Kirill Yudin, PhD (History), Associate Professor, Department of Russian History, Ivanovo State University (IvSU); kirill-yudin.hist@mail.ru

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПАРАДИГМЫ XXI ВЕКА В РОССИИ И ВЕНГРИИ КРУГЛЫЙ СТОЛ «ИСТОЧНИК И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ»*

В статье обозначены проблемы, связанные с «чтением», «пониманием» и интерпретацией отражающих важные культурные события России и Венгрии источников, положенных в основу исследовательского проекта РФФИ «Россия и Венгрия в мировой культуре: источник и его интерпретация в исследовательской парадигме XXI в.».

Ключевые слова: текст, источник, интерпретация; мировая культура, историческая память, Россия, Венгрия, кросскультурный диалог, наследие

В настоящее время в мировой науке наметилась тенденция искать решения традиционной проблемы источника и его интерпретации в аспекте кросскультурного диалога. Такой подход вышел на первый план в современном глобальном мире, когда диалог культур стал условием сохранения человечества. Не случайно исследования по данной проблеме проводятся во всех сферах научного знания – естественных науках, социальных, гуманитарных. В рамках последних в пример можно привести междисциплинарное исследование «Россия и Венгрия в мировой культуре: источник и его интерпретация в ракурсе исследовательской парадигмы XXI века»¹, которое проводится учеными России и Венгрии в широком хронологическом диапазоне и затрагивающее несколько видов гуманитарного знания² и ориентировано на осмысление событий прошлого двух стран не только с учетом опыта политических антагонизмов, но и опыта культурного взаимодействия и взаимообмена.

В рамках указанного проекта в Центре русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвёша 18 мая 2017 г. было организовано рабочее заседание (Круглый стол), на котором обсуждались проблемы, возникающие при изучении разнообразных и сложных для понимания текстов, положенных в основу упомянутого выше исследования. В их числе проблема, связанная со структурой и аутентичностью «Повести временных лет» (М. Фонт³); проблема чтения и понимания свода вен-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ. Проект № 17-21-07001.

¹ Исследование культурного наследия России и Венгрии в широкой исторической перспективе осуществляется в диалоге российских и венгерских ученых, на основе анализа разнообразных в хронологическом (XII–XXI вв.), видовом (хроника, летопись, письмо) и жанровом (литература, живопись) отношении источников.

² А именно: интеллектуальную историю, философскую антропологию, социальную и гендерную историю, историю философии, культурологию, филологию, специальные исторические дисциплины и др.

³ Фонт, Марта (Печский университет, Венгрия). «Новый взгляд на “Повесть временных лет”».

герских текстов среди которых «Пожоньские анналы» и «Варадская хроника» (XIII в.) (В.И. Матузова, Е.А. Мельникова)⁴, «Деяния венгров» (М.К. Юрасов) и ряд других, содержащих ценные сведения о кочевом мире Северного Причерноморья, экономических, политических, матримониальных и культурных связях Венгрии с Юго-Западной Русью; проблема реконструкции пространственных представлений в анонимном латиноязычном источнике «Описание Восточной Европы» (1308 г.) (И.Г. Коновалова). В контексте социокультурного развития европейского общества на примере венгерских доминиканцев обсуждался вопрос о степени проникновения венгров на славянские территории в XIII в. (Г. Дьёни); анализировались военные действия 1591/3–1605 гг. против турок на территории Венгрии (А.Ю. Серегина). Привлечение широкого арсенала новейших исследовательских методов и методик (Л.П. Репина)⁵ показало пути выявления пластов ранних культур в венгерской поэзии и прозе XIX–XX вв. («Трагедия человека» И. Мадача, «Книга воспоминаний» П. Надаша), была отмечена возможность изучения этих текстов как в свете рецепции и восприятия классической интеллектуальной традиции (М.С. Петрова), так и с точки зрения историко-философской и феноменологической концепций телесности (В.В. Петров). Рассматривалась проблема трансформации образов России в XVII–XXI вв. (Д. Свак, С. Филиппов), взаимодействие естественнонаучного, гуманитарного и художественного мировосприятия в России на рубеже XIX–XX вв. и в начале XXI в. (Ж. Димеши); предпринимался гендерный анализ стереотипов и поведенческих практик XVIII в. (О. Станисло); были исследованы процесс перехода Восточной Европы и России от государственного социализма к мультинациональному капитализму в XX в. и роль международной капиталистической системы институтов в смене общественного строя в СССР (Т. Краус)⁶.

Здесь мы подробнее отметим лишь несколько докладов участников Круглого стола, с целью демонстрации широкого диапазона проводимого исследования. Так, в докладе М.К. Юрасова⁷, посвященном хронике «Деяния венгров» анонимного автора (под псевдонимом «Магистр П»), не только обсуждались композиция сочинения, его содержание, манера письма, особенности и речевые обороты, заимствованные автором хроники из учебника по стилистике Гуго из Болоньи (XII в.),

⁴ Матузова В.И. (ИВИ РАН). «О древнейших текстах по истории Восточной Европы (Венгрия)»; Мельникова Е.А. (ИВИ РАН). «Деяния венгров» как исторический источник.

⁵ Репина Л.П. (ИВИ РАН). «Новые методы и подходы в изучении исторических событий: источник – текст – интерпретация».

⁶ Краус, Тамаш (Университет им. Лоранда Этвёша). «Роль международной капиталистической системы институтов в смене общественного строя в СССР».

⁷ Юрасов М.К. (ИРИ РАН). «“Деяния венгров”: особенности языка и стиля».

но также выявлены цитаты (приводимые с авторской обработкой или опосредованно) из текстов Дарета Фригийского, Юниана Юстина и Юлия Солина. Отмечен факт появления в «Деяниях венгров» прямых цитат из Священного писания (Вульгаты) и приведены свидетельства того, что в распоряжении Анонима были «Хроника» Регинона Прюмского (840–915), один из ранних вариантов свода венгерских хроник, включающий в себя одноименные «Деяния венгров» Шимона Кезаи (1285–1288) и композицию венгерских хроник XIV в.; а также популярная в Средние века «Александрия» (*Gesta Alexandri Magni*) (XII в.).

В докладе И.Г. Коноваловой⁸ был проведен детальный анализ пространственных представлений, отразившихся в анонимном латиноязычном «Описании Восточной Европы», содержащем сведения о Венгрии, Византии, Албании, Болгарии, Руси (Галицкой), Польши и Чехии. Было отмечено, что сведения, приводимые Анонимом о физико-географическом и политическом облике этих стран, отличаются сплетением информации разной степени точности, почерпнутой из разновременных и разнохарактерных источников, и показано, как автор «оперирует» пространством, сконструированным им на основе разрозненных данных, имевшихся в его распоряжении; каким образом и почему все его изложение пронизано эгоцентрической системой ориентации (т.е. не картографично); почему его сведения следует проецировать на современную карту с большой осторожностью. В докладе Габора Дьёни⁹, были обозначены основные исторические события экспансии Запада (IV Крестовый поход и утверждение Латинской империи [1204 г.], появление ордена Меченосцев и Тевтонского ордена в Прибалтике, активная политика Венгрии и Польши с целью католизации Галического княжества), стимулировавшие как внешнюю, так и внутреннюю экспансию венгерского народа и государства). На примере экспедиций венгерских доминиканцев 30-х гг. XIII в. на Восток в поисках восточных венгров и прародины мадьяр был обозначен характер экспансии Венгрии, носивший не только военно-политический или религиозный характер, но и «научно-исследовательский» и отчасти «национальный».

В основном на анализе архивных материалов докладе А.Ю. Сергиной¹⁰ – на примере судьбы английского дворянина-католика Томаса Эрендела (1560–1639) и его военной службы в армии императора Рудольфа II (в кавалерии) – было показано значение военных действий (1591/3–1605) против турок на территории Венгрии; выявлена их роль

⁸ Коновалова И.Г. (ИВИ РАН). «Географическая структура “Описания Восточной Европы” 1308 года».

⁹ Дьёни, Габор (Будапештский университет им. Лоранда Этвёша). «К вопросу о проникновении венгерских доминиканцев на славянские территории».

¹⁰ Сергина А.Ю. (ИВИ РАН). «Роль Венгрии в формировании европейского идеала воина-рыцаря (на примере анализа военных действий 1591/3–1605-х гг.).»

в формировании и сохранении идеала воина-рыцаря и защитника веры как модели для мужчины-аристократа из страны за пределами Центральной Европы, но в которой происходившая в Венгрии военная акция оценивалась как событие, имевшее общеевропейское значение.

В докладе М.С. Петровой¹¹ анализировалась «Трагедия человека» Имре Мадача с точки зрения преемственности и разрывов в классической онейрокритической традиции; были отмечены античные тексты («Сон Сципиона» Цицерона и «Комментарий» Макробия), возможно оказавшие на И. Мадача влияние; обсуждалась композиционная роль сна в тексте Мадача, а также его символическое значение. Тему венгерских литературных источников продолжил доклад В.В. Петрова¹² по «Книге воспоминаний» Петера Надаша, в котором феноменология телесности, характерная для этого автора, была рассмотрена в контексте широкой интеллектуальной традиции репрезентации телесного первой половины XX в., включавшей в себя традицию русского модернизма. Применительно к характерной для П. Надаша репрезентации телесных взаимодействий, были указаны соответствия в предшествующих им хронологически описаниях телесности у Андрея Белого. В частности, изображение коллективного тела пештской демонстрации 1956 года у П. Надаша было сопоставлено с образом «людской многоножки», проходящей по Невскому проспекту в романе А. Белого «Петербург».

В докладе Жужанны Димеши¹³ рассматривалось явление русского космизма и его знания (восприятия) в Европе, в т.ч. в Венгрии. С одной стороны, был отмечен достаточно высокий уровень европейского знания о естественнонаучной ветви русского космизма (К.Э. Циолковский и В.И. Вернадский), с другой, – практически полное неведение о его гуманитарном направлении. В пример были приведены такие яркие носители идей русского космизма, как К. Малевич и А.П. Платонов, а также деятельность объединения молодых русских художников-интуистов «Амаравелла» (1923–1928); выявлены причины такого неведения в Европе и следы частичных параллельных тенденций в Венгрии. Тему кросскультурного диалога (Россия – Венгрия) продолжил доклад Оршой Станисло¹⁴, посвященный зарождению и становлению женского образования среднего уровня в Российской империи и Венгрии (XVIII в.). В частности, был проведен сравнительный анализ образова-

¹¹ *Петрова М.С.* (ИВИ РАН). «О выявлении элементов ранних классических интеллектуальных традиций в “Трагедии человека” И. Мадача».

¹² *Петров В.В.* (ИФ РАН). «Способы реконструкции феноменологической концепции телесности П. Надаша: “Книга воспоминаний”».

¹³ *Димеши, Жужанна* (Будапештский университет им. Лоранда Этвёша). «Русский космизм и его восприятие в Европе: К. Малевич и А.П. Платонов».

¹⁴ *Станисло, Оршой* (Будапештский университет им. Лоранда Этвёша) Гендерные стереотипы и образовательные практики в России XVIII в.

тельных учреждений России (Институт благородных девиц и училище для девочек) и Венгрии, обозначен социальный состав учащихся и формы институтского обучения; отмечены трудности с подбором преподавателей, с «включением» девочек в образовательный процесс, выявлены различные цели женского образования в России и Венгрии.

Авторы всех докладов провели свои исследования в ракурсе интеллектуальной, гендерной, политической, религиозной и социальной истории (с привлечением специальных исторических дисциплин – источниковедения, просопографии, исторической географии), философской антропологии, истории философии и науки, культурологии, филологии. Рассматривая тексты различных жанров и содержания, исследователи привлекли новейшие исследовательские методы, методики и подходы¹⁵, в числе которых метод релевантных контекстов и интертекстуальности¹⁶ (В.В. Петров, М.С. Петрова); методика просопографического исследования¹⁷ (А.Ю. Серегина), а также историко-географический подход к анализу текста¹⁸ (И.Г. Коновалова, Г. Дьёни).

Остается дожидаться результатов исследования и выразить надежду, что они внесут свой вклад в общий фундамент выстраиваемого культурного пространства, открытого для диалога культур и предлагающего новую модель осмысления прошлого.

М.С. Петрова, Л.П. Ретина

БИБЛИОГРАФИЯ

- Коновалова И.Г.* Топоним как концепт // *Одиссей: Человек в истории*. 2007: История как игра метафор: Метафоры истории, общества и политики. М., 2007. С. 212-225.
- Коновалова И.Г.* *Imagines mundi: Античность и средневековье*. М., 2013. С. 131-277 (совм. с Т.Н. Джаксон и А.В. Подосиновым).
- Петров В.В.* Индивид и его телесность в истории европейской философии // *Тема “живого тела” в истории философии: Материалы научной конференции (Институт философии РАН, май 2015 г.)* / Отв. ред. И.И. Блауберг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 11-42.
- Петрова М.С.* Просопография как специальная историческая дисциплина: Макробий Феодосий и Марциан Капелла. СПб.: Алетей, 2004. 230 с.
- Петрова М.С.* Просопография // *Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь* / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 417-419.
- Петрова М.С., Свак Д.* Общее и особенное в восприятии исторических событий // *Взгляд в прошлое... проблемы, методы, перспективы*. М.: Аквилон, 2015 (а). С. 5-6.
- Петрова М.С., Свак Д.* Биографические конструкты в ракурсе современного исторического знания // *Взгляд в прошлое... проблемы, методы, перспективы*. М.: Аквилон, 2015 (б). С. 141-157.
- Ретина Л.П.* Историческая память и историческое сознание // *Взгляд в прошлое... проблемы, методы, перспективы*. М.: Аквилон, 2015. С. 109-128.

¹⁵ См.: *Ретина* 2015 (а); 2015 (б); *Ретина; Леонтьева*. 2015.

¹⁶ О данном методе см.: *Петров* 2015. С. 11-42.

¹⁷ О методике просопографического исследования, см. *Петрова* 2004; 2014; *Петрова; Свак* 2015 (а); 2015 (б).

¹⁸ См. *Коновалова*. 2007. С. 212-225; *Коновалова*. 2013. С. 131-277.

- Репина Л.П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки 3 (2015). С. 55-67.
- Репина Л.П., Леонтьева О.Б. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // Электронный научно-образовательный журнал «История» 2015. М.: ГАУГН, 2015.

REFERENCES

- Konovalova I.G. Toponim kak koncept // Odissej: Chelovek v istorii. 2007: Istorija kak igra metafor: Metafori istorii, obshhestva i politiki. M., 2007. S. 212-225.
- Konovalova I.G. Imagines mundi: Antichnost' i srednevekov'e. M., 2013. S. 131-277 (sovm. s T.N. Dzhakson i A.V. Podosinovym).
- Petrov V.V. Individ i ego telesnost' v istorii evropejskoj filosofii // Tema "zhivogo tela" v istorii filosofii: Materialy nauchnoj konferencii (Institut filosofii RAN, maj 2015 g.) / Otv. red. I.I. Blauberg. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2016. S. 11-42.
- Petrova M.S. Prosopografija kak special'naja istoricheskaja disciplina: Makrobij Feodosij i Marcian Kapella. SPb.: Aletejja, 2004. 230 s.
- Petrova M.S. Prosopografija // Teorija i metodologija istoricheskoi nauki. Terminologicheskij slovar' / Otv. red. A.O. Chubar'jan. M.: Akvilon, 2014. S. 417-419.
- Petrova M.S., Svak D. Obshhee i osobennoe v vosprijatii istoricheskikh sobytij // Vzglyad v proshloe... problemy, metody, perspektivy. M.: Akvilon, 2015 (a). C. 5-6.
- Petrova M.S., Svak D. Biograficheskie konstrukty v rukurse sovremennogo istoricheskogo znaniya // Vzglyad v proshloe... problemy, metody, perspektivy. M.: Akvilon, 2015 (b). C. 141-157.
- Репина Л.П. Историческая память и историческое сознание // Взгляд в прошлое... проблемы, методы, перспективы. М.: Аквилон, 2015. С. 109-128.
- Репина Л.П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки 3 (2015). С. 55-67.
- Репина Л.П., Леонтьева О.Б. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // Электронный научно-образовательный журнал «История» 2015. М.: ГАУГН, 2015.

Петрова Майя Станиславовна, доктор исторических наук, руководитель Центра гендерной истории Института всеобщей истории РАН, beionyt@mail.ru

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН, зав. кафедрой Теории и истории гуманитарного знания РГГУ; lorinarepina@yandex.ru

Research Paradigms of the XXI Century in Hungary and Russia Source and its Interpretation (Round Table)

The article discusses problems linked to the “reading”, “understanding”, and interpretation of sources that reflect important cultural events of the history of Russian and Hungary that provide the basis for a research project of the RFFS “Russia and Hungary in world culture: a source and its interpretation in the research paradigm of the 21st c.”

Keywords: text, interpretation; world culture, historical memory, Russia, Hungary, cross-cultural dialogue and heritage

Maya Petrova, Dr.Sc. (History), Head of the Center for Gender Studies of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, beionyt@mail.ru

Lorina Repina, Member of the Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (History), Professor, Head of the Center for Intellectual History of the Institute of World History (RAS), Head of the Department of Theory and History of the Humanities (Russian State University for the Humanities); lorinarepina@yandex.ru

ИСТОРИЯ, ПАМЯТЬ, ИДЕНТИЧНОСТЬ

теоретические основания и исследовательские практики

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В статье рассмотрены итоги Международной научной конференции «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики» (Москва, 3-4 октября 2016 г.), представлен широкий круг проблем, поставленных докладчиками и подвергнутых обсуждению в ходе состоявшихся дискуссий, отмечены теоретические новации и позитивные сдвиги в разработке интердисциплинарных предметных полей и эффективных исследовательских стратегий.

Ключевые слова: историческая память, историческая наука, коммеморации, историческая культура, темпоральность, событие, идентичность, диалог культур.

Международная научная конференция «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики», организованная Лабораторией «Исследования исторической памяти и интеллектуальной культуры» Института всеобщей истории РАН при поддержке Общества интеллектуальной истории, состоялась 3-4 октября 2016 года в Москве. Программа конференции была разработана в продолжение исследований в русле парадигмы «истории памяти», нашедших отражение в серии уже реализованных¹ и продолжающихся проектов², а также в материалах научных форумов, организованных Обществом интеллектуальной истории с начала нынешнего века³.

Оргкомитетом конференции были предложены к обсуждению следующие тематические блоки: актуальные проблемы познания прошлого и репрезентации исторического знания; история и память: социальные, моральные, когнитивные аспекты; время события и память о событии в режиме «долгого времени»; идентификационные практики в социальных коммуникациях и в историческом познании; диалог или конфронтация: проблемы идентичности, социального и межкультурного взаимодействия в «memory studies» и в исторической имагологии; «национальные нарративы»: от предромантизма к пост-постмодернизму; «злоупотребление историей»: конфликтогенные версии прошлого; «нарратив идентичности» как способ историзации социаль-

¹ Образы прошлого и коллективная идентичность... 2003; История и память... 2006; Время – История – Память... 2007; Диалоги со временем: память о прошлом... 2008; Образы времени и исторические представления... 2010; Кризисы переломных эпох в исторической памяти... 2012; Событие в истории... 2017.

² Проект «Историческая память как фактор национальной идентичности» в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» (2015–2017 гг.).

³ См., прежде всего: Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции... 2008.

ных катастроф; образы прошлого в локальных и региональных историях; конструкты национальной истории и судьбы исторического образования; история идей и интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем; «ворота хронотопов»: способы освоения времени и пространства литературой и искусством; институты памяти в культурном пространстве информационного общества⁴.

Интерес к поставленным проблемам превзошел все ожидания: были получены 168 заявок. В программу конференции было включено 145 докладов. В конференции приняли участие ученые из десяти зарубежных стран (Бельгии, Венгрии, Германии, Италии, Канады, Молдовы, Польши, США, Франции, Швеции), сотрудники 14-ти научно-исследовательских институтов Российской Академии наук, представители сорока семи университетов из 32-х городов Центральной, Северной и Южной России, Поволжья, Кавказа, Урала, Сибири, Дальнего Востока. Презентации докладов и дискуссии проходили в рамках пленарного заседания и восьми тематических секций.

Понятно, что даже вкратце изложить содержание всех сообщений в одном журнальном обзоре невозможно. Впрочем, заинтересованные читатели смогут ознакомиться с ними в сборнике материалов конференции, опубликованном к ее открытию⁵. С учетом этой возможности мы выборочно остановимся здесь на тех проблемных полях, на которых в большей мере было сконцентрировано внимание докладчиков и выступавших в прениях, а также на тех направлениях исследований, которые представляются наиболее перспективными и осмысление которых исключительно важно как для понимания общества, так и для самоидентификации научного сообщества.

Естественно, что в центре интереса участников конференции оказались проблемы, связанные с состоянием эпистемологии и методологии исторической науки, с общественным статусом истории и падением престижа исторической науки, с социальными функциями исторического знания, с соотношением истории, памяти и идентичности, с историческим временем, историческим сознанием и историческим событием, с постоянным переосмыслением и реорганизацией прошлого в черед поколений в контексте настоящего. Эти темы обсуждались и на пленарном заседании (В.А. Тишков, Аллан Мегилл, М.С. Киселева, В.Н. Сыров, Каролина Поласик-Вжосек и Войцех Вжосек, И.В. Побежников, Рольф Тоштендаль, И.М. Савельева) и в целом ряде секций.

⁴ В рамках конференции был также проведен круглый стол «История государства Российского» в свете формирования национальной идентичности и исторической культуры», посвященный 250-летию со дня рождения Н.М. Карамзина.

⁵ История. Память. Идентичность. Теоретические основания и исследовательские практики // Материалы международной научной конференции. 3-4 октября 2016. М.: Аквилон, 2016. 474 с.

Была всесторонне рассмотрена связь между национальным нарративом, коллективной памятью и идентификационными проблемами общества, обсуждалась проблема исторического времени и понятие исторической дистанции как обязательного в «объективном» историческом исследовании разрыва между прошлым и настоящим (З.А. Чеканцева). Особое внимание было обращено на т.н. «публичную», или «прикладную» историю», смысл которой нередко сводится к популяризации профессионального исторического знания, к обслуживанию отдельных групп, ассоциаций, бизнеса и пр., но это может быть также вариант культурной истории повседневности. Речь шла об изучении разнообразных форм и способов социального бытования созданного историками знания: коммеморативные практики, историческое знание в СМИ, в интернете, в школьных учебниках, в телепередачах, в работах художников, режиссеров, в рекламе, на улицах городов и пр. В такую «публичную историю» укладывается и изучение состояния академического знания во всех его социальных аспектах и с максимальным учетом исследовательских стратегий и практик ученых, что может способствовать преодолению разрыва между «кабинетным» историческим знанием и тем, которое распространяется в обществе.

На материале разных стран освещалась т.н. политика памяти или «историческая политика», осуществляемая в прошлом и особенно в современном мире – в процессе формирования нормативной идентичности и исторической памяти, который происходит не стихийно, а определяется государственной информационной политикой, направленной на формирование исторического сознания в определенном русле (И.Н. Ионов). А.В. Гордон остановился на политике памяти в современной Франции. Взаимоотношения истории и памяти в этой стране имеет значение для всех, поскольку запрос общества на историческую память был чутко воспринят французскими интеллектуалами, которым удалось не только объективировать память как предмет исторического исследования и матрицу истории, показать ее связь с «национальным романом», но и наметить контуры согласия по важнейшим проблемам идентификации. Работа с памятью – социальная и моральная обязанность государства, гражданского общества и профессионального сообщества ученых, причем у каждого участника этого процесса своя роль и ответственность в формировании умения «жить вместе».

О.Б. Леонтьева проанализировала историческую память как исследовательскую проблему современной отечественной историографии, включая вопрос о роли науки в структурах коллективной памяти, в формировании сознания социума. В России сложилась весьма влиятельная историография памяти, в которой важное место занимает изучение трагической и противоречивой памяти XX столетия. Множество работ посвящено изучению образов прошлого и исторических мифов

в сознании современного общества. Весьма перспективным представляется анализ противоречий между «книжной» историей и «живой» поливариантной исторической памятью различных групп населения с учетом региональной специфики (Н.А. Мининков, Л.В. Мининкова).

В несколько ином ключе был поставлен вопрос о доминирующей роли официального историописания в Китае, как в древнем прошлом, так и в настоящем (Б.Г. Доронин), и специфической многоликости исторического знания в современной Индии, где не существует общепринятого ответа на вопрос, что такое индийская нация и кто может считаться ее членом (Е.Ю. Ванина). В научной истории, которая является основой образовательных программ, доминирует общегражданский национализм. Однако популярную литературу, интернет, музеи оккупирует «поп-история», являющаяся мощным инструментом «воспитания чувств» индийцев в коммуналистском духе.

Структура исторического сознания и роль исторической мифологии рассматривались сквозь призму представлений о прошлом, настоящем и будущем в современном социуме (А.Г. Иванов, О.Б. Божков и С.Н. Игнатов). А.А. Линченко на основе социологических опросов последних десятилетий XX века в разных странах проанализировал характер этноцентризма и конфликтогенные версии прошлого в историческом сознании современной молодежи, показав, что можно говорить, как минимум, о трех уровнях такого сознания: субстанциональном, национальном и субнациональном.

Важный ракурс проблематики памяти был затронут в размышлениях А.Б. Соколова об историческом образовании, о том, что приобщение школьников к изучению памяти позволяет сохранить альтернативность истории, уйти от национального нарратива, представляемого как единственно правильная версия истории. Познавательное и ценностное значение проектной деятельности студентов в архивах и музеях (с использованием фото- и кинодокументов), в исследовании коммеморативных практик продемонстрировала С.И. Быкова.

В докладах, посвященных анализу образов прошлого в семейной, локальной, региональной памяти и истории, обозначились три проблемные зоны. Первый круг проблем имел теоретическую направленность и выстраивался вокруг дифференциации предметных полей региональной/локальной истории: традиционное краеведение; историческое краеведение как разновидность исторической регионалистики; региональный ракурс изучения социокультурных объектов; контекстное восприятие региональной составляющей исторических исследований (М.А. Колесникова). Такое положение дел связано не только с множественной семантикой понятия «регион», но и с иным осмыслением пространства, которое стало возможным благодаря успехам сторонников «материального поворота», акторно-сетевой теории в социологии, гу-

манитарной географии, социальной топологии, делающих акцент на множественности форм пространственности, что, в свою очередь, дает пищу для размышлений о способах идентификации в них, в т.ч. посредством коммеморативных практик. Любой регион предстает как сложный и подвижный конгломерат пространственных представлений, зачастую конфликтующих друг с другом, в частности, распад модерна привел к появлению слабо или вовсе не связанных друг с другом идеологических пространственных дискурсов (О.В. Воробьева).

Соглашаясь с тезисом о двух культурных контекстах региональной истории, выступающей и в качестве «способа мобилизации исторической памяти», и в качестве «эффективного инструмента исторического познания»⁶, ряд докладчиков сосредоточили внимание на городской среде как пространстве памяти, обратившись к анализу памятных мест и целенаправленной деятельности по сохранению и трансляции коллективной памяти горожан. На примерах двух городов – Сарова (С.М. Дудкин) и Салавата (А.В. Жидченко) – было показано воздействие коммеморативных практик на выработку самоидентификации горожан, опирающейся на разные пласты исторической памяти, отмечена роль архитектурно-планировочного ландшафта и градообразующих предприятий, несущих в себе мощный коммеморативный потенциал. Внимание концентрировалось на объектах обжитой человеком материальной среды, намеренно созданных с целью фиксации, хранения и трансляции коллективной памяти об актуальных для общества исторических событиях и лицах. Этому соответствовал и определенный набор сюжетов: производство памяти властью или влиятельными социальными группами (создание монументов, музеефикация, практики коммеморации) или, наоборот, уничтожение памяти; механизмы формирования исторических образов и динамика их развития в городской среде. Один из таких ресурсов – мемориальные доски, своеобразные «маркеры» городского пространства, способные сохранить память о государственных, общественных, военных деятелях, представителях науки и культуры, внесших свой вклад в развитие региона; вносить коррективы в массовые представления о конкретных фактах и событиях, выводя память о героях локальной истории из сферы частной (семейной, профессиональной) в открытое городское пространство и в пространство национальной истории (Е.А. Беседина, Т.В. Буркова). Аналогичное воздействие осуществляется и через такую специфическую форму репрезентации исторической памяти как региональные туристические путеводители (И.И. Руцинская).

Корпус докладов о средствах, механизмах и институтах формирования исторической памяти был объединен поиском ответов на вопросы

⁶ Репина 2013; 2017.

о том, как формируется и закрепляется историческая память в качестве ядра коллективного сознания общества, как она влияет на формирование идентичностей, каковы современные механизмы этих процессов. Докладчики активно использовали исследовательскую стратегию «case study», представляли опыт разных стран и регионов. Особое внимание было обращено на эвристический потенциал концепта «моральной экономики исторических образов» межэтнических и межгосударственных отношений. На примере формирования одного из вариантов т.н. «булгаристского» этногенетического мифа была продемонстрирована опасность «символического соперничества», часто ведущего к реальным конфликтам (А.В. Овчинников). В.А. Бухараев и Г.П. Мягков обратили внимание на практики институциональной коммеморации в области сохранения историко-культурного наследия в Татарстане, показав «бинарную» политику памяти, представленную масштабными проектами исторической реконструкции и музеефикации памятников древнего града Болгар и острова-града Свяжжск, как пример успешного формирования специфического полинационального нарратива. Другой пример формирования региональной идентичности (Ростовской области) с «отсылками к истории» рассмотрен М.А. Щегольковым на материале дискуссий в перестроечных печатных медиа, вокруг которых формировались нарративы о качестве. Средства реализации такой функции как «работа над прошлым» в исторической перспективе XX века были проанализированы на материале журнала «Огонек» (И.Е. Кознова).

В группе докладов получила освещение тема меморизации войны, в т.ч. механизмы сохранения и воспроизводства исторической памяти, связанной с образами войн на Кавказе. Л.Р. Хуг проанализировала современные практики коммеморации Кавказской войны XIX века в связи с рождением феномена «цифровой истории» (digital history), показав (на основе анализа фото- и видеоконтента популярных Интернет-ресурсов), что в борьбе различных политических сил за «присвоение прошлого» в наступившую «цифровую эпоху» успех или неуспех будет зависеть от овладения новыми методиками публичных репрезентаций. Ф.В. Николаи и И.И. Кобылин продолжили кавказскую тему, исследовав словесные описания, визуальные изображения (в основном фотографические) и аффективные реакции, характерные для коммеморативных практик российских ветеранов локальных конфликтов, прежде всего первой и второй чеченских кампаний 1990-х – начала 2000-х гг.

Проблема памяти о Первой мировой войне была рассмотрена в свете первых опытов по ее меморизации в России (Ю.А. Жердева) и сквозь призму специфики визуальных способов репрезентации культурной памяти о Великой войне и «работе с травмой» в Великобритании (М.А. Оболонкова). В.А. Райкова проанализировала активную политику меморизации холодной войны в США.

Оживленная дискуссия развернулась вокруг «новой событийной истории, вопроса об изучении истории исторического события в режиме «долгого времени», с учетом всех аспектов взаимоотношений событий прошлого, пластов коллективной памяти, профессиональных норм и индивидуальной субъективности историка. В характеристике отношения ученых разных эпох (от Геродота до Йорна Рюзена) к категории исторического события, было акцентировано внимание на проблеме сконструированности исторического факта/события, а также на проблеме селекции и выстраивания иерархии событий, которые часто приобретают особый статус (а нередко и неоднократно меняют его), только в контексте последующего хода истории. Необходимость рассмотрения исторического события сквозь призму взаимодействия образов социальной памяти, спектра интерпретаций, сложившихся в разных историографических традициях и подвергающихся ревизии в свете вызовов настоящего, ставит перед современной наукой целый комплекс проблем и требуют разработки новых исследовательских подходов с целью восстановлению «полномасштабной символической биографии» того или иного события в исторической перспективе длительной временной протяженности (Л.П. Репина).

Выступившие в прениях по этому вопросу (В. Вжозек, А.Б. Соколов, С.С. Минц и др.) обратили внимание не только на то, как формируется память о событии, но и на стратегии забвения, а также на роль социокультурных ценностей, идеологических пристрастий, политической ангажированности и личных приоритетов при определении значимости того или иного факта, на мифологизацию и рационализацию памяти об историческом событии. Ответ на прозвучавшие в дискуссии вопросы о критериях селекции и способах конструирования факта /события, о реальном событии как отправной точке создания его исторического образа и продолжении «жизни» события в коллективной памяти получил конкретизацию в докладах о событии, «которое не кончилось никогда», феномене Римского юбилея, в котором переплелись ветхозаветные идеи и древнеримские традиции (Н.А. Селунская), об эволюции праздника 8 мая в Орлеане, связанного со снятием Жанной д'Арк английской осады г. Орлеана в 1429 г., как феномене национальной памяти французов, которая в каждый определенный исторический момент наделяла это торжество совершенно особым смыслом (О.И. Тогоева), о парадоксальной меморизации небольшого эпизода, связанного с появлением французской колонии в Бразилии в XVI в. (О.В. Окунева), о событии высокой значимости для российской истории – отречении Николая II от престола (И.Г. Серегина).

В докладе А.Г. Васильева процесс формирования дискурса памяти в польской культуре как ответа на травму польских разделов был рассмотрен в свете концепции дискурсивных практик М. Фуко. Т.Н. Ива-

нова и О.О. Дмитриева проанализировали роль юбилейных коммеморативных практик в формировании памяти о событиях Отечественной войны 1812 г., выделив нарративную, визуальную, монументальную и церемониальную формы коммеморации. Проблема использования «воображаемыми сообществами», ставящими политические цели, образа реального события для создания социально-ориентированного исторического знания с конкретными идентификационными целями рассматривалась в докладе А.С. Листковой и С.С. Минц о факте казни красноармейцами 59 заложников 31 октября 1918 г. на пятигорском кладбище и его последующей поэтапной мифологизации.

Специфика традирования образов исторических событий (и персон) в разных странах в рамках длительных трендов была представлена как в плане сращивания истории и мифологии (Л.Б. Алаев), так и в масштабных проектах визуализации прошлого в форме мемориальных комплексов и в практиках исторических реконструкций, «демократизирующих» историю, в т.ч. в целях официальной пропаганды (Т.В. Алентьева). Повороты официальных репрезентаций биографий братьев Гримм в контексте германской истории XIX–XX вв. стали предметом анализа Н.Н. Баранова. Н.В. Ростиславлева показала, что инструментализированный в политических и военных целях на протяжении всего «германского века» образ О. фон Бисмарка только в условиях принудительной демилитаризации государства был подвергнут демифологизации и историзации. Как и в случае с братьями Гримм «безопасная» трактовка роли канцлера в становлении немецкого государства позволила сохранить его в пантеоне исторических личностей.

Имперским концепциям и практикам формирования общей памяти «подданных» на окраинах России был посвящен доклад Е.Л. Назаровой. Конструирование и использование исторической памяти в транснациональных пространствах в целях формирования идентичности социалистического лагеря, оказания влияния на межгосударственные отношения, преодоления различий во взглядах на события прошлого стало предметом изучения О.С. Нагорной, при этом особое внимание было уделено коммуникационным процессам вокруг формируемых «общих» исторических нарративов, а также юбилейной риторике, праздничным ритуалам, мемориалам. Возможности и границы персонификации институциональной истории с помощью привлечения к анализу некрологов (источникового воплощения коммуникативной памяти) продемонстрировал П.А. Орлов, показав, что подобная фиксация памяти позволяет реконструировать узловые пункты социальных сетей, личностные контакты и внутригрупповые конфликты.

Вопросы взаимосвязи и взаимодействия истории и памяти, «публичной истории» рассматривались в широком контексте актуальных общетеоретических, эпистемологических и методологических проблем

современной исторической науки. В докладе М.Ф. Румянцевой, посвященном смене типов рациональности были представлены развитие концепций источниковедения и смена «словарей» исторической науки. Е.А. Воронцова (Государственный литературный музей) обратилась к вопросу об организации исторической информации, о поиске действенных способов ее оптимизации, хранения и распространения, отметив негативное воздействие таких факторов как рассеивание и искажение информации и ограничение доступа к ней⁷. Л.А. Фадеева предложила комплексный анализ концепта идентичности, многозначность и дискуссионность понимания которого усиливается тем, что он разрабатывается и используется исследователями, стоящими на принципиально разных позициях. Особенности концепции нарративной идентичности у П. Рикёра, сближающего понятия объяснения и понимания (в отличие от подхода М. Вебера), рассмотрела М.П. Лаптева как один из ключевых моментов его концепции памяти и методологических рефлексий. Диалектическая взаимосвязь памяти с историей у П. Рикёра была подвергнута анализу А.Б. Аникиной в контексте репрезентативной проблематики «присутствия того, что отсутствует». Противостояние памяти о прошлом и понимания проблем настоящего было рассмотрено Е.Н. Кирилловой (ИВИ РАН) применительно к социальным категориям раннего Нового времени.

Проблема отношения к разным историческим эпохам, причины и характер изменений со стороны как профессионального сообщества историков, так и общества в целом была поставлена на материале «нового образа» Средневековья Ю.Е. Арнаутовой, которая обобщила опыт исследовательских проектов по воссозданию средневековых замка, бурга и монастыря, и на материале истории Пятой республики – Г.Н. Канинской. Исследователи показали важность поколенческого видения эпох и потребность отразить в историческом знании личный опыт, проживаемый непосредственно или специально воссоздаваемый. Анализ личных обстоятельств и мотивации участников идеологических компаний конца 1940-х гг. (на примере дела известного антиковеда С.Я. Лурье) позволил А.А. Мировщиковой и А.М. Скворцову выявить различные модели поведения и истинные цели выступавших на «проработке». Подойдя к диссертациям как особому виду научных произведений, Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришина проанализировали представление в них национальной истории, проследив в изменении тематики и подходов к историческим проблемам появление во второй по-

⁷ Институциональные аспекты истории памяти находятся в центре внимания продолжающегося исследовательского и научно-издательского проекта «Музеи – библиотеки – архивы в информационном обеспечении исторической науки» (Глав. ред. серии – Л.П. Репина). См.: Роль музеев... 2015; Роль библиотек... 2016.

ловине XIX – начале XX в. социально ориентированного знания, нацеленного на создание национально-государственного нарратива.

Материалы докладов по проблемам межкультурного взаимодействия в *memory studies* и в исторической имагологии делают очевидным, что соперничающие парадигмы исторической памяти и исторического объяснения отражают борьбу противоречивых региональных интересов и программ развития в условиях глобализации. В центр внимания докладов и сопровождавших их дискуссий была поставлена важная проблема вариативности/избирательности памяти, закрепленной в текстах, принадлежащих к разным религиозным и историко-литературным традициям, в частности, вопросы соотношения религиозной и секуляризованной памяти (А.М. Шпирт). В докладе В.В. Кутявина «Гетерогенные этнические стереотипы как саморепрезентация» роль образов Другого в обнаружении глубинных качеств, ценностей и смыслов собственной культурной общности, выступающих в качестве эталонных, была проиллюстрирована примерами русско-польского взаимодействия после восстания 1830-31 гг., формирования в сознании поляков образа русского как «идеального чужого». Были рассмотрены сложные, конфликтные отношения российского «мира миров» и кавказского «мира миров», параметры и векторы эволюции горской идентичности, пути преодоления «стабильной противоречивости» отношений горского и имперского миров, выработанные в практической политике империи, а также вопросы, связанные с последствиями событий Кавказской войны для исторического сознания и исторической памяти народов Северного Кавказа (С.С. Лазаряна).

Доклад О.С. Поршневой, предпринявшей по мемуарам Альфреда Нокса реконструкцию образа русского народа в восприятии западного очевидца событий Русской революции 1917 г., вызвал вопросы о соотношении представлений Нокса с колониальными стереотипами, бытовавшими в других западных странах. В докладе В.С. Мирзеханова о международной колониальной выставке 1931 года в Париже были выявлены доминирующие характеристики сознания французского общества по колониальному вопросу, по которому, в отличие от других общественно-политических проблем, разделяющих общество и различно трактуемых политическими силами, был характерен консенсус в позитивной оценке «цивилизаторской миссии» Франции в колониях, что представляет несомненный интерес с точки зрения исследования эволюции имперского сознания европейских обществ в Новое и Новейшее время, с присущими ему колониальными и ориенталистскими стереотипами, широко представленными, к примеру, в разных средствах художественной пропаганды, в частности, в кинематографе (С. Голубкина), или же в рамках мемориально-исторической стратегии афроцентризма, представляющей альтернативную модель этноцентризма,

базирующуюся, в отличие от евроцентристского дискурса западных колонизаторов, на идеях о центральном (срединном) положении Африки в мировой истории и культуре (Н.Е. Хохолькова).

Среди докладов, посвященных истории идей и интеллектуальных традиций от Античности до Современности большой интерес вызвало обсуждение феномена эллинизма, проблема осознания эллинами своей идентичности с позиции «греки / не греки (варвары)», или «свой-чужой», начиная с периода колониальных экспедиций VIII в. до н.э. (Ю.С. Обидина). В докладе были выделены разные типы идентичности греков, а именно, «общий», основанный на социокультурных ценностях, сформировавшихся в эпоху архаики, и «усложнённый», возникший позже – в связи с отношением к «чужим». Тема самоидентификации позднеримского населения Египта (на примере этнорелигиозной общности коптов) была предложена к обсуждению М.А. Ведешкиным, который поставил вопрос о том, каким образом в текстах коптского монаха выстраивается риторический дискурс, направленный на формирование образа врага-язычника, как составлялись идентификационные маркеры для позитивной и негативной этнорелигиозной самоидентификации коптов. Одна из центральных проблем античного философского дискурса – структуры души и аффективного начала, была исследована на примере Посидония, которому пересмотр и корреляция раннестоической теории страстей позволили рассуждать об иррациональном как вполне естественном элементе человеческой психики (А.В. Хазина). Обсуждался вопрос рецепции и трансформации греческого знания в раннем Средневековье, в частности, было рассмотрено, в какой степени и каком виде у авторов этого периода проявились элементы естественнонаучных концепций, восходящих к Аристотелю, отмечен синтез платонизма, неоплатонизма и аристотелизма, вошедших в христианскую религию и культуру (М.С. Петрова). Была продемонстрирована эвристическая функция разграничения (проведение границ – природных, этнографических, государственно-административных, социальных, лингвистических, религиозных и др.) в арабских географических описаниях IX–X вв., показано, что разграничение выступало как универсальное средство не только систематизации, но и интерпретации имеющихся сведений (И.Г. Коновалова). Второй блок докладов был посвящен развитию новых идей и представлений в эпохи Возрождения (Н.И. Девятайкина) и Просвещения (В.В. Высокова, О.В. Хаванова), в контексте становления верифицируемой модели национального прошлого и национально-государственной идентичности. Третий блок докладов был сосредоточен вокруг русской интеллектуальной традиции (С.Е. Любимов), развития историософской мысли (В.Б. Шепелева, Е.В. Бессчетнова), становления разных исследовательских стратегий (Т.В. Чумакова, И.А. Гордеева).

В целом, необходимо отметить большое количество вопросов, заданных в ходе обсуждения секционных докладов, конструктивный и содержательно-полемический характер комментариев к ним. Оживленные прения развернулись, в частности, вокруг вопросов по поводу целесообразности дальнейшего развития теоретических дискуссий об исторической памяти, а также относительно продуктивности реализации основанных на локальном или национальном материале исследовательских кейсов, о перспективах соединения индивидуальных, групповых, государственных и транснациональных трендов памяти, о возможности привлечения к анализу новых видов исторических источников и «коэффициенте полезного действия» при их анализе. В докладах и прениях, в т.ч. в выступлениях молодых ученых из региональных научно-образовательных центров, проявились устойчивый интерес к исследовательским стратегиям и овладению языком интеллектуальной истории, что свидетельствует об успехах в утверждении научных традиций этого междисциплинарного направления в нашей стране.

Все рассматриваемые проблемы оказались «стянутыми» к таким ключевым сюжетам, как пути конструирования национальной идентичности, методы и механизмы реализации «политики памяти», «мемориальной уклон» в современной исторической культуре. Был актуализирован широкий спектр проблем, связанных с интерпретацией сложной взаимосвязи исторической памяти и идентичности как феноменов индивидуального, группового и коллективного сознания, их влияния на практики историописания и межкультурного диалога в истории, с вопросом о роли национально-государственного нарратива в конструировании или наоборот деконструкции мифов исторической памяти. Были намечены интересные параллели, выявлены характерные для определенных эпох принципы инструментализации памяти государственными институтами, социальными группами и индивидуальными акторами, поставлен вопрос о формах давления на индивидуальную память со стороны коллектива, которые активнее всего проявляются в периоды кризисов и катастроф, когда возникает острая потребность в групповой консолидации. Со временем и личная, и коллективная память обогащается историческим прошлым, и, благодаря политике памяти и практикам коммеморации, историческая память формируется как своеобразный гибрид «книжной истории» и живой социальной памяти.

Состоявшееся обсуждение, как представляется, позволит докладчикам наметить пути дальнейших исследований и завершить их соответствующими публикациями. В целом, работа конференции свидетельствует о том, что в сообществе отечественных гуманитариев происходит обновление исследовательских подходов, переосмысление места исторической науки в обществе и в пространстве социально-гуманитарного знания, формируется новая интеллектуальная культура.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Время – История – Память: историческое сознание в пространстве культуры / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2007. 320 с.
- Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. 800 с.
- История. Память. Идентичность. Теоретические основания и исследовательские практики // Материалы международной научной конференции. 3-4 октября 2016. Лаборатория «Исследования исторической памяти и интеллектуальной культуры», Институт всеобщей истории РАН, Общество интеллектуальной истории / под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцевой. М.: Аквилон, 2016. 474 с.
- История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. 768 с.
- Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2012. 336 с.
- Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. 960 с.
- Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2003. 408 с.
- Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. 400 с.
- Репина Л.П. Теоретические основания и перспективы региональной истории // Преподаватель XXI век. 2013. № 3. С. 262-273.
- Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.О. Чубарьян, В.Р. Фирсов. М.: Этерна, 2016. 672 с.
- Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородин, А.Д. Яновский. М.: Этерна, 2015. 752 с.
- Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2008. 394 с.
- Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. 400 с. (в печати).

REFERENCES

- Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug, 2008. 800 s.
- Istoriya. Pamyat'. Identichnost'. Teoreticheskie osnovaniya i issledovatel'skie praktiki // Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 3-4 oktyabrya 2016. Laboratoriya Issledovaniya istoricheskoi pamyati i intellektual'noi kul'tury, Institut vseobshchei istorii RAN, Obshchestvo intellektual'noi istorii / pod red. O.V. Vorob'evoi, O.B. Leont'evoi, S.I. Malovichko, M.F. Rumyantsevoi. M.: Akvilon, 2016. 474 s.
- Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala novogo vremeni / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug, 2006. 768 s.
- Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati / Pod red. L.P. Repinoi. M.: IVI RAN, 2012. 336 s.
- Obrazy proshlogo i kollektivnaya identichnost' v Evrope do nachala novogo vremeni / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug, 2003. 408 s.
- Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug, 2010. 960 s.
- Rekonstruktsii mirovoi i regional'noi istorii: ot universalizma k modelyam mezhkul'turnogo dialoga / Pod obshch. red. L.P. Repinoi. M.: Akvilon, 2017. 400 s.
- Repina L.P. Teoreticheskie osnovaniya i perspektivy regional'noi istorii // Prepodavatel' XXI vek. 2013. № 3. S. 262-273.
- Rol' bibliotek v informatsionnom obespechenii istoricheskoi nauki: sbornik statei / Avt.-sost. E.A. Vorontsova; otv. red. A.O. Chubar'yan, V.R. Firsov. M.: Eterna, 2016. 672 s.

Rol' muzeev v informatsionnom obespechenii istoricheskoi nauki: sbornik statei / Avt.-sost. E.A. Vorontsova; otv. red. L.I. Borodkin, A.D. Yanovskii. M.: Eterna, 2015. 752 s.

Sobytiye v istorii, pamyati i narrativakh identichnosti / Pod obshch. red. L.P. Repinoi. M.: Akvilon, 2017. 400 s. (v pechati).

Teorii i metody istoricheskoi nauki: shag v XXI vek. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii / Otv. red. L.P. Repina. M., 2008. 394 s.

Vremya – Istoriya – Pamyat': istoricheskoe soznanie v prostranstve kul'tury / Pod red. L.P. Repinoi. M.: IVI RAN, 2007. 320 s.

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, зав. кафедрой Теории и истории гуманитарного знания РГГУ; lorinarepina@yandex.ru

Воробьева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, рук. Центра сравнительной истории и теории цивилизаций ИВИ РАН; vorobushek1@yandex.ru

Иванова Татьяна Николаевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и культуры зарубежных стран Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова; tivapan@mail.ru

Кириллова Екатерина Николаевна, доктор исторических наук, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, kkirillova@mail.ru

Мяжков Герман Пантелеймонович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Казанского федерального университета; gmyagkov@yandex.ru

Нагорная Оксана Сергеевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского государственного университета; nagornja.oxana@mail.ru

Петрова Майя Станиславовна, доктор исторических наук, руководитель Центра гендерной истории Института всеобщей истории РАН, beionyt@mail.ru

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Уральский Федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; porshneva@yandex.ru; o.s.porshneva@urfu.ru

Чеканцева Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; acheckantzev@mail.ru

“History, Memory, Identity Theoretical Foundations and Research Practices” (international conference)

The article looks into the results of the international conference “History, memory, identity: theoretical foundations and research practices” (Moscow, 3-4 October 2016): it presents a wide range of problems that have been discussed by speakers and participants, lists theoretical innovations and positive changes in interdisciplinary fields and effective research strategies.

Keywords: *historical memory, historical discipline, commemorations, historical culture, temporality, event, identity, dialogue of cultures*

CONTENTS

History and Theory

<i>Kseniya Khvostova</i> Actual problems of contemporary epistemology and methodology of history.....	5
<i>Yervand Margaryan</i> At the crossroads of the ancient world-systems: a prolegomenon.....	18

History – Memory – Identity

<i>Alexander Chubaryan</i> Russia and Europe: a view to the future in the context of the past and the present.....	43
<i>Zinaida Chekantseva</i> Memory and national identity in the historical culture of France.....	54
<i>Elena Barysheva</i> Reverse Side of the Soviet Bank Holiday of the 1920s–1930s November 7 in the Eyes of Contemporaries.....	81
<i>Oksana Nagornaya</i> "If it was not for the war, the Soviet people would now go far ahead..." Soviet memorial diplomacy in the socialist camp (1949–1989).....	100
<i>Andrei Linchenko, Andrei Ivanov</i> «Live a thousand years, comrade Stalin...»: transformation of mythology of I.V. Stalin's images in the contemporary Russian historical memory.....	116

World of sociocultural history

<i>Andrei Gladyshev</i> The anthropological turn in military history.....	136
<i>Konstantin Solovyev</i> «Rule and have full power over the happiness» semantics of power in the solemn odes of M.V. Lomonosov.....	151
<i>Alena Postnikova</i> The Russian campaign of 1812: a View from London.....	169
<i>Natalya Surzhikova</i> «They fed us terribly and forced to work beyond our strength». The subject of enemy captivity, atrocities and violence in the Russian press of 1914–1917.....	183
<i>Olga Porshneva</i> Russian people in 1917 revolution in the memoirs of a Britain's military attaché Alfred Knox.....	204

Intellectual history today

<i>Marina Kiseleva</i> Reading as a conversion: a human being at the boundary time.....	218
<i>Irina Ershova</i> "On three Hercules who existed in this world of ours": classical hero in medieval Spanish chronicles.....	231
<i>Yuliya Brazhnikova</i> Historical origin of numeral symbolism of diatonic scale.....	246
<i>Aleksandra Nikolaeva</i> On the role of libraries in the "Literary Republic"	

of the North American colonies on the eve of the War for Independence.....	259
<i>Amir Khisamutdinov</i>	
Literary associations in San Francisco.....	275
<i>Tatiana Skorokhodova</i>	
Discovery of Indian History in the Bengal Renaissance Social Thought.....	291
<i>Publications and translations</i>	
<i>Tatiana Chumakova, Ekaterina Teryukova, Marianna Shakhnovich</i>	
The History of the Book Collection of the Imperial Orthodox Palestine Society in 1917–1954.....	307
<i>Irina Vorobieva</i>	
I.M. Bruzhestavitsky and his “Memoirs of a former director”.....	332
<i>Reading books</i>	
<i>Artem Klyuev, Anton Sveshnikov</i>	
A new edition of the memoirs of Nikolai Petrovich Antsyferov.....	352
<i>Aleksandr Ischenko</i>	
“Good toiler for the Russian land”	
Review: Karpov A. Yu. Velikij knyaz' Vladimir Monomakh. (M., 2015).....	358
<i>Kirill Yudin</i>	
About the old and new cinema as «the mirror of being».....	365
<i>Academic life</i>	
<i>Maya Petrova, Lorina Repina</i>	
Research Paradigms of the XXI Century in Hungary and Russia	
Source and its Interpretation (Round Table).....	376
<i>Lorina Repina, Olga Vorobieva, Tatiyana Ivanova, Ekaterina Kirillova, German Myagkov,</i>	
<i>Oksana Nagornaya, Maya Petrova, Olga Porshneva, Zinaida Chekantseva</i>	
“History, Memory, Identity: Theoretical Foundations and Research Practices”	
(International conference).....	382
CONTENTS.....	396

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория

<i>К.В. Хвостова</i> Актуальные проблемы современной эпистемологии и методологии истории.....	5
<i>Е.Г. Маргарян</i> На стыке древних мир-систем: пролегомены.....	18

История – Память – Идентичность

<i>А.О. Чубарьян</i> Россия и Европа: взгляд в будущее в контексте прошлого и настоящего.....	43
<i>З.А. Чеканцева</i> Память и национальная идентичность в исторической культуре Франции.....	54
<i>Е.В. Барышева</i> Оборотная сторона советского праздника 1920–1930-х гг.: 7 ноября глазами современников.....	81
<i>О.С. Нагорная</i> «Если бы не война, советский народ ушел бы теперь далеко вперед...»: Советская мемориальная дипломатия в социалистическом лагере (1949–1989)..	100
<i>А.А. Линченко, А.Г. Иванов</i> «Живите тыщу лет, товарищ Сталин...»: Трансформация мифологии образов И.В. Сталина в современной российской исторической памяти.....	116

В мире социокультурной истории

<i>А.В. Гладышев</i> Антропологический поворот в военной истории.....	136
<i>К.А. Соловьев</i> «Господствуй и имей над щастьем полну власть»: семантика власти в торжественных одах М.В. Ломоносова.....	151
<i>А.А. Постникова</i> Русская кампания 1812 г.: взгляд из Лондона.....	169
<i>Н.В. Суржикова</i> «Кормили нас ужасно, работать заставляли выше сил»: тема вражеского плена, зверств и насилия в российской печати 1914–1917 гг.....	183
<i>О.С. Поршнева</i> Русский народ в революции 1917 года в мемуарах военного атташе Великобритании Альфреда Нокса.....	204

Интеллектуальная история сегодня

<i>М.С. Киселева</i> Чтение как обращение: человек на границе времён.....	218
<i>И.В. Ершова</i> «О трех Геркулесах, существовавших в этом мире»: античный герой в средневековых испанских хрониках.....	231
<i>Ю.А. Бражникова</i> Историческое происхождение числовой символики диатонической шкалы...	246
<i>А.Н. Николаева</i> К вопросу о роли библиотек в «Литературной Республике» североамериканских колоний накануне Войны за независимость.....	259

<i>А.А. Хисамутдинов</i>	
Литературные объединения в Сан-Франциско.....	275
<i>Т.Г. Скороходова</i>	
Открытие индийской истории в общественной мысли Бенгальского Возрождения.....	291
Публикации и переводы	
<i>Т.В. Чумакова, Е.А. Терюкова, М.М. Шахнович</i>	
История книжного собрания Императорского Православного Палестинского общества в 1917–1954 гг.....	307
<i>И.Г. Воробьева</i>	
И.М. Бружеставицкий и его «Воспоминания бывшего директора».....	332
Читая книги	
<i>А.И. Клюев, А.В. Свешников</i>	
Новое издание воспоминаний Николая Петровича Анциферова.....	352
<i>А.С. Ищенко</i>	
«Добрый страдалец за русскую землю».....	358
<i>К.А. Юдин</i>	
О старом и новом кинематографе как «зеркале бытия».....	365
Научная жизнь	
<i>М.С. Петрова, Л.П. Репина</i>	
Исследовательские парадигмы XXI века в России и Венгрии: Круглый стол «Источник и его интерпретация».....	376
<i>Л.П. Репина, О.В. Воробьева, Т.Н. Иванова, Е.К. Кириллова, Г.П. Мяжков, О.С. Нагорная, М.С. Петрова, О.С. Поршинева, З.А. Чеканцева</i>	
Международная научная конференция «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики».....	382
CONTENTS.....	396

Редакция уведомляет, что статья В.В. Ищенко "Армин Молер. Портрет правоконсервативного интеллектуала", опубликованная в выпуске 53 (2015) выполнена при поддержке РНФ, в рамках проекта № 15-18-30087

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

59 / 2017

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1423
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: <http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Подписано в печать 01. 06. 2017
Формат 60х90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 600. Заказ №

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545-37-10

ISSN 2073-7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).
Журнал включен в диссертационный перечень ВАК по специальностям: история,
история философии, филология.
Журнал включен в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030).
Журнал включен в базу данных SCOPUS (с 2016 г.)
Полные электронные версии статей представлены на сайте:
<http://roii.ru/publications/dialogue>
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).
Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.